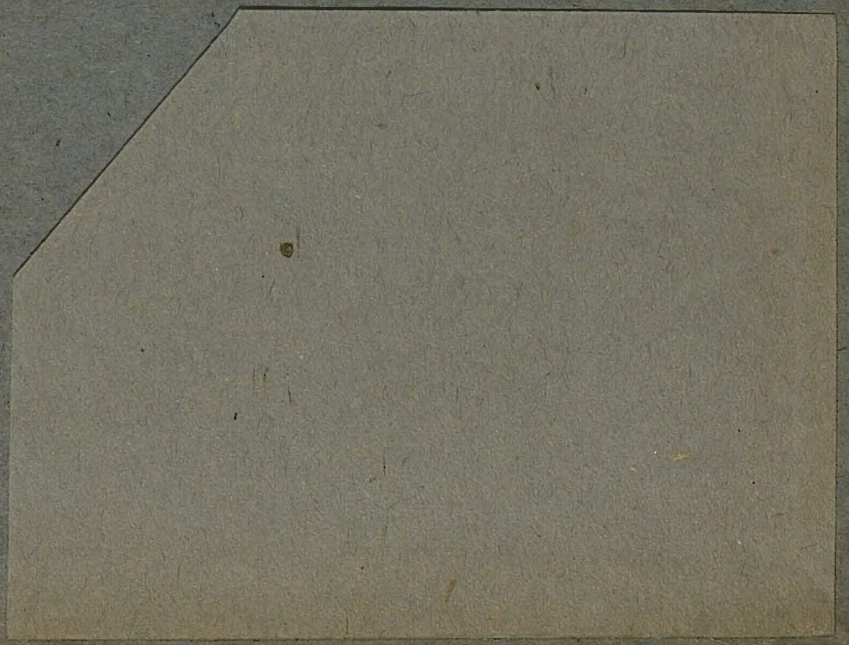
Русский
Вѣстникъ.
1890. №11



Вышелъ 1-го ноября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1890.

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

II. НѢЧТО О ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. ***.

III. ПИСЬМА ПЛЕТНЕВА КЪ ГОГОЛЮ. 1844—1851. Я. К. Грота.

IV. ГЛУХОЕ ГНѢЗДО. XI—XXIV. Разсказъ. (Окончаніе). Н. И. Северина.

V. УЧАСТІЕ СЕРБІИ ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ. IV—VI. Г. И. Бобрикова.

VI. ВЪ БУРЮ. Стихотвореніе К. К. Случевскаго.

VII. АТАВИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РОМАНѢ. П. А. Матвѣева.

VIII. РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖЕНЕВСКИХЪ БУНТАРЕЙ. (Окончаніе). Жданный гость. С. К. Литвина.

IX. ИЗЪ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ. Историч. очеркъ. II. М. П. Соловьева.

X. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ. I—V. А. И. Иванова.

XI. НЕДОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ. Разсказъ. I—X. Кн. М. Н. Волконскаго.

XII. ЗААТЛАНТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ. IV—VI. Продолженіе. А. П. М—скаго.

XIII. „ТЫ ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО“... Стихотвореніе М. К.

XIV. НАВОДНЕНІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Н. А. Крылова.

XV. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. Русской: I. Собраніе сочиненій Д. М. Позняка: „Дорогою цѣной“, „Сквозь огонь страсти“, „Жемчугъ королевы“, „Въ бреду“, „Подъ облаками“ и др. Спб. 1890. — II. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна, Виргилій „Энеида“. I п, объясн. проф. Д. И. Нагуевскій; Ливій, I кн. и др.—III. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы.—

Очерки изъ исторіи и стародавняго быта. Чтеніе въ войскахъ, съ рисунками. Сост. К. Абаза.—IV. С. М. Георгіевскій—„Важность изученія Китая“, Спб. 1890. — **Иностранной:** Karpeles — „Allgemeine Geschichte der Litteratur“, Berlin. 1890.—II. Froebel—Armansperg — „Europa und die Anschauungen mohammedanischer Völker, Leipzig. 1890.

XVI. ПИСЬМА ИЗЪ ГУБЕРНІЙ. О страхованіи урожаевъ. **Н. Е. Боратынскаго.**

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Неустройство поземельныхъ отношеній русскихъ поселенцевъ въ Туркестанѣ и Батумскомъ округѣ.—Необходимость бо́льшаго простора для культурной предпріимчивости русскихъ людей.—Ташкентская организаціонная коммисія.—Сибирская желѣзная дорога.—Переселенія въ Бразилію.—Попечительницы.—Пересмотръ городоваго положенія. — Тарифная коммисія и вопросъ о пошлинахъ на земледѣльческія орудія.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Парижъ, 20-го октября (1-го ноября) 1890 г. **С. С. Татищева.**

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ, **Ф. Ансти.** Часть 4-я.

II.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

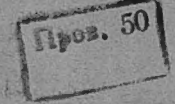
Романъ въ трехъ частяхъ, **И. Тасма.** Части 1-я и 2-я.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1890.

Ноябрь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1890.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Русскій Вѣстникъ въ 1891 году.

Послѣ трехъ лѣтъ работы, издавъ 38 книгъ журнала, напечатавъ болѣе 1.500 статей за это время, при ежегодномъ увеличеніи подписки—мы находимъ излишними какія-либо объясненія съ нашими читателями относительно плана, направленія и т. п., ибо послѣдовательность и твердость проведенія программы и интересъ состава книгъ—все это не можетъ теперь, полагаемъ, оставлять мѣсто какимъ-либо недоразумѣніямъ. Изъ многочисленныхъ писемъ къ намъ нашихъ подписчиковъ мы видимъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія, что нравственная связь ихъ съ журналомъ установилась вполнѣ. Желая сдѣлать эту связь еще болѣе живою и тѣсною, мы начинаемъ съ января ежемѣсячныя бесѣды въ видѣ „Литературныхъ очерковъ“ и отдѣлъ „Изъ жизни и печати“, ибо чисто дѣловая форма „Внутренняго обозрѣнія“ не даетъ мѣста и возможности говорить о множествѣ возникающихъ вопросовъ общественно-нравственнаго характера. Нечего и говорить, что и въ этомъ случаѣ личный элементъ и личная полемика нами безусловно исключаются изъ этихъ отдѣловъ, ибо своими счетами мы не считаемъ себя вправѣ занимать читателей.

*

Въ январьской и слѣдующихъ книгахъ „Русскаго Вѣстника“ 1891 года появятся, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

Стихотворенія: **А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, Н. П—о, К. К. Случевскаго, М. К., Вс. С. Соловьева** и друг.

Новое произведеніе **Д. В. Григоровича.**

Повѣсть **П. П. Гнѣдича.**

Посмертный романъ **гр. П. А. Валуева.**

Воспоминанія **Я. П. Полонскаго.**

Изъ посмертныхъ записокъ о послѣдней войнѣ **Д. С. Нагловскаго.**

Двѣ статьи **Н. А. Любимова.**

Сестра декабриста. Повѣсть **В. В. Романова.**

Разсказы **И. Ѳ. Горбунова.**

Романъ **К. Н. Леонтьева.**

Романъ **Н. И. Северина.**

Разсказы **С. К. Литвина.**

О произвед. Ѳ. М. Достоевскаго, три статьи **В. В. Розанова.**

О новыхъ произвед. Ренана **Н. Н. Страхова.**

Невѣдомые уголки (Волог. губ.) **К. К. Случевскаго.**

Записка о государств. устройствѣ М. Н. Муравьева — **Н. К. Шильдера.**

Рядъ литературно-критическихъ статей **Ю. Н. Елагина.**

„Міровой раздѣлъ“ статьи **С. С. Татищева.**

Записка Кн. В. А. Черкасскаго о Болгаріи, **П. А. Матвѣева.**

Рядъ статей **А. А. Велицына.**

Двѣ статьи **К. Н. Яроша.**

Дневникъ Грязева о переходѣ черезъ Альпы, въ виду обилія матеріаловъ, будетъ помѣщаться въ приложеніи большими частями.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе:

Л. И. Асташевъ, Н. Д. Ахшарумовъ, П. Е. Астафьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. П. Барсуковъ, И. А. Бычковъ, П. Н. Батюшковъ, А. Г. Брикнеръ, И. Н. Божеряновъ, Н. Е. Боратынскій, Г. И. Бобриковъ, Л. Б. Борисовичъ, К. А. Бороздинъ, А. К. Бороздинъ, П. А. Висковатовъ, А. И. Воейковъ, А. А. Велицынъ, М. А. Веневитиновъ, кн. М. Н. Волконскій, Д. В. Григоровичъ, П. П. Гнѣдичъ, А. И. Георгіевскій, К. Ѳ. Головинъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Галаховъ, Я. К. Гротъ, Г. П. Данилевскій, кн. Д. В. Друцкой-Сокольнинскій, Ю. Н. Елагинъ, А. В. Елисѣевъ, Е. Е. Замысловскій, А. И. Забѣлинъ, А. В. Захаровъ, Д. И. Иловайскій, П. П. Карцовъ, Вс. Вл. Крестовскій, П. А. Козловъ, А. Ѳ. Копыловъ, А. А. Катенинъ, В. М. Краузе, И. П. Корниловъ, Ю. А. Кулаковскій, К. Н Леонтьевъ, Н. А. Любимовъ, Г. А. Ларошъ, К. Е. Линдеманъ, Леонидъ архимандритъ, С. К. Литвинъ, А. П. Милюковъ, П. А. Матвѣевъ, А. Н. Майковъ, Л. Н. Майковъ, А. Я. Максимовъ, Ев. Л. Марковъ, Н. И. Мердеръ, А. П. Мальшинскій, С. В. Назаревскій, К. Ф. Ординъ, А. Д. Пазухинъ, Е. Н. Опочининъ, К. П. Побѣдоносцевъ, С. В. Петровъ-Батуричъ, Я. П. Полонскій, Д. М. Позняк, Н. П. Покровскій, А. Д. Погодинъ, П. Н. Петровъ, С. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, Н. Н. Страховъ, Н. П. Семеновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. С. Солмоновъ, Вс. Серг. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, К. К. Случевскій, М. И. Сухомлиновъ, С. С. Татищевъ, В. А. Тепловъ, К. В. Тхоржевскій, кн. Э. Э. Ухтомскій, И. П. Филевичъ, И. П. Хрущевъ, И. В. Цвѣтаевъ, М. Г. Черняевъ, Н. К. Шильдеръ, А. С. Шишковъ, Н. В. Щербань, А. Н. Энгельгартъ, К. Н. Ярошъ и друг.

Въ Декабрьской книгѣ будетъ приложенъ алфававитный указатель всѣхъ статей, помѣщенныхъ за три послѣдніе года въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Платная подписка въ 1890 году выразилась слѣдующими точными по мѣстностямъ цифрами: въ С.-Петербургѣ и Спб. уѣздѣ— 1053 экз., изъ нихъ въ Императорскихъ дворцахъ 32 экз. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ, ВЪ ПОКОИ АВГУСТѢЙШИХЪ ДѢТЕЙ,

Е. И. ВЫСОЧ. ВЕЛ. КН. ВЛАДИМІРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и другимъ членамъ Августѣйшей фамиліи.

Въ Москвѣ всего 574, изъ нихъ 60 экз. въ уѣздахъ.

По губерніямъ:	Губ. гор.	Уѣзды.	ВСЕГО.
Архангельская	10	6	16
Астраханская	25	17	42
Бессарабская	23	11	34
Виленская	39	21	60
Владимірская	18	16	34
Вологодская	18	14	32
Волынская	12	27	39
Воронежская	26	34	60
Вятская	14	27	41
Гродненская	15	17	32
Обл. Войска Донскаго	29	28	57
Екатеринославская	28	37	65
Казанская	61	27	88
Калужская	19	26	45
Кіевская	84	45	129
Ковенская	13	24	37
Костромская	13	19	32
Курляндская	5	9	14
Курская	24	32	56
Лифляндская	23	8	31
Минская	12	18	30
Могилевская	10	23	33
Нижегородская	32	37	69
Новгородская	14	33	47
Олонецкая	10	4	14
Оренбургская	23	19	42
Орловская	27	30	57
Пензенская	22	37	59
Пермская	14	28	42
Подольская	10	29	39
Полтавская	14	25	39
Псковская	17	26	43
Рязанская	14	32	46
Самарская	14	21	35
Саратовская	23	19	42
Симбирская	15	24	39
Смоленская	19	27	46
Таврическая	14	39	53
Тверская	18	37	55
Тульская	20	28	48
Уфимская	15	23	38
Харьковская	58	52	110

По губерніямъ:		Губ. гор.	Уѣзды.	ВСЕГО.
Херсонская	(Одесса)	72	55	129
Черниговская		14	32	46
Эстляндская		7	9	16
Ярославская		22	31	53
				3767
Губерніи Привисл. края	(Варшава 85)			352
Кавказъ	(Тифлисъ 42)			196
Финляндія				29
Сред. Азія	(Ташкентъ 31)			102
Сибирь	(Иркутск. 22 Томск 14)			312
За границу				67
				1058
Принадл. сотрудникамъ				112
				4937
Безъ доставки въ конторѣ				63
				5000

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою **шестнадцать рублей**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **семнадцать рублей.**

Допускается взносъ въ два срока, а именно: при подпискѣ **девять рублей**, а остальная сумма къ 1-му іюня.

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, **18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ С.-Петербургѣ: для городскихъ — въ конторѣ журнала „Русскій Вѣстникъ“, Большая Морская 30, въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Товар. „Общ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Моск.

Вѣдомостей"—на Страст. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени" (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

Иногородныхъ просятъ адресоваться прямо въ Спб., Большая Морская, 30.

НѢЧТО О ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Въ произведеніяхъ современной военной литературы замѣчаются два различныя направленія. Одно принадлежитъ статьямъ, помѣщаемымъ въ спеціальныхъ военныхъ журналахъ, и отдѣльно издаваемымъ сочиненіямъ извѣстныхъ военныхъ авторовъ. Разработывая серьезные военные вопросы и изслѣдуя военно-историческія событія, тѣ и другія приносятъ несомнѣнную пользу. Совершенно другое направленіе встрѣчается въ статьяхъ мало или вовсе неизвѣстныхъ авторовъ, помѣщающихъ свои совѣты, взгляды и выводы въ газетныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, появляющихся въ безчисленномъ множествѣ, подъ самыми разнообразными заглавіями, заманчивыми, какъ реклама, ради того, чтобы каждый любящій военное дѣло обратилъ на нихъ вниманіе. Что выносится изъ ихъ прочтенія и какое онѣ оставляютъ впечатлѣніе?

Въ настоящей замѣткѣ мы не коснемся серьезныхъ военныхъ сочиненій и изслѣдованій, помѣщаемыхъ въ спеціальныхъ военныхъ журналахъ, но, желая предостеречь читателей газетъ и брошюръ отъ увлеченія невѣрными разсужденіями и выводами, разберемъ то, что появляется въ мелочной военной печати о вопросахъ, близко касающихся войскъ, ихъ быта, воспитанія, обученія и т. д.

Нельзя не удивляться той смѣлости и вмѣстѣ той легкости, съ которою авторы, хотя иногда и обладающіе умѣньемъ писать красно и складно, вкривь и вкось трактуютъ о предметахъ мало имъ знакомыхъ и, доходя до парадоксовъ, заносятся въ облака тамъ, гдѣ дѣло требуетъ простаго жизненнаго разбора и взгляда. Пуская въ ходъ свои теоріи и правила, они воображаютъ, что пишутъ что-либо новое и, не давая себѣ труда вникнуть, для чего и съ какою цѣлью требовалось

прежде то, противъ чего они такъ безразборно возстаютъ теперь, и въ то же время не даютъ никакихъ положительныхъ правилъ и указаній для осуществленія своихъ идеализированныхъ стремленій. Не чужды подобнаго направленія и тѣ изъ военныхъ авторовъ, которые, состоя во главѣ образовательныхъ учрежденій, пользуются иногда исключительнымъ авторитетомъ между людьми, склонными къ безотчетной критикѣ прежнихъ требованій и традицій. Наполняя статьи общими, красивыми фразами о томъ, что войска должны быть проникнуты святостью своихъ обязанностей, духомъ предпріимчивости и героизма, они проповѣдуютъ, что всякое требованіе мирнаго времени, не примѣнимое въ бою,—преступно и, къ несчастію, не замѣчаютъ, что приносятъ этимъ нравственный вредъ и подрываютъ порядокъ въ его основаніи. Прикрываясь громкими тирадами о значеніи воспитанія солдата, они не хотятъ говорить прямо: „прочь военную выправку, долой порядокъ, зачѣмъ твердость строя, зачѣмъ равненіе, зачѣмъ отвѣчать начальнику по опредѣленной формѣ, зачѣмъ знаніе главныхъ молитвъ“,—а между тѣмъ все это проглядываетъ между строками ихъ разсужденій и совѣтовъ. Возьмемъ для примѣра того изъ современныхъ писателей, котораго, въ увлеченіи панегиризма, кто-то назвалъ *военнымъ философомъ*. Нашлись и рецензенты, восхищающіеся тѣмъ, что сей философъ, бичуя прошлое, рубитъ съ плеча, направо и налѣво все, что было требуемо закономъ и духомъ времени, что онъ называлъ высшихъ начальниковъ минувшей эпохи *мыслями мысли*, смотрѣвшими на солдата, какъ на существо зловредное, не могущее имѣть хорошихъ качествъ души, старавшихся забивать ихъ, чтобы обратить солдата въ автомата. Къ нѣкоторымъ оригинальнымъ сужденіямъ и страннымъ взглядамъ этого автора мы будемъ имѣть случай обратиться ниже.

Идя далѣе, мы видимъ, что нѣкоторые изъ военныхъ публицистовъ самоувѣренны до того, что критикуютъ наполеоновскую систему соединенія войскъ въ крупныя тактическія единицы и ихъ распредѣленіе по роду оружія. Даже нашъ извѣстный писатель, генералъ Лееръ, подвергается ихъ осужденію за то, что отдаетъ полную справедливость наполеоновскому умѣнію организовать отряды. Вмѣсто этого проводятся мысли, что подраздѣленіе войскъ не должно быть стѣсняемо никакими организаціонными формами. Не значитъ ли это ввo-

дить полный произволъ въ административное и боевое дѣленіе арміи.

Излюбленными темами авторовъ разсматриваемой нами категоріи служатъ предметы воспитанія и образованія войскъ. Прочіе, какъ напримѣръ, интендантскіе и бытовые вопросы, положенія о производствѣ, о наградахъ и пенсіяхъ затрогиваются рѣдко. Это, впрочемъ, понятно. Воспитаніе и способы обученія составляютъ предметы, растяжимые до безконечности; о нихъ можно философствовать сколько угодно; лишь бы была способность писать гладко и много, не опасаясь отвѣтственности. Другое дѣло указывать на непрактичность или неясность положеній или инструкцій. Чтобы писать о нихъ, нужна значительная доля, во-первыхъ, опытности и знанія дѣла, а во-вторыхъ, устойчивость и здравость взглядовъ и убѣжденій, для того, чтобы не бояться нареканій и отвѣтственности. Встрѣчались, впрочемъ, сужденія о нашихъ интендантскихъ порядкахъ и совѣты, какъ исправить ихъ. Приведемъ нѣкоторые для того, чтобы читатели могли судить о вѣрности первыхъ и примѣнимости вторыхъ.

Сожалѣть о томъ, что главнокомандующіе, имѣющіе право посылать тысячи людей на вѣрную смерть и разстрѣливать трусовъ, снисходительны къ интендантскимъ преступленіямъ, и въ той же статьѣ указывать, что послѣднія преимущественно принадлежатъ къ вымысламъ, не явное ли противорѣчіе? Не доказывается ли это излишними обвиненіями и снисходительными оправданіями; не доказываетъ ли это, что разсуждаютъ и пишутъ объ интендантскомъ дѣлѣ люди, въ немъ неопытные. Зная изъ читанныхъ имъ лекцій, какъ устроено военное хозяйство въ Германіи, Австріи и Франціи, они не обинуясь совѣтуютъ передѣлать наше на заграничный ладъ, ввести въ военныя академіи интендантскіе курсы и постановить, чтобы главнымъ условіемъ назначенія на интендантскія должности былъ поставленъ образовательный цензъ. Безчисленные примѣры доказываютъ, что ни теоретическія знанія хозяйства, ни образовательный цензъ не могутъ замѣнить внутренняго сознанія долга и пріобрѣтеннаго дѣйствительною службою въ войскахъ опыта. Нужды и жизненныя потребности войскъ не узнаются на профессорскихъ лекціяхъ, а нравственныя достоинства человѣка не зависятъ отъ книжныхъ знаній. Канкринъ, бывши интендантомъ дѣйствующихъ армій въ 1813—14 годахъ, не требовалъ отъ своихъ чиновниковъ образовательнаго

ценза, а между тѣмъ, при немъ войска не терпѣли недостатка въ продовольствіи. Онъ бралъ къ себѣ строевыхъ офицеровъ испытанной нравственности и знающихъ бытовое хозяйство по опыту, а не людей, бѣгущихъ изъ строя туда, гдѣ выгоднѣе и теплѣе; это и было причиною, что при немъ интендантскія преступленія были рѣдкостью. Только подобная мѣра можетъ водворить желаемую связь между войсками и интендантствомъ. Дѣлавшіе послѣднюю кампанію помнятъ интендантовъ, получившихъ спеціальное образованіе и не умѣвшихъ оградить насущныя потребности войскъ отъ бюрократическихъ придирокъ канцелярщины.

Въ военной литературѣ не разъ затрогивался вопросъ о подчиненіи интендантовъ строевымъ начальникамъ, какъ это существуетъ во Франціи. Можетъ быть, подобная мѣра и улучшила бы дѣло, но не полезнѣе ли бы было коснуться вопроса, нужно ли, при теперешнемъ состояніи промышленности и торговли и при нынѣшнемъ развитіи сообщеній, существованіе интендантства, какъ отдѣльнаго вѣдомства, въ современной его организаціи? Это заслуживаетъ полнаго вниманія и тщательной, всесторонней разработки. Надо желать, чтобы занялись этимъ люди серьезнаго знанія и опыта, а не мечтатели и совѣтчики отвлеченныхъ теорій. Одни изъ нихъ предлагаютъ измѣнить форму обмундированія, другіе проводятъ новые пріемы для обученія, третьи совѣтуютъ преобразовать организацію. Большая же часть подобныхъ военныхъ литераторовъ трактуютъ о томъ, что много разъ было уже обсуждаемо; они ни передъ чѣмъ не останавливаются и, чтобы поддержать свои доводы, голословно ссылаются на согласіе съ ними строевыхъ начальниковъ. Находя, напримѣръ, что солдатскій мундиръ крайне неудобенъ, прибавляется, что онъ вызываетъ нареканія командировъ; но едва-ли въ средѣ послѣднихъ найдутся лица, желающія облечь войска въ суконныя рубахи. Предлагать подобное значитъ считать воинственность строя и осанку солдата неимѣющими значенія; давать же солдату одежду, способствующую разгильдяйству, было бы равносильно пріученію его къ распущенности.

Подобныя предложенія напоминаютъ намъ недавній споръ, возникшій по поводу сообщеннаго газетами извѣстія о вооруженіи всей германской кавалеріи пиками и объ упраздненіи ихъ у нашихъ казаковъ, за исключеніемъ гвардейскихъ. Не бывъ спеціалистомъ кавалерійскаго дѣла, мы не будемъ су-

дить, полезно или вредно отзовется эта мѣра во время войны, но знаемъ, что сомнѣніе въ достоинствѣ пики, какъ оружія, возникло въ средѣ писателей-теоретиковъ, и что въ пользу пики говоритъ трехсотлѣтнее вооруженіе ею всего казачества. Вотъ что довелось намъ слышать отъ одного изъ достойнѣйшихъ его представителей: „У природнаго казака не повернется „языкъ сказать слово противъ оружія его отцовъ и дѣдовъ. „Собираясь на войну, казакъ идетъ на сборное мѣсто сотни „между отцомъ и матерью; жена, по прадѣдовскому обычаю, „ведетъ его коня, отецъ несетъ пику, а мать — образъ. „Прежде чѣмъ мужъ садится въ сѣдло, жена кланяется коню „въ ноги, говоря: „Несись съ нимъ въ бой, но привези его „назадъ здоровымъ“. Отецъ, передавая сыну пику, прибав„ляетъ: „Вотъ тебѣ моя пика, древко можетъ сломаться, но „копье привези домой, оно пригодится твоему сыну“. Есть на Дону даже поговорка: „Казакъ безъ пики все равно, что солдатъ безъ ружья“. Пика—это родное, традиціонное оружіе казачества; она имѣетъ болѣе милліона защитниковъ, отстаивающихъ ея существованіе.

Давно извѣстно, что рано или поздно должно произойти столкновеніе германизма съ славянствомъ, чего не отвергаютъ военные писатели всѣхъ націй. Когда это случится, конечно, никто не знаетъ, но такова общая увѣренность, проникшая даже въ народное убѣжденіе. Несмотря на это, въ газетныхъ статьяхъ, принадлежащихъ перу военныхъ людей, печатаются восхваленія германской арміи и не въ видѣ предупрежденія о томъ, что намъ придется имѣть дѣло съ искуснымъ противникомъ, а въ видѣ стращанія и угрозъ. У этого противника, читаемъ мы, все строго и систематично обдумано, у него пробуждена и развита въ солдатѣ критическая мысль о всемъ, что отъ него требуютъ, развита иниціатива. Хотя въ этихъ статьяхъ и не говорится прямо, но чувствуется намекъ, будто у насъ нѣтъ ничего подобнаго и, прикрытый ловкими фразами, какъ бы дается между строками совѣтъ: „Что же вы не критикуете, развѣ не чувствуете, что у насъ все хуже, чѣмъ у нѣмцевъ; проявляйте же свою иниціативу, вырабатывайте свои методы, не слѣдуйте прадѣдовской рутинѣ“. Не трудно предвидѣть, какое вліяніе могутъ произвести подобныя статьи на воспріимчивую молодежь.

Писатели, восхваляющіе превосходство германскаго военнаго воспитанія передъ нашимъ, сами, быть можетъ, того не

замѣчая, подрываютъ въ офицерѣ и солдатѣ вѣру въ его собственное достоинство, тогда какъ, при правильномъ примѣненіи, она совершаетъ то, чего не сдѣлаетъ никакое теоретическое воспитаніе. Сознаваться и провозглашать, будто наши офицеры не любятъ военное дѣло и видятъ въ службѣ только средство, а не цѣль существованія, не значитъ вселять въ нихъ привязанность къ службѣ.

Разъ что рѣшаются указывать на столь грустное явленіе, слѣдовало бы сказать и о причинахъ, его производящихъ. Кто же не знаетъ, что служивые прежняго времени любили военное дѣло (или ремесло, какъ называютъ теперь новые судьи, говоря о Николаевскомъ времени), что они цѣнили его и дорожили имъ. Они не выходили изъ строевой среды изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ. Причины послѣдняго надо искать въ тѣхъ льготахъ и преимуществахъ всякаго вида, которыя были даны нестроевому военному элементу и всѣмъ выходящимъ изъ строя въ различныя, хотя и военныя по названію, но въ сущности гражданскія учрежденія. Это привело къ тому, что даже нижніе чины поняли, насколько пріятнѣе быть писаремъ, чѣмъ строевымъ. Кто же развилъ подобное направленіе, какъ не писатели, критикующіе прежнія строевыя требованія и порядки. Попавъ въ число привилегированныхъ, они настойчиво проповѣдуютъ, что отъ солдата надо требовать всесторонняго развитія, что въ немъ необходимо вызвать критическое отношеніе ко всему, чему его учатъ. Говоря, что для нѣмца лучшее зрѣлище—парадъ, лучшая музыка—барабанъ, лучшая одежда—военнаго покроя, никто изъ нихъ не желаетъ вникнуть, почему все это, существовавшее и у насъ, постепенно ослабло. Не сами ли они виноваты въ томъ? Не самый ли талантливый изъ нихъ доказывалъ, что исполнявшіе прежнія требованія *не вѣдали, что творили.* Они творили то, что требовали отъ нихъ: законъ, присяга и верховная власть. Всякое дѣло, имъ порученное, хотя бы и *священнодѣйственное* отданіе части (какъ иронически выражается военный философъ), они считали важнымъ, потому что въ службѣ ничего не важнаго быть не можетъ. Неисполненіе мелочнаго ведетъ къ нарушенію существеннаго, особенно если люди, поставленные менторами, будутъ вселять подобные взгляды начинающимъ службу.

Въ настоящее время замѣтно общее стремленіе возвратиться къ тому, что было полезнаго въ прошломъ. Военная

литература должна бы была поощрять подобное направленіе, поддерживать его, указывать на его послѣдствія; къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно противное. Подъ гуманными тенденціями, подъ видомъ стремленія къ развитію и возбужденію иниціативы, авторы брошюръ и газетныхъ статей или глумятся надъ прежними требованіями, или прямо выставляютъ ихъ вредными. Того же, кто рѣшается заявить, что и въ прошломъ было не мало достойнаго подражанія, готовы величать ретроградомъ, сторонникомъ рутины, гонителемъ прогресса. Почему бы, отдавая справедливость настоящему, не разбирать минувшаго спокойно, безъ злой ироніи, безъ глумленія, приправляемаго желчными фразами, разсчитанными на эффектную поддѣлку къ народности.

Въ то время, какъ мелкая военная литература силится доказать преимущество нѣмецкаго военнаго воспитанія и развитость прусскихъ унтеръ-офицеровъ, германскія газеты жалуются на ихъ обращеніе съ подчиненными, описываютъ, какъ одному изъ солдатъ оторвали ухо, а другому разбили прикладомъ затылокъ. Что своеручная расправа служитъ у нѣмцевъ излюбленнымъ средствомъ военнаго воспитанія, не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтверждается не только газетами, но и самимъ императоромъ, недавно объявившимъ въ приказѣ по арміи, *„что въ ней практикуются явныя и постоянныя систематическія жестокости“*. Восхваляемые нашими писателями извѣстнаго направленія прусскіе педагоги солдатской науки изобрѣли даже особое для этого орудіе, родъ плети въ аршинъ длиною, при помощи которой вселяютъ въ своихъ учениковъ воинственный духъ и любовь къ военному дѣлу. То же самое творится и въ австрійской арміи, гдѣ строгость доходитъ до того, что самоубійства въ войскахъ признаются эпидемическими, а изъ оставляемыхъ посягающими на свою жизнь писемъ видно, что причиною этого крайняя жестокость, доводящая солдата до невозможности переносить строгости службы. Еслибы германскіе офицеры и учителя новобранцевъ считали воспитательную систему, рекомендуемую нашими ихъ восхвалителями, средствомъ развить въ солдатѣ сознаніе долга и способность мышленія, подобныхъ примѣровъ не существовало бы.

Тотъ же авторъ, восхваляя германское воспитаніе солдатъ, пишетъ: „Между нѣмецкими офицерами и солдатами нѣтъ сердечной связи; послѣдніе тяготятся своимъ положеніемъ и съ

горя переходятъ въ соціалистическій лагерь". Вотъ и плоды того развитія и той системы воспитанія, о которой такъ хлопочутъ не только военные сотрудники нашихъ газетъ, но и нѣкоторые педагоги нашего времени. Впрочемъ, такіе переходы у нихъ не рѣдкость: то печатаются цѣлые столбцы восхваленій, вродѣ того, что прусскій офицеръ представляетъ собою законченный типъ военнаго человѣка, то пишутъ, какъ смѣшна ихъ военная осанка, выпуклая грудь и гордо закинутая голова. Указывая на то, что типъ этотъ достигается не образовательнымъ цензомъ, а системою воспитанія, принятою въ кадетскихъ корпусахъ, военнымъ сотрудникамъ нашей мелкой печати слѣдовало бы радоваться, что, благодаря послѣднимъ реформамъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній, мы возвращаемся къ прежнимъ принципамъ и взглядамъ на подготовку ихъ питомцевъ къ строевой службѣ.

Какъ направлять и обучать солдата, ясно указано въ законахъ, уставахъ и инструкціяхъ, даваемыхъ руководящими этимъ дѣломъ. Философствованіе и личные взгляды едва ли умѣстны тамъ, гдѣ дѣло опредѣлено ясно, гдѣ указаны его границы, цѣль и направленіе. Не въ высшихъ училищахъ, а тѣмъ болѣе не въ академіяхъ зарождается нравственное направленіе военнаго воспитанія и воинскій духъ будущихъ офицеровъ. Они должны начинаться и созрѣвать въ кадетскомъ корпусѣ. Высшія училища не могутъ скрѣпить ихъ; они только закончатъ ихъ образованіе, но не свяжутъ узами товарищества и единодушія, имѣющаго столь важное вліяніе на духъ арміи.

Разбирая реформенный періодъ 60-хъ годовъ, нѣкоторые изъ военныхъ писателей снисходительно называютъ сдѣланное въ то время *просвѣтительными работами и доброжелательными иллюзіями гражданскаго оттѣнка*, которыя такъ же быстро зарождались, какъ быстро и исчезали. Такъ ли это? И едва-ли послѣднее справедливо, потому что прошлыя иллюзіи до сихъ поръ питаютъ настоящія. Разница между ними только та, что въ 60-хъ годахъ все предлагаемое безразборно проводилось съ рѣдкою настойчивостью, теперь же замѣчается нѣкоторое колебаніе, многое испытывается и принимается въ видѣ опыта.

Пишутъ, что минувшая война была экзаменомъ реформы, доказавшимъ отрицательныя ея стороны. Такой приговоръ можетъ считаться справедливымъ только въ административномъ и хозяйственномъ смыслѣ, но отнюдь не въ боевомъ.

Военной литературѣ слѣдовало бы освѣтить это различіе и указать, что̀ сдѣлано и что̀ предстоитъ еще сдѣлать для того, чтобы отрицательныя стороны прежнихъ реформъ не повторились, а также доказать, буде это доступно, что позднѣйшія распоряженія, въ отношеніи раскрытыхъ войною недочетовъ, имѣли исправительное значеніе. Чрезъ умалчиваніе о томъ, что сдѣлано или дѣлается въ этомъ смыслѣ, порождаются сомнѣнія, тогда какъ участіе общества къ современному состоянію у насъ военнаго дѣла несомнѣнно. Многіе полагаютъ, что мѣропріятія и распоряженія военнаго свойства, дабы не сдѣлаться извѣстными тѣмъ, противъ кого они принимаются, должны быть тайною. Опасенія совершенно напрасныя, такъ какъ безчисленные примѣры доказываютъ, что заграницею все извѣстно гораздо ранѣе, чѣмъ проектируемое у насъ приводится въ исполненіе.

До чего можетъ доходить смѣлость совѣтовъ касательно различныхъ нововведеній въ военномъ дѣлѣ, доказывается тѣмъ, что есть предложенія производить рядовыхъ въ унтеръ-офицеры не иначе, какъ по свидѣтельству всѣхъ унтеръ-офицеровъ роты или эскадрона, что избранный начальствомъ дѣйствительно достоинъ производства. Понимаютъ ли публицисты подобнаго взгляда, насколько они унижаютъ авторитетъ начальнической власти и, проводя подобныя идеи въ среду ея подчиненныхъ, вредятъ дисциплинѣ?

Есть еще особаго рода направленіе, появляющееся большею частью въ провинціальныхъ корреспонденціяхъ военнаго свойства. Мы разумѣемъ стремленія возводить обыкновенные, такъ сказать, обыденные въ войскахъ случаи, въ нѣчто исключительное, достойное не только похвалъ, но и удивленія. Напримѣръ о томъ, что одинъ изъ полковъ сдѣлалъ въ теченіе дня переходъ въ 42 версты, печатаютъ въ газетахъ, какъ о чемъ-то чрезвычайномъ. Входятъ въ подробности о приготовленіяхъ къ этому походу, воображая, что говорятъ что-либо новое или мало извѣстное. Выставлять въ примѣръ то, что сто лѣтъ практикуется и исполняется самымъ посредственнымъ командиромъ роты, говорить о сорока-верстномъ переходѣ, какъ о подвигѣ, значитъ давать молодому поколѣнію военнослужащихъ поводъ смотрѣть на обязательное исполненіе служебнаго долга, какъ на нѣчто крайне трудное. Печатая подобныя статьи, можно довести до того, что всякое, едва выходящее изъ ряда, требованіе будетъ считаться неодолимымъ, всякое малѣйшее усиліе—

заслугою. Возводить простое дѣло въ исключительное отличіе значитъ извращать здравый взглядъ на военную службу. Вмѣсто того, чтобы поддерживать врожденныя русскому человѣку выносливость и терпѣніе, подобныя статьи развиваютъ стремленія къ разнаго рода облегченіямъ и удобствамъ. Русскій солдатъ тѣмъ и былъ знаменитъ, что, совершая дѣйствительные подвиги, не придавалъ имъ значенія и часто даже удивлялся, что его хвалятъ и награждаютъ за нихъ. Пусть нѣмцы считаютъ свои 25-ти верстные переходы усиленными, пусть итальянцы хвалятся побѣдами надъ голышами Африки, но русскимъ писателямъ не подобаетъ подражать имъ. Вѣроятно, ни одному новобранцу полка, прошедшаго 42 версты, и въ голову не приходило думать, что онъ исполняетъ что-либо особенное. Вообще въ послѣдніе годы вошло въ обычай возводить самыя простыя вещи въ нѣчто научное, требующее особыхъ пріемовъ, особыхъ выводовъ и умозаключеній. Мы знаемъ такой примѣръ: одинъ изъ перворазрядныхъ писателей указывалъ, какъ на особенную заслугу и рѣдкость, что унтеръ-офицеры посѣщеннаго имъ полка знали, кто изъ ихъ подчиненныхъ находится въ отсутствіи и умѣли поименно назвать ихъ. Это было даже опубликовано, какъ примѣръ достойный подражанія. Ясно, что ни опубликовавшій, ни самъ писатель и не подозрѣвали, что выставляемое ими составляетъ азбуку внутренней службы, что безъ этого не можетъ существовать ни одна благоустроенная команда. Выходитъ, что примѣрный литераторъ и его начальникъ хотѣли прихвастнуть тѣмъ, что давно существовало, какъ результатомъ новыхъ взглядовъ и требованій.

Возьмемъ еще для примѣра недавно изданную книгу „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“[1]).

Встрѣчая въ этомъ трудѣ нѣсколько дѣльныхъ и полезныхъ указаній, замѣтимъ, что и онъ не чуждъ голословныхъ обвиненій прошлаго. Доказывая, напримѣръ, что нужно обращаться съ солдатомъ, принимая во вниманіе его индивидуальныя способности, а не свысока — прибавляется: *какъ практиковалось въ былое время*. На чемъ основано такое заключеніе, не объяснено, а между тѣмъ именно въ былое-то время, несмотря

[1]) Мы касаемся этого сочиненія потому, что своимъ заглавіемъ и тѣмъ, что, принадлежа перу автора, обладающаго способностію излагать свои мысли легко и литературно, оно заинтересовало военныхъ читателей. Несмотря на это, заранѣе просимъ его извинить насъ за несогласіе съ нѣкоторыми изъ его взглядовъ и совѣтовъ.

на строгость режима, и не обращались съ солдатомъ *сысока*. Осуждать и предлагать можно, что угодно, но полезно предлагать лишь то, что возможно выполнить. Оттого часто и не выполняется возможное, что много требуютъ невыполнимаго.

Указывая на существующій, будто-бы, въ нашей арміи пробѣлъ, состоящій, по мнѣнію автора, въ крайней неопытности и односторонности нашихъ субалтернъ-офицеровъ, упрекаютъ ихъ за то, что они не помогаютъ ротнымъ командирамъ улучшать нравственность нижнихъ чиновъ. При этомъ совѣтуютъ ввести новую должность полуротныхъ командировъ, которые, въ свободное отъ занятій время, слѣдили бы за тѣмъ, что дѣлается въ казармахъ. Субалтернъ-офицеръ бываетъ ежедневно занятъ, съ восьми часовъ утра до одиннадцати и затѣмъ, послѣ обѣда, отъ двухъ до пяти, а если завѣдуетъ школою или новобранцами, то и до семи часовъ. Какая же возможность человѣку, занятому семь или восемь часовъ утомительною, однообразною работою, не въ комфортабельномъ кабинетѣ, а въ душной казармѣ или въ сыромъ манежѣ, являться туда, сверхъ урочныхъ часовъ, ради того, чтобы слѣдить за препровожденіемъ солдатами времени, опредѣленнаго для ихъ отдыха. Съ другой стороны, дробить авторитетъ и значеніе ротнаго командира между его офицерами значитъ забывать пословицу, что „у семи нянекъ всегда дитя безъ глаза“. Не мѣшаетъ вспомнить при этомъ, что за излишнюю противъ младшихъ офицеровъ службу и отвѣтственность ротный командиръ получаетъ и значительно большее вознагражденіе. Наконецъ, надо имѣть въ виду и то, что постоянное пребываніе офицера между нижними чинами, даже въ минуты ихъ отдыха, умаляетъ значеніе перваго и лишаетъ послѣднихъ той свободы, которая естественна для всякаго. Полезно наблюдать и слѣдить за солдатомъ, но не надоѣдать ему.

Увлекаясь заботами о солдатскомъ воспитаніи, посредствомъ возбужденія моральныхъ стремленій и при помощи какой-то новой военной педагогіи, писатели-теоретики забываютъ, что они имѣютъ дѣло не съ интеллигентными юношами, а съ 22-хъ лѣтними парнями, что передѣлывать ихъ взгляды и понятія о томъ, что хорошо и что дурно, уже поздно. Ихъ задача не въ перевоспитаніи, а въ обращеніи этихъ парней въ солдатъ, въ пріученіи ихъ къ безусловному повиновенію, къ точному и усердному исполненію службы, къ усвоенію здравыхъ понятій о вѣрности престолу, о святости присяги, о

дисциплинѣ и чинопочитаніи. Затѣмъ, возбужденіе самопочина, внутренняго убѣжденія, проблески сознанія, умственный кругозоръ и т. д.—все это будутъ мертвыя фразы, если не будетъ отвѣтственности ближайшихъ къ солдату начальниковъ за проступки ихъ подчиненныхъ, если солдатъ останется въ сомнѣніи, что за всякимъ нарушеніемъ имъ требуемаго службою и хорошимъ поведеніемъ—послѣдуетъ строгое, но справедливое взысканіе.

Книга „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата", вслѣдствіе значенія затрогиваемыхъ въ ней вопросовъ, заслуживаетъ подробнаго и серьезнаго разбора; этому должно быть удѣлено мѣсто въ спеціальномъ военномъ журналѣ, мы же ограничимся лишь тѣмъ, что, вслѣдствіе исключительнаго значенія, такъ сказать, само напрашивается на немедленныя замѣчанія.

Совѣтуя, какъ исправить роту, въ которой нарушеніе дисциплины, пьянство и отлучки составляютъ заурядныя явленія, авторъ основываетъ свои выводы на средствахъ и на матеріалѣ, который даетъ ему служба въ гвардіи, забывая, что армейская жизнь поставлена въ другія условія, при которыхъ не только средства надзора за людьми, но и подборъ ихъ совершенно иные. Трудъ ротнаго командира въ арміи нельзя сравнивать съ трудомъ командира гвардейской роты. У послѣдняго всѣ средства подъ рукою, другой составъ людей, другіе помощники, другія условія быта. Ему возможно идеализировать свои желанія, возможно мечтать, но только мечтать, о нравственной ломкѣ испорченныхъ до службы натуръ, объ ихъ исправленіи гуманными мѣрами и педагогическими пріемами. Если же армейскій ротный командиръ увлечется его совѣтами, не имѣя физической возможности осуществить ихъ, и при этомъ выпуститъ изъ рукъ простыя и легальныя средства, указанныя въ законахъ и положеніяхъ, то принесетъ этимъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Есть воззрѣнія, которыя, хотя и заманчивы, но далеко не вездѣ примѣнимы. При однихъ условіяхъ гуманность и сердечность отношеній могутъ быть и понятны и плодотворны, при другихъ онѣ будутъ слабостью и приведутъ къ баловству и распущенности. Указывая, будто бы муштра и строевое образованіе дѣло второстепенное, что первою заботою должно быть нравственное возрожденіе и развитіе иниціативы солдата, черезъ нѣсколько же строкъ говорятъ, что упадокъ строя въ ротѣ, въ большинствѣ случаевъ, свидѣ-

тельствуетъ объ упадкѣ ея нравственности. Тутъ уже явное несогласіе взглядовъ; не вѣрнѣе бы было сказать, что то и другое одинаково важно, лишь бы люди знали и чувствовали, что они въ хорошихъ и серьезныхъ рукахъ командира, умѣющаго заставить ихъ быть исправными и по службѣ и по поведенію.

Вообще понятія: муштра и муштрованіе сдѣлались излюбленными темами писателей, жаждущихъ принятія ихъ предложеній, въ тѣхъ случаяхъ, когда они хотятъ провести свои гуманные взгляды на служебныя отношенія офицера къ солдату. Начиная съ отданія чести, называемаго ими въ насмѣшку *наукою* и кончая глумленіемъ надъ ружейными пріемами, предлагающіе новые способы обученія и обращенія съ солдатами забываютъ, или умышленно умалчиваютъ, что, и при существованіи гонимой ими муштровки, обязанности начальниковъ относительно развитія въ солдатѣ нравственныхъ качествъ, чувства долга и чести, были настолько обязательно указаны законами, что и теперь могутъ служить лучшимъ для этого руководствомъ. Почему же господа самозванные гуманисты воображаютъ, что ихъ доводы будутъ дѣйствительнѣе закона? Пусть бы они прочли приложеніе къ тому Свода, гдѣ говорится объ обращеніи съ рекрутомъ и его воспитаніи, и тогда убѣдились бы, что выдаваемое ими за новое, ими придуманное, давно было предусмотрѣно, и что всѣ ихъ совѣты ничто, въ сравненіи съ вполнѣ гуманными и сердечными требованіями законодателя. Если прежде взыскивали за проступки строже, то это зависѣло отъ духа времени и отъ суровости общихъ исправительныхъ и карательныхъ мѣръ за вины всякаго, хотя бы и не военнаго, характера.

Муштрованіе, очищенное отъ произвольной расправы и отъ непригодныхъ для дѣла требованій, должно существовать всегда, вездѣ и во всемъ. Оно должно проходить чрезъ всѣ слои и виды солдатской науки и жизни, потому въ немъ не только начало, но и поддержка всѣхъ служебныхъ требованій. Еслибы муштра, какъ рѣшился сказать одинъ изъ проповѣдниковъ новыхъ идей, уничтожала въ солдатѣ все то, *что нравственно и разумно*, то откуда взялась та масса старыхъ служивыхъ, которыхъ встрѣчаемъ въ должностяхъ дядекъ при дѣтяхъ, присяжныхъ, хранителей драгоцѣнностей, вездѣ, гдѣ требуется честность и довѣріе. Этихъ муштрованныхъ ищутъ и дорожатъ ими. Почему въ жизненной практикѣ, даже между народомъ, отдается

предпочтеніе старому (муштрованному) передъ не муштрованнымъ, воспитаннымъ по новымъ способамъ и теоріямъ, въ духѣ самопочина и призыва къ разсужденію.

Богаты нынѣшніе военные писатели различными предположеніями, не извѣстно на чемъ основанными. Говорятъ, напримѣръ, что новобранцамъ внушается на ихъ родинѣ страхъ къ службѣ. Облегченіе служебныхъ требованій, смягченіе взысканій, безупречность содержанія солдатъ и ихъ казарменная обстановка давно уже извѣстны народу. Жить въ семьѣ такъ безнуждно, какъ живутъ теперь нижніе чины, едва-ли кто можетъ.

Въ отношеніи способа обращенія съ начинающими службу новобранцами, совѣтуютъ нѣчто похожее на ухаживаніе за ними и на боязнь дѣйствовать посредствомъ приказаній, что вовсе несогласно съ истиннымъ взглядомъ на военное подчиненіе. Для чего, напримѣръ, совѣтовать, изъ опасенія дурнаго вліянія, изолировать новобранцевъ отъ старослужащихъ. Предполагать, что есть такія роты, въ которыхъ большая часть людей проникнута духомъ безнравственности и распущенности—немыслимо. Въ самой плохой ротѣ можетъ быть 5—6 человѣкъ порочнаго направленія, за которыми всегда возможно имѣть надзоръ, гарантирующій отъ ихъ вреднаго вліянія. Вообще наставленія и совѣты, появляющіеся въ мелкой военной печати, представляютъ мало новаго и только въ литературной формѣ развиваютъ то, что указано въ законѣ и извѣстно всякому, знакомому съ бытомъ войскъ и съ требованіями внутренней службы. Какъ распредѣлять новобранцевъ, какъ заботиться о нихъ, какъ избирать имъ дядекъ и учителей, чего требовать отъ послѣднихъ и прочее, о всемъ этомъ писалось много, оффиціально и неоффиціально, съ тою только разницею, что писалось проще, не проводя взглядовъ и совѣтовъ, отзывающихся баловствомъ, точно рѣчь идетъ не о взрослыхъ людяхъ, готовящихся къ серьезной службѣ, а о малыхъ ребятахъ, нуждающихся въ заботахъ няньки. Надо бы прежде подумать, пригодно ли такое баловство для людей, взятыхъ изъ взрослой среды, добывавшихъ свой хлѣбъ тяжелыми трудами, и не вредно ли отзовется оно на тѣхъ, кто изъ нихъ возвратится въ прежнюю обстановку, къ прежней трудовой жизни? Описывая, какъ слѣдуетъ обставить новобранца, говорятъ: „надо, чтобы онъ спалъ на чистомъ и удобномъ матрасѣ, чтобы имѣлъ одѣяло, подушку, нѣсколько перемѣнъ чистаго бѣлья и т. д.“; все это прекрасно

и можетъ быть доступно въ избранныхъ частяхъ гвардіи, но вѣдь она едва составляетъ двадцатую часть остальныхъ войскъ Россіи, въ которыхъ немыслима обстановка, далеко не согласная съ средствами и съ бытомъ народа. И еще вопросъ: въ какомъ свѣтѣ человѣку, пробывшему въ ней пять лѣтъ, покажется обстановка его отца и матери, когда онъ возвратится къ нимъ, и, вслѣдствіе разительной разницы, какой оттѣнокъ примутъ отношенія уволеннаго въ запасъ сына къ отцу и мужа къ женѣ? Въ службѣ забота не должна доходить до баловства, довольство — до излишества, гуманность—до ласкательства и ухаживанія. Ими трудно привязать къ службѣ и заставить полюбить ее, потому что простой человѣкъ цѣнитъ и привязывается, а слѣдовательно любитъ только то и дорожитъ лишь тѣмъ, надъ чѣмъ онъ трудился и что достигается не легко.

Основывать свои взгляды на томъ, что въ каждомъ, хотя и порочномъ солдатѣ, существуютъ задатки порядочности, и потому придавать своимъ выводамъ и заключеніямъ сентиментальность и идеализировать ихъ не всегда правильно. При такомъ направленіи, далеко не оправдываемомъ дѣйствительностью, легко обмануться. Невѣрно и то, что однѣми гуманными мѣрами и возбужденіемъ самолюбія можно исправить дурныя наклонности новобранца и достичь того, что онъ будетъ хорошо служить, ради добраго слова начальника и считать холодное съ нимъ обращеніе за наказаніе. О столь идеальныхъ надеждахъ можно только мечтать, но достигнуть ихъ осуществленія невозможно, а потому и безполезно такъ настойчиво навязывать ихъ. Кто безусловно повѣритъ имъ, тотъ навѣрно раскается.

Система воспитанія солдата, проводимая авторомъ, казалось, должна бы навсегда обратить ввѣренныхъ его попеченію людей въ примѣрныхъ по службѣ и нравственности, а, между тѣмъ, онъ же заявляетъ, что насколько молодые солдаты старательны, чувствительны къ малѣйшимъ замѣчаніямъ и охотно относятся къ службѣ, настолько старослужащіе (значитъ, поступившіе въ ряды 2—3 года назадъ) апатичны къ дѣлу. Но вѣдь это его же ученики и питомцы, прошедшіе рекомендуемую имъ же школу. Вотъ лучшее доказательство, насколько непрочны способы воспитанія, основанные на идеяхъ, не соотвѣтствующихъ духу и понятіямъ той среды, изъ которой преимущественно комплектуется армія. Незнаніе этой среды доходитъ до того, что рѣшаются утверждать совершенно противное только-что

высказанному ими самими, а именно, будто-бы, поступая на службу, солдатъ не приноситъ съ собою рѣшительно никакой охоты къ дѣлу, для котораго онъ призывается, и что эта охота зависитъ только отъ того воспитанія, которое онъ получаетъ на службѣ. Не явное ли это противорѣчіе? Еслибы рекомендуемые способы солдатскаго воспитанія дѣйствительно возбуждали охоту къ службѣ, то почему бы она пропадала такъ скоро? Напротивъ, ссылаемся на всѣхъ, кому доводилось обучать новобранцевъ, что большая часть ихъ является съ полною охотою изучать новое дѣло и нести службу. Надо только умѣть поддержать и дать правильное направленіе подобному стремленію, что̀ достигается не сентиментальными пріемами и утрированною гуманностью, а правильнымъ и серьезнымъ отношеніемъ какъ къ учащимъ, такъ и къ обучаемымъ.

Если пишущіе о новыхъ способахъ солдатскаго воспитанія называютъ серьезнымъ то дѣло, которое новобранецъ бросилъ на родинѣ, то надо вести послѣдняго такъ, чтобы въ теченіе службы онъ не терялъ вѣры въ эту серьезность. Если же его ведутъ по кривому пути, то деревня (что̀ мы видимъ теперь часто) дѣлается ему противною, а жизнь въ ней тяжелою. Не найдя мѣста въ городѣ и избалованный на службѣ, запасный является на родину съ претензіями на какое-то привилегированное положеніе, считаетъ всѣхъ ниже себя и часто дѣлается первымъ нарушителемъ порядка и подчиненности мѣстной власти. И это совершенно естественно, потому что современные брошюрочные и газетные литераторы, вмѣсто проведенія здраваго взгляда на веденіе и обученіе солдата, затмеваютъ его голову трактатами о самопочинѣ, о высшемъ развитіи, о гармоническомъ соединеніи нравственнаго и умственнаго образованія и т. д. Еслибы всѣ эти витіеватости писались ради практики красиво излагать разныя теоріи, то фразы и оставались бы фразами, но разъ что проводятся мысли: что пріохотить къ дѣлу можно одними похвалами, что унтеръ-офицеръ долженъ быть иниціаторомъ и *не бояться за это замѣчаній*, что объ исполнительности надо заботиться, и то нѣкоторое время, только при дурномъ составѣ людей, — необходимо относиться къ подобнымъ совѣтамъ съ оглядкою. Проникнувъ въ среду нижнихъ чиновъ, они могутъ породить плоды, совершенно противные тому, чего, при своихъ увлеченіяхъ, ожидаютъ совѣтчики.

Не мало страннаго встрѣчается и во взглядахъ на дисцип-

лину. Къ этому мы относимъ, напримѣръ, мысли, что дисциплина есть ничто иное, какъ *спутникъ инициативы*, что подчиненный, *вопреки указаніямъ начальника*, можетъ придумывать свои собственные пріемы къ наилучшему достиженію цѣли, что самопочинъ солдата долженъ *прикрывать упущенія начальника*. Мало этого, относясь снисходительно къ неисполнительности, совѣтуютъ не требовать, чтобы солдаты шли къ цѣли по указанному начальникомъ пути, а чтобы каждый выдумывалъ, соображалъ и избиралъ свой собственный путь. Всѣ подобные выводы оправдываютъ тѣмъ, что прусскій военный писатель, Гольцъ, сказалъ: „въ германской арміи одинаково учатся слушать и разсуждать". Но мы видѣли, при посредствѣ какихъ факторовъ обучаютъ и воспитываютъ солдатъ въ Пруссіи.

Ознакомившись съ воззрѣніями такого рода, недоумѣваешь, какъ согласовать ихъ съ нѣкоторыми вполнѣ вѣрными взглядами тѣхъ же авторовъ. То они доводятъ свои совѣты до идеальнаго развитія въ солдатѣ самопочина и иниціаторства, то говорятъ, что моментальное исполненіе приказаній составляетъ драгоцѣнный признакъ лучшаго военнаго типа, свидѣтельствующаго о присутствіи въ человѣкѣ военной жилки. Ни этой жилки, ни молодцовато-воинственнаго строя, который играетъ важную роль въ минуты боя, нельзя достигнуть философскими умозаключеніями. Учить солдата надо такъ, какъ указываетъ уставъ, начальническій опытъ и служебный долгъ обучающихъ. Для того же, чтобы слѣдовать по пути мечтателей и идеалистовъ, нужны особенно созданные солдаты и особенные наставники. Для поддержанія своихъ сужденій и выводовъ всѣ они подбираютъ изъ прошлаго одно негодное; оперируя былое, они хватаютъ черезъ край, косятъ все подъ рядъ, не замѣчая, что, срѣзая дурное, уничтожаютъ самое дорогое, а это не можетъ не привести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Тогда, быть можетъ, придется вспомнить и муштру, но не будетъ ли поздно.

Умаливъ, насколько возможно, значеніе разумной муштры, нѣкоторые авторы восхваляютъ потомъ молодецкій видъ, воинственную осанку солдатъ, стройность фронтовыхъ движеній и въ то же время упрекаютъ прежнихъ начальниковъ, ставя имъ чуть не въ преступленіе, что они добивались того же самаго. Называя это рутиною, тутъ же сами впадаютъ въ рутину безразборнаго новаторства, если не прямо строеваго, то воспитательнаго. Не будемъ говорить, что принципы ихъ не вѣрны, но способы проведенія и примѣненія къ жизни не со-

отвѣтствуютъ тѣмъ началамъ, которыя составляютъ сущность военнаго воспитанія. Невѣрность взглядовъ и выводовъ происходитъ отъ невѣрности тезисовъ, на которыхъ они основаны. Какъ мало надо знать складъ нынѣшней деревенской жизни и нравственный уровень семьи простолюдина, чтобы не находить въ ней случаевъ, за которые можно было бы упрекнуть ее въ дурномъ направленіи даваемаго ею воспитанія. Судебная хроника, общественное мнѣніе, тысячи корреспонденцій и оффиціальныхъ сообщеній свидѣтельствуютъ, что упадокъ религіозности, семейной подчиненности, неуваженіе къ старшинству, нравственная распущенность и пьянство пустили глубокіе корни въ среду, изъ которой берется главный контингентъ арміи. Зачѣмъ утѣшать себя тѣмъ, чего не существуетъ? Если военные писатели разсматриваемаго разряда убѣждены, что даваемое въ семьяхъ простолюдиновъ направленіе безупречно, такъ зачѣмъ же имъ хлопотать о развитіи и сознаніи долга на службѣ. Было бы гораздо полезнѣе, еслибы они обратили вниманіе и тратили бы свой трудъ на изслѣдованіе того, почему имъ приходится перевоспитывать вновь поступающихъ въ солдаты. Тутъ они столкнулись бы съ духомъ обученія и направленіемъ учителей тѣхъ земскихъ и городскихъ школъ, ученики которыхъ поступаютъ въ ряды арміи. Тамъ они нашли бы болѣе данныхъ для своего краснорѣчія, чѣмъ въ подтруниваніяхъ надъ прежними требованіями и взглядами на солдатское воспитаніе. Если ребенокъ для своего воспитанія требуетъ десятка лѣтъ, то какимъ образомъ трактовать о возможности перевоспитать въ два года взрослаго человѣка одними гуманными мѣрами и похвалами. Заботьтесь о немъ, смотрите за нимъ, будьте справедливѣе къ нему, не пропускайте его проступковъ, и онъ, если нужно, перевоспитается самъ собою. Не тотъ ли же военный писатель, котораго такъ любятъ восхвалять его подражатели, говорилъ: Въ войскѣ требуется умѣть *дѣло дѣлать, а не болтать о немъ.*

При всемъ консерватизмѣ народной среды, въ ея молодежи, стремящейся къ безнадзорной свободѣ, легко можетъ прививаться дурное. Если оно проникаетъ въ развитые, интеллигентные кружки общества, то какъ можно утверждать, что солдатская среда вполнѣ гарантирована отъ вторженія въ нее тѣхъ же поползновеній. Беречь отъ этого, неусыпно слѣдить, чтобы этого не случилось, первѣйшая обязанность ближайшихъ къ солдатамъ начальниковъ,—обязанность болѣе важ-

ная, чѣмъ вселеніе иниціаторства, самопочина, самосознанія и прочихъ несвойственныхъ и непонятныхъ простому русскому человѣку качествъ.

Кто рѣшается печатно знакомить съ своими идеями, тотъ долженъ помнить, что его произведеніе можетъ читаться не только тѣми, для кого оно предназначено. Поэтому всякій пишущій военно-наставительные совѣты долженъ относиться къ своимъ выводамъ съ особенною осторожностію, такъ какъ, съ распространеніемъ грамоты въ средѣ солдатъ, они могутъ быть поняты ими превратно. Мысль, брошенная хотя бы и съ добрымъ намѣреніемъ, попадая не въ ту среду, куда она направлена, часто приноситъ вредъ тамъ, гдѣ его вовсе не ожидаютъ. Отъ подобной неосторожности происходятъ и тѣ пересолы, которые нерѣдко встрѣчаются въ лучшихъ брошюрахъ военнаго содержанія. Какъ, напримѣръ, согласиться хотя и съ авторитетнымъ писателемъ, когда онъ говоритъ, что муштрованіе *нарушаетъ въ самомъ корнѣ воинское благоустройство*, какъ согласиться, когда другой считаетъ неважнымъ, если неопытный офицеръ будетъ задерживать обученіе роты, въ надеждѣ, что потомъ, пріобрѣтя опытность, тотъ же офицеръ вознаградитъ упущенное по его винѣ. Значитъ, надо терпѣливо ждать, покуда наступитъ желаемая опытность, а до тѣхъ поръ слѣдуетъ дозволять тормозить обученіе.

Не думаемъ, чтобы молодые люди, кончившіе образованіе, уже прослужившіе лѣтъ 5—6 въ строю и готовящіеся къ принятію роты, нуждались въ подобномъ терпѣніи, или въ чьемъ-либо менторствѣ, разъ что они теоретически и практически прошли все, требуемое отъ офицера. Каждый изъ нихъ гораздо снисходительнѣе перенесетъ дѣльное замѣчаніе и даже выговоръ, чѣмъ похвалу отъ почти равнаго себѣ товарища, за обыкновенное исполненіе служебнаго требованія. Подобная похвала, лестная для кадета или юнкера, не можетъ поощрять офицерскаго самолюбія, а скорѣе ослабитъ его. Не много ли будутъ брать на себя тѣ изъ старшихъ товарищей, которые стремятся выдвигать товарищей младшихъ и возстановлять ихъ репутацію, если она утрачена. Вообще тотъ изъ военныхъ литераторовъ, который тономъ изложенія своихъ статей выставляетъ себя всезнающимъ, вращавшимся во всѣхъ сферахъ армейской службы и изучившимъ всѣ ея условія, невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ пользѣ его совѣтовъ.

Взглянемъ теперь, какъ смотритъ на командованіе отдѣль-

ною частью одинъ изъ военныхъ публицистовъ послѣдняго времени. Онъ находитъ, что убѣжденіями, наставленіями и просьбами можно скорѣе достигнуть исполнительности, нежели имѣющимися въ рукахъ командира дисциплинарными мѣрами.

Во-первыхъ, способы, которыми достигается та или другая цѣль, зависятъ отъ того, къ кому они примѣняются. Для однихъ достаточно убѣжденій и просьбъ, для другихъ мало строгаго выговора. Во-вторыхъ, имѣя дѣло съ массою, нельзя выбирать, нельзя сегодня быть снисходительнымъ къ одному, за что̀ завтра придется быть строгимъ къ другому; это привело бы къ нареканію въ лицепріятіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе служебнаго долга будетъ прочнѣе въ томъ обществѣ, гдѣ установился честный взглядъ на долгъ службы. Но гдѣ найти общество, въ которомъ всѣ члены одинаково бы относились къ требуемому закономъ. Желать этого, конечно, возможно; но какъ только командиръ части увлечется подобною иллюзіею, какъ только онъ поддастся медоточивымъ фразамъ гуманныхъ педагоговъ-писателей и станетъ просить и убѣждать тамъ, гдѣ надо приказывать и взыскивать, онъ не справится съ частью и прослыветъ искателемъ недостижимаго. Многое, считаемое въ общемъ смыслѣ вполнѣ правильнымъ и желательнымъ, въ военной службѣ непримѣнимо; обратно,—то, что весьма важно въ военномъ воспитаніи, можетъ быть совершенно несогласно съ педагогическими принципами. Зачѣмъ же проводить ихъ черезъ военныя статьи руководящаго направленія? Зачѣмъ напримѣръ бездоказательно говорить, что несерьезность взглядовъ офицеровъ на мирныя требованія службы происходитъ отъ того, что постановка этой службы на столько неудовлетворительна, что заставляетъ офицера признавать предъявляемыя къ нему требованія неосновательными. Касаться подобнаго предмета, да еще дѣлать при этомъ произвольные выводы уже не слѣдовало бы потому, что они вызываютъ небрежные взгляды на служебныя требованія. Нельзя похвалить и того, что публикующій свои воззрѣнія и совѣты военно-воспитательнаго значенія полагаетъ, что приказы начальства могутъ быть *пустячными*. Выражаться такъ было бы не совсѣмъ практично и лицу чуждому военнымъ принципамъ и обычаямъ, а не только составляющему руководственныя статьи военнаго содержанія.

Очень возможно, что это дѣлается изъ подражанія болѣе бойкимъ литераторамъ, у которыхъ что слово, то приговоръ,

что фраза—то выводъ. Не угодно ли, напримѣръ, обратить вниманіе на такое заключеніе, написанное тономъ, не допускающимъ возраженія: „Стрѣльба есть дѣло совѣсти, и никому не придетъ въ голову арестовать солдата за то, что онъ дурно стрѣляетъ". Спрашивается, что же дѣлать съ стрѣлкомъ, если онъ не попадаетъ отъ лѣности и видимаго невниманія и уже не разъ подвергался за это взысканію? если онъ два курса стрѣлялъ отлично, а потомъ попалъ въ разрядъ слабыхъ? Пусть бы авторитетный авторъ, провозглашающій, что стрѣльба *дѣло совѣсти*, спросилъ тѣхъ, кто съ утра до вечера возится съ солдатомъ, кто бьется цѣлую зиму, чтобы расшевелить мышленіе чуваша или совѣсть еврея, и конечно ни одинъ изъ этихъ тружениковъ не согласится съ этимъ. Полагаемъ, что любой подпоручикъ, прочтя, что стрѣльба есть дѣло совѣсти, улыбнется, потому что и онъ уже знаетъ, какъ часто солдатъ начинаетъ стрѣлять дурно для того, чтобы попасть въ нестроевые, гдѣ ему легче и покойнѣе.

Оригинальные взгляды проводятся и на производимые начальствомъ смотры. Поборники новыхъ теорій отвергаютъ заблаговременное назначеніе смотровъ и предлагаютъ производить ихъ внезапно, находя это полезнѣе, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Кромѣ того, они желаютъ, чтобы начальникъ провѣрялъ только тѣ знанія, которыя обязательны къ извѣстному времени года. Разсмотримъ, вполнѣ ли основательны подобныя заявленія. Во-первыхъ, лишать начальника права назначать смотръ есть уже посягательство на его власть и значеніе въ глазахъ подчиненныхъ. Во-вторыхъ, повѣрка только тѣхъ знаній, которыя обязательны въ извѣстную пору года, имѣетъ смыслъ лишь въ отношеніи новобранцевъ, не прошедшихъ 4-хъ мѣсячнаго курса; а кто же станетъ требовать отъ нихъ на второмъ мѣсяцѣ того, что они обязаны знать въ концѣ четвертаго? Но почему же нельзя повѣрять того, что составляетъ обязанности старослужащихъ? Подобное испытаніе необходимо уже потому, что каждая воинская часть должна быть всегда готова къ мобилизаціи, а слѣдовательно и ко всему тому, что потребуется отъ нея въ военное время. Что же касается хозяйственной части, то заранѣе назначенный смотръ всегда полезенъ; онъ возбуждаетъ энергію, заставляетъ привести въ порядокъ все, что могло быть упущено изъ виду, или нѣсколько разстроилось. При внезапныхъ осмотрахъ хозяйства, можно только научить, какъ

удобнѣе и выгоднѣе что-либо дополнить или исправить, но провѣрить, исполнено ли это, можно только при слѣдующемъ пріѣздѣ. Вообще, что и какъ смотрѣть, зависитъ отъ личнаго знанія и умѣнія начальника; указывать же ему, когда и какъ это дѣлать, могутъ только высшія власти, но никакъ не авторы статей военнаго содержанія, каждый по своему. Это и приводитъ къ тому, что мы знали начитавшагося подобныхъ наставленій начальника, сердившагося, зачѣмъ на его смотры выводили солдатъ чисто-одѣтыми и подтянутыми. „Что вы мнѣ показываете—говорилъ онъ—солдата накрахмаленнымъ, давайте мнѣ его такимъ, какимъ онъ лежитъ на нарахъ". Удивляться подобнымъ оригиналамъ нельзя, но нельзя не удивляться тому, кто провозглашаетъ, будто требованія мирнаго времени клонятся къ ущербу военныхъ достоинствъ солдата. Повѣрить подобнымъ выводамъ можно бы было только тогда, еслибы публикующіе ихъ доказали, что грязный и неопрятный солдатъ будетъ драться и стрѣлять лучше опрятнаго и аккуратнаго.

Осужденіе требованій и взглядовъ, несогласныхъ съ мнѣніями составителей газетныхъ статей, встрѣчается въ мелкой военной литературѣ довольно часто. Какъ только начальникъ требуетъ что-либо выходящее изъ программы, составленной въ духѣ этихъ авторовъ, они безцеремонно называютъ такія требованія *пустячными*. Они осуждаютъ подчиненныхъ, изучающихъ взгляды своихъ начальниковъ, чѣмъ открываютъ обширное поле для всякаго рода отговорокъ, такъ какъ всегда можно сказать, что требованіе было заявлено или рано, или не въ порядкѣ извѣстной программы. Выходитъ, что предлагающіе свои способы и методы обученія то требуютъ рабскаго подчиненія программѣ, то настаиваютъ, какъ мы видѣли выше, чтобы каждый обучающій изобрѣталъ свою систему и свои пріемы обученія. Другими словами—начальнику нельзя проявлять самостоятельности, а подчиненные могутъ смотрѣть на обученіе, какъ имъ угодно. Такое направленіе замѣчается вездѣ, гдѣ рѣчь касается правъ и прерогативъ командира части. Напримѣръ, личное вліяніе его на выборъ въ унтеръ-офицеры считается нарушеніемъ служебнаго значенія ротнаго командира. Почему же, послѣ этого, вмѣшательство послѣдняго въ командованіе младшаго офицера взводомъ не считать нарушеніемъ его авторитета?

Желающимъ помѣщать свои воззрѣнія въ газетныхъ стать-

яхъ можно посовѣтовать, чтобы они поменьше увлекались тѣми несбыточными предложеніями, которыя сдѣлались какъ бы модными. Гораздо было бы полезнѣе потрудиться надъ вопросомъ, какъ отстранить затрудненія, встрѣчаемыя въ арміи, для достиженія не мечтательныхъ желаній теоретиковъ, а цѣлей, указанныхъ уставными требованіями службы, въ размѣрахъ оффиціальныхъ инструкцій высшаго начальства. Напримѣръ, мнѣніе, что новобранцу трудно усвоить устныя познанія при оффиціальной обстановкѣ, потому что она волнуетъ его, и что совсѣмъ иное дѣло „когда онъ, снявъ аммуницію, усядется на койкѣ, попьетъ чаю и заведетъ простую бесѣду съ дядькой“,—вызываетъ невольную улыбку. Перенеситесь, господа совѣтчики, въ бытъ армейскаго солдата, и тогда поймете, что для него не слѣдуетъ писать идиллій. Давать наставленія вродѣ того, что офицеръ долженъ требовать отъ учителя хорошаго обращенія съ новобранцами, значитъ не знать прошлаго. Когда же не требовалось того же самаго и отъ офицера, и отъ солдата-учителя?

Заключимъ нашу замѣтку краткимъ разборомъ того, что пишутъ теперь объ обученіи нижнихъ чиновъ грамотности. Одинъ изъ поборниковъ военной педагогіи раздѣляетъ методы обученія на два вида: механическій и воспитательный, и отдаетъ полное преимущество послѣднему. Осуждая первый способъ, потому что при немъ учатъ только читать и писать, не отвлекаясь никакими посторонними цѣлями, онъ восторгается вторымъ, при которомъ дается понятіе объ окружающемъ мірѣ и объ отношеніяхъ человѣка къ обществу. При этомъ утировка, какъ въ осужденіяхъ, такъ и въ похвалахъ, доходитъ до того, что солдатъ, умѣющій только читать и писать, ставится на ряду съ ремесленникомъ, думающимъ только о наживѣ, и съ подъячимъ, сочиняющимъ кляузныя бумаги въ кабакѣ. Такимъ педагогамъ желательно, чтобы, чрезъ обученіе грамотѣ, солдатъ получалъ возвышенныя стремленія, сдѣлался бы иниціаторомъ и посредствомъ мышленія доходилъ бы до собственныхъ примѣненій служебныхъ требованій.

Въ то время какъ военные авторы извѣстнаго направленія, столь щедрые на совѣты, всѣми силами стараются обратить солдата чуть не въ мыслителя и сдѣлать изъ него идеальнаго спеціалиста военнаго дѣла, лучшій изъ иностранныхъ военныхъ писателей въ своемъ сочиненіи „О нравственномъ воспитаніи солдата“ говоритъ: „Избави насъ Богъ отъ эскадроновъ

съемщиковъ и отъ баталіоновъ ученыхъ". Мы же прибавимъ: „Избави Богъ русскаго солдата отъ наставителей, набивающихъ его голову пустыми стремленіями и понятіями о самопочинѣ". Тому, кто по выходѣ изъ службы долженъ будетъ трудиться для пропитанія себя и своей семьи, такія стремленія принесутъ одно горе. Тотъ же, кто въ своихъ совѣтахъ и разсужденіяхъ идетъ противъ жизненныхъ требованій и условій — вредитъ дѣлу.

* * *

Письма Плетнева къ Гоголю.

1844—1851.

Когда я печаталъ переписку Плетнева съ друзьями въ III томѣ его „Сочиненій“, предлагаемыя здѣсь 19 писемъ къ Гоголю не были мнѣ извѣстны. Они доставлены мнѣ недавно изъ Москвы Вл. Ив. Шенрокомъ, который получилъ ихъ отъ проживающихъ въ Малороссіи родныхъ покойнаго Николая Васильевича. По желанію редакціи „Русскаго Вѣстника“, я охотно беру на себя составленіе къ этимъ письмамъ необходимыхъ примѣчаній. Правда, что эта задача нѣсколько затрудняетъ меня тѣмъ, что въ письмахъ этихъ не разъ упоминается мое имя; но читатели, слѣдившіе за перепискою Плетнева, могли видѣть еще изъ писемъ его къ Жуковскому, печатавшихся въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870-хъ годовъ, съ какимъ дружескимъ пристрастіемъ онъ иногда говорилъ обо мнѣ. Настоящія письма не представляютъ съ этой стороны ничего новаго. Что касается отношеній между Плетневымъ и Гоголемъ, то они извѣстны изъ помѣщенныхъ въ изданіи г. Кулѣша писемъ и совершенно однородны съ отношеніями Плетнева къ Пушкину, хотя первый, конечно, не одинаково смотрѣлъ на обоихъ писателей. Подобно Пушкину, и Гоголь нашелъ въ немъ старшаго друга, который съ отеческою заботливостью помогалъ ему во всѣхъ затрудненіяхъ, облегчалъ столкновенія съ цензурою, доставлялъ ему матеріальныя выгоды, былъ посредникомъ между нимъ и книгопродавцами. За то и Гоголь глубоко сознавалъ, какъ много былъ обязанъ

Плетневу. Вскорѣ послѣ изданія „Мертвыхъ душъ“, Гоголь писалъ ему, прося его сообщить строгій разборъ этого сочиненія:

„Добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни“.

Письмо, которымъ начинается настоящая коллекція, было, какъ видно изъ первыхъ строкъ его, отвѣтомъ не несохранившееся, къ сожалѣнію, письмо, въ которомъ Гоголь просилъ Плетнева откровенно высказать свое о немъ мнѣніе. Конечно, ему до того никогда еще не приходилось слышать такихъ горькихъ истинъ. Замѣчательная отповѣдь Плетнева столько же служитъ характеристикой его самого, какъ и Гоголя.

Я. Гротъ.

I.

27 окт. 1844. С.-Пб.

Наконецъ захотѣлось тебѣ послушать правды. Изволь, попотчую. Послѣ такого вступленія, надѣюсь, и ты въ письмахъ ко мнѣ кинешь проклятое *вы*, отъ котораго у разговаривающихъ въ глазахъ двоится. Начну съ себя, что такое я? Въ отношеніи къ общему ремеслу нашему—литературѣ—человѣкъ безъ таланта и необходимыхъ свѣдѣній. Но человѣкъ, замѣнившій то и другое долговременною практикою, постоянными многолѣтними, непосредственными, даже, смѣю сказать, дружескими сношеніями съ Дельвигомъ, Гнѣдичемъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ и Крыловымъ. Слѣдовательно, человѣкъ не безъ идей, не безъ такта, не безъ голоса. Прибавь ко всему этому любовь къ искусству, любовь неизмѣнную, безкорыстную, чистую. А это чувство не только освящаетъ всѣ наши дѣйствія, но нерѣдко служитъ и замѣною вдохновенія. Оно поддерживаетъ во мнѣ силу въ борьбѣ съ современными литературными слѣпцами и лѣнивцами, каковы друзья наши: Одоевскій и подобные ему; съ литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Гречъ, Булгаринъ и московская въ Петербургѣ сволочь.

Слѣдовательно я, какъ литераторъ, не могу быть безъ сознанія собственнаго достоинства—будь оно даже просто отрицательное. Какъ другъ, я еще болѣе знаю себѣ цѣну. Когда умеръ Пушкинъ, для прочихъ друзей все умерло лучшее его: стремленіе къ совершенствованію идеи въ нашей литературѣ, управа съ эгоизмомъ и невѣжествомъ, вѣра въ единство истинной церкви, которую должны изъ своего круга образовать благородные люди, понимающіе дѣло и ни для чего не кривящіе душой. Все это подъ конецъ жизни сосредоточилъ онъ въ „Современникѣ“. Я взялъ его не изъ корысти. Ни Пушкину не приносилъ онъ, ни мнѣ не приноситъ другихъ выгодъ, кромѣ средства отстаивать любовь души своей, по выраженію Шиллера. Шесть лѣтъ я жертвую ежегодно по пяти тысячъ рублей на поддержаніе „Современника“, только въ одномъ убѣжденіи, что для чести Пушкина и истины не долженъ погибнуть органъ ихъ, не долженъ обратиться въ глумленіе противникамъ истины и Пушкина. Это хорошо знаютъ всѣ друзья его. Но кто же изъ нихъ, въ память друга, подалъ мнѣ руку на товарищество? Никто, потому что у всѣхъ дружба только къ себѣ, а не къ мертвецу безполезному. Наконецъ, что я, какъ человѣкъ? Прямое, простое и мирное существо, закрывавшееся въ тѣни своихъ привычекъ и чистыхъ привязанностей, безъ претензій на что-либо, безъ всякихъ замысловъ, любящее солнце, поэзію и безлюдье. Таковъ я былъ всегда, такимъ и ты нашелъ меня нѣкогда, такимъ ты зналъ меня, если я не ошибался. Но что такое ты? Какъ человѣкъ, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недовѣрчивое и всѣмъ жертвующее для славы. Можетъ быть, все это и необходимо для достиженія послѣдняго. Итакъ, я не назову ни одного изъ этихъ качествъ порокомъ: они должны сопутствовать человѣку, рожденному для славы. И въ Евангеліи сказано: оставиши отца и матерь и прилѣпися къ женѣ. Но, какъ другъ, что ты такое? И могутъ ли быть у тебя друзья? Еслибы они были, давно высказали бы они тебѣ то, что ты читаешь теперь отъ меня. Но я говорю не какъ другъ, а какъ честный человѣкъ, уполномоченный тобою, и какъ освященный внушеніями Христіанской вѣры, которая поставила меня выше всѣхъ соображеній. Это я ношу въ сердцѣ, потому что у меня есть другъ..., который таковъ во всѣхъ своихъ помышленіяхъ и дѣйствіяхъ. Твои же друзья двоякіе: одни искренно любятъ тебя за талантъ и ничего еще не читывали во глубинѣ души твоей. Таковъ

*

Жуковскій, таковы Балабины [1]), Смирнова [2]) и таковъ былъ Пушкинъ. Другіе твои друзья—московская братія. Это раскольники, обрадовавшіеся, что удалось имъ геніальнаго человѣка, напоивъ его до-пьяна въ великой своей харчевнѣ настоемъ лести, пріобщить къ своему скиту. Они не только раскольники, ненавидящіе истину и просвѣщеніе, но и промышленники, погрязшіе въ постройкѣ домовъ, въ покупкахъ деревень и въ разведеніи садовъ. Имъ-то вѣруешь ты, судя обо всемъ по фразамъ, а не по жизни и не по дѣйствіямъ. На нихъ-то смѣнилъ ты меня, когда вмѣсто безмолвнаго участія и чистой любви, раздались около тебя высокопарныя восклицанія и приторныя публикаціи. Ко мнѣ заѣзжалъ ты какъ на станцію, а къ нимъ какъ въ свой домъ.—Но посмотримъ, что ты, какъ литераторъ? Человѣкъ, одаренный геніальною способностью къ творчеству, инстинктивно угадывающій тайны языка, тайны самаго искусства, первый нашего вѣка комикъ по взгляду на человѣка и природу, по таланту вызывать изъ нихъ лучшіе комическіе образы и положенія, но писатель монотонный, презрѣвшій необходимыя усилія, чтобы покорить себѣ сознательно всѣ сокровища языка и всѣ сокровища искусства, неправильный до безвкусія и напыщенный до смѣшнаго, когда своевольство перенесетъ тебя изъ комизма въ серьезное. Подлѣ такихъ поэтовъ-художниковъ, каковы: Крыловъ, Жуковскій и Пушкинъ, ты только геній-самоучка, поражающій творчествомъ своимъ и заставляющій жалѣть о своей безграмотности и невѣжествѣ въ области искусства. Но довольно. Вотъ что ты и что я. Судьба свела насъ вмѣстѣ. Она лучше насъ провидѣла, что, слившись, мы взаимно будемъ другъ друга совершенствовать, дополнять другъ въ другѣ недостающее. Она знала, что добрыя качества и недостатки одного совмѣстны съ

---

[1]) Петръ Ивановичъ Балабинъ былъ отставной генералъ корпуса жандармовъ. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на Англійской набережной близъ Николаевскаго моста. Супруга его, Варвара Осиповна, француженка по происхожденію, была женщина чрезвычайно образованная, начитанная, съ тонкимъ вкусомъ въ оцѣнкѣ произведеній литературы и искусствъ. У нихъ были два сына и дочь. Одинъ изъ братьевъ покойный Викторъ Петровичъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, другой, Евгеній, проживаетъ въ Парижѣ, какъ членъ ордена іезуитовъ. Когда Гоголь началъ пріобрѣтать извѣстность, Плетневъ ввелъ его въ домъ Балабиныхъ, и будущій авторъ „Мертвыхъ душъ“ сдѣлался учителемъ даровитой и любознательной Маріи Петровны (впослѣдствіи госпожи Вагнеръ).

[2]) Столь извѣстная Александра Осиповна, о которой въ недавнее время сообщено много новыхъ свѣдѣній (см. „Русскую Старину“ и „Вѣстникъ Европы“).

цѣлью обще-человѣческою — распространеніемъ добра и свѣта. Я, съ своей стороны, употребилъ все, что возложила на меня судьба для общаго назначенія нашего. Но нашелъ ли я отвѣтъ въ твоемъ сердцѣ на это для насъ тогда темное, однако моимъ инстинктомъ постигнутое предопредѣленіе? Ничего. Можетъ быть, судя по необузданности твоихъ порывовъ, и надобно было, чтобы тяжелыми и долгими опытами дошелъ ты до необходимости возвратиться туда, откуда такъ оскорбительно для меня соскочилъ ты. А можетъ быть тебѣ и не нужно было всего того, что я изложилъ здѣсь съ такимъ философски-религіознымъ изслѣдованіемъ. По крайней мѣрѣ, испытай хоть разъ въ жизни это новое для тебя ощущеніе, что̀ такое голосъ чистоты и призванія къ дружбѣ. Я не предлагаю тебѣ никакой перемѣны въ жизни, занятіяхъ и отношеніяхъ твоихъ. Я только желалъ бы, чтобы ты возвысился до настоящаго нравственнаго чувства, проливающаго въ сердцѣ свѣтъ на обязанности наши къ Богу, къ людямъ, отечеству и даже къ нашему здѣсь призванію и принятымъ уже убѣжденіямъ. Ясное созерцаніе этихъ предметовъ само преобразовало бы жизнь твою, теперь только поэтическую, но неполную и несовременную нашему вѣку. Ты, не прерывая главныхъ своихъ, обдуманныхъ уже твореній, долженъ строже опредѣлить себѣ, какъ надлежитъ тебѣ содѣйствовать развитію въ человѣчествѣ высшаго религіознаго и моральнаго настроенія, распространенію въ отечествѣ вѣчныхъ началъ науки и искусства, какъ довершить въ себѣ недостатки литературные и какъ поражать все, несогласное съ принятыми тобою правилами. Мы живемъ не при Шекспирѣ, а послѣ Гёте и Шиллера, которые, творя какъ художники, въ то же время боролись съ врагами истинныхъ идей и неизмѣннаго вкуса. Зачѣмъ тебѣ, пользующемуся репутаціею, не вести другихъ по хорошей дорогѣ, указывая на заблужденія судей-самозванцевъ и торгашей литературныхъ? Это бореніе укажетъ тебѣ на изысканіе способовъ, какъ и въ себѣ дополнить недостающее и въ другихъ поразить ложное. Изъ генія-самоучки ты возвысишься, какъ Гёте, до генія-художника и генія-просвѣтителя. Не презирай даже того, что въ въ Россіи и мелко и жалко. Какъ Русской, ты долженъ на это смотрѣть глазами врача. Но главное: ты пріучись мыслить, излагать и отстаивать идеи, защищать убѣжденія сердца и укрощать буйное невѣжество. При теперешней цыганской жизни твоей, я не могу ловить тебя съ своимъ „Современни-

никомъ". Но онъ весь есть у Жуковскаго [1]). Впрочемъ, назначь и объяви, что̀ тебѣ нужно. Ты увидишь, что я, отказавшись отъ имени твоего друга, сдѣлаю столько же, сколько бы сдѣлалъ и освятившись имъ. Прокоповичъ живъ и здоровъ. Онъ, конечно, не войдетъ съ тобою въ сношенія, пока ты дружески не объяснишь ему въ особомъ письмѣ, что̀ тебѣ нужно знать отъ него. Онъ тебя любитъ, но недоволенъ твоею недовѣрчивостью и безпорядочностью въ сношеніяхъ, которыя требуютъ прозаическихъ данныхъ. О долгахъ не заботься. Напиши мнѣ, куда, сколько и какъ переслать: все получишь. Когда разбогатѣешь—отдашь. Обнимаю тебя, а ты обойми Жуковскаго.

П.

II. [2]).

27 авг. (8 сент.) 1846. С.-Пб.

Письмо твое изъ Остенде отъ 13 (25) авг. пришло ко мнѣ 24 авг. (5 сент.). Съ нимъ получилъ я вторую тетрадь рукописи, которую печатаю [3]). Хорошо, что ты не замедлилъ присылкою, а то типографія осталась бы безъ работы. Пожалуста, старайся и конецъ доставить во-время. Никитенко цензируетъ теперь вторую тетрадь. По своему обыкновенію, онъ непроворенъ и любитъ помучить терпѣніе. Въ первой тетради онъ вычеркнулъ нѣсколько фразъ о (Погодинѣ). Не знаю, какъ онъ сладитъ съ письмомъ о духовенствѣ. Гражданская цензура обыкновенно передаетъ такія статьи въ духовную, гдѣ ихъ совсѣмъ не пропускаютъ. Я совѣтовалъ Никитенкѣ придумать другое заглавіе, если только съ такимъ пожертвованіемъ можно спасти пьесу. Не знаю, чѣмъ это кончится. Я во всемъ держусь твоихъ наставленій при печатаніи. Но не полагаюсь на Никитенку, чтобы онъ сохранилъ въ секретѣ твое дѣло. По крайней мѣрѣ уже подозрѣваю, что Никитенко разболталъ объ этомъ сколько-нибудь Одоевскому, который протежируетъ Никитенко для Краевскаго, какъ издателя журнала, гдѣ работаетъ и Одоевскій съ Бѣлинскимъ.

---

[1]) Жуковскій, какъ и Гоголь, жилъ въ это время заграницею, и именно на Рейнѣ, гдѣ Гоголь иногда гостилъ у него.

[2]) Второе письмо носитъ такой адресъ на оборотѣ сложеннаго листка: Son Excellence M. de Ionkofsky. Pour remettre à M. de Gogol. Francfort sur le M.

Такой же адресъ и на третьемъ письмѣ.

[3]) „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями".

Типографію я выбралъ въ департаментѣ внѣшней торговли. Тамъ факторъ въ вѣдѣніи кн. Вяземскаго, и никто изъ литераторовъ туда не ходитъ. Ты можешь приблизительно и самъ сдѣлать разсчетъ, сколько выйдетъ печатныхъ листовъ изъ твоей рукописи. Страница твоего письма въ печати ложится безъ малаго на двухъ страницахъ.

Будь здоровъ. Обнимаю тебя.

П.

III.

24 сент. (6 окт.) 1846 г. С.-Пб.

Сію минуту получилъ я изъ Остенде и четвертую твою тетрадку. Третья пришла еще прежде.

Такимъ образомъ все идетъ исправно. Неисправенъ только Никитенко. Онъ болѣе мѣсяца держитъ у себя еще вторую тетрадь. Я не радъ, что ты съ нимъ связался. Его затрудняетъ глава о церкви. Собственно говоря, это надобно бы отправить въ духовную цензуру. Но я знаю напередъ, что тамъ поступять еще хуже. Я просилъ Никитенко, сколько онъ можетъ, пропустить безъ содѣйствія духовенства. Онъ и обѣщалъ—да все только мямлитъ. Первая тетрадь давно отпечатана. Еслибы не такой цензоръ, давно бы всѣ три были уже тиснуты. Нечего дѣлать. Надобно все терпѣть.

Скажи В. А. Жуковскому, что я, пересылая ему одинъ изъ №№ „Современника“, послалъ тутъ же и мой отчетъ по предполагаемому имъ изданію его сочиненій. Меня удивляетъ, что нѣтъ отъ него никакого отзыва. Или онъ передумалъ печатать? О Смирдинѣ я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что онъ неблагонадеженъ.

Обнимаю тебя. Когда же самъ ты сюда прибудешь?

П. П.

IV.

21 нояб. (3 дек.) 1846 г. С.-Пб.

Я не успѣлъ отвѣчать тебѣ на три письма твои; а именно: отъ 16 окт. изъ Франкфурта, отъ 20 окт. оттуда же, и отъ 2 нояб. изъ Ницы. Теперь пользуюсь первою свободною минутою, чтобы сообщить тебѣ то, что необходимо знать тебѣ. Всѣ пять тетрадей твоихъ Писемъ получены. Четыре процензированы и печатаются. Пятая еще у Никитенка, который на дняхъ сдѣ-

лался боленъ; отъ того и цензированіе остановилось до его выздоровленія. Въ прежнихъ тетрадяхъ онъ много писемъ не пропустилъ совсѣмъ, именно тѣхъ, гдѣ говорится о предметахъ касательно правленія и оффиціальныхъ лицъ (наприм.: губернаторовъ и т. п.). Я имѣлъ смѣлость посылать непропущенныя письма на прочтеніе Наслѣдника Цесаревича. Его Высочество призывалъ меня къ себѣ и лично объявилъ, что и по его мнѣнію *лучше* не печатать этого. Теперь ты долженъ убѣдиться, что я ничего не упустилъ въ твою пользу. Проволочка съ цензоромъ и отсылка писемъ въ Царское Село взяли много времени, такъ что доселѣ напечатано совсѣмъ только десять листовъ—вѣроятно около половины книги. Касательно писемъ о церкви, я ихъ посылалъ къ гр. Протасову, по предложенію котораго ихъ разсматривали въ Синодѣ—и разрѣшили къ напечатанію. Но времени это дѣло взяло $1^1/_2$ мѣсяца. Вотъ какъ я принужденъ дѣйствовать. У меня собственно ни минуты не потеряно. Смирновой въ Петербургѣ нѣтъ. О представленіи книги въ корректурныхъ листахъ самому Государю и подумать нельзя. Ты совсѣмъ позабылъ, сколько у него дѣлъ поважнѣе нашихъ. Съ графиней Нессельродъ я незнакомъ, до она такъ высоко отъ меня стоитъ, что и не долѣзешь до нея. Ты все думаешь, что въ отечествѣ эти особы таковы же, какъ и заграницею. О, совсѣмъ нѣтъ! Переслать же тебѣ я все найду случай и безъ нея. Второе изданіе „Мертвыхъ душъ“ съ присланнымъ тобою ко мнѣ предисловіемъ уже вышло въ Москвѣ. Присланныя письма къ разнымъ особамъ доставлены будутъ непремѣнно съ экземплярами. Всѣ поправки твои я успѣлъ внести въ книгу. Свидѣтельство о жизни я получилъ отъ Жуковскаго: оно подписано 1-го октября. И вотъ еще 14 (26) ноября черезъ посольство наше въ Неаполѣ я отправилъ на твое имя вексель Штиглица въ 1660 франковъ 56 су, что значитъ 408 р. 30 коп. сер. Это съ 1-го мая 1846 г. по 1-е октября тоже 1846 г. Пожалуста записывай у себя, да и меня увѣдомляй, вѣрно ли все приходится. Помни, что банкиры вычитаютъ при этомъ издержки пересылки и извѣстные ихъ проценты. Твою пьесу: *Развязка ревизора* пропустили, но только *къ печатанію*, а не *къ представленію*, затѣмъ что увѣнчивать на сценѣ артисты товарища своего, по правиламъ нашей дирекціи, не имѣютъ права, какъ отозвался мнѣ *дѣйствительный тайный совѣтникъ Гедсоновъ*. Я это уже сообщилъ Щепкину, который теперь боленъ. По выздоровленіи онъ самъ пріѣдетъ

сюда и будетъ хлопотать о дозволеніи *играть*. До тѣхъ поръ я пріостановился и новымъ изданіемъ „Ревизора“ съ прибавкою. Впрочемъ, не дожидаясь отзыва твоего по этому дѣлу, я приступлю къ нему и Шевыреву тоже скажу, лишь управлюсь съ печатаніемъ писемъ и съ собственными дѣлами, которыхъ по разнымъ должностямъ моимъ гораздо больше, нежели ты представить можешь. Графиня Анна Михайловна Вьельгорская ничего еще не присылала мнѣ. Я у нихъ не бываю. Итакъ напиши ей, чтобы она прислала мнѣ твою бумагу, безъ которой нельзя мнѣ и пустить въ свѣтъ „Ревизора“. Вообще будетъ все удобнѣе къ исполненію, ежели ты издательскія сношенія ограничишь Шевыревымъ и мною. Другія особы только замедляютъ насъ.

Повторяю тебѣ и совѣтую *записать*, что русскіе знатные люди заграницею чрезвычайно дружно обходятся съ соотечественниками, а на родинѣ не допускаютъ ихъ и видѣть себя [1]). Обнимаю тебя.

Будь здоровъ. П. Плетневъ.

---

[1]) Въ длинномъ письмѣ отъ 5-го января 1847 года Гоголь писалъ къ Плетневу изъ Неаполя: „Не гнѣвайся на меня за то, что я послалъ тебя къ графинѣ Нессельродъ. Если найдешь другую скорую оказію переслать мнѣ книги,—конечно, хорошо; а если не найдешь, почему не обратиться къ ней; хоть, положимъ, для того, чтобы попробовать? Вѣдь она же не съѣстъ тебя за это! А мнѣ простительно это покушеніе, потому что она исполнила уже одну коммисію мою въ то время, когда еще не знала меня вовсе лично, и сама даже вызвалась. Почему жъ мнѣ не подумать, что она и теперь можетъ для меня сдѣлать одолженіе, уже узнавши меня лично? Вообще, я долженъ тебѣ замѣтить, что ты напрасно считаешь меня человѣкомъ, довѣрчиво предающимся людямъ и полагающимся на всякія сладкія обѣщанія“. По поводу этихъ строкъ О. Ѳ. Миллеръ, въ статьѣ о Гоголѣ („Русская Старина“ 1875 года, кн. 12, стр. 651—652) высказалъ предположеніе, что письмо, откуда оно заимствовано, „написано въ отвѣтъ на совѣты Плетнева, заключавшіе въ себѣ, повидимому, неодобреніе порываній Гоголя въ „высшія сферы“, какъ такія, на которыя не всегда можно положиться, всякую ласку ихъ принимая за чистую монету“. „Желательно было бы“, прибавляетъ авторъ статьи, „увидѣть въ печати самое письмо Плетнева“. Желаніе это теперь исполняется. Въ своемъ письмѣ отъ 21 ноября, Плетневъ объясняетъ только, что дома знатныя лица не всегда удостоиваютъ скромно поставленнаго соотечественника той ласки, того вниманія, какія оказываются ему заграницей. Но это вовсе не значитъ, чтобы Плетневъ, вообще, старался удерживать Гоголя отъ стремленія въ „высшія сферы“. Если подъ этимъ выраженіемъ разумѣть большой свѣтъ, то слѣдуетъ замѣтить, что Плетневъ, напротивъ, такъ же, какъ и Пушкинъ, не только одобрялъ, но и самъ раздѣлялъ отчасти такое стремленіе, находя, что у насъ въ одномъ высшемъ обществѣ можно было встрѣчать истинную образованность въ соединеніи съ благородною простотою и изящнымъ комфортомъ.

Четвертое письмо было адресовано: A l'ambassade Impériale de Russie à Naples.

V.

Середа, 1 (13) января 1847. С.-Пб.

Вчера совершено великое дѣло: книга твоихъ писемъ пущена въ свѣтъ. Но это дѣло совершитъ вліяніе свое только надъ избранными; прочіе не найдутъ себѣ пищи въ книгѣ твоей. А она, по моему убѣжденію, есть начало собственно русской литературы. Все, до сихъ поръ бывшее, мнѣ представляется какъ ученическій опытъ на темы, выбранныя изъ хрестоматіи. Ты первый со дна почерпнулъ мысли и безстрашно вынесъ ихъ на свѣтъ. Обнимаю тебя, другъ. Будь непреклоненъ и послѣдователенъ. Что бы ни говорили другіе—иди своею дорогой. Теперь только ты нажилъ себѣ настоящихъ враговъ и противниковъ. Но тѣмъ лучше. Безъ нихъ дѣло все тянется и свертывается. Однако же помни: какъ Божіе твореніе неисчислимо разнообразно, такъ и проповѣдь, начатая во славу Бога, должна быть отраженіемъ Его творенія. Перемѣняй предметы воззрѣній, краски языка и формы статей; но отъ всего нисходи къ одному—къ очищенію души отъ мірской скверны. Въ томъ маленькомъ обществѣ, въ которомъ уже шесть лѣтъ живу я, ты сталъ теперь геніемъ помысловъ и дѣяній. Только, повторяю, не вездѣ будетъ оказанъ этотъ пріемъ твоей книгѣ. Страшно подумать—а это выйдетъ, что у многихъ не достанетъ силъ кончить ее. Но она должна возвѣстить истину о насъ и за предѣлами Россіи. Оттуда научатъ насъ цѣнить собственное сокровище наше, какъ это совершается и надъ всѣмъ въ мірѣ искусствъ. Вотъ почему я не намѣренъ тотчасъ же приступить ко второму изданію. Нужно это сдѣлать тогда, когда раскупятъ двѣ тысячи экземпляровъ. На первый разъ всѣ вмѣстѣ петербургскіе книгопродавцы сложились и взяли у меня только 400 экземпляровъ, потому что я объявилъ обыкновенную 20-процентную уступку не иначе, какъ при отпускѣ покрайней мѣрѣ 200 экземпляровъ вдругъ. Со 100 же экземпляровъ до 199 уступается только 15 процентовъ, съ 50 до 99 уступка 10 пр., съ 1 до 49 экз. нисколько не уступается. Но кто возьметъ вдругъ 600 экз., тому я уступлю и 25 проц. Болѣе нѣтъ никакихъ сдѣлокъ. Все идетъ на чистыя деньги по 2 р. с. за экземпляръ, отъ того, что въ книгѣ вышло по милости красныхъ чернилъ Никитенки, только 287 страницъ. Всѣ твои поправки пришли во-время, и что дозволилъ цен-

зоръ—внесено въ текстъ. Непропущеннаго имъ уже нельзя было отстоять никакою силою. Итакъ, чего не найдешь ты въ книгѣ, то, значитъ, не было позволено внести въ нее. Я передъ тобою совершенно чистъ и правъ. Изъ типографіи, равно какъ и изъ бумажной лавки, и отъ переплетчика, я не получилъ еще счетовъ.

Всѣ пріобрѣтенныя продажею 400 экз. деньги пойдутъ на уплату изданія. Лишь только очищу долгъ, излишекъ немедленно пошлю къ тебѣ. То же буду дѣлать и при дальнѣйшемъ полученіи денегъ отъ продажи книги. У тебя впрочемъ, хоть не много, но должно быть денегъ отъ посылки мною въ прошедшемъ ноябрѣ 21 числа ст. ст. 408 р. 30 к. с. съ 1 мая по 1 октября.

По новому твоему свидѣтельству изъ Неаполя я еще не бралъ твоей пенсіи—да и не стоитъ брать за два мѣсяца: окт. и нояб. Лучше возьми тогда, когда уже недалекъ будетъ срокъ отъѣзда твоего. Я, по новому свидѣтельству, и получу тебѣ все, что придется на далекое твое путешествіе. Даже, ты можешь, показавъ это мое письмо Хвостову, устроить такъ, чтобы миссія, снабдивъ тебя необходимымъ количествомъ наличныхъ денегъ, получила отъ меня уплату изъ твоихъ доходовъ по продажѣ книги, и по пенсіи. Всѣ экземпляры, по твоему расписанію, уже розданы и разосланы. Только недоставлено велик. кн. Еленѣ Павловнѣ и вел. кн. Екатеринѣ Михаиловнѣ, такъ какъ онѣ въ путешествіи. Для тебя отдано 5 экз., для Толстаго 2 и для Жуковскаго 1, всѣ черезъ Вяземскаго графинѣ Нессельродъ. Пожалуста не вини меня, если окажется какая неисправность. Ужь я не могъ найти вѣрнѣе дороги: Вяземскій пріятель Нессельродъ.

О поднесеніи всѣмъ особамъ царской фамиліи я писалъ прямо къ Адлербергу, исправлявшему должность Волконскаго. Но въ этотъ самый день, послѣдній вступилъ въ свое званіе, и первый отказалъ мнѣ, хотя очень вѣжливо. Тогда я для поднесенія Императору, Императрицѣ и великому князю Михаилу Павловичу отослалъ экз. къ Уварову, а для семейства наслѣдника и великой княгини Маріи Николаевны послалъ прямо къ нимъ самъ при собственномъ къ каждому письмѣ. Великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ отправилъ самъ же въ Стутгардтъ. Я не могъ не пожертвовать нѣсколькими экз. твоей книги, несмотря на твое замѣчаніе, что прочіе купятъ и сами. Напримѣръ, къ А. О. Смирновой отправилъ 2 экз.,

Уварову и Вяземскому по 1 экземпляру, Балабиной и ея дочери 2 экз. Для фактора, все повѣрившаго въ долгъ, и для лицъ, почти принадлежащихъ къ моему семейству, для моей дочери и для меня пошло всего 7 экз. Остальное все будетъ продаваться. Передо мною теперь лежатъ всѣ твои письма съ той поры, какъ ты задумалъ объ этомъ изданіи, т. е. съ мая изъ Рима—и до 30 ноября (12 декабря) изъ Неаполя. Этихъ писемъ всѣхъ 14. Изъ нихъ ни одного не оставлено безъ отвѣта, говоря о первыхъ одиннадцати. Что касается до послѣднихъ трехъ, я не имѣлъ еще времени отвѣчать на нихъ: за то теперь на всѣ отвѣчу вдругъ. Мнѣ казалось, уже лучше сдѣлать все дѣло, и потомъ толковать. Да у меня же въ эти три послѣдніе мѣсяца прошлаго 1846 года вдругъ столкнулось множество срочныхъ и экстренныхъ дѣлъ: 1) я смотрѣлъ за печатаніемъ полнаго собранія сочиненій Крылова въ 3 томахъ, и написалъ къ нему біографію автора на 6 печатныхъ листахъ (изданіе на-дняхъ выйдетъ); 2) я готовилъ Крылова же біографію совсѣмъ особую, для дѣтей, въ пользу которыхъ особо изданы будутъ только его басни въ одномъ томѣ; 3) я оканчивалъ 10, 11 и 12 №№ „Современника“ передъ сдачею его Никитенкѣ; 4) я составлялъ годичный отчетъ объ ученой и административной дѣятельности всѣхъ членовъ нашего университета; наконецъ, 5) я составлялъ годичный же отчетъ о дѣятельности всѣхъ 20 академиковъ II отдѣленія Академіи Наукъ. Кромѣ того я не переставалъ читать университетскія лекціи и ежедневно работать по канцеляріи университета, гдѣ проходитъ черезъ мои руки болѣе 6 тысячъ бумагъ въ годъ. Вотъ посреди сколькихъ разнокалиберныхъ занятій я долженъ былъ печатать твою книгу и держать исправно съ тобою корреспонденцію. Надѣюсь, что ты отдашь справедливость моей дѣятельности. Итакъ теперь отвѣты. Письмо отъ 22 ноября (4 декабря) получено мною 17 (29 декабря). Оно шло очень долго. Другія изъ Неаполя приходятъ въ 20 дней, а это въ двадцать пять.

Любимовъ [1]) за книгами еще не былъ у меня. Впрочемъ, пока уже послано тебѣ 5 экз. черезъ графиню Нессельродъ. Писемъ касательно М. Д. [2]) пока еще нѣтъ. Да я и не пола-

---

[1]) Николай Ивановичъ, впослѣдствіи сенаторъ, скончавшійся въ 60-хъ годахъ.

[2]) Мертвыя души.

гаю, чтобы неподвижная публика наша расшевелилась отъ теплаго твоего призыва. О „Современникѣ“ ты разсуждаешь, какъ должно разсуждать человѣку, на все смотрящему издали [1]). Тебѣ представляется онъ и мелкимъ, и безплоднымъ. А онъ между тѣмъ принесъ много добра. Это мнѣ извѣстно по письмамъ Шевырева и изъ провинцій. Я бы не переставалъ его издавать, еслибы въ силахъ былъ жертвовать тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ жертвовалъ для пользы общей, т. е. по 5 тыс. р. ас. въ годъ.

Еслибы у порядочныхъ людей было столько же единодушія, сколько его оказывается въ подобныхъ предпріятіяхъ у бездѣльниковъ, то на мнѣ одномъ не лежало бы это бремя, которое собственно для меня не тяжело, но послѣ окажется

---

[1]) Эти замѣчанія служатъ отвѣтомъ на обширную статью о „Современникѣ“, присланную Гоголемъ при письмѣ изъ Неаполя отъ 4-го декабря 1846 года и напечатанную съ нѣкоторыми сокращеніями въ VI томѣ Кулѣшовскаго изданія его сочиненій (стр. 297). Недавно она появилась цѣликомъ въ IV томѣ изданія Н. С. Тихонравова по подлинной рукописи, хранящейся у меня въ бумагахъ Плетнева. Относительно встрѣчающихся въ отвѣтѣ Плетнева жесткихъ словъ о его противникахъ, повторю здѣсь то, что было сказано мною по поводу извѣстной статьи о немъ И. С. Тургенева: „Здѣсь нельзя умолчать о *большомъ мѣстѣ* покойнаго (т. е. Плетнева). Сила его убѣжденій вовлекала его въ нѣкоторую нетерпимость къ тѣмъ, которые ихъ не раздѣляли; къ литераторамъ разномыслящимъ онъ относился съ строгимъ порицаніемъ и при сужденіи о ихъ трудахъ и поступкахъ не всегда могъ сохранять безпристрастіе. Онъ самъ глубоко чувствовалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, часто выражалъ желаніе исправиться, и дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни много измѣнился въ этомъ отношеніи. Извѣщая меня о смерти Полеваго, онъ писалъ мнѣ: „Бѣдный Полевой умеръ, вечеромъ въ 11 часовъ, въ прошлую пятницу 22 февраля (1846 г.) отъ нервной горячки. Много идей волновало меня при этомъ извѣстіи. Преобладающая была та, что я недоволенъ былъ собой: все говорю я о духѣ христіанства, о любви къ человѣчеству, о самосовершенствованіи, о смиреніи—и сколько лѣтъ ношу въ сердцѣ это гнусное чувство нерасположенія къ нѣкоторымъ писателямъ, оскверняю свой языкъ ихъ бранью и равнодушно встрѣчаю ихъ смерть. Это верхъ испорченности сердца. Кто мнѣ далъ право считать ихъ ниже себя отъ того только, что они иначе думаютъ и иначе дѣйствуютъ, нежели я? Одно только препятствуетъ мнѣ полюбить ихъ: это продажность ихъ убѣжденій и развратъ, распространенный въ молодомъ поколѣніи. По крайней мѣрѣ, если Богъ не растворитъ мое сердце любовью къ нимъ, я буду стараться забывать ихъ; не писать о нихъ, ни говорить, — а тѣмъ менѣе ругать и злословить ихъ. Братъ, поддержи меня въ этомъ намѣреніи“. („Русскій Архивъ“, 1869 г. № 12).

вреднымъ для моей дочери. Только эта мысль и заставила меня сойти съ поприща, на которомъ я стоялъ твердо и, могу сказать, честно. Изъ твоихъ же сужденій о „Современникѣ“ я вижу, что ты о немъ говоришь по наслышкѣ, да и то изъ тѣхъ отзывовъ, которые естественно должны были враждовать со мною.

Иначе, какъ согласить высокое стремленіе твое къ дѣлу души съ осужденіемъ другаго лица, которое 9 лѣтъ о томъ же только и говорило? Но теперь ужь дѣло кончено. Я надѣюсь и отдѣльными сочиненіями продолжать начатое мною въ „Современникѣ“. Его утрата останется навѣкъ пятномъ нашимъ геніальнымъ эгоистамъ, которые, какъ всѣ свѣтскіе люди, не прощаютъ добродѣтели, что она нищая, а втайнѣ чтятъ порокъ за то, что онъ въ золотѣ. Посмотримъ, чѣмъ кончится это соединеніе негодяевъ группами и одиночное странствованіе честныхъ людей.

Подобнымъ образомъ разсуждаешь ты и о всѣхъ писателяхъ, поименованныхъ тобою въ письмѣ. Издали они тебѣ кажутся интереснѣе, нежели они въ дѣйствительности. Впрочемъ у тебя многое угадано вѣрно, такъ что, когда ты будешь здѣсь, то изъ статьи твоей о „Современникѣ“ можно будетъ выбрать много хорошаго; теперь же пусть она останется въ моемъ архивѣ.

Въ другомъ письмѣ своемъ отъ 26 ноября (8 декабря), полученномъ мною 18 (30) декабря, ты говоришь, что съ 1847 года нужнѣе участіе мое въ литературѣ, нежели было прежде. Это тебѣ показалось отъ того, что въ 1846 году я уже выступилъ изъ безмолвной методы дѣйствія на публику, а началъ носомъ тыкать негодяевъ въ ихъ пакости. Но это не мое естественное состояніе. Это была вспышка долго удерживаемаго гнѣва. Я хочу лучше презирать въ молчаніи, нежели пачкаться для безславной побѣды. Впрочемъ съ 1847 года литература и безъ меня повернется: твоя книга вызоветъ все новое въ кругъ умственной дѣятельности.

Послѣднее твое письмо отъ 30 ноября (12 декабря) получено 22 дек. (3 января). Въ немъ ты жалуешься на медленность въ отсылкѣ тебѣ денегъ. Теперь уже ты получилъ ихъ. Мы съ Аркад. Рос. опредѣлили высылать тебѣ „Сѣверную Пчелу“, „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“. Я за нихъ уплачу изъ твоихъ денегъ, кои получу за новую книгу твою.

Распорядись, въ случаѣ отъѣзда твоего, кому получать въ Неаполѣ эти журналы. Будь здоровъ.

Твердо иди по избранному пути. Осматривай все со всѣхъ сторонъ и будь органомъ полной истины. Обнимаю тебя.

VI.

Суббота, 11 (23) января 1847 г. С.-Пб.

Сегодня отдалъ я 750 р. с. банкиру барону Штиглицу для доставленія тебѣ въ Неаполь. Это часть денегъ отъ продажи „Выбранныхъ мѣстъ“ изъ переписки твоей съ друзьями. Представляю тебѣ подробный отчетъ всего дѣлопроизводства.

Напечатано 2.400 экз., но за исключеніемъ 75, отданныхъ безденежно въ цензуру и разнымъ лицамъ по твоему назначенію, пошло въ продажу только 2.325 экз. Публикованная цѣна была 2 р. с.

Сперва здѣшніе книгопродавцы взяли у меня на чистыя деньги вдругъ 400 экз. Я долженъ былъ уступить имъ по 20 проц. и такимъ образомъ получилъ 640 р. с.

Послѣ они же взяли у меня разомъ 725 экз. съ тѣмъ однако же, чтобы я имъ уступилъ 25 проц.

Не желая тянуть продажу, я согласился и получилъ отъ нихъ 1.087 р. 50 к. с. (изъ этой суммы еще не въ рукахъ у меня 337 р. 50 к.: ихъ мнѣ доставятъ черезъ недѣлю).

Шевыревъ прислалъ ко мнѣ требованіе, чтобы я немедленно препроводилъ ему 1.200 экз., которые онъ продалъ вдругъ съ уступкою 25 проц., слѣдовательно за 1.800 р. с. Такимъ образомъ все изданіе сошло съ рукъ почти въ одну недѣлю. Но книгопродавцы, купившіе его, взяли съ меня честное слово, что я не приступлю къ 2-му изданію, пока не распродадутъ они по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всего перваго изданія. Надобно это обѣщаніе сдержать, чтобы не уронить кредиту и не подорвать горячности благородно дѣйствовавшихъ.

Итогъ этого изданія, какъ ты видишь, равняется 3.527 р. 50 к. с. Сумма денегъ распредѣлена мною слѣдующимъ образомъ: всѣ издержки по изданію уплачены и равняются только 556 р. с. Тебѣ сегодня послано 750 р. с. Оставилъ я при себѣ на издержки при отправленіи 1.200 экз. съ транспортомъ въ Москву 36 р. с. Выдалъ за „Сѣв. Пч.“, „От. Зап.“ и „Соврем.“ для тебя выписываемые на 1847 годъ и отсылаемые А. Россе-

ти—48 р. с. Остающіеся на книгопродавцахъ въ долгу до слѣдующей субботы 337 р. 50 к. будутъ немедленно къ тебѣ отправлены по полученіи, если только не понадобится изъ нихъ взять что-нибудь для уплаты за транспортъ. Что касается до 1.800 р. с., находящихся у Шевырева, ты отъ него получишь ихъ немедленно, лишь дойдетъ до Москвы транспортъ съ книгами, имѣющій отсюда отправиться 13 (25) января.

О книгѣ твоей не успѣли еще ни слова сказать ни въ журналахъ, ни въ газетахъ — а ея уже нѣтъ. Это прекрасно. Я знаю, что лѣвая сторона литераторовъ будетъ жестоко нападать на тебя за перемѣну характера сочиненій. Но ты плюнь на эту сторону. Она охотно и хвалить бы взялась тебя, если-бы ты ей подарилъ хоть одно письмецо для журнальца. Мнѣ извѣстно, что изъ читавшихъ трое не могли оторваться отъ книги, пока ея не кончили, отчего ночь проведена ими безъ сна. Это баронъ Ѳ. Ѳ. Корфъ, Н. И. Надеждинъ и одинъ молодой еще только начинающій писатель Николаевскій [1]) (съ будущей осени онъ поступитъ къ намъ въ студенты, кончивъ курсъ въ москов. инст. восточн. яз. Лазаревыхъ). Въ шведской литературѣ была подобная книга: одинъ авторъ во всю жизнь не издалъ ни одного сочиненія. Онъ только велъ серьезную и очень тщательную переписку съ друзьями. По смерти его, друзья собрали его письма и напечатали — это вышло одно изъ лучшихъ явленій въ шведской литературѣ [2]). Жаль, что ты не попробуешь написать о чемъ-либо къ моему лучшему другу Якову Карловичу Гроту, профес. въ гельсингфорскомъ унив. Сколько интереснѣйшихъ вещей могъ бы онъ сообщить тебѣ. Прощай. Обнимаю тебя. Пиши ко мнѣ тотчасъ же по полученіи каждаго письма моего. Получилъ ли ты мое письмо отъ 13 января? И дошли ли до тебя книги?

П. П.

VII.

Пятница 17 (29) янв. 1847. С.-Пб.

Нынѣшнимъ письмомъ мы кончимъ съ тобою общее дѣло наше по изданію твоихъ писемъ. Еще разъ, для облегченія

[1]) Сергѣй Николаевичъ, впослѣдствіи издавшій сборникъ своихъ стихотвореній и авторъ „Писемъ о Греціи“, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

[2]) Этотъ авторъ былъ профессоръ Упсальскаго университета Тернросъ. Собраніе писемъ его вышло подъ заглавіемъ: „Törnrosens Bon“.

взгляда, представлю все въ одномъ общемъ отчетѣ. Напечатано 2.400 экз. Изъ нихъ 1.200 экз. вытребовалъ Шевыревъ, у котораго купецъ все взялъ разомъ съ уступкою 25 проц. Тебѣ за эти экземпляры очиститься должно 1.800 р. с., что и получишь прямо отъ Шевырева. Изъ оставшихся у меня 1.200 экз. только 1.125 экз. пошло въ продажу, а остальные 75 въ подарки и въ ценз. ком. Съ начала, изъ числа 1.125 экз. продалъ я только 400 экз. вдругъ и уступка была 20 проц., а послѣ взяты всѣ остальные экз. 725 вдругъ съ уступкою 25 проц. Такимъ образомъ я за первые получилъ 640 р. с., а за вторые 1.087 р. 50 к. с. — всего же 1.727 р. 50 к. с. Изъ этой суммы 10 января послано тебѣ 750 р. с., да здѣсь посылается сегодня 205 р. с., итого 955 р. с. Прочіе же 772 р. 50 к. с. пошли на слѣдующіе расходы: въ типографію за издержки по изданію 556 р. с., за высылаемые тебѣ черезъ Арк. Россети журналы 48 р. с., за отправленіе въ Москву съ транспортомъ книги въ числѣ 1.200 экз. 28 р. 50 к., да за двукратную прописку векселей у Штиглица 1 р. 40 к. с. Оканчивая этотъ счетъ, сообщу тебѣ подробности о векселѣ Прокоповича, о которомъ ты узналъ отъ Анненкова и писалъ ко мнѣ. Прокоповичъ въ началѣ 1845 г. дѣйствительно послалъ во Франкфуртъ вексель на имя Жуковскаго, для передачи тебѣ, оставивъ у себя второй его экземпляръ (secunda). Онъ воображалъ, что ты давно деньги получилъ. Надобно полагать, что тутъ вышла какая-нибудь сумятица. Когда я увѣдомилъ Прокоповича, что ты этихъ денегъ не получалъ, онъ привезъ мнѣ для удостовѣренія второй экз. векселя. Я велѣлъ Прокоповичу побывать съ нимъ у Штиглица, гдѣ сказали, что если по первому дѣйствительно выдано не было, то еще можно получить по второму. Вотъ я и рѣшился сегодня же этотъ второй экземпляръ послать при объяснительномъ письмѣ къ Жуковскому. Я прошу его получить деньги и переслать тебѣ, или объяснить тебѣ все дѣло. Ты долженъ, для успокоенія Прокоповича и меня, непремѣнно написать мнѣ какъ отвѣтъ на это письмо поскорѣе, такъ и о томъ, что получишь въ увѣдомленіе отъ Жуковскаго.

Съ курьеромъ я отправляю къ тебѣ въ одномъ пакетѣ двѣ брошюры: переводъ Берга (недавно кончившаго въ Москвѣ университетскій курсъ) Краледворской рукописи и мою біографію Крылова, написанную къ полному собранію сочиненій его, изданному въ 3-хъ томахъ и сегодня только вышедшему. Ты мнѣ долженъ сказать свое мнѣніе объ этомъ моемъ трудѣ. Если

онъ удался, то я примусь за Карамзина, а наконецъ и за Жуковскаго. Безъ „Современника“ мнѣ раздолье. А прежде я похожъ былъ на собаку на привязи.

Какъ должна поразить тебя кончина Языкова! Ты съ нимъ столько времени жилъ вмѣстѣ. И я даже, который давно разлучился съ нимъ, не могу опомниться отъ такого удара. Теперь-то *насъ* ужь немного.

О представленіи Государю переписанной вполнѣ новой книги твоей теперь и думать нельзя. Иначе, какими глазами я встрѣчу Наслѣдника, когда онъ самъ лично совѣтовалъ мнѣ не печатать запрещенныхъ цензоромъ мѣстъ, а я какъ будто въ насмѣшку ему полѣзу далѣе. Да и кто знаетъ, не показывалъ ли онъ этого Государю, который, не желая дать огласки дѣлу, велѣлъ, можетъ быть, ему отъ себя то сказать, что я отъ него слышалъ. Лучше вотъ что сдѣлай. Вѣдь нельзя же ограничиться тебѣ одною книгою этихъ предметовъ, столь важныхъ, столь необходимыхъ всѣмъ, особенно въ Россіи. Итакъ составивъ новую въ этомъ родѣ книгу, ты внеси въ нее все запрещенное, какъ будто писанное послѣ, и эту рукопись пошли прямо на имя В. Перовскаго, прося его употребить содѣйствіе, чтобы Государь удостоилъ на нее взглянуть, или поручилъ кому пробѣжать прежде цензора. Тогда во-1-хъ, ничто твое не пропадетъ, во-2-хъ, все новое будетъ непремѣнно пропущено.

Прошу прощенія у тебя въ томъ, что такъ поспѣшно вывелъ несправедливое заключеніе о *всѣхъ* аристократахъ нашихъ, судя по *нѣкоторымъ*. Но ты напрасно воображаешь, будто въ сердцѣ моемъ нѣтъ полной вѣры къ личнымъ твоимъ убѣжденіямъ. Еслибы похожее что на это происходило въ душѣ моей, я не принялся бы съ такимъ жаромъ за всѣ дѣла твои. Нѣтъ, ужь и потому я вѣрую въ святость дѣлъ и помысловъ твоихъ, что самъ давно стремлюсь подняться сердцемъ и помыслами и жизнію на эту высоту, единственную цѣль теперешней моей жизни.

Пожалуста, на время отбытія своего на Востокъ, устрой въ Неаполѣ, или гдѣ удобнѣе, такъ, чтобы всѣ письма, пакеты и другія посылки, на твое имя адресуемые, или доставлялись тебѣ, или по крайней мѣрѣ сохранялись до твоего возвращенія. А то одна мысль, что я столько теряю времени на письма, которыя пропадутъ на почтѣ, отнимаетъ всю охоту писать. Еслибы ты могъ упросить кого, чтобы онъ увѣдомлялъ меня о томъ, откуда ты пишешь съ Востока, здоровъ ли, что дѣ-

лаешь, какъ надѣешься и куда возвратиться, это я почелъ бы лучшимъ доказательствомъ твоей ко мнѣ дружбы.

Будь здоровъ. Обнимаю тебя.

П. П.

VIII.

4 (16) апрѣля 1847 г. С.-Пб.

Не разсердись, мой другъ, что давно я не писалъ къ тебѣ. Ты и самъ отчасти причиною тому. Если уцѣлѣло у тебя мое послѣднее къ тебѣ письмо (отъ 17 (29) января 1847 г.), то перечти его снова и убѣдишься, не долженъ ли я былъ безпрестанно ждать рѣшительнаго слова твоего на тотъ вопросъ, который относился ко второму изданію книги твоей и къ помѣщенію непропущенныхъ въ ней писемъ во второй томъ подобной книги. Но ты ни въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ не упомянулъ о томъ ни слова. Время шло да шло, и вотъ теперь прошелъ и праздникъ Пасхи, послѣ котораго, какъ ты самъ справедливо сказалъ, незачѣмъ и приступать къ печатанію книги. Отложимъ все дѣло до сентября. Но устроимъ покамѣстъ что-нибудь рѣшительное и удобоисполнимое. Въ ожиданіи отъ тебя отвѣта на вопросъ, какъ поступить лучше, хлопотать ли для этой самой книжки о непропущенныхъ письмахъ, или дѣйствительно удобнѣе внести ихъ, какъ новыя, въ рукопись втораго тома, мы (т. е. князь Вяземскій, графъ М. Ю. Вьельгорскій и я), займемся строгимъ обсужденіемъ, какія мѣста въ непропущенныхъ письмахъ не слѣдуетъ даже и представлять Государю. Такимъ образомъ, къ отвѣту твоему мнѣ на это письмо, у насъ будетъ уже опредѣлено, чѣмъ пополнить переписку твою, въ первый ли томъ или во второй назначишь ты внести эти дополненія. Теперь постараюсь дать тебѣ удовлетворительные отвѣты на то, что содержится въ послѣднихъ твоихъ ко мнѣ письмахъ: 3 (15) января, 25 янв. (6 фев.), 30 янв. (11 фев.), 23 фев. (6 мар.), на которые до сихъ поръ не отвѣчалъ я. В. В. Апраксина не удалось мнѣ видѣть. Отъ него безъ меня принесли твое письмо, и я остался въ невѣдѣніи, проѣздомъ ли онъ былъ здѣсь, или на житье тутъ поселился. Ни разу не прислалъ онъ за мною, не только что самъ не побывалъ у меня. Ты говоришь: „есть люди, которые имѣютъ прекрасную душу и добрыя намѣренія, и грѣшатъ по невѣдѣнію“. Это больше мечта, нежели истина. Вотъ

*

отъ чего Павловъ во второмъ къ тебѣ письмѣ („Моск. Вѣд.“), такъ сардонически и осмѣиваетъ подобное въ тебѣ убѣжденіе. Ты выговариваешь мнѣ, зачѣмъ я на твою книгу смотрю съ литературной стороны. У меня идея о литературѣ всегда сливается съ жизнію. Итакъ, твоя книга важна, по моему мнѣнію, въ литературѣ отъ того, что она подѣйствуетъ на жизнь. Упрекая меня, что, тепло живя въ Петербургѣ, я не сочувствую тѣмъ, кому холодно подалѣе отъ столицы, ты очень ошибаешься. Но я знаю, что вдругъ ничто не приходитъ къ совершенству. Ежели каждый своею порядочною жизнію будетъ давать примѣръ другимъ, то онъ со временемъ принесетъ пользу, равную съ тѣмъ, кто это выразилъ въ книгѣ. Арк. Росетти самъ писалъ къ тебѣ. Онъ не отказывается для тебя работать, но не согласенъ, чтобы письма къ его сестрѣ были напечатаны такъ, какъ они въ рукописи. Теперь никто изъ книгопродавцевъ не являлся ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что настоитъ сильная потребность во второмъ изданіи писемъ. Твоя мысль, что такъ какъ ты совѣтовалъ богачамъ покупать книгу твою для бѣдныхъ, а потому и разойдется ея несмѣтное число, болѣе филантропическая, нежели философическая: богачи и для себя не покупаютъ русскихъ книгъ; твою разобрали люди средняго сословія, которые тѣмъ и удовольствовались. Вотъ пройдетъ лѣто—опять явится въ книгѣ потребность, а мы тутъ и со вторымъ изданіемъ, либо со вторымъ томомъ. Ты не велишь присылать тебѣ больше денегъ. Да у меня и не осталось ни копѣйки. Просмотри хорошенько общій отчетъ по изданію. Такимъ образомъ, отсылка денегъ въ Малороссію не можетъ имѣть мѣста. Шевыревъ мнѣ писалъ, что и онъ всѣ твои деньги тебѣ же отослалъ. У тебя ихъ должно скопиться вдругъ очень много, особенно съ тѣми, которыя ты получилъ по secunda (векселю отъ Прокоповича, тебѣ мною пересланному черезъ Жуковскаго). Пожалуста, и объ этомъ не забудь увѣдомить меня. Хорошо отвѣчать на дѣловое письмо, нельзя иначе, какъ державши его передъ глазами и внося отвѣты изъ строки въ строку. Ты хвалишься аккуратностію, а на дѣлѣ не умѣешь показать ее. Я совѣтую тебѣ распорядиться этою огромною суммою денегъ такъ, чтобы ихъ стало тебѣ года на два или болѣе. Тогда избытки будущихъ изданій въ это время могутъ быть обращены на вспомоществованіе твоимъ роднымъ. Слышалъ ли ты, что зимою въ Москвѣ скончалась П. И. Раевская, у которой нѣкогда жила сестра твоя? Напрасно тре-

можишься ты, будто я могу сколько-нибудь огорчиться твоими выговорами за неудачу въ изданіи твоей книги. Пока ты не открывалъ мнѣ сердца своего, я могъ считать подобныя отъ тебя требованія неумѣстными, но съ тѣхъ поръ какъ ты душою слился со мною, я тебя не отдѣляю отъ себя. Больше объ этомъ ни слова. Моя Ольга была у Вьельгорскихъ по твоему желанію. Онѣ очень обласкали ее. Ты хочешь отослать къ Прокоповичу обратно деньги, какъ только получишь по его векселю. Этого не дѣлай. Онъ уже знаетъ, что деньги нашлись (по письму Жуковскаго ко мнѣ), и очень тѣмъ доволенъ. Напрасно Жуковскій напугалъ тебя, что въ книгѣ твоей много опечатокъ. Я прочитывалъ ее разъ двадцать—и не встрѣтилъ ни одной опечатки. Можетъ быть, по неразборчивости руки, иначе понялъ корректоръ самый смыслъ. Но для меня все очень хорошо. Недоставленіе паспорта задержало тебя на нынѣшній годъ. Я вѣрую, что Провидѣніе лучше насъ знаетъ, что устроятъ. Все, что о книгѣ твоей пишутъ, пересылается тебѣ Аркадіемъ О. Р. черезъ Прянишникова. Но ты увидишь, какой вздоръ несутъ наши журналисты. Оно такъ и должно быть. Можетъ ли что наставительнаго автору, думавшему о предметѣ годы, сказать критикъ, бросающійся за перо въ минуту чтенія? Твоя жажда читать эти глупости — единственное пятно для меня на чистой душѣ твоей. Ни Карамзинъ, ни Крыловъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не учились отъ нашихъ критиковъ: они только сами погружались въ свои думы. И ты, когда разберешь дѣло, долженъ будешь сознаться, что никто тебя такъ вѣрно не поправитъ въ ошибкахъ, какъ самъ ты. Сказалъ же Пушкинъ:

Ты—царь: живи одинъ!

Прилагаю къ тебѣ письма: 1) отъ Брянчанинова (архимандрита Сергіевскаго монастыря, подлѣ Стрѣльны, который его отдалъ Marie Balabine) и 2) отъ Вигеля изъ Москвы.

П. П.

IX.

29 іюля (10 августа) 1847 г. С.-Петербургъ.

Долго я не писалъ тебѣ отъ того, что каждое изъ трехъ послѣднихъ писемъ твоихъ заставляло меня ждать отъ тебя то дополненія извѣстій, то какой-либо присылки. Здѣсь даю тебѣ отзывъ на все вдругъ. Теряю надежду приготовить для тебя

копію съ книги „Переписка съ друзьями“, въ исправленномъ видѣ. Уже ли забылъ ты, какъ трудно здѣсь соединить на серьезное общее дѣло три-четыре должностныя лица? И зимою это трудно до невѣроятности, а лѣтомъ невозможно. М. Вьельгорскій живетъ на своей дачѣ по Петергофской дорогѣ и откочевываетъ то въ Петербургъ, то въ Петергофъ. Вяземскій поселился на Аптекарскомъ острову, до обѣда занятъ по должности, а послѣ вѣчно въ свѣтѣ. Я двадцать одинъ годъ живу на одномъ мѣстѣ у Лѣснаго института на дачѣ Беклешовой [1]) Но письма и посылки адресуй ко мнѣ, какъ прежде, въ университетъ. А. Россети [2]) уѣхалъ въ Калугу къ сестрѣ и еще не возвратился. Я даже не знаю, дождешься ли ты когда-нибудь исправленнаго нами экз. „Переписки“. Ужь не заняться ли тебѣ самому этимъ дѣломъ? Ты столько прочиталъ замѣчаній о книгѣ, столько обдумалъ и самъ все въ ней, что несравненно лучше постороннихъ можешь приготовить второе изданіе, *исправленное и дополненное*. Только бы довольно разборчиво все переписано было—я тотчасъ же могу приступить къ печатанію. За помощь тебѣ отъ означенныхъ твоихъ друзей не отвѣчаю. Мой голосъ для нихъ—ничто. Ужь если рѣшительно чего захочешь отъ нихъ, напиши къ Вяземскому или къ Россети самъ и объяви, что къ *такому-то сроку* ждешь исполненія, а послѣ того ни въ чемъ нуждаться не будешь. Съ нашими друзьями не сладить иначе. Другую книжку твою „Повѣсть твоего писательства“ можешь ко мнѣ прислать, когда только вздумаешь. Я ее тотчасъ же и тисну. Свидѣтельство о жизни получено мною—и деньги положены въ ломбардъ до времени. Тамъ же лежатъ и прежнія деньги твои, полученныя мною по *второму* векселю отъ Штиглица. Ты долженъ заблаговременно предувѣдомить меня, когда и сколько понадобится тебѣ денегъ и по какому адресу прислать ихъ. Прелестную новую поэму Жуковскаго [3]) цензоръ пропустилъ всю до

---

[1]) Эту дачу Плетневъ въ своихъ письмахъ постоянно называетъ *Спасскою мызою*. (См. его переписку въ 3-мъ томѣ его сочиненій). Тамъ много лѣтъ жилъ рядомъ съ нимъ извѣстный статсъ-секретарь Петръ Степановичъ Молчановъ.

[2]) Аркадій Осиповичъ Россетъ, братъ Смирновой, мужъ которой, Николай Михайловичъ, былъ въ то время калужскимъ губернаторомъ.

[3]) „Рустемъ и Зорабъ“. Это письмо было адресовано въ Неаполь, но первоначальный адресъ на почтѣ зачеркнутъ и на мѣстѣ его написано: Ostende.

единаго стиха—и я уже отправилъ процензированную рукопись обратно къ Жуковскому, чтобы онъ могъ, какъ ему хотѣлось, напечатать ее въ Карлсру. Зачѣмъ бы и тебѣ, для сокращенія издержекъ, не дѣлать также? Притомъ и ошибокъ ужь не будетъ подъ собственнымъ надзоромъ. Пришли, если желаешь, и передѣланную развязку Ревизора. Я покажу ее Бернардскому. Безъ рукописи онъ не можетъ ничего сказать, въ состояніи ли онъ готовить картинки къ изданію всего Ревизора. Да не дурно бы сдѣлалъ ты, еслибы занялся повнимательнѣе и всею комедіею, перечиталъ бы ее съ перомъ въ рукахъ и прислалъ бы весь оригиналъ въ такомъ видѣ, какъ желаешь напечатать его съ развязкою. Господь съ тобою. Обнимаю тебя.

П. Плетневъ.

X.

$^{16}/_{28}$ мая 1847. С.-Пб.

Ты пожалуста никому не вѣрь, чтобы люди, не знающіе меня и, по словамъ твоимъ, не умѣющіе цѣнить меня (а цѣнить-то, молвлю искренно, и нечего), могли подѣйствовать на меня непріятно. Я давно понялъ и почувствовалъ, что чѣмъ долѣе живешь, тѣмъ менѣе дѣлаешься нуженъ постороннимъ людямъ: слѣдовательно, мы и не сходимся ни въ чемъ. Я живу совершенно одинъ, за исключеніемъ тѣхъ, кого надобно принимать мнѣ для моей дочери. Если я досадую отъ глупыхъ толковъ про книгу твою, это происходитъ отъ сожалѣнія, въ какомъ жалкомъ состояніи очутилась безъ пастыря бѣдная литература наша.

О поѣздкѣ заграницу нынѣшній годъ нельзя мнѣ и думать. Я оканчиваю къ 1848 году второе четырехлѣтіе ректорства своего. Надобно дослужить это полугодіе. Когда совершится въ декабрѣ выборъ новаго ректора, я оставлю службу совсѣмъ—и тогда-то воленъ буду, подобно тебѣ, разъѣзжать по свѣту, да и еще не одинъ, а съ дочерью, которая между тѣмъ кончитъ первоначальное воспитаніе свое и начнетъ окончательное подъ непосредственнымъ руководствомъ моимъ.

Я писалъ уже къ Василію Андреевичу, что получены мною отъ Штиглица тѣ деньги, которыя нѣкогда посланы были къ тебѣ Прокоповичемъ. Ты долженъ опредѣлительно сказать, на-

добно ли ихъ хранить для печатанія новыхъ изданій твоихъ. Во всякомъ случаѣ не покидай меня безъ увѣдомленія.

Сегодня былъ я у великаго князя Наслѣдника. Его высочество изволилъ меня спрашивать, гдѣ проводилъ ты лѣто. Когда я объявилъ, что въ Германіи, то великій князь замѣтилъ, что вѣроятно увидитъ тебя, сбираясь провожать цесаревну въ Дармштадтъ. Мнѣ очень жаль, что здоровье и предположеніе касательно путешествія на Востокъ не позволяетъ тебѣ пріѣхать съ Василіемъ Андреевичемъ въ Петербургъ. Вѣрно ты и не знаешь, что 1847 годъ есть юбилейный годъ пятидесятилѣтняго его служенія музамъ. Какъ бы радостно было для такого случая собраться всѣмъ намъ вмѣстѣ и привѣтствовать однимъ хоромъ безцѣннаго учителя-поэта нашего. Вѣдь ужь насъ немного и осталось. Кромѣ Вяземскаго, дома Вьвельгорскихъ и Карамзиныхъ да Смирновой, я даже не знаю, съ кѣмъ дѣлить намъ эту радость, дѣлить не шумно, а семейно. Конечно, чувства наши найдутъ чистый отголосокъ въ сердцѣ великаго князя Наслѣдника. Этимъ счастіемъ не приходится никому насладиться, кромѣ Василія Андреевича. Когда я сегодня упомянулъ объ этомъ великому князю, онъ такъ и оживился и даже приказалъ мнѣ написать, что я думалъ бы сдѣлать по этому случаю. Меня очень обрадовало это участіе.

Старайся, другъ, укрѣпить свое здоровье и напасть на такой путь жизни, чтобы ты могъ итти ровнымъ шагомъ. О какъ отрадно чувствовать все въ себѣ благонадежнымъ и ежедневно находить какъ физическія, такъ и умственныя силы свѣжими для исполненія возложенныхъ Богомъ на насъ обязанностей! Вотъ два года, какъ на этотъ путь навелъ меня одинъ врачъ, никѣмъ почти незнаемый въ Петербургѣ [1]).

Обнимаю тебя

П. Плетневъ.

XI.

16 мая, 1848. С.-Пб.

Получены мною оба письма твои—изъ Бейрута и Константинополя. Изъ главнаго казначейства, по присланному тобою свидѣтельству, я взялъ остальныя деньги временно данной тебѣ пенсіи. Теперь этотъ источникъ дохода твоего прекра-

[1]) Христіанъ Андреевичъ Нордстремъ, о которомъ рѣчь будетъ далѣе.

тился. Въ скопѣ денегъ твоихъ у меня нынѣ находится слѣдующее количество по билетамъ изъ ломбарда, куда отправлялъ я всякій разъ, какъ только случалась значительная сумма: по 1-му билету (съ 22 мая 1847) 1.168 р. сер.; по 2-му (съ 22 іюля 1847) 650 р. с.; по 3-му (съ 21 января 1848) 371 р. с., и по 4-му (съ 26 апрѣля 1848) 228 р. с.; всего 2.517 р. с.

Объ этомъ за нужное считаю подробно дать тебѣ знать для того, чтобы ты увѣдомилъ меня, не понадобится ли тебѣ которую-нибудь изъ этихъ суммъ взять, такъ какъ просроченный тобою и присланный мнѣ изъ Константинополя Штиглицевъ вексель, по случаю банкротства дома Тюрнейсонъ, на который онъ былъ адресованъ, остается недѣйствительнымъ.

Штиглицъ отказалъ мнѣ въ платежѣ, обѣщавъ дать знать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по скольку сантимовъ придется на франкъ уплаты, когда оцѣнится и продастся все имѣніе Тюрнейсона. Князь Вяземскій обѣщалъ было еще хлопотать за тебя у Штиглица: но какъ я не получаю отъ него никакого отзыва, то заключаю, что и ему банкиръ отказалъ. Теперь ты видишь, отъ чего не посылаю я тебѣ денегъ, какъ ты писалъ. Я буду ожидать отъ тебя особаго письма, гдѣ ты скажешь опредѣлительно, нужно ли брать изъ ломбарда для тебя и который именно изъ вышеозначенныхъ билетовъ?

Письмо твое Смирновой я отдалъ лично. Она здѣсь въ С.-Петербургѣ и пробудетъ, кажется, все лѣто, чтобы продолжать лѣченіе свое у Пашкова. Книги Бодо о греческомъ языкѣ не оказалось здѣсь ни у одного книгопродавца. Я предлагалъ имъ выписать ее, но они отказались на-отрѣзъ по причинѣ смутныхъ обстоятельствъ во Франціи и въ Германіи. Приходится подождать лучшаго времени. Поклоны твои я передалъ всѣмъ. Балабины и Вагнеровы [1]) переѣзжаютъ на лѣто въ Павловскъ. Я по-старому живу лѣтомъ на Беклешовой дачѣ. Но адресъ мой все прежній въ городъ, гдѣ я часто бываю. Мои дѣла идутъ хорошо. Въ началѣ нынѣшняго года я снова избранъ совѣтомъ и утвержденъ Государемъ въ ректора Университета на четыре года. Литературою, оставивъ „Современникъ“, я почти совсѣмъ не занимаюсь, кромѣ должностныхъ статей. Можетъ быть, когда ты поселишься въ С.-Петербургѣ, опять примусь за что-нибудь. Одному скучно.

Прощай, милый. П. П.

[1]) Марія Петровна Балабина вышла замужъ за доктора медицины Александра Львовича Вагнера.

XII.

21 іюня, 1848. Спасская мыза близъ С.-Петербурга.

Дѣло наше касательно просроченнаго векселя твоего, кажется, можетъ еще поправиться. Отправивъ къ тебѣ письмо въ Василевку [1]), я при встрѣчѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ разсказалъ ему о твоей потерѣ денегъ. Князь, будучи хорошо знакомъ, да и служа по одному министерству съ барономъ Штиглицемъ, вызвался переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ я переѣхалъ на дачу. Тамъ получилъ я увѣдомленіе отъ князя, что Штиглицъ согласился, снесшись напередъ съ тѣмъ домомъ въ Парижѣ, который обанкротился, выплатить тебѣ деньги по векселю. Черезъ нѣсколько недѣль князь Вяземскій написалъ мнѣ, что изъ Парижа Штиглицемъ уже полученъ отзывъ, для тебя благопріятный, и чтобы я представилъ въ контору Штиглица какъ вексель, такъ и довѣренность отъ тебя на полученіе.

Въ это время у меня сперва была лихорадка, а послѣ край нашъ постигнутъ общимъ неблагополучіемъ, т. е. холерою; итакъ мнѣ совсѣмъ невозможно было съѣздить съ дачи въ городъ. Я однакоже изъ предосторожности увѣдомилъ Штиглица письменно, что, во 1-хъ, по болѣзни своей, а во 2-хъ, по неимѣнію формальной отъ тебя довѣренности, не могу теперь же явиться за деньгами, и прошу извѣстить меня письменно, не повредитъ ли это невольное замедленіе мое разсчету. Онъ меня немедленно успокоилъ.

Теперь я прошу тебя составить обыкновенную съ засвидѣтельствованіемъ руки твоей довѣренность на полученіе отъ Штиглица денегъ и прислать ее мнѣ.

Но, какъ я, до ослабленія свирѣпости заразы, все же въ городѣ быть не могу, то и прошу тебя измѣнить свой планъ касательно отъѣзда въ Москву и полученія отъ меня денегъ по ломбардному билету. Такъ какъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ холера, то ты живи до сентября въ Василевкѣ. На небольшія твои тамъ нужды я могу заимообразно удѣлить тебѣ изъ остающихся при мнѣ собственныхъ денегъ *рублей полто-*

[1]) Вѣрнѣе „Васильевку“. Это было родовое помѣстье отца Гоголя въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Подробное описаніе этого имѣнія можно найти въ XXIX-й главѣ „Записокъ о жизни Н. В. Гоголя“ (Спб., 1856).

раста серебромъ. Только и объ этомъ ты долженъ увѣдомить меня, означивъ адресъ, куда ихъ отправить. Въ сентябрѣ же, Богъ дастъ, всѣ разсчеты кончимъ. Напрасно воображаешь ты, будто я все записываю, что когда посылаю тебѣ. Моя аккуратность ограничивается немедленнымъ исполненіемъ налагаемыхъ на меня порученій, а больше ужь ничего я не дѣлаю. Однако я думаю навѣрное, что первый изъ твоихъ ломбардныхъ билетовъ тотъ самый и есть, о которомъ ты спрашиваешь (Прокоповичевъ). Прочіе не что иное, какъ твой пенсіонъ.

О назначеніи Смирнова въ Москву здѣсь и слуху не было. Пиши на мое имя въ городскую квартиру.

XIII.

19 іюля. 1848. Спасская мыза близъ С.-Петербурга.

Вчера, въ воскресенье, получилъ я письмо твое отъ 7 іюля изъ Василевки, а сегодня отправляю къ тебѣ деньги. Извини, что не могъ у себя набрать пока болѣе 150 руб. сер. Холера застала меня на дачѣ въ расплохъ, такъ что я, не запасшись множествомъ необходимыхъ вещей (а въ томъ числѣ и деньгами), перебиваюсь кое-какъ до прекращенія болѣзни въ городѣ. При ней ни за что не хочу ѣхать туда, потому что, сидя на дачѣ съ 27 мая, совсѣмъ отвыкъ отъ городскаго воздуха, и онъ подѣйствовалъ бы на меня губительнѣе, нежели на такого человѣка, который свыкся съ нимъ. Теперь у насъ холера очень ослабѣла, но тутъ-то и нужна осторожность, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ глазахъ порядочныхъ людей, какъ умрешь въ такую льготную пору.

Я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи, что тебѣ лучше и благоразумнѣе до начала октября, или хоть до половины сентября, просидѣть въ Василевкѣ. Жары скоро пройдутъ. Пустынножительство для тебя прямо роскошь. Да теперь же ни души изъ пріятелей своихъ не найдешь ты ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ: всѣ отъ страху разъѣхались по деревнямъ.

Старайся только воздерживаться отъ фруктовъ, отъ молочныхъ, мучныхъ и зеленныхъ кушаньевъ. Ѣшь цыплятъ, куръ да всевозможныя каши.

Между тѣмъ не оставляй меня безъ увѣдомленія обо всемъ, что касается до тебя, что будетъ нужно и проч.

Обнимаю тебя. П. Плетневъ.

XIV.

30 мая 1849 [1]). С.-Пб.

И я жду Жуковскаго сюда. Зимою онъ рѣшительно объявилъ, что въ началѣ іюня прибудетъ къ намъ, и одинъ даже, если доктора не позволятъ ѣхать женѣ его.

Твой Плетневъ.

XV.

23 дек. 1849. С.-Пб.

Тебѣ стыдно, что ни о чемъ не увѣдомляешь меня. Если о себѣ говорить нечего, могъ бы многое сказать о другихъ.

Правда ли, что осенью гостилъ ты у Смирновой въ Калугѣ? Развѣ ты не знаешь, какъ мнѣ интересно все слышать, что до нея касается? Ужь о литературныхъ твоихъ дѣлахъ я и не спрашиваю, увѣрившись, какъ не любишь ты разглагольствовать о нихъ. Конечно теперь глухая пора и для Жуковскаго [2]). Боюсь только, что отъ толстыхъ журналовъ мы навѣкъ оглохнемъ.

Не побываешь ли ты какъ въ Петербургѣ? Весною прибудетъ Вяземскій, а можетъ быть и Жуковскій.

Твое письмо Гроту отдашь лично [3]): онъ здѣсь. Обыкновенный адресъ его:

---

[1]) 26-го января 1849 года, П. А. Плетневъ вступилъ во второй бракъ (первая жена его, рожденная Раевская, умерла въ 1839 г.). Черезъ четыре мѣсяца послѣ своей свадьбы, въ письмѣ отъ 30 мая, онъ говоритъ о своей молодой супругѣ и домашнихъ обстоятельствахъ. Это письмо, на которое Гоголь отвѣчалъ 6 іюля, отличается совершенно интимнымъ характеромъ и потому остается въ рукописи. Здѣсь помѣщается только окончаніе его.

[2]) Гоголь терпѣть не могъ вступать въ разговоры о своихъ литературныхъ занятіяхъ или планахъ. Ничѣмъ нельзя было такъ раздосадовать его, какъ вопросомъ въ родѣ слѣдующаго. „Чѣмъ подарите вы нашу литературу?“ Такому любознательному собесѣднику онъ готовъ былъ наговорить грубостей.

„Глухая пора и для Жуковскаго“ сказано по поводу замѣчанія Гоголя (въ письмѣ отъ 15 дек. 1849 г. изъ Москвы): „Теперь люди не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему „Одиссеи“. Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отживающаго вѣка“ и т. д.

[3]) Это письмо было напечатано въ „*Русскомъ Архивѣ*“ 1864 года.

Въ Гельзингфорсѣ.

Его Высокородію Якову Карловичу Гроту.

Балабинымъ сегодня же передамъ поклонъ твой. Будь здоровъ и счастливъ. Обнимаю тебя.

П. П.

XVI.

2 мая 1850. Санктпетербургъ.

Совсѣмъ не угадалъ ты, отъ чего я давно не пишу къ тебѣ. Просто отъ увѣренности, что ты и безъ моихъ писемъ знаешь главное, что со мною дѣлается. Да и твоя работа такова, что тебѣ не до развлеченія.

Я довольно часто получаю извѣстія отъ Жуковскаго. Онъ располагался лѣто провести для жены въ Остенде, а на зиму для нихъ уже нанятъ домъ въ Ревелѣ. Но когда узналъ онъ изъ моихъ писемъ, что я для жены своей на лѣто сбираюсь въ Гельзингфорсъ, то ему захотѣлось и лѣто провести въ Ревелѣ же, чтобы я вмѣсто Гельзингфорса пріѣхалъ туда. Я отвѣчалъ ему, что не прочь отъ этого плана. Теперь жду, что онъ окончательно скажетъ на это [1]). Жуковскій счастливѣе тебя на работу. У него многое прибавляется въ изданіе полныхъ сочиненій его.

Посылаю тебѣ послѣдній твой бывшій въ ломбардѣ капиталъ 1168 р. и накопившіеся на него проценты 141 р., всего 1309 р. Въ моемъ быту никакихъ перемѣнъ не послѣдовало. Изъ литераторовъ нашихъ я вижусь только съ Тютчевымъ. Вяземскій получилъ отсрочку еще на полгода. У меня дома всѣ здоровы и тебѣ кланяются.

Скажи Шевыреву, что онъ меня позабылъ и даже не прислалъ мнѣ новой своей книги.

Обнимаю тебя. До свиданія.

П. Плетневъ.

---

[1]) Извѣстно, что этотъ планъ не осуществился. Сперва Жуковскій не могъ отлучиться по болѣзни жены своей, а потомъ самъ началъ видимо слабѣть, лишившись зрѣнія, и такимъ образомъ, до самой смерти своей въ 1852 г., прожилъ заграницей. Только въ 1849 г., онъ съѣздилъ въ Москву, чтобы поздравить Государя съ окончаніемъ венгерской войны и изложить причины, не позволявшія ему возвратиться въ Россію.

XVII.

14 дек. 1850. С.-Пб.

Недуги твои, сколько я могу судить по твоимъ разсказамъ, происходятъ отъ разстройства нервовъ, обыкновенно послѣдующаго вообще за напряженными умственными трудами, а еще болѣе за превращеніемъ ночи въ день—и обратно. Лѣтъ за двадцать назадъ тому я все это испыталъ на себѣ. Тогда не было у меня ни сна во-время, ни аппетиту и никакихъ правильныхъ отправленій, потому что я головою работалъ по 12 часовъ въ сутки, ложился спать въ три и четыре часа за полночь, вставая утромъ не равномѣрно, смотря по настоянію нужды, и не вставая съ постели въ праздничное время ранѣе полудня. Два человѣка помогли мнѣ ясно увидѣть пропасть, въ которую стремился я, ведя такую безсмысленную жизнь. Первый былъ Гротъ: онъ мнѣ не переставалъ доказывать, что сонъ съ 11-ти часовъ ночи и до 6-ти утра никакимъ образомъ, безъ страшной потери здоровья, не можетъ быть замѣненъ сномъ отъ 3-хъ до 10 часовъ утра. Сперва мнѣ трудно было слѣдовать совѣтамъ благоразумія, потому что у больныхъ нервами только въ 12-мъ часу ночи и наступаетъ сила бодрствованія. Но какъ я очень полюбилъ Грота, то и рѣшился насиловать глупыя свои привычки, поддерживаемыя примѣрами нашихъ знакомыхъ и друзей. Это заставило меня прежде всего отказаться отъ вечернихъ посѣщеній общества. Я ограничился однимъ домомъ Балабиныхъ, гдѣ все идетъ согласно съ природою и благоразуміемъ. Оставалось мнѣ умертвить эту болѣзненную бодрственность, которая долго послѣ 11-ти часовъ заставляла меня вертѣться въ постели безъ сна. Но какъ я приказалъ подымать себя въ 6 часовъ утра насильно, то недѣли черезъ три со мною и помирился тотъ благотворный сонъ, который начинается только до полуночи.

Все разсказываемое мною началось еще тогда, когда я жилъ на Сѣнной въ домѣ Сухаревой и на Невскомъ въ домѣ Строгановой. Новая эпоха наступила въ теперешнемъ моемъ университетскомъ домѣ, гдѣ я познакомился съ докторомъ Нордстремомъ, который въ медицинской здѣшней академіи состоитъ прозекторомъ при профессорѣ сравнительной анатоміи. Это молодой человѣкъ, страстно преданный изученію науки своей и теперь уже изумляющій Петербургъ успѣхами и отважностію

своего лѣченія. Въ подробности изучивъ разные способы врачеванія—аллопатическій, гомеопатическій и гидропатическій, онъ изъ каждаго отдѣлилъ для себя то, что несомнѣннѣе и прочнѣе ведетъ къ пораженію болѣзни, а преимущественно къ ея *предотвращенію*. Но въ пособіяхъ гидропатіи, какъ въ самыхъ естественныхъ и самыхъ *предохранительныхъ*, онъ нашелъ лучшія свои средства лѣченія [1]).

Ему-то я обязанъ радикальнымъ преобразованіемъ всего моего физическаго состава. Я въ прежнее время сряду лѣтъ двадцать на голомъ тѣлѣ носилъ фланель, шерстяные чулки (все это зимой и лѣтомъ), ваточную шляпу, корпію въ ушахъ, галоши на сапогахъ (въ мокрое и сухое время), кутался зимою въ мѣховую шинель и проч. и проч.

Несмотря на то, я такъ былъ ежедневно доступенъ вліянію малѣйшей непогоды, что отъ одного вѣтра часто возвращался домой глухимъ. Нордстремъ, при первомъ моемъ съ нимъ знакомствѣ бывши свободенъ и пристрастившись ко мнѣ, сталъ почти жить у меня, и дѣйствуя съ удивительною во всемъ постепенностію, ровно въ полгода снялъ съ меня всѣ упомянутыя выше оковы, налагаемыя еще и нынѣ на жалкихъ паціентовъ слѣпорожденною и тѣмъ болѣе упрямою медициною дюжинныхъ врачей. Вообрази: я никогда не надѣваю галошъ, ни шубы, ничего, чѣмъ защищаются отъ Петербургскаго климата; я безбоязненно купаюсь въ Невѣ до заморозовъ вплоть; ищу чтобы вѣтеръ обвѣвалъ мою шею; забылъ, что такое кашель и насморкъ; пятиградусную воду лью себѣ въ горячее горло, едва просыпаюсь утромъ; словомъ: я пріобрѣлъ здоровье, какого не бывало у меня и въ 18 лѣтъ, а мнѣ шестой десятокъ.

Когда я разсказывалъ Нордстрему о болѣзни жены Жуковскаго, онъ не усомнился ни на мигъ, что можетъ ей дать полное здоровье, еслибы только мужъ и жена рѣшились ему ввѣриться безусловно. Я полагаю, что и съ тобою произошелъ бы неожиданный переворотъ, еслибы ты могъ *безсознательно* ввѣрить себя этому человѣку. Все, что ни привыкъ ты думать о климатѣ Греціи, Италіи, Малой Азіи и Палестины, все это будетъ пособіемъ оптическимъ, кажущимся, которое исчезнетъ

[1]) Впослѣдствіи докторъ Нордстремъ основалъ близъ Риги водолѣчебное заведеніе, которое пріобрѣло большую извѣстность. Самъ учредитель умеръ года три тому назадъ, но, сколько извѣстно, заведеніе это существуетъ еще и теперь.

при первомъ дыханіи свѣженькаго вѣтра. Основа здоровья въ качествѣ крови, въ силахъ органовъ и въ нормальной дѣятельности каждой части нашего состава. До этого-то и доходитъ постепенно Нордстремъ, убѣжденный, что его методѣ, кромѣ органическихъ поврежденій, никакой климатъ не поставитъ препятствій.

Вчерашнее ничего не могу сказать тебѣ о будущемъ лѣтѣ. У моей жены мать близъ смерти. Она въ Старой Русѣ. Если страдалица проживетъ до весны, мнѣ надобно будетъ туда отправиться съ женою. Если же постигнетъ ее кончина, то мы сперва поживемъ на своей обыкновенной дачѣ, куда желаемъ съ собою переселить Оленьку, теперь помолвленную, а тогда уже молодую. Конечно въ концѣ іюня намъ можно будетъ безъ нея ѣхать, такъ какъ она съ мужемъ останется водворенною нами въ нашемъ тепломъ пріютѣ. Женихъ Оленьки изъ Москвы, учился въ тамошнемъ университетѣ, откуда получилъ магистерство по юриспруденціи, а теперь додерживаетъ экзаменъ на докторство. Его фамилія Лакіеръ, сынъ доктора изъ прусскихъ нѣмцевъ, женатаго на русской (Шауфусъ), отъ чего и молодой человѣкъ православнаго вѣроисповѣданія. Я его знаю около пяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ все былъ влюбленъ въ теперешнюю свою невѣсту, но я не соглашался на ихъ бракъ до нынѣшняго года, такъ какъ оба они были слишкомъ молоды. Лакіеръ теперь въ чинѣ коллежскаго ассесора служитъ уже начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ юстиціи.

Ты конечно знаешь, что Жуковскій изъ Петербурга не позже августа долженъ будетъ ѣхать въ Москву.

P. S. По твоей публикаціи какая-то дама прислала на мое имя тетрадь, исписанную каллиграфически, гдѣ содержатся замѣтки на провинціальные нравы. Пожалуста напиши, не лучше ли мнѣ поберечь ее до твоего сюда пріѣзда, или тебѣ нужно, чтобы я переслалъ ее въ Одессу?

П. П.

XVIII.

23 марта 1851. С.-Пб.

Сегодня получилъ я письмо твое отъ 25 января. Не понимаю, гдѣ оно пролежало эти два мѣсяца. Ужь не въ твоемъ ли письменномъ столѣ? Удивительная съ твоей стороны неаккуратность. Полагая, что мой отвѣтъ еще застанетъ тебя въ

Одессѣ, я рѣшился написать къ тебѣ поскорѣе. Еслибы ты дѣйствительно перемѣнилъ свой маршрутъ, это было бы хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Что за жизнь на Востокѣ для автора Чичикова? Ему надобно не выѣзжать изъ Россіи. Недуги твои, надѣюсь, легко поправятся, какъ скоро ты рѣшишься вести регулярную жизнь. Въ путешествіяхъ что за регулярность? Ни покоя, ни пищи, ни сна, ни удовлетворенія привычекъ и любимыхъ фантазій. Во всемъ зависимость, Богъ знаетъ отъ кого и отъ чего.

Меня возстановило не обливаніе водою, какъ ты полагаешь, а отстраненіе неудобствъ и излишествъ, которыя всѣхъ насъ губятъ. Вода мнѣ служитъ только способомъ сохраненія тѣла въ пріятной свѣжести и чистотѣ.

Смирнова разсказывала мнѣ, какъ ты читалъ съ нею вторую часть „Мертвыхъ душъ“. Она въ восхищеніи отъ нея. Со мною ты и рѣчи не заведешь о томъ, сколько и какъ у тебя идетъ литературная работа.

Правда, и самъ я не охотникъ до времени толковать о томъ, что дѣлаю. Все же не лишнее было бы съ твоей стороны упомянуть о томъ, чѣмъ ты озабоченъ или обрадованъ. Не такъ жили со мною отшедшіе друзья наши, о которыхъ такъ мило говоришь ты въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ. У нихъ, правда, не было по цѣлому свѣту столько другихъ друзей, какъ у тебя. Это одно объясняетъ мнѣ особенность отношеній твоихъ ко мнѣ и нѣсколько успокоиваетъ меня. Тогда кружокъ нашъ былъ маленькій, но такъ крѣпко сомкнутый, что ни одна чуждая намъ фигура не могла втѣсниться къ намъ и раздѣлить кого-нибудь изъ насъ отъ другаго. Невозвратное время! Ты худо его помнишь, потому что поздно присталъ къ намъ. Смѣшно мнѣ, что ты свои лѣта равняешь съ моими. Куда же тебѣ соваться тутъ? Вѣдь ты передъ нами молокососъ [1])!

Жуковскій пріѣдетъ вѣроятно въ маѣ и помѣститъ семейство свое въ Дерптѣ, либо въ Ревелѣ. Самъ онъ только въ августѣ отправится въ Москву на празднованіе 25-лѣтія Государева. До той поры мы непремѣнно свидимся съ нимъ, т. е. или онъ ко мнѣ пріѣдетъ въ Петербургъ, либо я пріѣду къ нему въ Лифляндію. Вяземскій лѣтомъ будетъ жить въ одномъ

[1]) Гоголь родился въ 1809 году, а Плетневъ въ 1792-мъ (10 сентября). Когда писалось это письмо, первому было, слѣдовательно, 42 года, а второму 58.

краю со мною за Лѣснымъ институтомъ, гдѣ онъ завелъ собственную дачу. Смирнова здѣсь не останется. Мужъ ея смѣненъ съ калужскаго губернаторства и причисленъ просто къ министерству внутреннихъ дѣлъ. И такъ, они вѣроятно уѣдутъ на лѣто въ свою подмосковную.

Я все ждалъ, что скажешь ты на счетъ замѣчаній неизвѣстной особы, по вызову твоему приславшей ихъ ко мнѣ: не забудь, что при второмъ изданіи первой части „Мертвыхъ душъ“ ты всѣхъ просилъ доставлять подобныя замѣчанія ко мнѣ или къ Шевыреву. А теперь ты даже и не отвѣчаешь мнѣ на этотъ пунктъ. Что же это значитъ?

Вообще твои письма такъ коротки и неудовлетворительны, что можно подумать, будто ты пишешь противъ воли.

На другое письмо твое, присланное съ Мурзакевичемъ, я потому не отвѣчалъ, что ждалъ отзыва на свое первое. Пожалуста поклонись Мурзакевичу, Зеленецкому, Саржинскому и всѣмъ, кто въ Одессѣ меня вспомнитъ.

Жена моя, какъ и зять мой, тебя благодарятъ за память о нихъ и кланяются тебѣ. Обнимаю тебя мысленно и молю Бога, чтобъ Онъ даровалъ тебѣ здоровье и веселость. Неизмѣнно твой

П. Плетневъ.

XIX.

23 іюля 1851. С.-Пб.

Вчера я получилъ письмо твое, любезный другъ Николай Васильевичъ, отъ 15 іюля изъ Москвы и спѣшу отвѣчать тебѣ. Ты совсѣмъ ошибаешься, воображая, что здѣшніе цензора благоразумнѣе московскихъ: совсѣмъ напротивъ [1]). Доказатель-

[1]) Строки письма Гоголя, къ которымъ относится это замѣчаніе, частью пропущены, частью измѣнены въ изданіи его сочиненій. Въ подлинникѣ, послѣ слова „нетерпѣнья“ сказано слѣдующее: „А между тѣмъ здѣсь цензура изъ рукъ вонъ. Ея дѣйствія до того загадочны, что поневолѣ начнешь предполагать ее въ какомъ-то злоумышленіи и заговорѣ противъ тѣхъ самыхъ положеній и того самаго направленія, которыя она будто бы (по словамъ ея) признаетъ. Ради Бога, пожертвуй своимъ экземпляромъ сочиненій моихъ и устрой такъ, чтобы онъ былъ подписанъ въ Петербургѣ. Здѣшніе бабы-цензора отказываются даже и отъ напечатанныхъ книгъ, особливо, если они цензурованы петербургскимъ цензоромъ. А второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупщиками: требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти, что теперь все запрещено. Въ случаѣ, если и въ Петербургѣ ка-

ствомъ одно ужь то, что здѣсь ничего не пропустили въ печать изъ новыхъ сочиненій Жуковскаго, хоть каждая строчка его дышитъ религіозностію, нравственностію и вдохновеніемъ. Князь Щербатовъ, исправлявшій прежде должность попечителя въ Москвѣ, а недавно и здѣсь бывшій въ той же должности (слѣд. предсѣдательствовавшій въ обоихъ комитетахъ цензуры), говорилъ мнѣ, что никакого нѣтъ сравненія между нашими цензорами и московскими: послѣдніе хоть строги, но понимаютъ, чѣмъ занимаются, а здѣшніе просто идіоты. Итакъ, ни прежнихъ, ни новыхъ сочиненій твоихъ и думать не надобно сюда переносить: оканчивай все тамъ.

Во 1-хъ, генералъ Назимовъ, если ты явишься къ нему и объяснишь, въ чемъ твоя просьба, непремѣнно самъ вызовется быть твоимъ цензоромъ: это онъ сдѣлалъ съ Островскимъ и готовъ сдѣлать со всѣми, у кого только замѣтитъ талантъ. Во 2-хъ, послѣ 18 августа весь дворъ прибудетъ въ Москву, гдѣ Государь всегда бываетъ необыкновенно милостивъ. Въ крайности ты можешь подать прошеніе, чтобы, подобно тому, какъ было съ Жуковскимъ, Высочайше повелѣно было все, тобою уже напечатанное прежде, выпустить нынѣ снова въ свѣтъ безъ малѣйшихъ перемѣнъ, а о 2-мъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ Назимовъ самъ рѣшится войти съ представленіемъ къ Государю, еслибы это понадобилось. Великая же княгиня М. Н. теперь заграницею. Но Смирнова съ своей стороны и безъ ея высочества придумаетъ средство, какъ помочь тебѣ, ежели это будетъ нужно.

Вчера кн. Вяземскій сюда возвратился изъ Ревеля, гдѣ онъ провелъ 4 недѣли. У него дѣйствительно есть признаки ипохондріи, происшедшіе отъ разстройства нервовъ [1]). Теперь онъ думаетъ проситься, чтобы ему дали отпускъ куда-нибудь по-

---

кія-нибудь придирки насчетъ, можетъ, какихъ-нибудь фразъ, то Смирнова мнѣ сказала, что великая княгиня Марья Николаевна просила ее сказать мнѣ, чтобы въ случаѣ чего обратиться къ ней. Это она говорила о второмъ томѣ. Нельзя ли этимъ воспользоваться и при второмъ изданіи сочиненій. Прежде хотѣлъ было вмѣстить нѣкоторыя прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ такомъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. Еще пойдетъ новая возня съ цензорами. Богъ съ ними!“

[1]) Подлинное письмо Гоголя оканчивалось слѣдующими, также пропущенными въ печати строками: „Ради Бога передай, что знаешь, о Жуковскомъ, да и о себѣ также. Письма адресуй по-прежнему на имя Шевырева. Правда ли, что князь Вяземскій въ сильной хандрѣ“?

далѣе. Не знаю, не пустится ли онъ въ Брюссель къ сыну. Кн. Вяземскій передалъ мнѣ слухъ, который принялъ отъ кого-то недавно, будто Жуковскій снова нездоровъ и покамѣстъ не можетъ предпринять путешествія въ Россію. Это меня очень печалитъ, если только справедливо.

Прощай покамѣстъ, до свиданія. Моя жена и дочь тебѣ кланяются. Ольга и мужъ ея у насъ живутъ съ нами на дачѣ.

Твой П. П.

ГЛУХОЕ ГНѢЗДО [1].

Разсказъ.

(*Окончаніе*).

XI.

Баронъ не являлся. Наступилъ вечеръ, а его все не было. Покинутыя дамы перестали упрекать другъ друга въ томъ, что не сумѣли удержать своего кавалера, и между ними стало мало по малу водворяться самое трогательное согласіе относительно того, какъ съ нимъ поступить, когда онъ вернется. Онѣ рѣшили, что въ походѣ, который необходимо было принять противъ дѣвицы Бѣловолоцкой (что-за фамилія! хамскимъ чѣмъ-то отдаетъ), имъ должна непремѣнно помочь княгиня. Она ея знакомая и, наконецъ, все это изъ-за нея вышло; еслибъ княгиня не жила здѣсь, дѣвица Бѣловолоцкая не явилась бы сюда.

Онѣ велѣли подать самоваръ и, запивая чаемъ закуски, остававшіяся отъ завтрака, критиковали наперерывъ виновницу переполоха.

— Надо только дивиться наглости теперешнихъ дѣвчонокъ, говорила генеральша, намазывая на хлѣбъ масло и наливая себѣ пятую чашку чая. Съ каждымъ готовы кокетничать. Нѣтъ, въ наше время дѣвицы были скромнѣе, какъ можно!

— И что онъ въ ней только нашелъ, не понимаю, разсуждала баронесса,—они даже ни слова не сказали другъ другу.

— Очень имъ нужны слова! Смазливое личико и молодость вотъ все, что имъ нужно. Ужь повѣрьте мнѣ, я по опыту знаю, что такое мущины, всѣ скоты, всѣ до единаго, философствовала генеральша.

---

[1]) См. „Русск. Вѣст.“ кн. X.

Она отрѣзала себѣ еще ломоть хлѣба, собрала на него остатокъ икры и продолжала: — Я тотчасъ же ихъ шашни замѣтила. Она это сидитъ, жеманится да краснѣетъ, а онъ, какъ уставился на нее, ни разу даже и не сморгнулъ, такъ и ѣстъ ее глазами, такъ и пожираетъ. Я вамъ нѣсколько разъ на нихъ подмигивала, но вы такъ занялись корзинкой съ провизіей, что еслибъ они стали цѣловаться при васъ, вы бы, кажется, и на это не обратили вниманія.

— Сыръ былъ отличный, сказала баронесса задумчиво, не вслушиваясь въ слова своей собесѣдницы.

— Не дуренъ, но не отъ Кузнецова. Я сейчасъ могу кузнецовскій сыръ узнать по запаху. Телятина тоже не первый сортъ.

— Воображаю ея изумленіе, когда она откроетъ корзинку! опрометчиво захохотала баронесса.

Генеральша нахмурилась. Шутить и смѣяться въ такую минуту! Надо же быть пустоголовой дурой.

Она поспѣшила вернуть Софью Александровну къ дѣйствительности и отрывисто спросила:

— У *него* есть деньги?

— У кого?

— У барона конечно. Про кого же могу я спрашивать, если не про него. Это вы можете забывать, что супругъ вашъ сбѣжалъ съ дѣвчонкой, но я на это смотрю серьёзно.

Баронесса присмирѣла.

— Есть у него деньги? суровѣе прежняго повторила свой вопросъ генеральша.

— Есть. Онъ у меня сегодня утромъ послѣдніе три рубля выманилъ, печально отвѣчала баронесса.

— Благодарите Бога, что выманилъ, есть значитъ надежда, что онъ вернется съ часами. Совѣтую вамъ ихъ у него скорѣе отобрать, чтобъ опять выкупать не пришлось.

Баронесса молча кивнула; по мѣрѣ того какъ наступала ночь, мысли ея становились мрачнѣе.

А что если вдругъ онъ сегодня совсѣмъ не вернется! Сбѣжитъ на цѣлый мѣсяцъ, какъ прошлой весной, когда купчиха увезла его съ собой въ Пятигорскъ? Если только дѣвчонка эта окажется такой, какія онѣ всѣ теперь, дерзкія и наглыя, ну, тогда бѣда! Пропутается онъ съ нею, пока все съ себя не спуститъ. Тогда ужь не одни часы, а также и сюртукъ, и пальто, все очутится на толкучкѣ.

Совсѣмъ стемнѣло. Даша принесла зажженную лампу, а барона нѣтъ какъ нѣтъ.

Софью Александровну такъ и подмывало бѣжать по городу отыскивать супруга, но, по мнѣнію генеральши, ужь это было бы совсѣмъ глупо.

— Положимъ даже, что вы его найдете, что жъ вы ему скажете? Онъ вамъ отвѣтитъ, что сцены еще рано дѣлать, и будетъ правъ. Надо подождать, что дальше будетъ. Вотъ если онъ и ночевать домой не прійдетъ, ну, тогда дѣло другое.

— А если онъ съ нею въ Лугу уѣхалъ?

Генеральша развела руками.—Тогда вамъ ужь его и подавно не найти. Въ Лугу безъ денегъ не поскачешь, надо ждать. Вотъ княгиня вернется, что-то она скажетъ, эта дѣвица ея знакомая.

И глянувъ искоса на удрученную физіономію своей пріятельницы, она наставительно прибавила:

— Не надо было ихъ сводить, вотъ что.

Она вынула карты изъ стола и принялась раскладывать пасьянсъ.

— Да развѣ я ихъ сводила! вскричала въ отчаяніи баронесса.

— Разумѣется. Я какъ увидѣла ее, такъ сейчасъ подумала: тихоня эта навѣрное ужь всего Золя прочитала, а вы, какъ понюхали ея корзинку, такъ и растаяли. У васъ одна только ѣда на умѣ, рѣшительнымъ тономъ изрекла генеральша и начала класть полукругомъ карты.

Минутъ десять насиловала себя Софья Александровна слѣдить за ходомъ пасьянса, но потомъ ей это прискучило, и она съ тоской себя спрашивала: чѣмъ бы убить время до прихода княгини.

На столикѣ, рядомъ съ кушеткой барона, валялось нѣсколько истрепанныхъ книгъ, но книги для Софьи Александровны не существовали. Даже и въ обыкновенное время, при обычныхъ ея хлопотахъ и заботахъ, сосредоточиться мыслями на чемъ бы то ни было дольше пяти минутъ было для нея физически невозможно, сегодня же она находилась въ такой ажитаціи, что одинъ видъ человѣка, погруженнаго въ занятіе, приводилъ ее въ раздраженіе. Смотрѣть, какъ генеральша раскладываетъ карты, ей сдѣлалось невыносимо, она сорвалась съ мѣста и выскочила въ корридоръ—съ тѣмъ, чтобъ надѣть шу-

бу и шапку и выйти на улицу, но, замѣтивъ свѣтъ въ плохо притворенную дверь моей комнаты, метнулась ко мнѣ.

Волей неволей пришлось выслушивать ея изліянія.

XII.

Въ этотъ вечеръ я узналъ не только про всѣ шалости барона, про то, какъ онъ дошелъ до того гнуснаго положенія, въ которомъ теперь обрѣтался, и какъ сошелся съ Софьей Александровной, но также и такіе эпизоды изъ ихъ совмѣстной жизни, про которые и мнѣ было бы пріятнѣе не знать, да и ей благоразумнѣе было бы умолчать, но она такъ разошлась, что остановить потокъ ея краснорѣчія не было никакой возможности.

И, странное дѣло, чѣмъ больше гадости я про нее узнавалъ, тѣмъ жальче мнѣ ея становилось, и тѣмъ больше негодовалъ я на тѣхъ, вполнѣ порядочныхъ людей, которые допустили ее до этихъ гадостей.

Падала она и погрязала въ омутѣ мало по малу, безсознательно и постоянно имѣя въ виду сдѣлать лучше.

Даже и теперь, когда подняться ей ужь не было никакой возможности, когда жить болѣе или менѣе мелкими мошенничествами и обманами вошло у нея въ такую привычку, что дня не проходило, чтобъ она кого-нибудь не надула и чтобъ кто-нибудь не оскорбилъ ее упреками, ругательствами или презрѣніемъ, даже и теперь не переставала она льстить себя надеждой, что все это только временное зло, стоитъ только такому-то или такому-то изъ многочисленныхъ дѣлъ, затѣянныхъ ею, удасться, и все поправится, все забудется, и для нея съ барономъ наступитъ новая жизнь. Всѣ ихъ будутъ уважать, а они всѣмъ будутъ благодѣтельствовать и сдѣлаются вполнѣ честными и полезными членами общества.

— Мой баронъ потому кутитъ, что у него нѣтъ собственности, это очень понятно. Дайте ему домъ, а еще лучше хорошенькое имѣніе, и онъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлается. Когда наши обстоятельства поправятся, я непремѣнно куплю имѣніе на югѣ Россіи и поселюсь въ немъ со своей семьей. Дѣти мои будутъ съ нами, а также сестра барона со своими ребятами, я обѣщала ихъ пріютить, они такіе несчастные! Выпишу также изъ Воронежа дядину гражданскую жену

съ ребенкомъ. Дядя не признаетъ этого ребенка, да мнѣ что, она славная и въ такомъ ужасномъ положеніи!... О! еслибъ я была богата, сколькихъ бы я осчастливила! У меня и дѣти такія же добрыя, какъ и я. Моя старшая дочь видѣть не можетъ нищаго, чтобъ не подать ему копѣечку, а меньшой мой, Дима, стащилъ разъ золотые часы у отца и подарилъ ихъ кучеру за то, что онъ покаталъ его вокругъ двора, вотъ у меня какія дѣти.

Она блаженно улыбалась, предаваясь этимъ воспоминаніямъ, въ полномъ убѣжденіи, что любитъ своихъ дѣтей такъ, какъ каждая мать должна ихъ любить. Ей никогда и въ голову не приходило, что она виновата предъ ними, а между тѣмъ благодаря ей, они были разорены, воспитывались изъ милости у чужихъ, и она такъ давно ихъ не видала, что не узнала бы ихъ, еслибъ они вдругъ теперь явились къ ней.

Про перваго своего мужа, который умеръ ненавидя ее и проклиная, она тоже не иначе вспоминала, какъ съ умиленіемъ.

— Онъ былъ очень хорошій человѣкъ, умный, честный и съ любящей душой. Я вышла за него по любви, но мы не сошлись характерами. У меня, знаете, все порывы, и я не выношу ни въ чемъ мескинности, а онъ былъ terre à terre, ну вотъ мы постоянно и грызлись. Онъ былъ радъ, когда я уѣхала, я утомляла его моею дѣятельностью и энергіей, онъ не могъ за мной поспѣвать ни въ чемъ. Фантазія у меня была всегда бѣшеная и предпріимчивости масса. Еслибъ мнѣ дали воспитывать моихъ дѣтей, я бы ихъ испортила, это хорошо, что они не при мнѣ. Да мнѣ и некогда съ ними возиться. Одинъ процессъ у меня десять лѣтъ жизни съѣлъ, вѣдь я все сама, я не изъ тѣхъ, что на адвокатовъ полагаются, я всѣ законы вытвердила pour leur tenir tete. Ну, за то теперь ни одинъ изъ нихъ меня не переспоритъ.

— Но вы, кажется, проиграли нашъ процессъ, замѣтилъ я.

Глаза ея безпокойно забѣгали, и во взглядѣ ея добродушная восторженность смѣнилась подозрительностью.

— Ну, это еще неизвѣстно, вѣдь мы еще въ коммисію прошеній не обращались, процѣдила она сквозь зубы. И тотчасъ же перескочила на другой предметъ, стала разсказывать про повѣреннаго г-жи Квашниной, какъ ей удалось его провести. —Квашнинъ хочетъ развестись съ женой, а она не хочетъ, ну вотъ онъ ко мнѣ обратился – какъ быть? А я хорошо знаю секретаря того самаго туза, отъ котораго это зависитъ... Меня

съ нимъ княгиня познакомила, онъ армянинъ, знаете, она здѣсь почти со всѣми вліятельными армянами знакома...

Бесѣда наша была прервана звонкомъ у входной двери и появленіемъ Даши съ извѣстіемъ о приходѣ княгини. Баронесса заторопилась въ прихожую, гдѣ застала генеральшу.

Княгинѣ не дали и ватерпруфа снять.

— Постойте, вамъ, можетъ быть, придется опять бѣжать, скомандовала генеральша.

— У насъ тутъ безъ васъ ужасная непріятность случилась, ваша пріятельница барона сманила, объявила баронесса.

— Какая пріятельница? спросила озадаченная княгиня.

— Бѣловолоцкая. Вы ее знаете, она къ вамъ за деньгами приходила, вы у нея деньги заняли.

— Черненькая такая, лупоглазая, пояснила генеральша.

Княгиня стала припоминать.—Бѣловолоцкая, Бѣловолоцкая.. хорошенькая, вы говорите? Не знаю такой.

— Да какже не знаете, когда вы у нея на прошлой недѣлѣ деньги заняли?

— Деньги? Это она говоритъ?

— Да. Она именно за этими деньгами и приходила сюда. Вы обѣщали ей возвратить черезъ недѣлю.

— А сколько денегъ я у ней заняла, она не сказала?

— Нѣтъ.

— Ну такъ какже вы хотите, чтобъ я помнила.

— У нея есть тетка, которую зовутъ Марьей Семеновной.

— Мало ли у меня знакомыхъ, которыхъ зовутъ Марьями Семеновнами!

Она стала высчитывать по пальцамъ:—кастеляншa въ институтѣ—разъ, свояченица нотаріуса—двѣ, жена нашего доктора—три. Есть еще у меня одна Марья Семеновна на Николаевской...

— Ну вотъ, вотъ, именно она и есть. На Николаевской. Она сказала, что должна заѣхать къ теткѣ на Николаевскую.

— Съ этого бы и начали, теперь я вспомнила, дѣйствительно я была на прошлой недѣлѣ у этой дамы и познакомилась съ ея племянницей.

— Съ Катериной Галактіоновной?

— Ужь этого я вамъ не могу сказать, помню только, что я перехватила у нея не то десять, не то пятнадцать рублей, но, мнѣ кажется, что барышня эта вовсе не красива, маленькая, рыжая, въ веснушкахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ она брюнетка.

— Значитъ, съ той рыжей я въ другомъ мѣстѣ познакомилась.

— И тоже денегъ у нея заняли? спросила генеральша.

— Заняла. Такъ что жъ изъ этого? А вы бы не заняли, еслибы вамъ предложили? отпарировала княгиня.

— Пожалуйста, не равняйте меня съ собой, я не повивальная бабка, съ достоинствомъ выпрямилась генеральша.

— Да, но за то вы старая обскурантка, и съ вами развитому человѣку нельзя говорить, огрызнулась княгиня и, не дожидаясь возраженій, повернулась спиной къ своей оппоненткѣ и обратилась къ баронессѣ.

— Если онъ у нихъ, я вамъ его привезу, объявила она рѣшительнымъ тономъ.

— А если онъ въ Лугу уѣхалъ?

— Я вамъ все это разузнаю, повторила княгиня.

— Такъ у васъ, значитъ, есть и деньги на извощика? снова вмѣшалась въ разговоръ генеральша.

— Есть, я восемьдесятъ пять копѣекъ въ винтъ выиграла.

И съ этими словами княгиня вынула изъ кармана два двугривенныхъ и положила ихъ на край стола.

— Тутъ только сорокъ копѣекъ, замѣтила генеральша.

Княгиня опять полѣзла въ карманъ и, вынувъ небольшой пакетецъ, подала его баронессѣ.

— Вотъ, это кофейные леденцы для барона, спрячьте для него, пожалуйста, а то я, пожалуй, забывшись, всѣ сгрызу, тутъ и безъ того мало осталось.

А генеральшу, между тѣмъ, видъ двугривенныхъ привелъ въ раздумье.

— Знаете что, сидите-ка вы дома, а я отправлюсь его разыскивать, сказала она.

И взявъ двугривенные, опустила ихъ въ карманъ.

Тутъ вмѣшалась въ разговоръ присутствовавшая при этой сценѣ хозяйка.

— Для чего же пхъ разыскивать? Если они въ Петербургѣ, то и сами, не сегодня-завтра, непремѣнно объявятся, а если ихъ въ городѣ нѣтъ, такъ и искать не стоитъ, все равно не найдете.

— Ну да, я вамъ то же самое говорила, помните? обратилась генеральша къ баронессѣ.

И отвертываясь отъ княгини, которая со свойственнымъ

ей незлобіемъ, забывъ о происшедшей между ними стычкѣ, протягивала ей на прощаніе руку, генеральша пожелала доброй ночи Софьѣ Александровнѣ и удалилась въ свою комнату.

Баронесса же зазвала княгиню къ себѣ, оставила ее ночевать и до разсвѣта бесѣдовала съ нею—о дѣвицѣ Бѣловолоцкой и о легкомыслін своего супруга вѣроятно.

XIII.

Баронъ пропадалъ цѣлую недѣлю и вернулся къ своимъ дамамъ въ такомъ плачевномъ видѣ, что онѣ ужь никому изъ постороннихъ его не показывали.

Всѣмъ, спрашивавшимъ про него, объявляли, что онъ нездоровъ, а совѣщанія по дѣламъ баронесса производила либо въ прихожей, либо въ комнатѣ хозяйки и даже иногда въ кухнѣ, смотря по тому, къ какой категоріи принадлежали люди, добивавшіеся съ нею свиданія.

Впрочемъ, застать ее теперь дома было труднѣе обыкновеннаго.

— Рыщутъ по городу, одежду и все прочее ему промышляютъ, объясняла хозяйка, принося мнѣ чай.

Дашѣ была такая гонка съ утра до вечера, что Ольга Ивановна должна была одна прислуживать своимъ жильцамъ и такъ утомлялась за день, что, по ея собственному выраженію, къ ночи ногъ подъ собою не чувствовала.

— Всѣ три для него по городу рыщутъ? спросилъ я.

— А то какже, всѣ три. Всѣмъ онъ милъ, каждая готова для него на стѣну полѣзть. Сегодня генеральша чуть свѣтъ къ жиду за отвѣтомъ посылала. Онъ прислалъ сказать, что дѣло ладится. Ну, повеселѣли маленько и, на радостяхъ, за копченой корюшкой да за пивомъ посылали. Кушаютъ теперь. Ужь онъ имъ разъ, вотъ при такомъ же случаѣ, досталъ сто рублей, можетъ, и теперь достанетъ.

— Безъ отдачи?

— Да ужь понятно, что не деньгами онѣ ему отдадутъ, а только онъ свою выгоду не упуститъ, не тѣмъ, такъ другимъ, а ужь наверстаетъ свое, и съ процентомъ. Барону, какъ мужчинѣ, эта жидовская нація отлично даже хорошо извѣстна, и онъ намедніись пушилъ ее изъ-за него.

— Кого это онъ пушилъ?

— Супругу свою, конечно, Софью Александровну. Пожалуйста, говоритъ, не вляпайте меня въ какую-нибудь грязную исторію съ этимъ жидомъ. Я, говоритъ, знаю, вы съ нимъ уголовщину какую-то затѣваете, такъ я васъ предупреждаю, какъ до чего дойдетъ, я въ тотъ же день, говоритъ, къ бабушкѣ въ Курляндію уѣду. Трепать мою баронскую честь по вашимъ русскимъ судамъ мнѣ вовсе не желательно, говоритъ, фамилія у насъ рыцарская, и позорить ее мнѣ мои родственники не позволятъ. Н-да, вотъ онъ у насъ съ какимъ гоноромъ кавалеръ.

Она смолкла, но я по лицу ея видѣлъ, что ей еще хочется со мной кое-чѣмъ подѣлиться. Заглянувъ за двери и убѣдившись, что насъ никто не подслушиваетъ, она продолжала свое повѣствованіе, осторожно понижая голосъ.

— Вчера чуть было у нихъ ссора не вышла. Генеральша его той барышней попрекнула, съ которой онъ тогда уѣхалъ.

— Ну и что жъ?

— Да представьте себѣ, ничего, ни крошечки даже не разсердился. Совсѣмъ безсовѣстный. Смѣется,—надо же мнѣ было ее утѣшить, говоритъ, за закуски-то, что вы у нея поѣли. Вотъ вѣдь какой, прибавила она съ тихимъ, почти радостнымъ смѣхомъ.

Ужь по одному этому смѣху можно было догадаться, что и она тоже неравнодушна къ барону.

Онъ такъ занималъ всѣхъ обитательницъ квартиры, что во всѣхъ уголкахъ только и рѣчи было, что о немъ. Я слышалъ изъ своей комнаты, какъ посѣтительницы моей ближайшей сосѣдки, княгини, проходя по корридору, съ сдержаннымъ смѣхомъ спрашивали у Даши: „ну, что вашъ баронъ? Не выздоровѣлъ еще?“ А разъ какъ-то, проходя мимо растворенной двери въ кухню, до меня долетѣла фраза, произнесенная шипящимъ, грознымъ шопотомъ: „мотри ты у меня съ этимъ вашимъ барономъ! И тебѣ косу вырву, и ему ребра поломаю, если что узнаю“.

— У васъ тамъ гость былъ сейчасъ въ кухнѣ?—спросилъ я у Даши, когда, нѣсколько минутъ спустя, она принесла въ мою комнату зажженную лампу.

Она вся зардѣлась.

— Да-съ, полотеръ тутъ одинъ. Земляки мы съ нимъ. Письмо изъ деревни получилъ, вотъ и пришелъ.

Однако на этотъ разъ экипировка нашего барона подвига-

лась туго. Либерзонъ отдѣлывался обѣщаніями. Генеральша выразила было намѣреніе заложить свою турецкую шаль и брошь съ изумрудами, но вспомнивъ, что должна въ скоромъ времени фигурировать на званомъ обѣдѣ у дочери, отмѣнила это рѣшеніе.

Баронесса каждый день отправлялась на поиски за деньгами, и даже жутко было слушать, когда она принималась разсказывать, какіе концы отмахивала она пѣшкомъ по городу, почти не отдыхая. Но результаты ея странствованій были весьма неудовлетворительны; больше рубля, двухъ, ей нигдѣ не удавалось перехватить, а такъ какъ дорогой ей необходимо было купить для барона что-нибудь сладенькое или соленькаго, да мыла душистаго, да пудры, да табаку, да гильзъ и мало-ли что еще, то возвращалась она обыкновенно безъ единой копѣйки домой.

Всѣхъ успѣшнѣе дѣйствовала княгиня; ей удалось выманить у пріѣзжей студентки деньги, которыми родители снабдили ее на дорогу, цѣлыхъ двадцать рублей. Но на это можно было выкупить одно только пальто, на сапоги бы даже не хватило, и баронъ весьма резонно разсуждалъ, что если выкупать его костюмъ, то ужь весь, сполна, а частями не стоитъ.

— Я привыкъ выходить на улицу, не иначе, какъ въ приличномъ видѣ, и по-моему, лучше дома сидѣть, чѣмъ показываться въ публикѣ въ такихъ отрепьяхъ, въ какихъ вы показываетесь, mesdames, говорилъ онъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ свою супругу и ея подругъ.

И къ этому онъ прибавлялъ со спокойною важностью:— подождемъ.

Онъ могъ быть спокоенъ, за него достаточно хлопотали другіе.

XIV.

И вотъ, въ самый разгаръ этихъ хлопотъ, когда всѣ три дамы возвращались домой измученныя, истрепанныя и часто голодныя, поздно вечеромъ, чтобъ на слѣдующее утро чуть свѣтъ снова разбрестись въ разныя стороны въ погоню за наживой, однажды утромъ, часу въ одиннадцатомъ, у входной двери раздался звонокъ, и въ квартирѣ поднялась необычайная возня. По корридору протаскивали что-то тяжелое, раздавался топотъ ногъ, обутыхъ въ сапоги съ гвоздями, и Даша

вбѣжала въ мою комнату съ искаженнымъ отъ волненія лицомъ.

— Княгинина дочка пріѣхала! объявила она задыхающимся шопотомъ.

И тотчасъ же скрылась, торопясь на зовъ хозяйки, которая не своимъ голосомъ кричала: — Даша! Даша! куда ты запропастилась? Сундукъ-то сюда не пролѣзаетъ, надо попросить Виктора Николаевича, не позволитъ ли къ нему поставить.

Услышавъ свое имя, я вышелъ въ корридоръ и, очутившись передъ растворенною дверью моей сосѣдки, увидалъ слѣдующее зрѣлище: среди комнаты, повернувшись спиной къ двери и понуривъ голову, стояла высокая, стройная фигура, окутанная въ большой, клѣтчатый платокъ, спускавшійся съ ея головы до пятъ.

Горбоносый, черноволосый студентъ, одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей княгини, — звали его Лазарь, — говорилъ ей что-то такое на непонятномъ языкѣ, съ большимъ жаромъ и размахивая руками.

Но на всѣ его убѣжденія она упорно мотала головой.

— Вотъ, даже раздѣться не хочетъ, обратился онъ къ намъ, указывая на пріѣзжую. — Разсердилась на мать за то, что она къ ней на встрѣчу не выѣхала.

— Да развѣ княгиня знала, что она пріѣдетъ, вступилась хозяйка за свою жиличку.

Фигура въ платкѣ, не мѣняя позы, забормотала что-то непонятное, быстро, повторяя нѣсколько разъ: Кейко, Кейко. И, запальчиво топнувъ ногой, смолкла.

— Она говоритъ, что еще осенью прислала матери письмо съ Кейко, перевелъ намъ ея рѣчь Лазарь.

— Съ какимъ такимъ Кейко? полюбопытствовала хозяйка.

— Кейко, это сынъ ихъ сосѣда, гимназистъ, я его знаю.

— Такъ вы ей объясните, пожалуйста, что княгиня никакого письма отъ нея не получала, ужь мы бы знали, еслибъ она получила, продолжала защищать свою жиличку Ольга Ивановна.

Студентъ передалъ эти слова по-грузински княжнѣ и прибавилъ къ этому еще что-то такое отъ себя, но она ничего не хотѣла слушать и съ раздраженіемъ мотала головой.

Платокъ соскользнулъ съ ея волосъ, густыхъ, глянцовитыхъ, какъ смоль черныхъ, заплетенныхъ въ длинныя косы.

— А вы спросите, чего имъ подать: чаю или кофе, что онѣ по утрамъ кушать изволятъ, предложила хозяйка.

И пригнувшись ко мнѣ, замѣтила вполголоса: — она, поди чай, по-нашему-то и говорить не умѣетъ.

Слова эти были произнесены очень тихо, но княжна ихъ разслышала.

— По-русски знаю, знаю! отрывисто объявила она, не переставая отъ насъ отвертываться.

И помолчавъ немного, продолжала: —Кейко ѣхалъ въ Петербургъ... онъ сказалъ: поѣдемъ со мной... я сказала, бабуська не пуститъ...

Она говорила точно про себя, ни къ кому не обращаясь, срыву и очень сердито, но тѣмъ не менѣе, я рѣшился вступить съ нею въ разговоръ.

— Но все-таки бабушка васъ отпустила? спросилъ я.

Вопросъ мой пришелся ей не по сердцу: быстро повернувшись, она остановила на мнѣ пристальный взглядъ своихъ большихъ, черныхъ глазъ и запальчиво вскричала: — тебѣ что-за дѣло, дуракъ!

Это было такъ неожиданно, что мы не могли удержаться отъ смѣха. Тогда лицо ея исказилось гнѣвомъ, глаза засверкали, и она привычнымъ жестомъ схватилась правой рукой за лѣвый бокъ, точно для того, чтобы выхватить кинжалъ, котораго не было, конечно.

Еслибы не студентъ, принявшійся успокоивать ее на родномъ языкѣ, она навѣрное кинулась бы на насъ съ кулаками.

— Батюшки мои, дикая какая! проговорила испуганная хозяйка, отступая въ корридоръ.

И вдругъ позади насъ раздалось знакомое шлепанье туфель. Я съ изумленіемъ переглянулся съ хозяйкой: неужели это баронъ идетъ сюда?

Да, это былъ онъ. Узнавъ черезъ Дашу о пріѣздѣ княжны, ему такъ захотѣлось на нее посмотрѣть, что онъ и про костюмъ свой забылъ. Явился онъ въ жениной пестрой кофтѣ, надѣтой на кальсоны, и въ туфляхъ, но за то усы его и бакенбарды были тщательно расчесаны; прямой какъ ниточка проборъ, дѣлилъ на двѣ совершенно равныя половины его рѣдѣющую шевелюру, и отъ него на далекое разстояніе несло духами.

Духи у него никогда не переводились. Въ самыя критическія минуты жизни, когда у него съ женой не было пяти ко-

пѣекъ, чтобъ купить булку, онъ все-таки не забывалъ оприскивать себя духами.

Когда княжна Тамара увидала его, гнѣвъ ея внезапно смѣнился изумленіемъ. Съ наивнымъ любопытствомъ подалась она впередъ, чтобъ лучше его разглядѣть, и вдругъ, указывая пальцемъ на него, съ громкимъ крикомъ: „Баба съ бородой!“ разразилась такимъ звонкимъ смѣхомъ, что мы всѣ, кромѣ барона, послѣдовали ея примѣру.

Такого искренняго, веселаго смѣха, мнѣ давно ужъ не случалось слышать. Она въ полномъ смыслѣ этого слова хохотала до упаду. Ноги подъ нею подкосились, она упала на стоявшій позади ея стулъ (еслибъ стула по близости не было, она сѣла бы на полъ) и пригнувшись головой къ колѣнямъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, точно въ судорогахъ, хохотала, какъ ребенокъ, бѣснующійся отъ радости. Это продолжалось долго. Начнетъ затихать, подниметъ голову, взглянетъ на барона и опять закатится пуще прежняго. Пришлось отпаивать ее водой; слезы текли градомъ по ея лицу, съ нею непремѣнно сдѣлалась бы истерика, еслибъ Ольга Ивановна не догадалась увести виновника смѣха.

Вернулась она назадъ очень озабоченная. Баронъ обидѣлся и назвалъ княжну идіоткой.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно быть такой неучтивой. Васъ дуракомъ выругала, хорошо что вы не обидѣлись, барону расхохоталась въ глаза, да еще пальцемъ на него указываетъ... что-за манера, ворчала она.

— Да вѣдь вы же сами рѣшили, что она дикая, напомнилъ я ей.

— Ну, все-таки, нельзя ужъ такъ, совсѣмъ безъ политики... хоть бы вы ее пристыдили, обратилась она къ студенту.

Но онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе.

— Вѣдь я съ нею вовсе не знакомъ, она прибьетъ меня, пожалуй, если я ей скажу что-нибудь непріятное.

И на вопросъ мой, какъ это случилось, что онъ вмѣстѣ съ нею сюда явился, онъ отвѣчалъ, что вышло это случайно.

— Я пошелъ встрѣчать земляковъ на Николаевскій вокзалъ, а они мнѣ и говорятъ: эй, Лазарь, ты съ княгиней знакомъ, вотъ ея дочка изъ Москвы пріѣхала, никогда не была въ Петербургѣ, будь добръ, доставь ее къ матери. Я и доставилъ, а теперь мнѣ на лекцію пора, будьте здоровы.

— А какъ же она до Москвы-то доѣхала? спросилъ я.

— Тоже съ попутчиками, одной бы ей не добраться.

И пожимая намъ руки на прощаніе, онъ прибавилъ вполголоса:—вѣдь она не грамотная.

XV.

Послѣ его ухода намъ долго заниматься княжной не довелось; вернулась домой баронесса, а за нею генеральша, и обѣ дамы такъ усердно принялись тормошить пріѣзжую, что мнѣ съ хозяйкой оставалось только уйти во-свояси.

Пока генеральша подвергала допросу княжну Тамару, баронесса бѣгала по корридору, заглядывала то ко мнѣ, то въ кухню, то въ комнату Ольги Ивановны и дѣлилась съ нами волновавшими ее соображеніями и планами относительно пріѣзжей.

— Ее зовутъ Тамара... какое поэтическое имя, не правда ли? Княжна Тамара, прелесть! А какая она худая, жалкая!.. И совсѣмъ, совсѣмъ еще дѣвочка... Баронъ находитъ ее глупой, но онъ это напрасно, она просто сконфужена и немножко ошалѣла отъ всего, что видитъ и слышитъ... еще бы! А вы поняли, что она говоритъ? Я не поняла. Вѣдь, кажется, по-русски, а ничего нельзя понять... Это хорошо, что она пріѣхала, что же тамъ въ глуши, даже школъ нѣтъ, а здѣсь ей можно дать прекрасное образованіе, здѣсь и курсы и все такое... вотъ ея мать, ужь какая дура, а и то выучилась всему, что надо, и дипломъ получила, ну и она также, обращалась баронесса то ко мнѣ, то къ Ольгѣ Ивановнѣ, то къ Дашѣ, смотря потому, кто ей подвертывался подъ руку.

Увидавъ сундукъ, загораживавшій цѣлый уголъ моей комнаты, она еще пуще заволновалась.

— Это она привезла? Что тамъ у нея? Вы не знаете? Вѣдь бабушка у нея богатая, говорятъ... Какъ бы посмотрѣть!

Обмѣнявшись со мной краснорѣчивымъ взглядомъ, хозяйка объявила, что сундукъ запертъ, и ключа отъ него ей не дали, тогда баронесса снова побѣжала къ княжнѣ, но тамъ ждало ее разочарованіе, на всѣ вопросы княжна упорно молчала, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Генеральша даже плюнула отъ досады и вышла въ корридоръ.

Тутъ у нея произошла стычка съ баронессой, которая

послѣдовала за нею, повторяя: — что такое? что она вамъ сказала?

— Да она и говоритъ-то совсѣмъ не умѣетъ, идіотка! И для чего притащилась сюда, не понимаю! отвѣчала, пожимая плечами, генеральша.

— Какъ вы странно судите, она къ матери пріѣхала, возразила баронесса,—это очень понятно.

— Одолжила, нечего сказать.

— Неужели вы думаете, что княгиня ей не рада будетъ? недоумѣвала баронесса.

— Да чему же радоваться-то? Не было печали, черти накачали, вотъ вѣдь это какая штука.

— Да какже, вѣдь она все-таки ей дочь?

Генеральша съ гримасой передернула плечами.

— А чѣмъ она ее будетъ кормить?

— Можно заставить отца присылать ей на содержаніе.

— Хорошо, если удастся!

— Она много вещей съ собой привезла.

— Хламъ, вѣрно, какой-нибудь.

— Не говорите, бабушка у нея богатая. На какія деньги она сюда доѣхала, вы у нея не спрашивали?

— Ничего отъ нея не добьешься, дикая какая-то.

— Вотъ княгиня придетъ, ей-то она все скажетъ.

— Надо надѣяться.

XVI.

Никогда еще не ждали возвращенія княгини съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ въ этотъ достопамятный день. При каждомъ звонкѣ, баронесса съ генеральшей выглядывали въ прихожую и, убѣдившись, что звонила не она, ругали ее на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вотъ такъ мать! Дочь пріѣхала, а она Богъ знаетъ гдѣ треплется.

Княжна Тамара тотчасъ послѣ завтрака, и не разставаясь со своимъ клѣтчатымъ платкомъ, завалилась на кровать и заснула такимъ крѣпкимъ сномъ, что никакими звонками нельзя было бы ее разбудить.

Наконецъ княгиня явилась.

Не успѣла она переступить порогъ прихожей, какъ ей объявили, что дочь ея пріѣхала.

Она совсѣмъ опѣшила отъ этого извѣстія.

— Дочь? Которая? Когда? Зачѣмъ? безсвязно лепетала она, не трогаясь съ мѣста и останавливаясь растеряннымъ взглядомъ то на одномъ, то на другомъ изъ окружавшихъ ее лицъ, съ тупымъ отчаяньемъ человѣка, ошеломленнаго непонятною неожиданностью.

А ее между тѣмъ не переставали осыпать со всѣхъ сторонъ словами.

— Чего же ты стоишь, мать моя? Иди къ дочкѣ, она съ утра тебя ждетъ, иди же, иди, повелительно повторяла генеральша.

— Вы должны быть рады, подхватывала баронесса.

— Ужь тамъ рада не рада, а пріѣхала, такъ принимай, выгнать нельзя, хихикнула генеральша.

— Можно заставить вашего мужа платить за нее, вы имѣете на это право, вставила баронесса.

— Родное дитё завсегда матери дорого, замѣтила съ вздохомъ умиленія хозяйка.

А также и Даша, выглядывавшая черезъ ея плечо изъ корридора, пробормотала что-то такое чувствительное.

Княгиня, какъ несчастное животное, попавшее въ западню, безпомощно озиралась по сторонамъ.

— Дитя... Да которое же? соображала она вслухъ, усиливаясь припомнить.—Старшая дѣвочка въ институтѣ, вторая дѣвочка у дяди Георгія, третья дѣвочка у кузины Бабо,....

— Ее зовутъ Тамарой, подсказала генеральша.

— Тамара.... Это значитъ изъ маленькихъ.

— Помилуйте, какая же она маленькая! Выше васъ ростомъ.

— Она у бабушки была, напомнила баронесса.

— Да, да, ее къ бабушкѣ отвезли послѣ моего отъѣзда. Но какже она могла пріѣхать? продолжала недоумѣвать княгиня,—ей было тогда не болѣе пяти, шести лѣтъ.

— Да вѣдь съ тѣхъ поръ восемь лѣтъ прошло, расхохоталась своимъ злымъ смѣхомъ генеральша.

Княгиня поняла наконецъ.

XVII.

Съ недѣлю времени въ меблированныхъ комнатахъ Ольги Ивановны всѣ интересовались княжной Тамарой. Изъ-за нея

ссорились, для нея дѣлали планы, ее жалѣли, надъ нею смѣялись, повторяли каждое ея слово, дивились дикости ея понятій, умилялись надъ ея наивностью, восхищались ея огромными глазами, густой косой, стройнымъ станомъ, допытывались, умна она или глупа; каждый, однимъ словомъ, по-своему заглядывалъ ей въ душу и на свой ладъ забавлялся ею, какъ новой игрушкой.

Но это длилось не долго.

Въ порывѣ радости при свиданіи съ матерью (какъ оказалось впослѣдствіи, она давно мечтала объ этомъ свиданіи), бѣдная Тамара разоткровенничалась и разсказала много лишняго про свою жизнь у бабушки, про то, какъ ее тамъ хотѣли отдать замужъ за стараго армянина и какъ Кейко, сынъ ихъ сосѣда, посовѣтовалъ ей ѣхать къ матери въ Петербургъ. Бабушка сначала и слышать объ этомъ не хотѣла, но когда Тамара поклялась, что зарѣжется, если ее не отпустятъ, старуха испугалась и дала ей денегъ на дорогу.

Все это княгиня, со свойственнымъ ей легкомысліемъ, тотчасъ же всѣмъ разболтала, а генеральша, злившаяся на Тамару за то, что она не трудилась скрывать своего отвращенія къ ней и на всѣ ея разспросы отвѣчала упорнымъ молчаніемъ, генеральша дала ей понять, что напрасно она скрытничаетъ.

— Ваши секреты всему свѣту извѣстны, маменька ваша всѣмъ разболтала то, что вы ей разсказали, и мнѣ, и барону, и баронессѣ...

— Неправда! вскричала, блѣднѣя отъ гнѣва, Тамара.

Но ей поспѣшили доказать, что это правда, и она пришла въ такую ярость, что даже генеральша смутилась немножко.

— Кто же могъ думать, что она такъ дико къ этому отнесется, оправдывалась она, когда впослѣдствіи ее упрекали въ томъ, что она ссоритъ княгиню съ дочерью.—Да впрочемъ онѣ и безъ того непремѣнно бы въ скоромъ времени перегрызлись, прибавляла она въ видѣ утѣшенія.

Негодованіе свое на мать Тамара проявляла самымъ неистовымъ и шумнымъ образомъ, она рыдала, кричала, топала ногами, рвала на себѣ волосы и проклинала и себя, и ее.

— Никогда я тебѣ ничего не скажу! Никогда! Ты нечестная... ты обѣщала не говорить и сказала, нечестная, нечестная! Я тебя ненавижу! кричала она и по-русски и по-гру-

зински, не помня себя отъ ярости и не слушая ни чьихъ увѣщаній и объясненій.

Кто-то посовѣтовалъ оставить ее одну, до тѣхъ поръ пока ея припадокъ бѣшенства не пройдетъ, и средство это оказалось дѣйствительнѣе всѣхъ прочихъ. Минутъ черезъ десять ея не стало слышно, а когда снова вошли въ ея комнату, она тихо плакала, уткнувшись головой въ подушку.

Ее окликнули, она не шелохнулась. У нея спросили, не хочетъ ли она чаю—она молчала.

Двое сутокъ не брала она въ ротъ ни крошки и только на третій день удалось Ольгѣ Ивановнѣ уговорить ее проглотить чашку бульона.

Бѣдная дѣвочка хотѣла уморить себя голодомъ, но не выдержала.

Бульонъ она выпила и кусокъ хлѣба съѣла, но говорить никто не могъ ее заставить, и клятву свою ни въ чемъ не довѣрять матери она не нарушила до конца.

Княгиня боялась оставаться съ нею наединѣ: такими злыми глазами смотрѣла она на нее, и такими угрожающими жестами сопровождались эти взгляды.

Такой она на всѣхъ нагнала страхъ, что комнатка ея матери осталась въ полномъ ея распоряженіи, а княгиня ночь проводила гдѣ попало: сегодня у генеральши, завтра у баронессы, послѣ завтра у хозяйки.

XVIII.

Между тремя дамами теперь установилось трогательное согласіе и готовность поддерживать другъ друга во всемъ.

Баронесса дѣятельно хлопотала о пристройствѣ Тамары куда бы то ни было, въ институтъ, въ профессіональную школу, въ сестры милосердія или въ исправительное заведеніе для идіотовъ и эпилептиковъ. Съ этою цѣлью она разыскивала по всему городу знакомыхъ, которые могли бы ее познакомить съ знакомыми знакомыхъ тѣхъ лицъ, что имѣли какое бы то ни было отношеніе къ упомянутымъ заведеніямъ.

Генеральша настаивала на томъ, чтобы Тамару отправить назадъ къ бабушкѣ, и вызывалась выхлопотать ей для этого даровой билетъ. У нея были знакомства и въ полицейскомъ управленіи, и съ нѣкоторыми служащими при градоначальствѣ.

Все это не мѣшало ей хлопотать также и объ томъ, чтобъ заставить мужа княгини высылать деньги на содержаніе дочери. Эта процедура долгая, и терять время было бы глупо. Еще глупѣе было бы отказываться отъ возможности получить деньги, когда возможность эта представляется сама собой.

Хозяйка, принимавшая участіе въ этихъ совѣщаніяхъ, робко повторяла:—Лаской бы съ нею какъ-нибудь, уговорами...

А баронъ, съ самодовольной усмѣшкой покручивая усъ, увѣрялъ, что онъ съумѣлъ бы приручить Тамару, еслибъ ему поручили это.

На это супруга его съ раздраженіемъ вскрикивала:

— Ахъ ужь, пожалуйста!

Генеральша ухмылялась, знаемъ, молъ, какъ бы ты ее приручилъ. А княгиня растерянно хлопала глазами. Она какъ будто поглупѣла съ тѣхъ поръ, какъ дочь ея пріѣхала.

Время шло, а положеніе оставалось все въ томъ же видѣ.

Княжна Тамара напоминала о своемъ присутствіи въ квартирѣ однѣми только сценами.

Вскорѣ послѣ сцены съ матерью у нея вышло крупное недоразумѣніе съ барономъ.

Онъ вздумалъ учить ее грамотѣ. Всѣ одобрили это намѣреніе. Генеральша притащила откуда-то растрепанную азбуку, грифельную доску и тетрадку бѣлой бумаги, и все это предоставила въ его распоряженіе.

Тамарѣ было объявлено, что ей будутъ давать уроки, и, ко всеобщему удивленію, она выразила на это согласіе.

Баронъ сталъ приходить къ ней каждое утро, въ то время когда дамы уходили по дѣламъ изъ дому.

Первые два дня все шло благополучно, и учитель хвастался, что ученица начинаетъ постигать премудрость азбуки, но на третьемъ урокѣ ученіе прекратилось. Среди тишины, царившей обыкновенно по утрамъ въ нашей квартирѣ, послышался странный шумъ, что-то съ грохотомъ повалилось, а вслѣдъ затѣмъ раздался звонкій ударъ обо что-то мягкое, и баронъ, придерживая рукой щеку, выскочилъ изъ комнаты своей ученицы, промчался, какъ угорѣлый, по корридору и весь остальной день пролежалъ въ постели, жалуясь на флюсъ.

Княжна Тамара такъ и не выучилась грамотѣ.

XIX.

Цѣлые дни просиживала она на окнѣ, глядя на прохожихъ. А можетъ быть ни на что не глядя. О чемъ она думала, что замышляла — никто не зналъ. Ни съ кѣмъ она не сближалась, на вопросы не отвѣчала, отъ всѣхъ отворачивалась.

— Злопамятная какая, никакъ не можетъ простить матери, что та секреты ея выболтала, говорила хозяйка. — Ну, а что барона она проучила, за это только похвалить ее надо. Строгая дѣвица!

У дикой дѣвочки было еще одно развлеченіе, а именно: рыться въ своемъ сундукѣ и пересматривать лежавшія въ немъ вещи.

Придетъ бывало потихоньку въ мою комнату, отопретъ сундукъ, подниметъ тяжелую крышку и стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ долго, долго, до тѣхъ поръ, пока не услышитъ шаги у двери.

Первое время она дѣлала это во время моего отсутствія, но потомъ, убѣдившись, что я мѣшать ей не стану и даже какъ будто не замѣчаю ея присутствія, она стала предаваться своему любимому занятію и при мнѣ.

Иногда, забывшись, она бормотала про себя что-то такое на непонятномъ мнѣ языкѣ или тихо затягивала пѣсню, унылую, тоскливо хватающую за душу пѣсню...

Разъ какъ-то, услышавъ ея пѣніе, генеральша вскричала: — Вѣдь вотъ, голосъ у этой дикой есть, изъ нея можно было бы пѣвицу сдѣлать.

— А вы бы похлопотали, ваше превосходительство, робко замѣтила хозяйка.

И тотчасъ же раскаялась въ своей смѣлости, такимъ презрительнымъ взглядомъ смѣрили ее съ ногъ до головы.

— Что вы, милая, съ ума сошли? Забыли развѣ, какъ она барона-то отблагодарила за участіе! Кто же захочетъ съ нею возиться послѣ этого, возразила генеральша.

И прибавила вполголоса: — еслибъ всѣмъ учителямъ въ консерваторіи и на курсахъ ученицы платили пощечинами за поцѣлуи, что жъ бы это было, помилуйте!

Когда узнали, что Тамара приходитъ въ мою комнату рыться въ своемъ сундукѣ, меня стали осаждать вопросами: —

что у нея тамъ? Не показывала она вамъ? Да какже вы не видите, вѣдь вынимаетъ же она оттуда что-нибудь?

И когда я отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ, да и видѣть не желаю, мнѣ не вѣрили и съ досадой пожимали плечами.

XX.

Сундукомъ Тамары интересовались теперь гораздо больше, чѣмъ самою Тамарой.

Времена наступали тяжкія. Сидѣть дома барону надоѣло, и онъ выражалъ свое неудовольствіе такою угрюмостью, что на всѣхъ окружающихъ нагналъ хандру.

А тутъ еще на бѣду пріѣхала въ Петербургъ его любимая опереточная пѣвица. Всѣ газеты были наполнены подробностями о ея дебютѣ, и баронъ сталъ стращать своихъ дамъ бабушкой.

У него была бабушка въ Курляндіи, которая могла помирить его съ родственниками и снова сдѣлать его благороднымъ человѣкомъ, для этого ему надо было только раскаяться въ своихъ проступкахъ противъ чести, обѣщать исправиться и развестись съ женой.

Когда баронъ намекалъ на возможность подобнаго исхода, жена его, съ отчаяніемъ погибающаго, хваталась безъ разбору за все, что попадало ей подъ руку, лишь бы только не дать уплыть счастью, и тогда опасно было попадаться ей на глаза, непремѣнно выклянчитъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ стащитъ у васъ что-нибудь. Теперь ей сундукъ Тамары мерещился и во снѣ и на яву.

Впрочемъ, сундукомъ этимъ интересовалась также и генеральша.

— Я васъ не понимаю, говорила она княгинѣ,—ну, какъ это не взглянуть даже на то, что въ сундукѣ у вашей дочери. Вы—мать, вы имѣете полнѣйшее право знать, что у нея есть. И наконецъ, прошу васъ вспомнить, что вы у меня осенью три рубля заняли, которые не отдали до сихъ поръ.

— У вашей дочери, можетъ быть, въ сундукѣ и деньги спрятаны, замѣчала въ свою очередь, баронесса.

— Какія тамъ деньги! возражала княгиня.

Ей и самой очень хотѣлось порыться въ сундукѣ Тамары,

и она давно бы это сдѣлала, еслибъ не страхъ передъ пристальнымъ, полнымъ таинственныхъ угрозъ, взглядомъ черныхъ глазъ дочери.

XXI.

А между тѣмъ, мое знакомство съ Тамарой вступило въ новый фазисъ. Однажды вечеромъ, когда дамъ не было дома, а баронъ, запершись у себя въ комнатѣ, спалъ, она вошла ко мнѣ наряженная въ свой національный костюмъ.

— Посмотрите, сказала она, останавливаясь передъ письменнымъ столомъ, у котораго я работалъ.—Хорошо?

Я улыбнулся, а она съ гордостью прибавила:—вотъ у насъ какъ одѣваются!

Я похвалилъ костюмъ. Онъ, дѣйствительно, былъ очень красивъ и очень къ ней шелъ и, къ величайшему моему удивленію, Тамара разговорилась, назвала мнѣ всѣ части костюма, объяснила, какъ у нихъ одѣваются простолюдины и люди высшаго класса, къ которому она себя причисляла, разсказала про нѣкоторые курьезные обычаи своихъ земляковъ, про свою бабушку, про домъ ея и садъ, и какъ она тамъ проводила время, и какой тамъ народъ славный, веселый, добрый и красивый.

— А здѣсь все уроды, прибавила она въ заключеніе.

Я не вытерпѣлъ.

— А баронъ? Развѣ онъ не красивъ?

— Его надо убить! вскричала она, хватаясь привычнымъ движеніемъ за бокъ.

И вдругъ въ маленькой ручкѣ ея сверкнулъ кинжалъ.

— Что это у васъ, кинжалъ? покажите, сказалъ я.

Она отстегнула кинжалъ, подала мнѣ его и, пока я его разсматривалъ, повторила нѣсколько разъ съ озлобленіемъ:— Да, да, здѣсь всѣ уроды и нечестные.

И откуда у нея взялись понятія о чести? подумалъ я.

Но понятія эти у нея несомнѣнно были, столько же, сколько и гордости. Когда ее звали просто Тамара или Тамарушка, не прибавляя къ этому „княжна“, она не откликалась. Фамильярности она ни съ кѣмъ не допускала и сердито сдвигала темныя брови, когда хозяйка позволяла себѣ обращаться къ ней съ ласкательнымъ: „голубушка“ или „милая“. Разъ какъ-то мать принесла платье, выпрошенное у знакомой да-

мы, и предложила Тамарѣ его примѣрить, но она, съ негодованіемъ отшвырнувъ его, объявила, что не нищая, чтобъ носить чужіе обноски. Точно также отказывалась она и отъ лакомствъ, которыми потчивали ее сосѣдки, и когда очень къ ней приставали, говорила:—вы мнѣ чужіе, зачѣмъ я отъ васъ буду брать?

Никогда не просила она ничего и, какъ бы ни была голодна, никому въ этомъ не сознавалась, а принимая изъ рукъ хозяйки тарелку супу или кусокъ жаркаго, отрывисто спрашивала:—*она* вамъ за это платитъ?

— Платитъ, платитъ, не безпокойтесь, кушайте на здоровье, спѣшила заявить Ольга Ивановна.

Мать свою иначе, какъ *она*, Тамара не называла, точно желала этимъ дать понять, что никакой нравственной связи между собой и ею не признаетъ.

Обѣдала она всегда одна, въ своей комнатѣ, и когда кто-нибудь входилъ, съ досадой отставляла тарелку и отвертывалась къ стѣнѣ.

— Хороши манеры, нечего сказать, ворчала генеральша.

— Да вѣдь она дикая, замѣчала со смѣхомъ баронесса.

— Да! хоть за деньги ее показывать, такъ въ ту же пору.

Никому не давала она себя приручить, но предлагала мнѣ иногда такіе вопросы, которые доказывали, что умъ ея усиленно работаетъ надъ тѣмъ, что происходитъ вокругъ нея.

— Вамъ деньги платятъ за то, что вы все сидите дома и пишете? спрашивала она у меня.

— Платятъ, отвѣчалъ я.

— Всегда платятъ, не обманываютъ?

— Нѣтъ, не обманываютъ.

— Почему же *ихъ* все обманываютъ? кивала она на дверь въ корридоръ.—Все *они* ждутъ, что имъ дадутъ денегъ, а ихъ все обманываютъ. Здѣсь всѣ нечестные.

— Вы здѣсь всѣхъ не знаете, замѣтилъ я.

Она не возражала, но по горькой, презрительной гримасѣ, кривившей ея губы, можно было догадаться, что она остается при своемъ убѣжденіи.

Вообще говорила она мало, потому, можетъ быть, что ей трудно было выражаться по-русски.

Впрочемъ, она и съ земляками своими не сближалась и всегда уходила либо въ мою комнату, либо въ комнату хозяй-

ки, когда они являлись. Съ однимъ только Лазаремъ вела она оживленныя бесѣды на родномъ языкѣ.

Этотъ Лазарь немного ушелъ впередъ въ умственномъ развитіи отъ нашей княжны; въ немъ тоже дикости оставалось много, не взирая на пройденные два курса въ университетѣ.

О чемъ толковали они между собою, съ сверкающими отъ страстнаго возбужденія глазами и порывистыми, театральными жестами, мы узнали впослѣдствіи, когда свершилась катастрофа, подготовлявшаяся съ самой первой минуты появленія дикой дѣвочки въ нашей квартирѣ, а до тѣхъ поръ, мы только видѣли, что оба они при встрѣчѣ сильно волнуются и ни до чего успокоительнаго договориться не могутъ. Лазарь всегда уходилъ отъ насъ мрачный, а Тамара ходила растерянная, съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ, и ни слова нельзя было добиться отъ нея. А иногда она металась, какъ угорѣлая, по своей комнатѣ, то на кровать бросится, то къ окну подбѣжитъ, то начнетъ въ припадкѣ бѣшенства разбрасывать вещи, загромождавшія комодъ, книги и тетради на столѣ и на полу. А ночь на пролетъ плачетъ.

XXII.

Мать ея ничего не замѣчала; ей было не до этого. Она впуталась въ исторію, поднявшуюся на тѣхъ курсахъ, на которые она въ то время бѣгала, и каждый вечеръ, по возвращеніи домой, всѣмъ въ домѣ надоѣдала разсказами о томъ, что такой-то профессоръ сказалъ, и что ему на это отвѣтили, да какъ такого-то отдѣлали, а такого-то намѣреваются отдѣлать. Сбирали на что-то деньги, сговаривались подавать кому-то петицію, бѣгали по редакціямъ газетъ съ требованіемъ напечатать противъ чего-то протестъ.

Карманы княгининой пестрой юбки были биткомъ набиты черняками этой петиціи и протеста и еще какихъ-то претензій и разоблаченій, безграмотно изложенныхъ не то въ формѣ письма, не то воззванія.

И ровно ничего нельзя было понять ни изъ словъ ея, ни изъ бумагъ, кромѣ того, что затѣи эти должны неминуемо кончиться какимъ-нибудь болѣе или менѣе, крупнымъ погромомъ, высылками на родину, закрытіемъ на болѣе или менѣе продолжительное время курсовъ, какъ всегда кончаются подобнаго рода исторіи, однимъ словомъ.

Но пока до этого еще не дошло, княгиня, со множествомъ ей подобныхъ, металась на-пропалую.

Въ одинъ прекрасный день мы узнали, что у насъ въ квартирѣ назначена сходка.

Сходка должна была происходить у княгини, но всѣ обитатели квартиры волновались по этому случаю, а сама хозяйка, блѣдная и трепещущая, съ заплаканными глазами, ко всѣмъ приставала съ просьбой не оставить ее, если что случится.

Что подразумѣвала она подъ этими словами—въ этомъ она, разумѣется, не отдавала себѣ отчета и только съ отчаяніемъ отмахивалась на всѣ разспросы.

У баронессы видъ былъ таинственно-торжественный, а генеральша бранилась и плевалась больше обыкновеннаго, шныряя по корридору и заглядывая во всѣ плохо притворенныя двери.

Одинъ баронъ съ презрительнымъ равнодушіемъ взиралъ съ высоты своего величія на эту затѣю.

Въ то утро ему принесли новое пальто съ бобровымъ воротникомъ отъ портнаго, а наканунѣ тотъ же портной прислалъ ему черную пару изъ отличнаго англійскаго трико. На каминѣ, подъ биноклемъ, лежалъ розовый купонъ на кресло 1-го ряда въ театръ буффъ, а на столѣ были приготовлены сѣрыя перчатки, новенькій цилиндръ, модный галстукъ и крахмальная сорочка отъ Флорана, съ золотыми запонками, однимъ словомъ, у него было все, чего только онъ могъ желать, и онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ.

Должно быть, женѣ его удалось на крупную сумму ограбить кого-нибудь, она и часы его выкупила, и флаконъ дорогихъ духовъ ему купила, и цѣлыхъ 25 рублей положила ему въ портмоне; значитъ, можно и завтра отправиться въ театръ, а также прилично поужинать въ порядочномъ ресторанѣ.

И баронъ съ брезгливой гримасой отворачивался отъ ливерной колбасы, которой потчивала его княгиня.

Колбасу эту, вмѣстѣ съ селедками и сыромъ, принесъ студентъ съ длиннымъ носомъ, одинъ изъ учредителей сходки, взявшій на себя хлопоты по угощенію. Явилось также пиво и водка, а къ восьми часамъ стали собираться гости, сначала въ комнату княгини, но когда тамъ сдѣлалось такъ тѣсно, что кошкѣ негдѣ было бы притулиться, а звонки не переставали возвѣщать о прибытіи новыхъ посѣтителей, баронесса

великодушно предложила всей компаніей перейти въ ея помѣщеніе.

На это не вдругъ согласились. Многіе были такого мнѣнія, что толковать про общественное дѣло въ комнатѣ бывшаго жандарма, по меньшей мѣрѣ, неудобно, но волей неволей, пришлось помириться съ этимъ неудобствомъ, когда въ прихожую ввалилось еще съ полдюжины гостей. Общество шумной гурьбой перекочевало въ апартаментъ баронессы; туда же принесли изъ кухни самоваръ и угощеніе.

Барона, само собою разумѣется, ужь тогда дома не было, онъ такого безобразія ни за что бы не допустилъ.

— Задастъ онъ ей, когда вернется, ворчала Ольга Ивановна, перебѣгая съ озабоченнымъ лицомъ изъ залы засѣданія въ кухню и обратно.—Накурятъ тамъ, насорятъ, онъ страсть этого не любитъ.

XXIII.

Тамара оставалась у себя, и Лазарь съ нею.

Для нихъ тоже рѣшался сегодня какой-то вопросъ, и вопросъ большой важности, если судить по волненію, въ которомъ оба они находились.

Они ждали кого-то. При каждомъ звонкѣ Лазарь выбѣгалъ въ прихожую и возвращался назадъ разочарованный.

— Пожалуйста, говорилъ онъ мимоходомъ Дашѣ,—если тутъ, какъ-нибудь, вмѣстѣ съ другими, прошмыгнетъ черноватенькій такой, съ кудрявыми волосами, такъ вы позовите меня.

— Да вы скажите, какъ его зовутъ, всѣ тутъ черные да кудрявые, другъ отъ дружки не отличишь.

— Его зовутъ Кейко.

— Какъ?

— Кейко, Кейко, внушительно повторилъ Лазарь.—Вы не забудете?

— Забыть-то я не забуду, а только мнѣ не выговорить, смѣялась Даша.

Но Лазарь ужь бѣжалъ обратно къ Тамарѣ и снова принимался ей что-то доказывать и въ чемъ-то убѣждать ее.

И вдругъ, они оба вошли ко мнѣ.

— Позвольте ей тутъ, у васъ, съ однимъ знакомымъ переговорить, обратился ко мнѣ Лазарь.

— Пожалуй, отвѣчалъ я,—но только мнѣ уйти некуда.

Они переглянулись.

— Ничего, вѣдь вы по-нашему не понимаете.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе.

Лазарь снова обратился къ Тамарѣ. — Ну вотъ, оставайтесь тутъ, ужь сюда не придутъ... Да имъ и не до васъ теперь... а я пойду туда, а то они тамъ, пожалуй, безъ меня все рѣшатъ.

Онъ торопливо вышелъ, а она осталась стоять у двери.

— Что жъ вы не садитесь, княжна, сказалъ я, указывая ей на диванъ, — вашъ знакомый, можетъ быть, долго еще не придетъ.

Она ничего не отвѣчала и не трогалась съ мѣста. Я принялся за работу.

Не надо къ ней приставать, думалъ я. Но я чувствовалъ ея присутствіе; работа не клеилась, и какъ ни старался я не думать объ ней—блѣдное лицо, съ растерянным взглядомъ сверкающихъ глазъ, ни на секунду не переставало мелькать въ моемъ воображеніи, и я не могъ не дѣлать предположеній относительно ея предстоящаго свиданія съ таинственнымъ Кейко.

Наконецъ я не вытерпѣлъ.

— Княжна, спросилъ я, кто этотъ Кейко, котораго вы ждете?

— Не ваше дѣло, отрывисто отвѣчала она.

Я ждалъ подобнаго отвѣта и не смутился имъ.

— Это тотъ самый вашъ сосѣдъ, который посовѣтовалъ вамъ сюда пріѣхать? продолжалъ я ее допрашивать.

Она, не разжимая губъ, кивнула.

И вдругъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, когда, потерявъ надежду добиться ея откровенности, я снова принялся за работу, она проговорила съ отчаянною рѣшимостью:

— Если онъ и сегодня не придетъ, я скажу, что онъ тоже нечестный, какъ и всѣ!

XXIV.

Но онъ пришелъ, или лучше сказать, его силой притащилъ Лазарь.

И она, и я слышали, какъ онъ ломался въ корридорѣ, прежде чѣмъ переступить порогъ комнаты. Тамара, блѣдная, съ судорожно стиснутыми губами и сдвину въ брови, стояла

передъ дверью, въ то время, когда онъ пререкался съ Лазаремъ, онъ не могъ ее не видѣть и все-таки пятился назадъ.

Это былъ юноша на видъ лѣтъ восемнадцати, въ гимназической формѣ, довольно красивый, но съ глупымъ выраженіемъ лица и неловкими манерами. Когда его наконецъ удалось втолкнуть въ комнату, онъ съ смущенной улыбкой протянулъ свою крупную, красную руку Тамарѣ и проговорилъ гортаннымъ голосомъ, ломанымъ языкомъ:

— Здравствуй, княжна, какъ ты живешь?

И окончательно оробѣвъ подъ ея пристальнымъ, суровымъ взглядомъ, сталъ растерянно озираться по сторонамъ.

Она молчала. Ясно было, что при свидѣтеляхъ имъ не разговориться, и мы съ Лазаремъ вышли въ корридоръ, притворивъ за собою дверь.

Лазарь отъ волненія себя не помнилъ. Онъ схватилъ мою руку и, до боли крѣпко сжимая ее въ своихъ пальцахъ, произнесъ задыхающимся шопотомъ:

— Если онъ на ней не женится, я ему скажу, что онъ подлецъ! Она такая чудная, чудная дѣвушка!

— Да вѣдь они еще дѣти, вырвалось у меня.

— Какъ дѣти? Ей скоро будетъ пятнадцать лѣтъ, а ему уже семнадцать минуло. Онъ *долженъ* жениться, она для него сюда пріѣхала, а вы сами видите, что здѣсь ей оставаться невозможно.

Съ этимъ я вполнѣ согласился.

— Ну вотъ видите, что иначе нельзя.

— Да вѣдь онъ еще въ гимназіи.

— Такъ что жъ изъ этого? Вы думаете, его выгонятъ изъ гимназіи, если узнаютъ, что онъ женился?

— Непремѣнно выгонятъ.

— Ну, можно такъ сдѣлать, что никто не узнаетъ! И наконецъ, когда иначе нельзя, понимаете? Я ее знаю, она или себя или его зарѣжетъ, если онъ не женится, продолжалъ распространяться Лазарь, выбалтывая, самъ того не замѣчая, секреты своей пріятельницы въ порывѣ душевнаго волненія.—Вы только посудите, въ какомъ она безвыходномъ положеніи; къ бабушкѣ ей ужь нельзя, старуху эту многіе изъ нашихъ знаютъ, она презлая и преупрямая; она прямо сказала: собаками тебя затравлю, если ты назадъ вернешься.

— А отецъ ея? спросилъ я.

— Отецъ Богъ знаетъ гдѣ, и съ тѣхъ поръ какъ жена отъ

него уѣхала, пьянствовать сталъ. Нѣтъ, нѣтъ, Кейко непремѣнно долженъ на ней жениться, онъ ей обѣщалъ, а теперь на своего отца ссылается, но это онъ вретъ..... отецъ проститъ, особенно когда онъ вернется на родину съ дипломомъ; у старика большое имѣніе, ему технологъ нуженъ, онъ хочетъ по новому способу вино дѣлать....

— Позвольте, да вѣдь Кейко надо еще гимназію кончить, прежде чѣмъ въ технологическій институтъ поступить.

— Ну такъ что же?

— Не лучше ли имъ свадьбу до того времени и отложить...

Мнѣ не дали договорить.

— На пять лѣтъ? Вотъ глупости! Нѣтъ, вы не знаете...

И не кончивъ фразы, онъ бросился къ двери, за которой происходило объясненіе Тамары съ Кейко, съ минуту времени прислушивался и съ крикомъ: — Онъ опять на отца ссылается, вотъ подлецъ-то! вторгнулся къ нимъ.

Я остался въ корридорѣ одинъ, но кругомъ меня кипѣла самая страстная, самая шумная жизнь. Въ апартаментѣ барона митингъ былъ въ полномъ разгарѣ, всѣ говорили, или, лучше сказать, кричали заразъ, рѣчи прерывались визгливыми возгласами и взрывами хохота, а въ противуположномъ концѣ квартиры происходило бурное любовное объясненіе между дикой дѣвочкой и гимназистомъ.

Однако Лазарю удалось ихъ помирить, и минутъ черезъ пять онъ вышелъ ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Ничего, друзья теперь. Она простила. Онъ ей все объяснилъ... отецъ оставилъ ему всего только десять рублей, ну вотъ онъ и не шелъ сюда. Онъ зналъ, что она захочетъ вѣнчаться, а ему даже и попу заплатить нечѣмъ, но она говоритъ, что у нея есть хорошія вещи, два кинжала въ серебряной оправѣ, кольцо съ рубиномъ, браслетъ съ бирюзой, серьги, все это золотое и съ настоящими камнями, за это хорошія деньги дадутъ, сто рублей, можетъ быть, или даже больше... Ну вотъ имъ и хватитъ на первое время, а тамъ видно будетъ... Кейко человѣкъ хорошій.... Ему изъ дома обѣщали присылать сорокъ рублей въ мѣсяцъ, когда онъ поступитъ въ технологическій...

Тутъ мой собесѣдникъ снова прервалъ рѣчь на полусловѣ, чтобъ бѣжать въ мою комнату. И я бросился туда же за нимъ, такъ испугалъ насъ обоихъ дикій вопль Тамары.

Она стояла на колѣняхъ передъ отпертымъ сундукомъ и плакала, ломая въ отчаяньи руки.

Надъ нею стоялъ Кейко съ глупо выпученными глазами и разинутымъ ртомъ. Вокругъ нихъ возвышалась куча раскиданныхъ вещей, разный хламъ, пестрыя тряпки, обрѣзки позумента и золотой бахромы, раковины, игрушки какія-то, пустыя коробки и тому подобное.

— Что́ случилось? вскричали мы съ Лазаремъ въ одинъ голосъ.

— Да вотъ... она ничего не можетъ найти... одна дрянь осталась, все хорошее у нея украли, съ усиліемъ проговорилъ гимназистъ, указывая на Тамару, которая въ отчаяньи колотилась головой объ край сундука.

— Все, все украли! застонала она.

Я понялъ. Дамы наши подобрали ключъ къ сундуку, или просто вытащили его у нея изъ-подъ подушки, когда она спала и, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, распорядились посвоему имуществомъ бѣдной дѣвочки. И вотъ, на эти-то деньги онѣ и расфрантили своего барона.

— Что жъ теперь дѣлать.... ужь я не знаю, право... у меня всего только полтора рубля въ карманѣ, на это вѣнчаться нельзя... что жъ, я бы и радъ былъ, да когда нельзя, лепеталъ безсвязно Кейко, безпомощно оглядываясь то на меня, то на своего пріятеля.

Лазарь уныло вздыхалъ, а Тамара продолжала биться головой объ сундукъ.

Я пытался ее утѣшить словами, въ которыя самъ не вѣрилъ и повторялъ, чтобъ сказать что-нибудь, выиграть время, дать ей хоть немножко успокоиться. Я увѣрялъ ее, что вещи вѣроятно, взяли для того, чтобъ ихъ спрятать и, безъ сомнѣнія, возвратятъ ей.

Биться она перестала, но слушала не меня, а Кейко и, по мѣрѣ того какъ вникала въ смыслъ его словъ, дѣлалась все блѣднѣе, а взглядъ становился безумнѣе.

И вдругъ, точно вспомнивъ что-то, она оттолкнула меня, вскочила съ полу, кинулась къ моему письменному столу, схватила кинжалъ, оставленный ею у меня нѣсколько дней тому назадъ, подняла высоко руку и, откинувъ назадъ станъ, ударила имъ себя въ бокъ.

Все это произошло такъ быстро, что мы опомнились и поняли, въ чемъ дѣло, тогда только, когда она упала.

— Закололась! вскричалъ Кейко.

И закрывъ лицо руками, опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

Лазарь, блѣдный и трепещущій, бросился къ ней, а я сталъ звать на помощь.

Въ домѣ жилъ докторъ, минутъ черезъ пять хозяйка привела его, но было ужь поздно. Ударъ былъ нанесенъ ловко и мѣтко, въ самое сердце. Когда удалось разнять тонкіе пальчики, судорожно сжимавшіе рукоятку кинжала, и вынуть его изъ раны, хлынула кровь, и Тамара скончалась...

Въ ту же ночь я выѣхалъ изъ меблированныхъ комнатъ Ольги Ивановны и поселился въ противуположномъ концѣ города, чтобъ не встрѣчаться съ моими бывшими сосѣдями и скорѣе забыть про нихъ. Но мѣсяцъ спустя послѣ катастрофы съ Тамарой, ко мнѣ явилась Даша съ книгами, которыя я, второпяхъ переѣзда, забылъ захватить съ собой, и разсказала, что у нихъ все по-прежнему, только нужды такой нѣтъ благодаря еврею, который поселился въ бывшей моей комнатѣ.

— Его, знаете, генеральша на поруки взяла. Это имъ Софья Александровна выхлопотала; а онъ за это взялся за квартиру платить. Очень у насъ теперь хорошо, каждый день обѣдъ готовимъ, Ольга Ивановна кухарку наняла.—Для барона больше; помните, чай, какой онъ у насъ привередникъ, прибавила она съ улыбкой. — А теперь, продолжала разболтавшаяся дѣвушка,—онѣ всѣ три хлопочутъ, чтобъ Соломонъ Соломонычу на имя Софьи Александровны имѣніе какое-то большущее на аренду взять. Далеко гдѣ-то, около Саратова, кажется...

— И баронъ на это согласенъ? спросилъ я.

— Еще бы не согласиться! Вѣдь онъ ему, еврей-то, десять тысячъ обѣщалъ за это.

Н. СЕВЕРИНЪ.

УЧАСТІЕ СЕРБІИ ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ [1].

IV.

Состояніе сербскихъ вооруженныхъ силъ.

Ближайшее знакомство съ организаціею сербскихъ вооруженныхъ силъ раскрыло предо мною картину, весьма не утѣшительную и привело къ убѣжденію, что устройство военнаго дѣла здѣсь далеко не составляло важнѣйшей заботы княжескаго правительства. Трудная задача образованія народной силы въ условіяхъ особенностей края и мѣстнаго быта оставалась малоразработанною, а къ воспитанію воинскаго духа милиціонныхъ войскъ было приложено еще меньше старанія. Красиво изложенныя на бумагѣ, введенныя въ послѣднее время положенія представляли большею частью только сколокъ съ иностранныхъ образцовъ, почти вовсе не соотвѣтствовавшихъ свойствамъ страны и народа.

Вооруженныя силы княжества составляли постоянныя войска и народное войско изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе сербовъ. Уже одно сопоставленіе средней числительности въ 3 т. человѣкъ первыхъ съ 200 т. послѣднихъ обнаруживаетъ неудовлетворительное значеніе постоянныхъ войскъ, какъ кадра для народнаго войска. Желаніе же исправить это отношеніе сокращеніемъ срока службы до двухъ лѣтъ только уничтожило самую возможность имѣть сколько-нибудь надежный составъ инструкторовъ. Отсюда видно, что народное войско не могло разсчитывать на серьезное содѣйствіе въ дѣлѣ воинскаго образованія со стороны постоянныхъ войскъ и должно было искать въ самомъ себѣ средствъ къ самообразованію. Законъ

[1]) См. „Русск. Вѣсти“. кн. X. 1890.

устанавливалъ для народнаго войска ежегодные учебные сборы на срокъ 25-ти дней; но правительство пользовалось этимъ правомъ крайне рѣдко по политическимъ и экономическимъ соображеніямъ. Хотя продовольствіе людей во время учебныхъ сборовъ производилось средствами общинъ, но боевое снаряженіе ихъ должно было относиться на государственный бюджетъ, и этого было достаточно, чтобы правительство откладывало сборы изъ года въ годъ. Къ сожалѣнію, къ этому примѣшивались еще политическія причины. Учебные сборы составляли для народонаселенія довольно тяжелую повинность, избавленіемъ отъ которой члены правящаго министерства стремились привлечь народныя симпатіи на свою сторону.

Постоянныя войска до войны 1876 года состояли изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи, 7-и батарей артиллеріи и инженерной команды. Послѣ войны, пѣхота была оставлена въ 4-хъ-баталіонномъ составѣ, въ кавалеріи удержано два эскадрона; въ артиллеріи организація всѣхъ 26-ти полевыхъ батарей была сохранена, только составъ людей былъ до нельзя сокращенъ. Послѣ объявленія нами войны, были собраны, въ маѣ 1877 года, всѣ служившіе въ постоянной пѣхотѣ люди ближайшихъ сроковъ, и вновь образованы еще 4-ре баталіона. Такимъ образомъ въ данное время постоянныя войска составляли: 5-ть баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи и кадры полевыхъ батарей, всего числительностью свыше пяти тысячъ человѣкъ. Изъ того числа 5-ть баталіоновъ и 2 эскадрона были расположены въ Бѣлградѣ, за исключеніемъ двухъ ротъ, расположенныхъ въ Шабцѣ и Кладово по-ротно; 3 баталіона находились въ Крагуевцѣ; а артиллерійскіе кадры оставлены въ военныхъ пунктахъ всего княжества.

Ранѣе, постоянныя войска предназначались для дѣйствій въ военное время въ своемъ собственномъ составѣ, въ видѣ отборной части или надежнаго резерва; но ничтожная ихъ числительность лишала эту горсть всякаго значенія, и потому мысль о самостоятельномъ употребленіи постоянныхъ войскъ была замѣнена назначеніемъ ихъ, распредѣленіемъ по-ротно, усиливать части народнаго войска. Въ мирное время надѣялись кадръ инструкторовъ для ежегодныхъ учебныхъ сборовъ милиціи образовать изъ старослуживыхъ постояннаго войска; но невыполнимость этого предположенія заставила теперь на учебные сборы назначать постоянныя роты

въ полномъ комплектѣ. Такимъ образомъ и въ военное время, и въ періоды учебныхъ сборовъ, постоянныя войска сливаются съ народнымъ, причемъ изъ частей послѣдняго преимущественно усиливаются тѣ, которыя назначаются для болѣе трудныхъ операцій. Все это касается одной пѣхоты, такъ какъ два постоянные эскадрона не смѣшиваются съ народною конницею, а дѣйствуютъ отдѣльно, главнымъ образомъ расходуясь на ординарческую службу и въ прикрытіе главной квартиры. Всѣ полевыя батареи комплектуются своими же людьми, выдѣляя только незначительное число старослуживыхъ въ кадръ горныхъ и народныхъ батарей.

Народное войско собирается по административнымъ округамъ государства, пропорціонально численности ихъ народонаселенія. Нижеслѣдующій перечень показываетъ, сколько какой округъ обязанъ былъ выставить баталіоновъ 1-го и 2-го классовъ и сотенъ народной конницы.

Округа.	Баталіоновъ.		Сотенъ.
	1 класса.	2 класса.	
1. Бѣлградскій . . .	5	5	2
2. Смедеревскій. . . .	4	5	2
3. Крагуевацкій . . .	6	6	3
4. Рудничскій	3	3	1
5. Крушевацкій . . .	5	5	2
6. Чачакскій	4	4	1
7. Алексинацкій . . .	3	3	1
8. Чупрійскій	4	4	2
9. Ягодинскій	4	4	2
10. Крайнскій	5	5	2
11. Црнорѣченскій . . .	4	4	2
12. Княжевацкій. . . .	4	4	1
13. Пожаревацкій . . .	5	5	2
14. Браничевскій . . .	5	5	2
15. Ужицкій	6	6	3
16. Вальевской	5	5	2
17. Шабацкой	5	5	2
18. Подринской	3	3	1
Всего . .	80	80	33

Кромѣ того, каждый округъ выставлялъ людей на одну батарею, по ротѣ саперъ и мастеровыхъ, по взводу хлѣбопековъ и мясниковъ, и санитарное отдѣленіе.

Каждый баталіонъ обоихъ призывныхъ классовъ было положено имѣть числительностью въ 727 человѣкъ, въ томъ числѣ 650-ть строевыхъ; но, въ виду недостаточнаго количества ружей, которыхъ въ наличности имѣлось: системы Пибоди до 35.000, системы Грина около 12.000 и до 65.000 заряжающихся съ дула, было опредѣлено ограничить численность баталіона въ 530 человѣкъ, въ томъ числѣ вооруженныхъ только 500. Конную сотню было положено имѣть въ 127 человѣкъ, полевую батарею въ 170, а горную и народную въ 100, наконецъ саперную роту въ 150 человѣкъ.

Въ артиллеріи было всего 232 полевыхъ и горныхъ орудій, заряжающихся съ дула, въ томъ числѣ 12-ть двѣнадцатифунтовыхъ, 144-ре четырехфунтовыхъ тяжелыхъ, 32 четырехфунтовыхъ же легкихъ, причисленныхъ къ народному войску, и такъ называемыхъ бригадныхъ, и наконецъ 44-ре горныхъ орудія той же конструкціи. Двѣнадцатифунтовыя орудія имѣли упряжку въ 5-ть лошадей, четырехфунтовыя тяжелыя—въ 6-ть, остальныя—въ 4-ре лошади. Двѣнадцатифунтовыя и четырехфунтовыя тяжелыя были сведены въ батарею по 6-ти орудій, остальныя—по 4-ре. На каждое орудіе полагалось по одному зарядному ящику.

При мобилизаціи народнаго войска, было предположено образовать, по условіямъ мѣстности и значенію пограничныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, пять корпусовъ: *Шумадійскій* изъ округовъ: Бѣлградскаго, Смедеревскаго, Крагуевацкаго и Рудничскаго; *Моравскій* изъ округовъ: Крушевацкаго, Чачакскаго, Алексинацкаго, Чупрійскаго и Ягодинскаго; *Тимочскій* изъ округовъ: Крайнскаго, Црнорѣченскаго, Княжевацкаго, Пожаревацкаго и Браничевскаго; *Яворскій* изъ округовъ: Ужицкаго, Вальевскаго и частью Чачакскаго; наконецъ *Дринскій* изъ округовъ: Шабацкаго, Подринскаго и частью Вальевскаго. Такимъ образомъ наиболѣе сильнаго состава было предположено имѣть Тимочскій корпусъ для защиты самаго открытаго пространства Крайны и округовъ Зайчарскаго и Княжевацкаго. За нимъ слѣдуетъ Моравскій корпусъ, имѣвшій важное назначеніе прикрывать доступъ въ княжество историческимъ путемъ долиной р. Моравы. Яворскій и Дринскій корпуса, при большей безопасности по мѣстнымъ условіямъ пограничныхъ пространствъ, ввѣренныхъ ихъ охраненію, предположено было имѣть менѣе сильными. Наконецъ оплотомъ государственной обороны и резервомъ всѣхъ корпусовъ долженъ былъ служить

Шумадійскій корпусъ, которому поэтому опредѣлялось придавать болѣе законченную организацію и болѣе надежный составъ.

Соотвѣтственно важности назначенія корпусовъ, распредѣленіе ротъ постоянной пѣхоты между пѣхотными ихъ частями было предположено дѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Шумадійскій корпусъ отдавать 15-ть ротъ, въ Моравскій—6-ть, въ Тимочскій—6-ть, и въ Яворскій 4-ре, оставляя одну въ Бѣлградѣ. При слабомъ воинскомъ образованіи людей постоянныхъ ротъ, распредѣленіе ихъ по баталіонамъ народнаго войска, очевидно, имѣло значеніе не столько приданія кадровой устойчивости, сколько увеличенія въ общемъ составѣ милиціи числа людей, физически болѣе развитыхъ, полнѣе обмундированныхъ и лучше снаряженныхъ и вооруженныхъ.

Хотя изложенныя основанія организаціи сербскихъ вооруженныхъ силъ и указывали на возможность княжеству имѣть въ случаѣ надобности народную милицію въ 180 т. человѣкъ, распредѣленныхъ между 160-ю баталіонами, 33-мя эскадронами, 45-ю батареями, 18-ю саперными ротами и пр.; но наличность запасовъ вооруженія, обмундированія, снаряженія и продовольствія едва-ли когда-нибудь допускала осуществленіе такого широкаго предположенія. Уже одинъ комплектъ вполнѣ исправныхъ ружей, за исключеніемъ изъ общаго ихъ числа въ 112 т. испорченныхъ и поврежденныхъ, врядъ ли могъ превышать 80 т. штукъ. При этомъ на каждое ружье системы Пибоди приходилось по 316 патроновъ, на ружье Грина—по 178-ми и на заряжающееся съ дула только по 65-ти патроновъ. Если въ отношеніи обмундированія вводить въ разсчетъ ту жалкую одежду, въ которой обыкновенно являлись на государственную службу милиціонеры, то все-таки было бы необходимо имъ раздать хотя бы казенные плащи и шапки, которыхъ въ готовомъ видѣ почти вовсе не имѣлось. Вопросъ о продовольствіи представлялъ также самыя серьезныя затрудненія. Широко воспользовавшись въ прошлую войну реквизиціями, оставшимися до сихъ поръ неоплаченными, правительство вселило въ народонаселеніи до такой степени къ себѣ недовѣріе, что въ настоящее время поселяне боятся даже отлучиться изъ своихъ домовъ, чтобы не подвергнуть свои хозяйства неожиданнымъ поборамъ въ свое отсутствіе. Такое положеніе, устраняя самую возможность новыхъ реквизицій, вынуждаетъ правительство къ покупкѣ въ странѣ продовольствія

на наличныя деньги, еще съ цѣлью обезпеченія успѣха мобилизаціи.

Вотъ главнѣйшія изъ причинъ, по которымъ княжеское правительство, при всемъ своемъ желаніи, едва-ли было бы въ состояніи призвать болѣе 100 т. человѣкъ, въ томъ числѣ только до 80 т. въ составъ пяти корпусовъ. На основаніи послѣдней цифры и было сдѣлано росписаніе корпусовъ на случай ихъ мобилизаціи, причемъ 36-ть баталіоновъ 2-го класса пѣхоты и 11-ть сотенъ народной конницы восьми внутреннихъ округовъ оставались дома немобилизованными.

Въ вѣдѣніи управленія Дринскаго корпуса состояли восемь позиціонныхъ орудій въ крѣпости Шабцѣ.

Сводя составы и числительность корпусовъ вмѣстѣ, получится:

	бат.	эск.	орудій.	оф.	н. чин.
Шумадійскій . . .	18	8	70	146	15.550
Моравскій	28	5	52	118	18.455
Тимочскій	36	5	56	124	22.155
Яворскій	21	2	28	66	13.110
Дринскій	21	4	26	64	12.350
Всего . . .	124	24	232	519	81.620

а по родамъ оружія:

Пѣхоты . . .	330 оф.	70.120	н. чин.
Конницы . .	32 „	2.950	„ „
Артиллеріи .	120 „	5.850	„ „
Саперъ. . .	37 „	2.700	„ „
Всего . . .	519 оф.	81.620	н. чин.

Изъ общаго числа 124-хъ баталіоновъ, 67-мь были вооружены ружьями системы Пибоди, около 25-ти системы Грина, остальные — ружьями, заряжающимися съ дула.

О ружьяхъ системы Пибоди сербскіе офицеры дали очень хорошій отзывъ, говоря, что въ прошлую войну они нисколько не уступали ружьямъ системы Снайдера, которыми были вооружены турецкія войска. Система Грина значительно хуже, ружья часто портились, въ сырое время приходилось даже прекращать стрѣльбу, вслѣдствіе затруднительнаго заряжанія отсырѣвшими патронами. Ружья обѣихъ системъ отслужили въ среднемъ числѣ половину срока службы. Старое ружье, заряжающееся съ дула, еще было годно, преимущественно, на пе-

ресѣченной мѣстности съ короткимъ обстрѣломъ. Во время войны ощущался недостатокъ въ кожаной аммуниціи, въ особенности — патронныхъ сумокъ, вслѣдствіе чего въ дождь и сырость бумажные патроны отказывались служить.

Выше была приведена незначительная наличность запаса ружейныхъ патроновъ. Этотъ недостатокъ имѣлъ въ особенности существенное значеніе по отношенію къ ружьямъ системы Пибоди, требовавшимъ во всякомъ случаѣ не менѣе пятисотъ патроновъ на каждое. Для Сербіи приведеніе заблаговременно этого запаса въ комплектъ было тѣмъ болѣе необходимо, что она не имѣла у себя потребнаго для изготовленія патроновъ матерьяла, который ей приходилось закупать въ Австріи. Къ тому же ея военно-техническое производство было развито въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что большую часть требуемаго для пополненія запаса количества патроновъ она была принуждена заказывать на иностранныхъ заводахъ. Къ имѣющемуся числу патроновъ ружей системы Пибоди слѣдовало добавить еще 8 м. штукъ. Матерьялъ металлическихъ гильзъ для 3 м. былъ уже купленъ, но мастерскія Крагуевца ежедневно изготовляли только по 40 т. штукъ. Слѣдовательно весь трехмилліонный комплектъ могъ быть готовъ не ранѣе, какъ черезъ два съ половиною мѣсяца. Очевидно, что остальные пять милліоновъ должны были быть куплены въ готовомъ видѣ заграницей.

Артиллерійскія орудія, нарѣзныя, заряжающіяся съ дула, вообще были еще годны къ употребленію, хотя въ среднемъ уже выдержали болѣе 500 выстрѣловъ, а многія даже до тысячи. Артиллеристы были довольны своими орудіями, обращаться съ которыми они умѣли до послѣдняго человѣка запаса. Наличный запасъ готовыхъ зарядовъ для 12-ти фунтовыхъ орудій былъ обезпеченъ вполнѣ; но для 4-хъ фунтовыхъ составлялъ на орудіе по триста съ небольшимъ штукъ съ гранатой и менѣе тридцати съ картечью. При разсчетѣ по 500-тъ снарядовъ на орудіе, оказывался недостатокъ въ 30 т. штукъ. Такъ какъ весь матерьялъ находился на лицо, то, при успѣхѣ работы на Крагуевацкомъ заводѣ по пятисотъ въ день, все недостающее до комплекта количество снарядовъ можетъ быть изготовлено въ два мѣсяца. Значительное число артиллерійскихъ лошадей было куплено истекшимъ годомъ въ Венгріи, почему наличнымъ ихъ количествомъ можно было обойтись, хотя оно было менѣе положеннаго по штату. Это обстоятельство

было тѣмъ болѣе благопріятно, что вывозъ лошадей изъ Австро-Венгріи былъ строго воспрещенъ ея правительствомъ. Конская сбруя и упряжь находились въ довольно хорошемъ состояніи, тѣмъ не менѣе слѣдовало изготовить еще паръ 300 въ запасъ.

Обмундированіе сербскаго солдата состояло изъ блузы и брюкъ, плаща и шапки. Хотя всѣ эти вещи полагались отъ казны какъ людямъ постоянныхъ войскъ, такъ и народныхъ призывовъ на время учебныхъ сборовъ; но княжеское правительство по этимъ статьямъ государственнаго расхода обыкновенно дѣлало значительныя сбереженія. Пользуясь тѣмъ, что на службу поселяне являлись въ толстыхъ шерстяныхъ на полотняной подкладкѣ курткахъ, блузы и брюки имъ не выдавались никогда, ни въ мирное, ни въ военное время. Комплектъ этого вида обмундированія даже въ постоянныхъ войскахъ, прослужа болѣе восьми лѣтъ, уже находился въ совершенно неудовлетворительномъ видѣ. На дняхъ выступившія изъ Бѣлграда, вновь сформированныя въ мая мѣсяцѣ, пѣхотныя части постоянныхъ войскъ не были обмундированы и были одѣты въ полотняное лѣтнее платье, несмотря на то, что было очень свѣжо. Плащами войска были снабжены лучше, благодаря покупкѣ значительной ихъ партіи въ Австріи, во время прошлогодней войны, на присланныя изъ славянскихъ комитетовъ деньги. Какъ болѣе необходимый предметъ обмундированія, плащи слѣдовало купить въ количествѣ не менѣе 10 т. штукъ, преимущественно въ готовомъ видѣ, такъ какъ средства швейныхъ мастерскихъ въ Сербіи какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, весьма не велики. Объ обуви особенно заботиться было нечего, потому что мѣстныя опанки, вполнѣ достигающія цѣли, дешевы и строятся быстро.

По положенію пѣхотный солдатъ долженъ былъ быть снабженъ: ранцемъ, холщевымъ мѣшкомъ, манеркой или тыквицей, тарелкой и ножемъ; шанцевый инструментъ носился по очереди; вся тяжесть, носимая солдатомъ, вѣсила около полутора пуда. Ранецъ, толстой шерстяной матеріи съ кожаною крышкой и такими же ремнями для охвата плечъ, носился на спинѣ и долженъ былъ содержать въ себѣ: провіанта на 3 дня, смѣну бѣлья, двѣ пары носковъ и слѣдковъ, полотенце, мыло, гребень и щетки съ принадлежностями для чистки и смазыванья ружья, швейный приборъ, корпію и бинты, и остальное количество патроновъ, сверхъ имѣвшихся въ сумахъ, съ такимъ

разсчетомъ, чтобы все число патроновъ на человѣкѣ было: для ружья Пибоди 80, Грина—84, и заряжающагося съ дула—60. Вокругъ ранца свертывался плащъ и полотняное полотнище, въ которое задѣлывалась запасная пара опанокъ. Холщевый мѣшокъ съ текущимъ продовольствіемъ носился съ боку на тесмѣ черезъ плечо. Малыя переносныя палатки были пріобрѣтены въ Бельгіи, послѣ прошлогодней войны.

Снаряженіе кавалерійской лошади состояло изъ сѣдла, конскаго убора, бисягъ, или переметныхъ переднихъ мѣшковъ, замѣняющихъ кавалеристу ранецъ и въ которыхъ находились еще двѣ подковы съ 32-мя гвоздями, полотняная перекидная задняя мѣшка съ 3-хъ-дневнымъ продовольствіемъ, сѣкиры и веревки для фуражировки. Къ бокамъ къ сѣдлу прикрѣплялись два круглыхъ свертка сѣна.

Весь обозъ сербской арміи брался отъ народонаселенія, за исключеніемъ немногихъ казенныхъ повозокъ, существовавшихъ въ Бѣлградѣ при нѣкоторыхъ воинскихъ управленіяхъ. Смотря по состоянію дорогъ и перевозочнымъ средствамъ страны, обозъ составлялся изъ повозокъ или вьюковъ, коней или воловъ. Обозъ раздѣлялся на три части: штабной, строевой и магазинный. Штабной везъ за войсками патроны, канцелярію и кассу, офицерскія вещи, ротные котлы для варки пищи и запасъ воды. Количество патроновъ здѣсь разсчитывалось по 40 на ружье Пибоди, 45-ти на ружье Грина и по 24-ри на старое ружье. Тяжесть вещей офицера ограничилась менѣе двухъ пудовъ. Строевой обозъ слѣдовалъ за штабнымъ и имѣлъ двухдневный запасъ продовольствія. Магазинный двигался въ одномъ переходѣ сзади или между магазинами и войсками, онъ имѣлъ 4-хъ дневный запасъ продовольствія для пѣхоты, для кавалеріи двухдневный и фуража на два дня, и запасъ патроновъ по разсчету на ружье: Пибоди—64, Грина—63 и старое—42. Въ западной полосѣ княжества обозъ составлялся преимущественно изъ вьюковъ и частью изъ повозокъ; въ горныхъ округахъ Подринскомъ, Ужицкомъ, Чачакскомъ и Рудничскомъ исключительно изъ однихъ вьюковъ; въ восточной же полосѣ магазинный обозъ всегда повозочный, строевой большею частью, а штабной на половину.

V.

Подготовительныя мѣры.

Хотя изслѣдованіе вооруженной силы княжества по документамъ, въ массѣ мнѣ сообщеннымъ моими трудолюбивыми сотрудниками, обнаруживало чрезвычайно низкую степень ея боевой подготовки; тѣмъ не менѣе личное знакомство съ большинствомъ сербскихъ офицеровъ и воинскими частями Бѣлградскаго гарнизона вселяло во мнѣ увѣренность не только въ желаніи сербовъ пдти въ бой съ исконнимъ врагомъ, но и въ готовности ихъ на всякія жертвы, чтобы только принять участіе въ великой борьбѣ. Теперь мнѣ было необходимо непосредственно познакомиться съ народнымъ войскомъ на сборныхъ ихъ пунктахъ, со средствами страны и съ характеромъ мѣстности предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій на юго-восточной границѣ государства, чтобы имѣть подъ собою твердую почву для опредѣленія началъ сербскаго въ войнѣ участія. Но, какъ я ни торопился, сложившіяся обстоятельства заставляли меня откладывать отъѣздъ, помимо воли, со дня на день, и я могъ выѣхать изъ Бѣлграда только во второй половинѣ октября. На объѣздъ я употребилъ 12 дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ осмотрѣть военно-техническія заведенія въ Крагуевцѣ, учебные сборы въ Крушевцѣ, Алексинацѣ, Княжевацѣ и Зайчарѣ, и мѣстности долины р. Болгарской Моравы, Княжевацкаго горнаго округа и окрестностей Зайчара.

Небольшое сербское государство занимаетъ поверхность, одну изъ самыхъ прекраснѣйшихъ и живописнѣйшихъ въ Европѣ. Горные округа его выдѣляются въ особыя группы величественныхъ возвышенностей, покрытыхъ богатою растительностью и омываемыхъ сѣтью рѣкъ и горныхъ потоковъ. Все остальное и большее пространство представляетъ всхолмленную мѣстность самыхъ прихотливыхъ очертаній. Сильно вырубленные лѣса все еще оставляютъ значительные дубовые перелѣски и рощи, подъ сѣнью которыхъ ютятся селенія и выселки. Плодородная земля щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца, который нигдѣ не прилагаетъ къ ея обработкѣ особаго старанія и предпочитаетъ поднимать свободную цѣлину тщательному уходу за нѣсколько выпаханной нивой. Обширные

луга и пастбища представляютъ средства къ содержанію въ изобиліи домашняго скота и разведенію коневодства. Богатая природа даетъ здѣсь человѣку крѣпкій, развитый организмъ и прочное здоровье, а красота мѣстности сообщаетъ ему склонность къ эстетическимъ развлеченіямъ. Какъ только семья обезпечена годовымъ запасомъ хлѣба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатаго скота и свиней, откармливаемыхъ въ ближайшихъ дубнякахъ, хозяинъ уже не заботится о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, а вмѣстѣ съ сыновьями все время проводитъ въ деревенской кофейнѣ, заслушиваясь разсказами стариковъ о сербской старинѣ, занимаясь политикой, распѣвая, или танцуя подъ звуки примитивнаго струннаго инструмента. Сербъ добродушенъ, безпеченъ, нѣсколько легкомысленъ, подвижнаго характера, съ рѣзкими переходами отъ страстнаго воодушевленія до полнаго упадка духа и обратно; къ своей семьѣ и дому очень привязанъ.

Чудные, теплые дни, стоявшіе во все время моего объѣзда, прекрасно устроенныя механы, или дома для ночлеговъ путешественниковъ на почтовыхъ трактахъ, и большею частью исправно шоссированныя дороги соединяли всѣ условія для пріятнаго путешествія. Только пароксизмы злой лихорадки, точнѣе всякаго хронометра указывавшіе мнѣ шесть часовъ по полудни каждаго третьяго дня, отравляли мое существованіе.

На сборныхъ пунктахъ я засталъ начатки пѣхотнаго воинскаго образованія: одиночную выправку, ружейные пріемы, попытки движенія шеренгой въ ногу. Артиллерійскія части, составленныя изъ старослуживыхъ, рѣзко отличались отъ пѣхотныхъ наружною выправкой, знаніемъ службы и лихими эволюціями въ составѣ батарей. Несмотря на превосходство турецкихъ орудій, артиллеристы выказывали самоувѣренность, обѣщаясь крѣпко за себя постоять, и только жаловались на неимѣніе шрапнели. На народныхъ конниковъ нельзя было смотрѣть безъ улыбки, до того рослый народъ на приземистыхъ лошадкахъ былъ комиченъ. Вообще сербы не рождены для конной службы, и много нужно труда и времени, чтобы выработать изъ нихъ не только стройный эскадронъ, но даже сколько нибудь способную къ развѣдывательной службѣ кавалерійскую часть. Но что здѣсь произвело на меня въ особенности пріятное впечатлѣніе, это корпусъ сербскихъ офицеровъ. По встрѣчавшимся мнѣ въ Бѣлградѣ лицамъ я боялся

судить, предполагая въ нихъ видѣть счастливое исключеніе. Теперь, познакомившись съ неприкрашенною стороною военнаго быта, я былъ радъ сознать солидныя достоинства сербскихъ офицеровъ, дѣлящихся по образованію на двѣ части, но представляющихъ одинаково надежный для войскъ кадръ. Даже странно сопоставить низкій уровень воинской въ странѣ организаціи съ выдающимися по своимъ способностямъ и военнымъ познаніямъ офицерами, которые могли бы сдѣлать честь арміи любой изъ великихъ державъ. Вторая, большая половина сербскихъ офицеровъ, произведенная изъ нижнихъ чиновъ, не владѣя научнымъ образованіемъ первой, составляетъ все-таки нравственные центры, вокругъ которыхъ группируется сербское народное войско. Къ сожалѣнію, вообще офицерскій и унтеръ-офицерскій кадръ крайне не значителенъ, особенно по отношенію къ широкому развертыванію арміи въ военное время. Такъ, на каждый баталіонъ I класса, смѣшанный съ постоянною ротою, приходится по три офицера, по два унтеръ-офицера и по четыре капрала; каждый баталіонъ одного I класса имѣетъ по два унтеръ-офицера, а два такихъ баталіона вмѣстѣ имѣютъ три офицера; баталіонъ II класса имѣетъ одного офицера и двухъ унтеръ-офицеровъ только тогда, когда онъ принадлежитъ къ одному изъ пограничныхъ округовъ, въ противномъ случаѣ онъ остается весьма часто вовсе безъ кадра, ограничиваясь однимъ командиромъ.

Крагуевацкій арсеналъ, литейную, патронную и другія мастерскія я засталъ въ полномъ ходу. Благодаря полученной субсидіи, матеріальная часть была куплена и нарядъ работъ установленъ на продолжительное время. Хотя размѣры всѣхъ производствъ крайне миніатюрны, тѣмъ не менѣе, во всемъ видно усердное отношеніе къ дѣлу. Развитіе военно-техническихъ заведеній здѣсь быстро подвинулось бы впередъ, еслибы правительство нашло возможнымъ удѣлять на нихъ бо́льшую долю изъ государственнаго бюджета. Кромѣ указанныхъ выше работъ по доведенію запаса ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ до необходимаго боеваго комплекта, по исправленію испорченныхъ орудій и т. д., я засталъ еще сверленіе канала тѣла 24-хъ-фунтоваго мѣднаго орудія, которое вмѣстѣ съ такимъ же, уже находящимся въ готовомъ видѣ, и шестью старыми гаубицами, унаслѣдованными отъ нашихъ войнъ, должны были въ предстоящей войнѣ играть роль осаднаго парка.

Наконецъ объѣздъ округовъ Княжевацкаго и Алексинацкаго познакомилъ меня на столько съ условіями этой мѣстности, что далъ мнѣ возможность судить о характерѣ военныхъ здѣсь операцій. Первымъ округомъ княжество захватываетъ часть горныхъ цѣпей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Балканъ и раздѣляющихъ болгарскій театръ войны на двѣ части, придунайскую и южную или румелійскую; по второму лежитъ историческій путь вдоль рѣки Болгарской Моравы. Первый занимаетъ собою сильно гористую страну, образующую значительный выступъ государственной территоріи на востокъ; второй охватываетъ приморавскую долину съ границею, нѣсколько входящею внутрь страны. Отъ сербской границы удобные пути въ Турцію расходятся въ трехъ направленіяхъ, по рѣкамъ: Моравѣ, Нишавѣ и Топлицѣ, изъ которыхъ важнѣйшій слѣдуетъ вдоль рѣки Нишавы на Софію и Царьградъ. Изъ остальныхъ болѣе удобный пролегаетъ долиной Моравы на Вранью, Куманово и Скоплэ; труднѣйшій же, но за то кратчайшій въ Старую Сербію, поднимается вверхъ по долинѣ Топлицы и, переваливъ горный хребетъ у Преполаца, выходитъ къ Приштинѣ и Митровицѣ. Внутри Сербіи, на сколько сообщеніе удобно къ Алексинацу, на столько же оно трудно къ Княжевацу. Уже отсюда видно, что значеніе Алексинацкаго округа громадно въ оборонительной войнѣ, а Княжевацкаго выростаетъ въ зависимости развитія наступательныхъ операцій.

Князя Милана я нашелъ въ большомъ волненіи. На сдѣланное нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ заявленіе онъ отвѣчалъ, 12-го ноября, что приказъ о мобилизаціи будетъ отданъ безъ замедленія, что два корпуса, Тимока и Моравы, будутъ на границѣ черезъ десять дней, а Шумадіи, послѣ сосредоточенія его на линіи Чупрія-Парачинъ въ Моравской долинѣ, будетъ выдвинутъ къ границѣ не позднѣе 28 числа, что затѣмъ онъ проситъ указать ему ближайшую стратегическую цѣль. Высказавшись такъ положительно, онъ однако не переставалъ надѣяться на возможность затянуть дѣло до выясненія положенія подъ Плевною, выгадывая время на встрѣтившихся затрудненіяхъ по продовольствію войскъ и на возникшемъ разногласіи между старшими войсковыми начальниками по поводу установленія общаго плана военныхъ операцій. Небольшіе продовольственные запасы попутныхъ магазиновъ уже были израсходованы при сосредоточеніи людей къ юго-восточной границѣ; теперь было необходимо сдѣлать распоряженіе о

спѣшномъ ихъ пополненіи въ значительно большихъ размѣрахъ. Большинство сербскихъ начальниковъ настаивало на непосредственной оборонѣ въ первое время всей границы, а затѣмъ одни указывали на преимущества развитія военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, а другіе предпочитали дѣйствовать въ Босніи, какъ искони сербской странѣ. Самимъ княземъ руководило едва-ли не то соображеніе, что чѣмъ позднѣе сербы выступятъ въ походъ, тѣмъ положеніе ихъ будетъ безопаснѣе и тѣмъ менѣе будетъ израсходовано денежныхъ средствъ.

Когда я ему заявилъ, что Сербія не располагаетъ арміею, а только слабо организованными и нестройными толпами поселянъ, во всѣхъ отношеніяхъ уступающихъ своимъ противникамъ, въ особенности въ отношеніи вооруженія и обезпеченія боевымъ снаряженіемъ, что поэтому единственно возможный способъ дѣйствія сербовъ долженъ заключаться въ направленіи ихъ массой, численно подавляющей непріятеля, къ сторонѣ главной оперирующей въ Болгаріи арміи; князь горячо возразилъ, что такъ легко говорить русскому офицеру въ интересахъ содѣйствія операціямъ русскихъ войскъ, но что долгъ его, какъ главы государства, повелѣваетъ ему заботиться, прежде всего, объ охранѣ собственныхъ границъ. Эти слова подтвердили мое предположеніе о нежеланіи князя Милана усвоить энергическій образъ дѣйствія и придали особое значеніе его распоряженію о расположеніи внутри страны Шумадійскаго корпуса, который, такимъ образомъ, превращался въ главный резервъ всѣхъ корпусовъ, разбросанныхъ по границѣ. Напрасно я старался выяснить ему главныя начала военнаго искусства въ примѣненіи къ настоящему положенію дѣлъ; напрасно я силился его убѣдить, что выдвинутыя впередъ войска болѣе всего обезпечатъ неприкосновенность границъ, которымъ серьезная опасность можетъ грозить только съ юго-востока, т. е. съ той именно стороны, гдѣ слѣдуетъ концентрировать наибольшее количество войскъ, что интересы сербовъ и русскихъ неразрывно связаны между собою, а общая цѣль заключается въ пораженіи турецкой арміи; князь стоялъ на своемъ, заявляя, что въ военномъ дѣлѣ онъ имѣетъ свои собственныя убѣжденія, не всегда согласныя съ началами военнаго искусства.

Я сильно встревожился. Всѣ мои планы были готовы лопнуть мыльнымъ пузыремъ, а соображенія разбиться въ пухъ

предъ упорствомъ верховнаго вождя сербскихъ вооруженныхъ силъ. Я обратился къ Персіани, объясняя все значеніе настоящей критической минуты, и убѣждалъ оказать мнѣ самое энергическое содѣйствіе воздѣйствіемъ на князя и въ особенности на Ристича. Между тѣмъ, день за днемъ проходили, а телеграммы изъ главной квартиры съ указаніемъ сербамъ стратегической цѣли ихъ военныхъ дѣйствій, которая такъ могла бы мнѣ помочь въ моемъ затруднительномъ положеніи, все еще не было.

Наконецъ, черезъ два дня, является Персіани.

„Теперь", говоритъ онъ, „вы можете отправляться къ князю. Благодаря настоянію Ристича, почва такъ подготовлена, что вы можете сажать въ нее все, что угодно Князь Миланъ далъ Ристичу категорическое обѣщаніе безусловно слѣдовать всѣмъ вашимъ совѣтамъ".

Это было 18-го ноября. Я тотчасъ же отправился въ конакъ и дѣйствительно нашелъ князя въ самомъ предупредительномъ ко мнѣ расположеніи. Какъ потомъ оказалось, главнымъ доводомъ къ убѣжденію князя быть болѣе сговорчивымъ былъ вопросъ о денежной субсидіи.

Князь меня встрѣтилъ словами: „ставлю себя въ полное распоряженіе великаго князя главнокомандующаго, приказанія котораго буду выполнять какъ сержантъ—своего капитана. Надѣюсь, однако, что мнѣ будетъ предоставлено настолько самостоятельности, насколько это вызывается особыми условіями сербскихъ войскъ и особливостью топографіи". Тутъ же было условлено, что наступленіе будетъ произведено, главнымъ образомъ, изъ Княжевацкаго округа двумя корпусами, Шумадіи и Тимока, съ цѣлью овладѣнія Бабиной главой, проходомъ св. Николая и развитія дальнѣйшихъ операцій въ долину Нишавы къ Пироту, смотря по обстоятельствамъ. Такъ какъ Шумадійскій корпусъ запоздаетъ, то переходъ границы можетъ состояться не ранѣе 30-го числа.

На слѣдующій день, 19-го ноября, наконецъ пришла депеша изъ Богота слѣдующаго содержанія: „Ближайшее участіе сербскихъ войскъ можетъ состоять въ овладѣніи путями изъ Старой Сербіи въ Западную Болгарію, чтобы не дозволить туркамъ двинуть по этимъ путямъ войска на выручку Плевны. Для сего ближайшею цѣлью операціоннаго корпуса должно быть наступленіе на Пиротъ съ занятіемъ позиціи у Бабиной Главы и прохода св. Николая на Бѣлградчикъ. Достигнувъ Пирота,

угрожать Софіи. При невозможности выполнить это послать летучіе отряды на проходъ изъ Софіи въ Берковацъ для порчи путей и для вступленія въ связь съ нашею кавалеріею. Для свѣдѣнія сообщается, что сильный отрядъ нашъ занялъ Правецъ и Этрополь и надо ожидать скораго занятія Орханіэ и Орханійскаго прохода, откуда будемъ угрожать Софіи. Кавалерія наша занимаетъ Врацу и Бѣлобродъ на Огостѣ, а передовые отряды противъ Берковца и на рѣкѣ Цибрѣ. Можетъ быть румыны займутъ скоро Ломъ-Паланку на Дунаѣ".

Вслѣдъ за телеграммою мною получено было предписаніе отъ 20-го ноября съ приложеніемъ особой записки. Въ первомъ было изложено: „18 ноября отъ имени великаго князя главнокомандующаго была послана телеграмма, въ которой указана была цѣль дѣйствій для сербскихъ войскъ, которыя примутъ участіе во внѣшнихъ операціяхъ. Въ прилагаемой при семъ запискѣ изложены всѣ соображенія главнокомандующаго, на основаніи которыхъ дана указанная цѣль. Подробностей исполненія великій князь не касается; они должны вполнѣ вытекать изъ той ближайшей обстановки, которая будетъ существовать при началѣ открытія военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи. Для свѣдѣнія Вашего сообщается, что ко дню отправленія этого отзыва положеніе дѣлъ на западномъ театрѣ войны слѣдующее: сильный отрядъ, составленный преимущественно изъ гвардейскихъ войскъ и состоящій изъ 43-хъ баталіоновъ до 50 эскадроновъ и до 160 орудій, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко, занялъ 17-го и 18-го ноября почти весь Орханійскій проходъ; турки пока держатся въ Арабъ-Конакѣ; частями кавалеріи этого отряда занята Враца, а разъѣзды подошли до Берковца и до верховій р. Огоста. Особый отрядъ генералъ-маіора Арнольди изъ 4-хъ полковъ кавалеріи, въ томъ числѣ бригада росшіоровъ, занялъ 18 ноября Крившпна-Черкесы на дорогѣ изъ Берковца въ Ломъ-Паланку и выслалъ разъѣзды по направленію къ Бѣлградчику. Особый отрядъ изъ румынскихъ войскъ, въ составѣ 1-й румынской дивизіи (8—10 бат.) и двухъ полковъ каларашей, продвинулся вверхъ по Дунаю и занялъ Цибру-Паланку и Ломъ-Паланку. Въ этомъ положеніи всѣ означенные отряды, по всей вѣроятности, останутся до развязки дѣла у Плевны".

Приложенная записка заключала въ себѣ: „По мысли его императорскаго высочества главнокомандующаго, настоящая обстановка благопріятствуетъ выступленію сербскихъ войскъ

*

на театръ военныхъ дѣйствій. Условіе совокупнаго дѣйствія съ русскими войсками налагаетъ на сербскія задачу противодѣйствовать сбору турецкихъ войскъ изъ окрестностей Софіи и Старой Сербіи въ отрядъ, достаточно сильный для движенія къ Плевнѣ, на освобожденіе заключенной тамъ арміи Османа-паши. Изъ русскихъ войскъ ту же цѣль преслѣдуютъ отряды генераловъ Гурко и Арнольди. Направленіе дѣйствій сербскихъ войскъ, для достиженія возлагаемой на нихъ цѣли, опредѣляется соображеніями о наиболѣе вѣроятныхъ пунктахъ сосредоточенія турецкихъ войскъ и путяхъ, ведущихъ къ Плевнѣ отъ этихъ пунктовъ. Въ Западной Болгаріи турки располагаютъ не болѣе какъ 20 таборами, изъ которыхъ должны быть еще оставлены гарнизоны въ главнѣйшихъ пунктахъ разсматриваемаго участка: Виддинѣ, Берковцѣ, Бѣлградчикѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ на сербской границѣ. Такимъ образомъ преобладающее значеніе сборнаго пункта остается за Софіею. Оттуда, а отчасти отъ Ниша и Митровицы, конечныхъ пунктовъ, къ которымъ могутъ подходить войска изъ Старой Сербіи, Босніи и Албаніи, на выручку Османа-паши турки могутъ двинуться по тремъ путямъ: черезъ Орханіэ по шоссе на Плевну; черезъ проходъ Гіинцы на Берковацъ и далѣе, частью на Врацу, частью по долинѣ Огоста на Алтиміръ и Магалету; черезъ проходъ св. Николая на Бѣлградчикъ и потомъ также на Алтиміръ и Магалету. Первое направленіе можетъ быть сочтено достаточно обезпеченнымъ въ настоящее время, а если турки принуждены будутъ бросить Орханіэ, то этотъ путь совершенно закроется для нихъ. Поэтому приходится обратить вниманіе только на направленія черезъ Берковацъ и черезъ проходъ св. Николая на Бѣлградчикъ. Берковацъ или проходъ Гіинцы, какъ кажется, нельзя занять нашими войсками; это направленіе можетъ быть только наблюдаемо со стороны Врацы и со стороны долины р. Огоста, что и исполняется нынѣ двумя кавалерійскими бригадами изъ отряда генерала Гурко и отрядомъ генерала Арнольди. Что же касается до прохода черезъ Николай, то не только онъ не можетъ быть занятъ нашими войсками, но и не можетъ быть ими наблюдаемъ. На этомъ основаніи, если рѣшено разсчитывать на содѣйствіе сербскихъ войскъ, то на нихъ и слѣдовало бы возложить занятіе прохода св. Николая съ тѣмъ, чтобы на сколько возможно оказать вліяніе и на путь черезъ Берковацъ. Занятіе и обезпеченіе означенныхъ проходовъ можно бы было исполнить двоякимъ

путемъ: или направить часть сербскихъ войскъ, способныхъ къ внѣшнимъ операціямъ, съ сѣверной стороны Балканскихъ горъ отъ Княжавца и Зайчара черезъ Бѣлградчикъ; или съ южной стороны Балканъ по долинѣ Нишавы въ долину Софіи. Разбирая эти два направленія, нельзя не замѣтить, что первое направленіе для сербовъ безопаснѣе и пожалуй облегчитъ имъ выполненіе возлагаемой на нихъ задачи. Но это направленіе невольно отвлечетъ ихъ къ сторонѣ Виддина, а главное, въ случаѣ развязки дѣла у Плевны, оно затянетъ сербовъ въ ограниченный кругъ, и дальнѣйшее содѣйствіе ихъ сдѣлается менѣе важнымъ. Съ другой стороны, наступленіе ихъ по этому направленію менѣе способствуетъ отвлеченію на нихъ турокъ, которые спокойно могутъ производить сосредоточеніе своихъ войскъ въ долинѣ р. Нишавы и Софіи".

VI.

Планъ кампаніи.

Оправившись въ здоровьѣ, мнѣ было необходимо нѣсколько глубже познакомиться съ озабочивавшимъ меня все время вопросомъ о продовольствіи мобилизованныхъ частей народнаго войска. Если довольствіе провіантомъ людей, въ періодъ малыхъ сборовъ въ пограничномъ пространствѣ, вызвало настолько серьезныя затрудненія, что пришлось задержать теперь движеніе частей внутреннихъ округовъ къ пунктамъ сосредоточенія, то являлось сильное сомнѣніе въ успѣшности заготовленія правительственныхъ запасовъ въ передовыхъ магазинахъ, а тѣмъ болѣе въ обезпеченномъ продовольствіи войскъ, выдвинутыхъ впередъ въ гористой, труднодоступной странѣ. Хотя сербское военное министерство, объясняя чрезмѣрный расходъ запаса тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстныя общины, вмѣсто 25-ти дневнаго продовольствія, по закону объ учебныхъ сборахъ, успѣли выставить только 10-ти дневное, заявляло о сдѣланныхъ уже закупкахъ хлѣба по разсчету мѣсячнаго довольствія всѣхъ мобилизованныхъ частей и объ успѣшномъ изготовленіи сухарей въ той же пропорціи; тѣмъ не менѣе нужно было еще сообразить соотвѣтственность размѣщенія этихъ запасовъ и обезпечить своевременное питаніе войскъ

правильнымъ подвозомъ изъ магазиновъ. Такъ какъ способъ передвиженія всѣхъ воинскихъ тяжестей заключался исключительно въ однихъ средствахъ страны, при чемъ условія гористой мѣстности главнаго пространства театра войны допускали движеніе только коннаго вьюка, успѣшное разрѣшеніе вопроса, очевидно, представляло чрезвычайныя трудности. Отсюда слѣдовало предвидѣть наступленіе такой минуты, уже во время военныхъ операцій, когда необходимость продовольствія войска заставитъ обратиться къ болѣе рѣшительному образу дѣйствія, чтобы только воспользоваться складомъ противника.

Самое суровое время года, въ которое приходилось сербамъ дѣйствовать, вызывало еще неменьшую заботу объ исправной для нихъ одеждѣ. Затратою части денежной субсидіи пока удалось довести до конца полное обмундированіе постоянныхъ войскъ состава военнаго времени, а для людей пограничныхъ округовъ, пострадавшихъ отъ непріятельскаго вторженія въ прошломъ году и не имѣвшихъ ни казенной, ни своей одежды, спѣшно были высланы суконныя брюки, признанныя по климатическимъ условіямъ самою необходимою для сохраненія здоровья частью одеждою. За то въ постройкѣ новыхъ плащей встрѣтились такія затрудненія, что пришлось ее отложить, а для дополнительной раздачи людямъ округовъ, ближайшихъ къ театру войны, пришлось отбирать отъ внутреннихъ бригадъ, не предназначенныхъ къ мобилизаціи. Въ отношеніи обуви обезпеченъ комплектъ опанокъ и носковъ для всего состава всѣхъ пяти корпусовъ.

Состояніе военно-санитарной части было тоже неудовлетворительно. Еще по матерьяльной части многое сохранилось отъ богатыхъ запасовъ прошлогодней войны, но въ отношеніи личнаго персонала врачей ощущался громадный недостатокъ. На внѣшнюю помощь разсчитывать было невозможно. Средства нашего „Краснаго креста“ были употреблены на собственномъ театрѣ войны, а наемъ докторовъ въ другихъ государствахъ встрѣчалъ сильную конкурренцію въ спросѣ отъ турецкаго правительства.

Перебирая теперь съ лицами верховнаго командованія потребности вооруженія, снаряженія и вообще всѣхъ видовъ довольствія войскъ, неоднократно приходилось отъ нихъ слышать полупросьбы - полутребованія дать имъ осадную артиллерію, взятыя у турокъ ружья для остающихся въ странѣ

добровольцевъ, или выдать столько-то денегъ на покупку провіанта, лошадей, вещей и другой матерьяльной части, какъ будто выполненіе всѣхъ этихъ желаній, исходившихъ отъ верховнаго вождя сербскихъ войскъ, было такъ просто и легко, или существовало обязательство безусловнаго удовлетворенія нами всѣхъ военныхъ ихъ нуждъ. Только избалованностью прошлой войной можетъ быть объяснено опредѣленіе княжескимъ правительствомъ размѣра текущей субсидіи за время военныхъ операцій Сербіи въ милліонъ рублей ежемѣсячно. Принятіе такого крупнаго размѣра приближало бы сербскую кооперацію къ найму, что отнюдь не отвѣчало бы ни истинному положенію вещей, ни достоинству сербской народности. Поэтому было опредѣлено выдавать сербскому правительству по полтораста рублей въ день на каждую тысячу человѣкъ, дѣйствующихъ внѣ предѣловъ княжества, если только общее число перешедшихъ границу не будетъ менѣе двадцати пяти тысячъ, и уплату субсидіи начать черезъ двѣ недѣли по переходѣ границы.

Князь Миланъ, очевидно, разсчитывалъ совершить новую войну и исправить запущенное матерьяльное состояніе своихъ войскъ на нашъ счетъ. Не надѣясь на свои собственные средства для самостоятельныхъ военныхъ операцій, онъ поджидалъ еще большаго ослабленія силъ турокъ, чтобы явиться на театръ войны побѣдителемъ безъ выстрѣла и принять участіе въ предъявленіи мирныхъ условій побѣжденному врагу. Но всѣ его разсчеты разлетѣлись дымомъ, когда онъ получилъ приглашеніе перейти къ активной роли, въ самой категорической формѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалъ. Вынужденный дѣломъ закрѣпить правдивость своего слова, онъ громко выражалъ теперь предъ всѣми, что немедленнымъ выступленіемъ въ походъ выполняетъ настойчивое требованіе Россіи, какъ будто его собственной иниціативы вовсе не существовало, и слагалъ съ себя отвѣтственность на случай бѣдственнаго исхода предпріятія. Отсюда заявленія о крупной субсидіи, отсюда почетная моя роль предъ сербскими войсками, къ которымъ князь всегда предлагалъ мнѣ подъѣзжать рядомъ съ нимъ.

Подготовляя обстановку военныхъ дѣйствій, необходимо было еще выяснить положеніе турецкихъ вруженныхъ силъ на мѣстности главнаго театра кооперацiи и ближайшихъ его окрестностей. Еще въ половинѣ сентября сообщалось съ границы, что 11-го числа доставлено въ Нишъ отъ Скоплэ двѣ-

сти повозокъ боеваго снаряженія, пятьдесятъ повозокъ съ одеждою и 4 т. ружей системы Генри-Мартини. Все это было прислано изъ Константинополя въ Салоники водою и перевезено отсюда въ Скоплэ по желѣзной дорогѣ. Въ Нишѣ получено распоряженіе о водвореніи переселенцевъ изъ Западной Болгаріи и о сборѣ 500 коней, которыхъ немедленно выслать въ Софію. Въ Новомъ Базарѣ отрядъ Гафиза-паши имѣлъ около 8 т. человѣкъ: 8-мь таборовъ, расположенные въ укрѣпленіяхъ на Рогознѣ, состояли изъ редифовъ и мустахфиза, 5-ть таборовъ низама находились на Сочаницѣ. Отъ 19-го сентября сообщалось, что 20 таборовъ, недавно прибывшіе изъ Константинополя съ сильною артиллеріею, направлены изъ Софіи въ Орханіэ, гдѣ собирается отрядъ для слѣдованія къ Плевнѣ. Отъ 10-го октября,—что изъ восьми таборовъ, находящихся въ Софіи, выслано, 5 октября, два табора въ Пиротъ и одинъ въ Орханіэ, что 8 числа изъ Ниша отправленъ транспортъ на ста воловьихъ подводахъ въ Пиротъ, а къ 12-му числу собирается обозъ въ восемьсотъ подводъ для слѣдованія въ Софію [1]). Изъ Ново-Базара четыре табора направлены въ Софію и три табора передвинуты въ Митровицу, изъ Ниша выслано на востокъ два табора. Часть запасовъ изъ Орханіэ перевезена во Врацу. Вездѣ идетъ усиленный наборъ мустахфиза. Отъ половины ноября,—что проходы Берковца и св. Николая заняты и сильно укрѣплены, что посты съ сербской границы сняты и собраны въ Видинѣ, куда приказано отойти и табору изъ Адліе, при первомъ движеніи сербовъ. Изъ Босніи къ Софіи прошло 700 всадниковъ. Въ Нишѣ 6-ть таборовъ, но ожидаютъ прибытія Гафиза-паши еще съ восемью. Мегеметъ-паша имѣетъ 40 т. человѣкъ, хорошо вооруженныхъ и снаряженныхъ, въ 60-и таборахъ, занимающихъ укрѣпленія Орханійскаго перевала, Софію, Пиротъ съ укрѣпленнымъ лагеремъ у Будимъ-дела и перевалы Берковца и св. Николая; при чемъ у Пирота и послѣднихъ горныхъ проходовъ насчитывали до 12 таборовъ. Рифатъ-паша занятъ въ Приштинѣ организаціею таборовъ и арнаутскаго ополченія.

Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у турокъ только подтверждали правильность уже усвоеннаго плана дѣйствій и давали указанія къ дальнѣйшему его развитію. Такимъ образомъ изъ двухъ операціонныхъ путей, предложенныхъ главною квартирою, по

[1]) Всѣ эти извѣстія были своевременно сообщены въ главную квартиру въ Болгаріи.

сѣверную и по южную сторону Балканъ, избирался послѣдній, какъ болѣе соотвѣтствующій общей обстановкѣ. Наступленіе изъ Княжевацкаго округа, лишая крѣпость Нишъ ея значенія прикрывать софійское шоссе, сразу выводило сербовъ къ лѣвому флангу войскъ Мегемета-паши, связывая и ослабляя ихъ операціи противъ отряда генерала Гурко, приводило къ вѣроятному столкновенію у перевала св. Николая и въ окрестностяхъ Акъ-Паланки, т. е. съ окраинным расположеніемъ частей двухъ разныхъ командованій, и затѣмъ къ вѣроятному же овладѣнію послѣднимъ пунктомъ съ его продовольственными запасами, имѣющими столь важное значеніе для крайне дурно питаемыхъ собственными средствами сербскихъ войскъ. Было чрезвычайно важно, чтобы народное ополченіе не встрѣтило на первомъ же шагу серьезнаго сопротивленія и могло бы окрѣпнуть духомъ рядомъ успѣховъ хотя бы надъ слабымъ противникомъ.

Не схватывая сущности общаго плана, князь отвѣчалъ на мои разъясненія настойчивою просьбою воспользоваться движеніемъ нашего летучаго отряда къ Бѣлградчику, чтобы поднять духъ сербскихъ войскъ совмѣстною аттакою этого пункта, и только тогда успокоился, когда изъ главной квартиры отвѣтили, что къ сторонѣ Бѣлградчика будутъ посланы одни разъѣзды. Впрочемъ усвоенію княземъ Миланомъ общаго плана военныхъ дѣйствій еще мѣшало его увлеченіе соображеніями политическаго характера. Хорошо понимая, что на размѣръ территоріальнаго вознагражденія княжества при заключеніи мира будетъ вліять величина занятой сербскими войсками непріятельской страны, онъ упорно настаивалъ на развитіи активныхъ дѣйствій по всему пространству границы, несмотря на то, что это влекло къ разброскѣ силъ и невыгодно отражалось на успѣхѣ главнаго предпріятія.

Было рѣшено, за выдѣленіемъ двухъ корпусовъ, численностью около 25 т. человѣкъ въ обоихъ, для самостоятельныхъ операцій на Яворѣ и Дринѣ, всѣ остальныя войска, силою въ 56 т. человѣкъ, сосредоточить на восточной границѣ съ главною задачею наступленія изъ Княжевацкаго округа. Владѣтельный князь, сохраняя верховное командованіе надъ всѣми силами, принималъ на себя непосредственное руководство военными дѣйствіями на восточномъ театрѣ войны. Для нанесенія главнаго удара назначались корпуса Шумадійскій и Тимочскій, но съ отдѣленіемъ отъ нихъ

значительнаго числа частей какъ для обороны Крайны, такъ и для усиленія наблюденія за крѣпостью Нишемъ; Моравскій же корпусъ назначался для стѣсненія Ниша и овладѣнія долиною р. Топлицы. Въ составъ Княжевацкаго отряда, поступавшаго подъ начальство командира Шумадійскаго корпуса, генерала Белимарковича, должны были войти: 2-я дивизія Шумадійскаго корпуса, полковника Любоміра Іовановича, полностью; 1-я дивизія того же корпуса, полковника Бучевича, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ Бѣлградской бригады, оставленныхъ по-баталіонно въ Бѣлградѣ и Смедерово, и всей Смедеровской бригады, назначавшейся подъ командою самого начальника дивизіи столько же въ резервъ Моравскаго корпуса, сколько и въ прикрытіе главной квартиры князя въ Алексинацѣ; и Тимочскій корпусъ, полковника Хорватовича, съ выдѣленіемъ изъ него 11 баталіоновъ съ двумя батареями, Зайчарскаго отряда полковника Здравкевича, и 2 батальоновъ съ народною артиллеріею для занятія Кладова и Неготина. При этомъ 2 баталіона I класса Крайнской бригады и 2 баталіона I же класса Црнорѣческой бригады образовали комбинированную бригаду, а приданные корпусу добровольцы — летучій батальонъ. Дунайская дивизія, подполковника Топаловича, получила особое назначеніе содѣйствовать стѣсненію крѣпости Ниша, за исключеніемъ Пожаревацкой бригады, дѣйствовавшей первое время въ непосредственной связи съ другими войсками генерала Белимарковича. Наступленіе Моравскаго корпуса, полковника Лѣшанина, предполагалось произвесть по обѣимъ сторонамъ рѣки Моравы съ тѣмъ, чтобы Моравская дивизія, полковника Орѣшковича, войдя въ связь съ Дунайскою дивизіею, стѣснила Нишъ, а Ибарская дивизія, подполковника Беницкаго, съ корпуснымъ резервомъ овладѣла долиною р. Топлицы. Въ горахъ Копаоника, на крайнемъ правомъ флангѣ Моравскаго корпуса, долженъ былъ дѣйствовать летучій отрядъ изъ добровольцевъ капитана Милоевича.

Такимъ образомъ войска на восточной границѣ по назначенію разбивались на четыре группы:

	Баталіоновъ.	Орудій.	Человѣкъ.
Въ Крайнѣ	13	16	7.500
Княжевацкій отрядъ .	30	90	25.000
Подъ Нишемъ . . .	23	42	15.000
На р. Топлицѣ . . .	14	39	9.000
Итого . .	80	178	56.500

Въ числѣ 178 орудій 126 было полевыхъ, 24 горныхъ и 28 народныхъ, всегда дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ пѣхотными частями. Сильнѣйшею артиллеріею располагалъ Княжевацкій отрядъ, такъ какъ онъ главнымъ образомъ предназначался для активныхъ дѣйствій. При немъ же была оставлена и батарея 12 фунтовыхъ орудій, которыя хотя и представляли большія затрудненія для движенія, но могли принесть существенную пользу при атакѣ укрѣпленнаго лагеря при Будимъ-делѣ.

Принимая въ соображеніе совокупность мѣстныхъ условій обстановки, распредѣленіе войскъ вообще можно было признать правильнымъ, за исключеніемъ, однако, Крайнскаго отряда, слишкомъ сильный составъ котораго значительно превосходилъ потребность обороны и легко могъ бы безъ ущерба дѣлу выдѣлить изъ себя значительную часть на усиленіе войскъ генерала Белимарковича. При общемъ положеніи дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны, трудно было предполагать активныя предпріятія со стороны турокъ противъ Крайны, тѣмъ болѣе, что не только распоряженіе о снятіи пограничнаго кордона, но и приказаніе объ очищеніи страны, при первомъ движеніи впередъ сербовъ, было уже извѣстно въ сербской главной квартирѣ.

Выдѣленіе изъ дѣйствующей арміи корпусовъ Дринскаго и Яворскаго, для отдѣльныхъ, самостоятельныхъ операцій, также не оправдывалось обстановкою. Сербіи со стороны Босніи не грозила серьезная опасность. Турецкихъ войскъ на западной границѣ княжества не было; они были или направлены въ Софію, или передвинуты въ Ново-Базарскій Санджакъ, или введены въ составъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Черногоріи. Слѣдовательно, съ этой стороны могли пытаться прорваться въ страну только партіи боснійскихъ бековъ, для прегражденія пути которымъ было достаточно, можетъ быть, только половины силъ Дринскаго корпуса. Какъ ни оцѣнивать высоко значеніе западнаго открытаго пространства съ шоссейнымъ путемъ, ведущимъ прямо къ столицѣ государства, во всякомъ случаѣ назначеніе двухъ корпусовъ для обороны не выдерживаетъ критики. Между тѣмъ у командира Дринскаго корпуса, генерала Ранко Алимпича, было 21 баталіонъ съ 26-ю орудіями, численностью въ 12 т. человѣкъ; а у командира Яворскаго корпуса, полковника Николича—21 же баталіонъ при 28-ми орудіяхъ, численностью въ 13 т. челов. Самый составъ послѣдняго корпуса, превосходив-

шій Дринскій, при назначеніи дѣйствовать въ сильно гористой и трудно доступной странѣ, указывалъ на желаніе придать операціямъ этого корпуса болѣе активный характеръ. Было бы цѣлесообразнѣе, поэтому, присоединить къ дѣйствующей арміи, наносившей главный ударъ противнику, по крайней мѣрѣ одну треть силъ обоихъ корпусовъ, которымъ затѣмъ, нѣсколько выждавъ развитія военныхъ дѣйствій на главномъ театрѣ войны, перейти въ наступленіе совокупными силами въ Ново-Базарскій Санджакъ на Сенницу съ цѣлью захвата единственнаго проходящаго здѣсь пути и овладѣнія всѣмъ пространствомъ до черногорской границы. Мысль эта сознавалась сербами, но смутно. Чрезвычайныя усилія, употребленныя для склоненія князя Милана на дѣйствительно наступательное движеніе по важнѣйшему операціонному пути, и упорныя настоянія на сосредоточеніи для выполненія этой операціи Княжевацкаго отряда до такой степени исчерпали энергію сербскаго вождя, что для разъясненія другихъ мѣръ, несомнѣнно важныхъ, но меньшаго значенія, потребовалось слишкомъ много времени. Позднѣе главная квартира непрестанно требовала отъ полковника Николича смѣлаго движенія впередъ, хотя бы съ цѣлью занятія непріятельской территоріи; но, какъ своевременно не подготовленная, дѣятельность Яворскаго корпуса не могла сразу развиться и оставалась все время въ высшей степени пассивною.

Между тѣмъ наступали послѣдніе дни предъ объявленіемъ войны. Чѣмъ ближе подвигались событія къ развязкѣ, тѣмъ болѣе сдержаннымъ становился князь, тѣмъ озабоченнѣе дѣлались правительственныя лица, тѣмъ серьезнѣе относилось къ дѣлу само бѣлградское общество. Предшествовавшая война значительно отрезвила самосознаніе сербовъ, съ большею осмотрительностью готовившихся къ войнѣ теперь, несмотря на то, что современная обстановка была несравненно болѣе благопріятною, чѣмъ прежняя. Тѣмъ съ большимъ восторгомъ было встрѣчено здѣсь извѣстіе о паденіи Плевны и плѣненіи арміи Османа-паши.

Г. БОБРИКОВЪ.

Въ бурю.

(Изъ картинъ минувшаго).

Я пріѣхалъ къ тебѣ по Леману;
И сердитъ и взволнованъ Леманъ!
И одѣлись савойскія альпы
Въ темносѣрый, свинцовый туманъ.

Въ небесахъ разъигралася буря,
Изъ ущелій гудятъ голоса,
Опалилъ мнѣ лицо мое вѣтеръ,
Растрепалъ онъ мои волоса...

И гуляли могучія волны,
Я надъ ними веселый скользилъ,
И съ вершинъ ихъ по пѣнистымъ скатамъ
Глубоко, глубоко уходилъ.

Буря шла и въ тревожномъ величьи
Раздавить собиралась меня;
Только смерть отъ меня сторонилась—
Былъ я веселъ и полонъ огня.

И я вѣрилъ, что мнѣ не погибнуть,
Что я кончу назначенный путь—
Жизнь такъ ярко блеститъ предо мною,
И нельзя мнѣ теперь утонуть!

К. СЛУЧЕВСКІЙ

АТАВИЗМЪ

въ современномъ французскомъ романѣ („La Bête Humaine" par E. Zola).

Le resultat le plus net du dernier Congrés d'anthropologie criminelle a été de reduire le type criminel à l'etat de fantôme.
G. Tarde.

Vergèbens werden ungebund'ne Geister
Nach der Vollendung reiner Hohe streben ..
Wer grosses will muss sich zusamenraffen:
In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister.
Goethe.

I.

Романъ—наиболѣе распространенная и излюбленная форма новѣйшей европейской беллетристики, какъ губка всасываетъ въ себя всѣ злобы дня, все умственное движеніе современнаго европейскаго общества. Такое расширеніе области романа, къ сожалѣнію, не обходится безъ ущерба для его наиболѣе цѣнныхъ достоинствъ. Онъ перестаетъ быть чистымъ зеркаломъ, художественно отражающимъ правду жизни и духовную природу человѣка, становясь все болѣе и болѣе, подъ перомъ французскихъ писателей, такъ называемой школы натуралистовъ, ходячей энциклопедіей разнообразныхъ свѣдѣній, съ мнимо научной подкладкой, по различнымъ моднымъ вопросамъ, волнующимъ современное общество.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, является послѣдній романъ Эмиля Зола, названный нами въ заглавіи настоящей статьи. Жюль Герикуръ (Jules Hericourt), авторъ талантливаго и серьезного этюда объ этомъ романѣ, въ *Revue Bleue* [1]), совершенно

[1]) № 23 за текущій годъ.

правъ, останавливаясь, въ своемъ разборѣ романа Зола, преимущественно на научной достовѣрности выведенныхъ въ немъ типовъ убійцъ, ставя задачей критической его оцѣнки вопросъ—написалъ ли авторъ вѣрную и научно обоснованную физіологію этихъ типовъ или онъ изобразилъ ихъ, на основаніи данныхъ поверхностныхъ, неполныхъ и даже неточныхъ.

Желѣзно-дорожный міръ, движеніе поѣздовъ, вся бытовая обстановка жизни служащихъ на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, а также машинисты съ ихъ локомотивами, изображены въ романѣ ярко и выпукло, мастерскимъ перомъ искуснаго художника-наблюдателя, пристально изучившаго этотъ міръ. Зола съ своимъ обычнымъ и упорнымъ трудолюбіемъ группируетъ и нанизываетъ разнообразнѣйшія детали описываемаго имъ и очевидно хорошо ему извѣстнаго желѣзно-дорожнаго быта. Личныя условія жизни французскаго романиста особенно благопріятствовали исполненію этого, такъ сказать, фона или рамокъ его новаго романа. Изъ разсказовъ друзей и учениковъ Зола, мы знаемъ, что онъ постоянно живетъ и проводитъ почти все время въ своемъ загородномъ домѣ, въ Медонѣ, отлогій садъ котораго спускается къ самому полотну проходящей подъ окнами Нормандской желѣзной дороги, отъ которой его садъ отдѣляется только изгородью. Частое сотрясеніе оконныхъ стеколъ рабочей комнаты романиста постоянно напоминаетъ ему объ ежедневно и даже ежечасно проносящихся мимо поѣздахъ. Одинъ изъ друзей романиста Поль Алексисъ, въ своихъ „Notes d'un ami", подробно описалъ, какую ассоціацію идей и образовъ вызываютъ въ умѣ создателя экспериментальнаго романа во Франціи непрестанно снующіе у порога его жилища поѣзда, когда онъ слѣдитъ за ними съ своего балкона, въ вечернемъ сумракѣ.

Но это только фонъ или рамки его романа „La Bête Humaine". Зола, несмотря на все излишество чисто физической наблюдательности, несмотря на все желаніе писать только съ натуры, тѣмъ не менѣе въ своихъ романахъ даетъ не мало мѣста *вымыслу*. Эта черта въ немъ весьма вѣрно подмѣчена талантливымъ французскимъ критикомъ Жюлемъ Леметромъ, который въ своемъ этюдѣ объ Эмилѣ Зола [1]) весьма убѣдительно доказалъ, что пресловутый глава французской

---

[1]) См. его „Les contemporains etudes et portraits litteraires, première serie. Emile Zola". Paris 1886 г.

школы натуралистовъ вовсе не такой правдивый реалистъ въ романѣ, какъ онъ это самъ думаетъ, онъ отнюдь не всегда точно копируетъ то, что видитъ и наблюдаетъ. Другіе французскіе романисты, напр., Адьфонсъ Додэ, гораздо болѣе его приближаются къ требованіямъ реальной правды, проповѣдуемой въ теоретическихъ статьяхъ Зола, чѣмъ онъ самъ.

Авторъ „Набаба", говоритъ Жюль Леметръ, въ своихъ романахъ всегда исходитъ отъ наблюденій дѣйствительной жизни и на этихъ наблюденіяхъ строитъ свое произведеніе— это дѣйствительно настоящій реалистъ. Авторъ же „Assomoir", наоборотъ, приступаетъ къ своимъ романамъ не иначе, какъ съ какой-нибудь предвзятой идеей и, только усѣвшись на ней, начинаетъ свои наблюденія въ подтвержденіе развиваемой имъ теоріи. Онъ слишкомъ склоненъ къ широкимъ обобщеніямъ, чтобы довольствоваться изображеніемъ сценъ и лицъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, на что также указываетъ нѣмецкій критикъ послѣдняго романа Зола, извѣстный романистъ Поль Линдау [1]). Дѣйствительно, Зола передѣлываетъ въ романѣ свои житейскія наблюденія, пригоняя ихъ къ проводимой имъ, предвзятой идеѣ, оттого въ его романахъ обнаруживается не одна только реальная правда, но и значительная доля вымысла и сочинительства.

Центръ тяжести „Bête Humaine", т. е. „человѣка-звѣря" или, точнѣе, звѣря въ человѣкѣ, это физіологія типа преступниковъ, которыхъ выставлено въ этомъ романѣ четыре: двое мужчинъ (Рубо и Лантье) и двѣ женщины (Северина и Флора).

Одинъ русскій критикъ, 60 годовъ, ярый приверженецъ отрицательной школы въ искусствѣ и послѣдователь извѣстнаго трактата Н. Г. Чернышевскаго „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", именно Д. И. Писаревъ, въ своей, надѣлавшей въ свое время не мало шума, статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора", сурово обличалъ безсодержательность острословія нашего извѣстнаго сатирика Щедрина-Салтыкова. Онъ рекомендовалъ ему оставить праздную область вымысла и посвятить свой литературный талантъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній по части естествознанія. Этотъ совѣтъ, обращенный нашимъ радикальнымъ критикомъ къ современнымъ ему беллетристамъ, даже тогда показался нѣсколько дикимъ, но ему, повидимому,

---

[1]) См. его статью „Ueber Mord in der Dichtung und in Warheit gelegentlich des Romans «la Bête Humaine». „Nord und Süd" за іюнь 1890 г.

послѣдовалъ Зола въ своемъ романѣ. „Bête Humaine“ представляетъ ничто иное, какъ вульгаризацію ходячихъ гипотезъ новѣйшей и наиболѣе модной изъ позитивныхъ наукъ—именно уголовной антропологіи. Эта наука, говоритъ Герикуръ, еще только создается, и потому нельзя не поставить въ упрекъ Зола его попытку вульгаризировать посредствомъ романа изслѣдованія въ этой области знанія, изслѣдованія, которыя носятъ на себѣ всѣ признаки предварительнаго исканія пути ощупью (on peut reprocher à m-er Zola d'avoir voulu vulgariser par le roman des recherches, qui se debattent encore dans les tatonement du debut).

Какъ бы то ни было, центръ тяжести и ключъ къ разъясненію и оцѣнкѣ послѣдняго романа изъ серіи Ругонъ-Маккары, Зола, или естественно-историческихъ и соціальныхъ романовъ этого автора, посвященныхъ физіологіи французской семьи при второй имперіи, т. е., „Bête Humaine“, надо искать, въ уголовной антропологіи. Къ ней мы и обратимся.

Связь уголовнаго права съ психологіей и физіологіей преступника вопросъ не новый. Онъ издавна занималъ умы, на немъ останавливались философы древности; такъ, указаніе на него мы встрѣчаемъ еще у Платона и Аристотеля. Эта задача занимала и одного изъ родоначальниковъ новой европейской философіи, Спинозу, о чемъ свидѣтельствуетъ его „Этика“. Съ развитіемъ тюрьмовѣдѣнія, благодаря многочисленнымъ трудамъ тюремныхъ врачей (напр. англійскаго медика Томсона, Валентини въ Пруссіи и др.) образовалась систематизація наблюденій надъ физическими и психическими особенностями содержимыхъ въ тюрьмахъ преступниковъ. Марсельскій врачъ Просперъ Дэпинъ (Despine), въ 1868 году, издалъ обширное изслѣдованіе Psychologie Naturelle [1]), въ которомъ онъ, на основаніи массы уголовныхъ дѣлъ, напечатанныхъ, начиная съ 1825 года въ „*Gazette des Tribunaux*“, пытался научно установить психическія особенности преступниковъ [2]).

---

[1]) Подробное заглавіе этого трехтомнаго трактата слѣдующее: „Psychologie Naturelle. Etude sur les facultés intellectuelles et morales, dans leurs etat normal et dans leurs manifestations anomales, chez les alienés et les criminels“.

[2]) Въ 1825 г. во Франціи началось, въ вышеуказанной оффиціальной газетѣ, систематическое печатаніе наиболѣе выдающихся уголовныхъ процессовъ, и установилось веденіе образцовой угол. статистики—Comptes generaux de l' administration de la Justice Criminelle.

Англійскіе юристы и тюремные врачи гораздо ранѣе Дэпина ввели въ употребленіе даже спеціальный терминъ для обозначенія особаго класса преступниковъ (criminal class), который во всѣхъ старыхъ государствахъ Европы, а также въ большихъ городахъ Америки, складывается наслѣдственно и составляетъ какъ бы чуму современнаго общества Запада. „Вырожденіе физическаго типа указываетъ на паденіе характера и придаетъ замѣтныя черты фамильнаго сходства почти всѣмъ преступникамъ. Наслѣдственность пороковъ—фактъ, признаваемый всѣми выдающимися мыслителями", говоритъ извѣстный тюремный медикъ Томсонъ, много лѣтъ изучавшій характеры преступниковъ, въ состоявшей подъ его наблюденіемъ Общей Шотландской Тюрьмѣ [1]).

Въ началѣ нашего вѣка (въ 1810 году) извѣстный Галль создалъ краніологію, придерживаясь классификаціи инстинктивныхъ наклонностей человѣка, выработанной шотландскими философами второй половины XVIII вѣка—онъ занимствовалъ описаніе ихъ главнымъ образомъ у Гутчисона. Френологія Галля получила дальнѣйшее развитіе и была дополнена и обработана Шпурцгеймомъ. Она нашла не мало усердныхъ послѣдователей, желавшихъ по формѣ и строенію черепа опредѣлять характеръ людей вообще, и преступниковъ въ частности. Шаткость основныхъ положеній френологіи и произвольность ея пріемовъ изслѣдованія открыли широкое поле для шарлатановъ, обратившихъ френологію въ искусство распознанія характеровъ и эксплоатацію довѣрчивой и падкой на такіе фокусы публики. Она стала достояніемъ всякаго рода авантюристовъ и потеряла кредитъ въ глазахъ людей науки, оставивъ впрочемъ кое-какое наслѣдство психологамъ, посвятившимъ себя изученію характера преступниковъ.

Господствующая школа криминалистовъ продолжала твердо держаться основнаго начала уголовнаго права — ученія о свободной волѣ, давая тонъ, направленіе и точку опоры всѣмъ уголовнымъ кодексамъ Европы. Она успѣшно боролась до послѣдняго времени со всѣми попытками подкопаться подъ ея основу, со стороны противниковъ этого ученія, выставлявшихъ противъ него довольно легковѣсные аргументы своей критики. Но занимаясь почти исключительно философскимъ

---

[1]) The Journal of Mental Science, за 1870 г.

оправданіемъ факта уголовнаго наказанія, анализомъ состава дѣйствій, признаваемыхъ преступными, и измѣреніемъ наказаній за нихъ,—криминалисты нѣсколько произвольно выдавали такія свои изслѣдованія за науку уголовнаго права. Эта наука въ ихъ трактатахъ являлась, лишенной органической связи, смѣсью практическихъ комментаріевъ къ дѣйствующимъ кодексамъ, съ обрывками философскихъ ученій господствующей тогда въ Германіи школы Гегеля. Посвящая все свое вниманіе и силы діалектическимъ тонкостямъ и абстрактнымъ логическимъ построеніямъ, они такъ погрузились въ эту работу, „что только пузыри пускали", по отзыву одного нашего молодаго юриста, посланнаго, въ началѣ 60 годовъ, въ германскіе университеты для изученія нѣмецкой криминалистики. Въ Англіи и Франціи,—итальянцы всецѣло отдавшіеся національному движенію и политикѣ, тогда мало работали въ научной области—криминалисты занимались практической разработкой дѣйствующаго права, а философскія ихъ изслѣдованія въ области уголовнаго права долгое время исключительно были обращены на изученіе соціальныхъ причинъ преступности, т. е. раскрытіе вліянія условій общественной жизни на преступленія.

Изученіе характера преступника, его физическихъ и психическихъ особенностей пренебрегалось криминалистами, къ немалому для нихъ ущербу. Такою ихъ оплошностью воспользовались позитивисты, то-есть послѣдователи философской школы Огюста Конта и Литре, какъ извѣстно, претендующіе перестроить всю область человѣческаго знанія на новыхъ, болѣе точныхъ началахъ научнаго наблюденія и положительнаго знанія естественныхъ законовъ, управляющихъ жизнью человѣка и природы. Захвативъ заброшенную ортодоксальными криминалистами капитальную область изученія характера преступника, его физическихъ и психическихъ особенностей, и водворившись въ ней, позитивисты, съ такой сильной позиціи, повели энергическую атаку противъ господствующей системы уголовнаго права. Они стремились подорвать и опрокинуть основные принципы криминалистовъ и ихъ науки—ученіе о правомѣрномъ вмѣненіи дѣяній и о свободной волѣ человѣка и предлагали замѣнить существующее уголовное право уголовной антропологіей. Антропологія—слово и понятіе весьма старыя, но уголовная антропологія—наука совсѣмъ новая, народившаяся на свѣтъ, можно сказать, въ самое послѣднее время, какъ плодъ и

прямое послѣдствіе философской системы и классификаціи наукъ Конта.

Эта наука еще только образуется: ни предѣлы ея, ни метода пока еще не установились, она переживаетъ еще процессъ формаціи, бродитъ ощупью въ полупотемкахъ, обнаруживая великую склонность къ самымъ рискованнымъ и не выдерживающимъ серьезной научной критики гипотезамъ и парадоксамъ, чему живымъ примѣромъ и наглядным доказательствомъ можетъ служить теорія атавизма [1]), не безъ нѣкоторой дозы шарлатанства, проповѣдуемая стяжавшимъ довольно громкую извѣстность, проф. Туринскаго университета, Цезаремъ Ламброзо, теоріи котораго вызвали полновѣсную и безпощадную критику и понесли рѣшительное пораженіе, на послѣднемъ конгрессѣ антропологовъ, въ Парижѣ, въ прошломъ году. Одинъ изъ молодыхъ, но весьма авторитетныхъ французскихъ ученыхъ позитивной школы, сотрудникъ „Revue Scientifique“ и „Философскаго Обозрѣнія“ Рибо, г. Тардъ, въ своей замѣчательной книгѣ, изданной въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ, подъ заглавіемъ „La Philosophie Penale“,—имѣлъ полное основаніе сказать: le resultat le plus net du dernier Congrés d'antropologie criminelle a été de reduire le type criminel à l' etat de fantôme (наиболѣе очевидный и ясный результатъ работъ послѣдняго конгресса уголовныхъ антропологовъ — это признаніе преступнаго типа призракомъ). Скороспѣлая теорія Ламброзо отвергается не только криминалистами, но и антропологами; самъ Ламброзо въ своей послѣдней книгѣ [2]) сознается, что наиболѣе ожесточенными противниками его ученія являются извѣстный французскій антропологъ Топинаръ и авторитетный врачъ психіатръ Маньянъ (Magnan). Въ Германіи люди науки [3])

---

[1]) «*Атавизмъ*» — терминъ довольно трудный для перевода на русскій языкъ; его можно перевесть словомъ «предковщина», которое хотя у насъ и не употребляется, но вполнѣ точно передаетъ содержаніе понятія, выражаемаго этимъ словомъ. Другое, обыкновенно употребляемое въ нашей печати, слово „*переживаніе*“ имѣетъ болѣе тѣсное значеніе, выражая понятіе возврата къ типу *первобытныхъ предковъ*. Впрочемъ Зола, въ своемъ романѣ, понимаетъ *атавизмъ* именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Русская терминологія, по части антропологіи, еще не установилась, наши писатели, трактующіе этотъ предметъ, постоянно прибѣгаютъ къ иноземнымъ терминамъ.

[2]) L'Anthropologie Criminelle etc. par Cesare Lambroso, Paris, 1890.

[3]) Напр. извѣстный нѣмецкій криминалистъ Листъ въ своемъ Zeitschr. für Strafrecht за 1889 г.

также отнеслись весьма критически къ смѣлымъ и весьма слабо обоснованнымъ теоріямъ бойкаго туринскаго профессора, изъ итальянскихъ семитовъ (Ламброзо по происхожденію еврей).

Ламброзо воспользовался довольно богатымъ запасомъ наблюденій тюремныхъ врачей надъ особенностями характера преступниковъ и нѣкоторыми цѣнными и серьезными работами предшественниковъ нынѣшнихъ антропологовъ (напр. Томсона, доктора Мореля и др.), констатировавшихъ черты и признаки наслѣдственной передачи извѣстныхъ свойствъ отъ предковъ къ потомкамъ. На основаніи этихъ фактическихъ данныхъ и статистическихъ цифръ, какъ извѣстно, весьма послушныхъ орудій, всегда готовыхъ служить любой теоріи—Ламброзо сочинилъ свою пресловутую доктрину, въ силу которой преступникъ является чудовищнымъ плодомъ закона „атавизма“. Ученіе антропологовъ-позитивистовъ вообще, и наиболѣе парадоксальнаго изъ нихъ Ламброзо, произвело значительный переполохъ среди криминалистовъ, смущенныхъ новыми пріемами направленной противъ нихъ критики и къ тому же и малознакомыхъ съ фактическимъ матеріаломъ наблюденій надъ характеромъ преступниковъ.

Молодые, склонные къ увлеченію всякой новизной умы и между ними криминалисты по профессіи, и притомъ люди съ талантомъ, временно и случайно выступили въ качествѣ какъ бы союзниковъ ученія, опрокидывавшаго самыя основы ихъ науки. Одинъ изъ такихъ криминалистовъ, и притомъ профессоръ по кафедрѣ уголовнаго права въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, писалъ: „читая капитальныя изслѣдованія новѣйшихъ психіатровъ и наблюденія тюремныхъ врачей надъ преступниками, невольно думаешь, что *свѣтъ для уголовнаго законодательства блеснетъ не изъ кабинета юриста, а изъ клиники психіатра.*“

На бывшемъ минувшимъ лѣтомъ тюремномъ конгрессѣ, въ Петербургѣ, наши криминалисты уже нѣсколько иначе отнеслись къ теоріямъ этихъ новаторовъ, въ области уголовнаго права,[1]) но еще недавно дѣло обстояло не такъ, а бойкіе журналь-

---

[1]) Петербургское Юридическое Общество, въ засѣданіи 14 апрѣля, сего года, также отнеслось критически къ докладу г. Сліозберга, одного изъ послѣдователей системы, долженствующей, по мнѣнію ея адептовъ, замѣнить нынѣшнюю „классическую“, по выраженію

ные публицисты, съ великимъ усердіемъ проповѣдывавшіе новое, послѣднее слово позитивной науки, открыто глумились надъ устарѣвшей, по ихъ мнѣнію, теоріей правомѣрнаго вмѣненія и отвѣтственности за содѣянное, весьма развязно завѣряя, что уголовное право отнюдь не наука, потому что въ основѣ ея лежитъ какой-то „*каламбуръ*“ т. е. ученіе о свободной волѣ.

Въ ожиданіи этого новаго свѣта, о которомъ возвѣщалось даже съ кафедръ, въ области уголовнаго права водворилась нѣкоторая смута, чтобы не сказать анархія. Послѣдователи позитивизма, претендовавшіе замѣнить старое уголовное право ими изобрѣтенной новой наукой—уголовной антропологіей, на первыхъ порахъ забыли даже согласовать свои доктрины съ условіями и требованіями общественной жизни, силясь поколебать и даже совсѣмъ отвергая начала уголовной отвѣтственности, основанныя на ученіи о свободной волѣ. Они, имѣя въ своемъ распоряженіи довольно ограниченный багажъ достовѣрно и научно установленныхъ фактовъ и наблюденій, высказали слишкомъ много смѣлыхъ и рискованныхъ гипотезъ и чрезмѣрныхъ претензій.

Преждевременно торжествуя побѣду надъ существующими взглядами на преступленіе и наказаніе, эти новаторы уже раздѣлились на толки. Въ настоящее время довольно рѣзко обозначились между ними три школы. Первая изъ нихъ, наиболѣе громко рекламирующая свое ученіе, есть школа вышеуказаннаго Ламброзо, который утверждаетъ, что преступникъ есть уродливое порожденіе закона атавизма, т. е. возврата и переживанія современнымъ индивидомъ дикихъ и антиобщественныхъ наклонностей первобытнаго, пещернаго, звѣроподобнаго предка. Изученіе характера преступника, утверждаетъ эта школа (Ламброзо, Энрико Ферри, Гарофало и др.), приводитъ къ заключенію, что уголовная юстиція имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ—антропологическія свойства преступника, организація его мозга, его нравъ и наклонности приближаютъ его къ дикарю или звѣрю. Какъ физическіе, такъ и психическіе признаки, характеризующіе преступника, свидѣ-

---

докладчика, доктрину уголовнаго права. Референту доказали, что онъ выступилъ съ своей *отходной* классическому направленію въ уголовномъ правѣ *нѣсколько преждевременно*. См. Журналъ „*Юридическая Лѣтопись*“, за май мѣсяцъ текущаго года, стр. 446—461, въ Отдѣлѣ Хроники.

тельствуютъ о паденіи въ немъ общечеловѣческаго типа, созданнаго цивилизаціей; такія уклоненія обнаруживаютъ въ немъ разительное сходство съ типомъ первобытнаго человѣка. Его дѣянія въ большинствѣ случаевъ—проявленіе закона атавизма, въ немъ подъ оболочкой современнаго человѣка скрывается вчерашній дикарь или дикое животное, т. е. существо очевидно невмѣняемое и не подлежащее, въ качествѣ таковаго, правомѣрному взысканію; общество и государство, въ интересѣ безопасности, можетъ избавляться отъ него, уничтожая его, какъ бѣшеное животное. Такимъ образомъ, преступникъ—это капризъ природы, нравственный уродъ, порожденный случайностью рожденія, отпрыскъ первобытнаго дикаря, отмѣченный ясными и очевидными внѣшними признаками: формою скелета, строеніемъ черепа, чертами физіогноміи и т. д.

Къ сожалѣнію, эти внѣшніе признаки преступника весьма шатки, и самый типъ неисправимаго преступника рѣшительно отвергнутъ не только криминалистами, но и врачами-антропологами, на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Парижѣ.

Теорія Ламброзо и произведенная ею сенсація среди представителей науки въ западной Европѣ вызвали изъ забвенія полузабытое ученіе доктора Мореля, который объяснялъ многія изъ явленій, приписываемыхъ Ламброзо—закону атавизма, вырожденіемъ. Наблюденія надъ наслѣдственной передачей болѣзненныхъ разстройствъ организма привели этого врача-психіатра къ заключенію, что цѣлый рядъ ненормальныхъ проявленій въ характерѣ душевно больныхъ и страдающихъ нервнымъ разстройствомъ (nevropathes), а также и преступниковъ, есть ничто иное, какъ послѣдствіе *наслѣдственнаго вырожденія*. Человѣкъ, страдающій тяжкимъ внутреннимъ недугомъ или отравившій свои жизненные соки пьянствомъ (алкоголизмъ), производитъ поколѣніе людей болѣе или менѣе искалѣченныхъ физически и нравственно. Потомство, происходящее отъ такого родоначальника, должно носить въ себѣ зародыши послѣдовательно развивающагося органическаго вырожденія. По толкованію новѣйшихъ послѣдователей доктрины Мореля, его учениковъ, преступникъ представляетъ собой лишь особый видъ или своеобразное проявленіе такого вырожденія, его наиболѣе тяжкій видъ (le criminel est une varieté speciale de degeneré, un cas grave de degeneressence). Такая наслѣдственная передача пороковъ и органическихъ недостатковъ и притомъ, по ученію названной

школы, прямая и непосредственная, отъ ближайшихъ восходящихъ родственниковъ, связь съ которыми не трудно прослѣдить, представляется, въ извѣстной степени, вѣроятною. Это, такъ сказать, язвы отцовъ, догнивающія на дѣтяхъ, искупающихъ на себѣ ихъ грѣхи и болѣзни; органическое разстройство, передаваемое однимъ поколѣніемъ другому, причемъ послѣдователи Мореля устанавливаютъ болѣе точные и ясные признаки такого наслѣдственнаго вырожденія, чѣмъ школа Ламброзо. Извращеніе человѣческой природы въ преступникѣ ставится въ зависимость отъ причинъ, которыя можно прослѣдить и констатировать, а не отъ какого-то загадочнаго каприза природы, которая вдругъ, вслѣдствіе какой-то роковой случайности, возрождаетъ въ мирномъ гражданинѣ современнаго общества свирѣпаго и кровожаднаго дикаря, съ звѣроподобными инстинктами.

Доктрина Мореля и его послѣдователей—хотя конечно съ извѣстными и существенными ограниченіями и изъятіями—что въ настоящемъ положеніи уголовной антропологіи всякіе рѣшительные выводы и заключенія преждевременны, представляется наиболѣе вѣроятной гипотезой—во всякомъ случаѣ она научнѣе обоснована, чѣмъ крайне смѣлыя теоріи атавистовъ. Она нѣсколько односторонняя и захватываетъ лишь одну сторону или порядокъ причинъ, вліяющихъ на образованіе преступника, условія общественной жизни и собственное *я* человѣка ею игнорируются, а это конечно факторы весьма существенные для характеристики и правильнаго пониманія преступленія и преступника.

Односторонность двухъ вышеуказанныхъ школъ уголовной антропологіи сознается и наиболѣе серьезными изъ позитивистовъ, по крайней мѣрѣ тѣми изъ нихъ, которые получили юридическое образованіе и болѣе знакомы съ условіями и требованіями уголовной юстиціи и причинами, вліяющими на развитіе преступленій въ современномъ обществѣ. G. Tarde, авторъ многихъ интересныхъ работъ въ области антропологической психологіи и между прочимъ весьма любопытнаго изслѣдованія „*О законахъ подражательности*“ (Les lois de l'Imitation), издалъ въ нынѣшнемъ году весьма солидную книгу „La Philosophie Penale“, въ которой съ большой эрудиціей и силой аргументаціи обнаружилъ крайнюю несостоятельность доктрины Ламброзо и кромѣ того недостаточность методовъ изслѣдованія, усвоенныхъ уголовной антропологіей, ибо преступленіе

есть прежде всего *фактъ соціальный*, чего не хотятъ знать антропологи-натуралисты, занимающіеся исключительно измѣреніемъ череповъ убійцъ, вслѣдствіе чего уголовная антропологія отнюдь не можетъ замѣнить существующее уголовное право. Тардъ возлагаетъ эту задачу на „уголовную соціологію“, которая должна выработать свои самостоятельные методы изслѣдованія, отнюдь не придерживаясь метода естественной исторіи, зоологіи, физіологіи или патологіи человѣка, какъ слишкомъ грубыхъ и очевидно недостаточныхъ для разъясненія характера и свойствъ преступленія и преступника. Даже принимая извѣстный тезисъ уголовной антропологіи, что преступленіе есть плодъ вырожденія или болѣзни, не надо забывать, что причина таковой не заключается исключительно въ мозгу человѣка и не можетъ быть взвѣшена на вѣсахъ натуралиста и измѣрена имъ, какъ какое-нибудь матеріальное вещество.

Г. Тардъ, судебный слѣдователь въ департаментѣ Дордоны, постоянный и авторитетный сотрудникъ „Revue Scientifique“ и философскаго журнала Рибо, сильный умъ, вооруженный обширной эрудиціей, хотя, къ сожалѣнію, ослѣпленный ученіемъ позитивизма. Это образованный и умный юристъ, упорный послѣдователь позитивной школы Конта въ философіи, вслѣдствіе чего онъ „*детерминистъ*“, т. е. мыслитель, отвергающій свободную волю человѣка въ ея настоящемъ, общепризнанномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, сознавая необходимость установленія начала отвѣтственности за содѣянное, какъ неизбѣжное условіе существованія благоустроеннаго общества и государства, Тардъ въ своей уголовной философіи (Philosophie Penale) старается построить новую теорію отвѣтственности, на началахъ научнаго изученія характера человѣка и законовъ соціологіи. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ самъ говоритъ, что „одна изъ задачъ, которыя онъ преслѣдуетъ въ своемъ трудѣ, заключается въ попыткѣ согласить ученіе детерменизма съ началами нравственной отвѣтственности за дѣяніе, совѣсть съ наукой, между которыми спорный вопросъ о свободѣ воли создалъ, повидимому, непроходимую бездну“.

Такимъ образомъ, Тардъ и нѣкоторые примыкающіе къ его воззрѣніямъ ученые другихъ странъ Европы, которые не хотятъ игнорировать того несомнѣннаго обстоятельства, что преступленіе есть, во всякомъ случаѣ, фактъ и плодъ соціальной жизни, а не дѣло слѣпаго случая или игры природы,

образовали третью школу, которую всего правильнѣе назвать школою уголовной соціологіи. Эта школа по крайней мѣрѣ понимаетъ значеніе начала нравственной отвѣтственности, какъ необходимое, требуемое нашимъ разумомъ, основаніе для уголовной юстиціи, которая безъ него теряетъ характеръ правосудія, обращаясь въ орудіе грубаго насилія и мести. Атависты, правда, вооружаютъ государство весьма широкой карательной властью относительно преступниковъ, но лишь во имя его безопасности и общественной пользы; они рекомендуютъ самую грубую и безпощадную расправу съ преступниками и вообще субъектами, представляющими явные признаки физической и нравственной уродливости, свидѣтельствующіе о склонности къ преступленію, совѣтуя уничтожить ихъ прямо, какъ бѣшеныхъ собакъ и опасныхъ для обществъ дикихъ звѣрей. Основанная исключительно на такомъ принципѣ уголовная репрессія оскорбляетъ врожденное въ насъ чувство справедливости и нашу человѣческую совѣсть, открывая къ тому же самое широкое поприще величайшему произволу власти, уполномоченной такимъ правомъ истребленія вредныхъ членовъ общества.

Всѣ вышеуказанныя школы уголовной антропологіи или новѣйшей криминологіи грѣшатъ вообще тѣмъ, что обстоятельствамъ или причинамъ, предрасполагающимъ человѣка къ преступленію, придаютъ безусловно рѣшающее значеніе, забывая, что человѣкъ въ отличіе отъ животнаго видитъ, сознаетъ и оцѣниваетъ свои поступки и *обладаетъ способностью выбора*.

Изъ представленнаго нами очерка, правда, весьма сжатаго и бѣглаго, кажется, достаточно ясно, какое научное значеніе имѣетъ доктрина атавизма, проповѣдуемая не безъ нѣкоторой дозы шарлатанства туринскимъ антропологомъ - криминалистомъ. Даже уголовная статистика, столь гибкое орудіе, послушное всякимъ теоріямъ, протестуетъ противъ его скороспѣлыхъ выводовъ.

Обстоятельное изслѣдованіе развитія преступности во Франціи, недавно изданное въ свѣтъ нѣмецкимъ соціалистомъ Полемъ Лафаргомъ, констатируетъ, что увеличеніе числа преступленій находится въ прямой и наглядной зависимости отъ финансовыхъ и экономическихъ кризисовъ, отъ

возвышенія цѣнъ на жизненные припасы. Это свое заключеніе Лафаргъ подтверждаетъ рядомъ таблицъ, наглядно свидѣтельствующихъ, что ростъ преступленій идетъ параллельно двумъ вышеуказаннымъ причинамъ—сокращенію работъ на фабрикахъ и возвышенію цѣнъ на хлѣбъ—они всегда увеличиваютъ цифру преступленій. Какъ согласить это явленіе въ области преступности съ ученіемъ „*атавистовъ*“? Даже уголовная статистика вопіетъ противъ неправды и софизмовъ этой теоріи.

Эмиль Зола, какъ самоучка, т. е. человѣкъ въ высшей степени склонный вѣрить во всякія самоновѣйшія теоріи, рабольпно подчиняясь ихъ мнимо научному авторитету, прилѣпился avec la foi d'un charbonnier, какъ говорятъ французы, къ доктринѣ Ламброзо и изобразилъ главнаго героя своего послѣдняго романа, машиниста Жака Лантье, по рецепту атавистовъ, доведя до послѣдней степени абсурда парадоксы этой школы о прирожденномъ преступникѣ.

Но для оцѣнки этого глубоко фальшиваго и выдуманнаго Эмилемъ Зола, по книжкамъ Ламброзо, типа убійцы, необходимо познакомиться съ содержаніемъ романа „La Bête Humaine“.

II.

Дѣйствіе романа Зола „La Bête Humaine“ происходитъ на желѣзной дорогѣ, идущей изъ Нормандіи въ Парижъ. Въ Гаврѣ, на одной изъ станцій этой послѣдней, проживаютъ супруги Рубо—мужъ помощникъ начальника станціи и его жена Северина, воспитанница и крестница отставнаго президента апелляціоннаго суда въ Руанѣ и члена правленія этой желѣзной дороги, туза и милліонера Грандморена. На той же станціи служитъ машинистомъ перваго класса, Жакъ Лантье, а Флора, дочь жены дорожнаго сторожа Мизара, отъ перваго ея брака, живетъ тутъ же, по сосѣдству, въ сторожевомъ домикѣ, при выходѣ линіи изъ туннеля, около ближайшей къ Гавру станціи, Барантэна. Эти четыре лица представляютъ разновидности типа убійцы, изображенію котораго посвященъ послѣдній романъ Зола. Пятый убійца въ романѣ, вышеуказанный сторожъ Мизаръ, отравитель своей жены, тетки Фази, ради присвоенія ея приданаго, 1000 франковъ, которые она ему не даетъ и упорно

отъ него прячетъ, зарывъ деньги въ землю—фигурируетъ лишь на второмъ планѣ. Слабосильный, молчаливый, съ безцвѣтной, худой физіогноміей, жидкими волосами, и бородой, онъ кажется незлобивымъ и смирнымъ существомъ, неспособнымъ извести даже кролика, а между тѣмъ онъ, какъ червь, точитъ полную жизни, высокую, красивую и статную жену—вдову Фази, прибѣгая съ этой цѣлью къ яду для крысъ, который онъ ей постоянно подсыпаетъ—она это подозрѣваетъ, не ѣстъ ничего изъ рукъ мужа, жалуется своему воспитаннику и крестнику Лантье, что Мизаръ, вѣроятно, даетъ ей какую-нибудь вредную гадость (quelque saleté). „Moi qui était si forte qui l'aurait mangé et c'est lui, ce bout d'homme, ce rien du tout, qui me mange", говоритъ она, но искать отъ него обороны у властей не желаетъ и умираетъ, торжествуя, по-своему, надъ мужемъ-отравителемъ — она такъ хорошо припрятала свои деньги, что мужу не найти ихъ послѣ ея смерти, какъ и при жизни. Его преступленіе осталось безцѣльнымъ: отравивъ жену, онъ не получилъ желаемаго имъ капитала. Въ виду еще неуспѣвшаго остыть трупа жены, онъ съ бѣшенымъ нетерпѣніемъ роется въ ея вещахъ, шаритъ вездѣ и всюду, отворачиваясь отъ закостенѣвшихъ, неподвижныхъ глазъ покойницы, которая какъ будто пристально смотритъ на его отчаянные поиски, словно издѣваясь надъ нимъ своимъ искривленнымъ предсмертными судорогами ртомъ. Мизаръ очерченъ авторомъ немногими, рѣзкими и крупными штрихами и хотя это лишь второстепенное лицо, но едва ли не самое удачное изображеніе типа убійцы въ цѣломъ романѣ. Онъ написанъ съ натуры безъ теоретическихъ мудрствованій, не по протоколамъ уголовныхъ процессовъ и книжкамъ парадоксальныхъ антропологовъ, а взятъ прямо изъ жизни.

Главные герои романа, центральныя фигуры его, это супруги Рубо, Флора и Жакъ Лантье, послѣдній по преимуществу. Изображая Лантье—убійцу-атависта, Зола, очевидно, думалъ и желалъ сказать что-то новое и глубокое, ему посвящено болѣе половины страницъ романа, они отдѣланы авторомъ съ великимъ тщаніемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, хотя въ результатѣ получилось нѣчто крайне искусственное, дѣланное, какой-то манекенъ прирожденнаго преступника (criminel né), сфабрикованнаго по рецепту пресловутыхъ теорій Ламброзо.

Въ началѣ романа супруги Рубо, пріѣхавъ по своимъ дѣ-

ламъ и за покупками въ Парижъ, весело и съ аппетитомъ завтракаютъ, оставшись вдвоемъ, наединѣ, въ квартирѣ одной изъ служащихъ на той же дорогѣ, кормилицы Северины. Хозяйка квартиры проводитъ весь день на службѣ и отдала имъ ключъ. Рубо принесъ завтракъ съ бутылкой бѣлаго вина, Северина только-что пришла изъ моднаго магазина „*Bon Marché*“, съ пріятно возбужденными, покупками и прогулкой по бульварамъ Парижа, нервами—она бойко, вмѣстѣ съ мужемъ осушаетъ бутылку вина, хотя дома пьетъ только воду. Рубо—отставной сержантъ, оставившій военную службу съ нашивками за безупречную службу.—Дѣйствительно, онъ достигъ 40-лѣтняго возраста, ничѣмъ не замаравъ своей репутаціи, хотя темпераментомъ онъ сангвиникъ, способный къ дикимъ и необузданнымъ порывамъ страсти, сдерживаемымъ привычкой къ дисциплинѣ и разсчетомъ. Описывая наружность Рубо, авторъ изображаетъ его коренастымъ мужчиной, съ курчавыми, ярко рыжими волосами и золотистой, прямой бородой, съ круглыми, бойкими глазами, подъ густыми сростшимися на лбу бровями—лобъ у него узкій,—лобъ ревнивца,—замѣчаетъ Зола, плоскій, какъ и вся его физіогномія, сіявшая здоровьемъ и самодовольствомъ. Несмотря на свой сангвиническій и ревнивый темпераментъ, Рубо, съ свойственной ему самоувѣренностью, вполнѣ довѣрялъ женѣ, въ которую онъ страстно влюбленъ, послѣ трехлѣтняго брачнаго сожитія. Онъ весь поглощенъ своей женой и службой—послѣдней онъ занимается въ высшей степени прилежно, аккуратно и добросовѣстно, исполняя крайне рачительно всѣ свои служебныя обязанности—онъ считается однимъ изъ лучшихъ станціонныхъ помощниковъ всей дороги, хотя и заподозрѣнъ въ приверженности къ республиканскому образу мыслей и сочувствіи къ оппозиціи (романъ относится къ послѣднимъ временамъ Имперіи, т. е. концу 60 годовъ). У него, не за долго передъ тѣмъ, вышло столкновеніе съ мѣстнымъ субъ-префектомъ, изъза собаки, которую послѣдній хотѣлъ взять съ собой въ вагонъ перваго класса, чему Рубо воспротивился, ссылаясь на желѣзнодорожныя правила. Изъ-за этой собаки вышло столкновеніе и довольно горячее объясненіе, при чемъ у расходившагося помощника начальника станціи сорвалась неосторожная фраза „Vous ne serez pas toujours les maîtres“ (не всегда же быть вамъ господами). О такой выходкѣ Рубо было доведено до свѣдѣнія его начальства, и ему можетъ быть пришлось бы плохо, еслибы не заступничество вліятельнаго въ высшихъ сферахъ

Грандморена, къ которому писала Северина, прося его покровительства мужу. Одною изъ причинъ пріѣзда четы Рубо въ Парижъ былъ благодарственный визитъ Грандморену, вмѣшательствомъ котораго дѣло это уладилось къ ихъ удовольствію— Рубо сохранилъ свое мѣсто, котораго ему предстояло лишиться, судя по слухамъ, доходившимъ изъ Парижа до служащихъ на Гаврской станціи. Въ это время Имперія, въ виду поднимавшей голову оппозиціи, относилась крайне подозрительно ко всякимъ проявленіямъ неблагонамѣренности среди административнаго персонала. Супруги Рубо были утромъ и благодарили покровительствующаго имъ сановника, и теперь переливая изъ пустаго въ порожнее, въ послѣобѣденной интимной бесѣдѣ, вспомнили и объ немъ. Склонный къ оппозиціоннымъ идеямъ, Рубо негодуетъ на отсутствіе справедливости во Франціи.—„Подумай, говоритъ онъ женѣ, стоитъ ли у насъ быть хорошимъ служакой (bon employer), я на хорошемъ счету, за мою усердную службу и примѣрное поведеніе, тѣмъ не менѣе однако, еслибы ты не была моя жена, и еслибы Грандморенъ не заступился за меня, вслѣдствіе дружескаго расположенія къ тебѣ, мнѣ бы пришлось плохо и меня, примѣрнаго помощника начальника станціи, послали бы въ наказаніе изъ-за этого „*petit crevet de sousprefet*“ куда-нибудь въ глушь на маленькую и мизерную станцію“.—„Да, отвѣчаетъ ему задумавшись жена, онъ человѣкъ вліятельный, у него длинныя руки“.

Затѣмъ, насытивъ аппетитъ, заканчивая свой завтракъ и допивая остатки вина, супруги продолжаютъ интимно бесѣдовать, а Рубо, нѣжничая съ женой, слегка ее упрекаетъ за то, что она не захотѣла воспользоваться приглашеніемъ Грандморена ѣхать съ нимъ въ его деревню, смежную со станціей Барантэнъ, и прогостить тамъ нѣсколько дней.—„Отчего ты этого не хотѣла? — спрашиваетъ мужъ — „онъ намъ человѣкъ нужный и вѣроятно не забудетъ тебя въ своемъ завѣщаніи?“—„Я не хотѣла тебя оставить одного“, отвѣчаетъ нѣсколько уклончиво жена которую этотъ разговоръ о сановникѣ тяготитъ, и она въ отношеніи его обнаруживаетъ какъ бы раздраженіе. Когда мужъ напомнилъ ей, что Грандморенъ имѣлъ намѣреніе подарить ей свою дачу съ домомъ, у самой станціи La Croix de Maufras, она начинаетъ нервничать и говоритъ, что дочь президента, женщина жадная на деньги, усердно работаетъ противъ этого предположенія и вѣроятно

разстроитъ его.—„Да такъ и лучше“,—заканчиваетъ Северина съ живостью—„ничего я отъ него не хочу, ничего, ничего“. Мужъ этимъ нѣсколько удивленъ и продолжаетъ разспрашивать ее о причинахъ овладѣвшаго вдругъ ею неудовольствія противъ сановника, при чемъ у него даже рождается предположеніе, что пожалуй она вовсе не дочь садовника Обри, долго служившаго въ помѣстьи Грандморена, какъ всѣ думаютъ, а дитя любви этого послѣдняго. Грандморенъ, несмотря на свое высокое служебное положеніе и суровый видъ, былъ великій Ловеласъ и ходокъ по части любовныхъ интригъ.

— „Что жъ, если это и такъ, самодовольно заключаетъ Рубо, я ничего противъ этого не имѣю“. Но это предположеніе приводитъ въ сильнѣйшее негодованіе Северину, она вскакиваетъ при этихъ словахъ съ пылающими щеками и сверкающимъ блескомъ своихъ испуганныхъ голубыхъ глазъ и кричитъ мужу: „я его дочь, я его дочь! Я не хочу слышать отъ тебя такія глупыя шутки. Слышишь ли, не хочу и не позволю. Да развѣ возможно, чтобы я была его дочь? Да развѣ я на него похожа?“

Рубо встревоженъ. Онъ никогда еще не видѣлъ свою жену въ такомъ нервномъ возбужденіи, хотя они сочетались бракомъ три года тому назадъ. Неужели на нее такъ подѣйствовало выпитое вино? Онъ старается успокоить нѣжно любимую супругу, цѣлуетъ и ласкаетъ ее и такъ этимъ увлекается, что Северина должна энергично умѣрять его восторги, не разъ повторяя:

— Non, non, laisse moi, nous ne sommes pas chez nous. Je t'en prie, pas dans cette chambre.

Северина гораздо моложе своего мужа. Она во всемъ блескѣ своихъ 25 лѣтъ, высокая, стройная и гибкая брюнетка, съ густыми, чрезвычайно роскошными волосами, красиво оттѣняемыми большими, нѣсколько загадочными, голубыми глазами и бѣлыми, какъ жемчугъ, изящными зубками. Ея нѣсколько длинное лицо, съ рѣзко очерченнымъ и слишкомъ выдающимся ртомъ, на первый разъ производило не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, но оно чаруетъ и привлекаетъ мужчинъ, при болѣе пристальномъ взглядѣ. Въ ней какая-то особая притягательная сила, и всѣ мужчины въ романѣ, начиная съ сановниковъ, въ родѣ Грандморена и его высокопоставленнаго пріятеля, интимнаго совѣтника Тюльери, Ками-Ламотта, и кончая дикимъ и простодушнымъ лѣснымъ сторожемъ, невинно обвиненнымъ въ совершенныхъ другими убійствахъ, силачемъ Кабюшемъ—испы-

тываютъ ея дѣйствіе и чувствуютъ къ ней какое-то неотразимое, физическое влеченіе.

Северина кроткаго и пассивнаго нрава, живетъ она, до того времени, ладно и согласно съ мужемъ, подчиняясь его страсти, но отнюдь не раздѣляя ея.

Такова картина семейной жизни супруговъ Рубо, которая, повидимому, не предвѣщаетъ ничего трагическаго и скорѣе смахиваетъ на идиллію. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на сценѣ этого семейнаго завтрака супруговъ Рубо, во-первыхъ потому, что она едва-ли не лучшая въ романѣ, а во-вторыхъ потому, что она служитъ узломъ завязки всего романа.

Въ ожиданіи отъѣзда экспреса, который отходитъ изъ Парижа въ Гавръ въ 6 ч. 40 м. вечера и до котораго осталось еще нѣсколько часовъ, супруги, наговорившись и наѣвшись досыта, наконецъ смолкаютъ. Рубо съ трубкою во рту, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, продолжаетъ нѣжничать съ Севериною, не выпуская изъ своихъ рукъ лѣвой руки жены съ кольцами—онъ играетъ однимъ изъ нихъ, золотой змѣйкой, съ рубиномъ, онъ это кольцо привыкъ постоянно видѣть, такъ какъ жена никогда не снимала его. Северина, замечтавшись, смотритъ въ открытое окно. Глядя на мужа, играющаго ея кольцомъ, у нея вдругъ безсознательно, какъ бы въ полуснѣ, сорвалась слѣдующая фраза: „это маленькое кольцо-змѣйку, онъ мнѣ подарилъ въ Croix de Maufras, когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ“. Рубо съ удивленіемъ поднялъ голову: „что ты говоришь, кто же тебѣ подарилъ это кольцо? Президентъ?“ Когда глаза мужа, при этомъ вопросѣ, остановились на ея глазахъ, пытливо въ нихъ вглядываясь, Северина точно проснулась и ее всю передернуло, холодъ пробѣжалъ по ея щекамъ. Она хотѣла отвѣтить, но молчала, не находя словъ, словно парализованная. Мужъ между тѣмъ продолжалъ спрашивать: „Но вѣдь ты мнѣ всегда говорила, что это кольцо подарокъ твоей покойной матери“. Въ это мгновеніе, она, овладѣвъ собой, могла еще все поправить, ей для этого достаточно было засмѣяться, объяснивъ все недоразумѣніе своею разсѣянностью. Но она растерялась и безсознательно съ непонятнымъ упорствомъ повторяла: „Никогда, мой голубчикъ (mon cherie), я тебѣ не говорила, что это кольцо мнѣ досталось отъ матери“.

Крайнее замѣшательство Северины и ея очевидная ложь, ею упрямо повторяемая—онъ отлично зналъ и помнилъ, что жена ему не разъ говорила, что это кольцо подарокъ ея по-

койной матери,—возбудили подозрѣніе Рубо. Ясно, что кольцо подарокъ Грандморена, но тутъ еще нѣтъ ничего дурнаго; онъ ей вообще дарилъ не мало вещей, но зачѣмъ она это скрывала и теперь еще упорно лжетъ, повторяя завѣдомо неправду?

Наконецъ, смотря на совсѣмъ потерявшуюся жену, онъ сталъ понимать, лицо его вдругъ побагровѣло и налилось кровью, такъ что жилы, казалось, готовы были лопнуть. Схвативъ жену за руки и, притянувъ ее ближе къ себѣ, чтобы лучше слѣдить за выраженіемъ ея испуганныхъ глазъ, Рубо съ страшными угрозами, а потомъ и побоями, сталъ допрашивать Северину. Онъ, въ теченіе трехъ лѣтъ не разу не давшій ей щелчка, теперь, поваливъ ее на постель, жестоко билъ куда ни попало своими здоровенными кулаками—а руки у него были сильныя, мускулистыя, привыкшія передвигать вагоны.

Этой сценѣ побоевъ жены въ романѣ Зола посвящено нѣсколько страницъ. Избитая и запуганная возрастающей яростью мужа, который наконецъ бросилъ ее на полъ и бьетъ и топчетъ ногами, Северина наконецъ созналась въ томъ, что была въ связи съ Грандморономъ до брака, что тотъ изнасиловалъ ее 16 лѣтъ, въ той самой дачѣ Croix de Maufras, которую обѣщаетъ ей подарить.

Бѣшенство и ярость Рубо смѣнились отчаяніемъ, онъ горько упрекаетъ жену, осыпая ея ругательствами, зачѣмъ она его обманывала и вышла за него замужъ.—„Что мнѣ теперь дѣлать?“ восклицаетъ онъ и мечется, какъ бѣшеный звѣрь, изъ конца въ конецъ запертой имъ на ключъ комнаты. Убить жену? онъ чувствуетъ, что если не сдѣлалъ это въ первыя минуты, то тѣмъ менѣе въ состояніи убить ее потомъ—она поэтому останется жить. Но ярость и бѣшеная злоба не могли въ немъ улечься: только-что онѣ начинали какъ будто затихать, какъ снова набѣгали усиленной волной, какъ въ состояніи опьяненія, и захватывали его до потери сознанія и головокруженія. Онъ испытывалъ чисто физическую потребность теперь и сейчасъ же чѣмъ-нибудь удовлетворить кипѣвшую въ немъ жажду мести и насытить проснувшагося въ немъ звѣря. Ему было ясно до очевидности, что не найти ему покоя, пока это чувство не получитъ выхода или удовлетворенія. „Что мнѣ дѣлать?“ повторяетъ онъ, шатаясь изъ угла въ уголъ. Северина, немного оправившись отъ потасовки разсвирѣпѣвшаго мужа, поднялась съ пола и, сидя на кровати, своими испуганными большими глазами слѣдила за его порывистыми движеніями. Ей отчасти

было его жаль, видя его чрезмѣрное горе. Она готова была ему простить брань и побои, но она не могла понять взрыва его бѣшенства. Стоило ли ему такъ волноваться изъ-за ея старыхъ грѣховъ, о которыхъ она сама же сожалѣла, тѣмъ болѣе, что она отнюдь не желала продолжать свою связь съ старикомъ, онъ, т. е. мужъ, могъ и долженъ былъ это понять.

Описывая при этомъ душевное состояніе Северины съ своей крайне парадоксальной, чтобы не сказать хуже, точки зрѣнія, Зола утверждаетъ, что ее, еще непорочную (sans vice), съ неуспѣвшими еще развиться половыми инстинктами, съ ея полуразвитымъ сознаніемъ мягкой и доброй дѣвушки, не преобразившейся еще въ настоящую женщину, всего болѣе приводилъ въ ужасъ тотъ звѣрь, который внезапно сказался въ мужѣ. Она и прежде предчувствовала это въ немъ, теперь же онъ обнаружился вполнѣ, какъ бы сорвавшись съ цѣпи, бѣшеный и кровожадный, съ разверзтой пастью, готовый кусать. Что съ нимъ дѣлать и что ему сказать, чтобы предотвратить то зло — она это чувствовала,—которое носится въ воздухѣ и которое онъ готовъ совершить.

Настаивая на ея цѣломудріи, chaste malgré tout, какъ выражается, при этомъ Зола, онъ очевидно играетъ словами и вдается въ странное противорѣчіе съ общепринятымъ значеніемъ этого слова.

Какъ женщина и при томъ, вопреки увѣреніямъ Зола, не лишенная опытности, она старается смягчить звѣря ласками. Сначала она пробуетъ обуздать его ласковыми словами, но онъ, что-то обдумывая, не слышитъ ея голоса, тогда она беретъ его за плечо и говоритъ: „Mon ami, voyons, puisque c'est moi qui ai refuser d'y aller... Je n'y serais j'amais plus allé, jamais, jamais, jamais. C'est toi que j'aime.“ И она протягиваетъ къ нему губы для поцѣлуя. Но Рубо отталкиваетъ ее съ отвращеніемъ, обзывая ее прозвищемъ, которое мы здѣсь повторять не будемъ, но которое, пожалуй, болѣе соотвѣтствуетъ ея свойствамъ, чѣмъ эпитетъ chaste, которымъ надѣляетъ Северину авторъ. Рубо кажется, что если онъ уступитъ своему чувственному къ ней влеченію, то это отравитъ и сожжетъ ему всю кровь. И тутъ въ его сознаніи ясно сказалась, говоритъ Зола, необходимость смерти, смерти того. Pour que je ne creve pas d'aller encore avec toi, vois tu il faut avant ça, que je creve l'autre. Онъ нѣсколько разъ громко и съ каждымъ разомъ все болѣе одушевляясь повторялъ эту фразу, какъ будто эти слова принесли ему желаемое рѣшеніе.

Онъ вдругъ видимо успокоился, пересталъ говорить и зашагалъ медленнѣе и спокойнѣе, видимо обдумывая что-то; онъ нѣсколько разъ подходилъ къ столу и пристально смотрѣлъ на лежавшій тамъ ножъ, съ открытымъ лезвіемъ; наконецъ взялъ его, машинально закрылъ и положилъ въ карманъ. Такъ онъ простоялъ довольно долго, со взглядомъ, ушедшимъ куда-то далеко; онъ что-то обдумывалъ. Его лобъ подернулся морщинами, его видимо тяготили какія-то препятствія къ осуществленію задуманнаго имъ; чтобы найти средства къ устраненію ихъ, ему надо было освѣжиться; онъ, уже владѣя собой, подошелъ къ окну, отворилъ его, и, высунувъ голову на воздухъ, такъ и усѣлся. За нимъ стояла жена, поднявшаяся съ своего мѣста и снова встревоженная и трепещущая отъ страха. Было ясно, что въ немъ зрѣетъ какое-то рѣшеніе, но какое именно—она не могла угадать.

Когда наконецъ Рубо отвернулся отъ окна, онъ рѣшился, его планъ былъ готовъ. Онъ посмотрѣлъ на часы и громко сказалъ: „Пять часовъ двадцать минутъ, у насъ еще достаточно времени впереди“. Затѣмъ онъ всталъ, досталъ бумаги, стклянку съ чернилами и перо. —„Ты хочешь писать?“ спросила его жена, слѣдившая за всѣми его движеніями, —„кому же ты будешь писать?“—„Къ нему, садись и пиши“, отвѣчалъ Рубо. Она, не зная еще, въ чемъ дѣло, инстинктивно отшатнулась отъ стула, мужъ взялъ ее за плечи и, придвинувъ ее съ такой силой къ столу, что она вся закоченѣла, посадилъ на стулъ передъ столомъ. „Пиши“, сказалъ онъ и продиктовалъ ей: „Поѣзжайте сегодня вечеромъ съ экспресомъ въ 6-ть часовъ 30 минутъ и никому не показывайтесь до Руана“.

Северина, у которой перо дрожало въ рукѣ, пыталась узнать, какая цѣль этого письма, но получила одинъ только отвѣтъ—„*пиши*“, при этомъ Рубо приблизился къ ней и вперилъ въ нее свои глаза, безъ гнѣва и ругательствъ, но сокрушая ея сопротивленіе упрямствомъ своей непреклонной воли, сказалъ: „Что я думаю сдѣлать, ты увидишь, я хочу, чтобъ ты не только знала, но и была участницей моего дѣла. Въ такомъ случаѣ мы можемъ еще жить вмѣстѣ, и между нами будетъ прочная связь“. Испуганная, въ ужасѣ, она стала пятиться, но мужъ взялъ ее за руки и сжалъ ихъ съ страшной силой, какъ бы желая передать ей, вмѣстѣ съ физической болью, свою волю. Изъ ея груди вырвался вопль отчаянія, въ ней точно что оборвалось, и она предалась давившей ее власти

мужа. Северина, по своей натурѣ, мягкой и пассивной, привыкла служить лишь орудіемъ и повиноваться, говоритъ авторъ. До сихъ поръ она, подчиняясь чужому желанію, служила любви, теперь она стала орудіемъ смерти. Она повиновалась и написала измученнымъ, слабымъ почеркомъ то, что отъ нея требовалось.—„Хорошо, сказалъ Рубо, прочитавъ записку,—теперь приготовься къ отъѣзду, я зайду за тобой". Затѣмъ, вполнѣ владѣя собой, онъ привелъ въ порядокъ свой костюмъ, взялъ шляпу, вышелъ на улицу, заперевъ за собой комнату съ женой и унесъ ключъ.

Въ 6 часовъ 30 минутъ Рубо съ Севериной сидѣли въ особомъ купэ. Съ этимъ же поѣздомъ ѣхалъ, согласно приглашенію записки и Грандморенъ, помѣстившійся въ другомъ отдѣльномъ купэ; онъ пріѣхалъ и прошелъ незамѣтно для толпившейся на вокзалѣ публики, въ свой купэ. Въ Руанѣ, гдѣ поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ, Рубо заставилъ жену пройтись по платформѣ, мимо купэ Грандморена; послѣдній стоялъ у дверцы и пригласилъ ихъ къ себѣ въ вагонъ. Северина отказывалась, объясняя, что у нихъ въ вагонѣ багажъ, который можетъ пропасть. На станціи была страшная давка, толпа пассажировъ ломилась въ вагоны, на другой день былъ какой-то праздникъ въ Гаврѣ, и наплывъ публики былъ очень великъ. Раздался звонокъ. Рубо толкнулъ жену въ купэ Грандморена и самъ вошелъ туда же, захлопнувъ за собой дверцы. Поѣздъ тронулся, и никто изъ желѣзно-дорожныхъ служителей не замѣтилъ такого перемѣщенія пассажировъ, въ общей суетѣ и давкѣ.

Въ купэ, Рубо мирно и весело бесѣдовалъ съ Грандмореномъ, но Северина (въ разсказѣ впослѣдствіи ея любовнику Лантье, авторъ знакомитъ читателя съ мельчайшими и утомительными, своей подробностью, описаніями ихъ совмѣстнаго путешествія) видѣла, что рѣшеніе мужа непреклонно, что онъ, изрѣдка посматривая въ окно вагона, ждетъ только заранѣе намѣченнаго мѣста въ пути, чтобы порѣшить. Она сидитъ оцѣпенѣлая отъ страха и ужаса и только слабо улыбается, когда къ ней обращаются съ вопросомъ. Наконецъ, когда поѣздъ, приближаясь къ станціи Барантэнъ, вошелъ въ длинный и темный туннель, Рубо, съ ножемъ въ рукѣ, бросился на президента, смотрѣвшаго въ окно, и схвативъ его за плечи, повалилъ на сидѣнье. Послѣдній, хотя и захваченный врасплохъ, отчаянно защищался и, протянувъ судорожнымъ

движеніемъ руку, едва не зазвонилъ въ висѣвшій надъ нимъ звонокъ тревоги; кончикъ шнурка уже былъ въ его рукѣ, но Рубо опрокинулъ старика навзничь и навалился на него съ ножемъ, Грандморенъ защищался колѣнками и мѣшалъ убійцѣ нанести ударъ. Ошеломленный и измученный борьбой, онъ испускалъ неясные, слабые вопли, которые глохли въ шумѣ и трескѣ поѣзда, проходящаго туннелемъ. Такъ прошло нѣсколько секундъ, поѣздъ началъ выходить изъ туннеля. Северина, сознавая опасность положенія, безсознательнымъ движеніемъ бросилась на ноги жертвы, обрушившись на нее всею своей тяжестью. Подавленный тяжестью ея тѣла, старикъ пересталъ защищаться, и Рубо наконецъ вонзилъ ему въ горло свой ножъ. Северина разсказывала Лантье, что она ничего этого не видѣла, но чувствовала все происходившее въ купэ, она почувствовала ударъ ножа въ горло, качнувшееся послѣ этого удара тѣло и три тяжелые вздоха, знаменовавшіе наступленіе смерти, своимъ звукомъ они напомнили ей стѣнные часы, которые ломаются. „О, этотъ ужасъ и трепетъ агоніи!—я его чувствую еще до сихъ поръ“, вспоминаетъ Северина нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Убивъ Грандморена, Рубо снялъ съ него часы и деньги и выбросилъ тѣло черезъ открытыя имъ дверцы купэ на рельсы, вмѣстѣ съ окровавленнымъ плэдомъ убитаго. Послѣ этого, на полномъ ходу, переходя по боковой подножкѣ, супруги Рубо отправились въ свой вагонъ, бывшій по сосѣдству. Северина съ трудомъ волочила ноги и двигалась впередъ только благодаря энергическимъ понуканіямъ мужа. Наконецъ они добрались до своего вагона и нашли его пустымъ, такъ какъ ѣхавшіе съ ними пассажиры сошли въ Руанѣ и на скамейкѣ оказался только ихъ чемоданъ съ багажемъ. Купэ Грандморена, съ лужей крови на полу и скамейкѣ, такимъ образомъ, остался пустымъ. Поѣздъ между тѣмъ подходилъ къ станціи Барантэнъ, и Рубо настолько владѣлъ собой, что могъ перекинуться нѣсколькими словами, во время кратковременной остановки поѣзда на этой станціи, съ начальникомъ, своимъ знакомымъ, стоявшимъ на платформѣ, для встрѣчи поѣзда. По пріѣздѣ поѣзда въ Гавръ, по небрежности служащихъ, купэ не было осмотрѣно, и только на разсвѣтѣ телеграмма изъ Барантэна, извѣщавшая о мертвомъ тѣлѣ, найденномъ на рельсахъ, надѣлала тревогу, былъ произведенъ осмотръ купэ, констатировавшій въ немъ слѣды убійства Грандморена въ пути, неизвѣстнымъ лицомъ.

Но неожиданно оказался свидѣтель убійства, правда, видѣвшій сцену эту мелькомъ, какъ во снѣ, въ окно освѣщеннаго лампой вагона, который молніей пронесся мимо него, такъ что онъ не успѣлъ разглядѣть лица, — это былъ Жакъ Лантье, машинистъ перваго класса, на той же дорогѣ, который, пользуясь досугомъ, по случаю исправленія ввѣреннаго ему локомотива, играющаго весьма важную роль въ романѣ, пришелъ въ гости къ своей воспитательницѣ, теткѣ Фази и, не будучи въ состояніи заснуть, по причинѣ удручающаго его недуга, о которомъ скажемъ послѣ, бродя вдоль полотна дороги, остановился у выхода изъ туннеля, въ моментъ прохожденія поѣзда и убійства Грандморена. Локомотивъ Лантье носилъ женское имя и звался Lizon. Зола, въ своихъ романахъ, по замѣчанію Жюля Леметра, постоянно обнаруживающій тенденцію *скотинить* описываемыхъ имъ людей и очеловѣчивать безсловесную тварь, дѣлаетъ изъ этой Lizon, можно сказать, одну изъ героинь романа, какъ бы живое лицо и надо сказать правду, одно изъ наиболѣе симпатичныхъ въ его „Bête Humaine“.

Въ цѣломъ рядѣ сценъ, написанныхъ съ большимъ воодушевленіемъ, онъ изображаетъ локомотивъ, нѣжно любимый его машинистомъ Лантье, какъ самое симпатичное живое существо, и приписываетъ этой Lizon чувства и ощущенія, чуть не мысли. Картина смерти, онъ такъ и говоритъ „*смерти*“ локомотива Lizon, во время крушенія поѣзда, описана авторомъ въ такихъ живыхъ, яркихъ и трогательныхъ краскахъ, что она положительно заслоняетъ собой изображеніе смерти пассажировъ, погибшихъ при этой катастрофѣ.

Жакъ Лантье, одинъ изъ сыновей, знакомой читателю романовъ Зола, Жервезы, отъ ея перваго мужа, красавца Лантье — она фигурируетъ въ генеалогическомъ деревѣ Ругонъ-Маккаровъ, помѣщенномъ въ романѣ „Une page d'amour“. Самъ авторъ, представляя читателямъ Жака, спѣшитъ установить это родство, напоминая, что его старшій братъ, Клодъ, живописецъ-психопатъ (герой романа „L'Oeuvre) съ такимъ неистовымъ увлеченіемъ отдался своему искусству, что его считали рехнувшимся геніемъ, а младшій Этьенъ—восторженный соціалистъ, руководитель стачки рабочихъ, въ романѣ „Germinal“, также натура не совсѣмъ нормальная. Поль Линдау, въ своемъ критическомъ очеркѣ „*Bête Humaine*“, дополняетъ эту генеалогическую справку указаніемъ, что Жакъ Лантье, въ качествѣ сына Жервезы, приходится, кромѣ того, единоутроб-

нымъ братомъ знаменитой кокотки Nana — этой mangeuse d'hommes, какъ называетъ ее Зола, посвятившій ей особый томъ въ своей серіи романовъ Ругонъ-Маккары.

Семья Жака Лантье,—онъ самъ это видѣлъ и сознавалъ,—была ненормальная. У многихъ изъ ея членовъ была внутри головы, словно пробитая гвоздемъ, скважина, такую наслѣдственную скважину замѣчалъ онъ и въ себѣ самомъ. Подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, когда равновѣсіе его организма бывало потрясено, случалось, что въ эту скважину, какъ бы въ густомъ дымѣ или туманѣ, уходило изъ него сознаніе человѣческаго *я*. Страшный шумъ или звонъ въ ушахъ сопровождалъ такую потерю сознанія, причемъ онъ, лишаясь всякой власти надъ собой, — становился слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ своихъ расходившихся мускуловъ и ихъ непроизвольныхъ движеній, лицо его обезображивалось, и онъ становился бѣшенымъ звѣремъ. Я старался, по возможности, точно и ясно передать описаніе свойствъ и характера недуга, удручавшаго героя романа, хотя они изложены весьма туманно и сбивчиво у автора, свидѣтельствуя о шаткости его мыслей и свѣдѣній по этому предмету. Причины происхожденія этого недуга, какъ мы увидимъ ниже, объясняются крайне неправдоподобно и явно нелѣпо. Съ слѣпой вѣрой въ послѣднее слово науки, подъ которымъ онъ разумѣетъ доктрину атавизма, не умѣя, какъ самоучка, различить положительныя данныя научныхъ изслѣдованій отъ скороспѣлыхъ выводовъ и мнимо научныхъ гипотезъ Ламброзо, Зола тенденціозно пытается освѣтить темную для него область психологіи и характера преступника баснословіемъ, заимствованнымъ у туринскаго антрополога, и при этомъ, съ свойственнымъ ему упрямствомъ и прямолинейностью, доводитъ вообще рискованныя положенія Ламброзо до очевиднаго абсурда и крайнихъ предѣловъ нелѣпости.

Щадя читателя, мы не послѣдуемъ, за авторомъ экспериментальнаго романа, въ его спотыкающейся о противорѣчія экскурсіи, въ область уголовной психологіи. Послѣ нѣкотораго утомительнаго блужданія въ этомъ лабиринтѣ, при чемъ крайне запутанное изложеніе и туманная фразеологія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о смутности мыслей автора, Зола, наконецъ, категорически объявляетъ, что его Жакъ Лантье былъ одержимъ дикимъ и роковымъ влеченіемъ къ женоубійству. Жажда крови и притомъ именно крови женщины, съ юныхъ дней вол-

новала и жгла его—она опьяняла его мозгъ, сопровождаясь гуломъ и звономъ въ ушахъ, она повергала его въ состояніе изступленія и полной потери сознанія.

Словомъ сказать, герой послѣдняго романа Зола страдалъ „*кровобѣсіемъ*“. Во время приступовъ этого роковаго недуга онъ алкалъ крови, и притомъ непремѣнно женской крови, уподобляясь въ этомъ случаѣ сказочнымъ волкамъ народныхъ сказаній, свирѣпымъ пожирателямъ женщинъ (loups mangeurs des femmes). Эта звѣрская страсть совершенно извращала, въ извѣстные моменты, Жака Лантье, вообще говоря, въ нормальномъ состояніи мягкаго и даже сантиментальнаго малаго.

Съ развитіемъ половой зрѣлости, говоритъ Зола, эта дикая жажда крови постепенно и прогрессивно въ немъ росла. Она, какъ видно изъ романа, довела его, наконецъ, до удара ножемъ въ горло Северины Рубо, сдѣлавшейся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ вышеописанной сцены убійства Грандморена, любовницей Жака, страстно къ нему привязанной, которой онъ отвѣчалъ съ тѣмъ же пыломъ и притомъ не имѣя причины къ неудовольствію или злобѣ противъ нея. Любовники тяготились существованіемъ Рубо-мужа, впрочемъ отнюдь ихъ не стѣснявшаго. Этотъ бѣшеный ревнивецъ, зарѣзавъ стараго Грандморена, впалъ въ какое-то мрачное настроеніе духа, и все болѣе падалъ морально. Къ слову сказать, авторъ настойчиво заявляетъ, что ни малѣйшаго чувства раскаянія онъ не испытывалъ, также какъ и Северина; послѣдняя, правда, содрогалась, разсказывая Жаку Лантье ужасную сцену убійства стараго президента, но безъ всякаго раскаянія, на этомъ Зола твердо настаиваетъ. Она только ожесточена противъ мужа за грубое обращеніе съ нею въ сценахъ, предшествовавшихъ убійству, и злится на него за его чисто внѣшній упадокъ послѣ убійства. Онъ предается страсти къ карточной игрѣ и проводитъ все свободное время отъ службы и цѣлыя ночи въ кафе, за картами, съ своимъ постояннымъ партнеромъ, полицейскимъ агентомъ Кошемъ, который впослѣдствіи его и арестовалъ. Рубо не везло въ карты, онъ постоянно проигрывалъ и нуждался въ деньгахъ, вслѣдствіе чего, наконецъ, сталъ прибѣгать къ деньгамъ, взятымъ у убитаго Грандморена, не ради корысти, а для замаскированія слѣдовъ преступленія, чтобы сбить съ толку слѣдователей предположеніемъ, что цѣлью преступленія было ограбленіе. Эти деньги 10 тыс. франковъ были тщательно запрятаны Рубо, подъ поломъ

ихъ квартиры, первое время мужъ и жена старались даже не глядѣть на тотъ уголъ квартиры, въ которомъ были спрятаны эти проклятыя деньги, какъ они ихъ мысленно называли.

Послѣ убійства Грандморена, супруги тяготятся другъ другомъ и чувствуютъ себя неловко, оставаясь наединѣ вдвоемъ. Поэтому Рубо постоянно и усердно зоветъ къ себѣ въ гости машиниста дороги, Жака Лантье, содѣйствуя сближенію его съ женой, что̀ мотивируется также желаніемъ расположить въ свою пользу Жака, случайнаго и мимолетнаго свидѣтеля убійства. Жакъ Лантье сидѣлъ у полотна дороги, при выходѣ его изъ туннеля въ моментъ сцены убійства. Передъ его глазами, въ одномъ изъ оконъ пронесшагося мимо поѣзда, мелькнула при свѣтѣ вагонной лампы, фигура убійцы съ поднятымъ ножемъ, и что-то черное, повалившееся на ноги убиваемаго. Черты лица и даже фигуру убійцы онъ не могъ разглядѣть. Жакъ Лантье привлеченъ къ слѣдствію судебной властью, въ качествѣ свидѣтеля. Усердное ухаживаніе за нимъ супруговъ Рубо наводитъ его на подозрѣніе, ему начинаетъ казаться, что видѣнный имъ, въ окно вагона, убійца похожъ на Рубо, но ради Северины, которую онъ начинаетъ любить, упорно молчитъ о своихъ подозрѣніяхъ. Северина сначала сближается съ Жакомъ Лантье, по настоянію мужа, съ цѣлью расположить въ свою пользу человѣка, показанія котораго могли отправить ее на гильотину, но затѣмъ она привязалась къ нему со всѣмъ пыломъ первой любви и со всей страстью своего проснувшагося темперамента, какъ женщина, впервые познавшая ея чары. Зола упорно настаиваетъ, что Северина malgré tout, до связи съ Жакомъ Лантье, сохранила инстинкты дѣвушки—ея женское существо было запугано и забито ея первымъ любовникомъ, старымъ Грандморенóмъ, а затѣмъ мужемъ. Грубо чувственное, чисто животное отношеніе къ ней обоихъ ее возмущало и оскорбляло, и тотъ и другой были ей противны, хотя она признавалась впослѣдствіи Жаку, что предпочитала мужа, какъ болѣе молодаго, старому президенту. Красивый же машинистъ, обращавшійся съ ней нѣжно и деликатно, разбудилъ въ ней женскую страсть. Такъ сложились ихъ отношенія, до того роковаго момента, когда Жакъ, оставшись съ ней наединѣ, въ уединенномъ домикѣ въ Croix de Maufras, доставшемся ей по завѣщанію отъ Грандморена, вонзилъ Северинѣ внезапно ножъ въ горло. Въ этомъ домикѣ она пала впервые, а затѣмъ лишилась жизни, подъ ножемъ страстно любимаго ею Жака

Лантье, тѣмъ же самымъ ножемъ, который она въ началѣ романа подарила мужу, убившему имъ президента, а затѣмъ отдала Жаку для убійства мужа, отъ котораго во что бы то ни стало желала отдѣлаться.

Рубо, отнюдь не ревновавшій жену къ Жаку Лантье, относился вполнѣ пассивно къ ихъ связи, скоро ставшей для всѣхъ и для него очевидной. Онъ только изрѣдка, когда Северина выводила его изъ терпѣнія ожесточенными упреками въ безпутствѣ его жизни и кражѣ проклятыхъ денегъ, взятыхъ съ убитаго, которыя она считала почему-то своею собственностью—огрызаясь на нее, говорилъ: „я не мѣшаю тебѣ дѣлать, что вздумается и развлекаться по своему вкусу, и ты мнѣ не мѣшай дѣлать, что мнѣ нравится".

Женщина, преданная съ такой страстью любовнику, какъ Северина, очевидно расположена враждебно къ мужу. Дѣйствительно ненависть къ Рубо не замедлила овладѣть всецѣло его женой. Одинъ видъ его, замѣтно отупѣвшаго подъ вліяніемъ безсонныхъ ночей за картами—Рубо обрюзгъ, опустился и какъ бы заплылъ желтымъ жиромъ, измѣнившимъ всю его физіономію, говоритъ Зола—приводилъ ее въ величайшее раздраженіе. Она долго и упорно мечтала о томъ, какъ бы было хорошо, еслибы какой-нибудь случай избавилъ ее отъ ставшаго ей ненавистнымъ Рубо—эта мысль возникла у нея подъ вліяніемъ внѣшняго факта, случая съ мужемъ, котораго вслѣдствіе его небрежности—аккуратный и пунктуальный Рубо сталъ проявлять признаки небрежности даже на службѣ—чуть было не раздавилъ паровозъ. Но желаемый и страстно ожидаемый случай не приходилъ. Между тѣмъ ненависть къ мужу у Северины постоянно росла. Она была ненасытна въ желаніи постоянно видѣть и имѣть при себѣ Жака, а Рубо, впрочемъ отнюдь не думавшій мѣшать ихъ свиданіямъ, представлялся помѣхой, ожесточавшей ее.

Въ такомъ настроеніи духа она сначала полусознательно и лишь намеками подстрекала Жака на убійство Рубо. Хотя она сама себѣ въ этомъ еще не признавалась. „Чего ты отъ меня хочешь, спросилъ ее какъ-то разъ Жакъ Лантье, чтобы я убилъ твоего мужа". Она съ негодованіемъ отвергла это предположеніе, но губы ея говорили „*нѣтъ*", а глаза—„*да*", это ясно видѣлъ Лантье, смущенный и встревоженный такимъ открытіемъ.

Въ началѣ своей связи съ Севериной онъ радовался, не замѣчая въ себѣ, какъ прежде, при видѣ женщины, крово-

жадныхъ вожделѣній; такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ уже надѣялся, что роковой недугъ оставилъ его. Но разъ въ Парижѣ, куда любовники ѣздили еженедѣльно для болѣе свободныхъ свиданій, въ минуту интимныхъ изліяній, Северина призналась Жаку въ убійствѣ Грандморена. Она разсказала ему во всѣхъ подробностяхъ сцену убійства въ вагонѣ и своимъ разсказомъ разбудила въ немъ заснувшіе инстинкты кровожаднаго звѣря. Это произошло въ той же самой комнатѣ, въ которой, за годъ передъ тѣмъ, въ началѣ романа, мирно завтракали супруги Рубо, и гдѣ родился и созрѣлъ планъ убійства Грандморена. Жакъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ разсказъ, какъ Рубо вонзилъ ножъ въ горло человѣка—когда Северина, взволнованная и утомленная воспоминаніями,—она начала свой разсказъ съ цѣлью оправдать свое отвращеніе и ненависть къ мужу—наконецъ кончила. Жакъ, въ которомъ уже проснулся первобытный человѣкъ-звѣрь, разожженный картиной убійства, требуетъ отъ нея подробнаго объясненія, чувствовала ли она, навалившись на убиваемаго, „*содроганіе его смерти*“. Какая-то темная, свирѣпая сила-страсть поднималась въ немъ и дурманила голову кровавыми видѣніями. Имъ снова овладѣло жадное любопытство извѣдать ощущенія убійцы (la curiosité du meurtre).

„Ты почувствовала, допрашиваетъ ее Жакъ, какъ ножъ воткнулся въ него?“.—„Да, отвѣчаетъ она, глухой ударъ“. Ah! un coup sourd... pas un dechirement, tu es sure?

— Non, non rien qu'un choc, и т. д.

Мы отказываемся передавать далѣе эту сцену, въ которой слишкомъ усердные почитатели французскаго романиста напрасно видятъ торжество реальнаго искусства; это не болѣе, какъ вакханалія необузданной и грубой фантазіи автора, который выдумываетъ и сочиняетъ подробности, оскорбляющія чувства читателя, и притомъ весьма далекія отъ дѣйствительной правды. Слѣдующая затѣмъ, въ такомъ же вкусѣ, сцена сладострастныхъ восторговъ Жака и Северины, циническое сочетаніе этихъ сценъ и грубый переходъ отъ одной къ другой,—все это не область искусства, хотя бы и реальнаго!

Наконецъ, утомленная всѣми этими волненіями, Северина засыпаетъ, по словамъ Зола, съ ясной младенческой улыбкой на устахъ, въ объятіяхъ Жака, который слышитъ ее ровное, безмятежное дыханіе, какъ у ребенка, но самъ не можетъ за-

быться сномъ—его волнуютъ и жгутъ снова овладѣвшія имъ кровавыя видѣнія.

Зола очень тонкій и искусный наблюдатель внѣшнихъ явленій матеріальнаго міра. Въ этой сферѣ онъ хозяинъ вполнѣ, здѣсь у него все точно и ясно схвачено и мастерски изображено. Его острый и пытливый глазъ ловитъ малѣйшіе оттѣнки и переливы свѣта и тѣней, фигуры и очертанія. Все разнообразіе жизни и природы и вся жизнь безсловесной твари ему доступна и понятна—онъ въ высшей степени чутокъ, правдивъ, реаленъ во всемъ, что касается природы и животныхъ. Трудно схватить и передать лучше его движеніе поѣздовъ, суету и слѣдующее за ней затишье желѣзно-дорожныхъ станцій, уличную физіогномію Парижа, картины, развертывающіяся передъ глазами пассажира на пути изъ Гавра въ Парижъ и обратно. Опустѣлая дача убитаго Грандморена съ прибитой къ ней вывѣской: „ищутъ покупателя“ стоитъ, какъ живая, въ романѣ. Но психологія дѣйствующихъ въ романѣ лицъ постоянно у него хромаетъ. Это темная и мало доступная для него область— заглядывая въ нее рѣдко и неохотно, онъ всегда спотыкается. Отчего это происходитъ? Обдѣленъ ли Зола способностью различать и констатировать то, что не осязаемо, мѣшаетъ ли ему въ этомъ отношеніи его міросозерцаніе— онъ детерменистъ, въ глазахъ котораго человѣкъ — машина, автоматически функціонирующая, по заведенному для всей природы закону причинности— на эти вопросы пока отвѣчать не будемъ. Отмѣчаемъ это, только какъ очевидный и несомнѣнный фактъ.

Анализъ душевнаго состоянія Жака, объятаго въ ту долгую, безсонную ночь неотступными видѣніями и образами совершеннаго имъ убійства—его мозгъ, несмотря на усталость тѣла, при этомъ усиленно работалъ, вращаясь въ одномъ и томъ же кругу идей — крайне искусственъ, натянутъ и дѣланъ. Масса мелкихъ, внѣшнихъ подробностей и тусклое освѣщеніе внутренней душевной борьбы, которую при этомъ переживалъ Жакъ Лантье. Чисто внѣшнее, по правиламъ полицейскихъ протоколовъ, описаніе движеній, выраженія физіогноміи (широко раскрытые глаза, неподвижно устремленные въ одну точку тонувшей въ ночномъ мракѣ комнаты), время, обстановка и т. п. Авторъ тщательно отмѣчаетъ время—Северина заснула въ 3 часа. Въ продолженіи цѣлаго часа она спала, опустившись на лѣвое плечо Жака, которое закостенѣло подъ тяжестью ея тѣла,

мѣшавшаго кровообращенію. Объясняя свое возбужденное состояніе этимъ обстоятельствомъ и приливами крови къ мозгу, Жакъ наконецъ освободился отъ нея и легъ ничкомъ и т. д., но жажда крови продолжала въ немъ бушевать, и видѣнія совершаемаго имъ убійства еще неотразимѣе преслѣдовали его помыслы, разстилаясь передъ нимъ съ подавляющей механической послѣдовательностью.

Передъ разсвѣтомъ Жакъ, говоритъ авторъ, скорѣе угадалъ, чѣмъ увидалъ, ножъ, оставленный случайно на столѣ. Северина почему-то взяла его съ собой въ Парижъ, и Жака потянуло къ этому ножу. Между тѣмъ свѣтало, бѣлые лучи свѣта, проникая черезъ окна въ комнату, какъ будто на зло ему, свѣтились и играли на лезвеѣ ножа, что̀ еще болѣе раздражало Жака. Онъ не зналъ, куда дѣвать свои зудѣвшія руки, и съ отчаяніемъ пряталъ и поджималъ ихъ подъ себя, словно боясь, что онѣ иначе уйдутъ изъ его власти и, какъ чужія, перестанутъ повиноваться его волѣ. „Да эти вырывавшіяся у него руки, восклицаетъ Зола, были наслѣдствомъ, доставшимся ему отъ *другаго*, онѣ перешли къ нему отъ одного изъ его предковъ того отдаленнаго времени, когда человѣкъ жилъ въ лѣсахъ и душилъ своими руками звѣрей“. Здѣсь авторъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ романа, когда ему приходится заглянуть въ душу Жака Лантье, фантазируетъ и ищетъ луча свѣта въ доктринѣ атавизма, съ забавной развязностью пускаясь въ такія объясненія и заключенія, отъ которыхъ *стыдливо* отказались бы даже самые ярые изъ послѣдователей Ламброзо, болѣе знакомые съ научной постановкой вопроса.

Жакъ не былъ пьяница — онъ даже вовсе не пилъ водки, замѣтивъ, что даже нѣсколько капель алкоголя повергаютъ его въ состояніе бѣшенства. Такое дѣйствіе алкоголя въ отношеніи эпилептиковъ и вообще субъектовъ съ ясно выраженнымъ типомъ вырожденія — фактъ, замѣченный и удостовѣренный медицинскою наукою. Но что̀ не совсѣмъ правдоподобно и даже крайне невѣроятно, — это размышленія, которыя авторъ приписываетъ Жаку Лантье въ виду удручающаго его недуга, онъ (замѣтимъ въ 1869 году и даже раньше) разсуждаетъ, какъ по писанному, будто начитавшись книжки Ламброзо, хотя ученіе послѣдняго появилось на свѣтъ, получило ходъ, т. е. распространилось въ публикѣ, нѣсколькими и даже многими годами позже. „Мнѣ приходится платиться за другихъ“, думаетъ онъ, „за отцовъ и дѣдовъ, которые, преда-

вался пьянству, отравили алкоголемъ себѣ кровь; это во мнѣ сказывается первобытная дикость, уносящая меня въ даль вѣковъ, въ темную глушь лѣсовъ, къ волкамъ, пожиравшимъ женщинъ (les loups mangeurs des femmes)". Въ другомъ мѣстѣ авторъ объясняетъ кровожадные инстинкты своего героя и опьяняющую его бѣшеную жажду женской крови атавистическимъ желаніемъ отомстить за какія-то старыя, забытыя обиды, не оставившія даже опредѣленнаго слѣда въ его памяти.

Откуда это шло? спрашиваетъ авторъ, неужели изъ того невѣроятно далекаго прошлаго, которое теряется въ доисторическомъ сумракѣ? Неужели все зло, которое причинили женщины его роду, его восходящимъ предкамъ, въ видѣ чувства затаенной обиды накоплявшееся въ рядѣ поколѣній самцовъ, начиная съ первыхъ измѣнъ женщинъ пещернаго періода (depuis la premiére trompere au fond des cavernes), рвалось въ немъ теперь наружу?

Но послѣдуемъ за разсказомъ автора. Чтобы не видѣть соблазняющаго его ножа, Жакъ обращается лицомъ къ Северинѣ; она тихо и сладко спитъ. Образъ любимой женщины ему кажется почти незнакомымъ, онъ видитъ только ея бѣлое горло и испытываетъ бѣшеное желаніе схватить ножъ и вонзить его по рукоять въ это спящее женское тѣло. Но въ немъ еще осталась капля сознанія, онъ еще борется съ бичующимъ его зудомъ крови, но въ этой борьбѣ съ каждой секундой слабѣетъ и гаснетъ его воля — еще не много, и эта послѣдняя, вмѣстѣ съ сознаніемъ, покинетъ его, давъ мѣсто самымъ дикимъ инстинктамъ. Его руки уже вырвались наружу и помимо его воли ищутъ ножа. Все это онъ видѣлъ и понималъ и понялъ также и то, что еще нѣсколько мгновеній, здѣсь, вблизи Северины, и его рука сама собой прольетъ ея кровь. Тогда послѣднимъ усиліемъ, собравъ остатки своей расшатанной воли, онъ, въ порывѣ отчаянія, бѣшено вскочилъ съ постели на полъ, спотыкаясь, какъ пьяный, сталъ судорожно искать обезумѣвшими глазами свое платье. Съ трудомъ разыскавъ и торопливо натянувъ его на себя, что̀ стоило неимовѣрныхъ усилій, онъ, шатаясь, движимый однимъ желаніемъ, одной мыслью—одѣться какъ можно скорѣе и, взявъ ножъ, выйти на улицу, чтобы зарѣзать тамъ не ее, а какую-нибудь другую женщину. Онъ чувствовалъ, говоритъ авторъ, что похоть крови слишкомъ сильно его му-

читъ и что для насыщенія ея ему нужна какая-нибудь жертва.

Я не стану передавать, какъ описываетъ далѣе Зола трагическое, по замыслу и намѣреніямъ автора, рысканіе его героя по улицамъ Парижа, въ поискахъ за искомой для убійства женщиной. Все это крайне искусственно, натянуто и фальшиво! Ужасное, благодаря мелочнымъ деталямъ, описанія автора, слишкомъ подробно изображающаго блужданіе своего обезумѣвшаго героя, со скважиной въ головѣ, въ которую густымъ паромъ ушло сознаніе, перестаетъ быть таковымъ. Читатели, убѣдившись, что это не живой, хотя бы и страшно патологическій субъектъ, а кукла, двигающаяся, по мысли романиста ради иллюстраціи ученія атавизма, проповѣдуемаго Ламброзо, останавливается на комической сторонѣ этой экскурсіи Жака Лантье. Онъ носится (это любимое словечко Зола) по улицамъ, гоняясь за женщинами, какъ волкъ за овцами. Въ кровожадной погонѣ онъ попадаетъ даже на желѣзно-дорожную станцію и ѣдетъ нѣсколько станцій, по хорошо знакомой ему дорогѣ изъ Гавра въ Парижъ. На этотъ разъ однако, не совершивъ никакого убійства—ему все мѣшали—онъ благополучно возвращается назадъ, гдѣ-то что-то ѣстъ, несмотря на свое безсознательное состояніе; пошатавшись затѣмъ еще нѣкоторое время по Парижу, попадаетъ на набережную Сены, не зная, для чего и зачѣмъ. Здѣсь—это сохранилось въ его памяти—онъ бросаетъ въ воду ножъ, который онъ все время держалъ зажатымъ въ кулакѣ, закрывая его рукавомъ. Далѣе слѣдуетъ фраза, которую затрудняемся перевести, потому что несовсѣмъ ясно понимаемъ, что хочетъ ею сказать авторъ,—приводимъ ее въ подлинникѣ. „Puis il ne savait plus, hebeté, absent de son être, d'où l'autre s'en été allé aussi avec le couteau". Кто этотъ другой, который ушелъ вмѣстѣ съ ножомъ, надо думать, въ воду, достовѣрно сказать нельзя. Можно догадываться, что авторъ здѣсь имѣетъ въ виду *двойника*, которому онъ приписываетъ психическую уродливость своего героя. Въ началѣ вышеуказаннаго странствованія Жака Лантье, въ чаду бѣшеной жажды крови, описывая, какъ онъ выбѣжалъ на улицу изъ комнаты, гдѣ осталась спящая Северина, Зола говоритъ: „теперь въ немъ сидѣлъ кто-то другой, который дѣйствовалъ за него и двигалъ имъ; тотъ невѣдомый пришлецъ изъ далека — venu de très loin, который сидѣлъ въ немъ и часто шевелился; тотъ, который зажигалъ въ

немъ наслѣдственную жажду крови: онъ убивалъ нѣкогда и хотѣлъ убивать снова (il avait tué jadis et voulait tuer encore)". Это мѣсто, а такихъ не одно на страницахъ романа, говоритъ какъ нельзя болѣе въ пользу того мнѣнія, которое было высказано французскимъ критикомъ Жюлемъ Леметромъ, по поводу прежнихъ романовъ Зола, что этотъ писатель отнюдь не такой строгій реалистъ, какимъ его долго и напрасно считали. Во всѣхъ романахъ Зола, а въ „Bête Humaine" всего болѣе и замѣтнѣе сцены и картины реальной дѣйствительности перемѣшаны съ вымыслами самой необузданной, чтобы не сказать дикой, фантазіи.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, Жакъ очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ на постели, въ своей комнатѣ, въ улицѣ Кардине, гдѣ онъ проспалъ нѣсколько часовъ крѣпкимъ, но безпокойнымъ сномъ, какъ былъ, совсѣмъ одѣтый. Его туда привелъ, говоритъ авторъ, инстинктъ, какъ раненную собаку, которая идетъ въ свое логовище.

Онъ не помнилъ, какъ и когда онъ пришелъ и сколько времени спалъ. Очнувшись отъ тяжелаго сна, онъ сразу почувствовалъ, что вполнѣ владѣетъ собой, сознаніе мгновенно вернулось къ нему, какъ это бываетъ съ людьми, очнувшимися послѣ долгаго обморока. Вслѣдъ за симъ въ немъ проснулась и память, и онъ припомнилъ ночь, проведенную съ Севериной, ея признаніе въ убійствѣ Грандморена и свое бѣгство въ видѣ плотояднаго звѣря, взалкавшаго крови. Сознаніе какъ бы отсутствовало въ немъ все это время, онъ приходилъ въ себя, съ изумленіемъ относясь къ тому, что дѣлалось имъ самимъ помимо его воли. Затѣмъ онъ вспомнилъ, что Северина вѣроятно его ждетъ, быстро вскочилъ съ постели и посмотрѣлъ на часы; было уже четыре часа пополудни—и онъ поспѣшилъ въ домъ служащихъ дороги, въ улицѣ Амстердамъ, гдѣ его ждала Северина — онъ былъ совершенно спокоенъ (très calme) и чувствовалъ только пустоту въ головѣ, какъ это бываетъ послѣ сильнаго кровопусканія.

На вопросъ заждавшейся его Северины, что съ нимъ случилось, Жакъ отвѣчалъ, съ полнымъ самообладаніемъ, вполнѣ хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало.—„Да ничего особеннаго—у меня была куча разныхъ дѣлъ и порученій, которыя надо было обдѣлать, какъ это ни скучно". Северина рыдая обнимала его, ей пришло въ голову, что она ему опротивѣла, послѣ своей исповѣди и что онъ хочетъ ее бросить.

Послѣ вышеописанныхъ сценъ любовники продолжаютъ жить по-прежнему, но Северина уже безъ обиняковъ начинаетъ склонять Жака на убійство Рубо, а онъ становится податливѣе къ такому подстрекательству. Два раза онъ съ ножомъ въ рукѣ готовится убить Рубо, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, но въ рѣшительный моментъ его рука съ ножомъ опускалась, какъ плеть, онъ былъ не въ состояніи зарѣзать хладнокровно этого человѣка. Вотъ что пишетъ по тому поводу авторъ. „Нѣтъ, нѣтъ онъ не нанесетъ этого удара. Такое убійство казалось ему (т. е. Жаку) чудовищнымъ, неисполнимымъ, невозможнымъ. Привычки, привитыя въ немъ воспитаніемъ цивилизованнаго человѣка, возмущались и возставали противъ такого намѣренія. „Не убій“ онъ всосалъ въ себя это правило вмѣстѣ съ молокомъ матери, въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Его мозгъ, утонченный воспитаніемъ, meublés des scrupules, съ ужасомъ отвергалъ убійство, какъ только онъ начиналъ обсуждать его, хладнокровно разсуждая. Убить по нуждѣ (tuer dans un besoin), въ порывѣ инстинктивной страсти, пожалуй да! Но убить съ намѣреніемъ, изъ разсчета или интереса, на это онъ никогда, никогда не рѣшится“.

Тѣмъ не менѣе однако, проведя нѣсколько недѣль съ Севериной въ ея домикѣ, въ Croix de Maufras, послѣ тяжкаго ушиба, постигшаго его во время крушенія поѣзда, вызваннаго обезумѣвшей отъ ревности и любви къ нему, Жаку, Флоры, падчерицы старика Мизара, онъ снова рѣшается на убійство Рубо. Весь планъ убійства придуманъ и составленъ съ большой предусмотрительностью Севериной. Она вызываетъ мужа запиской, назначая ему свиданіе, въ этомъ глухомъ домѣ, поздно вечеромъ, подъ предлогомъ неотложной необходимости переговорить о явившемся будто-бы на него покупателѣ, — этой продажи усердно желали оба супруга и въ особенности мужъ Рубо. Жакъ Лантье по уговору долженъ былъ зарѣзать Рубо, какъ только онъ войдетъ въ комнату, бросившись на него съ ножомъ изъ спальни, гдѣ онъ долженъ былъ спрятаться; Северина дала ему для этого ножъ, тотъ самый, которымъ въ началѣ романа Рубо убилъ Грандморена. По плану Северины, трупъ убитаго такимъ образомъ Рубо слѣдовало вынести на проходящее у дверей дома полотно желѣзной дороги и бросить на рельсы, гдѣ тѣло неизбѣжно будетъ изуродовано колесами вагоновъ перваго прошедшаго поѣзда, что и послужитъ объясненіемъ смерти, устранивъ всякое подозрѣніе въ убій-

ствѣ. Все было подготовлено и обдумано весьма искусно. Лантье рано утромъ, въ виду многихъ свидѣтелей, отправился въ Гавръ; простившись съ Севериной, онъ вернулся вечеромъ тайкомъ, никѣмъ не замѣченный и подготовилъ себѣ alibi, нанявъ въ Руанѣ комнату въ гостинницѣ, изъ которой вышелъ незамѣтно, тайкомъ и затѣмъ пѣшкомъ прошелъ нѣсколько льё въ Croix de Maufras, гдѣ его ждала Северина. Послѣдняя придумала для болѣе театральной обстановки раздѣться и въ такомъ дезабилье встрѣтить сначала любовника, а затѣмъ и мужа. Но видъ ея обнаженнаго горла снова разбудилъ хищнаго и бѣшенаго звѣря въ Жакѣ; онъ выразилъ сначала неудовольствіе, зачѣмъ Северина раздѣлась, и сталъ обнаруживать нервное возбужденіе, въ ожиданіи обреченнаго на смерть мужа. Видя его тревожное и возбужденное настроеніе и отнюдь не подозрѣвая его настоящихъ мотивовъ, Северина думаетъ, что его безпокоитъ и волнуетъ предстоящее убійство; чтобъ ободрить и поддержать его въ такомъ рѣшеніи, она осыпаетъ его страстными ласками, желая подчинить его своей волѣ, непреклонно направленной противъ мужа, съ которымъ она рѣшилась во что бы то ни стало покончить. Увлеченная этой мыслью, она не замѣтила, какъ въ нѣжно ею любимомъ Жакѣ забушевалъ дикій звѣрь, жаждавшій крови. Я не стану описывать эту сцену, которая въ сущности напоминаетъ и повторяетъ вышеприведенную, хотя на этотъ разъ съ другимъ финаломъ. Северина, замѣчая, что Жакъ, словно боится ея, съ тщеславіемъ женщины, гордой впечатлѣніемъ, производимымъ ею на любимаго мужчину, видя, что Жакъ упорно отворачиваетъ отъ нея свои глаза, подернувшіеся выраженіемъ какой-то дикой страсти и принявшіе безумное выраженіе, упорно къ нему ласкается, требуя его поцѣлуевъ. Жакъ пятится спиной къ столу съ лампой, на которомъ лежитъ ножъ, врученный ему Севериной для убійства Рубо, она его преслѣдуетъ и подходитъ къ свѣту лампы, которая ярко освѣщаетъ ея горло и грудь. Тогда сознаніе Жака уходитъ густымъ паромъ въ наслѣдственную трещину головы вышеописаннымъ у Зола способомъ (см. ночную сцену въ Парижѣ). Онъ ничего уже болѣе не слышитъ отъ страшнаго шума въ головѣ, у него жжетъ за ушами, онъ только чувствуетъ, что руки, ноги становятся ему чужими, что его сознаніе оставляетъ тѣло, которымъ быстро завладѣваетъ кто-то другой, вытѣсняя его собственное я—sous le galop de l'autre, la bête envahissante—тогда онъ ощупью схваты-

ваетъ лежащій за его спиной ножъ и дико сжимаетъ его. Северина замѣтила сверкнувшее въ его рукѣ лезвее ножа, она въ испугѣ бросается назадъ, восклицая: Жакъ! Жакъ! Ради Бога, зачѣмъ, зачѣмъ! Свирѣпый ударъ ножа въ горло былъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Ударъ, повергшій ее мертвой на полъ, былъ буквальнымъ повтореніемъ удара, нанесеннаго тѣмъ же ножомъ Грандморену — въ то же самое мѣсто, съ тѣмъ же поворотомъ руки и съ тою же яростью. Смотря на ея трупъ, залитый кровью, ему слышится ревъ и рычанье дикихъ звѣрей, но, прислушавшись, онъ замѣчаетъ, что это его собственное учащенное дыханіе. Онъ испытывалъ бѣшеную удовлетворенность вѣчнаго желанія и т. д. Вся эта психологія убійцы глубоко фальшива и послѣ всего вышеизложеннаго, мы считаемъ излишнимъ это доказывать. Изученіе такихъ глубоко извращенныхъ, патологическихъ субъектовъ, которые влекутся на убійство исключительно жаждой женской крови—дѣло медицины, а не романа.

Судебная практика и медицинскіе трактаты, основанные на наблюденіяхъ врачей, свидѣтельствуютъ, что примѣры такого чудовищнаго извращенія человѣческой природы встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, хотя весьма рѣдко. Я думаю, что изображеніе такихъ людей въ романѣ—задача не только трудная и неблагодарная, но и совершенно противная требованіямъ и условіямъ художественнаго творчества. Правда, современная критика признаетъ за писателемъ-беллетристомъ безграничную свободу выбора сюжетовъ—но, даже допуская эту точку зрѣнія на художественное произведеніе, слѣдуетъ признать, что Зола сдѣлалъ грубую ошибку, взявъ героемъ своего романа такую уродливую въ нравственномъ отношеніи личность, такого психологическаго урода, какъ Жакъ Лантье. Зола, при всемъ своемъ талантѣ, весьма грубый и неумѣлый психологъ – онъ путается и спотыкается и въ менѣе сложныхъ психическихъ состояніяхъ, болѣе доступныхъ его наблюденію и, конечно, обнаруживаетъ, несмотря на упорныя усилія, полную неспособность заглянуть въ душу своего героя и освѣтить его омраченную недугомъ и глубоко искаженную природу.

По весьма вѣрному замѣчанію Герикура, для объясненія извращенныхъ и болѣзненныхъ инстинктовъ, Жака Лантье, автору вовсе не было надобности прибѣгать къ доктринѣ атавизма, которая только завела его въ дебри нелѣпаго баснословія. Дѣйствительно, мы знаемъ, что наиболѣе серьезные и

авторитетные представители науки, напримѣръ, докторъ Морель, психіатры: Маньянъ, Легранъ-дю-Соль (Legrand du Saule) и др. видятъ въ такихъ преступникахъ, дѣйствительно существовавшихъ и достовѣрно изслѣдованныхъ, продуктъ *наслѣдственнаго вырожденія*. Мы оставимъ всторонѣ *апокрифы*, то-есть, такихъ сомнительныхъ убійцъ, какъ Евсевій Пиданіэль, рѣчь котораго, содержащая подробную исповѣдь, будто-бы сказанную въ судебномъ засѣданіи, передъ присяжными, напечатана докторомъ Фолертомъ, въ его извѣстномъ собраніи достопримѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ, въ такъ называемомъ „Neue Pitaval". Этотъ процессъ дѣло темное, ибо, какъ заявляетъ самъ издатель „Новаго Питаваля", ему не удалось, несмотря на всѣ старанія, достать протоколы и оффиціальный отчетъ объ этомъ процессѣ [1]). Остановимся на вполнѣ достовѣрныхъ экземплярахъ такихъ убійцъ, какими былъ Менеклу, Тувіо и нѣкоторые другіе, при этомъ окажется слѣдующее. Тувіо былъ сынъ самоубійцы, страдавшаго, по всѣмъ признакамъ, сильнымъ психическимъ разстройствомъ, его дѣдъ былъ эпилептикъ, а мать публичная проститутка—поэтому его дикія и звѣрскія наклонности и жажда женской крови—проще и, главное, научнѣе объясняются процессомъ вырожденія. Менеклу, убившій малолѣтнюю дѣвочку, приговоренный къ смертной казни, согласно приговору присяжныхъ, не давшихъ ему снисхожденія,—по своему происхожденію и даже внѣшнимъ признакамъ, носилъ на себѣ печать вырожденія. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводятъ насъ статьи психіатровъ и медиковъ, написанныя по поводу этого процесса.

Зола изобразилъ въ своемъ романѣ два лица, по типу атавизма, Жака Лантье и Флору. Послѣдняя устраиваетъ крушеніе поѣзда, чтобы погубить ѣдущаго на немъ Жака и Северину, изъ чувства ревности, повинуясь внушеніямъ первобытной самки лѣсовъ, которая жила въ ней, толкая, ее истреблять все, что мѣшало ея любовнымъ влеченіямъ. Обѣ эти фигуры крайне неудачны, какъ явно вымышленныя и сдѣланныя точно изъ картона, по рецепту Туринскаго антрополога. Какъ физіологическій этюдъ преступнаго типа, онѣ не выдерживаютъ научной критики. Еще менѣе состоятельны онѣ съ точки зрѣнія критики художественной. Эта дикая Флора, которую

[1]) Этого процесса также нѣтъ въ Gaz. des Tribunaux, гдѣ печатаются всѣ уголовныя causes celebres Франціи..

авторъ чуть ли не ставитъ на пьедесталъ, за необузданность ея страсти, vierge et gûerriere, какъ величаетъ ее Зола, въ сущности лицо явно выдуманное и совершенно фантастическое.

Картина ея смерти—она кончаетъ жизнь самоубійствомъ, бросившись на рельсы подъ колеса проходившаго въ туннелѣ поѣзда, длинна, утомительна подробностями и оставляетъ впечатлѣніе не ужаса и боли, а скорѣе скуки. Какое сравненіе—чудесное описаніе сходной, по обстановкѣ, смерти Анны Карениной у гр. Л. Н. Толстаго.

Не даромъ еще Вольтеръ остроумно замѣтилъ:

Le secret d'ennuer est celui de tout dire.

Другіе убійцы въ этомъ кровавомъ желѣзно-дорожномъ романѣ,—именно супруги Рубо и стоящій на второмъ планѣ сторожъ Мизаръ, изображены удачнѣе, особенно послѣдній. Супруги Рубо заимствованы авторомъ, такъ сказать цѣликомъ, изъ одного извѣстнаго процесса, отчетъ о которомъ напечатанъ въ „Gazette des Tribunaux“, отъ 10 августа 1882 г.—это процессъ аптекаря Фенеру и его жены, убившихъ совершенно также, какъ чета Рубо въ романѣ—другаго аптекаря Обера, бывшаго помощника мужа и любовника жены Фенеру. Этотъ процессъ, извѣстный во французской печати подъ названіемъ Crime de Chatou, лѣтъ восемь тому назадъ, надѣлалъ много шума между юристами и въ печати Франціи. Зола взялъ изъ этого процесса свою чету Рубо, придавъ имъ даже тѣ же черты лица, слѣдуя описанію супруговъ Фенеру, какъ оно изложено въ отчетѣ судебнаго засѣданія, конечно украсивъ ихъ цвѣтами своей фантазіи и отчасти исказивъ ихъ измышленіями своей своеобразной психологіи.

Тенденція Зола, весьма ясно проходящая черезъ весь романъ—это радикальное порицаніе всѣхъ основъ нынѣшней системы уголовнаго правосудія во Франціи. По мнѣнію автора, она нелѣпа во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ старается подорвать всякое къ ней довѣріе.

Дѣйствительные убійцы невмѣняемы—на этомъ пунктѣ Зола особенно настаиваетъ, и въ этомъ случаѣ является вполнѣ послѣдовательнымъ детерминистомъ. Но кромѣ того, настоящіе уголовные процессы во Франціи—театральныя представленія, водевили, а не серьезное изслѣдованіе дѣла.

Описывая судебное засѣданіе по дѣлу Рубо и Кабюша, обвиняемыхъ въ двойномъ убійствѣ Грандморена и Северины,

Зола представилъ злую сатиру на современные нравы и порядки суда во Франціи.

Слѣдователь Денизе отчаянный карьеристъ, который ради извѣстности и карьеры готовъ рѣшительно на все. Онъ съ апломбомъ готовъ отправить на гильотину совершенно неповинныхъ людей, напримѣръ, грубаго, но ни въ чемъ неповиннаго сторожа Кабюша, опутавъ его паутиной своихъ софизмовъ и хитросплетенныхъ, но далекихъ отъ правды уликъ. Въ результатѣ является турниръ между прокуратурою и защитою, щеголяющею цвѣтами краснорѣчія, и обвинительный приговоръ Рубо и Кабюша въ обоихъ убійствахъ, при чемъ первый однако вовсе не повиненъ въ убійствѣ жены, а второй и въ томъ и другомъ.

Присяжные вынесли снисхожденіе обоимъ обвиненнымъ не ради какихъ-нибудь высшихъ юридическихъ соображеній, но потому, что, по мѣстнымъ слухамъ, l'affaire était un peu louche.

Вообще Зола, очевидно, крайне невыгоднаго мнѣнія о французской Ѳемидѣ, которая является въ его романѣ слѣпой и болтливой богиней.

„*La Bête Humaine*“, по содержанію и воззрѣніямъ автора, вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію. Емиль Зола не даромъ такъ озаглавилъ свое послѣднее произведеніе — это дѣйствительно *зоологическій романъ*, съ звѣроподобными героями (Жакъ Лантье, Флора, а также отчасти, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и другія лица). Постепенно и усердно выскабливая и вытравливая въ изображаемыхъ имъ людяхъ *душу*, французскій натуралистъ почти совсѣмъ упразднилъ ее въ этомъ романѣ и дошелъ до типа дѣйствительно звѣроподобныхъ людей. Нѣмецкій писатель Генрихъ Гартъ, въ своей доисторической „эпопеѣ“ Туль и Нагила (Tul und Nahila), описывая людей, жившихъ въ глубокой доисторической древности, на островѣ Цейлонѣ, изображаетъ своихъ героевъ—жившихъ въ сообществѣ съ обезьянами-исполинами и не знавшихъ другихъ орудій кромѣ каменнаго топора и дубины,— болѣе человѣческими чертами, чѣмъ Зола французовъ 60 годовъ нашего столѣтія.

Соотвѣтствуетъ ли такое изображеніе дѣйствительности и жизненной правдѣ?

Звѣря въ человѣкѣ видятъ и изображаютъ и другіе писатели и притомъ такіе крупные художники, какъ Левъ Толстой,

но между ними глубокая и существенная разница. Психопатъ Познышевъ въ „*Крейцеровой Сонатѣ*“ всѣмъ существомъ своимъ содрагается и раскаявается въ своемъ звѣрствѣ, обвиняя въ распутствѣ современную цивилизацію, которая, ублажая и потворствуя его животнымъ наклонностямъ и эротическимъ вожделѣніямъ, подготовила въ немъ почву для звѣрскаго проявленія ревности, выразившагося въ убійствѣ жены. Герои романа Зола совершенно чужды всякаго чувства раскаянія, это постоянно и старательно подчеркиваетъ самъ авторъ, проповѣдующій, что преступленія, порождаемыя звѣрствомъ человѣка, есть такъ сказать *законъ природы*, отпрыскъ первобытной дикости въ современномъ обществѣ и человѣкѣ.

Свой зоологической романъ Зола заканчиваетъ символическимъ изображеніемъ звѣря, въ видѣ никѣмъ неуправляемаго и бѣшено несущагося впередъ въ темную даль поѣзда-звѣря. Романъ, какъ извѣстно, заканчивается фантастическимъ изображеніемъ этого поѣзда, въ клубахъ чернаго дыма, съ огненной пастью, уносящаго въ мракъ ночи и смерти пьяныхъ, распѣвающихъ пѣсни солдатъ, которыхъ послали на границу для убоя, какъ пушечное мясо, вслѣдствіе послѣдовавшаго объявленія войны съ Пруссіей—„en bête aveugle et sourde qu' on avait laché parmi la mort, elle roulait, elle roulait chargé de cette chair a canons, de ces soldats déja hebetés de fatigue et ivres qui chantaient“. Этими словами заканчивается фантастическая картина поѣзда-звѣря и весь романъ.

Нѣкоторые слишкомъ усердные почитатели французскаго романиста въ этой фантастической картинѣ видятъ неизвѣстно почему торжество могучаго реализма новой школы французскаго романа, на нашъ взглядъ это ничто иное, какъ болѣзненный плодъ разыгравшейся фантазіи, которая не рѣдко увлекаетъ Зола далеко за предѣлы правды и доводитъ его до очевидной утраты того sens du reel, т. е. чувства реальной правды, которую онъ такъ усердно рекомендуетъ всѣмъ хорошимъ писателямъ въ своихъ критическихъ статьяхъ.

Мнѣ остается еще передать въ нѣсколькихъ словахъ для большей ясности содержаніе послѣднихъ страницъ романа. Три мѣсяца спустя послѣ судебнаго процесса въ Руанѣ, кончившагося двойнымъ осужденіемъ Рубо и Кабюша (оба признаны виновными какъ въ убійствѣ Грандморена, такъ и Северины), была объявлена война съ Пруссіей. Желѣзно-дорожный персоналъ служащихъ кряхтѣлъ и изнемо-

галъ вслѣдствіе усиленнаго движенія поѣздовъ, поспѣшно отвозившихъ войска на границу. Въ видахъ ускоренія и облегченія мобилизаціи арміи были приняты экстренныя мѣры и, между прочимъ, всѣ лучшіе машинисты желѣзныхъ дорогъ Франціи были предоставлены въ распоряженіе военныхъ поѣздовъ. Такимъ образомъ, Жаку Лантье, въ одинъ іюльскій вечеръ пришлось везти вмѣсто обычнаго экспреса огромный поѣздъ, изъ 18 вагоновъ, биткомъ набитыхъ солдатами. Его помощникъ и постоянный спутникъ кочегаръ Пекё явился въ этотъ вечеръ въ депо сильно выпившимъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они ѣздили вмѣстѣ на паровозѣ Lizon изъ Гавра въ Парижъ и обратно, они были дружны и любили свой паровозъ, о гибели котораго, во время крушенія поѣзда, вызваннаго обезумѣвшей Флорой, они оба сердечно тужили. Аккуратный и исполнительный Жакъ постоянно покрывалъ нѣкоторыя оплошности своего кочегара, склоннаго иногда погулять и выпить. Но послѣднее время между ними пробѣжала черная кошка. Пекё приревновалъ Жака къ своей любовницѣ Филоменѣ, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ, несомнѣнно убѣдился въ достовѣрности своихъ ревнивыхъ предположеній. Поѣздъ запоздалъ и вышелъ со станціи уже почти ночью; небо заволокло грозовой тучей, въ воздухѣ было томительно и душно. Жакъ и Пекё были не въ духѣ: первый оттого, что убѣдился при своей связи съ Филоменой, что убійство Северины не утолило въ немъ жажду женской крови и женское тѣло по-прежнему вызывало въ немъ кровожадные инстинкты; Пекё былъ совсѣмъ мраченъ и дико смотрѣлъ на Жака, въ немъ бушевалъ звѣрь ревности и чувство обиды за измѣну Филомены. Пекё былъ человѣкъ мстительный, склонный къ буйству и насилію, особенно въ пьяномъ видѣ. Его сумрачная и озлобленная физіономія, вмѣстѣ съ опьяненіемъ тревожили Жака. Поѣздъ, везомый паровозомъ № 608, замѣнившимъ разбитую Lizon, наконецъ, двинулся. Жакъ, старательно изучавшій въ теченіе цѣлой недѣли свойства своего новаго паровоза, былъ весь погруженъ въ свое дѣло, онъ видѣлъ, что новая машина далеко не такъ послушна его волѣ, какъ прежняя, что она еще молода и строптива.

„Въ эту ночь новый паровозъ былъ какъ-то особенно капризенъ и нервенъ“, говоритъ Зола, „онъ закусывалъ удила отъ нѣсколькихъ лишнихъ кусковъ угля въ печкѣ; потому-то

Жакъ, не спуская руки съ регулятора, съ возраставшимъ безпокойствомъ слѣдилъ за своимъ кочегаромъ, который раза два толкнулъ его будто нечаянно, поводимому оттого, что былъ пьянъ. Пекё громко смѣялся, съ преувеличенной силой разбивая молоткомъ уголь, бросалъ его въ печь въ большемъ количествѣ, чѣмъ требовалось. Видя его безразсудство и, потерявъ, наконецъ, терпѣнье, Жакъ крикнулъ ему „довольно!“. Тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и продолжалъ сыпать топливо; тогда Жакъ схватилъ его за руку, но этотъ, оборотившись, принялъ вызывающій видъ—давно ожидаемый поводъ къ ссорѣ былъ, наконецъ, найденъ. „Тронь только меня“, зарычалъ онъ, „я тебя расшибу (jecogne). Я хочу ѣхать какъ можно скорѣе“. Поѣздъ несся на всѣхъ парахъ по равнинѣ, идущей отъ Больбека къ Моттевиллю, съ шумомъ и гуломъ, раскинувшись длиннымъ хвостомъ изъ восемнадцати вагоновъ, набитыхъ живымъ человѣческимъ мясомъ (betail humain). Эти люди, которыхъ везли на убой, пѣли во всю глотку, и притомъ такъ громко, что своими голосами заглушали стукъ колесъ. Жакъ захлопнулъ ногой дверцы печки. Маневрируя машиной, онъ старался сдерживать свою досаду, и потому ограничился тѣмъ, что сказалъ: „огня слишкомъ много. Иди спать, ты пьянъ“.

Но Пекё не унимался; онъ снова отперъ дверцы и сталъ сыпать уголь въ печь, какъ будто желая накалить паровозъ и взорвать его. Это уже было полное нарушеніе дисциплины и порядка, грозившее явной опасностью жизни пассажировъ. Жакъ поспѣшно наклонился, чтобы опустить заслонку топлива и уменьшить хотя этимъ способомъ количество паровъ, но разсвирѣпѣвшій кочегаръ, внезапно охвативъ его, пытался сбросить съ тендера на рельсы. Между ними завязалась отчаянная борьба, они вцѣпились другъ въ друга, какъ звѣри, свалившись на полъ; раскаленная печь жгла имъ ноги, когда они ихъ протягивали въ борьбѣ; крутясь въ отчаянныхъ усиліяхъ, оба спустились на желѣзный мостикъ тендера, который буквально танцовалъ подъ ними. У Жака блеснула мысль, что если ему удастся встать на ноги, запереть регуляторъ и остановить поѣздъ, то это спасетъ его отъ обезумѣвшаго кочегара, разъяреннаго виномъ и ревностью. Но исполнить это намѣреніе оказалось невозможнымъ—его противникъ былъ сильнѣе и больше ростомъ. Замѣтивъ по движеніямъ Жака, что онъ желаетъ остановить поѣздъ, Пекё еще болѣе

разсвирѣпѣлъ и напрягши всѣ свои силы, поднялъ его на воздухъ крича: Ah! tu veux arreter... Ah, tu m'as pris ma femme... Va, va faut que tu y passe!.. Съ этими словами онъ сбросилъ его внизъ съ мчавшагося паровоза, но Жакъ, падая, такъ цѣпко держался обѣими руками за его шею, что увлекъ его вмѣстѣ съ собой. Раздались два отчаянныхъ крика, которые слились вмѣстѣ и потонули во мракѣ ночи, подъ шумъ колесъ поѣзда. Вслѣдствіе быстроты движенія, ихъ обоихъ, во время паденія, втянуло подъ колеса, которыя ихъ исковеркали и раздавили. На другой день были найдены на рельсахъ два обезглавленные трупа—окровавленные, безъ ногъ, но неистово вцѣпившіеся другъ въ друга руками.

А поѣздъ, никѣмъ не управляемый, все несся и несся впередъ. Теперь онъ былъ свободенъ и могъ отдаться своей непокорной волѣ и своенравному порыву молодости, какъ необъѣзженная кобылица, которая, вырвавшись изъ рукъ конюховъ, бѣшено мчится въ полѣ. Поѣздъ мчится, не останавливаясь на мелькающихъ мимо станціяхъ, не подавая ни свистковъ, ни сигналовъ, это былъ бѣшеный скокъ звѣря, la bête qui foncait tête basse parmi les obstacles. Elle roulait, elle roulait sans fin comme affolée de plus en plus par le bruit strident de son haleine. Такъ промчался этотъ поѣздъ-звѣрь мимо станціи въ Руанѣ, гдѣ была остановка для наливки воды. Встревоженный персоналъ станціи пришелъ въ ужасъ, при видѣ этого бѣшено пронесшагося мимо, безъ машиниста и кочегара, поѣзда, набитаго солдатами, выкрикивавшими патріотическія пѣсни. Телеграфъ усиленно работалъ, на всѣхъ станціяхъ пути, разнося тревожную вѣсть о загадочномъ поѣздѣ, внѣ всякихъ правилъ съ страшной скоростью, безъ установленныхъ остановокъ, проносящемся мимо нихъ. Слѣдующая за Руаномъ станція Соттевилль была загромождена вагонами и маневрирующими поѣздами. Въ Соттевилль полетѣли телеграммы съ предупрежденіемъ о бѣшеномъ поѣздѣ-чудовищѣ, который несся къ нему, какъ кабанъ, все прямо и впередъ, не обращая вниманія ни на красные огни, ни на другіе сигналы. Съ шумомъ и трескомъ влетѣлъ онъ и проскользнулъ мимо этой станціи, безъ зацѣпки и остановки и скрылся во мракѣ ночи, унося все далѣе и далѣе впередъ!..

На сколько вѣроятно и правдоподобно это описаніе, предоставляемъ судить инженерамъ, какъ извѣстно усерднымъ почитателямъ романовъ Зола.

Въ заключеніе моей статьи, я считаю не лишнимъ резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ характеръ и значеніе этого романа. Очевидно, онъ представляетъ послѣднее слово той школы экспериментальнаго романа во Франціи, которая создана Эмилемъ Зола и которая стремится преобразовать не только форму беллетристики, но цѣли и задачи искусства и, что еще важнѣе, самое пониманіе человѣческой природы. Въ своей извѣстной статьѣ объ экспериментальномъ романѣ Зола говоритъ: „метафизическій человѣкъ умеръ и похороненъ наукой, вслѣдствіе чего вся наша (т. е. романистовъ) область видоизмѣнилась. Теперь задача романиста—изученіе физіологіи человѣка“ [1]). Иначе говоря, эта школа вычеркиваетъ духовную сторону человѣка, его душу, ее занимаетъ и она видитъ только тѣло и животную природу человѣка, отъ того она съ такимъ усердіемъ копается въ трупахъ. Въ послѣднемъ романѣ Зола читателя поражаетъ тяжелый, трупный запахъ мертвечины, стоящій густымъ смрадомъ во всемъ романѣ.

Такія воззрѣнія автора предрасполагали его къ принятію ученія *атавистовъ*, безусловныхъ детерминистовъ, какъ и онъ самъ. Принявъ на вѣру, ихъ выводы и рискованныя гипотезы, которыя Зола наивно считаетъ строго научными положеніями положительнаго знанія, онъ иллюстрировалъ въ своемъ „Bête Humaine“ эту доктрину итальянскихъ криминалистовъ-антропологовъ, изобразивъ рядъ убійствъ, объясненныхъ и мотивированныхъ имъ началами наслѣдственности и атавизма.

Выведенные имъ убійцы совершаютъ свои звѣрскія дѣянія съ спокойствіемъ стихійной силы, съ равнодушіемъ существъ, пассивно исполняющихъ *желѣзный законъ необходимости*, въ силу намѣченнаго самой природой порядка вещей.

Въ группѣ изображенныхъ имъ, съ мелочными подробностями самыхъ разнообразныхъ типовъ убійцъ не слышится ни вздоха сожалѣнія, ни стона раскаянія.

Всякій, кто имѣлъ дѣло и видѣлъ преступниковъ въ натурѣ, знаетъ, что это совсѣмъ не такъ, что духовная природа человѣка, хотя часто и грубо искаженная, однако не отсутствуетъ въ преступникѣ, она бываетъ лишь омрачена, а не совсѣмъ вытравлена, какъ въ герояхъ „Bête Humaine“.

Болѣе тонкіе наблюдатели, какъ нашъ Ѳ. М. Достоевскій, изучившій преступниковъ не по книжкамъ, а въ самой жизни,

---

[1]) „Le Roman Experimental“ par E. Zola. Paris, 1887, стр. 52.

это ясно видѣли и понимали, оттого изображенные Достоевскимъ преступники въ его „*Запискахъ изъ Мертваго Дома*“, и „*Преступленіи и Наказаніи*“ живые люди, а не манекены атавизма, какъ у Зола.

Глубокая жизненная правда типовъ преступника, изображенныхъ Достоевскимъ, бьетъ въ глаза, когда мы ихъ сравнимъ съ героями „Bête Humaine“, на это обратили вниманіе какъ заграничные критики этого романа, напр. Поль Линдау, такъ и люди науки, напр. вышеуказанный Тардъ, который въ своей „Philosophie Penale“ цитируетъ Достоевскаго въ качествѣ великаго и авторитетнаго знатока характера преступниковъ.

Относительно научнаго значенія доктрины атавизма, ко всему вышесказанному мнѣ остается прибавить весьма немногое. Не говоря уже о крайне поспѣшныхъ выводахъ и рискованныхъ гипотезахъ основателя этой школы, Ламброзо, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и то, что въ каждомъ новомъ изданіи своей книги онъ существенно видоизмѣняетъ многіе коренные принципы,—даже самое основное положеніе атавистовъ крайне шатко и произвольно. Главнымъ основаніемъ этого ученія, какъ извѣстно, служитъ предположеніе, что первобытные люди были въ высшей степени свирѣпы, жестоки и кровожадны. Но это тоже не такъ! Археологическія раскопки и научныя изслѣдованія быта нынѣ извѣстныхъ дикарей указываютъ здѣсь на весьма характерное различіе. Палеонтологія и доисторическія раскопки свидѣтельствуютъ, что троглодиты Бельгіи отнюдь не были такъ свирѣпы, какъ троглодиты, выкопанные въ Перигорѣ. Кромѣ того нѣкоторыя изъ племенъ Новой Гвинеи, стоящія на самой низкой ступени культуры, дикари, въ высшей степени кроткіе, убійства среди нихъ вовсе неизвѣстны, а несравненно болѣе ихъ развитые кафры и дагомейцы свирѣпы и кровожадны. Людоѣды-фиджійцы, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказались не совсѣмъ первобытные люди. Такимъ образомъ свирѣпость первобытнаго, не тронутаго цивилизаціей человѣка, какъ общее правило, есть фикція, а эта фикція—основной камень всего ученія атавистовъ.

П. МАТВѢЕВЪ.

Разсказы изъ жизни женевскихъ бунтарей [1].

(*Окончаніе*).

Жданный гость.

I.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ одного изъ второстепенныхъ Café, недалеко отъ зданія университета, въ Женевѣ, собралась большая компанія эмигрантовъ. Тутъ были на лицо представители всѣхъ партій и фракцій. Противъ обыкновенія, среди собравшихся царствовала тишина. Поджарый гарсонъ, съ вытянутой отъ удивленія физіономіей, недоумѣвающе оглядывалъ многочисленную публику и терпѣливо дожидался, не спросятъ ли чего. Гарсонъ рѣшительно недоумѣвалъ: собрались „русскіе“ и нѣтъ ни шума, ни крика и, главное, никто не требуетъ себѣ „освѣжиться“. Нѣсколько разъ онъ попробовалъ кашлянуть, чтобы деликатнымъ способомъ напомнить, что пора бы... но маневры его результата не имѣли.

Прошло болѣе получаса томительнаго ожиданія. Лица бунтарей были весьма серьезны, что̀ давало поводъ думать, что на этотъ разъ заставило собраться вмѣстѣ, постоянно находившихся въ враждебныхъ отношеніяхъ, какое-нибудь изъ ряду вонъ выходящее обстоятельство. Но если это такъ, то странное дѣло: отчего не приступаютъ къ дебатамъ, когда всѣ, рѣшительно всѣ, были въ полномъ сборѣ, начиная отъ народовольцевъ и чернопередѣльцевъ и оканчивая соціалъ-демократами, старыми революціонерами и Громадой?

Обыкновенно, когда бунтари сходились вмѣстѣ для своихъ

[1] См. „Русск. Вѣстн.“ 1889, кн. VII, X; 1890, VII.

обычныхъ собраній, они предварительно давали знать, чтобы большой столъ, занимавшій всю длину отдѣльнаго кабинета, былъ удаленъ, и на его мѣстѣ были поставлены маленькіе, круглые столики, чтобы каждая партія имѣла возможность усаживаться особо,—теперь же представители враждующихъ партій сидѣли за общимъ столомъ, словно розни между ними и не бывало.

Это обстоятельство вскорѣ выяснилось, ибо присутствующимъ стало наконецъ въ тягость столь продолжительное молчаніе.

— Письмо у васъ? обратился Стружка къ Воздвиженскому.

— У меня.

— Прочтите его, пожалуйста, еще разъ. Какъ хотите, содержаніе его довольно туманно. Ну, что бы ему написать ясно: везу-молъ вамъ и столько-то... Эхъ, эти „литераторы", просто и письма написать не умѣютъ...

— Малевинскій и въ статьяхъ своихъ никогда точно не формулировалъ своихъ мыслей. Такая ужь у него манера— либо туману напуститъ, либо пойдетъ умничать — вставилъ свое замѣчаніе Топорище.

— Что намъ за дѣло до литературной манеры Малевинскаго, рѣзко перебилъ его Стружка.— Чортъ съ нимъ и съ его манерой. А что онъ намъ такое письмо написалъ, что ничего не разберешь, за это его похвалить нельзя. Что жъ, Воздвиженскій, вы прочтете намъ еще разъ посланіе этого литератора?

— Пожалуй, отвѣтилъ Воздвиженскій.

Съ свойственной ему неторопливостью, онъ досталъ изъ боковаго кармана мелко исписанный листокъ почтовой бумаги и прочелъ слѣдующее:

„Товарищи!"

„Цѣлыхъ три мѣсяца я провелъ въ Вѣнѣ, имѣя въ виду быть вамъ полезнымъ, точнѣе: быть полезнымъ тому великому дѣлу, которому вы мужественно посвятили вашу жизнь. Хотя я сознаю, что всякій изъ насъ исполняетъ по мѣрѣ силъ и возможности свой долгъ и что нашъ петербургскій кружокъ, дѣйствуя легально, въ *предѣлахъ возможности*, способствуетъ тому же самому великому принципу разрушенія ненавистнаго порядка вещей и установившихся нелѣпыхъ традицій,—тѣмъ не менѣе я не могу не сознавать, насколько ваша дѣятельность плодотворнѣе, почтеннѣе и богаче своими, удивленія

достойными, результатами. Какъ это мнѣ ни больно, я не могу не признать, что мы, петербургскій кружокъ, выбрали себѣ самый легкій и безопасный путь для достиженія великой цѣли. Въ чемъ, въ сущности, заключается наша дѣятельность? Единственно *въ мозговой работѣ*, въ ухищреніяхъ сказать между строкъ то, о чемъ слѣдовало бы возвѣщать съ барабаннымъ боемъ на улицахъ и площадяхъ! Въ то время, когда вы смѣло разбрасываете пылающія головни, открыто заявляете себя врагами существующаго порядка, идете на проломъ и рубите съ плеча,—мы, усвоивъ себѣ"...

— Нельзя ли пропустить эти дурацкія разсужденія и прочитать только то, что касается дѣла? перебилъ Черный Воздвиженскаго.

— Конечно! Читайте о дѣлѣ, присоединился къ нему Хохолъ.

— Вы требуете, господа, невозможнаго, перебилъ послѣдняго Топорище.—Напрасно вы думаете, что Малевинскій ставитъ дѣло выше своей болтовни. Нѣтъ. Онъ прежде всего болтунъ. Все письмо его заключаетъ въ себѣ сплошную болтовню и, между строкъ, роняетъ онъ, какъ-будто, намеки на дѣло. Покоритесь необходимости, авось какъ-нибудь доберетесь до настоящаго смысла.

— Дѣлать нечего, читайте дальше, Воздвижескій, произнесъ Хохолъ.

„Да-съ,—продолжалъ опять чтецъ, среди наступившей тишины—если вы, открытые, заправскіе революціонеры, поднимаете знамя и, гордо выступая впередъ, ломаете на своемъ пути препятствія, рискуя своими головами, то мы, легальные революціонеры, хотя и съ меньшимъ рискомъ, подготовляемъ почву..."

— Экая чепуха!.. не выдержалъ Копытенскій.

— Продолжайте, нетерпѣливо произнесъ Петровъ.

„...Подготовляемъ почву,—опять раздался монотонный голосъ Воздвиженскаго,—унавоживаемъ ее, разрыхляемъ ее и дѣлаемъ ее способною къ произрастанію великихъ плодовъ, вами посѣянныхъ... Если хорошенько разобрать, то вы сами представляете въ сущности собою лишь только всходы великаго посѣва 60-хъ годовъ! Конечно, вы, молодое поколѣніе революціонеровъ, превзошли своихъ учителей, и вся наша прошлая дѣятельность блекнетъ предъ тѣми гигантскими шагами впередъ, которые сдѣлали вы. Тѣмъ не менѣе, и наша заслуга

не маленькая: ибо вы плоть отъ плоти нашей, ибо вы созданія рукъ нашихъ—дѣятелей 60-хъ годовъ. Даже теперь, когда вы крѣпко стоите на собственныхъ ногахъ, когда вы знаете, чего хотите, и сознательно идете къ намѣченной цѣли; даже теперь мы, создавшіе васъ и имѣющіе право на покой, продолжаемъ содѣйствовать вамъ, не жалѣя своихъ трудовъ, уступая вамъ первое мѣсто и сами оставаясь въ тѣни. Полагаю, вы не имѣете поводовъ жаловаться, что мы претендуемъ на пальму первенства. Эту пальму мы охотно уступили вамъ, потому что вы ее заслужили своими безпримѣрными въ исторіи человѣчества подвигами. Вы уже имѣли много случаевъ убѣдиться въ справедливости этихъ моихъ словъ. А вотъ вамъ новое этому доказательство. Цѣлыхъ три мѣсяца я прожилъ въ Вѣнѣ *исключительно для того, чтобы быть вамъ полезнымъ*. Мои старанія увѣнчались успѣхомъ. *Я привезу вамъ то, что вамъ необходимо*!

Мнѣ удалось сдѣлать это для васъ и только для васъ, ибо единственная награда, которая мнѣ нужна отъ васъ за мою посильную помощь,—это строгая тайна, что эту помощь вы получили *отъ меня* или *черезъ меня*. И такъ, я ѣду къ вамъ, друзья мои, *чтобы лично передать вамъ то, что у меня для васъ готовится*, и при этомъ выскажу вамъ мою покорнѣйшую просьбу: я желаю, чтобы меня встрѣтили на вокзалѣ безъ помпы, безъ овацій. Во-первыхъ потому, что, какъ вамъ не безъизвѣстно, я человѣкъ скромный и не люблю вызывать шума своей особой; а во-вторыхъ, мой пріѣздъ въ Женеву долженъ оставаться тайной: я слишкомъ крупный членъ крупнаго литературнаго кружка, чтобы мое пребываніе среди васъ не взбудоражило агентовъ правительства, а это совершенно не желательно, ибо кромѣ непріятностей мнѣ лично и всему нашему кружку это бы ничего не вызвало.

Вотъ почему я настоятельно прошу, чтобы на вокзалѣ меня встрѣтилъ только Свирскій въ единственномъ лицѣ, а вы всѣ, господа, чтобы собрались въ менѣе замѣтномъ Café, куда я съ нимъ прямо съ вокзала къ вамъ и прибуду.

Я пріѣду ночью, съ послѣднимъ поѣздомъ, а уѣду утромъ съ первымъ поѣздомъ. Такимъ образомъ, надѣюсь, можно будетъ скрыть отъ соглядатаевъ мой пріѣздъ въ Женеву. Преданный вамъ товарищъ Малевинскій".

II.

Воздвиженскій кончилъ чтеніе среди всеобщаго молчанія, которое длилось съ минуту.

— Во всемъ этомъ письмѣ только одна фраза имѣетъ серіозное значеніе, все остальное—ерунда, произнесъ наконецъ Черный.—И эта-то фраза тоже недоговорена до конца...

— Вы это какую фразу подразумѣваете?

— Какую? Извѣстно, какую... „Я привезу вамъ то, что вамъ необходимо“... Безъ всякаго сомнѣнія, онъ тутъ подразумѣваетъ деньги, которыя намъ дѣйствительно необходимы. Но зачѣмъ ему и тутъ нужно было прибѣгнуть къ метафорѣ? Было бы гораздо умнѣе съ его стороны, еслибъ ясно обозначилъ, какую сумму привезетъ...

— Полагать надо, во всякомъ случаѣ, что привезетъ онъ сумму солидную, перебилъ его Топорище.

— Разумѣется, солидную. Болтунъ этотъ пользуется у себя, кажется, популярностью, и на его призывъ либеральная моль откликнется; если цѣлыхъ три мѣсяца онъ прожилъ въ Вѣнѣ, для того, чтобы „быть намъ полезнымъ“, какъ соблаговолилъ онъ выразиться, то въ такой длинный срокъ, вѣроятно успѣлъ повыжать достаточно.

— Тутъ, пожалуй, дѣло пахнетъ тысячами 25... не франковъ, замѣтьте, а рублей...

— А можетъ быть и всѣхъ 50 привезетъ...

— Ну, ужь куда!.. Чего захотѣли!.. И на томъ спасибо ему скажемъ, если тысячъ 10—15...

— Всякое даяніе благо... Послѣ такого поста оно кстати будетъ, съ блаженной улыбкой произнесъ Копытенскій. — Шутка ли, столько времени! Пора и разговляться...

— У тебя только одно вѣчно на умѣ! замѣтилъ Петровъ.

— А у тебя что? Не финти, братъ. Тутъ постороннихъ нѣтъ, все свои... Незачѣмъ рисоваться въ тогѣ невинной добродѣтели... И у тебя, какъ у меня, на умѣ только одно—какъ бы поправить свои обстоятельства и взять побольше на свою долю...

— Дуракъ... пьяница!.. вспылилъ Петровъ.

— Пьяница—это ты вѣрно сказалъ. Нечего грѣха таить: люблю выпить, невозмутимо отвѣтилъ Копытенскій. — Только

дуракомъ ты меня напрасно обозвалъ. Самъ знаешь, я не дуракъ и тебя насквозь вижу. Куда намъ, простымъ смертнымъ, съ тобой сравняться?.. При покойномъ Герценѣ такъ долго въ шутахъ состоялъ и имъ же почетной кличкой „Альфонса отъ революціи“ удостоенъ былъ... Шутка ли?..

— Какъ ты смѣешь?!.. поднялся со своего мѣста Петровъ и съ трясущейся на тонкой шеѣ головой, съ сжатыми кулаками, подступилъ къ Копытенскому. — Какъ ты смѣешь!

Онъ замахнулся во всю, но ударить не успѣлъ, какъ Копытенскій толкнулъ его въ грудь. Петровъ пошатнулся и упалъ.

— Со мною вздумалъ въ единоборство вступать, усмѣхнулся Копытенскій. Выходитъ, дуракъ ты, а не я. Не разсчиталъ!.. Ну, встань, не взыщи... Самъ виноватъ.

Копытенскій наклонился и помогъ Петрову подняться на ноги. Кругомъ раздался дружный хохотъ.

Петровъ обвелъ всѣхъ злымъ взглядомъ и побрелъ къ своему мѣсту, пробормотавъ сквозь зубы.

— Мошенники вы всѣ, вотъ что!

На лицахъ многихъ изъ собравшихся изобразилось нѣчто въ родѣ негодованія, и съ грознымъ выраженіемъ они обратились въ сторону Петрова. Наступила всеобщая угрожающая тишина, вотъ-вотъ готовая превратиться въ настоящую бурю Копытенскій, во время препирательства съ Петровымъ сохранявшій невозмутимое выраженіе на своемъ квадратномъ лицѣ, подпрыгнулъ на своемъ мѣстѣ, какъ ужаленный. Стружка обвелъ присутствующихъ своимъ косымъ взглядомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго на этотъ разъ. Топорище подмигнулъ угрожающе нѣкоторымъ членамъ своей свиты. Одинъ только Черный сохранилъ обычное выраженіе лица, но выставилъ болѣе обыкновеннаго впередъ торчавшую на высокой, тонкой шеѣ свою большую голову съ рыжими космами. Онъ нѣсколько разъ потянулъ хищнымъ, клювообразнымъ носомъ воздухъ и забралъ въ ротъ кончики козлиной бородки.

— Однако жъ... того... произнесъ онъ среди наступившей зловѣщей тишины.—Мы, значитъ, мошенники?.. Сильно сказано... что и говорить!...

Голова Чернаго еще болѣе видвинулась впередъ, и онъ зло улыбнулся во весь свой широкій ротъ, устремивъ хищный взглядъ на Петрова. Слова его послужили сигналомъ для на-

чала всеобщей бури. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ съ грозными криками, точно прорвалась плотина послѣ необычайнаго напора воды.

— Мы мошенники!.. заорали они.

— Вздуть его!.. кричали другіе.

— Покажемъ ему, что съ „обществомъ“ шутить нельзя!..

— Какъ онъ осмѣлился?.. Какъ онъ осмѣлился?!. Какъ языкъ у него повернулся!

— Вонъ его!... Вонъ отсюда!..

Всѣ эти восклицанія, раздававшіяся одновременно, принадлежали не главарямъ партій, а ихъ приспѣшникамъ и прихвостнямъ. На всѣхъ бунтарскихъ собраніяхъ установилось какъ бы обычаемъ, что иниціаторами возникавшихъ споровъ, препирательствъ и всякихъ междуусобицъ выдвигали второстепенныхъ, въ сущности, ничего не стоющихъ членовъ эмигрантскаго общества. Имъ наружно предоставляли иниціативу главнымъ образомъ потому, чтобы этимъ самымъ возвысить ихъ въ собственныхъ глазахъ, будто отъ нихъ все исходитъ, и такимъ образомъ они-де являлись не стадомъ барановъ, предводительствуемымъ главарями, а какъ бы самостоятельными дѣятелями. Такъ и казалось со стороны, что вся сила въ толпѣ, въ массѣ. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Масса только для того здѣсь существовала, чтобы служить ширмой. Масса неистовствовала, буйствовала, доводила иногда даже дѣло до драки; все это до тѣхъ поръ, пока главари не считали еще почву вполнѣ подготовленной, чтобы приступить къ дѣлу. Съ выступленіемъ главарей кажущаяся роль толпы совершенно измѣнялась, и рѣшителями судебъ эмигрантскаго собранія являлись исключительно они, толпа же, разбившись на группы, по командѣ и указанію, подавала свои голоса и покрывала ими даже такія рѣшенія и постановленія, противъ которыхъ первоначально протестовала и изъ-за которыхъ даже вступала въ драку. Вообще главари не любили и не допускали противорѣчій со стороны своихъ, крѣпко держали въ своихъ рукахъ бразды своего главенства и управляли своими кружками деспотически.

И теперь, какъ и всегда, первоначально заволновалась толпа, наполняя отдѣльный кабинетъ Café криками и ругательствами; главари же, въ томъ числѣ и Черный, подававшій сигналъ къ вспышкѣ, стушевались на время, какъ будто дѣло ихъ и не касалось.

*

— Слово рабочаго человѣка, надо ему шпицрутеновъ!.. покрылъ Тутышкинъ своимъ могучимъ голосомъ общій шумъ.— Зазнался, Николка, прахъ его возьми... Надо его поучить, сбить съ него фанаберію! Чтобы онъ, значитъ, чувствовалъ и помнилъ...

— Зазнался!.. Зазнался! старался перекричать его Копытенскій, все хладнокровіе котораго исчезло, и на лицѣ его появилась такая злая, жесткая улыбка, что смотрѣть на него становилось страшно.

Тутышкинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ Петрову, котораго заслоняли собой старые революціонеры. Петровъ сидѣлъ, зажавъ голову руками, съ закрытыми глазами, тяжело дыша и трясясь всѣмъ тѣломъ. Онъ чувствовалъ, что, увлекшись гнѣвомъ, пересолилъ. Конечно, самое лучшее было бы при помощи друзей и близкихъ дать тягу, но... тогда и отказаться отъ своей доли въ дѣлежѣ, а это теперь не только не удобно, но и не возможно... Петровъ рѣшилъ подвергнуться тому, что будетъ, и не уходить. На душѣ его было очень скверно. Быть битымъ ему еще не приходилось; теперь же, — онъ зналъ это навѣрное, — не миновать! И онъ ко всему приготовился...

Вдругъ неожиданное обстоятельство не только спасло его, но даже подняло его авторитетъ среди товарищей.

Не успѣлъ Тутышкинъ раздвинуть заслонявшихъ Петрова старыхъ революціонеровъ и наложить свою тяжелую руку на обидчика, какъ, словно бомба, влетѣлъ нашъ старый знакомецъ, Блюмкинъ.

— Господа!.. Господа!.. крикнулъ онъ, запыхавшись и еле-еле переводя духъ.—Господа! я вамъ сообщу нѣчто такое... такое, что ахнете!..

— Въ чемъ дѣло?

— Такое дѣло!.. такое дѣло!.. скороговоркой затараторилъ Блюмкинъ. Ну, однимъ словомъ, могу сказать, намъ грозитъ опасность... большая опасность!.. Надо принять мѣры, пока не поздно, а то мы рискуемъ... Рискуемъ получить шишъ!..

— Послушай, Ицка, Шліомка, или, какъ тамъ тебя, нетерпѣливо перебилъ его Копытенскій.—Говори, въ чемъ дѣло...

— Сейчасъ, сію минуточку... Дайте духъ перевести... Я такъ спѣшилъ, что весь умаялся, обиженнымъ голосомъ отвѣтилъ Блюмкинъ.—Охъ, охъ, дайте мнѣ въ себя придти...

— Да скажешь ли ты, наконецъ, въ чемъ дѣло? повернулся къ нему Тутышкинъ.

Блюмкинъ крикнулъ наконецъ.

— Князь со своей свитой собирается сюда...

III.

Сообщенное извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ собравшихся. Впечатлѣніе не скоро прошло. Блюмкинъ былъ доволенъ эффектомъ. Онъ горделиво выпрямился и торжествующе оглядывалъ присутствующихъ: онъ сознавалъ, что является героемъ минуты. Со всѣхъ сторонъ послышались крики.

— Пусть только покажется!

— Не пускать его!..

— Отбить у него охоту соваться, куда не просятъ!..

— Ай, да князь!..

— Неужто намъ придется еще дѣлиться съ нимъ?!.

Топорище выступилъ и громко призвалъ всѣхъ къ порядку.

— Дѣло серіозное, произнесъ онъ, надо принять мѣры!..

— Еще бы не серіозное, присоединился къ нему Стружка. Сіятельный анархистъ пользуется такимъ реноме... Его считаютъ прямымъ продолжателемъ Бакунина... Въ глазахъ отечественныхъ красныхъ онъ стоитъ всѣхъ насъ... Шутка-ли, европейская знаменитость и къ тому еще сіятельный!.. А что этотъ сіятельный давно выжилъ изъ ума, со своей всесвѣтной анархіей, до этого имъ дѣла нѣтъ... Вѣдь въ сущности, вся сочувствующая намъ моль гроша не стоитъ, и еслибъ мы не пользовались отъ нея... давно надо бы плюнуть на нихъ и прекратить съ этимъ дрянцомъ сношенія...

— Все это можетъ быть и вѣрно, перебилъ его Топорище.— Но не время теперь разглагольствовать. А вотъ какъ отдѣлаться отъ князька. Вѣра Ивановна,—обратился онъ къ Ягичъ,—полагаю, вы возьмете на себя трудъ выжить его...

— Почему же я?..

— Вы одни продолжаете съ нимъ сношенія, мы же всѣ давно прекратили.

— Я рѣшительно отказываюсь отъ этого порученія, заявила та.

— Какіе тому будутъ резоны? насмѣшливо отозвался Топорище.

Не обращая вниманія на явно насмѣшливый тонъ Топорища, она хладнокровно отвѣтила.

— Я не вижу, почему больше пользы въ томъ, что деньги попадутъ въ ваши руки, а не въ руки Петра Ивановича...

Главари окружили ее.

— Вы, значитъ, полагаете, что мы такъ-таки и уступимъ Петрушкѣ привезенныя деньги? выступилъ впередъ Черный.—По-вашему, такъ и быть: пусть ему достаются?.. Какъ же это вы совершенно забываете, что мы на эти деньги имѣемъ больше права?.. Всѣ мы, даже при существующихъ разныхъ партіяхъ, идемъ къ одной общей цѣли. Петрушка же работаетъ, видите ли, для *человѣчества*... И когда онъ перестроитъ по своему плану весь міръ, то, пожалуй, снизойдетъ и до насъ; вспомнитъ о бѣдномъ русскомъ мужичкѣ и его облагодѣтельствуетъ... Но не думаю, чтобы первая русская революціонерка, такъ высоко державшая свое знамя, увлеклась вдругъ утопіями сумасшедшаго, только о возвеличеніи своей особы и думающаго... Какой этотъ князь-анархистъ практическій дѣятель?.. Ужели вы измѣнили своему знамени, измѣнили дѣтямъ своей земли и примкнули къ печальнику порядковъ намъ чуждыхъ?..

Она слушала его безучастно съ устремленнымъ впередъ страннымъ взглядомъ своихъ мутныхъ глазъ, и только къ концу его рѣчи на лицѣ ея выразилось чуть замѣтное оживленіе; тѣмъ не менѣе, когда она заговорила, въ голосѣ ея не замѣчалось никакой перемѣны.

— Вовсе мнѣ не нравится дѣятельность Петра Ивановича, я не стою за него... Его идеи мнѣ совершенно чужды, и я имъ не сочувствую. Но онъ идетъ къ своей цѣли и знаетъ, чего хочетъ, а мы съ вами совершенно сбились съ дороги; и то дѣло, которому мы будто бы хотѣли посвятить жизнь,—пустой звукъ, игрушки... Мы до того опошлились, что потеряли всякій образъ и подобіе какихъ-нибудь дѣятелей. Она начала мало-помалу увлекаться, и глаза ея засверкали.—Наша жизнь стала безсодержательна и пуста, мы перестали заниматься дѣломъ, настоящимъ дѣломъ и всѣ наши силы, всю нашу энергію посвящаемъ интригамъ и пустой игрѣ въ революцію...

— Довольно!.. перебилъ ее Топорище.—Въ наставленіяхъ мы не нуждаемся...

— Будетъ!.. Будетъ! присоединился къ нему Черный.

— Бросьте ее... Оставьте въ покоѣ эту архивную знаменитость... выпалилъ Стружка.—Баба изъ ума выжила, стала ни къ чему негодной клячей; обойдемся и безъ ея содѣйствія... Чѣмъ намъ со вздорной бабой болтать, — продолжалъ онъ, весело подмигивая,—и напрасно терять время, ударимъ лучше челомъ нашему несравненному оратору и политику, Николаю Ивановичу... Повѣрьте, онъ лучше всякихъ бабъ справится съ князькомъ... Ну-ка, Николушка,—подошелъ онъ къ Петрову и взялъ его за руку, опасность потерять франки, я думаю, заставитъ васъ забыть непріятный инцидентъ, и вы не откажетесь для блага всего „общества“ выпроводить отсюда князя-анархиста.

— Я никогда не отказываюсь исполнять порученія „общества“, скромно отвѣтилъ Петровъ и, какъ будто ничего не случилось, поднялся съ мѣста и продолжалъ.—Такъ вамъ угодно, господа?

— Конечно!.. Кому же больше!.. послышались голоса.

— Хорошо-съ, надѣюсь, все обойдется благополучно... Будьте увѣрены, справлюсь... Блюмкинъ, откуда вы узнали, что онъ собирается сюда?..

— Шелъ я по набережной, отвѣтилъ Блюмкинъ, и встрѣтилъ Розалію. „Куда, — спрашиваю, — княгиня, спѣшите?“ — „Надо дать знать, чтобы отмѣнили сегодняшнюю сходку. Князь занятъ и не можетъ предсѣдательствовать.“ — „По какому такому случаю, спрашиваю, князь занятъ?“—„А по такому, говоритъ, что ему необходимо съ Малевинскимъ повидаться“...

— Откуда онъ могъ пронюхать о его пріѣздѣ? Непостижимо. Кто могъ ему проболтаться? пожалъ плечами Топорище.

— Мало ли среди насъ такихъ, которые не умѣютъ держать языкъ за зубами, проворчалъ Стружка.

— Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что князь, дѣйствительно, придетъ, и вопросъ теперь въ томъ, скоро ли онъ появится. Потому, не ровенъ часъ, а ну, онъ вдругъ пожалуетъ, когда Малевинскій уже будетъ здѣсь... Вѣдь тогда его не выживешь...

Дѣйствительно, было чего испугаться. Эмигрантская касса, по обыкновенію, была пуста; всѣ были обременены долгами; многіе давно уже жили впроголодь. Естественно, письмо Малевинскаго о томъ, что онъ привезетъ деньги изъ Россіи,

такъ какъ такія деньги приходили не разъ—оживило всѣхъ надеждой, и вдругъ сюрпризъ: ненавистный всѣмъ и державшійся отдѣльно отъ всѣхъ князь собирается ихъ вырвать.

— Я не понимаю, зачѣмъ намъ все это? проговорилъ Хохолъ. Плюнемте, братцы, на хитрости. Будемте дѣйствовать прямо: отрядимъ Тутышкина, Гласова, Копытенскаго и еще кое-кого, пускай они дождутся князя на улицѣ, и когда онъ покажется—заявятъ ему, что появленіе его среди насъ не желательно, если же онъ будетъ упорствовать, то можно будетъ силой заставить его повернуть оглобли.

— Слово рабочаго человѣка, я готовъ выполнить это порученіе и одинъ, заявилъ Тутышкинъ. Мнѣ подмоги не нужно...

— Идея не дурна, согласился Петровъ. Только воспользоваться ею надо въ крайнемъ случаѣ, потому, незачѣмъ безъ надобности прибѣгать къ этому. Теперь половина десятаго; послѣдній поѣздъ приходитъ ровно въ 11, чтобы доѣхать съ вокзала сюда надо не меньше получаса; значитъ, до Малевинскаго остается ровно два часа. Если князь пожалуетъ даже въ 10 часовъ, останется время выпроводить его благороднымъ манеромъ, ну, а если запоздаетъ, дѣлать нечего, пустимъ въ ходъ и другое.

Всѣ согласились съ Петровымъ.

Но тутъ дверь отворилась, и самъ князь подъ руку съ пышно, но безвкусно разодѣтой Розаліей Михайловной, въ сопровожденіи двухъ ея братьевъ, очутился среди присутствующихъ...

IV.

Это былъ тотъ самый князь-бунтарь, который столь прославился впослѣдствіи въ ліонскомъ процессѣ анархистовъ. Одно время онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ среди нашихъ бунтарей и стоялъ во главѣ террористическихъ выходокъ злодѣйскихъ шаекъ. Благодаря его титулу и связямъ, онъ еще въ Россіи пользовался авторитетомъ среди разныхъ кружковъ, а его бѣгство изъ-подъ стражи увеличило, какъ у насъ всегда, эту странную славу. Когда онъ очутился въ Женевѣ, то безъ исканій и борьбы занялъ первенствующее мѣсто среди эмигрантовъ. Но не долго пользовался онъ своимъ положеніемъ. Отличаясь чрезмѣрнымъ

самолюбіемъ и жаждой извѣстности, онъ не мирился съ „узкой“ дѣятельностью „русскаго“ революціонера. Ему не давала покоя популярность покойнаго Бакунина, память о которомъ еще была жива среди революціонеровъ всѣхъ государствъ, въ большомъ количествѣ стекшихся въ гостепріимной Швейцаріи. Ему, во что бы то ни стало, захотѣлось стать во главѣ бунтарей всѣхъ странъ и затмить дѣятельность своего предшественника на поприщѣ европейскаго анархизма. Онъ сталъ пренебрежительно относиться къ русскимъ бунтарямъ, когда почувствовалъ, что пріобрѣтаетъ значеніе среди бунтарей-европейцевъ. Главари партій въ сущности обрадовались такому обороту дѣлъ. Это дало имъ возможность свергнуть княжеское иго и выйдти изъ подчиненія; дало имъ возможность опять заявить о своемъ верховенствѣ и возвратить себѣ былой авторитетъ въ качествѣ „русскихъ“ вождей бунтарскихъ шаекъ. Князь, въ своемъ высокомѣріи, съ оскорбительной пренебрежительностью, навсегда и безповоротно отвернулся отъ „невѣжественныхъ“ представителей отечественной крамолы и, съ самонадѣянностью, мечталъ, въ своемъ ослѣпленіи, выдвинуться въ качествѣ разрушителя всего міра...

Князь былъ роста средняго. Ему было лѣтъ сорокъ отъ роду, но смотрѣлъ онъ гораздо старше. Широкое лицо его съ выдающимися скулами, вздернутый, толстый носъ и маленькіе, подслѣповатые глазки выдавали его татарское происхожденіе. На головѣ его не было никакой растительности, и сплошная лысина, сливаясь съ выдававшимся впередъ выпуклымъ лбомъ, сильно безобразила и старила его. Цвѣтъ лица у него былъ изжелта землянистый и на носу большія, синія очки. Плотно сжатыя, толстыя губы широкаго рта одновременно свидѣтельствовали и объ его упрямствѣ, и о его сладострастіи. Но если наружность князя не имѣла ничего симпатичнаго, за то его привѣтливый голосъ и изысканныя манеры, которыя, помимо его воли, замѣчались во всѣхъ его движеніяхъ,—невольно свидѣтельствовали, что выросъ онъ и воспитывался въ иной средѣ и въ иной обстановкѣ. Стоило только немножко приглядѣться къ нему, чтобы видѣть, что имѣешь дѣло съ отпрыскомъ хорошаго рода. Замѣчательную противоположность представляла собою его „княгиня“. Розалія Михайловна, бердичевская еврейка,—была хороша собою. Высокая, стройная блондинка съ черными глазами, черными же густыми бро-

вями; свѣжее нѣжное лицо. Она была очень довольна своимъ положеніемъ и разыгрывала княгиню.

Появленіе князя произвело нѣкоторое впечатлѣніе. Всѣ заняли свои мѣста и съ безпокойствомъ устремили глаза на Петрова, которому вручили судьбу ожидаемыхъ отъ Малевинскаго денегъ.

— Здравствуйте, господа, привѣтствовалъ князь компанію.

— Мое почтеніе, князь, привсталъ къ нему навстрѣчу Петровъ.—Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ, продолжалъ онъ насмѣшливо.—Давненько вы не удостоивали насъ, ваше сіятельство, своимъ посѣщеніемъ. Какому счастливому обстоятельству мы обязаны вашимъ появленіемъ среди насъ?

— Мнѣ нужно переговорить съ Малевинскимъ.

— Какіе же у васъ могутъ быть съ нимъ разговоры? Малевинскій далеко не вашъ послѣдователь, и ничего общаго не имѣетъ съ европейскимъ анархизмомъ. Малевинскій интересуется дѣлами Россіи исключительно; онъ, ваше сіятельство, всецѣло принадлежитъ намъ, и только намъ...

— Что вы мнѣ все: ваше сіятельство, да ваше сіятельство, раздражительно перебилъ его тотъ.

— Какъ же прикажете величать васъ? Грѣхъ вамъ отъ принадлежащаго вамъ открещиваться. Не правда ли, княгиня?

— Конечно, мужъ настоящій князь, важно отвѣтила Розалія.

— Я попрошу васъ, Николай Ивановичъ, оставить ваши неумѣстныя шутки; я до нихъ не охотникъ, сурово произнесъ князь.—Ты, Розочка, окончилъ онъ мягко,—не вмѣшивайся въ разговоръ.

— Вотъ что́, Петръ Ивановичъ, заговорилъ Петровъ.—Для вашего разговора съ Малевинскимъ, вы, право, выбрали не подходящее мѣсто. Согласитесь, въ присутствіи всѣхъ насъ вамъ будетъ неудобно объясняться съ нимъ. Не лучше ли, если вы отложите свиданіе съ нимъ до завтра... Малевинскій *нашъ* гость; онъ *къ намъ* ѣдетъ. Естественно, мы должны его встрѣтить и переговорить о своихъ дѣлахъ. Завтра же, мы съ удовольствіемъ уступимъ вамъ дорогаго гостя, хоть на цѣлый день...

— Какъ завтра?.. Развѣ онъ завтра утромъ, съ первымъ поѣздомъ, не уѣзжаетъ?.. удивился князь.

— Кто вамъ это сказалъ?.. Станетъ ли кто тащиться изъ Россіи въ Швейцарію на нѣсколько часовъ?

Петровъ, въ свою очередь, скорчилъ удивленную физіономію.

— Онъ пробудетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, недѣльки двѣ...

— Ты вѣчно напутаешь, Розочка, произнесъ князь.—По твоей безтолковости, я сходку напрасно отмѣнилъ, и сюда безъ надобности пришелъ. Какъ досадно, право!

— Причемъ же тутъ я? надула губки Розалія.—Развѣ я виновата, если Блюмкинъ навралъ мнѣ?..

— Блюмкинъ?!.. перебило ее нѣсколько голосовъ, и глаза со злобой устремились на него.

— Я... я... ничего не говорилъ вамъ, съ искаженнымъ отъ испуга лицомъ, проговорилъ Блюмкинъ.

— Знаемъ мы тебя, перебилъ его Петровъ.—Языкъ у тебя, пархатый, безъ костей. Вѣчно суешься, куда не слѣдуетъ, вѣчно путаешь, вѣчно врешь. Изъ-за тебя, бѣдной княгинѣ досталось. На этотъ разъ это тебѣ даромъ не пройдетъ!..

— Какъ вамъ не стыдно, княгиня, выдумывать? произнесъ Блюмкинъ, нахально устремивъ глаза на Розалію.—Я вамъ ничего не говорилъ. Развѣ я знаю, откуда вы набрали ваши свѣдѣнія... Это не честно—взваливать свою вину на другаго.

— Молчи, пархатый, перебилъ его Петровъ.—Знаемъ мы тебя: отъ самого себя способенъ отречься!..—Надѣюсь, теперь, когда недоразумѣніе разъяснилось, вы предоставите намъ *нашего* гостя на первый вечеръ его пріѣзда и подождете съ вашимъ разговоромъ до завтра?

— Мнѣ самому гораздо удобнѣе будетъ переговорить съ Малевинскимъ безъ постороннихъ. Я только попрошу васъ, Николай Ивановичъ, передать ему, что завтра жду его къ себѣ.

— Съ удовольствіемъ, съ изысканною предупредительностью отвѣтилъ Петровъ.

Князь поднялся съ мѣста. Многіе изъ присутствующихъ поспѣшили окружить его, подавая ему руку на прощанье.

— Прощайте, господа, добродушно произнесъ князь.

— До свиданія, растягивая слово и гордо выступая впередъ, проговорила Розалія.

Она была весьма польщена, что такъ многіе бросились провожать ее.

— Что же теперь, жидюга, сказалъ Петровъ, гнѣвно обводя комнату глазами,—это тебѣ не пройдетъ...

Но... Блюмкина въ комнатѣ не оказалось.

— Такъ и есть, ха, ха, ха... засмѣялся Тутышкинъ.—Слово рабочаго человѣка, онъ не глупъ: далъ тягу!.. Ну, да, при первой же встрѣчѣ... слово рабочаго человѣка! отъ меня ему не отвертѣться...

V.

Часы пробили 11.

— Поѣздъ уже пришелъ, минутъ черезъ 20—30 онъ будетъ здѣсь, проговорилъ Петровъ.

— Я думаю, заявилъ Копытенскій, можно разрѣшить себѣ хоть по одной кружкѣ пива, а то въ горлѣ что-то пересохло. Кто угоститъ меня?..

Отвѣта не послѣдовало.

— Вотъ что, заявилъ Петровъ. Въ какія-нибудь 20 минутъ никто не успѣетъ напиться. Копытенскій правъ, въ горлѣ пересохло. Пускай принесутъ пива. А на всякій случай, мы выставимъ на улицѣ сторожевыхъ, и какъ только Малевинскій покажется, намъ дадутъ знать.

Черезъ минуту одинъ за другимъ появились на столѣ огромные подносы съ кружками пива.

— Ну, братъ, Тутышкинъ, пожалуй пора тебѣ занять наблюдательный постъ на улицѣ, а то неровенъ часъ, и великій писатель можетъ настичь насъ врасплохъ...

— Я сейчасъ. Только вотъ кружечку допью...

— Смотри въ оба, не прозѣвай, напутствовалъ его Петровъ.

Между тѣмъ одинъ подносъ смѣнялся на столѣ другимъ, и въ короткій промежутокъ было выпито достаточно. Поднялся шумъ и гамъ. Лица оживились. Послышались обычныя шутки, остроты. Копытенскій былъ уже почти готовъ.

— Господа! покрылъ Стружка своимъ голосомъ шумъ. Господа, мы забыли выработать церемоніалъ встрѣчи...

— Ну ихъ, церемоніалы... перебилъ его Копытенскій.

— Не твое дѣло... Сиди и пей, остановилъ его Топорище. Да, да, прибавилъ онъ, церемоніалъ необходимъ... У меня есть планъ.

Всѣ чувствовали, что времени терять нельзя, и согласились выслушать.

— Говорите!.. Говорите скорѣй!.. послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Надо сыграть комедію по всѣмъ правиламъ этикета. Наши питерскіе друзья очень это любятъ. Не ударимъ и мы лицомъ въ грязь. За его денежки доставимъ ему удовольствіе: примемъ его торжественно...

— Къ дѣлу!.. Къ дѣлу!.. перебили его.

— Катенька, пожалуй сюда, ко мнѣ, мой ангелъ, продолжалъ Топорище и, когда она къ нему подошла, продолжалъ.

— Когда онъ войдетъ, ты должна подняться ему на встрѣчу, заявить о своемъ званіи предсѣдательницы эмигрантскихъ собраній и привѣтствовать его рѣчью отъ имени насъ всѣхъ... Той рѣчью, что тебѣ приготовилъ...

— Съ удовольствіемъ, тряхнула Катенька стриженной головкой.

Ее прервалъ на полусловѣ, влетѣвшій въ комнату, запыхавшійся Тутышкинъ. Прерывистымъ, но громкимъ голосомъ онъ закричалъ: — Ѣдетъ!.. Слово рабочаго человѣка, ѣдетъ!..

VI.

Всѣ присутствовавшіе поспѣшили занять свои мѣста. Въ переполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ все утихло. Всѣ обратили взоры на двери. Воцарившаяся тишина повидимому угнетающимъ образомъ подѣйствовала на успѣвшаго уже сильно захмѣлѣть Копытенскаго.

— Чего присмирѣли?!.. крикнулъ онъ на всю комнату.

Тутышкинъ ладонью прикрылъ ему ротъ и со словами: „Молчи!“ насильно усадилъ его на мѣсто и поставилъ передъ нимъ кружку пива.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ.

— Катя, шепнулъ Петровъ, постарайся не путать...

Она только успѣла успокоить его взглядомъ. Дверь раскрылась, и рядомъ со Свирскимъ, въ комнатѣ очутилась плотно закутанная средняго роста фигура съ закрытымъ пледомъ лицомъ. Катя совершенно забыла о своей рѣчи и широко раскрытыми, неудомѣвающими глазами уставилась на закутаннаго человѣка; недоумѣніе выразилось на лицахъ и всей компаніи.

— Не опасайтесь, Никита Михайловичъ, громко произнесъ Свирскій. Ручаюсь вамъ, тутъ положительно нѣтъ ни одного чужаго. Все свои...

Закутанная фигура дрожащими руками начала развязывать пледъ; Свирскій бросился помогать и скоро предъ присутствующими предсталъ въ своемъ видѣ знаменитый Никита Михайловичъ Малевинскій. На видъ ему было лѣтъ 38—40. Средняго роста, съ мелкими чертами лица, съ бородкой клиномъ, онъ своею наружностью не производилъ никакого впечатлѣнія.

— Господа, началъ Малевинскій, освободившись отъ пледа и тяжелаго, ватнаго пальто. Господа, не считайте меня трусомъ. Осторожность—не трусость... Я бы не желалъ, чтобы о моемъ пріѣздѣ къ вамъ сдѣлалось извѣстно: это не принесло бы пользы, а только повредило бы мнѣ и очень сильно...—Голосъ его дрогнулъ.—Но я надѣюсь, что предо мною только товарищи по общему дѣлу, всѣ свои, костьми готовые лечь за правду и народъ..

— Ручаюсь вамъ, перебилъ его Свирскій, вамъ нечего бояться.

Катя вдругъ вспомнила о своей роли и выступила впередъ.

— Я, предсѣдательница эмигрантскаго общества, ручаюсь вамъ, что тутъ все „свои“. Вамъ нечего бояться измѣны и предательства. — Она поклонилась ему и важно продолжала. — Привѣтъ вамъ, дорогой товарищъ—добро пожаловать!.. Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ общество эмигрантовъ знаменитаго соотечественника и геніальнаго „публициста“!..

И такъ далѣе, отлично, до конца справилась Катя съ рѣчью. Затѣмъ, она взяла Малевинскаго подъ руку, обошла съ нимъ вокругъ длиннаго стола и отрекомендовала ему всѣхъ товарищей и товарокъ. Компанія привѣтствовала гостя шумно, и многіе поспѣшили наговорить ему комплиментовъ. Но и тутъ не обошлось безъ инцидента. Сильно выпившій Копытенскій полѣзъ цѣловаться съ Малевинскимъ, но потомъ раздумалъ и, вдругъ, почему-то произнесъ: „Ты, братецъ, однако фра-а-антъ!“.. ухватился за золотую цѣпочку его часовъ и непремѣнно оборвалъ бы ее, еслибъ устоялъ на ногахъ, но потерялъ равновѣсіе, грузно сѣлъ на мѣсто и замолчалъ.

— Не обращайте вниманія, шепнулъ Петровъ на ухо Малевинскому.—Совершенно больной субъектъ!

По мѣрѣ того, какъ Малевинскій освоивался съ окружающей обстановкой, лицо его все болѣе и болѣе прояснялось и, когда, по окончаніи церемоніи представленія, его усадили на первое мѣсто, первоначальное испуганное выраженіе совсѣмъ исчезло съ его лица. Съ удовольствіемъ онъ потянулся на своемъ стулѣ и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя полной грудью пропитанный табачнымъ дымомъ воздухъ.

— Какъ хорошо, какъ привольно дышется на свободной землѣ священной республики! произнесъ онъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ. Онъ обвелъ восхищеннымъ взглядомъ своихъ ближайшихъ сосѣдей за столомъ, но на лицахъ ихъ не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ восторга. Онъ смутился, но не надолго.— Товарищи! началъ онъ, видимо стараясь попасть на приличный случаю тонъ. Товарищи! мы должны немедленно приступить къ дѣлу... Безъ всякихъ вступленій и разъясненій я передамъ вамъ то, что заставило меня рискнуть пріѣхать сюда.. Я привезъ вамъ нѣчто весьма цѣнное!.. Теперь ваша работа не будетъ безплодна!.. Я передамъ вамъ сокровище, которое дастъ вамъ возможность приступить къ дѣлу съ полной вѣрой въ несомнѣнный успѣхъ!..

Его блѣдное лицо покрылось румянцемъ торжества. Онъ опять обвелъ глазами присутствующихъ и къ величайшему удовольствію замѣтилъ, что произвелъ впечатлѣніе Въ устремленныхъ на него взглядахъ онъ прочелъ такую симпатію къ своей особѣ, что чуть-чуть даже прослезился отъ умиленія. Еслибъ Малевинскій не былъ такъ влюбленъ въ себя и отличался бы большею наблюдательностію, онъ прочелъ бы во взглядахъ нѣчто другое. Бунтари смотрѣли на него въ упоръ жадными глазами и проклинали его въ душѣ, что онъ занимается пустословіемъ и медлитъ передать имъ деньги.

Малевинскій медленно поднялъ правую руку и опустилъ ее въ боковой карманъ сюртука. Долго онъ рылся въ карманѣ, пока не вытащилъ оттуда какой-то предметъ, завернутый въ бумагу. Онъ развернулъ бумагу и зрители убѣдились, что пока это только его массивное золотое пенсне. Малевинскій сталъ прочищать стекла бѣлоснѣжнымъ платкомъ, нѣсколько разъ дохнулъ на пенсне и наконецъ осѣдлалъ свой носъ. Нетерпѣніе публики возростало. Когда Малевинскій досталъ изъ кармана жилетки маленькій ключикъ и сталъ имъ отпирать перекинутую чрезъ плечо изящную сумку, многіе привстали съ своихъ мѣстъ, слѣдя за его движеніями. И вотъ,

изъ сумки вытащилъ онъ тщательно обвязанный тоненькой ленточкой довольно объемистый пакетъ... Ленточка оказалась завязанной мертвымъ узломъ, и Малевинскій долго копался, не желая разорвать ее... Кто-то простеръ было руку къ пакету, но былъ остановленъ. Наконецъ, Малевинскому удалось развязать ленточку и развернуть пакетъ... Въ рукахъ его оказалась толстая, мелко исписанная тетрадь... Всѣ какъ-то разомъ отступили отъ гостя и недоумѣло переглянулись... На лицахъ появилось почти угрожающее выраженіе.

А виновникъ всего этого переполоха ничего не замѣчалъ пока. Онъ съ сіяющимъ лицомъ и блаженной улыбкой удобнѣе усѣлся на стулъ и громкимъ голосомъ прочелъ: „Планъ будущихъ дѣйствій".

Но тутъ всѣ встали съ своихъ мѣстъ и окружили его. Предъ нимъ очутился Стружка и Черный. Лица ихъ были сердиты. Стружка вырвалъ изъ рукъ гостя тетрадь.

— Вотъ это?!. Вотъ это-то вы и привезли намъ?!.

Малевинскій растерянно приподнялся со стула, къ великому ужасу своему замѣчая враждебно устремленные на себя взгляды, и молчалъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Намъ нужны деньги!... раздалось со всѣхъ сторонъ не совсѣмъ рѣшительно.

— У меня нѣтъ никакихъ денегъ... Откуда деньги?... произнесъ Малевинскій.

— Ха, ха, ха... расхохотался Стружка.

— Что же это такое? Это смѣются надъ нами что-ли? Мы не позволимъ! раздались довольно угрожающіе голоса.

Кое-кто двинулся впередъ.

— Господа, позвольте, господа, умоляюще возопилъ Малевинскій, обращаясь во всѣ стороны, я привезъ такой великолѣпный, обдуманный планъ общихъ дѣйствій... товарищи!...

— Позвольте, господа! злобно и желчно усмѣхаясь, началъ Черный, отстраняя своихъ. Это до того глупо, что становится смѣшно. Ужели вы вообразили, что намъ могутъ быть нужны ваши писанія... Вотъ это-то сокровище? Ха, ха! Посидите здѣсь и обдумайте свой планъ дѣйствій наединѣ, а мы ужь пойдемъ... Идемте, господа, къ одному дураку нечего прибавлять столько другихъ...

И неожиданно, всѣ, гурьбой, глухо ворча и поругиваясь, пошли къ выходу. Петровъ, однако, сказалъ гарсону, что за все выпитое и съѣденное заплатитъ пріѣзжій.

Смущенный писатель остался въ незавидномъ раздумьѣ...

Затѣмъ торопливо поднялъ съ полу, упавшую во время сумятохи, свою рукопись, испачканную въ грязи и залитую пивомъ, и торопливо оглянувшись, съ стѣсненнымъ сердцемъ, бросилъ свое дѣтище въ чахлое пламя дымившаго камина и наблюдалъ, какъ вспыхивали, чернѣли и свертывались листы.

— Слишкомъ опасно было бы оставить это при себѣ...

. . . . . .

Въ закрытой каретѣ, подъ покровомъ глубочайшей тайны, на разсвѣтѣ, нашъ публицистъ прибылъ на вокзалъ и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выбрался изъ города...

С. ЛИТВИНЪ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ [1].

Историческій очеркъ.

II.

Воцареніе Никифора совершилось съ такою же военной быстротой, съ какою онъ велъ свои военныя предпріятія. Наканунѣ онъ представилъ патріарху и synоду исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе соблюдать справедливость и человѣколюбіе. 15-го августа онъ въ теченіе сутокъ совершилъ торжественный въѣздъ черезъ Золотыя ворота, выслушалъ безчисленные гимны, смѣнилъ во время процессіи воинскую одежду на пышный выѣздной царскій нарядъ, затѣмъ на пѣшее платье, потомъ наконецъ на вѣнчальный уборъ; въ это время онъ, по обычаю царей-тріумфаторовъ, долженъ былъ посѣтить попутныя наиболѣе чтимыя церкви; потомъ патріархъ возложилъ на него вѣнецъ на амвонѣ св Софіи; затѣмъ слѣдовали продолжительныя поздравленія безчисленнаго персонала византійской администраціи и наконецъ все завершилось пиромъ во дворцѣ. Съ этого момента Никифоръ сталъ дѣйствительнымъ и законнымъ самодержцемъ въ имперіи. При описаніи торжествъ современные историки ни словомъ не упоминаютъ о малолѣтнихъ императорахъ и Θеофано.

Полновластная при покойномъ царѣ Романѣ, вдовацарица была въ столицѣ сильнѣйшей опорой Никифора, главнѣйшей виновницей призванія его на царство. Правленіе Вринги было безупречно. Онъ, одинаково съ Никифоромъ, понималъ своевременность напряженнаго натиска на ослабѣвшій халифатъ и обезпечилъ полную возможность вести дорого

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“, сентябрь 1890 г.

стоющую борьбу съ арабами. Сосредоточивъ всѣ силы имперіи для этой цѣли, Вринга, конечно, умалилъ до послѣдней возможности значеніе и вліяніе царицъ. Проницательный евнухъ видѣлъ, что дѣла складывались на столько удачно, что бороться съ арабами могъ одинаково удачно и Цимисхій и, не жертвуя пользой государственной, не колеблясь, готовился устранить Фоку насильственнымъ образомъ, какъ только замѣтилъ, что знаменитый воинъ становится орудіемъ враждебной партіи.

Но низвергнувъ евнуха, императрица должна была, волей-неволей, рѣшиться на бракъ съ Никифоромъ. Общій уровень нравственности былъ такъ невысокъ, что сына и невѣстку могли подозрѣвать въ отравленіи Константина, жену въ отравленіи Романа: никто не удивился бы, еслибы Никифоръ, выступивъ въ роли попечителя надъ малолѣтними, устранилъ и вдову и ея дѣтей отъ трона, основавъ новую династію изъ своего древняго и доблестнаго рода. Будучи въ полномъ расцвѣтѣ женственной красоты, Ѳеофано должна была разсчитывать, что пожилой, тучный, чернолицый и косматый воинъ не можетъ остаться къ ней равнодушнымъ, отдастъ ей свое суровое сердце, подчинится ея вліянію, сердечно отнесется къ маленькимъ сиротамъ, а ей возвратитъ царственное положеніе, которымъ она пользовалась при покойномъ мужѣ. Бракъ вдовы-царицы съ Никифоромъ былъ для нея личной и политической необходимостью.

Не говоря о сторонникахъ Вринги, къ которымъ, повидимому, принадлежали очень многіе боярскіе роды преимущественно европейскихъ провинцій, воцареніе Никифора было непріятной неожиданностью и въ той монашеской средѣ, которую онъ самъ глубоко уважалъ и любилъ.

Еще до критскаго похода, Никифоръ каждый разъ, когда бывалъ въ столицѣ, посѣщалъ своего дядю, великаго подвижника Михаила Малеина. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ преподобный Михаилъ познакомилъ его съ своимъ ученикомъ, инокомъ Аѳанасіемъ, впослѣдствіи знаменитымъ насадителемъ монастырской жизни на Аѳонѣ, стяжавшимъ вѣнецъ святости. Никифоръ и Леонъ прониклись глубочайшимъ уваженіемъ къ препод. Аѳанасію, избрали его своимъ духовнымъ отцомъ, а Никифоръ даже ощутилъ въ себѣ сильнѣйшее желаніе отречься отъ міра и предаться созерцательной жизни въ ущельяхъ и дебряхъ Святой горы подъ руководствомъ Аѳа-

насія, но отшельникъ отказался исполнить его желаніе, находя его преждевременнымъ и указывая Никифору дожидаться болѣе ясныхъ указаній Божьяго Промысла на такое дѣло. Никифоръ подчинился. Въ критскомъ походѣ, по неотступной просьбѣ вождя, Аѳанасій находился при войскѣ и послѣ похода получилъ значительную сумму для устройства Лавры, церкви и келій съ тѣмъ, чтобы возлѣ его келіи было помѣщеніе и для Никифора. Отправивъ его въ Малую Азію, Аѳанасій началъ постройку церкви и келій, въ увѣренности, что Никифоръ не отступитъ отъ своего намѣренія. Воцареніе Никифора, слухи о вторичномъ бракѣ, вообще неодобряемомъ церковью, были неожиданнымъ огорченіемъ для святаго мужа. Житіе пр. Аѳанасія сообщаетъ, что, узнавъ о бракѣ Никифора, преподобный инокъ остановилъ постройку храма, отплылъ въ Критъ, а оттуда въ Іерусалимъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ неистовыхъ насилій озлобленныхъ агарянъ надъ христіанами, и, можетъ быть, видѣнное побудило его посѣтить Никифора въ столицѣ. Императоръ принялъ его съ величайшимъ почтеніемъ, ссылался на государственную необходимость и увѣрялъ своего духовнаго отца въ непоколебимомъ рѣшеніи своемъ принять иноческій санъ, какъ только обстоятельства дозволятъ. По лаврскому Типику, пр. Аѳанасій увѣщевалъ Никифора воздерживаться отъ брачнаго сожитія, но житіе не упоминаетъ объ этомъ. Разставаясь на всегда съ своимъ духовнымъ сыномъ, Аѳанасій, по словамъ житія, предрекъ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ насильственную кончину царя.

Для Никифора, увлеченнаго потокомъ событій далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, бракъ съ Ѳеофано былъ такой же политической необходимостью, какъ для молодой вдовы. Не женись онъ самъ, Цимисхій, благоразумно оставленный въ Малой Азіи наблюдать за обезсиленнымъ врагомъ, былъ готовымъ и даже болѣе подходящимъ женихомъ для царицы. Ѳеофано, мать императоровъ популярной династіи, становясь его женой, теряла всякую самостоятельность, поступала въ подчиненное положеніе и обезпечивала спокойное пользованіе властью. Этого не могли не понимать и отрекшіеся отъ міра, но не отъ здраваго смысла отшельники. Тѣмъ не менѣе Никифоръ рѣшился на этотъ шагъ не безъ колебаній. Тотчасъ послѣ вѣнчанія на царство, по его повелѣнію, синкеллъ знаменитаго Студійскаго монастыря, Антоній, впослѣдствіи патріархъ,

перевелъ Ѳеофано изъ дворца въ старый замокъ Петріанъ на сѣверо-западномъ берегу Золотаго Рога: въ этотъ замокъ сажали иногда знатныхъ преступниковъ. Вступленіе въ бракъ, черезъ пять съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, а равно и пребываніе подъ одной кровлей съ неженатымъ царемъ были, конечно, предосудительны, но, съ другой стороны, выборъ такого замка могъ объясняться только желаніемъ имѣть царицу подъ неослабнымъ надзоромъ. Удаленіе царицы изъ дворца продолжалось не долго. Никифоръ велъ строгую и подвижническую жизнь подъ золотыми сводами царскихъ палатъ, отдыхая отъ правительственныхъ трудовъ среди своихъ монаховъ, но даже и они совѣтовали ему не медлить вступленіемъ въ бракъ, хотя бѣлое духовенство и не раздѣляло ихъ мнѣнія.

20 сентября 963 года въ дворцовой Новой церкви Никифоръ былъ повѣнчанъ съ Ѳеофано, при чемъ онъ торжественно присягнулъ, что сыновья Романа будутъ царствовать прежде, нежели его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ. Свадьба сопровождалась обычными церемоніями, но обрядъ вѣнчанія былъ нарушенъ неожиданнымъ эпизодомъ. Когда Никифоръ послѣ вѣнчанія хотѣлъ войти въ алтарь, патріархъ Поліевктъ остановилъ его въ царскихъ вратахъ и, выведя изъ церкви, обратился съ такой рѣчью: „боговѣнчанный царь! подъ страхомъ отлученія не дерзай вступать въ Святая-Святыхъ въ теченіе года: небезъизвѣстно тебѣ, что такой эпитиміи подвергаетъ святая церковь брачующихся вторымъ бракомъ!“ Царственная чета должна была подчиниться непреклонному патріарху. Но этимъ столкновеніе съ духовенствомъ не окончилось. Придворный протопресвитеръ Стиліанъ донесъ патріарху, что Никифоръ былъ воспріемникомъ отъ купели одного изъ сыновей Романа и Ѳеофано, вслѣдствіе чего, по духовному родству, бракъ становился недѣйствительнымъ. Патріархъ немедленно далъ дѣлу формальный ходъ. Тщетно указывали ему, что законъ о духовномъ родствѣ, какъ препятствіе къ браку, былъ обнародованъ при нечестивомъ царѣ Константинѣ Копронимѣ, еретикѣ-иконоборцѣ, Поліевктъ твердо стоялъ на расторженіи брака, пока самъ доноситель не сознался, что ни Никифоръ, ни его отецъ, воспріемниками дѣтей Ѳеофано не были. Дѣло о недѣйствительности брака было прекращено, даже эпитимія за второй бракъ была снята, но добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ были нарушены навсегда.

Осень и зима этого года прошли шумно и весело. Никифоръ осыпалъ подарками молодую жену и самъ проявлялъ небывалую щедрость и благоволеніе ко всѣмъ окружающимъ. Торжественныя церковныя церемоніи, блестящія всенародныя увеселенія въ циркѣ и роскошные пиры при дворѣ поглощали время императрицы, предоставляя ей возможность блистать своей красотой и нарядами и отдохнуть отъ скучной вдовьей жизни въ правленіе Вринги. Никифоръ, между тѣмъ, дѣятельно готовился къ раннему весеннему походу на сарацынъ. Въ теченіе зимы онъ собралъ такую рать, какой никогда еще не видала Византія. Оба берега Босфора были покрыты шатрами. Войска непрерывно упражнялись. Къ туземнымъ полкамъ присоединилась легкая аланская конница и тяжело вооруженная пѣхота изъ Венеціи и Амальфи. Никифоръ не оставлялъ безъ вниманія даже мелочей, вдохновляя усердіе во всѣхъ подчиненныхъ.

Военныя дѣла не отвлекали его отъ дѣлъ правленія. Возрастающее число монаховъ лишало государство множества рабочихъ рукъ и рекрутовъ. Чуть ли не въ каждомъ селеніи былъ свой монастырь, въ любомъ городѣ ихъ было нѣсколько, а около столицы и въ столицѣ они считались едва-ли не сотнями. Нельзя отрицать, что въ X вѣкѣ по всей Европѣ стремленіе къ аскетической жизни было особенно сильнымъ, но монастырская жизнь привлекала къ себѣ и не однихъ искренних подражателей ангельскому житію: много было и такихъ, которые желали только избавленія отъ матеріальныхъ заботъ о своемъ существованіи и отъ тяжести повинностей, злоупотребляя усердіемъ мірянъ, которые жертвовали охотно въ пользу монастырей свое достояніе. Однимъ изъ первыхъ указовъ Никифоръ запретилъ основаніе новыхъ монастырей и пожертвованія въ монастыри существующіе, находя, что наличнаго имущества достаточно для иноческой жизни. Воспрещены были и отказы въ пользу монастырей по завѣщанію всякихъ недвижимыхъ имуществъ. Аскетическій воинъ смѣло изрекаетъ современному монашеству горькія истины: „иноки не обладаютъ никакими евангельскими добродѣтелями, думая непрестанно только о пріобрѣтеніи новыхъ земель, о построеніи огромныхъ зданій, о покупкѣ неисчислимыхъ табуновъ лошадей, быковъ, верблюдовъ и всякаго вьючнаго скота. Помыслами объ обогащеніи они посвящаютъ всю свою энергію, и, такимъ образомъ, житіе ихъ ничѣмъ не отличается отъ мірской

жизни“.—„Какую противоположность составляетъ такое существованіе со святой жизнью иноковъ, подвизавшихся въ прежнее время въ Египтѣ, Палестинѣ и Александріи, тѣхъ святыхъ мужей, жизнь которыхъ, якобы безтѣлесная, уподоблялась ангельскому, а не человѣческому житію!“ Никифоръ, впрочемъ, дозволяетъ жертвовать въ пользу монастырей недостаточныхъ, для поддержанія ихъ отъ разрушенія. Остальныя новеллы Никифора посвящены поземельнымъ вопросамъ. Онъ всячески ограждалъ солдатскіе поземельные участки отъ перехода въ чужія руки, кромѣ случаевъ наслѣдованія, когда наслѣдникъ принималъ на себя обязанности военной службы. Армянскіе солдаты, получившіе надѣлы, вообще не дорожили ими, охотно бросая участки, если представлялся выгодный наемъ: Никифоръ постановилъ сохранять участокъ за такимъ владѣльцемъ до трехъ лѣтъ. Участокъ обвиненнаго въ убійствѣ поступалъ не въ пользу семейства убитаго, но въ общій военный фондъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Никифоръ старался закрѣпить и крупную собственность въ рукахъ вельможъ. Замѣтно его стремленіе придать прочность и замкнутость землевладѣнію высшаго, средняго и низшаго сословій. Въ основѣ же всего лежала одна главная мысль—усилить военную силу имперіи, и вскорѣ установилось мнѣніе, что царь заботится только о войскѣ. Ранней весной 964 года, Никифоръ двинулся въ походъ, взявъ съ собой императрицу и ея дѣтей. Когда армія перешагнула Киликійскія горы, Ѳеофано осталась въ крѣпкомъ пограничномъ замкѣ. Пока Никифоръ былъ въ столицѣ, Іоаннъ Цимисхій продолжалъ безъ серьезныхъ результатовъ непрерывную порубежную войну съ алепскимъ эмиромъ. Никакихъ важныхъ успѣховъ, кромѣ взятія Аданы, не достигъ и самъ царь. Къ этому присоединилось крупное несчастье, постигшее византійцевъ въ Италіи.

Въ дѣйствительности греческіе цари сохранили въ своей власти изъ итальянскихъ земель только Апулію, Калабрію и Сицилію, но уже въ началѣ X вѣка египетскіе арабы вторглись въ Сицилію, прочно завладѣли почти всѣмъ островомъ и не за долго передъ воцареніемъ Никифора взяли послѣдній оплотъ имперіи на островѣ—Таормину. Только горная крѣпость Раметта отчаянно защищалась, взывая о помощи. Изъ Сициліи арабы нападали на побережья, укрѣпились въ нѣсколькихъ пунктахъ Южной Италіи, откуда дѣдъ Никифора, тоже Никифоръ Фока, успѣлъ выгнать ихъ. Лучшій городъ

греческой Италіи, Тарентъ, разоренный арабами, лежалъ безлюдной развалиной, и цари платили арабскому эмиру въ Керуанѣ (въ Тунизіи), верховному повелителю Сициліи, ежегодную дань, когда Никифоръ вступилъ на престолъ.

Прекративъ платежъ дани, Никифоръ лѣтомъ 964 г. отправилъ прекрасно снаряженное войско на помощь Раметтѣ, поручивъ начальство родному племяннику, Мануилу Фокѣ. Отборное сорокатысячное войско на могущественномъ флотѣ отплыло изъ Золотаго Рога, сопровождаемое такими же радужными надеждами, съ которыми Никій и Алкивіадъ выступили изъ Пирея на помощь сиракузянамъ, тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ. Какъ тогда, такъ и теперь, безразсудство и раздоры вождей погубили войско. Мануилъ безпрепятственно высадился на берегъ и двинулся на освобожденіе осажденной Раметты, но, вслѣдствіе своей неосторожности, потерпѣлъ жестокое пораженіе. Въ октябрѣ отъ прекрасной экспедиціонной арміи не осталось ничего. Войско и флотъ были плѣнены или истреблены. Сицилія навсегда погибла для Византіи.

Этотъ ударъ отразился на сирійской войнѣ, давъ новое направленіе дѣламъ. Прозорливо усматривая въ Сиріи важнѣйшую цѣль арабской войны, Никифоръ поспѣшилъ заключить миръ съ Керуанскимъ эмиромъ. Конечной цѣлью Никифора было завладѣніе Сиріей и Палестиной. Святая земля находилась во власти египетскихъ эмировъ,—ихтишидовъ. Керуанскій эмиръ готовился завладѣть страной фараоновъ. Въ союзѣ съ своимъ сицилійскимъ противникомъ, Никифоръ надѣялся подѣлить египетское наслѣдіе и присоединить къ имперіи южную, египетскую Сирію, возстановивъ такимъ образомъ азіатскія владѣнія имперіи. Багдадскій халифъ и алепскій эмиръ были безсильны противъ этого союза, и разсчеты Никифора были вполнѣ основательны. Помимо того, у нихъ былъ еще одинъ общій врагъ. Оттонъ Великій, въ качествѣ западнаго императора, стремился къ обладанію Италіей и Сициліей: греческій царь и мусульманскій эмиръ были одинаково заинтересованы въ противодѣйствіи нѣмецкому императору, и есть извѣстія, что между ними состоялось объ этомъ соглашеніе. Тѣмъ не менѣе, сицилійская катастрофа остановила побѣдное шествіе Никифора, и только завоеваніе Кипра оправдало до нѣкоторой степени напряженіе военныхъ силъ имперіи. Съ 647 года Кипръ былъ во власти мусульманъ, переходя нѣсколько разъ на короткое время въ руки Византіи, но потомъ,

опять подпадая подъ иго арабовъ, твердо основавшихъ тамъ, какъ и на Критѣ, притонъ для пиратовъ. Судьбы острова и Киликіи были тѣсно связаны естественной взаимной помощью. Пока Никифоръ и Цимисхій безпощадно уничтожали мусульманъ въ Киликіи, небольшой отрядъ греческаго войска неожиданно появился на островѣ и овладѣлъ имъ. Кипръ до конца двѣнадцатаго вѣка остался оемой имперіи и до завоеванія турками въ XV вѣкѣ составлялъ христіанское владѣніе. Венеціанская красавица Катарина Корнаро была послѣдней и самой поэтической королевой Кипра. Послѣ берлинскаго трактата прекрасный островъ попалъ въ когти англійскому леопарду, давно уже проявляющему хищническія свойства шакала, поѣдающаго трупъ благородныхъ бойцевъ, павшихъ въ честномъ бою. Изнывая отъ лихорадки, красные англійскіе солдаты охраняютъ ростовщическій захватъ Англіи, разоряющей, наравнѣ съ Египтомъ, этотъ благословенный уголокъ, съ такимъ невѣроятнымъ упорствомъ сохранившій свой греческій характеръ въ теченіе многихъ столѣтій, проведенныхъ въ борьбѣ съ арабами и подъ игомъ турокъ.

Съ наступленіемъ зимы 964 года, Никифоръ отвелъ войско къ границамъ имперіи, а больной и умирающій Сеифъ алепскій получилъ неожиданную помощь. Вѣсти о бѣдствіяхъ ислама въ Сиріи проникли на отдаленный мусульманскій востокъ. Изъ степей Мерва, изъ окрестностей Герата и Нишапура на предѣлахъ Индіи, явилась небольшая дружина среднеазіатскихъ воиновъ, но разоренная Киликія, жители которой были перебиты или перебирались въ южную Сирію, не могла содержать новыхъ пришельцевъ. Первый авангардъ степныхъ воиновъ разсѣялся между мусульманскими династами, и немногіе изъ нихъ увидали опять свою родину. Размѣнъ плѣнныхъ не останавливалъ враждебныхъ дѣйствій. Арабы прорывались за Тавръ, греческіе отряды доходили до Алепа и Эдессы на Эфратѣ, а между тѣмъ Никифоръ, уладивъ итальянскія дѣла, готовился окончательно сокрушить арабовъ въ Киликіи, гдѣ Тарсъ и Масисса, главные оплоты ислама, находились еще въ ихъ рукахъ, безъ этихъ же городовъ обладаніе Киликіей, было непрочно.

По краямъ плодоносной долины, прислоненные къ параллельнымъ отрогамъ Тавра и Амана, Тарсъ и Масисса (древн. Мопсуеста) приняли въ свои крѣпкія стѣны главную массу населенія, уцѣлѣвшую отъ избіенія и неуспѣвшую уйти на югъ.

Леонъ Фока блокировалъ Тарсъ, тогда какъ Никифоръ съ главными силами сталъ подъ Масиссой. Окрестности города лежали въ запустѣніи. Въ городѣ питались падалью и всякой нечистью. Чума уже свирѣпствовала между страшно скученнымъ населеніемъ. Предупреждая осаду, жители Масиссы и Тарса отправили пословъ, предлагая царю власть надъ городомъ и дань, прося только безопасности для жизни и имущества, но получили безжалостный отказъ. „Вы, какъ змѣи, говорилъ царь посламъ: въ холодъ и морозъ ядовитая гадина лежитъ недвижимо и безсильно, какъ мертвая, но отогрѣй её за пазухой, и она смертельно ужалитъ благодѣтеля. Теперь вы слабы, но, если дать вамъ время оправиться, повторятся прежнія бѣды. Уходите, уходите! Только мечемъ можно разсудить насъ". Посольскую грамоту сожгли на головахъ пословъ и съ такимъ отвѣтомъ отпустили ихъ во-свояси. Въ Масиссѣ поняли, что, при невозможности ожидать помощи отъ Сеифа, оставалось только биться на-смерть.

Построенная на берегахъ Пирама, нынѣ Джеганъ-чай, сильно укрѣпленная Масисса расцвѣла подъ арабскимъ владычествомъ и заключала въ своихъ высокихъ стѣнахъ до двухсотъ тысячъ жителей. Осада началась въ концѣ іюня или началѣ іюля, и отчаянное населеніе упорно отражало подступы грековъ. Черезъ двѣ недѣли, однако, все было кончено. Какъ при взятіи Хандакса, византійскіе саперы съ удивительной быстротой въ одну темную ночь успѣли подкопать значительную часть стѣны и подпереть ихъ кольями. Когда на разсвѣтѣ мусульмане явились на стѣны, неожиданно для нихъ густой дымъ повалилъ снизу, и стѣна обрушилась, открывая широкій путь грекамъ. Послѣ жестокой двухдневной уличной рѣзни объ половины города, раздѣленныя рѣкой, были взяты, но Никифоръ тотчасъ же прекратилъ дальнѣйшее избіеніе. Сдавшихся полностію выселили въ средину малоазіатскихъ провинцій, а не выгнали изъ страны, какъ было въ Аназарбѣ. Безчисленныя толпы плѣнныхъ шли мимо стѣнъ Тарса, какъ зловѣщее указаніе на судьбу, ожидающую этотъ городъ.

Тарсъ представлялъ болѣе затрудненій. Сеифъ усилилъ, насколько могъ, гарнизонъ. Стѣны были изъ бѣлаго блестящаго камня и удивляли своими размѣрами и красотой. Наслѣдственные эмиры и сарацыны Тарса славились мужествомъ и предпріимчивостью. Леонъ съ трудомъ держался подъ стѣ-

нами, едва отбивая вылазки изъ города. Ободренные успѣхомъ, сарацыны издѣвались надъ христіанами, когда подъ стѣнами показались безконечныя вереницы несчастныхъ плѣнниковъ, идущихъ въ изгнаніе; за нами шло побѣдоносное войско Никифора и тѣсно обложило городъ. Вмѣстѣ съ царемъ пришелъ и Цимисхій. Удачи сарацыновъ кончились. Когда вырубили окрестные сады и рощи, заслужившія этому богатому краю имя сада Киликіи, ни одна вылазка болѣе не удавалась осажденнымъ, а въ это же время византійскій флотъ въ устьѣ Кидна отнялъ всякую возможность получить помощь изъ Египта. Когда голодъ сталъ ежедневно вырывать сотни жертвъ въ рядахъ защитниковъ, агаряне запросили амана. Царь потребовалъ поголовнаго выселенія, позволивъ взять съ собою только необходимое пропитаніе. Агарянъ было такъ много, что царь уже не находилъ возможнымъ перевести ихъ въ предѣлы имперіи. Часть ихъ отправилась по морю, другіе предпочли сухимъ путемъ добраться до владѣній халифа. Съ безпощадной строгостью Никифоръ казнилъ нѣсколькихъ армянъ, нарушившихъ дарованную жителямъ неприкосновенность личности и этимъ заслужилъ похвалу арабскихъ историковъ, но имущество жителей было отдано солдатамъ.

Взятіемъ Тарса окончилось закрѣпленіе Киликіи за имперіей. Тщательно укрѣпивъ Адану, Масиссу и Тарсъ, Никифоръ, по арабскимъ извѣстіямъ, намѣревался даже надолго устроиться въ Тарсѣ, сдѣлавъ его средоточіемъ управленія имперіи, чтобы постоянно находиться вблизи отъ театра войны съ агарянами. Если эта мысль не осуществилась, то онъ сдѣлалъ все, чтобы поднять и укрѣпить разоренную страну. Остатки христіанъ-туземцевъ, загнанные арабами въ горы, спустились снова въ плодородныя равнины и, усиленные переселенцами изъ внутреннихъ областей имперіи, возстановили въ прежнемъ блескѣ сельскую культуру Киликіи. Вернулось также и много сарацынъ, которымъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обратиться въ христіанство. Здѣсь, какъ на Критѣ и Кипрѣ, административныя распоряженія Никифора были своевременны и долговѣчны. До XV вѣка Киликія оставалась христіанской страной и, отдѣлившись отъ имперіи, была еще христіанскимъ княжествомъ, въ то время какъ внутреннія области Малой Азіи уже болѣе двухъ вѣковъ были оторваны отъ имперіи турками.

Теперь дорога въ Сирію была уже совсѣмъ открыта, но

прежде чѣмъ продолжать свой побѣдный путь, Никифоръ призналъ необходимымъ тріумфально показаться въ столицѣ, которую онъ оставилъ полтора года тому назадъ. Ѳеофано и юные императоры, все это время жившіе въ каппадокійскомъ замкѣ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія въ пышный императорскій дворецъ Константинополя, при такой обстановкѣ въ особенности. Цимисхій, хотя и награжденный титуломъ дука, но тѣмъ не менѣе замѣтно оттираемый на второй планъ, сопровождалъ императора. Весь путь отъ Тарса до столицы былъ непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ. Огромный обозъ везъ добычу, десятину съ которой царь назначилъ въ раздачу столичнымъ церквамъ и монастырямъ, но наибольшій восторгъ вызывали драгоцѣнные кресты съ частицами животворящаго древа, найденные въ Тарсѣ, куда они попали вмѣстѣ съ прочей добычей послѣ одной побѣды агарянъ надъ греками почти за сто лѣтъ тому, въ 877 году, при Василіи 1-мъ. Эта святыня поступила въ храмъ св. Софіи. Не ранѣе октября ликующее войско подошло къ столицѣ и торжественно вступило въ нее по всѣмъ правиламъ византійскаго церемоніала на случай возвращенія царя изъ продолжительнаго и отдаленнаго похода, записаннымъ въ книгѣ Константина Багрянороднаго.

Истощенные враги нуждались въ перемиріи. Никифору нужно было заняться устройствомъ Киликіи и укомплектовать побѣдоносную, но разстроенную армію; эмиръ Сеифъ, пораженный параличемъ, долженъ былъ на время отказаться отъ борьбы съ греками для того, чтобы привести въ порядокъ Сирію, въ которой водворилась настоящая анархія. Произошелъ размѣнъ и выкупъ плѣнныхъ, чрезвычайно выгодный для имперіи. Миръ на границѣ, однако, длился недолго. Осенью 966 года Никифоръ снова появился въ Сиріи, на сей разъ уже не съ запада, а чрезъ Діарбекиръ, со стороны Арменіи. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія въ открытомъ полѣ, греческое войско обошло всю сѣверную Сирію, разоряя и уводя въ плѣнъ жителей, и вернулось по западной Сиріи. Весь походъ былъ колоссальнымъ набѣгомъ. Важные города Низивія, Амида и Антіохія отразили нападенія Никифора, повидимому, неимѣвшаго осадныхъ машинъ въ достаточномъ количествѣ. Умирающій эмиръ могъ видѣть изъ цитадели Алепа, какъ горѣли многочисленныя селенія и сады, окружавшіе его столицу, и не могъ уже отразить врага, но за то доведенное до отчаянія

арабское населеніе почти поголовно поднималось на призывъ къ священной войнѣ. Можетъ быть, этотъ непредвидѣнный оборотъ заставилъ Никифора поспѣшить отступленіемъ, не дожидаясь болѣе серьезныхъ результатовъ кампаніи.

Среди такихъ событій умеръ Сеифъ, успѣвшій отчасти, невзирая на тяжкую болѣзнь, подавить мятежъ въ своихъ владѣніяхъ и обезпечить престолъ за сыномъ.

Поздней зимой 966 года, Никифоръ возвратился въ столицу. Тяжкія работы пришли на смѣну военныхъ трудовъ. Сирійская война была бездной, поглощавшей всѣ государственные доходы. Съ несокрушимымъ упрямствомъ Никифоръ шелъ къ цѣли своей жизни—отвоевать у агарянъ азіатскія провинціи, истинное основаніе и источникъ силы имперіи. Всецѣло отдавшись этой мысли, онъ думалъ только о войскѣ, которому приходилось бороться съ цѣлымъ многочисленнымъ народомъ, поголовно отстаивающимъ свою независимость. Но государственная цѣль была недоступна пониманію разноплеменной имперіи. Эллинизмъ, т. е. греческая образованность, и православіе были главными основами государственной цѣлости, но государство само по себѣ не выросло изъ единой, самосознающей національности. Героическія личности византійской имперіи—а ихъ было замѣчательно много,—не были носителями народнаго идеала и народными героями. Патріотизмъ былъ доступенъ немногимъ выдающимся натурамъ, и положеніе ихъ среди равнодушной народной массы является поистинѣ трагическимъ. Народъ отдавалъ цвѣтъ населенія, платилъ огромныя деньги за сирійскіе тріумфы и не видѣлъ отъ нихъ непосредственной пользы. Войско было любимымъ дѣтищемъ императора. Неумолимо строгій и жестокій, какъ скоро дѣло заходило о боевой дисциплинѣ, Никифоръ тѣмъ не менѣе всегда бралъ сторону солдатъ противъ мирныхъ жителей и предоставлялъ войску почти безграничную безнаказанность, извиняя безчинства солдатъ тѣмъ, что гдѣ большое скопленіе людей, тамъ нельзя было обойтись безъ грѣшковъ. Передвиженіе войскъ по провинціямъ имперіи мало чѣмъ отличалось отъ непріятельскаго нашествія. Азіатскіе полки въ столицѣ вели себя отвратительно. Въ Свѣтлое Воскресенье 967 г. армянскіе солдаты завели ссору съ матросами и лодочниками, уроженцами Ѳракіи и другихъ эллинскихъ ѳемъ, которая превратилась въ побоище, при чемъ много было убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. Въ городѣ разнесся слухъ, что императоръ намѣренъ

выместить свой гнѣвъ за своихъ любезныхъ азіатовъ на всемъ народѣ во время игрищъ въ циркѣ. Дѣйствительно, когда народъ наполнилъ амфитеатръ, на аренѣ появились войска, которыя должны были представить примѣрное сраженіе. Зрителями овладѣла паника. Бросились къ тѣснымъ выходамъ, и въ сумятицѣ было задавлено много народа. Однако, видя, что императоръ спокойно сидитъ на своемъ мѣстѣ, зрители успокоились, и представленіе продолжалось. Тѣмъ не менѣе народное раздраженіе возростало.

Со временъ Юстиніана народъ не испытывалъ такого разорительнаго управленія. Всѣ налоги были доведены до крайнихъ предѣловъ возвышенія и взыскивались съ безпощадной строгостью. Никифоръ отмѣнилъ ежегодные подарки сенаторамъ, хладнокровно объяснивъ, что у него мало денегъ для того, чтобы вести войска на враговъ. На этомъ же основаніи онъ прекратилъ постоянныя пособія изъ государственнаго казначейства богоугоднымъ учрежденіямъ. Онъ не поколебался наложить свою руку даже на пожертвованія прежнихъ царей въ пользу монастырей. Но верхомъ неудовольствія въ духовенствѣ было его притязаніе утверждать епископовъ на открывающіяся ваканціи. До сихъ поръ хиротонія и возведеніе на архіерейскій престолъ принадлежали патріарху и суноду. Никифоръ медлилъ замѣщеніемъ каѳедры и допускалъ новопосвященныхъ только изъ лицъ, ему извѣстныхъ и сочувствующихъ, обязывая ихъ пользоваться архіерейскими доходами съ строжайшей бережливостью, а излишекъ сдавать въ казначейство. Насколько эта мѣра была ненавистна духовенству, видно изъ того, что отъ преемниковъ Никифора патріархъ потребовалъ прежде всего отмѣны этого указа.

Тѣмъ съ большей рѣшительностію воспротивился патріархъ требованію Никифора считать мучениками всѣхъ павшихъ въ битвахъ съ сарацынами. Само по себѣ такое требованіе указываетъ, до какой экзальтаціи дошелъ воинственный патріотизмъ царя. Къ обиженному высшему чиновничеству примкнула огромная и вліятельная масса чернаго и бѣлаго духовенства, но всего опаснѣе было настроеніе народной массы. Доходовъ, однако, все-таки не доставало. Тогда Никифоръ соблазнился такими мѣропріятіями, которыя уже не находятъ оправданія, если сообщаемыя извѣстія справедливы. Онъ прибѣгнулъ къ систематической порчѣ монеты. Выпустивъ золотую монету, несоотвѣтствующую вѣсу, онъ потребовалъ, чтобы

государственные сборы оплачивались настоящей полновѣсной монетой. Въ гражданскомъ оборотѣ произошло крайнее смятеніе. Къ этому присоединился неурожай и сильное вздорожаніе припасовъ. Хлѣбъ, хранившійся въ государственныхъ житницахъ, былъ выпущенъ въ продажу, но не для пониженія цѣнъ рыночныхъ, а для наживы. На народномъ голодѣ казначейство заработало громадные барыши. То же было и съ масломъ. Въ спекуляціи на маслѣ нажилъ огромныя деньги братъ царя Леонъ. Народъ громко роптал, обвиняя царя и Леона въ намѣреніи высосать у бѣдняковъ послѣдній грошъ. Ропотъ возрасталъ и проявился въ серьезныхъ безпорядкахъ. Въ праздникъ Вознесенія 967 г. царь ходилъ съ крестнымъ ходомъ въ Богородицкій монастырь Пигѝ, нынѣ Балукли, за стѣнами Царьграда. На возвратномъ пути, уже вечеромъ, на царя напала толпа. Слышались проклятія и брань. Стали бросать камнями и черепицами. Двѣ женщины, взобравшись на кровлю, едва не убили царя кирпичами. Съ величайшимъ хладнокровіемъ царь добрался до дворца, а ночь разсѣяла мятежное скопище. На утро женщинъ нашли и безъ дальнѣйшей расправы сожгли. Разыскали и другихъ коноводовъ, но подвергли ихъ легкому взысканію. Враждебные Никифору византійскіе историки хвалятъ его за умѣренность и милосердіе въ этомъ дѣлѣ.

Никифоръ не могъ не видѣть, что медовый мѣсяцъ его царствованія прошелъ и не можетъ возвратиться. Озлобленіе населенія заставило его принять мѣры предосторожности и превратить императорскій дворецъ въ крѣпкую цитадель, отдѣливъ отъ города стѣной и башнями. Внутри этой крѣпости онъ рѣшилъ выстроить укрѣпленный замокъ, близъ заброшеннаго дворца Ѳеодосія II, стоявшаго у самаго берега Мраморнаго моря. Старый дворецъ назывался Вуколеономъ. Новая постройка легла непредвидѣнной тяжестью на казну, такъ какъ пришлось отчуждать землю изъ частнаго владѣнія и ломать много старинныхъ, великолѣпныхъ зданій. Народъ понялъ, что крѣпость воздвигается противъ него, и, конечно, тотчасъ же появились разныя таинственныя пророчества о неизбѣжной погибели царя, невзирая на мѣры предосторожности. Постойка, дѣйствительно, закончилась въ день смерти Никифора.

На востокѣ имперія теперь безспорно преобладала надъ халифатомъ и, повидимому, немного оставалось ждать до окончательнаго пораженія ислама въ древнихъ земляхъ римской

имперіи. На западѣ уступки керуанскому эмиру имѣли въ виду эту же завѣтную мысль Никифора. Потерпѣвъ военную неудачу, онъ однако же освободился отъ унизительной дани за безопастность собственно итальянскихъ ѳемъ. Но такую же дань имперія платила и своему сѣверному сосѣду, болгарскому царю, обязавъ его не пропускать нашествій мадьярской орды. Конечно, высокому государственному сознанію Никифора такія болгарскія отношенія были нестерпимы. Обстоятельства складывались удачно. Послѣ величайшаго изъ болгарскихъ царей, Симеона, раздвинувшаго предѣлы Болгаріи на югъ до Санъ-Стефанской границы, включившаго въ составъ государства Эпиръ и Сербію, съ 927 года престоломъ Болгаріи владѣлъ миролюбивый Петръ, женатый на внучкѣ Романа Лакапина, двоюродной сестрѣ малолѣтнихъ императоровъ. Въ Болгаріи происходило сильное броженіе. Соратники Симеона видѣли, что Византія мало по малу проницаетъ своимъ вліяніемъ болгарское правительство и церковь и подрываетъ народную самобытность. Сильные вожди отдѣльныхъ племенъ, бояре, роптали и съ трудомъ мирились съ устраненіемъ отъ престола старшаго сына Симеонова. Подготовлялось распаденіе Болгаріи на два царства. Въ народѣ распространялось богомильское вѣроученіе, возникшее на сочетаніи иранскаго дуализма съ христіанствомъ. Общее броженіе въ болгарскомъ народѣ не могло укрыться отъ государственныхъ людей Византіи и представляло весьма удобную почву для перемѣны сосѣдскихъ отношеній. Ничто не обезпечивало, однако, дальнѣйшаго разслабленія Болгаріи. Государственный переворотъ могъ выдвинуть намѣсто Петра энергическую личность, способную возобновить преданія Симеоновской политики и снова стать ужасомъ европейскихъ ѳемъ и столицы имперіи. Готовясь къ продолженію сирійской войны, Никифору нужно было ослабить Болгарію еще болѣе для того, чтобы впослѣдствіи совсѣмъ покончить съ нею присоединеніемъ къ имперіи.

Зимой 967 года болгарскіе послы явились въ Константинополь за условленной данью, или субсидіей, и предстали въ общей торжественной аудіенціи предъ императоромъ, но едва они успѣли высказать свое порученіе, какъ Никифоръ, обругавъ ихъ съ солдатской грубостью, приказалъ позорно выгнать изъ дворца и немедленно выслать изъ предѣловъ имперіи. Вскорѣ послѣ сего, онъ лично съ отрядомъ войска сдѣлалъ осмотръ сѣверной границы; захватилъ нѣсколько бол-

гарскихъ пограничныхъ укрѣпленій и возвратился въ столицу. Политическій разрывъ совершился, но Никифоръ не повторилъ сицилійской ошибки, предпочитая нанести ударъ Болгаріи чужими руками.

Сѣверная граница Болгаріи была почти беззащитна, свободно входили въ нее мадьярскіе и печенѣжскіе наѣздники и грабили, разсыпаясь по всей странѣ и заходя черезъ Балканы даже въ предѣлы имперіи. Ни мадьяры, ни печенѣги не годились Никифору: тѣ и другіе уже теряли свою варварскую свѣжесть и мощь, подавляемые крѣпнущей нѣмецкой имперіей и кіевскими славянами. Послѣдніе, издавна бывшіе въ сношеніяхъ съ Византіей, начавшіе уже воспринимать византійскую культуру и невошедшіе въ организмъ западной Европы, были избраны орудіемъ Никифоровой политики. Въ Кіевѣ княжилъ молодой и предпріимчивый Святославъ. Къ нему явился съ богатыми дарами агентъ Никифора, Калокиръ, уроженецъ Херсонеса, и представилъ въ самыхъ соблазнительныхъ чертахъ богатство Болгаріи и легкость военныхъ успѣховъ. По договору 945 г. съ Игоремъ, русскіе князья обязались помогать войскомъ византійскимъ императорамъ. Осенью 967 года кіевскій князь явился въ устьяхъ Дуная, и въ короткое время вся предбалканская Болгарія была во власти отважнаго завоевателя, встрѣтившаго вѣроятно поддержку въ недовольныхъ правленіемъ Петра. Дѣйствительность превзошла описанія Калокира. Изобиліе и богатство страны таково, что молодой русскій князь рѣшился промѣнять Кіевъ на Переяславецъ, что уже совершенно выходило изъ разсчетовъ Византіи. Не зная о такомъ намѣреніи Святослава, Никифоръ, радуясь пораженію Болгаріи, чествовалъ русскаго князя богатыми дарами. Ранней весной Святославъ пошелъ было на югъ, когда неожиданная вѣсть о нашествіи печенѣговъ заставила его возвратиться въ Кіевъ. Прогнавъ кочевниковъ, онъ заявилъ матери о своемъ намѣреніи основаться въ Болгаріи. Онъ указывалъ на Дунайскій Переяславецъ, какъ на средину своей земли, т. е. кіевскихъ и болгарскихъ владѣній. Но св. Ольга потребовала, чтобъ онъ остался похоронить ее. Въ завоеванныхъ городахъ оставался старый витязь Свѣнельдъ, Святославу же пришлось приводить въ исполненіе свой болгарскій проектъ уже послѣ смерти Никифора.

Но не одни болгарскія дѣла являлись черной точкой на политическомъ горизонтѣ и мѣшали Никифору всецѣло

отдаться войнѣ въ Азіи: положеніе итальянскихъ ѳемъ было еще болѣе опаснымъ, нежели границы Ѳракіи и Македоніи.

Идея западной римской имперіи, затмившаяся при неспособныхъ наслѣдникахъ Карла Великаго, въ это время нашла себѣ столь же даровитаго и энергическаго представителя, какъ и Никифоръ, въ лицѣ императора Оттона Великаго. Лонгобардія, какъ называлась тогда Италія, входила тогда въ составъ западной имперіи. Сицилійскіе мусульмане для Оттона были такими же непримиримыми врагами, какъ и византійскому императору, и борьба съ ними была возможна неиначе, какъ въ союзѣ съ греками, но, сознавая это, Оттонъ, повелѣвая девятью десятыми полуострова, какъ римскій императоръ, не могъ допустить, чтобы на югѣ полуострова оставались земли, непризнававшія его своимъ государемъ. Два императора не могли уживаться въ Италіи. Сами же по себѣ Апулія и Калабрія казались нетрудной добычей для побѣдителя мадьяръ и лонгобардскаго короля. Простѣйшимъ средствомъ пріобрѣсти эти ѳемы и соединиться противъ арабовъ казалось заключеніе брачнаго союза между сыномъ Оттона, будущимъ императоромъ, и царевной Ѳеофано, получивъ въ приданое итальянскія земли. — Несомнѣнно, что дѣло бы такъ и уладилось, если-бы на престолѣ Византіи сидѣлъ какой-нибудь Романъ, а не такой ревнитель государственнаго достоинства и фанатикъ римской имперской идеи, какимъ былъ Никифоръ. Никогда византійскіе цари не отрекались отъ титула римскаго императора, подъ которымъ они и были извѣстны на всемъ востокѣ. Средневѣковые германскіе императоры въ ихъ глазахъ были узурпаторами, поэтому Никифоръ не могъ примириться съ тѣмъ, что Оттонъ позволилъ себѣ вѣнчаться въ Римѣ императорской короной; еще болѣе раздражало его подчиненіе Оттону лонгобардскихъ герцоговъ Капуи, Беневента и Салерна, бывшихъ дотолѣ подъ политическимъ вліяніемъ Византіи. Въ гнѣвѣ Никифоръ называлъ ихъ мятежными рабами и грозилъ строгимъ наказаніемъ. Успѣхи Оттона, отпаденіе герцоговъ, неудача Мануила въ Сициліи подрывали значеніе Византіи не на одномъ западѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ отношенія между двумя императорами не могли быть искренними и дружественными. Только сицилійское пораженіе удерживало Никифора отъ открытой враждебности и заставляло поддерживать дипломатическія сношенія. Завязавъ переговоры о бракѣ, Оттонъ сосредоточивалъ

тѣмъ не менѣе войска на границахъ византійскихъ владѣній; Никифоръ же медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, оттягивая начало военныхъ дѣйствій. Яблокомъ раздора были лангобардскія герцогства: ни та, ни другая сторона не могли придти къ соглашенію о границахъ владѣній, и Оттонъ, понявъ, что переговоры были одной волокитой, приказалъ войску вступить въ греческія владѣнія и овладѣть приморскимъ Баръ-градомъ, Бари, ключемъ обѣихъ византійскихъ ѳемъ. Сверхъ ожиданія, Бари отразилъ неожиданное нападеніе нѣмецкихъ войскъ. Цѣлый мѣсяцъ происходили упорныя битвы осаждающихъ съ гарнизономъ и жителями города; наконецъ Оттонъ долженъ былъ отступить къ сѣверу.

Потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами Бари, Оттонъ вернулся къ своему брачному проекту, постояннымъ сторонникомъ котораго былъ одинъ изъ любимѣйшихъ его совѣтниковъ, Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій. При Константинѣ Порфирородномъ Ліутпрандъ пріѣзжалъ посломъ въ Византію, долго жилъ въ ней и основательно изучилъ греческій языкъ и придворное общество. Возвращаясь въ сѣверную Италію, Оттонъ отправилъ Ліутпранда съ труднымъ порученіемъ сватать царевну и устроить уступку провинцій. Ліутпрандъ ни мало не сомнѣвался, что въ Византіи сочтутъ за великую честь бракъ царевны съ наслѣдникомъ германскаго императора. Описаніе его посольства составляетъ любопытный и важный источникъ для исторіи этой эпохи.

Въ первыхъ числахъ іюня 968 года посолъ Оттона прибылъ въ Константинополь и совсѣмъ не во-время. Никифоръ былъ озабоченъ болгарскими дѣлами и крайне раздраженъ нападеніемъ Оттона на Бари. Нѣмецкому послу старались досадить на каждомъ шагу. Вмѣсто торжественной встрѣчи, его заставили простоять передъ Золотыми Воротами нѣсколько часовъ подъ дождемъ; помѣщеніе отвели въ разрушающемся дворцѣ, свободно пропускавшемъ дождь и вѣтеръ, не давали дровъ въ холодную погоду и т. п. Посолъ жилъ подъ строжайшимъ надзоромъ. Не только нельзя было повидаться съ прежними друзьями, не дозволяли даже покупать провизіи и вина. Приставники обращались грубо, какъ съ плѣнниками. Предварительные переговоры съ братомъ царя сразу приняли враждебный тонъ. Леонъ отказывался признать императорскій титулъ Оттона, предлагая именовать его риксомъ (rex), какъ варварскаго короля. Ліутпрандъ горячо спорилъ. Кончилось тѣмъ,

*

что Леонъ отказался даже лично принять грамоту Оттона и велѣлъ передать ее переводчику. Въ отместку, Ліутпрандъ охарактеризовалъ въ своемъ описаніи Леона самыми невыгодными чертами въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Наутро посолъ былъ принятъ императоромъ. Никифоръ принялъ посла, сидя на золотомъ тронѣ; слѣва, нѣсколько поодаль сидѣли юные императоры „прежде—его государи, теперь его покорные слуги". О Θеофанѣ Ліутпрандъ не упоминаетъ. „Мы должны бы и хотѣли бы принять тебя съ честью и радушіемъ,—такъ началъ Никифоръ,—но несправедливости твоего государя не дозволяютъ поступить такимъ образомъ". Затѣмъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, императоръ изобразилъ всѣ дѣйствія Оттона въ Италіи, заключивъ свою обвинительную рѣчь такими словами: „Потерпѣвъ пораженіе въ своемъ безчестномъ покушеніи на наши области, онъ теперь прислалъ къ намъ тебя подъ обманчивымъ предлогомъ дружбы, но съ единственной цѣлью шпіонничать около насъ". Ліутпрандъ старался представить дѣйствія своего государя въ совершенно иномъ свѣтѣ, заявляя, что онъ прибылъ передать искреннее желаніе Оттона окончить полюбовно всѣ недоразумѣнія и соединить брачными узами молодаго Оттона съ царевной Θеофано. Никифоръ отложилъ отвѣтъ и пригласилъ Ліутпранда на выходъ въ Софійскій соборъ, гдѣ, по случаю Троицына дня, было торжественное богослуженіе. Конечно, наружность и нарядъ императора, духовенства, собора описаны Ліутпрандомъ самыми непривлекательными чертами: все некрасиво, бѣдно, заношено, нескладно. Никифоръ у него то черное страшилище, то безобразный гадъ, сатиръ, грязный козелъ, старая, нечесаная баба и т. п. Пиры и церковныя церемоніи перемежались переговорами. Византійцы требовали, чтобы Оттонъ пересталъ именоваться императоромъ, отступился отъ лонгобардскихъ герцоговъ, оставилъ въ покоѣ итальянскія ѳемы и только на этихъ условіяхъ допускали брачный союзъ царственныхъ домовъ. Они отказались потомъ только отъ перваго требованія. Ліутпрандъ не могъ согласиться на эти условія. Совѣщанія, подробно записанныя имъ, поражаютъ грубостью тона. Было очевидно, что переговоры не приведутъ ни къ чему, но, тѣмъ не менѣе, Ліутпранда не выпускали: онъ, въ качествѣ представителя Оттона, былъ залогомъ задержки открытой войны, а тѣмъ временемъ византійскіе дипломаты вели подъ рукой переговоры съ итальянскими герцогами, крѣпости ремонтировались,

и ѳемы получали подкрѣпленія войскомъ и запасами. Не отпуская Ліутпранда изъ столицы, здѣсь подвергали его всевозможнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ, ни мало не щадя ни державы, ни государя, представителемъ которыхъ былъ онъ. Въ концѣ іюля 968 года Никифоръ далъ послу прощальную аудіенцію, отправляясь въ послѣдній походъ на сарацыновъ, но только въ октябрѣ Ліутпрандъ могъ оставить Константинополь съ отвѣтными грамотами Оттону, унося самыя непріятныя воспоминанія о пребываніи при дворѣ императора Никифора. Впечатлѣнія, записанныя имъ, представляютъ любопытный историческій памятникъ, изображающій восточную имперію съ западной точки зрѣнія. Обманутая самонадѣянность посланника, непривычный этикетъ, которому онъ подчинялся, своеобразный образъ жизни, особенности византійскихъ снѣдей и питій и умышленныя непріятности со стороны византійцевъ — озлобили Ліутпранда, и онъ не щадилъ чернѣйшихъ тѣней въ своихъ изображеніяхъ византійской жизни. Пышный и торжественный церемоніалъ двора и церкви плохо вяжется съ грубостью и распущенностью тона, господствующаго въ придворномъ и дипломатическомъ обществѣ, съ постоянными указаніями Ліутпранда на ветхость парадныхъ одѣяній царя, духовенства и двора. Сами по себѣ, однако, эти признаки могли имѣть основаніе. Никифоръ жилъ въ столицѣ временно, между походами, любилъ только войско и всѣ государственные доходы употреблялъ на военныя потребности. Немудрено, что лагерная грубость проникла въ придворные нравы, что церемоніальная роскошь не находила поддержки. Одновременно съ Ліутпрандомъ, византійскіе дипломаты ведутъ переговоры съ итальянскими вассалами Оттона, сговариваются съ ними о числѣ войскъ, которыя могутъ быть поставлены противъ нѣмцевъ, обѣщаютъ деньги, но въ то же время намѣрены, если такихъ войскъ не окажется на лицо, выдать своихъ сообщниковъ Оттону. Они стращаютъ Ліутпранда тѣмъ, что деньгами поднимутъ противъ Оттона народъ его имперіи. Государственная мудрость Византіи умѣла водить къ побѣдамъ огромныя разноплеменныя войска и съ необыкновенной развязностью вела темную тройную дипломатическую игру. Византійскую политику принято называть коварной. Болгары и русскіе не довѣряли „льстивымъ“ грекамъ, но чѣмъ же лучше и честнѣе политика современныхъ намъ объединителей Германіи и не съ такимъ ли правомъ мы можемъ назвать „льстивыми“ нѣмцевъ,

какъ наши предки, — вѣроятно, со словъ болгаръ — называли грековъ? Оттонъ получилъ извѣстія о византійскихъ интригахъ въ Италіи своевременно и, не дожидаясь возвращенія Ліутпранда, двинулъ свои войска въ южную Италію. Война велась съ неремѣннымъ успѣхомъ, и противники оставались въ своихъ позиціяхъ до зимы слѣдующаго года, когда смерть Никифора и взятіе Антіохіи, освободивши значительную часть византійскаго войска, дали дѣлу иной оборотъ. Здѣсь мы замѣтимъ, что зиждительная дѣятельность Никифора коснулась и отдаленныхъ итальянскихъ ѳемъ. Отступившись временно отъ Сициліи, Никифоръ занялся провинціями на полуостровѣ. Сто слишкомъ лѣтъ Апулія и Калабрія безпощадно разорялись арабскими пиратами. Тарентъ, Салерно, Россано лежали въ развалинахъ. Никифоръ возстановилъ города, обезопасилъ ихъ отъ будущихъ нападеній договорами и войскомъ и поднялъ культуру страны. Обѣ ѳемы возродились при немъ въ греческомъ духѣ и долго сохраняли эллинскій характеръ.

Ліутпрандъ оставилъ Никифора среди восьмидесятитысячнаго войска на пути въ Сирію. Наслѣдникъ эмира Сеифа, Абуль-Маали, тотчасъ по вступленіи на престолъ, долженъ былъ бороться съ дядей-претендентомъ и подчиненными эмирами, стремившимися къ независимости. Среди междоусобій нечего было и думать о серьезномъ сопротивленіи христіанамъ. Съ своей стороны Никифоръ держался въ Сиріи той же системы, которая была такъ успѣшна въ Киликіи. Какъ Тарсъ и Масисса въ Киликіи, такъ Алепъ и Антіохія были ключами Сиріи, и овладѣнію этими городами также предшествовало разореніе и уничтоженіе мусульманскаго населенія. Никифоръ вновь прошелъ все плато сѣверной Сиріи, разоряя и сожигая всѣ встрѣчные селенія и города, но не коснулся Алепа, а послѣ взятія Гомса, древней Эмезы, повернулъ на западъ, перешелъ Ливанскія горы и появился въ Финикіи, нѣсколько вѣковъ не видавшей римскаго оружія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ приморскіе города, разбогатѣвшіе отъ торговли и морскихъ разбоевъ, подвергались разгрому. Добыча была несмѣтна. Армія Никифора уводила за собой болѣе ста тысячъ плѣнниковъ обоего пола, молодыхъ или дѣтей: всѣхъ пожилыхъ или слабыхъ убивали, сохранивъ изъ нихъ только необходимое число для надзора и ухода за молодыми. Было разрушено девятнадцать городовъ. Много сирійцевъ обратилось въ христіанскую вѣру, чтобы избавиться отъ порабощенія. Одна Лаодикія рѣ-

шилась добровольной покорностью купить себѣ безопасность и получила ее. Вся сѣверная Сирія и Финикія лежали у ногъ побѣдителя. Мусульмане въ ужасѣ видѣли въ Никифорѣ бичъ, посланный Богомъ для ихъ конечнаго истребленія. Оставалось покончить съ Алепомъ и Антіохіей, чтобы приняться за вторичную эллинизацію этихъ провинцій, какъ въ Киликіи. Въ ноябрѣ 968 г. Никифоръ появился подъ стѣнами Антіохіи и убѣдился, что немедленный штурмъ невозможенъ. Огромный и богатый городъ былъ сильно укрѣпленъ, жители приготовились къ отчаянной оборонѣ, а силы византійской арміи были разсѣяны на значительномъ пространствѣ, ведя партизанскую войну съ арабскими отрядами. Прервавъ сообщеніе Антіохіи съ моремъ, Никифоръ установилъ тѣсную блокаду, приказалъ продолжать разореніе страны и съ добычей и частью войска возвратился въ имперію. Въ дѣйствующей арміи главнокомандующимъ остался его племянникъ, Петръ Фока, полководецъ необыкновенной предпріимчивости и энергіи, хотя и евнухъ; подъ Антіохіей командовалъ войскомъ одинъ изъ лучшихъ его генераловъ, патрикій Михаилъ Вурца.

Въ это время неурядица въ Сиріи достигла апогея. Обманомъ удаливъ молодаго эмира изъ Алепа, бывшій министръ стараго эмира, Каргуя объявилъ себя независимымъ. Народъ подчинился узурпатору. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, пока молодой эмиръ собралъ достаточную силу, чтобы идти отбивать свою столицу, а въ это время Каргуя успѣлъ не только возстановить стѣны, остававшіяся въ разрушенномъ видѣ съ 962 года, но и за-ново укрѣпилъ цитадель. Тѣмъ не менѣе, когда Абуль-Маали показался въ виду Алепа, Каргуя не рѣшился вступить въ борьбу, но отправилъ посольство къ Петру Фокѣ, прося принять Алепъ въ подданство императору и придти на помощь. Это было уже въ концѣ октября 969 года. Войско стратопедарха выступило по направленію къ Алепу, но едва прошло незначительную часть пути, какъ стратопедархъ внезапно измѣнилъ маршрутъ и поспѣшно двинулся къ Антіохіи, гдѣ произошла еще бо́льшая неожиданность.

Отъѣзжая, Никифоръ запретилъ предпринимать рѣшительныя дѣйствія противъ Антіохіи. Городъ этотъ всегда отличался враждебностью къ династіи хамданидовъ, и покойному эмиру стоило большихъ усилій держать его въ покорности. Отдѣленная горами отъ Сиріи, близкая къ морю, Антіохія имѣла всѣ условія для образованія самостоятельнаго владѣнія. Общая не-

урядица отразилась и въ Антіохіи. Партія хамданидовъ была вытѣснена курдами, на смѣну курдовъ явился египетскій авантюристъ съ своей дружиной, убилъ предводителя-курда и захватилъ власть въ свои руки. Внутреннія междоусобія были извѣстны Вурцѣ, и онъ рѣшился воспользоваться ими вопреки волѣ императора.

Антіохія лежала въ тѣсной блокадѣ. Война согнала въ ея стѣны огромную массу народа, а между тѣмъ всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ прекратился, и сарацынское населеніе уже страдало отъ голода. Всего тяжелѣе было положеніе многочисленнаго христіанскаго населенія, среди котораго христіанскіе полководцы имѣли постоянныхъ и преданныхъ сторонниковъ и шпіоновъ. Кромѣ того, возвращаясь въ столицу, Никифоръ склонилъ цѣлый христіанскій городокъ, Вуку или Луку, переселиться въ Антіохію подъ тѣмъ предлогомъ, что жители боятся грековъ. Жители Вуки тотчасъ спѣлись съ антіохійскими и другими христіанами, которые, убѣгая отъ разоренія, подобно имъ скрылись за стѣнами Антіохіи. Такимъ образомъ въ осажденномъ городѣ была подготовлена византійская партія, близко заинтересованная въ пораженіи мусульманъ. Въ назначенный день, послѣ одного изъ кровавыхъ уличныхъ междоусобій, Вурца незамѣтно подступилъ къ Антіохіи, и темной зимней ночью отборная партія въ триста охотниковъ завладѣла частью высокихъ городскихъ стѣнъ, оставленныхъ безъ караула по небрежности или благодаря измѣнѣ. Взятый пунктъ находился на самомъ верху города, расположеннаго по скату горы и въ долинѣ. Въ сосѣдней башнѣ спалъ сарацынскій караулъ: греки вырѣзали его. Въ слѣдующей повторилось то же самое, но греки оставили нѣсколько человѣкъ въ живыхъ, приказавъ имъ кричать обычный арабскій лозунгъ: „великъ Богъ и нѣтъ инаго Бога, кромѣ Аллаха!“ Однако въ городѣ замѣтили уже грековъ на башнѣ и внутри города. Изъ нападающихъ греки обратились въ осажденныхъ. Собравшись около занятыхъ башенъ, они рѣшились дорого продать свою жизнь, а тѣмъ временемъ Вурца послалъ гонца къ стратопедарху Фокѣ, который шелъ въ это время къ Алепу. Три дня огромный гарнизонъ Антіохіи осыпалъ грековъ метательными орудіями, горючими снарядами, разбивалъ башни таранами. Греки были доведены до послѣдней крайности, когда показались войска Петра Фоки. Часть войска поднялась на стѣны и погнала сарацынъ изъ башни въ башню, пока совсѣмъ не очистила укрѣпленій; дру-

гая ворвалась съ противоположной стороны въ морскія ворота, которыя были взломаны воинами Вурцы изнутри. 29 октября 969 г. знаменитая Антіохія, столица патріархіи, очутилась во власти грековъ. Взятіе города сопровождалось обычнымъ грабежемъ и избіеніемъ мусульманъ. При этомъ сарацыны умертвили патріарха Христофора, причтеннаго къ лику страдальцевъ за вѣру. Но стратопедархъ скоро прекратилъ убійства. Десять тысячъ отборныхъ плѣнниковъ были назначены къ отсылкѣ въ столицу; остальные уцѣлѣвшіе мусульманы должны были немедленно оставить городъ и уходить, куда хотятъ. Мѣсто ихъ было отдано христіанскимъ переселенцамъ окрестныхъ мѣстностей. Главная мечеть сначала была обращена въ свиной хлѣвъ, затѣмъ разрушена до основанія, и на ея мѣстѣ теперь ростетъ превосходный патріаршій садъ. Сильный отрядъ занялъ Антіохію и для бо́льшей обороны, на горѣ надъ городомъ, былъ возстановленъ древній замокъ Юстиніана.

Вурца самъ поѣхалъ съ донесеніемъ о неожиданномъ завоеваніи, но императоръ принялъ его, какъ ослушника, и, вмѣсто награды, посадилъ подъ домашній арестъ.

Между тѣмъ, пользуясь подавляющимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на весь мусульманскій міръ взятіемъ Антіохіи, стратопедархъ немедленно двинулся къ Алепу. Войско эмира разбѣжалось. При такихъ условіяхъ Петръ Фока нашелъ возможнымъ безусловно завладѣть Алепомъ. Городъ былъ взятъ приступомъ, но Каргуя, соправитель его Бакгуръ и масса защитниковъ успѣли укрыться въ цитадель, штурмовать которую Фока не осмѣлился. По договору Алепъ признанъ вассальнымъ владѣніемъ имперіи. Каргуя сохранялъ власть пожизненно, обязывался помогать императору въ войнахъ, только не противъ мусульманъ, платить дань и отдать пошлину со всѣхъ драгоцѣнныхъ товаровъ. По смерти Каргуи и Бакгура, правителей могъ назначать императоръ.

Сѣверная Сирія была уже въ рукахъ христіанъ. Никогда успѣхи Византіи противъ мусульманъ не достигали такой высоты. Ближайшая и важнѣйшая цѣль энергичной дѣятельности Никифора была достигнута блестящимъ образомъ. „Но именно среди глубочайшаго униженія—пишетъ старый историкъ Абульфеда—Богъ снова открылъ себя скорбящимъ мусульманамъ и внезапно освободилъ ихъ отъ столь ужасныхъ бѣдствій. И тотъ же годъ, который видѣлъ торжество царства Никифора, когда онъ пожиралъ всю Сирію, преданную на жертву его нечестивому

властолюбію, и однимъ звукомъ своего имени приводилъ въ трепетъ всѣхъ правовѣрныхъ дѣтей Аллаха,—тотъ же годъ видѣлъ, какъ великій завоеватель погибъ отъ коварства слабой женщины".

Никифоръ оставилъ театръ войны, не дождавшись паденія Антіохіи, вслѣдствіе важныхъ событій, совершившихся въ Болгаріи. Здравому смыслу византійскихъ государственныхъ людей казалось невозможнымъ, чтобы русскій князь, призванный въ качествѣ союзника, не довольствуясь богатой добычей и царскими дарами, захотѣлъ прочно овладѣть Болгаріей, отдѣленной отъ Кіевской земли обширными степями, принадлежащими многочисленнымъ и воинственнымъ печенѣгамъ. Между тѣмъ Святославъ въ 969 году вновь появляется на южномъ берегѣ Дуная, не взирая на болѣе энергическое сопротивленіе болгаръ, съ прежней быстротой побѣдоносно беретъ городъ за городомъ и становится повелителемъ всей добалканской Болгаріи. Въ то же время Шишманъ окончательно образуетъ западно-болгарское царство. Сосѣдство русскаго князя грозило такой же вѣчной пограничной войной, отъ которой Никифору съ величайшими усиліями удалось освободиться на сирійской границѣ, тѣмъ болѣе, что Калокиръ, не разстававшійся съ русскимъ княземъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, сдѣлался врагомъ императора и подстрекалъ русскаго князя на войну съ Византіей, богатства которой были хорошо извѣстны старымъ дружинникамъ Святослава, видѣвшимъ походъ Олега и Игоря на Царьградъ. Поэтому Никифоръ рѣшился подать помощь царю Петру. Состоялся договоръ о союзѣ противъ русскаго князя, скрѣпленный обрученіемъ болгарскихъ царевенъ, дочерей Петра, съ молодыми императорами. Обѣ невѣсты были взяты въ Константинополь для совмѣстнаго воспитанія подъ надзоромъ Ѳеофано, и вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ заложниковъ, прибыли въ столицу дѣти Петра, Борисъ и Романъ. Анархія, охватившая Болгарію по смерти царя Петра (январь 969 года), возлагала всю тяжесть обороны на Никифора, который и приступилъ къ ней съ свойственной ему энергіей. Шишманъ, пользуясь междуцарствіемъ, пытался присоединить восточную Болгарію къ своему западному царству, но Борисъ и Романъ были отправлены на родину и успѣли удержать за собой отцовское наслѣдіе. Между тѣмъ, послѣ ряда побѣдъ, русскій князь взялъ столицу царства Прѣславу, захватилъ въ плѣнъ царя Бориса и его семейство, и двинулся къ бал-

канскимъ проходамъ, послав грекамъ лаконическое объявленіе войны.

Паническій ужасъ овладѣлъ Царьградомъ. Извѣстія о болгарскихъ событіяхъ обновили память о страшномъ морскомъ нашествіи россовъ въ царствованіе Романа Лакапина и Константина. Никифоръ поспѣшилъ укрѣпить столицу и стянуть къ сѣверной границѣ всѣ свободныя войска. Особенно онъ позаботился о конницѣ, прошедшей превосходную боевую школу въ арабской войнѣ. Въ послѣдовавшей войнѣ съ русскими, тяжеловооруженные всадники были главнымъ орудіемъ побѣдъ Цимисхія въ сраженіяхъ на открытомъ полѣ.

Зима проходила въ военныхъ приготовленіяхъ къ неизбѣжной войнѣ на сѣверѣ и почти столь же неизбѣжной въ южной Италіи. Народъ истощалъ всѣ свои силы, отдавая людей и достояніе на военныя нужды. По сказанію Кедрина, Никифоръ безпрестанно навѣдывался въ министерство финансовъ, требуя строжайшаго взысканія податей и чуть не ежедневно придумывая новые налоги. Спасеніе государства затмевало у него всѣ остальныя соображенія, доходило до мономаніи. Отказывая себѣ во всемъ и требуя постоянно увеличивающихся жертвъ, онъ долженъ былъ казаться алчнымъ, скупымъ и грязнымъ скаредомъ. Приближенные терпѣли отъ его солдатской рѣзкости. Въ семействѣ онъ долженъ былъ казаться безсердечнымъ эгоистомъ. Видя, какъ самовластно дѣйствуетъ суровый императоръ, Ѳеофано, безъ того уже лишенная всякаго значенія въ это суровое и воинственное царствованіе, могла опасаться за права даже своихъ сыновей-императоровъ. Никифоръ былъ совершенно одинокъ, окруженный грозными опасностями извнѣ, народной ненавистью и глухой враждебностью высшихъ классовъ общества.

Вскорѣ по возвращеніи его изъ Сиріи, стали ходить слухи о заговорахъ. Въ праздникъ Силъ Безплотныхъ (8 ноября) 969 г., неизвѣстный монахъ сунулъ въ руку царя записку и скрылся. Въ запискѣ было сказано: „Царь! хотя я ничтожный червь, однако Провидѣніе открыло мнѣ, что ты умрешь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ“. Доселѣ невозмутимый, Никифоръ встревожился. Тѣнь будущаго коснулась его. Онъ велѣлъ произвести самый тщательный розыскъ: таинственный монахъ пропалъ безслѣдно.

Съ этого дня Никифоръ сильно измѣнился наружно и сталъ еще мрачнѣе. Ночи онъ проводилъ на полу, подостлавъ

шкуру пантеры и коверъ и завернувшись въ мѣховую мантію преподобнаго Михаила Малеина.

Слухи, предвѣщанія, предчувствія оправдывались. Заговоръ, дѣйствительно, существовалъ. Ѳеофано и Цимисхій условились убить Никифора. Со времени вступленія на престолъ, Никифоръ совершенно отодвинулъ Цимисхія съ перваго плана. Нося званіе доместика и дука, Іоаннъ, блестящій и честолюбивый, пользовался въ сущности однимъ титуломъ главнокомандующаго восточными войсками, такъ какъ царь лично распоряжался Сирійской войной. Даже крайне важная экспедиція въ Сицилію была поручена не ему, а неспособному родственнику императора. Со времени взятія Тарса Цимисхій исчезаетъ изъ военной лѣтописи. Можетъ быть, въ несходствѣ характеровъ слѣдуетъ искать объясненія такихъ отношеній царя къ полководцу, который такъ много помогъ ему при воцареніи. Историки Зонара и Ягія сообщаютъ, что въ послѣднее время Никифоръ очень жестко и сурово относился къ своей супругѣ. Глика и Манассія говорятъ, что монашеская воздержность Никифора вызвала ненависть императрицы и была причиной ея связи съ Цимисхіемъ. При этомъ Манассія утверждаетъ, что дѣти Романа пользовались истинно отеческой любовью Никифора. Ближайшій къ событіямъ арабскій историкъ Ягія разсказываетъ, что Никифоръ, отправляясь въ послѣдній походъ, заявилъ желаніе поручить регентство брату Леону. Тогда Ѳеофано испугалась за дѣтей и стала молить мужа, чтобы онъ оставилъ при нихъ Іоанна Цимисхія. Никифоръ разгнѣвался и пригрозилъ оскопить малолѣтнихъ государей. Съ той поры Ѳеофано рѣшилась погубить Никифора и вступила въ связь съ Цимисхіемъ. Всѣ арабскіе историки приписываютъ Никифору намѣреніе лишить престола юныхъ царей и передать его Леону и его потомству; западные историки повторяютъ восточныя сказанія, но ни одинъ изъ византійскихъ писателей, большинство которыхъ враждебно Никифору, не поддерживаютъ этого обвиненія. Когда началась преступная связь Ѳеофано съ Цимисхіемъ — опредѣлить невозможно. Она была окружена глубочайшей тайной. Царь чувствовалъ, что около него совершается нѣчто недоброе, становился день ото дня угрюмѣе и съ возрастающимъ усердіемъ предавался набожности. Подметныя письма не прекращались. Сама природа предвѣщала катастрофу ураганами, землетрясеніями и странными атмосферическими явленіями. Леонъ Фока еще яснѣе

предчувствовалъ, откуда ждать опасности, и убѣждалъ царя удалить Цимисхія изъ столицы. Настоянія Леона возъимѣли дѣйствіе: Никифоръ приказалъ Цимисхію уѣхать въ свои азіатскія владѣнія и не выѣзжать оттуда. Незадолго передъ этимъ Цимисхій былъ назначенъ министромъ (логоѳетомъ) путей сообщенія, и поэтому повелѣніе императора было уже явной немилостью, которая, въ виду его великихъ заслугъ, должна была всѣмъ казаться вопіющей несправедливостью и ускорить развязку тайной крамолы. Это совпало со смертью стараго Варды, отца императора. Потерявъ единственнаго безкорыстно любящаго человѣка, Никифоръ впалъ въ глубокое уныніе и много дней провелъ въ совершенномъ уединеніи. Этимъ упадкомъ духа воспользовалась Ѳеофано. Вкрадчиво сочувствуя горю державнаго супруга, прекрасная императрица постепенно наводила его на размышленія, какъ несправедливо поступилъ съ Цимисхіемъ, своимъ старымъ, преданнымъ другомъ, съ знаменитымъ полководцемъ и доблестнымъ воиномъ, осудивъ его на бездѣйствіе въ такое тревожное время, вопреки государственной пользѣ, притомъ же—прибавляла она съ чисто женской находчивостью—въ такое время, когда вдовый Цимисхій собирался вступить во вторичный бракъ. Послѣдній аргументъ, таившій въ себѣ страшный смыслъ, долженъ былъ ослабить и разсѣять подозрѣнія Никифора. Онъ уступилъ и разрѣшилъ Цимисхію пріѣхать ко двору, запретивъ, однако, являться во дворецъ каждый день, какъ то было въ обычаѣ въ Византіи. Цимисхій повиновался и поселился насупротивъ Константинополя, въ Халкидонѣ.—Между дворцомъ и Халкидономъ начались постоянныя тайныя сношенія. Въ ночномъ сумракѣ легкая лодка переносила Цимисхія къ дворцовой набережной, и онъ пропадалъ въ запутанномъ лабиринтѣ вѣками накопившихся кіосковъ и дворцовъ. Участь Никифора была рѣшена. Ѳеофано должна была выдти за мужъ за убійцу своего втораго мужа. Пособниковъ было множество. Изъ нихъ были избраны: Михаилъ Вурца, завоеватель Антіохіи, патрикій Леонъ Педіазимъ, Леонъ Валанта и Ѳеодоръ Черный. Всѣ заговорщики были обижены царемъ, дали страшныя клятвы отмстить ему и получили самыя блестящія обѣщанія въ случаѣ успѣха. Евнухи и рабыни тайно водили ихъ въ покои царицы, гдѣ происходили совѣщанія о совершеніи злодѣянія. Въ новомъ замкѣ Вуколеонѣ Никифоръ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ незримыми врагами.

Въ ночь съ десятаго на одиннадцатое декабря всѣ заговорщики, одѣтые въ женское платье, были введены въ царскій гинекей, и Ѳеофано спрятала ихъ около царской опочивальни. Въ этотъ самый день императоръ получилъ новое предостереженіе. Придворный священникъ передалъ ему письмо, въ которомъ неизвѣстный увѣдомлялъ царя, чтобы онъ приготовился умереть въ эту ночь страшной смертью и что если онъ осмотритъ гинекей, то найдетъ тамъ приготовленныхъ убійцъ. Какъ ни привыкъ царь за послѣднее время получать такія письма, однако онъ былъ пораженъ необыкновенной опредѣлительностью указаній и приказалъ начальнику евнуховъ, или обергофмейстеру, Михаилу осмотрѣть дворецъ. Михаилъ осмотрѣлъ всѣ комнаты, кромѣ тѣхъ, гдѣ были заговорщики, и доложилъ, что письмо было простой мистификаціей.

Пока ждали Цимисхія, Ѳеофано пришла къ царю. Болгарскія царевны только-что пріѣхали въ столицу. Царица говорила, что она пойдетъ взглянуть, какъ помѣстили пріѣзжихъ, и тотчасъ возвратится, а потому просила не запирать дверей опочивальни. Царь долго молился, потомъ читалъ священное писаніе и, наконецъ, заснулъ на коврѣ, укрывшись мантіей Михаила Малеина. „Въ первый разъ въ жизни“, замѣчаетъ одинъ арабскій историкъ, „Никифоръ заснулъ, не положивъ оружія подлѣ себя“.

Былъ пятый часъ ночи. Море было безпокойно; дулъ вѣтеръ, и обильно падалъ снѣгъ. Съ тремя товарищами Іоаннъ Цимисхій переправился черезъ море, и въ корзинѣ, одинъ за другимъ они были подняты въ замокъ. Евнухъ ввелъ ихъ въ покой императора и, когда они испугались, найдя пустымъ ложе, указалъ имъ уголъ, въ которомъ спалъ утомленный императоръ... Никифоръ Побѣдоносный испустилъ дыханіе подъ ударами обезумѣвшихъ отъ крови враговъ, среди поношеній и ругательствъ, застигнутый измѣннически врасплохъ, безоружный и беззащитный.

Между тѣмъ, шумъ разбудилъ дворцовую прислугу. Прибѣжала стража и стала ломиться въ бронзовыя двери Вуколеона. Ѳеодоръ Черный отрубилъ голову Никифору и показалъ ее въ окно при свѣтѣ факеловъ. Стража отступила. Тѣмъ временемъ сторонники Цимисхія и другіе уже собрались въ Золотой Палатѣ и приносили присягу самодержцу Іоанну и царямъ Василію и Константину. Столица немедленно примкнула

къ новому повелителю. Обезглавленное тѣло цѣлый слѣдующій день валялось непогребеннымъ въ дворцовомъ саду. На слѣдующую ночь, наскоро опрятавъ, тѣло схоронили безъ отпѣванія въ одномъ изъ саркофаговъ царской усыпальницы. По словамъ Кедрина, на тѣлѣ убіеннаго царя нашли власяницу.

Всѣ убійцы получили достойное возмездіе. Общій голосъ признавалъ Ѳеофано подстрекательницей злодѣянія. Патріархъ Поліевктъ отказался короновать Іоанна, пока Ѳеофано остается во дворцѣ—и Цимисхій безъ колебаній отправилъ ее въ монастырь Проти на Принцевы острова. Она, спустя нѣкоторое время, бѣжала оттуда, вошла въ Константинополь и укрылась въ св. Софію, но убѣжище не спасло ее: силой взяли ее оттуда и заточили въ отдаленный армянскій монастырь, выстроенный Никифоромъ. Передъ отъѣздомъ она добилась аудіенціи у Цимисхія. Завидѣвъ сообщника, она разразилась потокомъ упрековъ. Безсовѣстный любовникъ съ презрительнымъ спокойствіемъ слушалъ обманутую женщину и съ такой же молчаливой сдержанностью присутствовалъ при этой странной сценѣ родной, старшій сынъ ея, царь Василій. Тогда Ѳеофано не выдержала, бросилась на мальчика и избила ему въ кровь лицо, называя его скиѳомъ и варваромъ. По смерти Цимисхія въ 976 году, она была возвращена и кончила жизнь во дворцѣ своихъ сыновей, вступившихъ въ управленіе имперіей.

Первый, поднявшій руку на Никифора, Леонъ Валанта, былъ казненъ нѣсколько дней спустя послѣ убійства. Всѣ остальные погибли насильственной смертью. Божественное правосудіе неумолимо мстило за неповинно пролитую кровь.

Могучая личность побѣдоноснаго императора, величайшаго изъ воиновъ македонской эпохи, не могла не оставить глубокихъ слѣдовъ въ памяти народовъ. Забыты были тяжкія народныя жертвы, осталась въ памяти грозная слава побѣдъ Никифора, его самоотверженіе, его жалостная смерть. На его могилѣ была вырѣзана трогательная элегія, сочиненная въ началѣ XI вѣка Іоанномъ, митрополитомъ митиленскимъ. Михаилъ Атталіотъ, въ XI вѣкѣ, упоминая о Никифорѣ Фокѣ, говоритъ: „но зачѣмъ распространяться объ этомъ великомъ мужѣ? Литература и поэзія преисполнены повѣствованіями о его высокихъ подвигахъ!“ Еще при жизни онъ былъ уже героемъ поэмы, посвященной Ѳеофиломъ діакономъ критскому походу. До насъ дошли только жалкіе отрывки арабскихъ и

греческихъ народныхъ былинъ и касидъ о томъ воинственномъ времени. Нѣтъ сомнѣній, что подвиги Никифора занимали въ народной поэзіи не послѣднее мѣсто. Отголоски поэтическихъ разсказовъ о трагической судьбѣ Никифора сохранились въ болгарскомъ сказаніи о царѣ Никифорѣ Фокѣ и его братьяхъ, и какъ они были умерщвлены нѣкоей трактирщицей по имени Ѳеофано. Царь и его братья были такъ могучи, что выходили въ одиночку на цѣлыя полчища враговъ и побивали ихъ, потому въ ихъ царствѣ не было военной силы, но всѣ жили мирно и покойно. Собрались бояре, князья и вельможи, патріархъ и архіереи, и разсуждали: наши цари — святые и не знаютъ женщинъ. Если Никифоръ умретъ безъ потомства — окончится наше мирное житіе: будемъ просить, чтобъ онъ взялъ жену, чтобъ имѣть ребенка, и тогда у насъ будетъ миръ безъ конца. Царь, обманнымъ образомъ, принужденъ былъ исполнить ихъ желаніе и повѣнчался съ дочерью трактирщика Ѳеофано, которую нашли тѣмъ же способомъ, какимъ принцъ находитъ Сандрильону. Но, женившись, царь остается цѣломудреннымъ, спитъ на острыхъ камняхъ и избѣгаетъ супружескаго ложа; когда же Ѳеофано напоминаетъ ему, что „его яблоки созрѣли и вишенье его покраснѣло“, Никифоръ предлагаетъ ей подождать его возвращенія изъ Іерусалима, послѣ чего онъ будетъ игумномъ, а она игуменьей, и они спасутъ свои души. Проклятая Ѳеофано замыслила злодѣйство и начала искать любовника. Былъ въ чести у царя одинъ вельможа, именемъ Цимисхій, на него и обратила взоры Ѳеофано. Долго онъ сопротивлялся ея прельщеніямъ, наконецъ уступилъ. Ужаснувшись грѣха, онъ не зналъ, что̀ дѣлать, Ѳеофано же велѣла ему идти убить царя. Царь сидѣлъ и читалъ псалтирь. Ѳеофано подошла сзади, сняла съ него мечъ (подробность, которую записалъ и Кедринъ въ разсказѣ о смерти Никифора) и подала Цимисхію. Мечъ этотъ былъ волшебный и могъ плавать на водѣ. Цимисхій разрубилъ Никифора пополамъ, но тотъ, умирая, бросилъ псалтирь въ Цимисхія и тоже убилъ его. Тѣла убитыхъ Ѳеофано бросила въ колодцы и туда же обманомъ завлекла и братьевъ царя. На востокѣ сложились легенды, что этотъ бичъ и молотъ сарацыновъ былъ самъ арабскаго происхожденія и родился отъ отца-мусульманина изъ Тарса.

Мы изложили богатое содержаніе книги Шлемберже. Авторъ не щадилъ трудовъ и изучилъ добросовѣстно обшир-

ную печатную литературу, относящуюся къ избранному имъ предмету. Популяризуя византійскую исторію, онъ, можетъ быть, слишкомъ часто прибѣгаетъ къ дословнымъ выпискамъ и подробному изложенію извѣстій Константина Порфиророднаго, едва-ли относящихся къ Никифору Фокѣ. Сомнительно, чтобы суровый и рѣшительный воинъ окружалъ себя постоянно, даже въ походѣ, тѣмъ придворнымъ церемоніаломъ, который описанъ въ сочиненіи его предшественника. Авторъ допустилъ слишкомъ много романическаго въ отношеніяхъ Никифора въ Θеофано. Поздняя любовь царя должна быть всецѣло отнесена къ поэтическому изобрѣтенію авторской фантазіи. Точно также невѣрно освѣщена и личность Θеофано, которую авторъ изображаетъ какой-то куртизанкой и Мессалиной. Безъ этой ненужной прикрасы разсказъ получилъ бы свою настоящую суровую и мистическую окраску, болѣе соотвѣтствующую исторической истинѣ. Конечно, церковныя отношенія остались автору, какъ западнику, совершенно непонятны. Онъ убѣжденъ, что императоръ былъ въ Византіи всесиленъ въ церковныхъ дѣлахъ, и дѣйствія патріарха Полиевкта, строго каноническія, являются у него фрондерствомъ. Интересъ къ Византіи видимо пробуждается на западѣ; Византія начинаетъ интересовать даже драматурговъ; Θеодора и Эсклармонда открываютъ со сцены новый и невѣдомый дотолѣ міръ, даже театральной публикѣ, но вполнѣ серьезная и художественная обработка средневѣковой исторіи Византіи еще ожидаетъ своихъ братьевъ Тьерри.

М. СОЛОВЬЕВЪ.

Русская колонизація въ Туркестанскомъ краѣ.

I.

Въ 1885 году военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба изданъ проектъ отчета бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора Кауфмана, по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ этого генералъ-губернаторства за время съ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 года.

Въ предисловіи къ этому историческому документу сказано, что „по случаю тяжкой болѣзни генерала Кауфмана, отчетъ остался неоконченнымъ, но нѣкоторые отдѣлы были имъ прочитаны и одобрены. Представляя прекрасный матеріалъ для ознакомленія съ административнымъ устройствомъ края, отчетъ этотъ даетъ очень много драгоцѣнныхъ свѣдѣній".

Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ военно-ученаго комитета. Имя К. П. Кауфмана, какъ перваго устроителя края, пользуется заслуженною извѣстностью. Если и были дѣлаемы какія-нибудь крупныя ошибки, то онѣ неизбѣжны въ дѣлѣ совершенно новомъ, безъ всякихъ предшествовавшихъ опытовъ и указаній.

Прежде всего посмотримъ, какими основными принципами руководствовался генералъ-губернаторъ въ управленіи краемъ, только-что завоеваннымъ, съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ три милліона, совершенно чуждымъ намъ и по происхожденію, и по вѣрѣ, и по языку.

Видя напоръ мусульманской иммиграціи, пропитанной фанатической пропагандой съ сѣвера со стороны оренбургскихъ,

симбирскихъ и казанскихъ татаръ и съ юга со стороны сартовскаго населенія и сознавая свое безсиліе бороться съ этимъ зломъ, разъѣдающимъ степное населеніе края и въ религіозномъ и въ экономическомъ отношеніи, генералъ Кауфманъ, въ своемъ отчетѣ говоритъ, что „мусульманскія вліянія въ степи и наиболѣе желательныя отношенія къ нимъ со стороны русской администраціи могутъ быть разъясняемы не иначе, какъ на почвѣ общихъ принциповъ, долженствующихъ быть положенными въ основаніе правительственной въ краѣ политики по отношенію къ мусульманской религіи. Самъ же онъ лично въ 14-ти-лѣтнее свое управленіе считалъ своимъ основнымъ принципомъ выдержанное, послѣдовательное игнорированіе мусульманства съ его фанатическими учрежденіями, усвоенное въ томъ убѣжденіи, что всякая иная система отношеній государственной власти къ мусульманской религіи оказалась бы здѣсь въ краѣ рѣшительно непригодною“.

Кто знаетъ сложный характеръ и всю разностороннюю и многообразную дѣятельность К. П. Кауфмана, тотъ легко догадается, что онъ не могъ забыть своихъ неудачъ въ сѣверозападномъ краѣ по распространенію православія. Тамъ онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ и покровителемъ пропаганды. Она велась не всегда умѣлымъ и благоразумнымъ образомъ разными лицами. Эти дѣятели иногда вводили въ заблужденіе еще мало искусившагося въ гражданской администраціи и знаніи людей и потому довѣрчиваго Кауфмана и навлекали на него довольно тяжелыя нареканія. Помня это, онъ, повидимому, вдался въ другую крайность и рѣшился совершенно игнорировать мусульманство, среди котораго ему пришлось дѣйствовать. Мнительность свою предъ этимъ новымъ факторомъ, ему еще мало извѣстнымъ, онъ довелъ до того, что, ставя инспектору народныхъ училищъ въ обязанность посѣщать не только русскія, но и мусульманскія школы, онъ въ то же время далъ словесное приказаніе не осмѣливаться и заглядывать въ послѣднія, чѣмъ несомнѣнно ослаблялъ бодрость своихъ подчиненныхъ и на оборотъ поднималъ духъ мусульманскихъ дѣятелей и во всѣхъ колебалъ уваженіе къ своему авторитету.

Кауфманъ старался оправдывать себя слѣдующими соображеніями. „Принявъ въ основу своихъ взглядовъ и дѣйствій идею вѣротерпимости, отличавшую издревле политику русскаго государства и укрѣпившуюся особенно въ царствованіе Императора Александра II, я въ то же время считалъ своей обязанностью

отклонить рѣшительно всѣ попытки со стороны уфимскаго татарскаго духовенства и духовенства здѣшнихъ большихъ городовъ—организовать и поставить на твердую оффиціальную почву мусульманскія религіозныя учрежденія. Я удалилъ указныхъ муллъ, присланныхъ изъ Уфы, по распоряженію тамошняго главнаго муфтія, отмѣнилъ всѣ начатыя до меня оффиціальныя сношенія нашихъ властей съ мусульманскими туземными учрежденіями и устранился, даже отступивъ отъ буквы временнаго Положенія 1867 года, отъ признанія и утвержденія новыхъ вакуфныхъ пожертвованій. Но, не предоставляя такимъ образомъ туземному и татарскому духовенству никакой оффиціальной іерархической роли при новомъ порядкѣ управленія краемъ, я въ то же время не позволилъ себѣ и ввести въ *необходимый* надзоръ мѣстной администраціи надъ темной дѣятельностью этого *вреднаго* класса нашихъ подданныхъ ничего такого, что могло бы быть въ народномъ сознаніи сочтено за гоненіе или угнетеніе нами господствующаго въ странѣ вѣроисповѣданія, убѣжденный, что и гоненія, какъ и покровительство туземной духовной корпораціи со стороны русскаго правительства, лишь послужили бы одинаковымъ образомъ къ несогласному съ интересами нашими возвышенію дѣйствительнаго вліянія и значенія мусульманскаго духовенства".

Мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателя на этомъ мѣстѣ. До чего мы мало знакомы съ управляемыми нами инородцами, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что генералъ-губернаторъ, послѣ 14 лѣтняго управленія краемъ, говоритъ о какомъ-то мусульманскомъ духовенствѣ, котораго между тѣмъ у мусульманъ, точно также какъ и у евреевъ, вовсе не существуетъ. Мы сами навязываемъ имъ этотъ наиболѣе враждебный намъ классъ народа.

„Установившись на этой системѣ дѣйствій относительно мусульманской религіи въ краѣ, я, продолжаетъ генералъ Кауфманъ, не считалъ благоразумнымъ принимать какія-либо мѣры къ запрещенію степнаго миссіонерства ходжамъ и муллламъ, тѣмъ болѣе, что, управляя населеніемъ чрезъ туземную мусульманскую администрацію, мѣстная власть и не въ силахъ была бы сдѣлать что-нибудь положительное въ смыслѣ искорененія пропаганды. Неумѣлые же пріемы, въ видахъ ограниченія мусульманскаго прозелитизма, при малѣйшей ошибкѣ, могли бы только раздражать населеніе, касаясь грубо его вѣрованій и роняя неизбѣжно самое достоинство нашей власти.

Пропаганда же, становясь тайною, запретною, преслѣдуемою, при такомъ отношеніи власти, безъ сомнѣнія, не только не ослабѣла бы, но напротивъ выросла бы въ своемъ значеніи и получила бы силу, какой она никогда не достигнетъ въ дѣйствительности, если будетъ, какъ нынѣ, оставлена въ темной сферѣ, подрываемая обманами, поборами, эксплоатаціею невѣжественнаго большинства вѣроучителей, при полномъ къ ней равнодушіи власти".

Если генералъ Кауфманъ такъ робко относился къ главной пружинѣ механизма существованія всего завоеваннаго нами края, т. е. къ мусульманской религіи, намъ враждебной, на что же онъ возлагалъ надежды для сліянія его съ страной, его покорившей? Послушаемъ, что онъ говоритъ лично самъ въ своемъ отчетѣ.

„Независимо отъ успѣховъ русской колонизаціи, которая при лучшемъ устройствѣ казачьихъ и крестьянскихъ отношеній къ кочевникамъ окажетъ современемъ (?) прямое воспитательное вліяніе на массу туземнаго населенія, уже возникаетъ въ краѣ и русская народная школа, откуда могутъ выдти наиболѣе вѣрныя и положительныя орудія наши въ борьбѣ съ мусульманскимъ фанатизмомъ и невѣжествомъ туземнаго населенія, и для укрѣпленія нравственныхъ связей туземнаго общества съ новымъ порядкомъ и новымъ его отечествомъ".

Итакъ, опасаясь затронуть мусульманство даже необходимымъ надзоромъ за вредной дѣятельностью вѣроучителей въ школахъ, чтобы народная масса не приняла этотъ надзоръ за угнетеніе или гоненіе своей вѣры, правитель края возлагаетъ всѣ свои надежды главнымъ образомъ на русскую школу и русскую колонизацію. О пропагандѣ христіанства онъ, какъ видно изъ всего тона его рѣчи, боялся даже и подумать, хотя это не было бы противузаконно по отношенію къ господствующей вѣрѣ, и напротивъ того, не останавливалъ мусульманской пропаганды между кочевымъ населеніемъ, хотя это положительно противно закону, вопрещающему всякую иновѣрную пропаганду. Нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ свою вѣротерпимость простирали до того, что ходили съ муллами въ мечети, по случаю открытія туземныхъ училищъ, заставляя ихъ служить молебны, которыхъ у нихъ и по ритуалу нѣтъ, а по возвращеніи изъ мечети спрашивали, какіе обряды у нихъ совершаются послѣ молебна. Въ угожденіе имъ, муллы, при-

способляясь къ нашимъ обрядамъ, мазали бараньей кровью окна и двери жилища. Другіе же старались рисоваться при открытіи новыхъ мечетей, думая, что этимъ они приносятъ огромную услугу отечеству, служа своей вѣротерпимостью къ сближенію мусульманства съ христіанствомъ. А между тѣмъ только возбуждали этимъ неудовольствіе правовѣрныхъ мусульманъ, что и понятно, если поставить себя на ихъ мѣсто. Но у насъ нѣкоторые находили въ этомъ чуть ли не мудрость Соломона.

Съ того времени, какъ написаны эти строки, прошло уже около 10 лѣтъ Оправдались ли разсчеты и надежды Кауфмана на безвредность и безопасность мусульманской пропаганды въ степяхъ, предоставленной свободному своему теченію? Къ глубокому сожалѣнію, надо сказать, что совершенно не оправдались, и основаны они были не на жизненныхъ явленіяхъ, а на произвольныхъ теоретическихъ соображеніяхъ. Яростная пропаганда мусульманства, не встрѣчая никакого антагонизма даже со стороны кроткой миссіонерской христіанской дѣятельности, рѣшительно затопляетъ степь [1]) и изъ добродушнаго пастушескаго кочеваго населенія дѣлаетъ намъ враждебное населеніе, тогда какъ при распространеніи между ними христіанства оно могло бы быть нашимъ оплотомъ противъ разлива средне-азіатскаго фанатизма и изувѣрства. Что это именно такъ, мы ссылаемся на вышедшую въ 1889 году книгу: *„Досуги въ Туркестанѣ“*, *Арендаренко.* Авторъ ея туркестанскій старожилъ, бывшій много лѣтъ уѣзднымъ начальникомъ въ Самаркандѣ, превосходно изучившій край и мѣстныя нарѣчія. Онъ со страхомъ говоритъ объ угрожающей намъ бѣдѣ отъ нашествія на степь мусульманскихъ *ишановъ*, фанатиковъ, разныхъ орденовъ дервишей, разоряющихъ, развращающихъ и вооружающихъ противъ насъ кочевое населеніе. А его вѣдь около 2 милліоновъ. Мы еще возвратимся къ этому капитальному сочиненію послѣ, въ особой статьѣ.

Но сколько же Кауфманъ устроилъ за все время своего управленія краемъ русскихъ школъ для сближенія съ нами туземцевъ и сколько русскихъ поселеній съ цѣлью обрусѣнія края?

---

[1]) Киргизы жалуются еще, что ихъ затопляютъ чиновники чернилами.

Собственно въ Туркестанскомъ краѣ, не включая сюда Семирѣченской области, послѣ Кауфмана осталось 28 русскихъ школъ, считая въ томъ числѣ 2 гимназіи и 1 учительскую семинарію. Всѣ эти училища, устроенныя по общимъ типамъ городскихъ и приходскихъ школъ, назначались и годились только для русскаго населенія, прибывшаго сюда по завоеваніи края, хотя въ эти училища не воспрещалось поступать и туземцамъ. Но въ этихъ школахъ они не нуждались, имѣя для своихъ надобностей болѣе 4.000 своихъ собственныхъ высшихъ и низшихъ школъ—медресе и мектебе. Собственно же для сближенія туземцевъ съ русскими, нарочно приспособленныхъ школъ при Кауфманѣ не было устроено ни одной, а въ русскихъ школахъ при немъ не училось ни одного сарта и только нѣсколько десятковъ киргизъ жило въ интернатахъ при городскихъ училищахъ, гдѣ они надрывали свои силы безъ всякой пользы въ преодолѣніи непригодныхъ для нихъ учебныхъ программъ. Только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ по ходатайству учебнаго начальства на мѣсто закрытыхъ по безлюдью городскихъ училищъ открыто около 20 начальныхъ школъ собственно для привлеченія туземцевъ къ изученію русскаго языка. Что же значатъ эти жалкія единицы въ сравненіи съ тысячами мусульманскихъ училищъ, пропитанныхъ фанатизмомъ? Какія это орудія для борьбы съ туземнымъ изувѣрствомъ и невѣжествомъ и для сліянія страны покорившей съ страной покоренной!

Не въ лучшемъ положеніи послѣ Кауфмана осталась и русская колонизація. Да недалеко она ушла и до настоящаго времени.

Будемъ говорить словами „Отчета“:

„Первыя крестьянскія просьбы о поселеніи въ Сыръ-Дарьинской области относятся еще къ 1868 и 69 годамъ. Онѣ не могли въ то время получить разрѣшенія какъ потому, что даже въ Семирѣченской области, колонизаціонная дѣятельность въ которой началась еще за 20 лѣтъ до учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, вопросъ объ устройствѣ крестьянъ-переселенцевъ былъ новъ и представлялъ немаловажныя трудности къ своему разъясненію, такъ и въ виду совершеннаго незнакомства въ первое время сыръ-дарьинской администраціи съ хозяйственными условіями области. (Какъ будто узнать ихъ было очень трудно). Если уже въ Семирѣченской области свободное распоряженіе землями для надѣленія рус-

скихъ переселенцевъ затруднено было условіемъ необходимой внимательности къ интересамъ кочеваго туземнаго населенія, въ 1847—67 годахъ забытымъ ко вреду киргизъ (которыхъ, по просту сказать, обидѣли) и безъ пользы для самихъ устраивавшихся въ краѣ казачьихъ осѣдлостей (которыя, получая по 100 десятинъ на душу, обратились въ своего рода лѣнивыхъ и развращенныхъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ), то въ Сыръ-Дарьинской области трудности оказывались еще болѣе значительными, такъ какъ, кромѣ интересовъ кочевниковъ, необходимо было не упустить изъ вниманія и правъ туземнаго осѣдлаго населенія. (Еще бы!) За неопредѣленіемъ законнаго порядка регулированія туземнаго землевладѣнія (оно и доселѣ не урегулировано) и невыработанностью правительственнаго общаго взгляда на путь, который далъ бы мѣстной власти возможность взять дѣло оживленія и колонизаціи края въ свое руководящее попеченіе, нельзя было и думать о допущеніи русскихъ переселеній въ оазисы, занятые сартовскими поселеніями. Необходимо было озаботиться подготовкой матеріаловъ для будущаго поземельнаго устройства края въ порядкѣ законодательномъ и до разъясненія общихъ вопросовъ такого устройства отложить практическіе планы и проекты крестьянской колонизаціи въ полосѣ туземныхъ осѣдлостей. Въ виду этого въ проектъ мѣстнаго положенія 1873 года внесены были предположенія и по колонизаціоннымъ вопросамъ, клонившіяся къ устройству русскихъ осѣдлостей въ краѣ. До утвержденія же проекта предѣлы крестьянской колонизаціи ограничены только кочевыми уѣздами съ примѣненіемъ къ дѣлу правилъ, выработанныхъ для Семирѣченской области[4].

Фактическое начало крестьянской колонизаціи въ Сыръ-Дарьинской области положено въ 1876 году заселеніемъ трехъ избранныхъ мѣстностей Ауліеатинскаго уѣзда: 1) на урочищѣ Чалдоварѣ, въ Курагатинской долинѣ, по Вѣрнинско-Ташкентскому тракту, въ 3 верстахъ отъ Чалдоварской почтовой станціи поселены 23 семьи крестьянъ изъ Астраханской губерніи; 2) на урочищѣ Сарыкамарѣ, неподалеку отъ г. Ауліеата, поселены 13 семействъ переселенцевъ изъ Воронежской и Астраханской губерній, и 3) на урочищѣ Акчійскомъ, въ верховьяхъ рѣки Таласа, въ 75 верстахъ отъ г. Ауліеата, водворено 7 семействъ. Въ 1879 году въ этихъ первыхъ поселеніяхъ Сыръ-Дарьинской области числилось крестьянъ-переселенцевъ, вмѣстѣ съ поселенными тамъ же запасными и отставными нижними

чинами: въ поселкѣ Чалдоварскомъ 70 душъ, Сарыкамарскомъ— 60 душъ и Акчійскомъ 67 душъ, а всего въ 3 поселкахъ 197 душъ. Сверхъ того крестьянъ-переселенцевъ съ отслужившими сроки нижними чинами, отставными и уволенными въ запасъ, причисленныхъ въ мѣщанское сословіе въ городахъ Ауліеата обоего пола 73 души, въ Ташкентѣ 1.277, Ходжентѣ 37, Чимкентѣ 11, Перовскѣ 59, Туркестанѣ 7, Казалинскѣ 379, а всего 1.843 души. Съ поселками же вышеупомянутыми вся русская колонизація составляла не много болѣе 2.000 душъ обоего пола.

Собственно же крестьянъ-переселенцевъ, составляющихъ настоящее ядро колонизаціи, какъ видно, не устроено и 200 душъ обоего пола.

Отставные нижніе чины и крестьяне, приписавшіеся въ мѣщанское сословіе городовъ, никакъ не могутъ быть названы русскими колонизаторами края. Изъ отчета Кауфмана видно, что какъ тѣ, такъ и другіе, въ лучшемъ случаѣ обращались въ кулаковъ-арендаторовъ, а въ худшемъ въ самыхъ жалкихъ лѣнтяевъ и пропоицъ. Даже казаки, поселенные въ Семирѣченской области и надѣленные всѣми благами земными, сами землей не занимались, а отдавали ее въ наймы обобраннымъ ими киргизамъ или пришедшимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянамъ. Между тѣмъ изъ отчета видно, что 40% переселявшихся въ Семирѣчье крестьянъ зачислялись въ мѣщанское сословіе и занимались арендованіемъ казачьихъ земель, которыя щедрою рукою раздавались казакамъ по 100 десятинъ на душу. Изъ 820.650 дес. всей занятой въ Семирѣченской области подъ осѣдлость земли, казакамъ принадлежитъ 629.896 десят., крестьянамъ 60.000 десятинъ и только около 170.000 десятинъ туземному населенію области, занимающемуся земледѣліемъ. Отчетъ говоритъ, что плодами такой колонизаціи являлись между казаками праздность, тунеядство на счетъ арендаторовъ и окрестныхъ кочевниковъ, истощеніе земель хищническою, не хозяйственною системою дешевыхъ арендъ и нетерпимая исключительность казаковъ къ туземному населенію. Кауфманъ сознавался, что противъ этой нетерпимости вслѣдствіе сдѣланныхъ въ 1847—67 годахъ ошибокъ въ первоначальномъ земельномъ устройствѣ казаковъ, трудно придумать сколько-нибудь положительныя и цѣлесообразныя мѣры.

II.

Въ какомъ положеніи дѣло колонизаціи находится теперь собственно въ Туркестанскомъ краѣ, такъ какъ Семирѣчье теперь къ нему не принадлежитъ?

Мы видѣли, что въ 1879 году было только три крестьянскихъ поселка и всѣхъ колонистовъ въ краѣ около 2.000 душъ. Въ 1889 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ, всѣхъ колонистовъ въ краѣ, въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Зарявшанской, уже около 25.000 душъ. Конечно, тутъ считаются не одни крестьяне, занимающіеся земледѣліемъ, какъ видно изъ отчетовъ. Такъ, въ избранныхъ подъ русскія поселенія въ 4 уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области въ послѣднее трехлѣтіе 16 пунктахъ поселилось 2.110 семействъ, всего 9.676 душъ. Въ томъ числѣ въ 1886 году поселилось только 315 семействъ, въ 1887 году ужь вдвое больше—789, а въ 1888 году 1.006 семействъ. Изъ нихъ крестьянъ 66%, отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ 27% и мѣщанъ 7%. Такимъ образомъ, крестьянскій элементъ, очевидно, преобладаетъ въ нашей колонизаціи. Онъ-то наиболѣе и желателенъ въ краѣ, ибо отставные и запасные нижніе чины и мѣщане, какъ уже было говорено выше, плохіе колонизаторы.

Но этими 25.000 колонистовъ, очевидно, не можетъ ограничиться число всѣхъ нашихъ переселенцевъ. Отъ такой колонизаціи было бы мало пользы для цѣлей правительственныхъ. Да и сами русскія колоніи скоро бы исчезли въ массѣ туземнаго населенія, какъ капля въ морѣ, какъ это и происходитъ иногда въ Сибири, гдѣ наши крестьяне, живя не гнѣздами, а въ разбродъ среди инородцевъ, не ихъ ассимилируютъ себѣ, а сами съ ними ассимилируются. Да это явленіе повторяется на нашихъ глазахъ даже и въ Туркестанскомъ краѣ. Такъ, напр., нѣкоторые наши торговцы, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ киргизами, совершенно окиргизиваются и даже заводятъ себѣ по нѣсколько женъ въ разныхъ аулахъ. Если горожанинъ, имѣющій осѣдлость и семью въ городѣ, можетъ окиргизиться, то что же говорить о колонистахъ-крестьянахъ, заброшенныхъ въ какой-нибудь глуши среди массы инородцевъ? Колонизація должна идти какъ армія, стѣной, плечо въ плечо.

Несмотря на всѣ затрудненія, встрѣченныя еще Кауфманомъ въ неопредѣленности поземельныхъ отношеній, и на неустроенность поземельно-податной части и доселѣ, все-таки администраціей принимались мѣры для развитія русской колонизаціи, по крайней мѣрѣ среди кочеваго населенія, гдѣ много свободныхъ земель и гдѣ не можетъ быть никакихъ тяжебныхъ процессовъ о нарушеніи правъ собственности. Такъ, въ 1889 году, избрано и подготовлено было въ Сыръ-Дарьинской области для русскихъ поселеній до 30 новыхъ пунктовъ, въ которыхъ можетъ быть поселено до 2.000 семействъ и не менѣе 10.000 человѣкъ обоего пола. Работы администраціи относительно изысканія новыхъ мѣстъ и намежеванія надѣловъ идутъ безостановочно. Земель, годныхъ для культуры, въ степяхъ много, особенно по берегамъ Сыръ-Дарьи.

По разсчету Кауфмана, четвертая часть степныхъ пастбищъ, т. е. собственно въ краѣ, исключая Семирѣчье, не менѣе 5 милліоновъ десятинъ, можетъ быть распахано подъ земледѣліе безъ стѣсненія кочевому хозяйству, т. е., не сокращая настоящихъ его размѣровъ. Эту огромную площадь земли можно, по его мнѣнію, сдѣлать нетронутымъ запаснымъ фондомъ для дальнѣйшей осѣдлой колонизаціи края. Эта площадь, по его разсчету, способна дать пріютъ для земледѣльческаго населенія не менѣе 1-го милліона дворовъ, т. е. около 5 милліоновъ душъ, но все это возможно только при условіи искусственнаго орошенія, а это орошеніе находится въ наихудшихъ условіяхъ, именно въ степныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ наиболѣе свободныхъ и годныхъ для земледѣлія пространствъ. Развалины городовъ и слѣды древнихъ каналовъ, въ связи съ сохранившимися преданіями, указываютъ, что въ древности здѣсь было густое осѣдлое населеніе и что рѣка Сыръ-Дарья питала по обѣ стороны своего теченія большіе искусственные водопроводы. Русское завоеваніе нашло совершенно пустынными нѣкогда заселенные берега и заброшенными древніе каналы, въ которые стало невозможно, изъ текущей по глубокому руслу рѣки, поднимать воду арыками даже въ половодье. Немногочисленные хлѣбопашцы Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ, преимущественно киргизы, поднимаютъ воду, такъ называемыми, чигирями, при чемъ на орошеніе небольшихъ полей нужна бываетъ огромная затрата рабочей силы.

По свѣдѣніямъ 1877 года, приводимымъ въ отчетѣ Кауф-

мана, въ Сыръ-Дарьинской области числилось 94.681 дворъ осѣдлаго населенія и 124.325 кибитокъ кочевниковъ. Земли же подъ осѣдлостью 300.000 десятинъ, подъ пастбищами кочевниковъ и пашнями 18.000.000 десятинъ.

Очевидно, что здѣсь еще много свободныхъ земель, годныхъ для колонизаціи при условіи искусственнаго орошенія.

Для сравненія приведемъ количество земель въ другихъ областяхъ Туркестанскаго края.

Въ Ферганской области, пользующейся обильнымъ искусственнымъ орошеніемъ, благодаря близости горъ и множеству горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, осѣдлаго населенія 121.140 дворовъ, кибитокъ кочевниковъ 24.798, подъ осѣдлостью 600.000 десятинъ земли, подъ пашнями и пастбищами кочевниковъ 3.000.000 десятинъ. Въ Зарявшанскомъ округѣ 69.683 двора осѣдлаго населенія, кочевниковъ вовсе нѣтъ, подъ осѣдлостью 191.600 десятинъ, подъ пастбищами и пашнями 1.300.000 десятинъ. Въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 13.286 дворовъ осѣдлаго населенія, кибитокъ кочевниковъ 8.156, подъ осѣдлостью 45.700 дес., подъ пашнями и пастбищами 1 300.000 десятинъ.

При тѣхъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ нами говорено, т. е. при неопредѣленномъ положеніи правъ и обязанностей землевладѣнія въ густонаселенныхъ южныхъ областяхъ края и при отсутствіи ирригаціи въ сѣверныхъ его частяхъ, наша колонизація, повидимому, можетъ идти только очень тихимъ шагомъ и вѣроятно должна будетъ остановиться на какихъ-нибудь десяткахъ тысячъ душъ, которыя составятъ каплю въ морѣ мѣстнаго населенія и нисколько не будутъ способствовать ни обрусѣнію, ни сліянію края съ Россіей.

Въ самомъ лучшемъ случаѣ такія разбросанныя и малочисленныя колоніи могутъ служить только развѣ въ родѣ небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ, въ случаѣ нужды, мы могли бы имѣть опорные пункты. Такіе поселки или станицы, будучи хорошо устроены, могутъ сохранить свою національность; иначе они во второмъ или третьемъ поколѣніи рискуютъ ее потерять. Вѣдь нашимъ переселенцамъ всему приходится учиться у туземцевъ. Орошеніе, садоводство, виноградарство, хлопокъ, рисъ, шелководство, баштаны, искусственное лѣсоразведеніе, сѣяніе кормовыхъ травъ—всего этого они не видѣли у себя дома и все это необходимо изучать, если

желаютъ пользоваться по крайней мѣрѣ такимъ же благосостояніемъ, какимъ пользуются туземцы; иначе незачѣмъ было сюда и переселяться. Мы видѣли нѣсколько нашихъ колоній и, вопреки нѣкоторымъ отчетамъ, нами читаннымъ, не могли за нихъ порадоваться. Поселенцы, живя по нѣскольку лѣтъ, весьма мало переняли отъ туземцевъ ихъ умѣнья пользоваться благами природы, употребляя для того трудъ, капиталъ и знанія. Всѣ они смотрятъ какими-то сиротами, требующими опеки, безъ которой не могутъ обойтись, и нигдѣ не слышали мы, чтобы они находили себя довольными и счастливыми въ своемъ новомъ положеніи. Нигдѣ веселыхъ лицъ и рѣчей. Никто изъ нихъ не пустилъ корней въ новую почву, на которой сѣлъ. Всѣ сейчасъ же готовы сняться съ якоря и двинуться въ новыя страны, гдѣ, по ихъ понятіямъ, чуть-ли не текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Такіе люди никогда не будутъ имѣть здѣсь насиженныхъ мѣстъ и все будутъ куда-то стремиться. Это мы говоримъ о переселенцахъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ поселковъ, и при томъ переселенцахъ-крестьянахъ. Ихъ колоніи не имѣютъ ничего схожаго съ селеніями туземцевъ: нѣтъ ни садовъ, ни виноградниковъ, ни баштановъ, ни хлопку, ни шелку и т. д. Наши колонисты сѣютъ пшеницу, картофель, косятъ траву и т. д. Однимъ словомъ ведутъ такое же хищническое хозяйство, какое они вели у себя на родинѣ. При плодородіи здѣшней почвы, получая все въ изобиліи, они только сыты и, не имѣя ничего на продажу, не имѣютъ ни гроша на удовлетвореніе другихъ потребностей. Ничего не умѣя предпринять для этой цѣли, они только всѣмъ надоѣдаютъ своими жалобами на безденежье и на свое будто бы безвыходное положеніе. Кто-то долженъ ихъ научить добывать деньги, а сами они до этого додуматься не могутъ, хотя предъ своими глазами имѣютъ туземцевъ, которые и сыты, и имѣютъ деньги, продавая на сторону избытки разнородныхъ своихъ произведеній и ведя крайне разсчетливо и бережливо все свое хозяйство. Отсутствіе солидарности между собою и личной инициативы дѣлаетъ нашихъ колонистовъ, несмотря на ихъ сытость, самыми жалкими людьми. Мы уже не говоримъ о тѣхъ, которые только-что пришли въ край и собираютъ по городамъ милостыню Христа ради, ни о тѣхъ, которые предаются праздности и пьянству.

Это мы говоримъ о переселенцахъ-крестьянахъ. А объ отставныхъ солдатахъ и говорить нечего. Приходится только

повторять объ нихъ слова отчета Кауфмана. Подгородные колонисты изъ солдатъ, обыкновенно, землей вовсе сами не занимаются, а нанимаютъ работниковъ, или отдаютъ въ аренду, а сами покуриваютъ папиросы, сидя у крыльца своихъ домовъ, распиваютъ чай, пиво, водку, а жены и дочери ихъ торгуютъ въ городѣ молокомъ и масломъ и сами собою. Это явленіе тоже нерѣдкое.

III.

Что же за причина такихъ печальныхъ явленій? Никто не хочетъ вѣрить, чтобы нашъ народъ не былъ способенъ къ колонизаціи. Куда его ни заносила судьба: и въ Турціи, и въ Австріи, и на Кавказѣ, и въ Сибири, онъ вездѣ умѣлъ приспособиться и устроить свои поселенія. Да и вся его исторія не состоитъ ли изъ безпрерывнаго заселенія новыхъ мѣстъ? Все расширеніе Россіи во всѣ стороны не носитъ ли чисто колонизаціонный характеръ? Вѣдь она не только завоевывала новыя страны, но и ассимилировала ихъ. Правда, это совершалось не вдругъ, не въ одинъ десятокъ лѣтъ, но совершалось безпрерывно. Ядро Россіи постоянно втягивало въ себя все новыя и новыя племена, которыхъ вошло въ ея плоть и кровь безчисленное множество.

Отчего же такъ неудачна наша колонизація въ Туркестанскомъ краѣ? Ужь не потерялъ ли русскій народъ свою ассимилирующую силу? Не изсякло ли его національное творчество, его національный геній?

Нѣкоторые историки-философы говорятъ, что народъ развивается около 1000 лѣтъ и потомъ начинается его увяданіе: онъ теряетъ уже свой творческій геній, наступаетъ упадокъ силъ, старость, дряхлость, смерть. Допускать серьезно такія предположенія по одному явленію неудачной колонизаціи было бы непростительнымъ легкомысліемъ. Итакъ, лучше поищемъ причинъ этой неудачи не такъ высоко, спустимся пониже и посмотримъ, какъ ведется колонизація въ Туркестанскомъ краѣ.

IV.

Ѣдемъ мы въ палящій майскій день по большой дорогѣ въ Ауліеата и видимъ близъ дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующія явленія: крестьянинъ, повидимому малороссъ, обли-

ваясь потомъ, лѣпитъ изъ сыраго кирпича себѣ хату. Кирпичъ тутъ же сушится на солнцѣ, рядомъ стоитъ собачій шалашъ, въ которомъ, согнувшись въ три-погибели, гнѣздится его жена съ ребятами и съ ними вмѣстѣ собака. Ни скота, ни зерна, ни капитала, ни знаній не привезъ съ собою этотъ несчастный труженикъ въ новый край, въ который онъ пришелъ по слухамъ, на авось, чтобы въ немъ поселиться. Одна только тощая лошаденка, на которой онъ притащился за тысячи верстъ, стоитъ повѣся голову около его шалаша. Когда-то онъ построитъ только двумя своими руками свою жалкую хату, когда-то онъ въ нее переберется, а между тѣмъ страшная жара, при отсутствіи надлежащаго крова и питанія, надрываетъ силы и здоровье труженика и его семьи. По близости стоятъ такія же хаты, въ которыхъ уже живутъ подобные переселенцы. Они сами такіе же жалкіе скитальцы, и вся ихъ помощь заключается только въ томъ, что они не даютъ умереть пришельцамъ съ голоду. Наконецъ хата готова, переселенецъ въ нее перебрался, не давши ей просохнуть. Онъ и его семейство начинаютъ болѣть отъ сырости самыми тяжкими формами лихорадокъ. У него нѣтъ ни земледѣльческихъ орудій, ни сѣмянъ. Администрація выдаетъ ему пособіе въ 25 р., на которые онъ и долженъ всѣмъ обзавестись. Счастливы тѣ переселенцы, которые вынесутъ всѣ испытанія и найдутъ помощь въ сосѣдяхъ. Но сколько времени должно пройти прежде, чѣмъ такое несчастное семейство, измученное физически и нравственно, оправится и станетъ на ноги. При этомъ не нужно опускать изъ виду, что прежде чѣмъ оно добралось до земли обѣтованной, оно въ нее брело цѣлыя тысячи верстъ, нерѣдко не одинъ, а два-три года. Во время этого странствія у него уже истощился весь запасъ и денежныхъ средствъ, и тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Какіе же могутъ выдти колонисты изъ такихъ людей? Развѣ такіе колонисты основывали Сѣверо-Американскую республику, которая ставится образцомъ для подражанія? Туда пріѣхали люди, одушевленные религіей, развитые, трудолюбивые, трезвые, предпріимчивые, зажиточные, знающіе страну, составившіе себѣ планъ для дѣятельности, умѣющіе взяться за дѣло и крѣпко связанные между собой взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Такіе колонисты, куда ни придутъ, вездѣ найдутъ себѣ Америку. Подобные имъ колонисты—наши раскольники—устраивали свои образцовыя поселенія не только въ своемъ отечествѣ, но даже и въ нѣмецкихъ и въ мусульманскихъ странахъ.

Вотъ каковы должны быть переселенцы! А въ Туркестанскій край приходятъ развѣ такіе переселенцы? Видѣли мы лучшую и старѣйшую колонію, устроившуюся повидимому при самыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, и что же мы нашли? Колонія существуетъ около 14 лѣтъ и состоитъ болѣе чѣмъ изъ 100 дворовъ. Между тѣмъ всѣ эти православно-русскіе крестьяне не могли сговориться устроить въ своемъ селеніи хоть маленькую церковь, хоть не каменную, а деревянную, и даже хоть въ видѣ палатки, которой остовъ составляютъ тонкія дощечки, а все остальное состоитъ изъ войлоковъ. Такія палатки находятся предъ глазами, ибо въ нихъ живетъ цѣлую жизнь все кочевое населеніе края. Устроить такую церковь стоило бы нѣсколько сотъ рублей, содержаніе же причта, пока колонія еще недостаточно велика и богата, могла бы принять на себя мѣстная администрація, или въ крайнемъ случаѣ колонисты могли бы обратиться съ своею просьбою къ епархіальному начальству, и даже къ св. суноду. Вмѣсто того поселокъ этотъ былъ приписанъ къ церкви, находящейся отъ него въ 90 верстахъ. Сами колонисты говорятъ, что они живутъ, какъ нехристи. Родится человѣкъ безъ молитвы священника и умираетъ безъ напутствія священника и молитвъ церкви. Гдѣ же бѣдному мужику посылать за священникомъ за 90 верстъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ пріѣзжаетъ для исправленія требъ и совершенія таинствъ. Остальное время православные христіане живутъ, по ихъ собственнымъ словамъ, хуже бусурманъ. Тѣ имѣютъ вездѣ молитвенные дома и мечети и въ каждомъ селеніи своего вѣроучителя-муллу. Наши же крестьяне совершенно отстаютъ отъ церкви, бывая въ ней разъ или два въ годъ, а нѣкоторые и вовсе не бываютъ и совершенно дичаютъ. Они равнодушно относятся даже къ такому священному обычаю, какъ ношеніе на груди крестовъ, надѣваемыхъ при самомъ крещеніи. Мы видѣли сотни дѣтей, не имѣющихъ этихъ символовъ христіанства на своей груди. На нашъ упрекъ отцамъ они отвѣчали, что и негдѣ и не на что̀ купить крестиковъ дѣтямъ. „Есть у насъ хлѣбъ, а денегъ у насъ нѣтъ“, отвѣчали намъ мужики. „Да много ли стоитъ мѣдный крестикъ? Вѣдь менѣе копѣйки“.—„Да и копѣйки въ домѣ нѣтъ“. Вотъ въ какомъ положеніи находится одна изъ самыхъ старыхъ и зажиточныхъ нашихъ колоній!

Намъ разсказывали объ ней слѣдующее. Собрались сюда пришельцы изъ разныхъ губерній. Между ними

нѣтъ ничего общаго, кромѣ земли, на которой они усѣлись.

По счастью, они усѣлись въ 2 верстахъ отъ почтовой дороги въ г. Вѣрный и въ такомъ же разстояніи отъ почтовой станціи. Содержатель станціи богатый сибирскій казакъ, имѣющій массу скота всякаго рода: табуны лошадей, стада крупнаго и мелкаго скота, большіе запашки и покосы. Мѣстность степная у подошвы горъ и потому обильная водою. Этотъ содержатель станціи на первое время надѣлилъ скитальцевъ, пришедшихъ сюда изъ Россіи чрезъ Сибирь, странствовавшихъ нѣсколько лѣтъ и потому совершенно истощенныхъ, не только зерномъ для посѣвовъ, но и рабочимъ скотомъ и даже коровами и овцами, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они все это возвратили полностью, какъ только поправятся и станутъ на ноги. Все это дано было имъ безъ всякой корысти и безъ всякихъ процентовъ. Администрація выдала имъ съ своей стороны маленькое денежное пособіе и отвела хорошія земли въ совершенно достаточномъ размѣрѣ и оказывала имъ всякое вниманіе. И эта то наилучше поставленная колонія не додумалась даже устроить для себя хоть маленькую церковь. Администрація наконецъ вступилась въ это дѣло, заставила приготовлять кирпичи для церкви и устроила для нихъ школу. Теперь и церковь есть, но причта нѣтъ. Идетъ по обычаю длинная переписка объ этомъ предметѣ.

Мы въ свое время совѣтовали имъ соединить должность учителя начальной школы съ должностью приходскаго священника. Но мужики намъ сказали, что они не могутъ дать священнику обезпеченія, какое требуется по штатамъ, утвержденнымъ высшимъ духовнымъ начальствомъ. Епархіальное начальство тоже затрудняется назначить священника безъ надлежащаго обезпеченія, считая обезпеченіе его учительскимъ жалованьемъ и недостаточнымъ и непрочнымъ и оба званія въ одномъ лицѣ съ трудомъ совмѣстимыми. Да наконецъ, учителя въ такія школы назначаются учебнымъ начальствомъ изъ воспитанниковъ учительской семинаріи, находящейся въ Ташкентѣ. А курсъ этой семинаріи не выше курса уѣзднаго училища, священники же нужны съ богословскимъ образованіемъ. Такихъ лицъ на мѣстѣ нѣтъ и приходится съ большими трудностями и расходами выписывать изъ внутреннихъ губерній. На высказанную нами мысль, отчего же бы дорого стоющую учительскую семинарію (болѣе 41.000 р.) не обратить въ ду-

ховную семинарію, которая бы снабжала край и учителями и священниками, свѣдущія лица отвѣчали намъ полнымъ согласіемъ, но дѣло это не отъ нихъ зависитъ.

Мы разсказали всю эту исторію для того только, чтобы было видно при какихъ общихъ условіяхъ совершается наша колонизація въ Туркестанскомъ краѣ и чего можно отъ нея ожидать при такомъ отношеніи къ дѣлу.

V.

Изъ всего доселѣ сказаннаго мы считаемъ возможнымъ и необходимымъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Если мы хотимъ дѣйствительно имѣть хоть немногочисленныя, но хорошо устроенныя колоніи въ мусульманскомъ краѣ, которыя могли бы служить намъ хоть не для обрусѣнія, а только точками опоры нашего владычества въ случаѣ какихъ-нибудь неожиданныхъ усложненій, то должны подумать о соблюденіи слѣдующихъ условій.

1) Намѣтивши свободныя земли для поселеній, необходимо входить въ сношенія съ губернаторами или земскими управами о приглашеніи на эти участки вполнѣ благонадежныхъ переселенцевъ. Теперь сюда идутъ большею частью бродяги, отыскивающіе молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами. Идутъ сюда люди безъ знаній, безъ капиталовъ, безъ любви къ труду, къ трезвости, къ бережливости; идутъ не для того, чтобы селиться, устроить свою судьбу, но для того, чтобы сѣсть кому-нибудь на шею и жить какъ несовершеннолѣтнимъ вѣчно подъ чьей-нибудь опекой. Губернаторамъ или земскимъ управамъ должны быть сообщены ясныя и подробныя свѣдѣнія о мѣстахъ для колоній со всѣми условіями для ихъ заселенія.

2) Но кромѣ этого самаго главнаго условія, по нашему мнѣнію, важно еще и второе условіе, а именно, для колонистовъ необходимо не только должны быть отведены удобные во всѣхъ отношеніяхъ участки земли, но и приготовлены для нихъ хоть самыя простыя и незатѣйливыя помѣщенія въ видѣ глинобитныхъ построекъ, которыя должны быть къ ихъ приходу надлежащимъ образомъ просушены.

3) Для переселенцевъ православныхъ необходимо въ каждой колоніи устраивать хоть самую небольшую церковь и для нѣсколькихъ колоній, вблизи другъ отъ друга находящихся,

но не болѣе 20 верстъ, назначать особый причтъ, который обязанъ постоянно объѣзжать колоніи и совершать богослуженіе въ ихъ мѣстныхъ церквахъ, не заставляя ихъ ходить далѣе 20 верстъ. Соблюденіе этого условія должно быть краеугольнымъ камнемъ устройства православныхъ колоній.

4) Колоніи, какъ уже нами только-что сказано, должны быть на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы онѣ всегда могли подать другъ другу руку помощи и не подвергнуться поглощенію окружающей массой иновѣрнаго и иноплеменнаго населенія.

5) Для переселенцевъ изъ раскольниковъ не потребуется большихъ расходовъ и хлопотъ. Это большею частью люди зажиточные, съ твердымъ и предпріимчивымъ характеромъ, съ поведеніемъ трезвымъ и направленіемъ религіознымъ. При всемъ этомъ у нихъ необыкновенно развитъ духъ товарищества, взаимопомощи, солидарности. Они сами себѣ устроятъ и хаты, и школу, и молитвенный домъ, не нуждаясь въ нашей помощи. Это были бы самые лучшіе колонисты, не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи, какъ они неоднократно это доказали, напр. во время польскаго возстанія въ сѣверозападномъ краѣ, гдѣ они даже среди самаго фанатичнаго населенія жмуди высоко держали знамя своей національности.

6) Для отвода земель колонистамъ необходимо образовать особую коммисію, въ которой должны быть непремѣнными членами, кромѣ землемѣра, врачъ и агрономъ. Мы совѣтовали одному администратору послать такую коммисію для обзора нынѣшнихъ колоній—на удобныхъ ли и на здоровыхъ ли мѣстахъ онѣ поселены. Администраторъ изумился нашему совѣту, а потомъ смутился и сознался, что можетъ быть есть кое-какіе недостатки въ устройствѣ нынѣшнихъ колоній, но теперь ихъ уже поздно поправлять. Мы ему сказали, что поправлять никогда не поздно и что недостатки очень большіе.

7) Необходимо при устройствѣ колоній имѣть въ виду, кромѣ другихъ удобствъ, еще и удобства путей сообщенія и сбыта земледѣльческихъ и другихъ хозяйственныхъ произведеній колонистовъ. Нельзя посадить людей въ глушь, откуда нѣтъ никуда хорошихъ проѣзжихъ дорогъ. Въ такомъ положеніи находятся нѣкоторыя наши колоніи. И есть хлѣбъ и другіе запасы, да некому ихъ сбыть, и оттого колонисты пла-

чутся на свою судьбу и чуть не бѣдствуютъ, не имѣя въ виду никакого улучшенія своего быта.

8) Для колонистовъ необходимо особое управленіе, состоящее изъ людей хорошо знакомыхъ съ дѣломъ колонизаціи, которые могли бы быть руководителями, совѣтниками и защитниками переселенцевъ, особенно на первое время, пока они не ознакомятся съ окружающей ихъ средой, не освоятся съ новыми условіями ихъ жизни и не войдутъ въ общую систему управленія краемъ.

Переселяясь въ новый край, въ новый климатъ, на новую почву, въ новую среду, колонистъ на первое время нуждается въ самомъ внимательномъ къ нему отношеніи. Но это не значитъ, чтобы за нимъ нужно было ухаживать и нянчиться съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые сантиментальные и недальновидные администраторы. При соблюденіи всѣхъ приведенныхъ нами условій, хорошій колонистъ не потребуетъ себѣ никакихъ милостей, льготъ и привилегій, которыя всегда больше вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу, пріучая людей надѣяться на чужую помощь, а не на свои собственныя силы нравственныя и физическія. Изъ балованныхъ дѣтей никогда ничего путнаго не выходитъ.

А. ИВАНОВЪ.

НЕДОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Разсказъ.

I.

Какъ ни старался Алексѣй Васильевичъ увѣрить себя, что *теперь* пойдетъ все отлично, и что именно теперь онъ, свободный ото всякаго гнета и поступившій, какъ слѣдовало поступить мужчинѣ съ характеромъ, можетъ съ спокойнымъ сердцемъ засѣсть за работу, въ которой никто уже не помѣшаетъ ему, но, все-таки, на душѣ у него было тяжело, и грудь давило какое-то навязчивое, упорное, тяжелое чувство не то тоски, не то сознанія собственной неправоты и пожалуй раскаянія...

Но все, только-что случившееся, было еще такъ свѣжо, такъ больно еще кололо самолюбіе Алексѣя Васильевича, что онъ умышленно отгонялъ отъ себя все, что могло способствовать дѣйствительному успокоенію, и напротивъ, вызывалъ въ себѣ холодность и равнодушіе. Ему казалось, впрочемъ, что онъ спокоенъ, что онъ дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно, и что такъ оно и должно было быть, и онъ теперь очень, очень доволенъ и ничего лучшаго не желаетъ...

Онъ сидѣлъ въ своей, обставленной дорогими вещами и мебелью, мастерской передъ начатою картиной и, надѣвъ палитру на палецъ, принимался растирать какъ бы съ истиннымъ приливомъ вдохновенія только-что выдавленную сочную масляную краску. Но онъ дѣлалъ это, самъ того не замѣчая, съ гораздо бо́льшимъ, чѣмъ нужно, стараніемъ и напряженіемъ... Наконецъ, онъ выхватилъ кисть, нервно мазнулъ ею по палитрѣ и поднесъ къ картинѣ...

„Вотъ“, подумалъ онъ, увидѣвъ, что составленная краска

какъ разъ передавала то, что нужно, „сейчасъ все и пойдетъ хорошо... когда спокоенъ... свободенъ...“

И онъ увѣрился, что все произошло, какъ онъ ожидалъ и предчувствовалъ и втайнѣ, какъ ему казалось, желалъ даже...

II.

Началось вчера, въ сущности, какъ оно почти всегда бывало, изъ-за пустяковъ...

Ему было просто не по себѣ, и онъ, крѣпко зажавъ зубами папироску, ходилъ изъ угла въ уголъ большими шагами. Работать ему не хотѣлось. Палитры давно лежали съ засохшими красками. Онъ не притрогивался къ нимъ.

Лена вошла, остановилась у двери и обвела комнату медленнымъ и грустнымъ взглядомъ. Алексѣй Васильевичъ отлично видѣлъ и этотъ ея взглядъ и упрекающее выраженіе ея лица, но продолжалъ ходить, какъ будто не замѣчалъ ничего.

Онъ женился два года тому назадъ. Кажется, они любили другъ друга. По крайней мѣрѣ, такіе порывы счастья выпадали на ихъ долю, что лучшаго и желать и придумать нельзя было. Но временами вдругъ точно кто-нибудь подмѣнялъ ее, и она становилась совсѣмъ другая... Алексѣй Васильевичъ терялся тогда въ соображеніяхъ и—какъ ни странно это было—самъ чувствовалъ раздраженіе и не могъ понять своего душевнаго состоянія... Увлекался ли онъ ею только, и когда увлеченіе проходило, видѣлъ ее въ настоящемъ свѣтѣ, или наоборотъ, Лена всегда, по прежнему, оставалась духовно-прекрасною, а онъ самъ измѣнялся къ ней, теряя сознаніе этого прекраснаго... Или она разочаровывалась въ немъ... но только онъ не могъ выносить ея холоднаго, „не живаго“ выраженія лица и злыхъ глазъ, съ которыми она и вчера пришла и остановилась въ дверяхъ... Онъ продолжалъ ходить.

— Леша! окликнула она.

Онъ обернулся.

— Леша, ты опять... начало-было Лена.

Онъ остановился, сморщилъ лицо и поглядѣлъ на нее. Онъ зналъ заранѣе то, что она скажетъ сейчасъ, и потому раздраженнымъ уже, не своимъ, капризнымъ голосомъ спросилъ:

— Что, что... опять?

— Ничего не дѣлаешь... тихо досказала она.

Алексѣй Васильевичъ нетерпѣливо дернулъ плечами и прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, но снова оглянулся.

Она продолжала молча стоять неподвижно у двери, прислонясь къ притолокѣ. Взглядъ ея выражалъ все тотъ же молчаливый укоръ...

Алексѣй Васильевичъ вдругъ подошелъ къ ней близко и тихимъ, отъ слишкомъ сильнаго волненія голосомъ, произнесъ:

— Ты скажи, чего ты хочешь отъ меня? ты меня измучить хочешь, а?...

— Леша, я хочу, чтобы ты занимался... вѣдь нужно! отвѣтила она черезъ силу, словно отъ нея вынудили эти слова.

— Знаю, все это знаю лучше тебя! Ну такъ что жъ? и сдѣлаю... все сдѣлаю, а теперь не могу, понимаешь, не могу и не буду... ты изведешь меня, а я все-таки не буду—на зло...

— Да чего же ты сердишься? спокойно перебила она.

И это спокойствіе только усилило его гнѣвъ. Ему было ясно, что въ ея словахъ звучала насмѣшка и даже презрѣніе.

— Ты хочешь сказать, громче заговорилъ онъ,—что я сержусь, и что я не правъ, что сержусь, а ты невозмутима и не виновата... ну вотъ прежде, чѣмъ понукать мною—ты бы пришла и сказала мнѣ, какъ слѣдуетъ... а такимъ образомъ, словно стегать меня собралась...—такъ нельзя... вотъ дѣлай, вотъ дѣлай...

— Леша, что съ тобою, полно, я не думала...

— Что ты не думала, что, что?.. подступилъ онъ къ ней.

На лицѣ Лены выразился мимолетный испугъ. Губы ея дрогнули. Она невольно попятилась.

„Что жъ это она вздумала бояться меня, а?“ злобно, бѣшено подумалъ Алексѣй Васильевичъ. Но вдругъ она, точно собравшись съ силами, сжавъ правую руку и дѣлая ею движеніе, какъ будто хотѣла оборвать что-нибудь, сама подступила къ нему съ видомъ, что до сихъ поръ не желала говорить, но заговоритъ теперь.

— Послушай, Леша, я вѣдь тоже терплю, но больше, чѣмъ хватаетъ силъ, не могу терпѣть,—что жъ это... довольно... какое ты имѣешь право кричать на меня... Если у тебя не идутъ картины, если ты *не умѣешь* писать ихъ... Я въ этомъ не виновата... и срывать на себѣ твою злобу не хочу позволить...

Изъ всего того, что она говорила, онъ услыхалъ, воспринялъ и понялъ только одно, что „онъ не умѣетъ писать!“ и задохнулся при этихъ ея словахъ.

— Что, что?! кричалъ онъ, не слушая и ничего уже не понимая,—я не умѣю писать? да чѣмъ же мы живемъ? въ чемъ же главный доходъ нашъ... если я не умѣю...

— Ты ведешь себя хуже, я не знаю кого... развѣ это жизнь... развѣ ты такъ относился ко мнѣ...

— Уйдите, оставьте меня... продолжалъ кричать Алексѣй Васильевичъ.

Наконецъ она поняла этотъ крикъ.

— А... если такъ! пріостановившись проговорила она,—хорошо...

И она, круто повернувшись, вышла изъ комнаты.

III.

Оставшись одинъ, Алексѣй Васильевичъ заходилъ быстрѣе, чѣмъ прежде. Онъ чувствовалъ, какъ ноги и руки его дрожатъ, какъ сильно бьется сердце и какъ тяжело дышетъ грудь. И не смотря на то, что все это было мучительно, оно не то-что казалось пріятнымъ, но именно соотвѣтствовало тому, чего хотѣлось теперь Алексѣю Васильевичу. Еслибы могла явиться новая еще тревога какая-нибудь, онъ нарочно бы пошелъ ей навстрѣчу, чтобы увеличить душевную свою боль.

„Я не умѣю писать!..“ повторялъ онъ себѣ, стискивая зубы и приходя снова въ неистовство. „Ну, хорошо!..“

Онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ, самымъ обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

„...А какъ я *любилъ* ее, какъ я любилъ ее!“ думалъ онъ и опять и опять ходилъ по мастерской, стараясь найти утѣшеніе въ томъ, что теперь Лена лишилась *навсегда* его любви и потому очень много потеряла, даже все потеряла, потому что больше его любви къ ней—ничего не было на свѣтѣ, и никто никогда въ мірѣ не любилъ ее такъ, и *это* она потеряла!..“

Затѣмъ онъ сейчасъ же принялся обдумывать выраженія, съ которыми онъ обратится къ Ленѣ, когда будетъ говорить ей о томъ, что уже не любитъ ее, что она теперь можетъ дѣлать, что хочетъ, но уже *такой* любви, какъ прежде, въ немъ не явится никогда, и что это сокровище потеряла она, не съумѣвъ уберечь его и не понявъ его.

И Алексѣю Васильевичу захотѣлось сейчасъ же, не от-

кладывая, пойти и сказать все Ленѣ, и онъ быстрыми шагами направился къ ней.

Въ гостиной ея не было. Въ спальнѣ тоже. Онъ прошелъ въ столовую—и тамъ никого.

Алексѣй Васильевичъ позвонилъ лакея.

— Ты не знаешь, гдѣ барыня? спросилъ онъ, стараясь придать своему вопросу какъ можно больше естественности и простоты.

— Елена Михайловна изволили уѣхать къ матушкѣ, доложилъ лакей, такъ и сказать приказали, если спросите.

IV.

Все это ясно, во всѣхъ подробностяхъ вспомнилось Алексѣю Васильевичу.

Поймавъ, однако, себя на этомъ воспоминаніи, онъ тряхнулъ головою, какъ бы затѣмъ, чтобы отвязаться отъ своихъ мыслей, и снова поднялъ кисть къ картинѣ, но отклонился, прищурился и рѣшилъ, что дерево въ правомъ углу ему совсѣмъ не нравится.

Онъ сложилъ палитру и кисти и пошелъ къ шкапу, гдѣ у него хранились этюды.

Папки, этюды и картоны были аккуратно сложены въ ящики Леною, которая *бывало* приводила въ порядокъ мастерскую, на что впрочемъ всегда Алексѣй Васильевичъ очень сердился, потому что никогда не могъ найти ничего въ этомъ порядкѣ.

Онъ выхватилъ изъ ящика папки и началъ искать, нарочно разбрасывая и раскидывая, чтобы разстроить этотъ порядокъ, живо напоминавшій жену и вчерашній день...

Въ передней раздался громкій и рѣзкій звонокъ.

Алексѣй Васильевичъ прислушался. Никто не шелъ отворять. Но онъ и не хотѣлъ, чтобы торопились.

Онъ отлично зналъ, что *такъ* съ женою не могло кончиться. Но пріѣхала, это, разумѣется не она! Вѣроятно, Анна Степановна являлась для переговоровъ...

Онъ зналъ еще вчера, что такъ будетъ, и потому былъ готовъ...

Наружная дверь щелкнула. Въ переднюю кто-то вошелъ и должно быть снималъ верхнее платье. Послышался звонъ шпоръ.

Черезъ нѣсколько секундъ лакей подалъ визитную карточку. На ней значилось.

„Баронъ Андрей Андреевичъ Шильдгорнъ“ и затѣмъ стояло названіе гвардейскаго перваго полка...

— Онъ одинъ? спросилъ Алексѣй Васильевичъ.

— Нѣтъ-съ съ дамой.

— Съ Анной Степановной? опять спросилъ совершенно неожиданно для себя Алексѣй Васильевичъ и смутился:— Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ матери жены его, еслибъ она пріѣхала къ нему—было брать съ собою какого-то храбраго офицера?..

Онъ велѣлъ однако „просить“...

Офицеръ оказался самымъ обыкновеннымъ офицеромъ. Плотный, крѣпкій, дышащій здоровьемъ и удовольствіемъ жизни, вымуштрованный и во фронтѣ, и въ гостиной, онъ держался грудью впередъ, готовый быть вѣжливымъ съ тѣмъ, кто съ нимъ вѣжливъ, и грозно расправиться съ каждымъ, кто этого оказался бы достойнымъ... Больше ничего нельзя было прочесть на его неподвижномъ, красивомъ, румяномъ и усатомъ лицѣ...

Но та, которая пришла съ нимъ и которую лакей назвалъ почему-то дамой, вся свѣтилась живою радостью счастья. И въ глазахъ ея, и въ улыбкѣ, такъ и чувствовался восторгъ молодости и сознаніе своего права на него, и любовь, и ласка...

— Моя невѣста, началъ баронъ—княжна Туровская—желала бы сдѣлать свой портретъ.

Алексѣй Васильевичъ поклонился и, пропуская своихъ гостей впередъ, провелъ ихъ въ глубину мастерской.

— А какъ скоро можетъ быть готовъ портретъ? спросилъ баронъ.

— Это зависитъ, протянулъ Алексѣй Васильевичъ—вы какой хотите?

— Поясной... пояснилъ баронъ, одна голова...

— Если *поясной*, то уже не можетъ быть *одной* головы... поправилъ Алексѣй Васильевичъ. Ему вдругъ сталъ немножко непріятенъ этотъ офицеръ, и онъ радъ былъ придраться къ нему.

Баронъ равнодушно взглянулъ на него.

— Ну я не знаю... сказалъ онъ—намъ нуженъ обыкновенный портретъ, хорошій, который можно было бы повѣсить на стѣну.

Алексѣю Васильевичу польстило, что за заказомъ „хорошаго“ портрета пріѣхали именно къ нему.

— Если княжна, мягче проговорилъ онъ, дастъ мнѣ пять сеансовъ, то этого вполнѣ будетъ достаточно—потомъ портретъ пожухнетъ—нужно будетъ выждать...

Баронъ поморщился при словѣ „пожухнетъ“...

— Когда же все-таки будетъ готовъ портретъ?

— Если мы начнемъ сегодня, то—недѣли черезъ три...

— Но въ этомъ платьѣ, развѣ оно будетъ хорошо, такъ, какъ я есть?.. спросила княжна.

„Что-за милый голосъ! невольно подумалъ Алексѣй Васильевичъ, что-за прелесть, и она можетъ еще спрашивать, хороша ли она такъ, какъ есть!..“

— Конечно, княжна, заговорилъ онъ, не все ли равно, какое платье, и такъ, какъ вы есть, въ этой собольей шапочкѣ и съ боа—оставьте, не снимайте его—все будетъ хорошо... позвольте—сядьте сюда... вотъ такъ... сядьте свободно и можете двигаться сколько угодно... не обращайте на меня вниманія... и главное не думайте, что вы позируете... Оставайтесь такъ, какъ вамъ ловко...

Онъ говорилъ и усаживалъ въ это время княжну, придвигалъ ей кресло, задернулъ одно окно занавѣской, подкатилъ завизжавшій своими колесиками мольбертъ, уставилъ на него подрамокъ съ туго, какъ барабанъ, натянутымъ полотномъ (это полотно было давнымъ давно приготовлено для портрета Лены) и, взявъ палитру и кисти, и быстро выдавивъ нѣсколько красокъ, сталъ съ какою-то жадною, горячею поспѣшностью, безъ контура, прямо писать по полотну...

— Виноватъ... мы еще не говорили о цѣнѣ портрета, сказалъ баронъ, но Алексѣй Васильевичъ продолжалъ писать, не слушая.

V.

Княжна уѣхала, просидѣвъ около часу.

Проводивъ ее, Алексѣй Васильевичъ, съ оживленнымъ, улыбающимся лицомъ подошелъ къ только-что сдѣланному имъ подмалевку портрета, посмотрѣлъ еще разъ и еще разъ остался очень доволенъ имъ.

Онъ чувствовалъ себя очень хорошо теперь и легко. Было ли

это просто успокоеніе, вызванное тѣмъ, что онъ развлекся, или удовольствіе успѣшной работы, или княжна въ самомъ дѣлѣ произвела на него такое внезапное, безотчетное впечатлѣніе, онъ не могъ разобрать.

Онъ взялся опять за краски и сталъ продолжать по памяти. Онъ писалъ, ни о чемъ не думая теперь, какъ-будто ничего уже вокругъ не было важнаго въ мірѣ. Одного онъ боялся лишь, чтобы не помѣшали ему...

Но никто не пріѣхалъ и никто не помѣшалъ.

Только сумерки, спустившись, заставили его отойти отъ мольберта.

Время прошло очень скоро. Алексѣй Васильевичъ пожалѣлъ, что долженъ прервать работу. Но какъ только онъ положилъ палитру на мѣсто, чисто физическое утомленіе охватило его.

Лѣвая рука затекла и устала. Ноги отъ однообразнаго положенія отяжелѣли, и голова точно наполнилась свинцомъ. Онъ былъ голоденъ.

Часы показывали пять. Алексѣй Васильевичъ вспомнилъ, что самъ вчера не заказывалъ обѣда, а кромѣ него теперь *некому* было это сдѣлать...

— Ресторанъ, такъ—ресторанъ, сказалъ онъ себѣ, и въ ресторанахъ люди обѣдаютъ, да еще какъ весело...

И онъ и тутъ постарался увѣрить себя, что все это отлично и именно такъ, какъ онъ желаетъ...

Онъ обѣщалъ себѣ, что во что бы то ни стало проведетъ сегодняшній день очень весело, и поэтому отправился въ лучшій ресторанъ.

Несмотря, однако, на то, что ресторанъ былъ дѣйствительно лучшій, т. е. самый дорогой, обѣдъ отличался тонкостью кухни, шампанское, полъ-бутылки котораго спросилъ себѣ Алексѣй Васильевичъ, играло и пѣнилось, а въ театрѣ, куда онъ поѣхалъ послѣ обѣда—шла очень смѣшная пьеса, ему все-таки все время какъ-будто недоставало чего, и онъ непрерывно ощущалъ вокругъ себя какую-то пустоту, настойчиво дающую себя знать... и, не дослушавъ пьесы, Алексѣй Васильевичъ вернулся домой.

VI.

— Мнѣ ничего не приносили? спросилъ Алексѣй Васильевичъ, входя къ себѣ, у лакея.

— Ничего-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Ни письма, ни записки?.. и *никого* не было?..

— Никого-съ.

— И Анна Степановна не пріѣзжали?

— Нѣтъ.

— Хорошо. (Алексѣй Васильевичъ опять постарался сдѣлать видъ, что все идетъ совершенно такъ, какъ онъ разсчитывалъ и предвидѣлъ). Принеси мнѣ чаю...

— Сахару нѣтъ, доложилъ лакей, позвольте денегъ на сахаръ...

Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Къ нему приставали съ такими вещами, о которыхъ онъ прежде не зналъ и теперь не хотѣлъ знать.

Онъ вытащилъ рублевую бумажку и сунулъ ее лакею.

— Ну, вотъ возьми... хватитъ?—самоваръ готовъ?

— Нѣтъ-съ, тихо отвѣтилъ лакей.

Алексѣй Васильевичъ вспыхнулъ.

— Не готовъ? отчего не готовъ?..

— Сахару не было...

— Дуракъ, развѣ сахаромъ самоваръ нагрѣваютъ?—сахару нѣтъ, такъ самовара не нужно...

— Вы ничего не приказали... заступился за себя лакей.

— Не приказали!—первый день живешь у меня что-ли—отчего жъ до сихъ поръ этого не было?..

Лакей ушелъ, и Алексѣй Васильевичъ, оставшись одинъ, сейчасъ же забылъ и про него, и про чай. Онъ зажегъ большую, съ сильнымъ рефлекторомъ лампу и, освѣтивъ ею портретъ, отошелъ и опустился на низенькое, широкое, попавшееся ему на дорогѣ кресло.

Онъ обхватилъ руками колѣни, поднявъ ихъ почти къ подбородку и въ этомъ неудобномъ, но казавшимся, однако, очень ловкимъ положеніи, уставился глазами на портретъ и началъ глядѣть на него.

Это былъ, правда, не портретъ—лишь начало его, но для Алексѣя Васильевича уже ясно было все лицо, глаза, губы,

какъ-будто они были не только вполнѣ закончены, но живые застыли передъ нимъ. Чѣмъ дольше однако онъ смотрѣлъ—тѣмъ меньше находилъ сходства въ лицѣ, которое видѣлъ на полотнѣ, съ тѣмъ, что было въ его воображеніи, теперь... и онъ остановился на подробностяхъ, сталъ разглядывать и припоминать, все ли было такъ въ натурѣ, какъ у него на полотнѣ...

„Да кажется ротъ не такъ... конечно... какой же это ротъ?—у меня онъ слишкомъ неправиленъ... нужно будетъ завтра провѣрить. У нея ротъ не такой... а какъ уловить? — вѣдь такъ и хочется, такъ вотъ сейчасъ вижу, а не могу... глаза тоже... Фонъ нужно будетъ сдѣлать теплымъ...“

Алексѣй Васильевичъ поправился на креслѣ и, вынувъ папиросу, съ удовольствіемъ подумалъ о томъ, какъ онъ закуритъ ее сейчасъ... и закурилъ, но противъ обыкновенія, весь день сегодня онъ курилъ слишкомъ много, и папироса не принесла ожидаемаго удовольствія... онъ положилъ ее и снова задумался, глядя на портретъ.

Ему принесли чай, устроили постель по-вчерашнему, тутъ же въ мастерской, на широкомъ диванѣ. Онъ не замѣчалъ ничего...

VII.

На другой день онъ съ ранняго утра вскочилъ, хотя заснулъ поздно, на разсвѣтѣ уже, и сонъ его былъ тяжелъ и безпокоенъ.

Онъ торопилъ человѣка, чтобы тотъ скорѣе убиралъ мастерскую, и самъ помогалъ ему, переставлялъ вещи, пряталъ этюды, по его мнѣнію неудачные, и выставлялъ тѣ, которые ему особенно нравились, передвигалъ картины, чтобы дать имъ наиболѣе выгодное освѣщеніе, и все время часто посматривалъ на начатый портретъ, но не трогалъ его кистью...

Въ назначенный часъ, какъ обѣщали вчера, пріѣхали княжна и ея женихъ. Онъ совершенно также, какъ вчера, протянулъ руку, также щелкнулъ шпорами, и то же выраженіе было на его лицѣ. Онъ будто вовсе не прожилъ эти двадцать четыре часа, прошедшіе со вчерашняго дня, а просто оставался по-прежнему милымъ и здоровымъ офицеромъ, словно исполняя этимъ добросовѣстно и честно возложенную на него кѣмъ-то обязанность...

Алексѣй Васильевичъ, напротивъ, должно быть, сильно из-

мѣнился, по крайней мѣрѣ княжна удивленно и соболѣзнующе посмотрѣла на него.

Она, легко ступая по ковру своими маленькими ножками въ высокихъ кожанныхъ ботинкахъ,—подошла къ портрету и съ удовольствіемъ улыбнулась ему.

— А работа подвинулась,—вы безъ насъ многое прибавили, сказала она,—если такъ пойдетъ, то пожалуй портретъ будетъ готовъ скорѣе, чѣмъ ждемъ, правда?..

— Да, но онъ долженъ еще *пожухнуть*, произнесъ баронъ сквозь зубы и подошелъ также къ портрету...

Алексѣй Васильевичъ, уже во всеоружіи, съ палитрой и кистями въ рукахъ, нетерпѣливо ждалъ, когда княжна сядетъ въ кресло...

Она, замѣтивъ его нетерпѣніе, улыбнулась еще разъ и пошла на мѣсто.

Алексѣй Васильевичъ, какъ только она сѣла, быстро взглянулъ сначала на полотно, потомъ на княжну.

Странное чувство удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоенія наполнило его. То, чего онъ ждалъ, не подтвердилось.

Въ общемъ черты, занесенныя имъ вчера на полотно, удивительно точно и вѣрно передавали то лицо, которое живое было теперь передъ нимъ. Тѣ же глаза, тѣ же губы, тотъ же ротъ, который ему не нравился такъ вчера.

— Что жъ это? мелькнуло у Алексѣя Васильевича—и онъ первый разъ въ жизни потерялся, стоя съ палитрою въ рукахъ.

Онъ слишкомъ былъ увѣренъ, что его подмалевокъ не точенъ. Лицо княжны, которое создало вчера вечеромъ ему его воображеніе, не изгладилось изъ памяти.

Онъ почти всю ночь и все утро готовился начать съ совершенной передѣлки всего написаннаго, и вдругъ теперь оказывается, что ничего измѣнять не нужно.

Онъ потеръ лобъ. Закрылъ глаза. Открылъ ихъ—было все то же—измѣнять въ подмалевкѣ ничего не приходилось...

— Виноватъ, княжна... заговорилъ онъ, — посмотрите вправо... такъ... нѣтъ, поверните голову... еще...

— Онъ прошелъ къ окну, отдернулъ занавѣску. Лицо княжны освѣтилось и потеряло прежнія удачныя тѣни... Онъ опять задернулъ окно.

Баронъ равнодушно ходилъ, изрѣдка позвякивая шпорами, и разглядывалъ безъ всякаго, впрочемъ, любопытства картины и вещи.

Алексѣю Васильевичу было теперь вовсе не до барона. Онъ подошелъ опять къ мольберту и, взявъ толстую, щетинистую кисть, сталъ широкими мазками прокладывать фонъ. Онъ далъ полную волю рукѣ, не слѣдилъ за нею глазами и пристально всматривался въ княжну, напрасно стараясь уловить тотъ секретъ ея лица, который казался ему вчера такъ ясенъ и простъ— стоило его лишь провѣрить сегодня на оригиналѣ.

И вдругъ онъ бросилъ большую кисть, быстро схватилъ тоненькую, колонковую и сталъ водить ею около губъ портрета. Онъ долго и старательно дѣлалъ это, не обращаясь къ княжнѣ. И только, случайно взглянувъ на нее, остановился, опустилъ безпомощно руку и снова принялся за фонъ...

Онъ видѣлъ, что губы были *исправлены*, т.-е. онѣ болѣе соотвѣтствовали тому, чего хотѣлось Алексѣю Васильевичу, но онѣ стали менѣе похожи.

Фонъ былъ уже почти весь замазанъ, и Алексѣй Васильевичъ все еще не бралъ тонкой кисти въ руку.

— Нѣтъ, этотъ носъ не долженъ оставаться такъ, думалъ онъ, вглядываясь въ работу, — нельзя... и перемѣнивъ снова кисть и самъ не замѣчая того, что дѣлаетъ, онъ сталъ подтушевывать низъ носа, выпрямлять его, потомъ также незамѣтно для себя, перешелъ къ глазамъ, тронулъ нѣсколько разъ щеки и заработался.

Прошло около получаса. Алексѣй Васильевичъ писалъ молча, уткнувшись почти въ самое полотно, изрѣдка только отклоняясь назадъ, но не отрывая глазъ отъ работы и не глядя по сторонамъ.

Баронъ продолжалъ терпѣливо прохаживаться. Княжна сначала сидѣла, весело оглядываясь и ожидая, когда заговорятъ съ нею. Потомъ видимо ей стало надоѣдать. Она нахмурилась, слегка передвинулась и наконецъ кашлянула, чтобы обратить на себя вниманіе.

Алексѣй Васильевичъ вздрогнулъ. Онъ большими, недоумѣвающими глазами посмотрѣлъ на нее и не сразу вспомнилъ, что передъ нимъ сидитъ „натура“, съ которой онъ пишетъ портретъ.

Вспомнивъ это, онъ прищурился, приглядѣлся и снова увидѣлъ лицо княжны такимъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Онъ перевелъ глаза на портретъ – это было теперь что-то среднее, не похожее на княжну, но гораздо ближе подходившее къ образу, который грезился Алексѣю Васильевичу.

— Извините меня, княжна, проговорилъ онъ (и голосъ его упалъ),—я не могу сегодня продолжать, я нездоровъ... сегодня не идетъ у меня...

Княжна, обрадовавшись, что можетъ встать, и давно уже испытывая нетерпѣніе посмотрѣть, на сколько подвинулся ея портретъ, быстро вскочила со своего мѣста и приблизилась къ мольберту.

— Какъ вы говорите, что не идетъ у васъ! воскликнула она,—что-за вздоръ, да это прелесть... именно то, чего я хочу... André, не правда ли, прекрасно, чего же желать лучше?

„André“ подошелъ и выразилъ всѣмъ существомъ своимъ полную готовность повиноваться невѣстѣ.

Княжна умоляюще посмотрѣла на Алексѣя Васильевича, но онъ стоялъ сердитый, нахмуренный, точно ждалъ, скоро ли они уйдутъ.

Княжна нерѣшительно улыбнулась.

— Ну, до свиданья, сказала она,—до завтра?

— Простите, княжна, завтра я не могу—у меня день занятъ... солгалъ Алексѣй Васильевичъ.

VIII.

Когда онъ, проводивъ княжну и барона, и быстрыми шагами вернувшись изъ передней въ мастерскую, оглядѣлся и увѣрился, что никого больше нѣтъ,—онъ снова схватилъ краски и кисти и сталъ писать торопливо, нервно, словно боялся, что не доживетъ до окончанія работы.

Теперь онъ уже не думалъ ни о княжнѣ, ни о комъ,—онъ только писалъ, выдѣлывалъ, выпрямлялъ и заканчивалъ черты воображаемаго лица, стараясь вдохнуть въ нихъ душу и жизнь.

Опять сумерки застали его за работой и помѣшали ему. Тогда онъ отошелъ отъ мольберта, не сразу приходя въ себя отъ того особеннаго состоянія, которое онъ всегда ощущалъ во время работы, особенно если она была удачна.

Наконецъ онъ издали уже взглянулъ „трезвыми“ глазами на темнѣвшій портретъ и не могъ вглядѣться. Глаза его слишкомъ устали.

— Зажечь развѣ лампу и посмотрѣть? подумалъ Алексѣй Васильевичъ,—э... все равно, не надо—послѣ... и онъ, вспомнивъ, какъ вчера въ это время пошелъ въ ресторанъ, и зная,

что сегодня тоже дома не готовили, вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто и спустился по лѣстницѣ, позвонивъ за собою, чтобы заперли за нимъ дверь.

Онъ вышелъ на улицу. Свѣжій воздухъ коснулся его лица. Извозчики накинулись на него у подъѣзда, предлагая свои услуги. Кругомъ него замелькали прохожіе и экипажи. Все двигалось и шумѣло... Онъ сразу окунулся въ тревожную городскую жизнь послѣ тишины своей мастерской, и ему стало жаль этой тишины, и жаль, зачѣмъ ему нужно было оставить свою работу. Потомъ, почти сейчасъ же, эта жалость перешла у него на самого себя.

И какъ прежде, еще недавно, все это хорошо было, сталъ думать онъ, зачѣмъ все это случилось... и кому нужно было, чтобы это все случилось?.. И неужели прежняго нельзя уже вернуть, и теперь начнется новое, неизвѣстное?.. А какіе однако пустяки это... ну поссорились, потому что „живые люди“, а живому человѣку также свойственно сердиться, какъ и радоваться... ну что жъ изъ этого... приливъ и отливъ... въ жизни все такъ... лишь бы не увеличивать самому на свою голову этихъ отливовъ... а портретъ... вспомнилъ онъ,— что же это было и зачѣмъ тутъ явилась княжна... впрочемъ, это вздоръ... такъ!.. просто *такъ*... поѣхать развѣ къ дому, гдѣ живетъ Анна Степановна, посмотрѣть только... туда я не войду... но мимо поѣхать... рѣшилъ онъ и нанялъ извощика...

Они повернули въ одну улицу, въ другую, въ третью и, наконецъ, поѣхали прямо. Алексѣй Васильевичъ, приближаясь въ дому, гдѣ жила Анна Степановна, велѣлъ ѣхать по противуположной сторонѣ улицы и поднялъ голову кверху,— смотря на окна. Въ столовой у нихъ былъ свѣтъ. Въ спальной тоже.

Гостиная была темна.

— Не больна ли? забезпокоился Алексѣй Васильевичъ... Господи!.. поскорѣе бы это кончилось...

Но *какъ* это все кончится, онъ, разумѣется, не зналъ. Поѣхать ли самому къ ней или ждать, чтобы она пріѣхала... но прежде всего нужно было вернуться домой и уничтожить портретъ... Это будетъ *началомъ конца*...

IX.

Большими, широкими скачками черезъ двѣ и три ступени вбѣжалъ Алексѣй Васильевичъ къ себѣ по лѣстницѣ, такъ что

швейцаръ съ укоризненнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Алексѣй Васильевичъ рѣзко, нетерпѣливо позвонилъ и, бросивъ пальто на руки лакея, прошелъ къ себѣ въ мастерскую...

Онъ снова очутился въ ея тишинѣ, снова его окружила знакомая до мельчайшихъ подробностей обстановка.

— Что же теперь дѣлать... да—портретъ, подумалъ онъ и подошелъ къ нему.

И тутъ возлѣ этого портрета, неясно выдѣлявшагося при слабомъ отблескѣ уличныхъ фонарей, достигавшемъ снизу—онъ вспомнилъ то чувство восторга и размягчающей душу нѣжности, которое онъ испытывалъ при своей работѣ...

— Все это вздоръ, однако,—взгляну еще разъ—потомъ все это уничтожится... и я опять останусь по-прежнему съ нею... *все-таки* она лучше всѣхъ другихъ...

Теперь онъ отлично понималъ, что никогда не переставалъ любить ее!..

Лампа была зажжена, и Алексѣй Васильевичъ осторожно подносилъ ее къ портрету.

Онъ повернулъ рефлекторъ, и полотно вдругъ освѣтилось.

Знакомое, милое, дорогое и любимое лицо Лены глянуло съ него на Алексѣя Васильевича.

Тотъ образъ, который создало, казалось, его воображеніе, тотъ образъ, который онъ напрасно ловилъ въ оживленныхъ чертахъ княжны, образъ, мучавшій Алексѣя Васильевича и доставившій ему за эти два послѣдніе дня столько радостнаго вдохновенія—былъ ничѣмъ инымъ, какъ образомъ его жены. его Лены...

Алексѣй Васильевичъ поставилъ лампу на столъ, такъ что она весь снопъ своихъ лучей бросала на портретъ, и, крѣпко сжавъ руки у груди, снова остановился передъ нимъ...

X.

Мысли его окончательно смѣшались. Грудь неровно дышала. Брови слегка вздрагивали. Онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Казалось, еслибы онъ сдѣлалъ усиліе сообразить что-нибудь, еслибы онъ, подавивъ свое волненіе, вызвалъ въ своемъ разумѣ логичный и послѣдовательный ходъ разсужденій—

они все равно запутались бы и запутались бы пожалуй надолго...

Чья-то рука опустилась на его плечо. Онъ не слыхалъ, какъ вошли, и вздрогнулъ отъ неожиданности. Возлѣ него стояла Анна Степановна.

Онъ сейчасъ же узналъ ея доброе, улыбающееся лицо и черное ея кашемировое платье и накидку съ бахромой...

— Ну, Алексѣй Васильевичъ, полно—заговорила она, вѣдь вижу и знаю—ну и довольно... за два дня оба вы измучились, а портретъ похожъ... очень похожъ...

Алексѣй Васильевичъ, застигнутый врасплохъ, неловко и неуклюже поднялся съ кресла (онъ не помнилъ, какъ и когда сѣлъ на него) и радостно взглянулъ на Анну Степановну.

— Ну, что правду я говорю? спросила она опять.

Алексѣй Васильевичъ сконфуженно потупился.

— Что, батюшка, видно правда-то глаза колетъ .. а?.. и сказать мнѣ нечего... а ты вотъ что скажи, за что ты ее-то измучилъ, побранился, поссорился... да сидитъ и портретъ пишетъ—ему и горя мало, а она тамъ убивается...

„Ага—убивается!“ подумалъ Алексѣй Васильевичъ, но не съ радостью, какъ онъ желалъ этого прежде, а съ тоскою и отчаяніемъ.

— Гдѣ жъ она? спросилъ онъ, наконецъ, чуть слышно..

— Гдѣ! — вотъ сейчасъ гдѣ... самъ видишь, что виноватъ, ты мнѣ скажи—прощенье просить будешь?..

— Гдѣ Лена, что съ ней, повторилъ Алексѣй Васильевичъ...

— Чего ужь! — не побезпокоился два дня, такъ и теперь потерпишь минутку — ты отвѣчай на то, что спрашиваютъ — будешь прощенье просить?..

— Буду... прошепталъ Алексѣй Васильевичъ...

Онъ радъ былъ согласиться на что угодно, лишь бы ему поскорѣе увидѣть Лену.

— Вотъ это-то и скверно, возразила Анна Степановна— никакого прощенья просить не слѣдуетъ — комедія одна — ни она у тебя, ни ты у нея — мужъ съ женой поссорились, помирились — кто тутъ правъ, кто виноватъ — незачѣмъ знать. Начнете прощенье просить—пойдете разбирать прежнее и снова поссоритесь—вздоръ все это... Вѣдь чувствуете, что врозь вамъ не хорошо—вонъ ты пожелтѣлъ весь, похудѣлъ... портретъ рисуешь... ну, это хорошо впрочемъ... ты вѣдь давно обѣщалъ—и она стала на себя не похожа...

Анна Степановна говорила, торопливо перебирая слова, и въ голосѣ ея звучала и ласка и серьезность напускной строгости и важности...

— Да что Лена, у васъ она? перебилъ, наконецъ, Алексѣй Васильевичъ...

— Здѣсь твоя Лена, не нужно мнѣ ее, тебѣ она нужнѣе... въ голосъ ему закричала Анна Степановна—на вотъ, возьми ее...

Въ это время въ дверяхъ показалась Лена въ своей собольей шапочкѣ и въ боа, почти такихъ же, какія были у княжны и совершенно такихъ же, какія были сдѣланы на портретѣ...

Она скоро, скоро подошла къ мужу и, стараясь скрыть свое взволнованное, но счастливое лицо, вскинула руки на его плечи и опустила голову на грудь ему.

— Ты думаешь, заговорила опять Анна Степановна, ей отъ меня не досталось, какъ же, батюшка!..— я ее такъ отдѣлала, какъ она ко мнѣ отъявилась—просто прелесть... хотѣла сейчасъ же отправлять къ тебѣ, да тоже и тебя, государь мой, баловать-то не за что. Слѣдовало проучить...

Алексѣй Васильевичъ стоялъ, обнявъ прижавшуюся къ нему Лену, и чувствовалъ себя уничтоженнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, счастливымъ. Наконецъ, она подняла голову и, не глядя ему въ глаза, посмотрѣла черезъ его плечо на портретъ.

— Это что жъ ты, проговорила она, на память или по фотографіи?..

Алексѣй Васильевичъ глядѣлъ на нее, съ усиліемъ стараясь понять то, что она спрашиваетъ.

— Я говорю про портретъ, пояснила она.

— Да... портретъ... какъ-то разсѣянно произнесъ онъ—это твой...

И, забывъ про смотрѣвшую на нихъ Анну Степановну, Алексѣй Васильевичъ сталъ цѣловать Лену...

На весенней выставкѣ картинъ обращалъ вниманіе большой портретъ баронессы Шильдгорнъ, рожденной княжны Туровской, портретъ работы Алексѣя Васильевича. Баронесса была изображена въ бальномъ бѣломъ шелковомъ платьи, въ кружевахъ и брилліантахъ. Аксессуары, блескъ шелка и бархатъ спускавшейся на фонѣ драпировки особенно оказались удачно выполненными, и всѣ восхищались ими...

Портретъ своей жены Алексѣй Васильевичъ не пожелалъ выпустить изъ мастерской на выставку.

КН. М. ВОЛКОНСКІЙ.

ЗААТЛАНТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.[1]

IV.

Нашествіе „гунновъ". — Смѣшанные браки. — Нью-Іоркскіе евреи. — Нѣмцы. — Трудность ассимиляціи. — Чернокожіе граждане республики. — Ихъ невѣжество и неохота къ образованію. — Mean whites. — Политика высшаго класса населенія южныхъ штатовъ. — Право называться „просвѣщенной демократіей". — Могутъ ли американцы сохранить чистоту демократическаго начала?

Преграды, поставленныя американцами противъ наплыва въ Соединенные Штаты подонковъ европейскаго пролетаріата, оказываются слишкомъ слабыми не потому только, что всемогущимъ капиталистамъ желательно имѣть дешевыхъ рабочихъ. Чехи, венгерцы и поляки, подряжаемые за треть цѣны на работы въ каменно-угольныхъ копяхъ Пенсильваніи и довольствующіеся такою пищею, одинъ видъ которой возбуждаетъ отвращеніе въ американскомъ уроженцѣ, могли бы трудиться и у себя дома, еслибы агенты пароходныхъ компаній и крупныхъ углепромышленниковъ не подбивали ихъ къ переселенію за океанъ, пуская въ ходъ всевозможные соблазны. Вина за ихъ появленіе въ Соединенныхъ Штатахъ падаетъ, такимъ образомъ, на самихъ же американцевъ. Но въ Америку массами переселяется и такой людъ, котораго никто не зазывалъ и зазывать не станетъ. Пароходы ежедневно высаживаютъ на американскій берегъ такой сбродъ, который совсѣмъ неспособенъ къ работѣ и никакого отношенія къ труду не имѣетъ. Отъ него и на родинѣ стараются избавиться, какъ отъ лишняго бремени или заразы, растлѣвающей общество. Извѣстная конгрессіонная коммисія Форда и консульскіе агенты респуб-

[1]) „Русск. Вѣстн.", октябрь 1890.

лики утверждаютъ, что наплывъ въ Соединенные Штаты обнищалыхъ и неспособныхъ содержать себя собственнымъ трудомъ переселенцевъ не могъ быть значителенъ, еслибы въ разныхъ странахъ Европы не существовало нарочито организованныхъ обществъ для сплавленія за океанъ увѣчныхъ, нищихъ и неисправимыхъ преступниковъ. Такія общества не всегда имѣютъ частный характеръ. Въ Баваріи самъ король состоитъ попечителемъ одного изъ нихъ; правительственныя лица швейцарскія и англійскія принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ организаціи. Такъ, напр., разслѣдованіями среди бостонской иммиграціи обнаружено, что лицами, состоящими на коронной службѣ Великобританіи, основано общество, называемое „Tuke Society“, которое доставляетъ даровые билеты на проѣздъ въ Соединенные Штаты не только людямъ безпомощнымъ, но и порочнымъ, т. е., не однимъ нищимъ и калѣкамъ, но и преступникамъ, нарочно для того выпускаемымъ изъ тюремъ. По свидѣтельству коммисіи Форда, нѣкоторыя европейскія правительства до того доходятъ въ своихъ стараніяхъ избавиться отъ арестантовъ, что пересылаютъ ихъ въ Америку во второмъ классѣ каютными пассажирами. Переселенію за океанъ обнищалыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественныхъ эмигрантовъ много содѣйствуетъ сильное пониженіе съ 1860 г. платы за проѣздъ между американскими и европейскими портами; плата эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ не превышаетъ 20 рублей (15 долларовъ).

Штатамъ грозитъ совершенное вырожденіе ихъ англо-саксонскаго типа [1]). По переписи 1880 г. насчитывалось 6.679.943 человѣка иностраннаго происхожденія при 43.475.840 человѣкъ, рожденныхъ въ странѣ. Но и изъ этихъ послѣднихъ—573.434 челов. имѣло отцами американцевъ, а матерями европейскихъ женщинъ; 1.337.664 челов. рождено отъ матерей-американокъ и отцовъ иностранцевъ, а 13.011.646 челов. имѣло и отцовъ и матерей иностранцевъ. Итакъ, почти 15 милл. человѣкъ, т. е., цѣлая четверть населенія Штатовъ, рождены и воспитаны иностранными родителями. Нельзя не обратить вниманія еще и на тотъ фактъ, что иностранцевъ-мущинъ женится на

[1]) Новая Англія, т. е., та часть Соединенныхъ Штатовъ, которая имѣла самое близкое сходство съ Англіей, начинаетъ отличаться своимъ кельтскимъ отпечаткомъ, потому что даже города наполнены тамъ ирландцами и выходцами изъ Канады.

американкахъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ выходитъ замужъ иностранокъ за американцевъ, что объясняется сравнительно малымъ числомъ женщинъ среди прибывающихъ сюда изъ центральной Европы эмигрантовъ. На сто переселенцевъ приходится:

среди поляковъ 69 мужчинъ и 31 женщина
„ венгерцевъ 72 мужчины и 27 женщинъ
„ итальянцевъ 79 мужчинъ и 21 женщина.

Еслибы эти „гунны“, какъ называютъ американцы эмигрантовъ всѣхъ трехъ поименованныхъ національностей, женились на американкахъ бѣлой расы, то можно было бы считать браки туземныхъ женщинъ съ переселенцами явленіемъ весьма отраднымъ для общественной жизни, ибо американки даже изъ рабочаго класса стоятъ на довольно высокомъ уровнѣ умственнаго развитія, привыкли къ порядочной обстановкѣ и съ любовью занимаются уходомъ за дѣтьми, ихъ воспитаніемъ и домашнимъ хозяйствомъ; но такія американки обходятъ „гунновъ“. Послѣдніе по необходимости должны искать себѣ подругъ жизни въ самыхъ низшихъ слояхъ бѣлаго населенія, среди той черни, которая вмѣстѣ съ тѣми же эмигрантами образуетъ пролетаріатъ большихъ городовъ, или жениться на негритянкахъ. Но подобные смѣшанные браки представляютъ самое отвратительное зрѣлище. По свидѣтельству г-жи Макъ-Гаханъ, хуже и неряшливѣе всѣхъ прочихъ бѣдныхъ города Нью-Іорка живутъ „смѣшанныя“ семьи, такъ какъ нѣтъ почти примѣра того, чтобы сожительство негровъ съ бѣлыми предпринималось иначе, какъ при коренной испорченности этихъ послѣднихъ, полной утраты ими чувства самоуваженія; въ большинствѣ случаевъ въ такихъ семьяхъ царитъ вѣчный разгулъ, пьянство и развратъ [1]).

Огромное большинство эмигрантовъ изъ Европы привыкло работать спустя рукава, довольствуясь нищенскимъ заработкомъ. Въ Нью-Іоркѣ особенно бѣдствуютъ евреи, нахлынувшіе сюда въ послѣдніе годы изъ Польши и югозападной Россіи. Они рѣдко страдаютъ лѣнью, почти никогда не пьянствуютъ и усердно копятъ деньги, живя въ грязи, на задворкахъ и подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ. Главное препятствіе къ упорядоченію ихъ быта, кромѣ присущей имъ ска-

[1]) „Американцы и европейская эмиграція“ (*Вѣстникъ Европы*, окт. 1890 г.)

редности, заключается къ той ограниченности занятій, къ которымъ они пригодны. О земледѣліи и говорить нечего: евреи не ужились даже въ колоніи на Martha's Vineyard, гдѣ имъ отведена была однимъ мѣстнымъ филантропомъ земля подъ садоводство и огородничество. Портняжное и сапожное ремесло —единственное дѣло, на которое еврей способенъ. Но его способности изощряются преимущественно на ростовщичествѣ и мелкой торговлѣ съ лотковъ (обыкновенно промозглою живностію) и старымъ платьемъ: въ этихъ промыслахъ способности ихъ граничатъ съ виртуозностію. Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ американцы преслѣдуютъ евреевъ насмѣшками и выказываютъ такое къ нимъ отвращеніе, что евреевъ и деньги здѣсь не радуютъ, и они постоянно стремятся обратно на родину [1]). Евреи и здѣсь живутъ замкнутыми кругами, отличаются отъ остальнаго населенія своеобразностію одежды и вообще представляютъ изъ себя нерастворимую въ американской національности невѣжественную массу.

Среди американцевъ нѣтъ ничего обиднѣе, какъ сказать про человѣка, что онъ живетъ не лучше негра. А между тѣмъ въ Нью-Іоркѣ негры толпами выселяются изъ нижней части города, гдѣ всегда прежде живали, въ верхнюю,—выселяются единственно изъ-за того, что даже имъ, неграмъ, не подъ силу жить въ той грязи, которая заводится тамъ ордами выходцевъ изъ Европы, преимущественно итальянцами и евреями [2]).

Нѣмцы хотя и быстрѣе другихъ переселенцевъ (за исключеніемъ, разумѣется, ирландцевъ и скандинавовъ) ассимилируются съ туземнымъ населеніемъ, но упорно отстаиваютъ свою національность. Въ большихъ городахъ запада: въ Кливелендѣ, Цинциннати, Мильоукэ и иныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣмецкіе плательщики налоговъ состоятъ въ большинствѣ, по ихъ требованію преподаваніе ведется въ общественныхъ школахъ на двухъ языкахъ: въ утренніе часы на нѣмецкомъ, а послѣ полудня —на англійскомъ. Въ крупныхъ центрахъ вообще замѣчается слабое воздѣйствіе американской жизни на европейскихъ переселенцевъ, которые селятся здѣсь колоніями, „жмутся другъ къ другу", по мнѣнію г-жи Макъ Гаханъ, „по неволѣ, изъ самозащиты".

Еще въ большемъ разладѣ съ общимъ строемъ американской

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

жизни находится многочисленное населеніе чернокожихъ гражданъ республики. Великодушіе сѣверянъ предоставило неграмъ личную свободу и политическую полноправность, но оно не въ состояніи было надѣлить ихъ благомъ общественнаго равенства, которое никакими законами установлено быть не можетъ. Хотя бѣлая раса не обнаруживаетъ расположенія угнетать черную, но между ними проведена въ настоящее время болѣе рѣзкая черта, чѣмъ до междоусобной войны, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проведена не только обычаями, но и законами. Кровь янки и негровъ не смѣшивается посредствомъ браковъ; конституціи семи штатовъ не позволяютъ воспитывать дѣтей бѣлаго населенія съ дѣтьми негровъ въ однѣхъ и тѣхъ же общественныхъ школахъ — и эти постановленія не могутъ быть отмѣнены никакимъ федеральнымъ закономъ, потому что школьное дѣло не находится въ вѣдѣніи національнаго правительства, и федеральная конституція устанавливаетъ только, что „въ виду происхожденія, цвѣта кожи или прежняго нахожденія въ рабствѣ“ не должно быть уничтожаемо или сокращаемо лишь „право гражданъ Соединенныхъ Штатовъ участвовать въ подачѣ голосовъ“ [1]). Въ настоящее время еще около половины черной молодежи, достигшей школьнаго возраста, не посѣщаетъ школъ, и только около $^1/_{10}$ части совершеннолѣтнихъ можетъ безъ труда читать газеты. По всей вѣроятности еще въ теченіе многихъ лѣтъ негры будутъ довольствоваться своимъ положеніемъ низшей расы, наниматься въ услуженіе, исполнять черныя работы, въ особенности земледѣльческія, и т. д. Они нигдѣ не возвращаются въ прежнее варварство, подобно неграмъ, живущимъ въ Гаити [2]), но почти всюду медленно вступаютъ на путь цивилизаціи; такъ, напримѣръ, въ Луизіанѣ нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ исполняютъ языческіе обряды и поклоняются змѣю. Освобожденіе застало ихъ крайне невѣжественными. Тѣмъ не менѣе вольноотпущенники обнаруживали сначала горячее влеченіе къ образованію, но это влеченіе скоро остыло, когда они увидѣли, что получаемое ими образованіе не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительнымъ нуждамъ. Для нихъ

---

[1]) Поправка XV-ая, предложенная конгрессомъ 26 февраля 1869 г. и утвержденная 29 штатами изъ 37.

[2]) Ни климатъ, ни почва Соединенныхъ Штатовъ не позволяютъ имъ погружаться въ лѣность, тогда какъ на Вестъ-Индскихъ островахъ они могутъ въ одну недѣлю работы добыть достаточно пищи для прокормленія своихъ семействъ въ теченіе цѣлаго года.

было основано нѣсколько коллегій или такъ называемыхъ американцами университетовъ; въ Гамптонѣ (въ штатѣ Виргиніи) заведена для нихъ превосходная школа, гдѣ можно получить хорошее общее образованіе и спеціальныя свѣдѣнія по земледѣлію; кромѣ того во всѣхъ штатахъ учреждены для негровъ общественныя училища, отдѣльныя отъ тѣхъ, которыя посѣщаются дѣтьми бѣлаго населенія. [1]) Но дѣти негровъ не посѣщаютъ школъ, и нѣтъ возможности заставить ихъ учиться, такъ какъ сами родители ихъ большею частію относятся равнодушно къ образованію.

Джемсъ Брайсъ, находитъ неосновательными столь распространенныя въ литературѣ сѣверянъ и съ легкой руки Бичеръ-Стоу распространившіяся по всему свѣту обвиненія бывшихъ рабовладѣльцевъ въ жестокосердіи и нечеловѣческомъ обращеніи съ неграми. Несомнѣнное опроверженіе такихъ обвиненій онъ видитъ, во-первыхъ, въ томъ фактѣ, что во время междоусобной войны, когда все бѣлое населеніе южныхъ штатовъ стало въ ряды арміи, оставивъ дома только женщинъ и дѣтей, негры весьма рѣдко позволяли себѣ буйства или насилія; во-вторыхъ, въ томъ, что негры не питаютъ ни малѣйшей ненависти къ своимъ бывшимъ господамъ, а къ ихъ дѣтямъ обнаруживаютъ даже нѣчто въ родѣ родственной привязанности. Отношенія взаимной непріязни существуютъ только между чернокожими и тѣми мелкими поселенцами, которые нищенствовали во времена существованія рабства на югѣ. Плантаторы ихъ презирали, называя бѣлыми людишками (mean whites), да и сами невольники прозвали ихъ бѣдной бѣлой дрянью (poor white trash). Въ Южной Каролинѣ и въ штатахъ, прилегающихъ къ берегамъ Мексиканскаго залива, они вели жалкую жизнь, разводя овощи вокругъ своихъ хижинъ и гоняясь въ лѣсахъ за дикими животными, а нѣкоторые изъ нихъ постоянно бродили вокругъ богатыхъ усадьбъ плантаторовъ въ надеждѣ чѣмъ-нибудь поживиться. Въ сѣверныхъ частяхъ рабовладѣльческихъ штатовъ—въ гористыхъ округахъ Западной Виргиніи, Кентуки, Теннеси и Сѣв. Каролины, ихъ положеніе было болѣе сносно и менѣе унизительно, потому что тамъ не столь многочисленны были невольники. Но и въ названныхъ мѣстностяхъ они до сихъ поръ бѣдны, невѣжественны и ни въ какомъ

[1]) Джемсъ Брайсъ осматривалъ одинъ изъ такихъ университетовъ въ Атлантѣ (въ штатѣ Георгіи) и нашелъ его обѣщающимъ много хорошаго.

отношеніи не могутъ равняться съ живущими на сѣверѣ республики мелкими фермерами или ремесленниками. При подачѣ голосовъ на выборахъ они обыкновенно руководствуются указаніями высшаго класса, и чѣмъ менѣе имѣютъ основаній гордиться своими личными достоинствами, тѣмъ болѣе гордятся цвѣтомъ своей кожи [1]).

Извѣстно, что плантаторы, какъ „мятежники", въ огромномъ большинствѣ были лишены въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ участія въ законодательной дѣятельности и въ управленіи страною. Въ это время законодательствовали и правили негры, которые обременяли южные штаты милліонными долгами, позволяли сѣвернымъ авантюристамъ, такъ называемымъ людямъ съ дорожными сумками (carpet-baggers), грабить казну и продавали съ публичнаго торга постановленія законодательной власти. Республиканская партія, предоставляя неграмъ политическія права, разсчитывала этимъ путемъ имѣть въ своемъ распоряженіи около двухъ милліоновъ голосовъ. Но какъ скоро была снята опала съ демократовъ, то тѣ же самые негры совершенно подпали подъ ихъ вліяніе. Не слѣдуетъ, однако думать, что бывшіе „мятежники" пріобрѣли это вліяніе исключительно нравственными достоинствами и снова достигли власти путями вполнѣ законными. Такіе пути очень мало извѣстны американскимъ политиканамъ и едва-ли бы привели къ побѣдѣ въ южныхъ штатахъ, гдѣ цѣлая треть избирателей негры, а въ Луизіанѣ, въ Миссисипи и Южн. Каролинѣ чернокожіе избиратели составляютъ даже большинство. Опытные въ дѣлахъ управленія и политической интриги „аристократы", когда были возстановлены ихъ политическія права, начали было расправляться съ неграми при помощи насилій, но замѣтивъ, что ихъ поступки возбуждаютъ негодованіе въ сѣверныхъ штатахъ, и познакомившись ближе съ составомъ новыхъ гражданъ, разсудили, что хитрость, плутни на выборахъ и подкупъ скорѣе и вѣрнѣе помогутъ имъ „спасти цивилизацію", какъ они выражались. Услуги, оказанныя „цивилизаціи" этими способами, не вызвали громкихъ протестовъ на сѣверѣ, негры же сами убѣдились, что они не въ силахъ одолѣть на выборахъ бѣлое населеніе, отвернулись отъ своихъ побѣжденныхъ друзей „съ дорожными сумками" и пошли за побѣдителями, которые, разумѣется, и не думаютъ лишать своихъ прежнихъ рабовъ декорума политической равноправности. Одинъ изъ

[1]) A. P., III, 69.

вліятельныхъ южныхъ политикановъ сказалъ Джемсу Брайсу въ 1881 году: „Мы любимъ негровъ и хорошо съ ними обходимся. Мы и впредь намѣреваемся хорошо съ ними обходиться. Но мы ихъ забаллотировываемъ“ [1]). Указывая на то, что одна треть всего населенія Союза находится въ южныхъ штатахъ, а большинство въ этой трети состоитъ изъ низшаго разряда бѣлокожихъ и изъ негровъ, которые не имѣютъ никакихъ политическихъ познаній или способностей и ничего похожаго на раціональныя мнѣнія, англійскій коммонеръ замѣчаетъ: „изъ этихъ фактовъ видно, какъ еще далеко населеніе Соединенныхъ Штатовъ отъ того момента, когда оно будетъ имѣть право называться вполнѣ просвѣщенной демократіей“.

Такія демократіи существовали въ языческой древности на берегахъ Средиземнаго моря, но тамъ „варвары“ не принимались въ среду гражданъ, иностранцы находились въ совершенно исключительномъ положеніи, а досугъ или занятія общественными дѣлами полноправнаго гражданина обусловливались трудомъ раба. Основанная пуританами заатлантическая республика не желала и не могла слѣдовать примѣру язычниковъ, не преклонилась и передъ мудростью христіанскаго изреченія: „много званныхъ, но мало избранныхъ“. Съ юношескою вѣрою въ торжество *новаго* демократическаго принципа, она широко раскрыла двери въ храмъ гражданства и варвару, и рабу. Что же вышло? Европейскіе „гунны“ постоянно загрязняютъ этотъ храмъ, а неграмъ не подъ силу подняться даже на его ступени. Самое ядро націи оказывается не достаточно могучимъ для претворенія въ гражданъ, достойныхъ этого имени, всякаго сброда изъ пролетаріевъ, органически разобщеннымъ съ инертною массою чернокожаго населенія и, въ образѣ плутократіи, въ самомъ себѣ носящимъ язву разложенія. Коренному населенію приходится теперь думать не о сотрудничествѣ на пользу общую съ пришлыми чужаками и вольноотпущенниками, а лишь объ устраненіи отъ дѣлъ этого невѣжественнаго люда. Отъ нашествія однихъ оно ограждаетъ себя репрессивными мѣрами, услуги другихъ отклоняетъ хитростью и плутнями. Американцы сами увидѣли теперь, что положенное въ основу ихъ государственнаго общежитія демократическое начало слишкомъ раздалось въ ширь, а потому и не позволяетъ націи дорости до того уровня развитія, который

[1]) Тамъ же, II, 505—506 и III, 68—73.

даетъ право на названіе „вполнѣ просвѣщенной демократіи". А что будетъ, если не прекратится нашествіе европейскихъ „гунновъ" и чернокожіе граждане сознаютъ свою стадную силу? Въ настоящее время негры массами населяютъ одни только южные штаты, но не смѣшиваются съ бѣлыми и размножаются довольно быстро южнѣе 40° сѣверной широты, слѣдовательно, нисколько не перерождаясь, могутъ быстро размножиться и въ южной части Пенсильваніи, Огіо, Индіаны, Иллинойса и далѣе на западъ, а также во всей южной половинѣ штата Нью-Джерзея. Сильно сплоченное и развитое бѣлое населеніе юга сумѣло справиться съ ними и подчинило ихъ своему вліянію. Но успѣетъ ли въ томъ же населеніе другихъ поименованныхъ штатовъ, когда и тамъ негры появятся массами? А что они будутъ туда выселяться, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Одинъ изъ авторитетныхъ американскихъ писателей [1]) полагаетъ, что въ 1900 году населеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ достигнетъ численности 10-ти милліоновъ и говоритъ далѣе: „въ виду ограниченнаго пространства тѣхъ земель, гдѣ негры имѣютъ преимущества передъ бѣлыми, благодаря своей физіологической способности выносить южный климатъ, и въ виду преимуществъ, находящихся на сторонѣ бѣлаго населенія тамъ, гдѣ климатическія условія одинаковы для обѣихъ расъ, едва-ли можно допустить, что на югѣ найдется достаточно мѣста для такого многочисленнаго населенія". Не позже, какъ черезъ десять лѣтъ во всей силѣ настоятельности выступитъ вопросъ, которому въ настоящее время придаютъ еще мало значенія,— вопросъ о томъ, какъ быть съ неграми, совершенно неспособными къ самоуправленію? Если и теперь искусные въ политикѣ потомки англійскаго правящаго сословія не нашли инаго выхода изъ затрудненія, какъ упразднить на дѣлѣ тѣ права, которыя предоставлены неграмъ основными законами страны, то можно ли надѣяться, что тогда, т. е. черезъ десять лѣтъ, когда еще сильнѣе обострится „черный" вопросъ, менѣе искусные представители бѣлаго населенія республики найдутъ способъ сохранить въ примѣненіи къ неграмъ демократическое начало во всей чистотѣ и непорочности?

---

[1]) Генералъ Francis A. Walker (статья подъ словомъ United States въ Encycl. Brit.)

V.

Американскія женщины.—Свобода распоряженія имуществомъ.—Положеніе въ семьѣ и въ обществѣ.—Образованіе.—Занятія.—Агитація въ пользу предоставленія женщинамъ политическихъ правъ.—Чего она достигла? — Противодѣйствіе самихъ женщинъ. — Несочувствіе образованнаго общества и политическихъ партій —Отвращеніе къ политикѣ — Своеобразная политическая дѣятельность американокъ.

Положеніе женщины въ обществѣ и семьѣ, ея права имущественныя и личныя даютъ вѣрное представленіе о характерѣ народа, о степени мягкости или грубости его нравовъ, иначе сказать—о его воспитанности. Экономическія условія, т. е. зависимость человѣческой дѣятельности отъ внѣшней природы, являющейся источникомъ средствъ къ жизни, и вызываемая этою природою потребность въ бо́льшемъ или меньшемъ напряженіи трудовой энергіи обоихъ половъ въ одинаковой или въ различной мѣрѣ и формѣ, конечно, кладутъ и свой отпечатокъ на это положеніе и на эти права. Но господствуя надъ волею человѣка въ его первобытномъ состояніи, они уже не имѣютъ рѣшающаго значенія въ то время, когда силою умственной работы человѣкъ успѣлъ высвободить свою дѣятельность изъ-подъ гнета стихій и получилъ возможность свободнаго выбора способовъ борьбы за существованіе. Положеніе и права женщины тѣмъ болѣе обусловливаются рѣшеніемъ свободной воли, чѣмъ слабѣе въ человѣческомъ обществѣ связь съ его историческимъ прошлымъ. Когда люди культурные, уже достаточно опытные въ жизни и свѣдущіе въ искусствѣ пользованія стихійными силами, покидаютъ родину и устраиваются на новыхъ мѣстахъ, они, понятно, вносятъ больше произвола въ свои взаимныя другъ къ другу отношенія и въ свое общественное устройство, чѣмъ это возможно было бы для нихъ на старомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ бытъ складывался подъ вліяніемъ сложныхъ историческихъ условій и, какъ бы они ни старались его обособить, роковымъ образомъ сливался съ господствующимъ типомъ, выработаннымъ тѣми же историческими условіями. Такимъ образомъ, положеніе и права женщины въ новомъ обществѣ являются гораздо болѣе полнымъ выраженіемъ или отраженіемъ духовныхъ и нравственныхъ особенностей народа, чѣмъ въ обществѣ старомъ.

Первые поселенцы Новой Англіи носили въ своемъ сознаніи тотъ высокій идеалъ женщины, который завѣщанъ цивилизованному міру христіанствомъ и средневѣковымъ рыцарствомъ, поэтому женщина не могла сдѣлаться въ Соединенныхъ Штатахъ ни восточною рабынею, ни римскою матроною. Она не стала здѣсь и въ то зависимое отъ мужа, въ отношеніи имущественномъ, и въ то безправное, по отношенію къ потерявшимъ отца дѣтямъ-сиротамъ, положеніе, которое установлено англійскимъ обычнымъ правомъ. На новыхъ мѣстахъ англійскіе поселенцы находились внѣ подчиненія этому праву, могли свободнѣе руководствоваться христіанско-рыцарскимъ идеаломъ и ближе подойти къ этому идеалу въ своемъ положительномъ законодательствѣ, когда пріобрѣли полную политическую независимость. Законныя права женщинъ опредѣляются въ каждомъ штатѣ особыми постановленіями и нигдѣ не подчинены требованіямъ обычнаго права. Относительно всѣхъ гражданскихъ правъ женщины поставлены наравнѣ съ мужчинами. И замужнія и незамужнія женщины уже давно пользуются правомъ распоряжаться своею собственностью, какимъ бы способомъ она ни была пріобрѣтена—получена ли ими въ даръ, или досталась имъ по наслѣдству, или была ими нажита собственнымъ трудомъ. Принадлежности этого права женщинамъ придавали такую важность, что она внесена въ основные законы нѣкоторыхъ штатовъ, т. е. установлена рѣшеніемъ не законодательныхъ собраній, а всенароднымъ голосованіемъ, а потому и не можетъ быть отмѣнена ни однимъ изъ этихъ собраній. Отсюда, однако, никакъ не слѣдуетъ, что полноправность американской женщины въ распоряженіи собственно ей принадлежащимъ имуществомъ была создана демократическою идеей равенства, обязана своимъ происхожденіемъ демократическому строю правленія; такая же полноправность установлена и гражданскими законами русскаго самодержавнаго государства, причемъ источникъ ея въ заатлантической республикѣ и у насъ одинъ и тотъ же: христіанская любовь и вѣра въ такую же, какъ и у мужчины, безсмертную душу женщины. Эта любовь и эта вѣра поставили женщину на высоту, недосягаемую для языческаго міровоззрѣнія. Онѣ вполнѣ раздѣлялись американскими поселенцами, которые были христіанами прежде, чѣмъ сдѣлались демократами.

Американскіе законы, какъ и русскіе, не ограничиваютъ материнской заботливости о дѣтяхъ-сиротахъ, не ослабляютъ

подобно западно-европейскимъ законодательствамъ, материнской власти надъ ними и признаютъ женщину вполнѣ способною руководить воспитаніемъ сиротъ и завѣдывать ихъ имуществомъ. Въ очень многихъ штатахъ женщины имѣютъ опекунскія права надъ своими дѣтьми, между тѣмъ, какъ въ Англіи,—замѣчаетъ Джемсъ Брайсъ [1])—женщины не имѣли этихъ правъ до изданія постановленія 1886 года. По отзыву того же лица, законы о разводѣ далеко неудовлетворительны въ нѣкоторыхъ штатахъ, но они постоянно стремятся къ уравненію правъ мужей и женъ.

Во многихъ штатахъ законъ оказываетъ особое покровительство женщинамъ при установленіи продолжительности рабочаго дня. Русское законодательство нисколько не уступаетъ американскому въ этомъ отношеніи, но въ Америкѣ обычай и мѣстныя особенности, разумѣется, безъ малѣйшей связи съ формою правленія, установили для женщинъ нѣкоторыя изъятія и преимущества, отсутствующія въ законахъ и въ хозяйственномъ быту народовъ европейскихъ странъ со включеніемъ Россіи. Такъ, напримѣръ, благодаря чрезвычайному развитію примѣненія машинъ къ земледѣлію, американскія женщины почти никогда не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ; *тяжелый* ручной трудъ имъ совершенно незнакомъ; нѣкоторые штаты предписываютъ хозяевамъ запасаться стульями для женщинъ, работающихъ въ лавкахъ, въ пакгаузахъ или на фабрикахъ и т. п.

Не только въ среднемъ сословіи [2]), но и въ простонародьи трудъ американской уроженки бѣлой расы посвященъ преимущественно домоводству (что въ значительной мѣрѣ обусловливается высокимъ уровнемъ потребностей американскаго рабочаго), уходу за дѣтьми и образованію ихъ въ раннемъ возрастѣ.

Мы уже упоминали, что въ Соединенныхъ Штатахъ женщины рабочаго класса образованнѣе мужчинъ и больше ихъ читаютъ, имѣя на то и болѣе свободнаго времени. При даровомъ вообще образованіи въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разря-

[1]) „Америк. Респ.“, III, 389.

[2]) Въ Соедин. Штатахъ нѣтъ, разумѣется, соціальныхъ различій по происхожденію, но, какъ и вездѣ, даже болѣе чѣмъ гдѣ-либо, существуютъ различія общественныхъ положеній по роду занятій и по образу жизни, въ зависимости отъ умственнаго развитія и степени имущественной состоятельности каждаго.

довъ, оно одинаково доступно для юношества обоего пола. Не говоря уже объ элементарныхъ школахъ, и классическія гимназіи, и высшія школы устроены такъ, что въ нихъ дѣвочки иногда помѣщаются подъ одною кровлею съ мальчиками или даже посѣщаютъ одни и тѣ же классы, а иногда помѣщаются въ особыхъ зданіяхъ, но и составъ преподавателей, и необходимыя для успѣшнаго преподаванія приспособленія для мальчиковъ и для дѣвочекъ одинаковы. Въ восточныхъ штатахъ есть частныя женскія школы съ интернатами и безъ оныхъ. Число дѣтей, воспитывающихся дома, при помощи гувернантокъ, сравнительно не велико. Тѣмъ не менѣе, въ восточныхъ штатахъ, особенно между людьми богатыми, все болѣе и болѣе распространяются англійскіе воспитательные пріемы и обычаи. Тамъ женщины получаютъ высшее образованіе въ коллегіяхъ, спеціально для нихъ основанныхъ, существуютъ также коллегіи, основанныя частными лицами, въ которыхъ молодые люди и молодыя дѣвушки учатся въ однихъ и тѣхъ же классахъ, занимая отдѣльныя части классныхъ комнатъ, но живутъ въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Въ западныхъ же штатахъ женщины получаютъ высшее образованіе въ университетахъ, въ которыхъ обыкновенно установлено регламентами, что женщинъ слѣдуетъ допускать наравнѣ съ мужчинами къ даровому обученію по всѣмъ предметамъ. И достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвочки, не рѣже и даже чаще мальчиковъ, продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ школахъ, со включеніемъ тѣхъ, въ которыхъ изучаютъ древнихъ классиковъ и естественныя науки [1]). Совмѣстное образованіе юношества обоихъ половъ уже довольно зрѣлаго возраста (средній возрастъ студента —22 года) не возбуждаетъ никакого безпокойства въ жителяхъ западныхъ штатовъ, потому что тамъ существуетъ широкая свобода въ сношеніяхъ между юношами и молодыми дѣвушками, а эти послѣднія очень хорошо умѣютъ оберегать сами себя. Но въ американской системѣ высшаго образованія замѣчаются неудобства другаго рода. По свидѣтельству Джемса Брайса, „нерѣдко приходится слышать жалобы на то, что американская система дароваго высшаго образованія возвышаетъ бѣдныхъ дѣвочекъ надъ той

[1]) Это объясняется тѣмъ, что мальчиковъ гораздо чаще, нежели дѣвочекъ, отвлекаютъ отъ ученія требованія практической жизни (A. P. III, 392). Въ бѣдныхъ семьяхъ подростокъ 13-ти лѣтъ уже кончаетъ образованіе и содержитъ себя собственнымъ трудомъ.

средой, въ которой имъ суждено вращаться по ихъ бѣдности, внушаетъ имъ недовольство своею судьбою и развиваетъ въ нихъ такія влеченія, которыхъ онѣ никогда не будутъ въ состояніи удовлетворять". Постигающія вслѣдствіе этого бѣдную дѣвушку тяжелыя испытанія въ жизни описаны яркими красками въ американской повѣсти „The Breadwinners".

Освобожденіе женщины отъ тяжелаго ручнаго труда во всѣхъ классахъ американскаго населенія, ея, можно сказать, привилегированное положеніе въ семьѣ, равное съ мужчиною право на полученіе даровaго образованія въ общественныхъ школахъ всѣхъ разрядовъ и бо́льшая для дѣвочекъ, сравнительно съ мальчиками, доступность этого образованія, наконецъ независимость въ выборѣ занятій, обусловленная признанною закономъ свободою въ распоряженіи собственнымъ имуществомъ, открыли женщинамъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе широкій, чѣмъ въ Европѣ, просторъ въ области умственной дѣятельности и прикладныхъ знаній. Онѣ занимаютъ бо́льшую часть преподавательскихъ должностей въ публичныхъ школахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и, по общему мнѣнію, превосходятъ мужчинъ въ умѣньи обучать дѣтей младшаго возраста. Изъ отчета федеральнаго комитета, ведущаго статистику народнаго просвѣщенія видно, что въ 1887 году всѣхъ преподавателей было въ республикѣ 104.249, а всѣхъ преподавательницъ—191.439 [1]). Нѣкоторыя женщины имѣли успѣхъ, читая публичныя лекціи. Во многихъ сѣверныхъ городахъ онѣ занимаются медицинской практикой и при нѣкоторыхъ университетахъ для нихъ заведены особыя медицинскія школы. Имъ было труднѣе получить доступъ въ область юридической дѣятельности, однако, ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ, и число женщинъ, посвятившихъ себя адвокатскимъ занятіямъ, повидимому, увеличивается. Нѣсколько женщинъ вступили въ составъ христіанскаго духовенства, по мнѣнію Джемса Брайса,—въ составъ духовенства какихъ-нибудь мелкихъ сектъ, а не главныхъ пяти или шести вѣро-

[1]) Въ южныхъ штатахъ и въ Индіанѣ, гдѣ бѣлые не составляютъ преобладающаго элемента въ населеніи, преподаваніемъ занимаются преимущественно мужчины. Основавшая школу для дѣтей негровъ квакерша дѣвица Prudence Crandall подверглась гоненіямъ и со стороны законодательнаго собранія Коннектикута, и со стороны мѣстныхъ жителей. Вообще же преподаваніе въ начальныхъ школахъ не считается чѣмъ-либо предосудительнымъ даже для дочерей пасторовъ—лицъ весьма уважаемыхъ въ обществѣ—или лучшихъ адвокатовъ.

исповѣданій, отличающихся болѣе консервативнымъ духомъ. Ихъ рѣдко видно въ конторахъ отелей, но онѣ чаще, чѣмъ въ Англіи, занимаютъ должности письмоводителей или секретарей въ департаментахъ государственнаго управленія, въ телеграфныхъ и разныхъ другихъ компаніяхъ, въ конторахъ объявленій и въ разныхъ заведеніяхъ, гдѣ отъ служащихъ не требуется физической силы. Имѣвшій много подписчиковъ „Illinois Law Journal" издавала женщина, но не слышно, чтобы женщины занимались изданіемъ газетъ или инженернымъ дѣломъ.

Такое расширеніе круга дѣятельности женскаго труда могло бы, повидимому, удовлетворить самыхъ притязательныхъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе въ Соединенныхъ Штатахъ возникла агитаціи, мѣстами имѣвшая успѣхъ, въ пользу предоставленія женщинамъ еще и политическихъ правъ. О силѣ этой агитаціи и степени сочувствія американцевъ идеѣ политической равноправности прекраснаго пола легкомысленные новаторы не перестаютъ распространять въ нашемъ обществѣ ложныя представленія, а потому, полагаемъ, многимъ не безъинтересно будетъ ближе ознакомиться съ наблюденіями Джемса Брайса и имъ собранными свѣдѣніями относительно современнаго состоянія „женскаго вопроса" въ Америкѣ.

„Американцы долго вѣрили въ равенство съ гордостью людей, открывшихъ новую истину, и съ рвеніемъ первыхъ ея проповѣдниковъ", тѣмъ не менѣе, даже во времена наивысшаго подъема демократическаго духа, имъ не приходило въ голову, что начала, изложенныя въ „декларація независимости", примѣнимы и къ женщинамъ точно такъ же, какъ къ мужчинамъ. Конвенты и законодательныя собранія штатовъ предоставили женщинамъ болѣе полное право собственности и болѣе выгодное общественное положеніе, чѣмъ то, которымъ онѣ пользовались по англійскому обычному праву, но признанное гражданское равенство женщины не переносилось въ область политики. Правда, два обстоятельства, независимо отъ какихъ бы то ни было теоретическихъ взглядовъ, издавна обезпечивали американской женщинѣ извѣстныя преимущества. Во-первыхъ, въ общинахъ конгрегаціоналистовъ, у пресвитеріанъ и у баптистовъ, т. е. въ главныхъ религіозныхъ общинахъ республики, женщины неизмѣнно пользовались наравнѣ съ мужчиной правомъ выбирать діаконовъ, старшинъ или пасторовъ; во-вторыхъ, между переселенцами, направлявшимися въ западныя страны, жен-

щины сначала были немногочисленны, вслѣдствіе чего мужчины относились къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ, а возникшіе въ то время обычаи не подверглись перемѣнамъ при расширеніи западныхъ общинъ и распространились по всей странѣ. Однако женщины стали предъявлять притязанія на политическое равенство съ мужчинами не ранѣе пробудившагося въ американскомъ обществѣ движенія противъ рабской зависимости негровъ, и основу для этихъ притязаній находили только въ отвлеченномъ понятіи о своихъ правахъ, ссылаясь на Новый Завѣтъ и на „декларацію независимости“. Ихъ аргументы могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ въ формѣ вопросныхъ пунктовъ.

Если всѣ мужчины,—къ какой бы расѣ они ни принадлежали,—равны, то почему же это общее правило не распространяется и на женщинъ? Если равенство есть абсолютная и непреложная истина и признается за основной принципъ, то что же слѣдуетъ подъ нимъ разумѣть? Даетъ ли оно только пассивныя гражданскія права — право на пользованіе свободой и на охрану личности и собственности, или же оно также даетъ право активнаго участія въ управленіи республикой? Мы требуемъ свободы для негровъ, но требуемъ ли мы для нихъ и участія въ управленіи? Если требуемъ, то развѣ женщины не имѣютъ по меньшей мѣрѣ равнаго съ ними права на такое участіе? Если не требуемъ, то поступаемъ такъ потому, что негры такъ невѣжественны и мало развиты, что неспособны пользоваться политическими правами. Но развѣ можно то же сказать о женщинахъ? Соображенія, которыя примѣнимы къ освобожденнымъ неграмъ, не примѣнимы къ женщинамъ, потому что женщины и образованы и способны. На какомъ же основаніи лишаютъ ихъ политическихъ правъ?

Спорный вопросъ былъ выведенъ на практическую почву дѣятельнымъ и самоотверженнымъ участіемъ весьма многихъ женщинъ въ агитаціи аболиціонистовъ. Онѣ, подобно Гаррисону и Ловеджайю, мужественно выносили не только пересуды, но и серьезныя опасности при исполненіи такого долга, который считали священнымъ; онѣ поступали членами въ общества, организованныя съ цѣлью добиться освобожденія негровъ, и массами являлись на конвенты аболиціонистовъ, гдѣ скоро были допущены къ подачѣ голосовъ и къ занятію секретарскихъ и разныхъ другихъ должностей въ обществахъ, хотя самые консервативные изъ аболиціонистовъ возставали противъ

такого расширенія правъ женщинъ и даже отказывались вслѣдствіе этого отъ дальнѣйшаго участія въ агитаціи. Но когда велась борьба съ рабовладѣльцами и ихъ сторонниками, собственно женскій вопросъ былъ отодвинутъ на задній планъ. Онъ выступилъ впередъ и снова сталъ волновать общественное мнѣніе лишь по окончаніи междоусобной войны и послѣ предоставленія неграмъ правъ гражданства. Тогда-то и возникъ вышеприведенный argumentum ad hominem, имѣющій очень большой вѣсъ, въ особенности потому, — замѣчаетъ Джемсъ Брайсъ,—„что американцы чрезвычайно почтительны къ женщинамъ и что американскіе государственные люди вообще отличаются готовностью удовлетворять требованія, предъявляемыя съ неотвязчивой настойчивостью". Горячими защитниками политической равноправности женщинъ явились прогибиціонисты, т. е. противники свободы торговли опьяняющими напитками, въ свою очередь пользующіеся особымъ сочувствіемъ женщинъ. Они имѣютъ основательную причину хлопотать о предоставленіи права голоса женщинамъ, которыя въ избирательной борьбѣ обезпечили бы имъ громадное большинство голосовъ и, слѣдовательно, безспорную побѣду. Основанное женщинами общество трезвости (women's christian temperance union) имѣло многочисленныя развѣтвленія и было въ западныхъ штатахъ самымъ вліятельнымъ противникомъ питейной торговли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время такъ-называемой „войны женщинъ съ водкой", онѣ врывались въ кабаки, наносили торговцамъ оскорбленія, а пьяницъ уговаривали уходить домой [1]). На выборахъ, исходъ которыхъ можетъ быть благопріятенъ или неблагопріятенъ для прогибиціонистовъ, женщины иногда собираются подлѣ зданія, гдѣ происходитъ баллотировка, и распѣваютъ гимны, содержащіе въ себѣ просьбы къ избирателямъ. Въ настоящее время и въ сѣверныхъ, и въ западныхъ штатахъ существуютъ общества, организованныя съ цѣлью отстаивать право женщинъ на участіе въ выборахъ. Конвентъ изъ делегатовъ отъ этихъ обществъ впервые былъ созванъ въ 1848 году и съ тѣхъ поръ собирается ежегодно для поощренія мѣстныхъ агентовъ и для составленія плана дѣйствій. Въ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ нерѣдко горячо отстаиваются проекты о предоставленіи женщинамъ того

[1]) Разумѣется, еслибы рукопашная расправа съ женщинами не осуждалась безусловно народомъ, то подобные набѣги имѣли бы для прекраснаго пола плачевный исходъ.

или другаго способа участія въ выборахъ. Въ каждый конгрессъ вносится проектъ поправки къ федеральной конституціи, предлагающій признать за женщинами право участія въ выборахъ. Но до сихъ поръ ни одна изъ двухъ палатъ конгресса не изъявляла согласія на такую поправку, и до сихъ поръ очень мало надежды на ея утвержденіе тремя четвертями штатовъ [1]). Раза два случалось, что женщины были назначены кандидатами на должность президента республики, но еще ни одна изъ нихъ не могла выставить списка такихъ президентскихъ выборщиковъ, которые обѣщали бы поддерживать ея кандидатуру. Ни въ одномъ штатѣ женщины не пользуются правомъ участія въ выборахъ членовъ мѣстнаго законодательнаго собранія и мѣстныхъ должностныхъ лицъ и, стало быть, онѣ нигдѣ не имѣютъ права участвовать въ федеральныхъ выборахъ. Поправки въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ, предоставляющія женщинамъ это право, были одобрены законодательными собраніями нѣкоторыхъ изъ нихъ, но онѣ повсюду отвергались народомъ очень большимъ числомъ голосовъ. Право участія женщинъ въ выборѣ членовъ законодательныхъ собраній было признано только въ трехъ территоріяхъ [2]), существенное отличіе которыхъ отъ штатовъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ нѣтъ мѣстной конституціи, и, слѣдовательно, нѣтъ народнаго голосованія; но удержалось оно только въ одной изъ территорій—въ Віомингѣ. Въ Утахѣ это право было отнято федеральнымъ статутомъ изъ опасенія, что жены мормоновъ будутъ пользоваться имъ по указанію мужей и такимъ образомъ усиливать партію, отстаивающую многоженство, а въ Вашингтонской территоріи оно было признано недѣйствительнымъ по рѣшенію судовъ и на томъ единственномъ основаніи, что въ заголовкѣ новаго закона не былъ точно указанъ его характеръ, когда же эту поправку сдѣлали, то территоріальный судъ республики, въ 1888 г., объявилъ, что постановленіе конгресса объ организаціи законодательнаго собранія территоріи не уполномочило это собраніе давать женщинамъ право голоса, а потому законъ, изданный съ превышеніемъ власти, не имѣетъ никакой силы.

Послѣ полувѣковой агитаціи, завоеванія американскихъ женщинъ въ области политическихъ правъ сведены къ слѣдующимъ размѣрамъ:

[1]) Безъ чего невозможно никакое измѣненіе федеральной конституціи.

[2]) Вашингтонской, Віомингѣ (нынѣ штатъ) и Утахѣ.

Въ четырнадцати штатахъ [1]) женщинамъ дозволено принимать участіе въ выборѣ школьныхъ должностныхъ лицъ и подавать голоса по нѣкоторымъ вопросамъ, находящимся въ связи съ устройствомъ школъ. Онѣ также пользуются правомъ голоса по касающимся школъ вопросамъ въ 4-хъ территоріяхъ [2]).

Въ вышеупомянутыхъ четырнадцати и въ нѣкоторыхъ другихъ (не менѣе девяти) штатахъ, женщины могутъ быть выбираемы на нѣкоторыя должности по учебному вѣдомству, напр., на должности инспекторовъ и въ члены школьныхъ комитетовъ.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ (напр. въ Индіанѣ и въ Орегонѣ) право голоса въ дѣлахъ, касающихся школъ, предоставлено только женщинамъ, стоящимъ во главѣ семействъ, какъ лицамъ, непосредственно заинтересованнымъ въ томъ, что касается воспитанія дѣтей.

Въ иныхъ же штатахъ (напр., въ Индіанѣ, Мичиганѣ и въ Орегонѣ), для права участія въ голосованіи по школьнымъ вопросамъ,отъ женщинъ требуется небольшой имущественный цензъ, вовсе не существующій для мужчинъ.

Въ двухъ штатахъ—въ Арканзасѣ и въ Миссиссиппи—женщины имѣютъ право подавать голоса (но не лично) по вопросу о выдачѣ патентовъ на торговлю опьяняющими напитками. Билль, предоставляющій женщинамъ точно такое же право въ въ Массачузетѣ и въ Іовѣ, былъ отвергнутъ мѣстными законодательными собраніями въ 1888-мъ году.

Женщины нерѣдко назначаются на маловажныя должности при законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ и территорій; такъ, въ Вашингтонской территоріи, онѣ выбирались въ письмоводители и въ разсыльные то при совѣтѣ, то при палатѣ представителей.

Въ Віомингской территоріи женщины исполняютъ обязанности присяжныхъ засѣдателей въ судахъ. Тѣ же обязанности они исполняли въ Вашингтонской территоріи съ 1884 по 1887 годъ, когда законодательное собраніе, снова предоставляя женщинамъ право голоса на выборахъ, „позабыло“ упомянуть объ ихъ обязанности или правѣ быть присяжными.

---

[1]) Вермонъ, Висконсинъ, Индіана, Канзасъ, Кентуки, Колорадо, Массачузетъ, Мичиганъ, Миннесота, Небраска, Нью-Гемпширъ, Нью-Джерзей, Нью-Іоркъ, Орегонъ.

[2]) Вашингтонъ, Віомингъ, Дакота и Идаго.

Въ одномъ штатѣ—въ Канзасѣ—женщины недавно получили право участія во всѣхъ муниципальныхъ выборахъ въ тѣхъ сельскихъ округахъ или деревняхъ, гдѣ болѣе 500 жителей, а такъ какъ американцы обыкновенно не отдѣляютъ права участія въ выборахъ отъ права быть избраннымъ, то въ одномъ городѣ въ Канзасѣ и городской голова, и многіе (если не всѣ) члены городской думы оказались выбранными изъ среды женщинъ. Въ Канзасѣ женщины начали пользоваться правомъ участія въ муниципальныхъ выборахъ съ апрѣля 1887 года, и, по словамъ Джемса Брайса, „за результатами этого эксперимента всѣ слѣдятъ съ большимъ интересомъ". Однако, предложенія въ томъ же родѣ уже были забаллотированы въ Іовѣ, Массачузетѣ, Мичиганѣ и Нью-Іоркѣ.

Наконецъ, какъ мы уже видѣли, въ территоріи Віомингъ женщины съ 1869-го года пользуются правомъ голоса на выборахъ въ члены законодательныхъ собраній. Любопытно, что онѣ получили это право совершенно неожиданно для предоставившихъ его законодательныхъ палатъ и только благодаря хитрымъ уловкамъ одного человѣка. Объ этомъ удивительномъ событіи такъ разсказывалъ губернаторъ Віоминга, м-ръ Гойтъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ Филадельфіи тринадцать лѣтъ спустя: „Одинъ великодушный віомингскій законодатель сталъ подходить къ членамъ законодательнаго собранія и что-то имъ доказывать. Они, слушая его, улыбались. Но онъ попросилъ одного адвоката помочь ему въ составленіи коротенькаго билля и внесъ этотъ билль на утвержденіе собранія. Когда начались пренія, всѣ члены усмѣхались. Трудно было ожидать, чтобъ изъ этого вышелъ какой-нибудь толкъ, но авторъ билля такъ ловко взялся за дѣло, что обезпечилъ утвержденіе билля достаточнымъ числомъ голосовъ. Онъ говорилъ демократамъ: „У насъ республиканскій губернаторъ, а въ нашемъ собраніи большинство состоитъ изъ демократовъ. Но если мы утвердимъ этотъ билль, а губернаторъ наложитъ на него свое veto, то мы выкажемъ наше великодушіе (относительно женщинъ), ничего не теряя. Но смотрите, никому объ этомъ не говорите". Они дали слово, что будутъ молчать. Вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ республиканцамъ и сталъ ихъ увѣрять, что демократы намѣрены поддерживать его билль, поэтому совѣтовалъ имъ также подавать голоса за билль, если они не хотятъ утратить всякое вліяніе. Они также изъявили свое согласіе. Поэтому, когда дѣло дошло до подачи голосовъ,

билль былъ утвержденъ. Члены съ удивленіемъ посматривали другъ на друга, потому что вовсе не желали утвержденія билля. Они наконецъ разразились хохотомъ: они говорили, что съ ними съиграли ловкую шутку, но что они поставили губернатора въ крайне неловкое положеніе [1]). Билль поступилъ на утвержденіе тогдашняго губернатора Віоминга, Джона Кэмпбелля, и былъ имъ подписанъ [2]).

Такъ перешагнули американцы черезъ одинъ изъ предѣловъ „великодушія“ къ женщинамъ, поставленный ихъ собственнымъ благоразуміемъ. Джемсъ Брайсъ называетъ невѣжественнымъ разбросанное населеніе [3]) Віоминга, состоящее бо̀льшею частію изъ рудокоповъ и бродячихъ земледѣльцевъ крайне разнообразнаго состава. Но тѣмъ характернѣе, что законодательное собраніе даже этого невѣжественнаго населенія не въ мѣру расширило политическія права женщинъ лишь случайно, попавъ въ разставленную ему ловушку. Быть можетъ, однако, женщины Віоминга оказались на высотѣ своего призванія и, случайно получивъ возможность вліять на управленіе дѣлами территоріи и на ходъ правосудія въ ней, доказали благотворность законнаго участія женщинъ въ политической жизни? Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу сторонній наблюдатель и безпристрастный изслѣдователь.

„Американцы, къ которымъ я обращался за свѣдѣніями,— пишетъ Джемсъ Брайсъ,—говорили мнѣ, что присутствіе женщинъ въ судѣ присяжныхъ считается большимъ зломъ и что онѣ не даютъ пощады тѣмъ, кто обвиняется въ азартной игрѣ или въ торговлѣ опьяняющими напитками. Мнѣ также говорили, что лишь немногія изъ женщинъ участвуютъ въ баллотировкахъ. Относительно Віомингской территоріи, гдѣ всего дольше женщины пользовались правомъ голоса и участіемъ въ судѣ присяжныхъ, общіе отзывы сводятся скорѣе къ неблагопріятнымъ для женщинъ выводамъ“. Одинъ изъ самыхъ достойныхъ довѣрія людей писалъ любознательному англичанину:

---

[1]) Вѣроятно, потому, что губернаторъ территоріи не избирается мѣстнымъ населеніемъ, а назначается, съ одобренія сената, президентомъ республики и имъ увольняется отъ должности, федеральное же правительство, какъ мы видѣли, не сочувствовало расширенію политическихъ правъ женщинъ.

[2]) A. P., III, 225.

[3]) Всего 20.789 челов. обоего пола по переписи 1880 года.

„Послѣ того какъ стихло первоначальное возбужденіе умовъ, уже нѣтъ никакой возможности привлечь почтенныхъ (т. е. пользующихся уваженіемъ въ обществѣ) женщинъ къ участію въ голосованіи иначе, какъ разъ въ два или три года по какому-нибудь особенно интересному для женщинъ вопросу въ родѣ запрещенія торговли спиртными напитками или учрежденія обществъ трезвости. Вліяніе на семейную жизнь, повидимому, ничтожно и, конечно, не вредно, но по прошествіи одного или двухъ лѣтъ оказалось, что женщины, принадлежащія къ низшимъ слоямъ общества, гораздо исправнѣе другихъ участвуютъ въ подачѣ голосовъ".

Хотя бостонскій Women's Journal [1]) и увѣряетъ, что женщины Вашингтонской территоріи охотно пользовались своими избирательствами правами, но одинъ американецъ, занимающій высокое положеніе въ мѣстномъ обществѣ, писалъ Брайсу о тѣхъ же женщинахъ, что онѣ „рѣдко пользовались своимъ правомъ участвовать въ баллотировкахъ" и что „бо́льшая часть изъ нихъ была чрезвычайно довольна тѣмъ, что съ нихъ сняли эту обязанность".

„До моего свѣдѣнія,—продолжаетъ далѣе англійскій изслѣдователь,—не дошло никакихъ фактовъ, которые могли бы служить доказательствомъ того, что сфера политической жизни сдѣлалась въ Віомингѣ или въ Вашингтонѣ болѣе нравственно-чистой, чѣмъ въ сосѣднихъ штатахъ и территоріяхъ. О ней можно только сказать, что она не сдѣлалась болѣе грязной, или,—какъ выражаются американцы,—что въ ней все идетъ по-старому, только еще больше по-старому".

Даже къ учебному дѣлу, которое, казалось бы, и болѣе съ руки женщинамъ, и можетъ живо интересовать многихъ изъ нихъ, американскія лэди проявляютъ холодность или относятся безучастно за недостаткомъ досуга. Джемсу Брайсу разсказывали, что въ тѣхъ штатахъ, гдѣ женщины имѣютъ право голоса въ дѣлахъ, касающихся школъ, онѣ крайне рѣдко пользуются этимъ правомъ, частію потому, что относятся равнодушно къ школьнымъ дѣламъ, частію потому, что тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ низшимъ слоямъ общества, не могутъ покидать свое домашнее хозяйство и отправляться въ тѣ пункты, гдѣ происходитъ подача голосовъ. Въ городѣ Миннеаполисѣ, имѣющемъ 200.000 жителей, только двѣ или

[1]) Вводящій въ заблужденіе нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ.

три сотни женщинъ постоянно принимаютъ участіе въ подачѣ голосовъ, а въ Массачузетѣ число женщинъ, участвовавшихъ въ баллотировкахъ, стало быстро уменьшаться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ, для привлеченія сколько-нибудь достаточныхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе образованныхъ женщинъ къ участію въ завѣдываніи школьными дѣлами, американцы пожертвовали даже основнымъ принципомъ демократическаго правленія, установивъ въ нѣкоторыхъ штатахъ небольшой имущественный цензъ для женщинъ. Сборища для подачи голосовъ исправнѣе посѣщаются женщинами изъ простонародья, чѣмъ образованною средою прекраснаго пола.

Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ агитація въ пользу политической равноправности женщинъ едва-ли находила какую-либо поддержку среди тѣхъ классовъ общества, которые можно назвать высшими, а недавно въ Массачузетѣ образовалось общество женщинъ, отстаивающихъ свое безучастіе въ политикѣ (ladies'anti-suffrage league). „Отвращеніе“ американскихъ женщинъ къ политической дѣятельности тѣмъ болѣе сильно, что эта дѣятельность имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ „технический смыслъ, отталкивающій отъ нея людей образованныхъ“. Въ салонахъ считается неприличнымъ разговоръ о политикѣ. На образованное общество не производитъ никакого впечатлѣнія внесенное въ 1884 году партіей прогибиціанистовъ въ свою программу заявленіе, что она, эта партія, „одна признаетъ почетное вліяніе женщинъ и предлагаетъ имъ равныя съ мужчинами права въ завѣдываніи дѣлами націи“. Американскіе публицисты указываютъ на практическое неудобство удвоивать составъ избирательныхъ коллегій и безъ того слишкомъ многочисленный, а большинство вождей двухъ главныхъ партій (республиканцевъ и демократовъ) находитъ, что прибавка громаднаго числа новыхъ избирателей будетъ препятствовать успѣшной дѣятельности партійнаго механизма и внесетъ въ него новый элементъ, вліяніе котораго трудно предугадать и съ которымъ, стало быть, не легко будетъ уживаться. По мнѣнію Джемса Брайса, агитація по женскому вопросу имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ въ Англіи, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, потому что тамъ она встрѣчаетъ для себя такія благопріятныя отрицательныя и положительныя условія, какихъ не находитъ въ Америкѣ. Въ высшемъ англійскомъ обществѣ нѣтъ отвращенія къ политикѣ и никогда, не только среди женщинъ, но

и среди мужчинъ не возникало организованнаго противодѣйствія агитаціи въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Въ Англіи либеральная партія (виговъ), способная увлекаться теоріями и сентиментализмомъ, сочувствовала этой агитаціи, потому что менѣе американскихъ политическихъ партій опасается перемѣнъ и болѣе ихъ расположена всякаго допускать къ пользованію политическими правами; а партія торіевъ стала въ послѣднее время поддерживать ее въ увѣренности, что женщины консервативны въ своихъ стремленіяхъ и, стало быть, будутъ поддерживать англиканскую церковь и вообще всѣ существующія учрежденія. Къ сожалѣнію, мы не могли бы сказать того же о русскихъ женщинахъ, которыя сами считаютъ „радикализмомъ“ выступленіе свое на арену общественной дѣятельности, а свое *не личное* участіе въ земскихъ и городскихъ выборахъ даже не относятъ къ числу политическихъ правъ.

Въ городѣ Вашингтонѣ дѣлались попытки завести политическіе салоны, но общественныя собранія никогда не имѣли въ Соединенныхъ Штатахъ такого важнаго значенія, какъ во Франціи, хотя въ заатлантической республикѣ иногда и случалось, что жена политическаго дѣятеля устраивала карьеру своего мужа, благодаря своему такту и умѣнью пріобрѣтать расположеніе профессіональныхъ политикановъ или членовъ законодательнаго собранія штата. Фешенебельныя американскія дамы ограничиваются заявленіемъ своего сочувствія. Онѣ нерѣдко давали вечера въ честь кандидатовъ на должность президента республики, а нѣкоторыя изъ писемъ, появлявшихся въ газетахъ во время президентской кампаніи 1885 г. въ пользу конвента той или другой партіи, были подписаны женскими именами. Есть еще одна сфера политической дѣятельности, которая, повидимому, пришлась американкамъ по нраву. Въ Вашингтонѣ возникла особая профессія изъ умѣнья склонять членовъ законодательнаго собранія къ утвержденію биллей (въ особенности частныхъ, т. е. касающихся интересовъ частныхъ лицъ или компаній) и къ назначенію на должности, „а такъ какъ,—замѣчаетъ Джемсъ Брайсъ,—умѣнье убѣждать составляетъ характеристическую особенность женскаго пола, издавна признанную поэтами, то женщины и стали заниматься такой профессіей очень дѣятельно и съ большимъ успѣхомъ“.

VI.

Учебное дѣло.—Показная сторона высшаго образованія.—Ложное вліяніе демократическихъ учрежденій.—Американскіе университеты.—Отсутствіе началъ демократическаго и республиканскаго въ строѣ внутренняго управленія университетами.—Три типа.—Религіозный отпечатокъ.— Борьба между правительственными университетами и коллегіями религіозныхъ корпорацій.—„Чатауква".

Въ составѣ исполнительныхъ органовъ національнаго (т. е. федеральнаго) правительства Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ вовсе вѣдомства народнаго просвѣщенія. Лѣтъ двадцать тому назадъ учреждено при департаментѣ внутреннихъ дѣлъ такъ-называемое bureau of education, но его обязанности заключаются только въ собираніи и распространеніи свѣдѣній о состояніи школьнаго дѣла въ странѣ. Завѣдуютъ просвѣщеніемъ правительства отдѣльныхъ штатовъ, каждое въ своихъ территоріальныхъ границахъ. Въ числѣ административныхъ лицъ штата есть коммисаръ по школьнымъ дѣламъ. Онъ избирается народомъ на опредѣленный срокъ, какъ и всѣ должностныя лица. Его обязанности: завѣдывать и руководить учительскими семинаріями и наставниками, читать публичныя лекціи о предметахъ, касающихся воспитанія, наблюдать за правильнымъ расходованіемъ суммъ, назначенныхъ на образованіе юношества, составлять и представлять ежедневные отчеты о положеніи школъ, назначать комитетъ изъ лицъ, которыя должны экзаменовать учителей [1]). Другія должности по непосредственному управленію публичными школами и преподаванію въ нихъ замѣщаются народомъ посредствомъ баллотировки предложенныхъ избирательными коллегіями кандидатовъ, нѣкоторыя же лица учебнаго персонала назначаются губернаторомъ или законодательнымъ собраніемъ. Учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ учреждаются законодательными собраніями, корпораціями и частными лицами; для ихъ открытія и для программъ преподаванія вовсе не требуется правительственнаго разрѣшенія; хартіи законодательныхъ собраній испрашиваются только для права выдавать дипломы, и законъ обязываетъ учебныя заведенія не уклоняться отъ цѣлей, указанныхъ ихъ основателями,

[1]) Коммисаръ получаетъ обыкновенно 2.000 долларовъ жалованья въ годъ.

а судебная практика установила за правило, что даже порядокъ внутренняго управленія ими не подлежитъ измѣненіямъ не только по волѣ частныхъ или правительственныхъ лицъ, но и въ силу биллей законодательныхъ собраній.

Замѣчательно рѣшеніе верховнаго суда по дѣлу Дартмутской коллегіи, состоявшееся еще въ 1818 году. Названная коллегія существовала въ качествѣ корпораціи, на основаніи хартіи, пожалованной въ 1769 году британскою короною ея попечителямъ въ Нью-Гемпширѣ. Эта хартія предоставляла попечителямъ безусловное право управлять коллегіей, замѣщать всѣ открывающіяся въ ихъ собственной средѣ вакансіи, удалять и назначать наставниковъ. Въ ней также было сказано, что число попечителей никогда не должно превышать двѣнадцати. Но послѣ революціи законодательное собраніе Нью-Гемпшира постановило, въ видахъ улучшеній въ коллегіи, увеличить число попечителей до двадцати одного, предоставить назначеніе дополнительныхъ членовъ исполнительной власти штата и учредить собраніе надсмотрщиковъ изъ двадцати пяти лицъ съ назначеніемъ двадцати одного изъ нихъ также исполнительною властью Нью-Гемпшира; кромѣ того, надсмотрщикамъ дано было право контролировать самыя важныя распоряженія попечителей. Верховный судъ нашелъ, что законодательное собраніе, нарушивъ хартію, тѣмъ самымъ нарушило основной законъ, изложенный въ ст. 1 § 10 федеральной конституціи, ибо королевская хартія, въ сущности, была договоромъ между короной, имѣвшей въ то время въ своихъ рукахъ верховную власть, и попечителями коллегіи, а означенная статья конституціи воспрещаетъ штатамъ издавать законы, нарушающіе обязательную силу договоровъ [1]).

Въ большей части американскихъ штатовъ закономъ еще не признана необходимость откладывать въ сторону распоряженія основателей учебныхъ заведеній въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства измѣнились или когда распоряженія эти оказываются недостаточно обдуманными. Между тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и Джемса Брайса [2]), если пожертвованія на учебныя заведенія будутъ и впредь увеличиваться такъ, какъ они увеличивались до сихъ поръ, то прине-

[1]) Рѣчь члена верховнаго суда Миллера, произнесенная въ 1884 г. въ мичиганскомъ университетѣ.—A. P., I, стр. 473—475.

[2]) A. P., III, стр. 356.

сутъ очень сомнительную пользу, если законъ не разрѣшитъ не стѣсняться распоряженіями основателей.

Американцы Соединенныхъ Штатовъ очень гордятся огромнымъ числомъ учрежденныхъ въ ихъ странѣ университетовъ. Изъ отчета education bureau за $188^5/_6$ учебный годъ видно, что всѣхъ заведеній, раздающихъ ученыя степени, было въ республикѣ 345; въ нихъ состояло 4.670 профессоровъ и 67.623 учащихся. Но приведенныя цифры ниже дѣйствительныхъ, потому что нѣкоторыя заведенія вовсе не представляютъ отчетовъ, а принуждать ихъ къ представленію отчетовъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ федеральное правительство не имѣетъ права мѣшаться въ ихъ дѣла. Въ общій списокъ не включены и заведенія, въ которыхъ получаютъ высшее образованіе только женщины, а такихъ заведеній насчитывалось за 1887 годъ 204, причемъ въ отчетѣ bureau of education сказано, что около двухъ третей этихъ заведеній уполномочены закономъ выдавать дипломы на ученыя степени [1]) Кромѣ того, въ отчетахъ перечислены какъ высшія учебныя заведенія:

Школы научныя	90	съ	974	преподавателями и	10 532	учащимися
„ богословскія	142	„	803	„	„ 6.344	„
„ юридическія	49	„	283	„	„ 3.054	„
„ медицинск. [2])	175	„	2 829	„	„ 16.407	„
Итого . . .	456	„	4 889	„	„ 36.337	„

Эти цифры производятъ чарующее впечатлѣніе на американцевъ, а панегиристы демократіи стараются угодить публикѣ заявленіями, что такихъ блестящихъ результатовъ „новѣйшая наука“ достигла въ ихъ странѣ благодаря существующей формѣ правленія. Еще недавно президентъ Гарвардскаго университета—одного изъ лучшихъ въ республикѣ—Карлъ Эліотъ услаждалъ слухъ американскихъ гражданъ слѣдующею рѣчью:

„Щедрой тратой умственной и нравственной энергіи сопровождалось введеніе и развитіе системы высшаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ; это дѣлалось безъ помощи унаслѣдованныхъ отъ

[1]) Званія баккалавра и магистра считаются неумѣстными для женщинъ. Гильманъ, президентъ университета Джона Гопкина, перечисляетъ слѣдующія ученыя степени, раздаваемыя въ женскихъ заведеніяхъ aureate of science, proficient in music, maid of philosophy. mistress of polite literature, mistress of music.

[2]) Со включеніемъ зубоврачебныхъ и фармацевтическихъ, а также 13 заведеній (съ 212-ю преподавателями и 1.103 учащимися) для гомеопатовъ.

монастырей доходовъ, безъ помощи пожертвованій со стороны царствующихъ особъ и высшаго духовенства, располагающихъ большими денежными ресурсами, которые доставляются имъ государствомъ, и даже при помощи очень незначительныхъ субсидій изъ общественныхъ суммъ. Всякій, кто близко знакомъ съ гимназіями и университетами Соединенныхъ Штатовъ, знаетъ, что надъ созданіемъ этихъ демократическихъ (!) учрежденій тысячи людей трудились въ теченіе всей своей жизни. Отказавшись отъ всякихъ другихъ цѣлей въ своей жизни, эти наставники и уполномоченные мужественно выносили тяжелыя разочарованія, чтобы создать учрежденія, которыя, несмотря на свои несовершенства, поддерживали энтузіазмъ къ наукѣ, внушали любовь къ отечеству, къ литературѣ и къ искусствамъ, укрѣпляли чувство чести и сознаніе общественныхъ обязанностей и постоянно имѣли въ виду тѣ нравственные идеалы, которые такъ высоко цѣнитъ демократія (!). Это было народное дѣло, успѣху котораго содѣйствовало при нѣсколькихъ поколѣніяхъ множество людей своими денежными пожертвованіями или своимъ трудомъ. То, что американскія воспитательныя заведенія, библіотеки и музеи снабжены постоянными доходами на средства частныхъ лицъ, есть такое явленіе, которому нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго и которое слѣдуетъ приписать вліянію демократическихъ учрежденій (!)“.

Примѣняясь къ подобнымъ взглядамъ на пожертвованія частныхъ лицъ, нашего барона Штиглица и тайнаго совѣтника С. С. Полякова, стремившагося, хотя и тщетно, къ наслѣдственнымъ преимуществамъ, слѣдовало бы считать самыми ревностными демократами. Что касается собственно Гарвардскаго университета, то лицо, имя котораго носитъ этотъ университетъ, не было, въ сущности, ни его учредителемъ, ни даже иниціаторомъ учрежденія. Еще въ 1636 году главный совѣтъ колоніи Массачузетъ-Бэй постановилъ: „назначить 400 ф. ст. на школу или коллегію; изъ нихъ 200 фунтовъ уплатить въ слѣдующемъ году, остальные 200, когда работы будутъ кончены, а слѣдующему совѣту предоставить рѣшеніе, гдѣ и какое зданіе слѣдуетъ построить“; въ 1837 году совѣтъ назначилъ коммисію изъ двѣнадцати членовъ „для устройства коллегіи въ Ньютаунѣ“, въ трехъ миляхъ отъ Бостона, и лишь въ слѣдующемъ году, передъ своею смертію, пуританскій пасторъ Джонъ Гарвардъ, получившій ученую степень въ англійскомъ Кембриджскомъ университетѣ, завѣщалъ половину своего состоянія (около 1.000 фунтовъ) на основаніе коллегіи въ бывшемъ американскомъ городѣ Кембриджѣ, тогда только-что переименованномъ въ Ньютаунъ. Коллегіи присвоено названіе Гарвардской потому, что Гарвардъ пожертвовалъ на ея

основаніе слишкомъ вдвое болѣе той суммы, которая была ассигнована колоніальнымъ совѣтомъ. Организованная по образцу Эммануэль-коллегіи, куда часто поступали пуритане—студенты Кембриджскаго университета и гдѣ воспитывался и самъ Гарвардъ [1]), новая коллегія немедленно поступила подъ покровительство зарождавшагося штата Массачузетъ, а въ настоящее время достигла такого развитія, что сдѣлалась самымъ знаменитымъ университетомъ на сѣверо-американскомъ континентѣ.

Было бы, однако, несправедливо умалять значеніе частныхъ пожертвованій американцевъ на учебное дѣло; они многочисленны и достигаютъ иногда очень крупныхъ размѣровъ. Джонъ Гопкинъ пожертвовалъ 700.000 фунтовъ (4.410.000 р. золотомъ) на университетъ, основанный имъ въ Балтиморѣ. Тюланъ—около 1½ милл. рубл. на университетъ въ Новомъ Орлеанѣ. Эздра Корнелль, всю жизнь свою испытывавшій неудобства отъ недостатка собственныхъ знаній, удѣлилъ изъ нажитаго имъ состоянія на дѣло науки болѣе 600.000 рубл.; извѣстны имена нью-іоркскаго богача Жирара, калифорнскаго сенатора Леланда Станфорда, пожертвовавшаго большую сумму на основаніе новаго университета въ Пало-Альто, и многихъ другихъ. Такой способъ прославленія своего имени всегда вызываетъ признательность населенія, сознающаго пользу науки. Отъ частныхъ лицъ не отставали ни правительство штатовъ, ни духовныя конгрегаціи. Но учрежденныя ими и вновь учреждаемыя во множествѣ высшія учебныя заведенія, раздающія ученыя степени, далеко не соотвѣтствуютъ теперешнему понятію объ университетѣ. „Если подъ университетомъ,—говоритъ Джемсъ Брайсъ,—мы будемъ разумѣть такое заведеніе, въ которомъ высшее преподаваніе знакомитъ учащагося со всѣми добытыми наукою свѣдѣніями по какому-нибудь обширному отдѣлу умственной жизни, то мы найдемъ между американскими заведеніями не болѣе двѣнадцати или даже не болѣе *восьми* или *девяти*, которыя подойдутъ подъ наше опредѣленіе. Почти всѣ такія заведенія находятся въ штатахъ, прилегающихъ къ берегамъ Атлантическаго океана“. Большинство возникло изъ

---

[1]) Въ промежутокъ времени между 1620 и 1647 годами въ Новую Англію переселилось около 100 англичанъ, получившихъ въ своемъ отечествѣ ученыя степени; изъ нихъ три-четверти воспитывались въ Кембриджскомъ университетѣ. A. P., III, 328.

коллегій; таковы университеты: *Гарвардскій*, *Йельскій* въ Нью-Гевенѣ въ Коннектикутѣ, *Принстонскій* въ Нью-Джерзеѣ, *Броунскій* въ Родъ-Исландѣ и *Колумбійскій* подлѣ Нью-Іорка (носящій и теперь названіе Columbia, College, вмѣсто прежняго King's College); кромѣ старѣйшаго Гарвардскаго, всѣ поименованные университеты (первоначально коллегіи) основаны въ началѣ и въ половинѣ XVIII столѣтія. Послѣ революціи новыя воззрѣнія на этотъ предметъ обнаружились прежде всего въ основаніи—по настоянію Джефферсона [1]) — университета въ Виргиніи, имѣвшаго болѣе сходства съ университетами европейскаго континента, чѣмъ съ англійскими коллегіями. Къ этому образцу принадлежатъ и новѣйшіе университеты: *Корнелскій* въ Итакѣ, въ западной части штата Нью-Іорка, и *Джона Гопкина*. Университеты западныхъ штатовъ задаются широкими программами, но ни образованіе, получаемое въ нихъ студентами, ни достоинства ихъ профессоровъ не даютъ имъ возможности исполнить то, что обѣщаютъ ихъ программы. „Это—университеты по замыслу, но не на дѣлѣ". Тридцать или сорокъ старыхъ коллегій Новой Англіи отличаются сильною отсталостію: въ нихъ преподаваніе ограничивается традиціонными лекціями,—такими же, какія читались лѣтъ тридцать тому назадъ,—по литературѣ и нѣкоторымъ профессіональнымъ знаніямъ; все, что они могутъ сдѣлать, это—приготовить учащагося къ профессіи юриста или богослова. Такъ называемыя высшія учебныя заведенія, числомъ до *трехсотъ*, по результатамъ получаемаго въ нихъ образованія, должны быть отнесены къ разряду простыхъ школъ. Семьдесятъ или восемьдесятъ изъ нихъ еще отличаются даровитостію преподавателей и берутся учить только тому, чему могутъ учить; остальныя же, по мнѣнію просвѣщеннаго англичанина, лучше бы сдѣлали, еслибы отказались отъ права раздавать ученыя степени и ограничились школьнымъ преподаваніемъ. На западѣ и на югѣ очень много такихъ небольшихъ коллегій: въ Иллинойсѣ 25, въ Теннеси 18, въ Кентуки 12, въ Огіо болѣе 33. Университетъ въ главномъ городѣ Огіо, въ Колумбѣ, повидимому, лучше другихъ снабженъ всѣмъ необходимымъ: въ немъ 26 преподавателей; но изъ его студентовъ 141 находятся въ приготовительномъ отдѣленіи, только 34 въ классическомъ и 29 въ научномъ. Университеты въ Оберлинѣ,

[1]) Третьяго президента республики (1801—1809).

Вустерѣ и Маріеттѣ имѣютъ болѣе значительное число студентовъ, но и въ нихъ большинство учащагося юношества занимается въ приготовительномъ отдѣленіи. Въ дѣйствительности, ни въ Огіо, ни въ Иллинойсѣ,—въ которыхъ населеніе доходитъ до семи милліоновъ,—нѣтъ ни одного первоклассnаго учебнаго заведенія. Тринадцать южныхъ штатовъ [1]) имѣютъ 92 такъ называемыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но между ними, за исключеніемъ университета, основаннаго во времена Томаса Джефферсона, нѣтъ ни одного первоклассnаго, а получаемому въ нихъ образованію вредитъ то обстоятельство, что они принимаютъ воспитанниковъ плохо подготовленныхъ [2]); ниже всякой критики—арканзасскія коллегіи. Югъ въ этомъ отношеніи далеко отсталъ отъ другихъ частей страны. Въ немъ имѣется нѣсколько коллегій, основанныхъ лицами духовнаго званія только для негровъ, но, какъ мы видѣли въ гл. IV, онѣ составляютъ совершенно излишнюю для чернокожаго населенія роскошь.

Университеты, основанные въ послѣднее время на западѣ республики самими штатами, открыты, на основаніи закона, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, но съ тѣмъ, чтобы число послѣднихъ было меньше числа мужчинъ. На востокѣ же преобладаетъ убѣжденіе, что совмѣстное обученіе двухъ половъ не желательно съ точки зрѣнія строгаго соблюденія приличій и того, что называется „болѣе сложной цивилизаціей“ старыхъ штатовъ. Между коллегіями, основанными исключительно для женщинъ, самыми лучшими и самыми цѣлесообразными Джемсъ Брайсъ считаетъ: Веллеслея [3]) и Смита въ Массачузетѣ, Вассарскую въ Паугкипси (въ штатѣ Нью-Іоркъ) и Вгуп Mawr въ Пенсильваніи. Всѣхъ же женскихъ коллегій, какъ мы видѣли выше, 204, но всѣ онѣ, за исключеніемъ четырехъ или пяти, ничто иное, какъ простыя школы. Въ нихъ обращается болѣе вниманія на изученіе новыхъ языковъ, чѣмъ на преподаваніе

---

[1]) Ихъ всѣхъ 16, но не приняты въ разсчетъ Миссури, Мариландъ и Делаваръ.

[2]) Быть можетъ, одинъ только недавно основанный въ Новомъ Орлеанѣ университетъ (Tulane), располагающій доходомъ съ капитала въ 2.000.000 долл., возвысится до одного уровня съ первоклассными заведеніями.

[3]) Въ 1885—6 уч. году эта коллегія имѣла 250 учащихся съ 75 профессорами (изъ нихъ мужчинъ только 14) Доходъ коллегіи съ ей принадлежащей собственности—23.000 долл.

языковъ древнихъ (латинскаго и греческаго), и предоставлена учащимся болѣе широкая, нежели въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, свобода въ выборѣ рода занятій. Гарвардскій университетъ учредилъ нѣчто въ родѣ особаго факультета для женщинъ, въ которомъ читаютъ лекціи университетскіе профессора.

Ни одинъ изъ американскихъ университетовъ не управляется, подобно университетамъ Оксфордскому и Кембриджскому, только лицами, получившими въ немъ ученую степень, или, подобно шотландскимъ университетамъ (до постановленія 1858 г.), только совѣтомъ своихъ преподавателей. Университеты (или коллегіи) правительственные обыкновенно находятся въ завѣдываніи комитета такъ называемыхъ регентовъ, которые иногда выбираются народнымъ голосованіемъ, иногда назначаются губернаторомъ или законодательнымъ собраніемъ штата. Всѣ остальные университеты и коллегіи управляются комитетами регентовъ или уполномоченныхъ, которые иногда сами замѣщаютъ открывающіяся въ ихъ средѣ вакансіи, а иногда назначаются какою-нибудь религіозною корпораціей или какою-либо другою внѣшнею властію. Управленіе Гарвардскаго университета возложено на комитетъ изъ семи членовъ, замѣщающихъ открывающіяся вакансіи по своему усмотрѣнію; этотъ комитетъ носитъ названіе „корпораціи“ [1]) и завѣдуетъ собственностью университета; надзоръ за системой преподаванія возложенъ на „комитетъ инспекторовъ“, которые прежде назначались законодательнымъ собраніемъ, а въ настоящее время назначаются лицами, получившими ученыя степени; подробности преподаванія и дисциплина предоставлены вѣдомству факультета. Президенты коллегіи пользуются почти монархическою властью по отношенію къ профессорамъ и студентамъ, а въ обществѣ—почетомъ и вліяніемъ. Въ прежнее время они обыкновенно принадлежали къ духовному званію даже и въ такихъ коллегіяхъ, которыя не были основаны религіозными корпораціями, и занимали каѳедры умозрительной и нравственной философіи. Когда лицо свѣтскаго званія въ 1828 году было выбрано въ президенты Гарвардской коллегіи, то духовенство усмотрѣло въ этомъ посягательство на свои права. Въ университетахъ Йельскомъ (Yale), Принстонскомъ и Броунскомъ президенты и до сихъ поръ избираются

[1]) Техническое ея наименованіе: „Президентъ и члены Гарвардской коллегіи“.

изъ лицъ духовнаго званія, въ штатѣ Огіо изъ 33 коллегій 15 имѣютъ своими президентами такихъ же лицъ; но самые большіе изъ восточныхъ университетовъ и университеты западныхъ штатовъ обыкновенно управляются мірянами. Во всемъ строѣ внутренняго управленія американскихъ университетовъ, съ сильною властью президента во главѣ, трудно усмотрѣть не только демократическое, но и республиканское начало, и Джемсъ Брайсъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „въ этомъ отношеніи точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ, Америка является менѣе республиканской страной, чѣмъ Англія“ [1]). Одинъ французскій изслѣдователь, изучавшій по порученію своего правительства постановку дѣла высшаго образованія за океаномъ, находитъ, что и по своему приспособленію къ различнымъ классамъ населенія, и по размѣрамъ платы за слушаніе лекцій, американскіе университеты и коллегіи принадлежатъ къ тремъ различнымъ типамъ: аристократическому, буржуазному и народному. Представительницею перваго изъ нихъ служитъ коллегія Пибоди, извѣстная подъ названіемъ Berkerley School. Студенты этой коллегіи за одно только право слушанія лекцій платятъ по 500 рубл. золотомъ въ годъ. Различные виды спорта играютъ въ ихъ занятіяхъ первенствующую роль, какъ и въ коллегіяхъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ. Представителемъ буржуазнаго типа можетъ служить Принстонскій университетъ, студенты котораго не посѣщаютъ фешенебельнаго общества и считаются грубыми, неотесанными; здѣсь плата за слушаніе лекцій гораздо умѣреннѣе. Народными по преимуществу, т. е. доступными для малодостаточныхъ классовъ, могутъ быть названы университеты, находящіеся въ завѣдываніи штатовъ, какъ Корнельскій и Мичиганскій [2]), гдѣ допускается безплатное слушаніе лекцій, и нѣкоторые изъ правительственныхъ университетовъ на западѣ, гдѣ не требуютъ отъ студентовъ никакой платы [3]). Въ Соединенныхъ Штатахъ очень значительно

---

[1]) А. Р., III, 335.

[2]) Въ Мичиганскомъ университетѣ студентъ, принадлежащій къ числу жителей штата, платитъ при вступленіи 10 долл. и ежегодно по 20 долл. въ литературномъ отдѣленіи и по 25 въ другихъ отдѣленіяхъ. А. Р., III, 347.

[3]) „Universités transatlantiques“ par P. de-Coubertin, Paris. Hachette 1890.

число коллегій, располагающихъ запасными капиталами, изъ которыхъ выдаются вспомоществованія нуждающимся студентамъ. Нѣкоторыя коллегіи имѣютъ особый фондъ для выдачи студентамъ денежныхъ ссудъ, которыя впослѣдствіи возвращаются (не такъ, какъ у насъ). Президентъ республики Гарфильдъ, умершій въ 1881 году, окончилъ свое образованіе въ Williams College, благодаря ссудамъ изъ такого фонда. Религіозныя корпораціи нерѣдко выдаютъ вспомоществованія даровитымъ юношамъ, готовящимся къ поступленію въ духовное званіе, но сдѣланная въ Корнельскомъ университетѣ попытка доставлять студентамъ прибыльныя занятія имѣла очень сомнительный успѣхъ [1]).

Многіе изъ американскихъ университетовъ и бо́льшая часть небольшихъ коллегій принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ denominational. Это слово означаетъ въ Америкѣ, что учебное заведеніе было основано которою-нибудь изъ христіанскихъ церквей и сохраняетъ въ нѣкоторой мѣрѣ связь съ этою церковью или подчиняется ея вліянію. Гарвардскій университетъ до сихъ поръ сохраняетъ легкій отпечатокъ унитаріанизма, а на его богословскомъ факультетѣ всегда есть между профессорами одно или два лица духовнаго званія изъ унитаріевъ. Йельскій университетъ всегда держалъ сторону конгрегаціоналистовъ; его хартія предписываетъ, чтобъ въ числѣ его уполномоченныхъ было десять лицъ духовнаго званія изъ конгрегаціоналистовъ; его президентомъ всегда было лицо духовнаго званія той же секты, президентомъ же Броунскаго университета всегда назначается лицо духовнаго званія изъ баптистовъ. Принстонскій университетъ носитъ еще болѣе рѣзкій отпечатокъ пресвитеріанизма, а у приверженцевъ епископальной церкви есть нѣсколько коллегій, въ которыхъ мѣстный епископъ принадлежитъ къ числу уполномоченныхъ. Во всѣхъ старыхъ университетахъ и въ бо́льшей части новыхъ есть капеллы, въ которыхъ регулярно совершается богослуженіе, произносятся ежедневно краткія молитвы, а по воскресеньямъ совершается церковная служба два раза. Въ бо́льшей части учебныхъ заведеній каждый студентъ долженъ присутствовать при богослуженіи, если только этому не препятствуютъ его религіозныя убѣжденія. Даже между новыми правительственными университетами, не придерживающимися никакого исключительнаго вѣроисповѣданія, есть такіе, которые, подобно Ми-

[1]) A. P., III, 347—348

чиганскому университету, ежедневно созываютъ учащихся на молитву. Повсемѣстно распространено мнѣніе, что университетъ долженъ быть религіознымъ заведеніемъ въ широкомъ значеніи этого слова.

Въ настоящее время ведется борьба въ центральныхъ и западныхъ штатахъ между большими университетами, находящимися въ вѣдѣніи штатовъ, и коллегіями религіозныхъ корпорацій. Послѣднія утверждаютъ, что вслѣдствіе несектаторскаго характера подвѣдомственныхъ штатамъ заведеній и вслѣдствіе широкой свободы, предоставленной воспитанникамъ этихъ заведеній, тамъ нельзя получить вполнѣ удовлетворительнаго нравственнаго и религіознаго образованія. Именно этою борьбою и соперничествомъ между религіозными корпораціями объясняется тотъ прискорбный фактъ, что новыя школы основываются тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе нѣтъ надобности и гдѣ было бы полезнѣе истратить деньги на улучшеніе уже существующихъ школъ. Страсть къ „изобрѣтеніямъ“ въ школьномъ дѣлѣ разжигается все сильнѣе и сильнѣе, а законодательныя собранія, страха іудейска ради, удовлетворяютъ самымъ причудливымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи. Такъ, нью-іоркское законодательное собраніе недавно выдало хартію собранію „Чатауквы“—чему-то среднему между университетомъ и религіозными сходками подъ открытымъ небомъ.

А. М—СКІЙ.

(*Оконч. въ слѣд. №-рѣ*).

*
* *

Ты память прошлаго такъ ярко воскресила:
Я снова рвусь туда, гдѣ жизнь безъ думъ текла,
Гдѣ первая любовь мой первый стихъ сложила
И первую мечту въ душѣ моей зажгла.

Глубокіе пески... кругомъ лѣса густые,
Сосновые лѣса, душистые весной,
А дальше—пажити янтарно-золотыя
И свѣтлая рѣка, бѣгущая змѣей.

За нею—темный паркъ, рѣзная кровля дома...
А вотъ и шаткое, скрипучее крыльцо
Въ нашъ садъ, гдѣ каждая тропинка мнѣ знакома
И каждое знакомо деревцо.

О, родина! За все: за свѣтлыя мгновенья,
За жаръ души, которымъ я горю,
За то, что вновь обрѣлъ здѣсь вдохновенье—
Какъ нѣжный сынъ, тебя благодарю!

Моя мечта, по свѣту грустно рѣя
И воплощая грусть въ пѣвучій стихъ,
Неслась сюда, любовью пламенѣя
Къ твоимъ лѣсамъ, къ сіянью зорь твоихъ!

Шумите же, родимыя дубровы,
Ликуйте же, весенніе цвѣты!
Передо мной они возстали снова—
Минувшихъ дней роскошныя мечты!

М. К.

НАВОДНЕНІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Наводненія въ Петербургѣ принадлежатъ къ разряду тѣхъ грозныхъ явленій, о которыхъ говорятъ и пишутъ только въ моментъ ихъ возникновенія, т. е. пока „громъ не грянетъ". Говоръ и скрипъ перьевъ прямо пропорціональны подъему воды въ Невѣ, а вслѣдъ за этимъ и память обратно пропорціональна вѣрѣ въ *авось*. Будь наводненія Петербурга такъ же регулярны, какъ приливы въ Бельгіи и Голландіи, то столица Россіи устроила бы кругомъ себя крѣпкія плотины и жила бы спокойно ниже воды при SW штормахъ. Теперь же всякій ждетъ, что *авось* бѣда минуетъ, и отъ убытковъ Богъ избавитъ; постройка же плотины, — это такая трата, про которую нельзя сказать, что *авось* она дешево обойдется. Къ тому же Голландія — страна богатая, а столица Россіи городъ бѣдный; Голландію зальетъ, такъ тамъ и спрятаться негдѣ, погибнешь; а въ Петербургѣ, залѣзъ на печку и сиди, пока вода не отхлынетъ. Въ Голландіи вода въ приливѣ доходитъ до 23 футовъ, да волны поднимаются на 10 футовъ, такъ тамъ есть изъ чего хлопотать. У насъ же максимальное наводненіе отъ 1703 года было всего 13½ футовъ. Финскій заливъ понижается въ сто лѣтъ на 2 фута, мусоръ столицы поднимаетъ грунтъ города на 3 фута, въ сто лѣтъ. такъ авось Петербургъ доживетъ и безъ плотины до того уровня, что никакіе максимумы ему не будутъ страшны.

Но есть и другая группа обывателей, которая не вѣритъ въ спасительное авось и желала бы знать, дѣйствительно ли въ 1824 году былъ maximum, выше котораго вода не можетъ подняться, а также чѣмъ гарантированы берега Финскаго залива, что они не будутъ опускаться такъ же, какъ они теперь поднимаются? Петербургъ съ 24-го года выросъ населеніемъ въ четверо, а затратой капитала на постройки—въ десятеро. Можно

ждать, что ростъ его не остановится, пока столицу Россіи не переведутъ въ другое мѣсто. И если въ 1824 году маленькій Петербургъ голодалъ недѣлю безъ хлѣба, то при милліонномъ населеніи, когда размоетъ всѣ печи въ пекарняхъ и подтопитъ все, чѣмъ люди питаются, то вопросъ обывателей дѣлается заслуживающимъ вниманія.

Послѣ наводненія 1824 года корпусу офицеровъ путей сообщенія была задана тема: начертать работы, могущія защитить Петербургъ отъ наводненія. Работы производились подъ руководствомъ полковника Дестрема, практическаго рѣшенія не имѣли, и въ отчетѣ объ проектахъ было только сказано: „Трудность дѣла и занимательные вопросы, входящіе въ оное, представляли полезнѣйшее занятіе остроумію и раскрытію познаній молодыхъ офицеровъ“. Отчетъ объ этихъ проектахъ отзывался, что сооруженія отъ наводненія доставятъ безчисленныя выгоды; они послужатъ постоянными мостами для сообщенія разныхъ частей города, дадутъ способъ углубить ходовой путь Невы въ ея устьѣ, и сильными стремленіями воды въ каналы доставятъ средство содержать ихъ въ надлежащей исправности, не прибѣгая къ многостоющему прочищенію, которое заражаетъ воздухъ. Изъ выполненныхъ сооруженій того времени можно указать на Обводный каналъ, который полезенъ для судоходства, но который никакъ защитить Петербургъ отъ наводненія не можетъ.

Рядомъ съ инженерами путей сообщенія занимались разрѣшеніемъ и сторонніе любители головоломныхъ вопросовъ. Къ числу любителей, получившихъ одобреніе, относился саперный капитанъ Николай Ивановичъ Панаевъ. Его проектъ отличался простотой и дешевизной. Принимая наводненіе 1824 года за maximum, онъ предлагалъ главную часть Петербурга, расположенную на лѣвомъ берегу Невы, окружить валомъ. Валъ этотъ долженъ былъ начинаться отъ того мѣста фарфороваго завода, гдѣ лѣвый берегъ на столько высокъ, что вода на него не выливалась. Доходилъ этотъ земляной валъ до Литейнаго завода, который стоялъ на берегу Невы, въ концѣ Литейнаго проспекта. Отъ этого мѣста начиналась гранитная набережная, которая должна была возвыситься тесаннымъ камнемъ на гидравлическомъ цементѣ. Отъ конца гранитной набережной до рѣчки Екатерингофки шелъ опять земляной валъ, который поворачивалъ по лѣвому берегу этой рѣчки, доходилъ до взморья

и упирался въ то возвышенное мѣсто, до котораго вода не поднималась.

Всѣ входы и выходы рѣкъ и каналовъ этой части Петербурга снабжались по проекту особыми затворами, посредствомъ которыхъ высокую воду изъ Невы и со взморья можно было не впускать въ канавы и регулировать такъ, чтобы эта же вода, при убыли на взморьѣ, очищала рѣки, канавы и сточныя трубы. Трубы эти въ свою очередь запирались особыми клапанами. Проектъ этотъ разработанъ былъ только для лѣваго берега Невы; но онъ давалъ модель для такого же устройства Охты и Выборгской стороны, а затѣмъ и острововъ, если на нихъ жизнь и богатства на столько разовьются, что будутъ стоить затратъ.

По мѣрѣ вздорожанія огородной земли, прилегающей къ Петербургу, владѣльцы ея насыпали валы со стороны взморья, прокапывали канавы, навозили землю, и наконецъ такъ ее устроили, что стали за десятину получать по 300 руб. аренды въ годъ. Но эти дешевые земляные валы, высотою въ 5 футъ, и заложеніемъ въ сажень, защищаютъ отъ наводненія только въ 3 и 4 фута выше ординара; что же касается до подъема воды въ 6 футовъ, который бываетъ въ 4 года разъ, то дешевые валы тутъ безсильны, ихъ прорываетъ, затопляетъ соленой водой огороды, губитъ коренья и овощи, пропадаютъ трудъ и деньги. Страхованія отъ наводненія у насъ не существуетъ, а поэтому рискъ огородниковъ понижаетъ арендную плату, а порча овощей поднимаетъ ихъ цѣну, и населеніе должно *ежедневно* приплачивать за необходимые продукты. Приплаты эти хотя не выше копѣйки, но такъ какъ ихъ дѣлаетъ *ежедневно каждый* житель, то сумма этихъ лишнихъ расходовъ давно бы окупилась столицѣ, еслибы она воздвигла прочные и высокіе валы отъ моря. Если же къ этому приложить ту порчу овощей и кореньевъ, которая происходитъ отъ потопленія ихъ въ подвалахъ, то умолчаніе о валахъ Н. И. Панаева дѣлается страннымъ. Большинство наводненій совпадаетъ съ осеннимъ временемъ, когда овощи спѣлы и зеленьщики дѣлаютъ запасы на зиму, и порча этихъ запасовъ уже не можетъ быть во-время пополнена изъ окрестныхъ огородовъ Петербурга. Разомъ на всю столицу овощей не привезешь, а возить ихъ во время морозовъ нельзя, потому что у насъ нѣтъ приспособленныхъ для этого вагоновъ. Здѣсь говорится только о невинной отрасли обывательскаго хозяйства, но оно наво-

дить мысль на другіе запасы, которые точно также хранятся въ погребахъ, подвалахъ, ледникахъ и вообще низкихъ мѣстахъ, подверженныхъ наводненію. Гибель и порча всей этой массы запасовъ кромѣ того, что лишаетъ значительныхъ капиталовъ, повергаетъ милліонное населеніе въ затрудненіе, тѣмъ болѣе опасное, что оно совпадаетъ съ окончаніемъ навигаціи. Четыре желѣзныя дороги не успѣютъ подвезти всего. Помимо затрудненій въ продовольствіи, возникаетъ вопросъ и о здоровьѣ самихъ жителей, какъ отъ дороговизны пищи, такъ и отъ сырости жилищъ, которыя осенью не успѣютъ просохнуть для зимнихъ холодовъ.

Вопросъ о жилищахъ въ подвалахъ уже обсуждался въ городской думѣ, и нашлись голоса, которые считаютъ возможнымъ всѣхъ жильцовъ изъ подваловъ вознести подъ крыши въ мансарды, которыхъ пока еще нѣтъ въ Петербургѣ. Но это переселеніе не такъ легко дѣлать; оно должно измѣнить обычный строй ремеслъ, торговли и вообще добыванія средствъ къ жизни. Заказъ, починка, поправка, мелкая торговля и т. п. въ большинствѣ случаевъ производятся, проходя рядомъ съ жильемъ мастеровыхъ и торговцевъ; лазить къ нимъ на чердакъ въ мансарды потребуетъ и времени, и нѣкотораго подвига со стороны закащиковъ и отразится на угнетеніи ремеслъ. Точно также отнимetъ много времени и у мастеровыхъ на бѣганье взадъ и впередъ по лѣстницамъ, а по статистикѣ приключеній много прибавитъ увѣчій дѣтей отъ недосмотра и взрослыхъ отъ паденій въ пьяномъ видѣ, а также порчи матеріаловъ отъ лѣстницъ и корридоровъ. Въ полицейскомъ отношеніи присмотръ за мансардами труднѣе, чѣмъ за подвалами, что немедленно отразится на увеличеніи пожаровъ, на страховомъ рискѣ и преміи, и на прибавкѣ штата полицейскихъ чиновъ. Кромѣ этого, многія мастерства, какъ напр. съ громоздкими предметами, или тѣ, гдѣ употребляются пилы, молотки и всякіе скрипы и визги только и могутъ помѣщаться внизу жилья. Для тѣхъ же ремесленныхъ занятій, въ которыхъ употребляется много воды, въ свою очередь требуются жилье не на чердакахъ.

Изъ разговоровъ въ думѣ видно, однако, что большинство ораторовъ имѣютъ въ виду центръ города и тѣ части его, которыя хорошо обстроены, и въ то же время почему-то игнорируютъ тѣ низкія окрестности Петербурга, въ которыхъ затопляетъ не только подвалы, но и бельэтажи. Между тѣмъ,

въ этихъ частяхъ города расположено множество крупныхъ и мелкихъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и другихъ заведеній, въ которыхъ помѣщены дорогія печи, машины, матеріалъ, склады и прочее. Защиты отъ наводненій всѣ ждутъ, и по мѣрѣ силъ и средствъ, всѣ сами себя ограждаютъ валами и насыпями. Не надѣясь на валы сосѣдей, многіе воздвигаютъ еще свои внутренніе валы, отъ чего пропадаетъ много цѣнной земли подъ насыпями, а самыя насыпи требуютъ затраты денегъ и ремонта, что̀ ложится на товаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эти затраты безсильны при подъемѣ воды выше 6 и 7 футовъ. Достаточно посмотрѣть на Голодай и на часть Петербурга за Екатерингофомъ, чтобы удостовѣриться, какія разрушенія и убытки причиняютъ тамъ наводненія, повторяющіяся черезъ 5 и 6 лѣтъ. Простой взглядъ на планъ города Петербурга показываетъ, какъ промышленность сторонится моря и жмется къ центру, гдѣ, однако, труднѣе устроить стокъ жидкостей и удаленіе негодныхъ отбросовъ. Въ приморскихъ городахъ, вообще моремъ дорожатъ и къ нему тѣснятся, въ Петербургѣ же наоборотъ, бѣгутъ отъ моря, и берега его оставляютъ пустынными. Вся эта картина измѣнилась бы, еслибы проектъ Н. И. Панаева не былъ забытъ.

Казалось бы, и теперь не поздно объ немъ вспомнить, чтобы раціонально избавить Петербургъ отъ наводненія. И если столицу не хотятъ переносить на другое мѣсто, а ждутъ роста и улучшенія ея, то вмѣсто предлагаемыхъ очень дорогихъ полумѣръ, какъ, напр, уничтоженіе подваловъ, лучше бы прямо приступить къ коренному избавленію отъ наводненія. Проектъ Н И. Панаева есть пока единственная мѣра къ тому, чтобы всѣ наводненія, до максимальнаго включительно, не причиняли Петербургу ни безпокойствъ, ни убытковъ. Отъ фарфороваго завода до водокачки земляной валъ потребуется въ 8 верстъ длиною, отъ Новаго адмиралтейства до деревни Автовой земляной валъ въ 10 верстъ и затѣмъ прибавить на 3 фута въ вышину гранитную набережную, длиною въ 6 верстъ, а всего 24 версты не особенно дорогихъ сооруженій избавятъ навсегда отъ наводненія всѣ части города съ его окрестностями, расположенными на лѣвомъ берегу Невы. Если къ этому прибавить 6 входныхъ и 8 выходныхъ затворовъ въ рѣчки и каналы, то и тогда всѣ эти сооруженія не займутъ по стоимости и сотой части тѣхъ плотинъ, которыя защищаютъ Бельгію и Голландію отъ океанскаго прилива съ его при-

боемъ, который, къ тому же болѣе энергиченъ, чѣмъ волны Финскаго залива.

Ремонтъ этихъ капитальныхъ сооруженій, можетъ быть, будетъ нѣсколько дороже тѣхъ календарныхъ правилъ на случай возвышенія воды въ С.-Петербургѣ, которыя, однако, не защищаютъ, а только предупреждаютъ, чтобы обыватели сами защищались, какъ знаютъ. Между тѣмъ, и эти правила на столько устарѣли и отстали отъ жизни, что ихъ пора бы пересмотрѣть. По правиламъ, предупрежденіе объ опасности начинается тремя пушечными выстрѣлами въ Галерной гавани и красными флагами на шпицѣ Адмиралтейства. Пушки начинаютъ стрѣлять при подъемѣ воды на три фута. Это такое обычное явленіе для Петербурга, что къ нему давно привыкли, и никто на выстрѣлы не обращаетъ вниманія, ибо послѣ этого вода чаще идетъ на убыль, чѣмъ на прибыль. Флаги же, которые вывѣшиваются *подъ* шпицемъ Адмиралтейства, видны только тѣмъ обывателямъ, которые случайно проходятъ мимо Адмиралтейства. Въ былое время, когда шпицъ высоко воздымался надъ Петербургомъ, тогда онъ былъ виденъ изъ многихъ улицъ столицы. Теперь же, когда зданія столицы переросли крышу Адмиралтейства, флаги эти никого не предупреждаютъ. Затѣмъ, когда вода выше пяти футовъ, тогда стрѣляютъ изъ с.-петербургской крѣпости 4-хъ фунтовыми и 8 фунтовыми орудіями. Надо замѣтить, что высокая прибыль бываетъ при западныхъ штормахъ, которые относятъ звуки выстрѣла на востокъ, т. е., какъ разъ отъ тѣхъ мѣстностей, которыя желаютъ предупредить объ опасности. Къ тому же, за шумомъ городской ѣзды въ этихъ частяхъ города, часто не слышны не только 4-хъ фунтовые фальконеты, но даже салютаціонныя пушки.

Далѣе, правила предписываютъ всѣмъ, живущимъ въ подвалахъ и въ низкихъ частяхъ города, *выбираться изъ своихъ покоевъ*. Куда? на чемъ? на кого покидать домъ, утварь, мебель, скотину и пр., — правила не предусматриваютъ. Потомъ сказано: имѣющіяся во всѣхъ „частяхъ полицейскіе ялы должны быть готовы на помощь по первой надобности“. Мѣра дѣйствительно необходимая, но далеко не во всѣхъ частяхъ, и слѣдовало бы эти плавучія силы направлять именно въ тѣ низкія части города, гдѣ вода поднимается выше роста человѣка. Но, въ большинствѣ случаевъ, эти ялы стоятъ въ ка-

налахъ за мостами, съ толстыми сводами, подъ которыми, при высокой водѣ, даже и безпалубный ялъ пройти не можетъ.

Кстати сказать, что о наводненіи въ Петербургѣ такъ мало думаютъ, что при проектѣ и при постройкѣ Николаевскаго моста вовсе забыли о подъёмѣ воды въ Невѣ. Разводную часть моста устроили такъ, что весь механизмъ развода, при подъемѣ воды на 3 фута и выше, покрывается водой, и пропускъ кораблей и пароходовъ прекращается. Плавучіе же мосты: Дворцовый и Петербургскій, которые перестраивались всего годъ назадъ, сдѣланы настолько неуклюже, что въѣзды на плашкоутную часть ихъ, даже при незначительной прибыли воды, дѣлаются такъ круты, что полиція запретила ѣздить по этимъ мостамъ. Разумѣется, полиція не обязана никому давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ; сказано только: „при подъемѣ воды на 3 фута не пускать конки, а при подъемѣ воды на $3^1/_2$ фута—не пускать и въ легкихъ экипажахъ“. И не пускаютъ; и это именно въ то время, когда слышны пушки, предупреждающія объ опасности, и когда каждый хорошій семьянинъ и заботливый хозяинъ торопятся домой. Сдѣлано это распоряженіе вѣроятно для того, чтобы плохо подкованная лошадь не поскользнулась и не опрокинула экипажъ. Предусмотрительность не лишняя, но вслѣдствіе такого запрета приходится проѣзжающимъ дѣлать крюкъ на постоянные мосты, терять дорогое время, или выходить изъ экипажа часто подъ дождемъ, съ дѣтьми или съ больными, идти на вѣтру пѣшкомъ и т. д. Все это показываетъ, что строители мостовъ забыли о наводненіяхъ. Иначе, они положили бы длинныя слеги, или желѣзныя балки, соединяющія неподвижную часть съ плавучей, и тогда уголъ въѣзда на мостъ былъ бы болѣе отлогій. Словомъ, во всемъ видно, что память о наводненіи очень коротка во всѣхъ сферахъ; даже и въ такихъ почтенныхъ учрежденіяхъ, какъ наша физическая обсерваторія.

Къ услугамъ физической обсерваторіи имѣются подробныя карты морей и заливовъ, ихъ глубинъ, теченій и приливовъ.

Телеграфъ регулярно увѣдомляетъ обсерваторію о барометрическомъ давленіи, силѣ и направленіи вѣтра, состояніи неба и проч. По береговымъ городамъ Балтійскаго моря и Финскаго залива состоятъ водомѣрные пункты, наблюдающіе прибыль, убыль, температуру и теченіе воды. Казалось бы, что пора уже попытаться найти соотношеніе между прибылью воды въ раструбѣ Финскаго залива и въ Маркизовой лужѣ.

Наводненію Петербурга въ 1824 году предшествовалъ западный штормъ отъ Зунда, который нагналъ воду къ Либавѣ, Ригѣ, Гангуту и Ревелю. У Либавы вода затопила, разрушила и унесла плотины, образовала песчаныя гряды близъ устья, смыла сѣверную дамбу и пр. (Журн. Пут. Сообщ. 1827 г.). Въ Ревелѣ и Гангутѣ прибыль воды была столько-то и въ такомъ-то часу. Затѣмъ въ Выборгѣ и Нарвѣ вода тогда-то стояла такъ-то, и теченіе было туда-то, соленость ея такая-то, и т. д. Въ наводненіе 16-го августа 1890 г. видно, что ему предшествовалъ тоже западный штормъ отъ Зунда, который нагналъ воду въ устье Финскаго залива, а оттуда приливъ пошелъ на востокъ, долженъ былъ заполнить расширеніе Финскаго залива на меридіанѣ Гогланда. Затѣмъ, подъемъ воды въ Фридрихсгамѣ и въ устьѣ рѣки Наровы имѣетъ прямое соотношеніе съ вершиной залива у Котлина и съ устьемъ Невы. Съ помощію телеграфовъ и сравненій о подъемѣ воды, силѣ и направленіи вѣтра, быстротѣ теченія и прочихъ перемѣнахъ на западъ отъ Ревеля—можно годъ за годъ приближаться къ разгадкѣ тѣхъ причинъ, при которыхъ вода въ Петербургѣ дѣлаетъ столько тревогъ и убытковъ.

Если же удастся уловить въ цифрахъ время, быстроту и высоту взаимныхъ соотношеній прилива въ разныхъ пунктахъ Финскаго залива, то это будетъ такая же побѣда, какую уже наша обсерваторія одержала надъ циклонами и антициклонами. Предсказанія о буряхъ главная физическая обсерваторія вырабатывала 30 лѣтъ и въ это короткое время достигла того, что болѣе 70% ея предсказаній оправдываются. Хотя, по правдѣ сказать, обсерваторія не считаетъ тѣхъ случаевъ, когда бури набѣгаютъ безъ ея предсказаній, но этихъ случаевъ съ годами все меньше и меньше, и теперь ихъ не болѣе 10%, которые приходиться вычесть изъ 70-ти. Во всякомъ случаѣ перевѣсъ на сторонѣ вѣрныхъ предсказаній, а это показываетъ до очевидности ясно, что законъ движенія атмосферы уже уловленъ наблюдателями, и все дѣло только въ недостаточности пунктовъ наблюденія того необъятнаго простора, гдѣ гуляютъ вѣтры.

Вопросъ о предсказаніи наводненій въ Петербургѣ много легче для разрѣшенія. Районъ тутъ съуженъ, такъ сказать, до домашняго дѣла; пунктовъ наблюденія достаточно, и всѣ они связаны телеграфами; слѣдовательно, остается только начать разслѣдованіе. Практика укажетъ надлежащую дорогу.

а нѣсколько лѣтъ правильныхъ наблюденій и группировки ихъ дадутъ возможность изучить причины прибыли воды въ Петербургѣ, такъ что останется только одинъ шагъ къ тому, чтобы предупреждать Петербургъ о наводненіи.

Лѣтъ 30 назадъ, р. Сена дѣлала такія же бѣды въ Парижѣ, какъ и Нева теперь—въ Петербургѣ. Дождь прольетъ въ горахъ бассейна р. Сены, она выступитъ изъ береговъ, бушуетъ и сноситъ все, что попадется по ея пути. Для жителей долины Сены и Парижа казалось, что бѣда падаетъ на нихъ прямо съ неба и что нѣтъ возможности остерегаться наводненія. Но общія усилія метеорологовъ, гидрологовъ, телеграфа и муниципалитета сдѣлали то, что теперь въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ долины Сены получаютъ предупрежденіе о наводненіи за нѣсколько часовъ и даже за сутки и болѣе, смотря гдѣ прошелъ ливень. Притомъ эти предупрежденія доведены до такой точности, что печатно объявляютъ, что „подъ мостомъ Аустерлица въ такомъ-то часу начнется прибыль воды въ р. Сенѣ, каковая въ такомъ-то часу достигнетъ своего максимума въ 00 метровъ и 00 сантиметровъ“. Такія предупрежденія рѣдко когда ошибаются на 10 и на 20 сантиметровъ и получили такое довѣріе отъ жителей, что они уже не разсчитываютъ на *авось*. Тѣ товары и матеріалы, которые боятся сносу или порчи, убираются къ извѣстному часу; а тѣ товары, которымъ не грозитъ бѣда, остаются на мѣстахъ и не вызываютъ суетливыхъ перевозокъ и переплаты денегъ. Товары же, которые можно поднять на подтоварники, подмащиваются на высоту сообразно предувѣдомленію о высотѣ прибыли воды.

Результаты предупрежденій о наводненіяхъ Сены распространились и на другія рѣки Франціи, такъ что теперь очень много городовъ и мѣстечекъ, которые своевременно получаютъ увѣдомленія о грозящей бѣдѣ. Эти пророчества во Франціи охотно перепечатываются и въ нашихъ петербургскихъ газетахъ, иногда даже раньше наступившаго наводненія, а потомъ печатаютъ и о самомъ наводненіи. Нельзя однако сказать, что законы наводненія рѣкъ легче уловимы, чѣмъ законы наводненія въ приморскихъ городахъ, какъ въ Петербургѣ напримѣръ. Какъ въ прибыли воды на рѣкахъ всѣ множители подвижны и разнообразны, кромѣ покатости горъ и разстояній, такъ и въ Финскомъ заливѣ они хотя настолько же разнообразны, но легко измѣримы. И гораздо удобнѣе опредѣлить воду по футштоку, чѣмъ вычислить количество осадковъ по

дождемѣрамъ. Все дѣло однако не въ величинахъ, которыя измѣряются, а въ персоналѣ, который измѣряетъ, увѣдомляетъ, группируетъ и предсказываетъ. Главная физическая обсерваторія необыкновенно счастливо снабжена исполнительнымъ персоналомъ; достаточно просмотрѣть ея синоптическія карты и вспомнить, что эта обсерваторія изъ Петербурга, по анормальности барометрическихъ линій, опредѣлила высоту Онежскаго озера и другихъ пунктовъ съ бо̀льшею точностію, чѣмъ то сдѣлали инженеры Клейнмихеля съ помощію дорогой инструментальной нивелировки. Слѣдовательно на такой исполнительный персоналъ положиться можно, надо только дать ему необходимыя средства.

Предувѣдомленіе о наводненіи жителей Петербурга не менѣе важно, какъ и жителей Парижа. Если обыватели столицы удостовѣрятся, что объявленіе полиціи за два и за три часа до дѣйствительной опасности подтверждается на дѣлѣ, то сами будутъ искать бюллетени и принимать мѣры къ спасенію своего имущества. При существующихъ же календарныхъ правилахъ мало кто обращаетъ вниманіе на флаги и пушки; ежеминутно всякій разсчитываетъ, что *авось* вода пойдетъ на убыль, и онъ избавится отъ хлопотъ и расходовъ. Если же каждый будетъ знать навѣрное и заблаговременно, что вода поднимется къ такому-то часу на столько-то футовъ, то только крайне неблагоразумные не войдутъ въ расходы на уборку товара и домашней утвари. Точно также и полиція не будетъ дѣйствовать ощупью, какъ напр. теперь при запрещеніи представленій и увеселеній въ Зоологическомъ саду, Василеостровскомъ театрѣ и др. мѣстахъ, гдѣ публику велѣно разгонять при 4 футахъ прибыли воды. Полная неизвѣстность о максимумѣ наводненія всѣхъ смущаетъ.

Можетъ быть, первое время обсерваторію и будутъ сравнивать съ тѣмъ полиціймейстеромъ, который приказывалъ себя будить за пять минутъ до пожара, но потомъ побѣда все-таки останется на сторонѣ опыта и науки. Понятно, и форма объявленій о предупрежденіи должна видоизмѣниться; пушки, флаги и фонари умѣстны были тогда, когда будочники не смѣли отходить дальше 30 шаговъ отъ своей будки. Теперь же, съ помощію городовыхъ и дворниковъ легко своевременно передавать и болѣе сложныя приказанія, чѣмъ поливка улицъ, посыпка пескомъ, санитарный осмотръ и пр.

Предваренія о высотѣ воды окажутъ услугу и той набе-

режной, которая служитъ для выгрузки товаровъ на Васильевскомъ островѣ, архитектура которой также устарѣла. Отъ 13-ой до 21-й линіи набережная эта вмѣсто насыпи имѣетъ почему-то впадину и заливается даже при 5-ти футахъ подъема воды. Страхъ за подмочку на ней товара парализуетъ быстроту паровыхъ лебедокъ для выгрузки пароходовъ.

По статистико-историческимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что съ 1703 по нынѣшній годъ, т. е. въ 187 лѣтъ было до 140 наводненій, причинявшихъ безпокойства и убытки казнѣ, городу и обывателямъ. Странно, что въ пожары приводятъ въ извѣстность даже копѣечные ущербы, а раззоръ отъ наводненія никогда не суммируется. Между тѣмъ ни одно наводненіе не проходитъ безъ того, чтобы не размыть печи, не попортить огороды, испортить мебель, повалить заборы, прорвать дамбы и т. д. Надо думать, что 140 наводненій уже успѣли убѣдить Петербургъ, что прибыль воды не остановится на этой цифрѣ, слѣдовательно необходимо предвидѣть будущія наводненія, и пора вспомнить проектъ Н. И. Панаева, чтобы заняться его детальной разработкой. При современномъ состояніи инженернаго искусства и автоматическихъ машинахъ, земляную дамбу въ 18 верстъ можно быстро и дешево соорудить. Что же касается до подъема тротуаровъ на лѣвомъ берегу Невы, передѣлки барьера на цементѣ и устройства 14-ти воротъ у каналовъ, то слѣдовало бы, если не начать работу, то хотя бы немедленно приступить къ изысканіямъ и къ смѣтѣ. Болѣе простаго, остроумнаго и дѣйствительнаго средства—не найти Петербургу, и если воздвигнуть такую дамбу, а физическая обсерваторія будетъ предупреждать, чтобы во-время затворяли ворота и клапаны, то главная часть столицы будетъ вполнѣ ограждена отъ наводненія.

Н. КРЫЛОВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Собраніе сочиненій Д. М. Позняка. „Дорогою цѣной“, „Сквозь огонь страсти“, „Жемчугъ королевы“, „Въ бреду“, „Подъ облаками“ и др. С.-Петербургъ 1890.

Имя Д. М. Позняка давно уже знакомо читателямъ „Русскаго Вѣстника“. Пользуясь вышедшимъ теперь собраніемъ его сочиненій, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ его симпатичнаго таланта.

Г. Познякъ принадлежитъ къ прежней литературной школѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ долгомъ прежде всего оговориться, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, слово „прежній“ для насъ означаетъ слово *хорошій*. У насъ теперь есть много писателей изъ самыхъ новѣйшихъ, задающихся непремѣнно широкими задачами и наводняющихъ печать различнѣйшими „эпизодами“, „эскизами“, очерками и картинками изъ всевозможныхъ и невозможныхъ бытовъ. Можетъ быть, эти эскизы съ ихъ литературными новшествами, въ родѣ усиленной реальности описаній и стремленія переводить въ разговоры всякое, даже самое незначительное, душевное движеніе или внѣшнее событіе, на что недавно такъ мѣтко и остроумно указывалъ К. Н. Леонтьевъ въ одной изъ своихъ статей („Русскій Вѣстникъ“: „*Анализъ, стиль и вѣяніе*“), можетъ быть это и составляетъ нынѣ послѣднее слово искусства. Но трудно сдѣлаться поклонникомъ такого рода изящной словесности.

Въ нашемъ авторѣ подкупаетъ другое. Спокойное изящество описаній, тонкая отдѣлка подробностей, особая, такъ сказать, поэзія, цѣломудренность чувства, — вотъ характеристи-

ческіе признаки его повѣстей и романовъ. Мы не будемъ, конечно, поднимать здѣсь старый споръ о тенденціозности въ литературѣ; извѣстная тенденція, идея сочиненія совершенно неизбѣжна и законна; авторъ какъ бы ни хотѣлъ, не можетъ отрѣшиться отъ своихъ сочувствій и взглядовъ, если только онъ не такъ безцвѣтенъ, что у него совсѣмъ нѣтъ опредѣленныхъ мнѣній. Теперь такіе авторы встрѣчаются все чаще... Сочувствія и пріемы автора въ разбираемыхъ произведеніяхъ въ высшей степени симпатичны и проводятся вполнѣ художественными пріемами. Дѣйствующія лица здѣсь не герои въ обыкновенномъ, вульгарномъ смыслѣ этого слова, а просто живые люди со всѣми ихъ слабостями и недостатками—или попадающіе въ „Чужую среду“, и платящіеся за это душевнымъ спокойствіемъ или витающіе „Въ облакахъ“, пока безжалостная дѣйствительность не спуститъ ихъ на землю; или это сердце, прошедшее „Сквозь огонь страсти“, но закалившееся и оставшееся чистымъ и неиспорченнымъ, или слабый волею человѣкъ, поплатившійся „Дорогой цѣной“ за ложныя понятія о долгѣ.

Среда, изъ которой авторъ беретъ своихъ героевъ—свѣтская, помѣстно-дворянская и провинціальная, чиновническая. Онъ съ одинаковой свободою и искусствомъ описываетъ и петербургскій большой свѣтъ и какую-нибудь захолустную квартирку городка близъ второклассной станціи желѣзной дороги. Но, повторяемъ, преимущественно излюбленная имъ среда—провинціально-интеллигентная, и надо сказать, что авторъ изучилъ хорошо условія жизни этой среды, самъ занимая выдающееся положеніе въ провинціальной іерархіи. Подъ его перомъ, жизнь провинціальнаго интеллигентнаго общества вылив ается какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, со всѣми ея недостатками и достоинствами, со всѣми темными и свѣтлыми сторонами. Эти описанія и наблюденія умнаго и талантливаго человѣка, будучи нерѣдко согрѣты искреннимъ, теплымъ чувствомъ—читаются съ интересомъ и удовольствіемъ. Авторъ живетъ одной жизнью съ своими героями, сочувствуетъ имъ, или негодуетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заставляетъ и читателя переживать ихъ горе и радости, онъ дѣйствуетъ на сердце читателя.

Еще одна особенность манеры изложенія автора, которой мы хотимъ коснуться; нѣкоторые, пожалуй, склонны будутъ ставить это ему въ упрекъ, но мы съ этимъ бы не согласились. Въ его романахъ вы никогда не встрѣтите той, надоѣдающей

мелочностью своею, противной поддѣлки подъ якобы народный, инородческій или мѣстный жаргонъ, который такъ часто встрѣчается нынѣ въ сочиненіяхъ подающихъ надежды авторовъ и который такъ коробитъ сколько-нибудь чуткаго читателя. Дѣйствующія лица его разсказовъ говорятъ не ломаясь, не подчеркивая словечекъ, взятыхъ авторомъ изъ своей записной книжки и часто придаваемыхъ тому или другому лицу ни къ селу, ни къ городу. Кромѣ того, почти всѣ дѣйствующія лица его романовъ принадлежатъ къ обществу или мѣстной интеллигенціи, и потому сценокъ и „этюдовъ“ во вкусѣ нашихъ народниковъ, т. е. съ сильнымъ букетомъ разныхъ „спеціальныхъ“ особенностей, здѣсь было бы и странно искать.

Изъ числа напечатанныхъ въ трехъ вышедшихъ томахъ произведеній лучшія, по нашему мнѣнію, „Въ облакахъ“ и „Сквозь огонь страсти“; самымъ же капитальнымъ является романъ „Дорогой цѣной“. Это старая, но вѣчно новая исторія опрометчивой женитьбы разсчета, неоправдываемой даже желаніемъ избавить дорогихъ и близкихъ людей отъ горя и всегда несчастливой. Читателямъ „Русскаго Вѣстника“ всѣ эти произведенія знакомы. Попадаются нерѣдко истинно поэтическія страницы. Нельзя съ удовольствіемъ не указать на такую книгу.

II.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Маштейна. Вергилій „Энеида“, I п., объясн. проф. Д. И. Нагуевскій; Ливій. I кн. и друг.

До недавняго еще времени вопросъ о существованіи и постановкѣ древнихъ языковъ въ гимназіяхъ не переставалъ занимать всѣ болѣе или менѣе просвѣщенные классы нашего общества. Нынѣ является цѣлый рядъ серіозныхъ трудовъ, цѣлый рядъ спеціальныхъ изданій, свидѣтельствующихъ, если судить по нимъ, что упроченная у насъ съ 1871 года классическая система воспитанія успѣла оказать благотворное вліяніе на ознакомленіе съ античнымъ міромъ. Почтенный трудъ В. Латышева напр. „Очеркъ греч. древностей“, — изслѣдованія В. Бузескула „Периклъ“, — А. Щукарева „Аѳинскіе архивы“ и друг. свидѣтельствуютъ объ усиливающемся все болѣе и болѣе интересѣ къ древнему міру и о возникающей потребности въ тѣхъ средствахъ и пріемахъ,

которые бы содѣйствовали лучшему усвоенію культурной жизни двухъ античныхъ народовъ.

Недавно изданные учебные планы познакомили публику съ новымъ направленіемъ преподаванія древнихъ языковъ и, поставивъ это преподаваніе на разумныя основанія, не только не уменьшили ихъ курса, но даже расширили его въ извѣстной степени, обративъ особенное вниманіе на чтеніе древнихъ авторовъ. Обремененіе учащихся сухимъ грамматическимъ матеріаломъ, трата времени на переводы съ русскаго языка на древніе—были однѣми изъ важнѣйшихъ причинъ, возбуждавшихъ нелюбовь къ древнимъ языкамъ и неудовольствіе существующей системой. Чтеніе же авторовъ до сихъ поръ у насъ какъ-то не шло.

Разгадать причину этого не трудно, если припомнимъ, какими учебниками по древнимъ языкамъ пользовались до послѣдняго времени. Почти всѣ латинскія и греческія грамматики, сборники статей для переводовъ, изданія авторовъ съ русскими комментаріями и введеніями, спеціальные словари, все это въ большинствѣ случаевъ — бездарные переводы съ нѣмецкаго и неумѣлыя компиляціи. Отсутствіемъ надлежащихъ учебныхъ пособій объясняется столь широкое распространеніе среди учащихся всевозможныхъ ключей, карманныхъ словарей, конспектовъ, подстрочныхъ переводовъ, выпускаемыхъ различными фирмами.

Такой пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ устраняется съ появленіемъ „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями“.

Редакторами этого изданія являются Л. А. Георгіевскій, директоръ Царскосельской гимназіи, и С. Манштейнъ, преподаватель той же гимназіи, люди извѣстные въ нашей педагогической учебной литературѣ. Программа ихъ изданій обширная: она обнимаетъ всѣхъ классиковъ, читаемыхъ въ гимназіи. Сотрудничество въ изданіи приняли лучшія силы, профессора университета, преподаватели гимназій, засвидѣтельствовавшіе уже себя своими трудами. Задавшись цѣлью, чтобы чтеніе древнихъ авторовъ сдѣлать вполнѣ плодотворнымъ и содѣйствовать расширенію его какъ въ классѣ, такъ и дома, редакторы-издатели даютъ текстъ вполнѣ удобочитаемый съ устраненіемъ всего, что могло бы оскорбить нравственное или патріотическое чувство учащихся; кромѣ того, издан-

ный редакціей текстъ основанъ на новѣйшихъ литературныхъ изслѣдованіяхъ. Чтобы облегчить пониманіе читаемаго, и чтобы учащіеся постоянно могли слѣдить за нитью разсказа, текстъ разбивается, сообразно съ содержаніемъ, на отдѣлы и отмѣчается заголовками на русскомъ языкѣ. Для облегченія возможности понимать строй предложенія и находить отношеніе одной мысли къ другой, знаки препинанія разставляются сообразно съ требованіями русской рѣчи. Комментарій въ изданіяхъ г. Георгіевскаго напечатанъ отдѣльно отъ текста, и его можно переплетать особо. Самый комментарій распадается на двѣ части—на введеніе и на собственно комментарій. Первое заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія историческія, литературныя и біографическія касательно даннаго автора. Собственно комментаріи раздѣляются на примѣчанія грамматическія, художественно-эстетическія и друг., дѣлаются даже сравненія даннаго образца съ произведеніями русской словесности. Главную особенность изданія составляютъ рисунки, вводимые въ примѣчанія и имѣющіе цѣлью наглядно познакомить учащихся съ бытомъ и искусствомъ классическихъ народовъ, на сколько данный отрывокъ автора представляетъ намекъ на ту или другую сторону жизни. Содержаніе для этихъ картинъ взято изъ произведеній древняго искусства. Сочувствуя вполнѣ новому методу иллюстрированія текста древнихъ авторовъ, мы были бы только противъ примѣненія къ этому методу картинъ современныхъ художниковъ, противъ сглаживанія античной простоты произведеній древняго искусства пріемами новаго искусства. Если же допускаются копіи произведеній новыхъ художниковъ, то къ нимъ необходимо прибавить хотя краткія объясненія. Впрочемъ, наше мнѣніе относительно указаннаго недостатка изданія чисто субъективное и не уменьшаетъ достоинства дѣла.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать лучшаго. Нельзя не пожелать ему распространенія; оно его заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ: это хорошій вкладъ въ нашу педагогическую учебную литературу.

III.

Казаки. Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы.—Очерки изъ исторіи и стародавняго быта. Чтеніе въ войскахъ, съ рисунками. Сост. К. Абаза.

Едва ли достаточно цѣнятъ у насъ по достоинству ту матеріальную и нравственную силу, которую представляетъ казачество

въ общемъ составѣ русскихъ войскъ. Если мы припомнимъ, что у насъ есть 200.000 всадниковъ всегда готовыхъ къ выступленію въ походъ и по какому угодно направленію, то одна эта цифра сама по себѣ уже чрезвычайно внушительна. Это 4 летучихъ корпуса, которые въ состояніи обнять громадный раіонъ театра войны и нанести непріятелю неисчислимый вредъ. Прибавимъ къ сказанному, что, по мнѣнію спеціалистовъ, степные кони способны къ самымъ быстрымъ и отдаленнымъ передвиженіямъ; сами смѣтливые и ловкіе всадники не менѣе подвижны, выносливы, осторожны и чутки. Разбросанные—они служатъ передовыми бойцами и вѣстниками о всѣхъ попыткахъ непріятеля; сосредоточенные—они составляютъ грозный резервъ, способный нанести сильный и своевременный ударъ, способный къ отдаленному преслѣдованію разбитаго непріятеля. Этими боевыми качествами казаковъ не всегда пользовались въ полной мѣрѣ, и лишь не многіе изъ нашихъ полководцевъ, какъ напр. Суворовъ, умѣли оцѣнить разнообразную степень ихъ пригодности.

Составитель „Военно-исторической хрестоматіи“ задался на этомъ разъ цѣлью популяризировать значеніе казачьей силы. Въ живыхъ образахъ и картинахъ авторъ представляетъ возрожденіе казачьихъ дружинъ на Дону, Кубани, Терекѣ, Уралѣ; обрисовываетъ ихъ военную организацію, особенности сложившагося тамъ быта, удалые наѣзды и морскіе поиски и въ то же время исконное тяготѣніе къ центрамъ русской земли. Содержаніемъ названной книги служатъ не одни лишь походы и битвы, которыми преисполнена исторія казачества. Авторъ вездѣ старается оттѣнить нравственную силу заброшенной горсти русскихъ людей, искавшихъ опоры въ тѣсномъ братствѣ и завѣтахъ отцовъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ враждебнымъ магометанскимъ міромъ, казаки сохранили то, что забывается иногда, къ сожалѣнію, и на Руси. Особеннымъ вниманіемъ автора пользуются черты рыцарства, отваги, лихости, геройскаго самопожертвованія—черты, коими полна исторія казачества. Тамъ, гдѣ-нибудь въ киргизскихъ степяхъ уралецъ прощаетъ кровную обиду врагу-киргизу, за Кубанью сгораетъ за-живо кучка пластуновъ, не желавшихъ сдаться; на Терекѣ казакъ бросается въ погоню за партіей чеченцевъ и выручаетъ плѣнныхъ земляковъ и т. д. Такія черты не найдутъ мѣста на страницахъ сухой исторіи. Въ книгѣ нѣтъ сухихъ цифръ, научныхъ выводовъ и разсужденій—

всего того, что можетъ интересовать лишь спеціалиста, но какъ въ панорамѣ, смѣна картинъ и образовъ оживляетъ изложеніе. Это интересное чтеніе для тѣхъ, кому оно предназначено.

IV.

С. М. Георгіевскій—„Важность изученія Китая", Спб. 1890 г.

На первый взглядъ странно слышать, что русскому обществу указывается на необходимость внимательно знакомиться съ главнѣйшимъ нашимъ азіатскимъ сосѣдомъ; но у насъ дѣйствительно мало знаютъ—еще меньше пишутъ о немъ. Поэтому, призывъ профессора-синолога взвѣсить нѣкоторыя далеко не маловажныя данныя, касающіяся Небесной имперіи, достоинъ самаго серьезнаго вниманія и обсужденія. Недаромъ онъ съ 1885 г. издаетъ по этому предмету уже седьмую книгу.

Прежде всего имъ затрогивается любопытный и пока еще мало выяснявшійся вопросъ, почему западъ донынѣ, послѣ вѣковыхъ соприкосновеній съ китайцами, отчасти продолжаетъ смотрѣть на ихъ бытъ, какъ на образецъ косности, отрицаетъ прогрессъ въ ихъ исторической жизни, наконецъ, сомнѣвается въ ихъ будущемъ. Всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ задать себѣ эти вопросы, и г. Георгіевскій отвѣчаетъ на нихъ, убѣдительно доказывая, чѣмъ такія отношенія вызваны, на сколько пора отрѣшиться отъ ложно составленныхъ мнѣній. Если вереницы ученыхъ находятъ наслажденіе въ возсозданіи прошедшаго Ассиро-Вавилоніи, Египта, Мидіи и т. п., а мыслители, согласно съ открытіями тружениковъ въ области духа, силятся нарисовать болѣе или менѣе полную картину развитія народовъ,—развѣ возможно почти игнорировать Китай (какъ это, впрочемъ, дѣлается), развѣ не надо по живымъ особенностямъ отдавать себѣ отчетъ объ иныхъ загадочныхъ чертахъ любой исчезнувшей культуры? Миссіонеръ Сибо представилъ же параллель (по книгѣ Эсеирь) между обычаями, соблюдавшимися при дворѣ персидскаго царя Артаксеркса и дворахъ китайскихъ императоровъ различныхъ династій. Г. Георгіевскій находитъ возможнымъ дѣлать интересныя сближенія между вѣрованіями греко-италійцевъ и подданныхъ богдохана. Сходство иныхъ формъ культа, даже и быта, поразительно.

Въ опроверженіе бездоказательныхъ упрековъ, будто Не-

бесная имперія—царство давнишняго застоя, нашъ синологъ ссылками на ея литературу горячо и убѣдительно отстаиваетъ противное положеніе. Громаднѣйшее государство развивалось во имя идеаловъ. Лучшіе люди, побуждая къ мудрымъ и желательнымъ реформамъ, указывали на старину, какъ на образецъ „золотаго вѣка". Конечно, онъ въ сущности, быть можетъ, не былъ таковымъ; но дѣло не въ этомъ, а въ стремленіи современниковъ совершенствоваться, дабы уподобиться достойнѣйшимъ предкамъ.

Въ пользу китайцевъ въ сильной степени говоритъ относительное благоустройство и благополучіе, которыхъ они достигли. Въ общемъ масса здѣсь довольнѣе и, пожалуй, просвѣщеннѣе, чѣмъ думаютъ.. Число преступниковъ ничтожно. Правда, что третья кража уже наказуется смертью. Отвѣтственность за негодные элементы косвенно ложится на взростившую ихъ среду. Сословная рознь, а тѣмъ болѣе, вражда—неизвѣстны. На городское населеніе приходится нищихъ всего *одна сотая процента*. Разумное самоуправленіе не встрѣчаетъ никакихъ ограниченій.

Взаимное довѣріе вошло въ Китаѣ въ обычай до такой степени, что тамъ ежедневно возникаетъ множество обществъ для выдачи ссудъ безъ процентовъ или со взиманіемъ самыхъ малыхъ процентовъ. Къ этимъ ассоціаціямъ обращается студентъ, не имѣющій средствъ продолжать образованіе, крестьянинъ, задумавшій прикупить себѣ буйвола, мелкій торговецъ, открывающій лавочку, мать семейства, выдающая замужъ дочь и т. д. Калѣки, глухіе, слѣпые, нѣмые, всѣ безвинно обездоленные не остаются безъ призора. Частныя и казенныя заведенія, гдѣ ихъ содержатъ, могли бы во многихъ отношеніяхъ служить образцами для странъ, которыя до сихъ поръ менѣе хлопочутъ объ удобствахъ больныхъ, чѣмъ о блестящей внѣшности.

Правительство не вмѣшивается въ дѣло народнаго просвѣщенія. Всякій въ правѣ открыть школу. Всѣ грамотны. Земля превосходно обработана и приноситъ весьма значительный доходъ. Плодородіе почвы, въ связи съ искусствомъ и трудолюбіемъ человѣка, даютъ нѣсколько жатвъ въ годъ. Налоги невелики до минимума (по 75 к. съ души). Довольство крестьянъ способно возбудить зависть въ европейскихъ государствахъ.

Долго было бы перечислять положительныя данныя въ защиту Китая, его развитія и нынѣшняго строя, сгруппирован-

ныя въ разбираемой нами книгѣ, не лишенной въ этомъ смыслѣ и увлеченій. Наиболѣе вѣско въ ней указывается и вызываетъ на невеселое размышленіе, какъ слабъ еще у насъ интересъ къ изученію нашего азіатскаго сосѣда. Примѣръ англичанъ, американцевъ, французовъ и нѣмцевъ долженъ бы, повидимому, побуждать къ подражанію и соревнованію.

Иностранной.

I.

Karpeles—„Allgemeine Geschichte der Litteratur", Berlin. 1890.

Заграницей, преимущественно въ Германіи,—издается масса превосходныхъ дешевыхъ книгъ. Цѣна ихъ, въ виду художественности и количества рисунковъ, заставляетъ нерѣдко удивляться, какъ такое явленіе возможно. Оно объясняется большимъ спросомъ на общедоступныя сочиненія, потребностью всякой образованной семьи тратить извѣстную сумму денегъ на пополненіе своей библіотеки.

Первые два выпуска разсматриваемаго труда, посвященные восточному и классическому міру (слѣдующія десять книгъ займутся христіанствомъ, германо-романскими и славянскими землями) съ внѣшней стороны, по красотѣ и дешевизнѣ (по двѣ марки за каждый отдѣлъ) ничего не оставляютъ желать. Текстъ, конечно, безсодержательнѣе, по невозможности изложить на десяткахъ страницъ все, что относится къ цѣлымъ вѣкамъ умственнаго развитія человѣчества; но и онъ составленъ очень добросовѣстно.

Украшеніями изданія служатъ: факсимиле одной страницы древнѣйшей въ Европѣ библейской рукописи, хранящейся въ нашей Императорской Публичной библіотекѣ, кэмбриджскія изображенія индійскихъ божествъ на хлопчатой бумагѣ; яркоцвѣтный снимокъ съ роскошнаго корана въ Берлинѣ; планъ мекканскаго святилища по персидскому путеводителю XV в. для хаджей; картина чудеснаго полета Магомета при старомъ уйгурскомъ сочиненіи, имѣющемся въ Парижѣ, и т. д.

Очень характерны рисунки, представляющіе Конфуція,

японскій театръ, буддійскій памятникъ у Бенареса, и многіе другіе. Пока, при двухъ выпускахъ, число иллюстрацій превышаетъ девяносто.

Карпелесъ пишетъ весьма ясно и живо. Главный, но неминуемый его недостатокъ—краткость. Напримѣръ, онъ упомянетъ о томъ, что уже въ VI в. нашей эры буддійская литература въ Китаѣ имѣла тысячи томовъ—и затѣмъ не распространяется въ этомъ направленіи, возбудивъ удивленіе и любознательность читателей,—скажетъ, что сводъ однихъ только классическихъ произведеній и комментаріевъ къ нимъ въ Небесной имперіи равняется болѣе чѣмъ 150.000 томамъ,—и переходитъ на другую тэму. Такая относительная неполнота искупается, впрочемъ, искусной передачей существеннѣйшихъ подробностей о религіозной лирикѣ и эпосѣ индусовъ, удачной характеристикой египетскаго міросозерцанія и созданій вавилонскаго духа, интересными данными о письменности и творчествѣ первобытныхъ народовъ.

II.

Froebel—Armansperg — „Europa und die Anschauungen mohammedanischer Völker", Leipzig. 1890 г.

Намъ положительно необходимо слѣдить за литературой объ исламѣ въ виду важнаго значенія, которое онъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ въ глазахъ каждаго правительства, преслѣдующаго колоніальныя цѣли. Не говоря уже объ англичанахъ и французахъ, мусульманскій вопросъ замѣтно начинаетъ озабочивать и голландцевъ и нѣмцевъ. Въ вышеназванной брошюрѣ, написанной человѣкомъ, 13 лѣтъ пробывшимъ въ Алжирѣ и хорошо знающимъ туземные языки, есть вещи, во многихъ отношеніяхъ любопытныя, а пожалуй и поучительныя, такъ какъ Фрёбель иногда, для параллели, говоритъ и о магометанахъ въ Россіи (о послѣднемъ предметѣ, впрочемъ, вполнѣ неудачно, называя, напр.—почти всѣхъ казаковъ сторонниками ислама и утверждая, будто эта религія мало-по-малу подчиняетъ исключительно *себѣ* нашихъ инородцевъ-язычниковъ). Когда же рѣчь заходитъ о положеніи вещей въ другихъ частяхъ мусульманскаго міра, взгляды автора весьма основательны. Въ немъ видишь безпристрастнаго наблюдателя и слышишь отъ него правдивые отзывы. Такъ, онъ убѣж-

денно осуждаетъ поведеніе соотечественниковъ (вродѣ извѣстнаго маіора Висмана) на восточно-американскомъ берегу. Недавняя дикая расправа съ вождемъ Бушири, подстрекавшимся Англіею, не могла не озлобить надолго мѣстную могущественную арабскую партію. Къ довершенію наглой грубости, нѣмцы стали водить въ мечети собакъ! Панисламическое движеніе здѣсь (да и повсюду) сильно. Зло, причиненное комунибудь изъ сторонниковъ „пророка“ въ одной мѣстности „чернаго материка“, отражается на чувствахъ единовѣрцевъ отъ Средиземнаго моря до Занзибара, вредитъ германской дипломатіи у подозрительной Порты и въ фанатической Меккѣ.

По мнѣнію Фрёбеля, миссіонерская дѣятельность среди негровъ безплодна. Магометане исторически призваны пріобщить послѣднихъ своей культурѣ раньше всѣхъ. Неотразимость пылкой пропаганды арабовъ ясна на примѣрѣ сѣверянъ-берберовъ, благодаря ей отпавшихъ отъ христіанства. Если ужь въ сравнительно развитомъ Алжирѣ исламъ быстро отпраздновалъ побѣду, полудикарямъ внутреннихъ странъ, конечно, немыслимо съ нимъ упорнѣе бороться.

Авторъ даетъ живое представленіе о составныхъ частяхъ покореннаго французами населенія. Среди него, оказывается, существуютъ шіитскіе элементы—такъ называемые мозабиты. На европейскій прогрессъ авторъ смотритъ довольно скептически. До воцаренія европейцевъ, въ городѣ морскихъ разбойниковъ не знали, что такое—ночная кража. Охранять общественное спокойствіе поручено было пришлымъ туземцамъ-чернорабочимъ изъ оазиса Бискры. Теперь въ Алжирѣ далеко не безопасно отъ грабителей. Введенные въ краю „bureaux-arabes“—полны служащихъ, склонныхъ эксплоатировать мусульманъ ради самообогащенія. Корыстная дѣятельность всякихъ avoués и notaires очень возмущаетъ обираемыхъ.

Республиканская равноправность нимало не прельщаетъ алжирцевъ. Правительство возвысило до нея сенегальскихъ чернокожихъ и желтоцвѣтныхъ кохинхинцевъ, но опытные старожилы въ колоніяхъ предостерегаютъ отъ подобныхъ мѣръ. Инородцы боятся утратить свой духовный обликъ. Магометане прямо высказываются противъ навязываемой чести, потому что пришлось бы согласоваться въ жизни съ Code Napoléon, а не религіозно-обязательнымъ шаріатомъ. Какъ имъ усвоить чужой либеральный законъ, когда они еще за грѣхъ почитаютъ перемѣнить свою одежду на европейскую?

Фрёбель отмѣчаетъ непріязнь мусульманъ къ католицизму и нѣкоторое сочувствіе протестанству. Это отчасти объясняетъ, почему англичанамъ легче, чѣмъ французамъ, ладить съ послѣдователями „пророка“.

Въ сѣверной Африкѣ политически опасны тайныя братства. Члены ихъ умѣютъ незамѣтно разжигать народныя волненія. У могилъ туземныхъ „святыхъ“ (марабу) образуются школы, и нерѣдко собираются недовольные европейскими властями. Среди алжирцевъ еще живы воспоминанія о славномъ прошломъ, о могуществѣ и независимости. Здѣсь было нѣчто вродѣ „сѣчи“. На укрѣпленномъ берегу группировались пираты—турки, албанцы, босняки, крымскіе татары,—люди, вынужденные бѣжать изъ отечества.

ПИСЬМА ИЗЪ ГУБЕРНІЙ.

О страхованіи урожаевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Помѣщая здѣсь письмо Н. Е. Боратынскаго о страхованіи урожаевъ, считаемъ необходимымъ предпослать этому интересному сообщенію нѣсколько словъ относительно возникновенія разбираемаго въ немъ вопроса и его постановки.

Девять лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1881 года, появилась въ Петербургѣ брошюра Ф. Н. Берга, подъ заглавіемъ: „Обезпеченіе урожая". Намѣреніе было лишь обратить вниманіе на крайнюю неудовлетворительность рутинныхъ мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія и настоятельную необходимость „поднять упавшій духъ земледѣльца, никогда не увѣреннаго, что не будетъ бѣдствовать въ будущемъ году, какъ бы прилежно ни работалъ и какъ бы ни былъ исправенъ, никогда не обезпеченнаго въ возможности продолжать дѣло далѣе и въ своемъ отчаяніи, въ трудные годы, возлагающаго смутныя надежды на то, что объ немъ подумаютъ, что Царь его прокормитъ". Государственная благотворительность, всегда несостоятельная въ примѣненіи къ массамъ, только роняетъ личную энергію каждаго, на нее разсчитывающаго, и едва-ли умѣстна въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ служитъ главнымъ источникомъ и народнаго богатства, и благосостоянія, и доходовъ казны. Отъ бѣды надо ограждать не земледѣльцевъ, а земледѣліе, которое по временамъ и мѣстами ставитъ въ безвыходное положеніе занимающіяся имъ народныя массы, въ

случаѣ неурожая гонитъ сельское населеніе на заработки въ города, а то и совсѣмъ вонъ съ насиженныхъ мѣстъ или отдаетъ въ кабалу. Устоять въ борьбѣ съ такими бѣдствіями можетъ помочь не благотворительность, а организованная поддержка; ни ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей, ни уменьшеніе обязательныхъ платежей и даже не сложеніе недоимокъ (все-равно взять нечего), словомъ сказать—не подачки въ какомъ бы то ни было видѣ, а вполнѣ оплаченное по разверсткѣ всѣми земледѣльцами вознагражденіе за потерянный трудъ и погибшій оборотный капиталъ, т. е. необходимо *страхованіе посѣвовъ отъ неурожая*.

Настоящее же развитіе и полная постановка на правильную практическую почву принадлежитъ И. Н. Бергу, издавшему въ началѣ 1882 года брошюры: „Обезпеченіе урожая. Страхованіе посѣвовъ съ проектомъ агентуры и таблицею урожаевъ за 10 лѣтъ“ и „Вопросъ о переселеніи“. Ему же принадлежитъ и первая мысль о такомъ страхованіи. Основываясь на статистическихъ данныхъ, какія можно было собрать о недородахъ и колебаніяхъ урожаевъ и о размѣрахъ хлѣбной производительности, И. Н. Бергъ имѣлъ въ виду представить общій планъ дѣла страхованія посѣвовъ, его необходимость и полную возможность. Съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ нему печать и нѣкоторые представители науки и государственные люди [1]).

Предлагалось страховать не барыши отъ земледѣлія, а лишь *неизбѣжныя издержки* хозяйства, и возвращать страхователямъ только эти издержки, т. е. стоимость земельной ренты, употребленныхъ на посѣвъ сѣмянъ и стоимость труда или обработки поля. Страхованіе *должно находиться непремѣнно въ рукахъ правительства* и быть обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ-земледѣльцевъ 60-ти губерній Европейской Россіи. Безъ такого расширенія дѣла и сосредоточенія управленія имъ не мыслимъ правильный разсчетъ страховыхъ премій и обезпеченіе рисковъ одними этими преміями. Если, какъ слышно, особая коммисія, учрежденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разработки вопроса о мѣрахъ къ под-

[1]) Профессоръ А. Ф. Брантъ, покойный предсѣдатель Харьковскаго земства Бекарюковъ и другъ. См. докладъ Бранта, читанный въ Харьковскомъ общ. сельск. хоз. 12 дек. 1882 г. Докладъ этотъ изданъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Къ исторіи вопроса о страхованіи урожаевъ въ Россіи“. Кромѣ того, по поводу этого проекта появилось въ журналахъ и газетахъ около 20 статей въ то время.

нятію цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, пришла къ убѣжденію въ необходимости государственнаго страхованія скота отъ чумы и сельскихъ строеній отъ пожаровъ, то тѣмъ болѣе необходимо возвести на степень государственнаго учрежденія такую страховую самопомощь, которая организуется для сохраненія силъ въ борьбѣ съ стихійными невзгодами (холодами, жарами, излишнею влагою, засухою, градобитіемъ, нашествіемъ сусликовъ и разныхъ насѣкомыхъ). Дѣло идетъ именно о сохраненіи силъ для дальнѣйшей и безконечной борьбы съ этими невзгодами, которыя при настоящемъ положеніи вещей могутъ въ конецъ разорять отдѣльныхъ хозяевъ и плодить нищенство на пространствѣ цѣлыхъ областей, но при раскладкѣ потерь (и только *потерь*), причиняемыхъ мѣстными бѣдствіями, на всю совокупность народнаго труда, занятаго земледѣліемъ, никогда и никого не поставятъ въ безвыходное положеніе.

Единственное препятствіе къ немедленному осуществленію государственнаго страхованія посѣвовъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ усматривали въ неполнотѣ и сомнительной достовѣрности тогдашней сельско-хозяйственной статистики нашей. Но и тогда одинъ изъ самыхъ компетентныхъ сторонниковъ проекта И. Н. Берга находилъ, что такое препятствіе не должно останавливать дѣятельность правительства въ этомъ направленіи. Мы позволяемъ себѣ заимствовать изъ его письменнаго отзыва слѣдующую выдержку.

„Противъ всего изложеннаго проекта во всей его совокупности могло быть сдѣлано возраженіе, имѣющее, повидимому, серьезную основательность: могли бы сказать и даже, хотя не совсѣмъ въ той формѣ, говорено было, что „страхованіе посѣвовъ, подобно всякому страховому дѣлу, только тогда можетъ разсчитывать на прочность своихъ дѣйствій, если страховая премія исчислена на основаніи точнаго опредѣленія риска, съ страхованіемъ сопряженнаго. Но гдѣ же данныя, которыя могли бы служить при опредѣленіи этого риска? Нуженъ цѣлый длинный рядъ годовъ, чтобы собрать необходимыя статистическія числа, и только тогда можно думать объ этомъ страхованіи“. Какъ ни справедливо, казалось бы на первый взглядъ, подобное возраженіе, но внимательное его разсмотрѣніе убѣждаетъ, что соображенія, въ немъ заключенныя, не могутъ служить препятствіемъ къ немедленному осуществленію изложеннаго, чрезвычайно важнаго проекта. На самомъ дѣлѣ: *во-первыхъ*, хотя имѣющіяся на лицо (т. е. имѣвшіяся на лицо въ началѣ 1882 г.) статистическія данныя не могутъ считаться достаточными для точнаго выполненія риска, сопряженнаго съ земледѣліемъ, но при той ограниченности задачи, которая здѣсь предполагается, и которая состоитъ въ томъ,

чтобы *обезпечить земледѣльцу лишь наименьшій урожай*, достаточный для уплаты справедливой земельной ренты, для возврата сѣмянъ и для вознагражденія положеннаго труда,—имѣющіяся данныя дозволяютъ довольно приблизительно разрѣшить задачу о величинѣ страховой преміи, необходимой для того, чтобы обезпечить правильность дѣйствій страховаго учрежденія. *Во-вторыхъ*, если вслѣдствіе неполноты и недостаточности данныхъ все-таки въ размѣрѣ страховой преміи будетъ сдѣлана нѣкоторая ошибка, то, очевидно, она можетъ быть двоякаго рода. Или назначенная премія будетъ слишкомъ велика и страховое учрежденіе будетъ накоплять излишній запасный капиталъ; или же она будетъ черезчуръ мала, такимъ образомъ, что въ теченіе ряда несчастныхъ годовъ окажется, что убытки, уплачиваемые страховымъ учрежденіемъ, превосходятъ сборы страховыхъ премій. Въ первомъ случаѣ, очевидно, опасности для страхованія нѣтъ, и придется только послѣ дѣйствія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уменьшить премію сообразно дѣйствительнымъ, оказавшимся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, результатамъ страхованія по весьма точнымъ статистическимъ даннымъ, *которыя самимъ процессомъ страхованія будутъ собраны*. Или премія можетъ оказаться недостаточною для покрытія выдачъ дурнаго года, и тогда надо ее увеличить, ибо прямой выводъ, что надо въ хорошіе годы дѣлать большій запасъ, чѣмъ было исчислено первоначально, и тѣмъ предупредить гибель хозяйствъ при существующихъ условіяхъ. Конечно, поправлять такую ошибку будетъ тяжело, и еслибы страхованіе посѣвовъ было *частнымъ предпріятіемъ*, то при такой случайности могли бы потерпѣть предприниматели. Но не въ такомъ видѣ представляется дѣло, разъ мы рѣшимъ, что страхованіе будетъ *государственное*, которое прямо заинтересовано только общимъ благосостояніемъ и не можетъ имѣть въ виду дивидентовъ отъ предпріятія“...

Записка Л. І. Грасса [1]), на которую ссылается въ своемъ письмѣ г. Боратынскій, устраняетъ и то мнимое препятствіе, передъ которымъ по недоразумѣнію останавливались въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. За десять послѣднихъ лѣтъ наша сельско-хозяйственная статистика уже настолько шагнула впередъ, что явилась полная возможность опредѣлить страховыя преміи для посѣвовъ главнѣйшихъ хлѣбовъ повсемѣстно въ Европейской Россіи. Весь вопросъ, по нашему мнѣнію, въ постановкѣ дѣла на почву общегосударственныхъ интересовъ, для чего требуется, конечно, не частная иниціатива, какъ ошибочно полагаетъ г. Грассъ. Какъ частное предпріятіе, страхованіе посѣвовъ отъ неурожаевъ имѣетъ не болѣе шансовъ на успѣхъ, какъ и страхованіе полей отъ градобитія. Да и не дѣло частной предпріимчивости вторгаться въ об-

[1]) Объ учрежденіи „Общества для страхованія сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожаевъ“. Казань, 1890 г.

лаеть народной самопомощи и держать въ своихъ рукахъ главнѣйшую основу всенароднаго и общегосударственнаго благосостоянія. Г. Боратынскій опасается казеннаго управленія, которое обставитъ-де себя такими формальностями, что онѣ отобьютъ всякую охоту у земледѣльца страховать свой небольшой посѣвъ; но здѣсь, очевидно, упускается изъ виду, что страхованіе посѣвовъ, какъ самая дѣйствительная и наиболѣе цѣлесообразная мѣра обезпеченія народнаго продовольствія, не можетъ быть добровольнымъ по меньшей мѣрѣ для крестьянскихъ надѣловъ. Его слѣдуетъ распространить еще шире въ видахъ обезпеченія платежей по займамъ изъ государственныхъ земельныхъ банковъ. Становясь же для огромнаго большинства сельскаго населенія обязательнымъ, оно уже по этому самому не можетъ быть предоставлено вѣдѣнію частнаго общества.

Въ брошюрѣ И. Н. Берга справедливо указывается кромѣ того, что изъ застрахованныхъ мѣстъ не мыслимо такое шатаніе цѣлыхъ разоренныхъ неурожаями селеній по Россіи, и оно должно пріостановиться тотчасъ же.

Въ статьяхъ моихъ: „Изъ губерніи“, „Недѣлимые дворянскіе участки“ и „Семейные участки въ бытовомъ отношеніи“, пишетъ г. Боратынскій, я доказывалъ необходимость и возможность установить у насъ предѣлъ дробимости земельной собственности. Повременная пресса, разбирая критически мои работы, указывала на затрудненія, возникающія при учрежденіи недробимыхъ единицъ владѣнія и заключающіяся, между прочимъ, въ томъ, что владѣльцы обязательно получатъ ихъ, во-первыхъ, обремененными уже ипотечными долгами, и во-вторыхъ, въ интересахъ справедливости, должны будутъ выплачивать остальнымъ членамъ семьи (напр. братьямъ, сестрамъ своимъ) ренту или капиталъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ быть увѣрены въ своей исправности уплаты лежащихъ на имѣніяхъ обязательствъ, потому что, при существующей у насъ колеблемости урожаевъ и вслѣдствіе часто случающихся неурожаевъ, ни одинъ землевладѣлецъ не въ состояніи предвидѣть, до какого минимума дойдетъ доходъ его съ имѣнія въ извѣстномъ году.

„Въ свое время я представлялъ объясненія на эти замѣчанія, но теперь, ознакомившись съ проектомъ Л. І. Грасса о страхованіи сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая, я нахожу, что сдѣланныя мнѣ возраженія сами собою пада-

ютъ, при его осуществленіи, почему, и въ видахъ интереса, который возбуждаетъ самъ проектъ, я и хочу познакомить съ нимъ читателей „Русскаго Вѣстника“.

Землевладѣлецъ Казанской губерніи Л. І. Грассъ напечаталъ обширную „Записку“, снабженную массой статистическихъ данныхъ и математическихъ вычисленій, въ которой доказываетъ возможность страхованія посѣвовъ.

Во вступленіи къ „Запискѣ“ г. Грассъ указываетъ на переживаемый нами сельско-хозяйственный кризисъ, явившійся результатомъ исторически сложившихся причинъ и состоящій въ неразрывной связи съ системой нашего хозяйства, непостоянствомъ урожаевъ, зависящихъ отъ климатическихъ причинъ, и сильнымъ паденіемъ цѣнъ на продукты земледѣлія.

Далѣе авторъ говоритъ: невѣроятно громадное увеличеніе запашекъ во всѣхъ заокеанскихъ странахъ и соотвѣтственное увеличеніе хлѣба на европейскихъ рынкахъ, благодаря дешевизнѣ перевозки по Суэзскому каналу,—при установленныхъ боевыхъ пошлинахъ на хлѣбъ въ Германіи,—даетъ право утверждать, что на прочное улучшеніе цѣнъ разсчитывать нельзя, что подъемъ ихъ можетъ быть только случайно и временно вызванъ какими-либо катастрофами въ иностранныхъ землевладѣніяхъ. Между тѣмъ, ежели для каждой страны земельный кризисъ имѣетъ огромное значеніе, то для насъ—государства земледѣльческаго, онъ пріобрѣтаетъ исключительное, первостепенной важности, народное значеніе.

Задолженность нашего землевладѣнія—фактъ вполнѣ уже констатированный, и потому достаточно сказать, что на $^1/_3$ всей нашей земельной собственности, въ томъ числѣ на $^3/_4$ земель средней полосы Россіи, лежитъ 800 милліоновъ ипотечнаго долга, несвоевременная уплата % по которому рано или поздно угрожаетъ разореніемъ землевладѣльцевъ.

Всякому земельному собственнику извѣстно, сколько правды въ этихъ словахъ автора, и каждый изъ нихъ сознаетъ, что безъ постороннихъ источниковъ доходности онъ не можетъ быть исправнымъ плательщикомъ по своимъ ипотечнымъ обязательствамъ, вслѣдствіе все той же колеблемости нашихъ урожаевъ и крайней неравномѣрности цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія.

Ежели землевладѣніе по своей природѣ даетъ извѣстный доходъ на стоимость земли и затраченный оборотный капи-

талъ въ теченіе лишь продолжительнаго періода, напр. 10—15 лѣтъ, то нужно согласиться, что, при современномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, положеніе землевладѣльцевъ представляется особенно тягостнымъ и угрожающимъ потому, какъ говоритъ авторъ „Записки", что имѣнія наши уже заложены, лѣса вырублены, личный кредитъ истощенъ, и выхода владѣльцу заложеннаго имѣнія, послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ, никакого нѣтъ.

На встрѣчу этимъ затрудненіямъ землевладѣнія и является названный проектъ. Г. Грассъ предполагаетъ учредить страховое Общество (въ „Запискѣ" не сказано, будетъ ли оно взаимнымъ или акціонернымъ), въ которомъ всякій землевладѣлецъ самый мелкій и самый крупный—могъ бы застраховать всѣ свои посѣвы.

Для того, чтобы создать подобное Общество, необходимо, кромѣ Устава и проч., составить страховой тарифъ, который бы точно опредѣлилъ страховую премію; а для составленія тарифа, въ свою очередь, нужно выяснить колеблемость урожаевъ для каждой отдѣльной мѣстности.

Для разрѣшенія этихъ двухъ задачъ, авторъ „Записки" поставилъ 3 вопроса:

а) имѣется ли у насъ достаточно полный и надежный матеріалъ для опредѣленія средней величины урожаевъ по однороднымъ небольшимъ территоріямъ?

б) имѣется ли такой же матеріалъ для опредѣленія степени колеблемости урожаевъ, а также средней повторяемости неурожаевъ?

и в) какъ велики размѣры хлѣбной производительности вообще и размѣры потерь, причиняемыхъ этой производительности неурожаями, въ частности?

Къ этой части „Записки" не напрасно газеты наши отнеслись съ большой похвалой: дѣйствительно, нужно отдать справедливость автору, работа произведена тщательно. Л. І. Грассъ собралъ матеріалы по поставленнымъ вопросамъ за отдаленнѣйшій періодъ, когда свѣдѣнія объ урожаяхъ собирались въ ограниченномъ количествѣ и безъ должнаго вниманія; затѣмъ за 2-ой періодъ, за который имѣются данныя болѣе достовѣрныя, и наконецъ, за послѣдній—за нынѣшнее десятилѣтіе, въ которое обращено надлежащее вниманіе на способы собиранія свѣдѣній о нашихъ урожаяхъ. Весь этотъ матеріалъ авторъ переработалъ по системѣ сравнительной, сопоставляя между

собою свѣдѣнія недостовѣрныя съ достовѣрными, данныя, собиравшіяся по системѣ примитивной, съ матеріалами, добытыми по послѣднему слову науки, придавая тѣмъ и другимъ должную оцѣнку; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ возможность учрежденія подобнаго страхованія, причемъ составилъ страховой тарифъ для страхованія ржи по всѣмъ губерніямъ Россіи.

Въ существѣ проектъ г. Грасса сводится къ слѣдующему: каждый землевладѣлецъ, какъ бы посѣвъ его ни былъ малъ или великъ, можетъ застраховать въ Обществѣ средній урожай на казенную десятину [1]), за что будетъ платить премію, напр. за страхованіе ржи, въ среднемъ, отъ 20 до 80 к. за казенную десятину; въ случаѣ, если урожай, по какой бы то ни было причинѣ, окажется менѣе принятаго на страхъ, Общество обязуется приплатить разницу, какъ то существуетъ нынѣ при страхованіи отъ града.

Итакъ, возьмемъ Борисоглѣбскій уѣздъ Тамбовской губерніи. За застрахованіе одной десятины средняго урожая ржи, опредѣленнаго въ этомъ уѣздѣ въ 42 пуда на десятину казенной мѣры, страхующій заплатитъ 53 коп., и если ничего не соберетъ, то ему обязаны будутъ выдать, считая по 50 коп. пудъ ржи, 21 рубль; ежели при страхованіи цѣна ржи поднимется выше 50 к., то насколько % увеличится цѣна, на столько же будетъ увеличена премія—53 к.; если же на застрахованной десятинѣ будетъ собрано 20 пудовъ ржи, то по тому же разсчету Общество выплатитъ лишь 11 рублей.

Нужно отдать справедливость, что въ такомъ видѣ проектъ г. Грасса представляется чрезвычайно заманчивымъ, и если мысль автора осуществится, то учрежденіе Общества страхованія посѣвовъ отъ неурожаевъ кореннымъ образомъ повліяетъ на наше землевладѣніе и затронетъ интересы не однихъ только землевладѣльцевъ, но отразится и на другихъ сторонахъ нашей жизни, а именно:

а) страхованіе посѣвовъ положитъ начало правильной оцѣнкѣ земель нашихъ, основанной нынѣ не на ея *дѣйствительной* доходности, а на осмотрахъ и умозаключеніяхъ; безошибочная же оцѣнка земель будетъ имѣть значеніе при повѣркѣ всѣхъ обложеній;

---

[1]) Размѣръ этого средняго урожая опредѣленъ нынѣ для каждаго уѣзда, но затѣмъ имѣетъ быть установленъ авторомъ для меньшихъ, относительно, территорій.

б) разрѣшитъ вопросъ о продовольственномъ капиталѣ, такъ какъ крестьянскія общества и крестьяне, при возможности страхованія, имѣя всегда обезпеченнымъ средній урожай, не будутъ поставлены въ необходимость, какъ это часто случается теперь, прибѣгать къ займамъ на обсѣмененіе;

в) Дворянскій и другіе земельные банки, при залогѣ имѣній или при выдачѣ новыхъ ссудъ, будутъ принимать во вниманіе доходность земли, подобнымъ страхованіемъ опредѣляемую;

г) крупные землевладѣльцы получатъ возможность отдавать имущества свои въ аренду бѣднымъ людямъ, обязывая послѣднихъ страховать посѣвы и сохраняя страховые полисы у себя и т. д., и т. д.

Конечно, всѣ исчисленныя блага послѣдуютъ, ежели проектъ Л. І. Грасса осуществимъ, а этого мы утверждать въ настоящее время не беремся въ виду того, что и самъ авторъ, по словамъ его, теперь продолжаетъ заниматься детальной разработкой тарифовъ для всѣхъ высѣваемыхъ у насъ хлѣбовъ; тарифы будутъ не поуѣздные, такъ какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ качества земли бываютъ весьма разнородны, а поволостные, основанные на вновь собираемыхъ данныхъ, по особому способу, и спеціально для этихъ цѣлей.

Къ „Запискѣ“ своей г. Грассъ приложилъ „объясненіе“ противъ всѣхъ тѣхъ замѣчаній, которыя ему въ прессѣ и отдѣльными лицами были сдѣланы. Въ виду интереса, который настоящій проектъ имѣетъ для гг. землевладѣльцевъ, полезно упомянуть объ этихъ объясненіяхъ, такъ какъ у читателей могутъ возникнуть возраженія на самый проектъ, при чтеніи настоящей статьи. Излагаю ихъ въ возможно сжатой формѣ.

Г. Грассъ говоритъ, что на проектъ его было сдѣлано главнымъ образомъ пять замѣчаній.

Во-первыхъ, указывалось, будто проектъ его возбуждаетъ сомнѣніе, между прочимъ, уже потому, что нигдѣ въ мірѣ до сихъ поръ страхованія посѣвовъ не существуетъ; между тѣмъ еслибы учрежденіе подобнаго общества было возможно, то оно возникло бы, вѣроятно, давно уже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ земледѣліе съ давнихъ временъ стоитъ высоко по своему культурному развитію.

Противъ этого г. Грассъ въ „объясненіи“ своемъ говоритъ, что дѣйствительно страхованія посѣвовъ нигдѣ въ Европѣ не существуетъ, и, на сколько извѣстно, литературой

вопросъ этотъ разработанъ не былъ, за исключеніемъ Mayet [1]), который указываетъ на страхованіе посѣвовъ отъ отдѣльныхъ несчастныхъ случаевъ, какъ напр., отъ истребленія урожаевъ насѣкомыми, наводненіями и т. п. Но отсутствіе практическаго примѣненія идеи о пользѣ страхованія посѣвовъ, конечно, не можетъ служить, по мнѣнію автора проекта, опроверженіемъ цѣлесообразности учрежденія подобнаго страхованія. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что страхованіе посѣвовъ въ европейскихъ государствахъ затруднительно, и въ немъ не ощущается такой необходимости, какъ у насъ.

Всѣ страховые разсчеты, при учрежденіи подобнаго общества, основываются на колеблемости урожаевъ. Чѣмъ выше сельско-хозяйственная культура мѣстности, въ которой страхованіе должно оперировать, и чѣмъ меньше районъ дѣйствій страхованія посѣвовъ, тѣмъ организація его труднѣе. Каждое изъ европейскихъ государствъ въ отдѣльности представляется въ культурномъ отношеніи стоящимъ несравненно выше нашего, а по территоріи своей значительно меньшимъ, чѣмъ площадь нашихъ посѣвовъ. Возьмите для примѣра самыя крупныя государства: Францію, Пруссію и Австрію; въ каждомъ изъ нихъ сельско-хозяйственная культура стоитъ чрезвычайно высоко, и та примитивная система хозяйства, которая примѣняется еще у насъ на огромныхъ пространствахъ, тамъ давно уже заброшена. Въ государствахъ этихъ колеблемость урожаевъ не составляетъ такой громадной діаграммы, какъ у насъ: въ Россіи бываетъ, напримѣръ, весьма удовлетворительный урожай на востокѣ, въ то же самое время полный неурожай на югѣ и наоборотъ. Въ Западной Европѣ, въ государствахъ значительно меньшей территоріи, благодаря усовершенствованнымъ системамъ хозяйства, урожай ниже средняго бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ у насъ, а неурожаи поражаютъ ежели не всю площадь посѣвовъ въ государствѣ, то во всякомъ случаѣ значительную ея часть, въ виду чаще всего встрѣчающейся тамъ однородности почвы.

Между тѣмъ страхованіе посѣвовъ желательно и возможно лишь на громадной территоріи, чтобы при страховыхъ разсчетахъ принимать во вниманіе не только каждый отдѣльный случай страхованія, но и поступленія премій изъ мѣстностей, неурожаемъ не пораженныхъ. Мнѣніе это находитъ подтвержденіе въ „Запискѣ“ г. Грасса (на стр. 53—55), гдѣ выяснено,

[1]) Mayet. Landwirthschaftliche Versicherung.

что въ самые неурожайные годы: 1833, 1839, 1844—46, 1867, 1869, 1877 и 1882, когда недоборы въ извѣстныхъ нашихъ провинціяхъ были чрезвычайно велики, въ другихъ частяхъ государства урожаи были совершенно удовлетворительны, несмотря на то, что средній недоборъ ржи былъ около двухъ милліоновъ, а пшеницы около 750 тысячъ четвертей въ годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо помнить, продолжаетъ авторъ, что земельный вопросъ въ Западной Европѣ давно уже нормированъ, цѣнность земли точно опредѣлена, и процентъ доходности ея несравненно ниже, чѣмъ онъ *обязательно* долженъ быть у насъ, вслѣдствіе тѣхъ историческихъ причинъ, благодаря которымъ $^3/_4$ нашего пахатнаго землевладѣнія очутились съ 800-милліоннымъ ипотечнымъ долгомъ, ежегодно поглощающимъ около 50 милліоновъ рублей—процентовъ и на погашеніе капитала. Принимая же въ соображеніе, что, независимо отъ колеблемости урожаевъ, у насъ параллельно происходитъ такая же огромная колеблемость цѣнъ на хлѣба (отъ 32 коп. до 1 р. 28 коп. за пудъ ржи),—необходимо согласиться, думаетъ Л. І. Грассъ, съ слѣдующимъ положеніемъ: если западно-европейскія государства и могутъ обойтись безъ страхованія посѣвовъ, то это не значитъ, чтобы оно не было полезнымъ, если даже не необходимымъ у насъ.

Во-вторыхъ, замѣчали, что статистическій матеріалъ, на основаніи котораго построены выводы „Записки“, не представляется достаточно надежнымъ въ виду небрежности, съ которою вообще собираются наши статистическія свѣдѣнія.

Вся почти „Записка“, пишетъ на это авторъ, посвящена именно указанному вопросу, и при составленіи ея онъ былъ того же мнѣнія, что каждое, по роду своему, изъ статистическихъ данныхъ не представляется на столько достовѣрнымъ, чтобы могло служить *единственнымъ* основаніемъ страховыхъ разсчетовъ. Поэтому-то г. Грассъ и избралъ методъ *сравнительный*. При дальнѣйшемъ опредѣленіи колеблемости урожаевъ, онъ обѣщаетъ держаться метода *сравнительнаго* же, и всѣ данныя оффиціальной и научной статистики лично провѣрять посредствомъ сношеній съ уѣздными земскими управами, отдѣльными землевладѣльцами, а также данными, доставляемыми волостными правленіями въ центральный статистическій комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Сравненіе этихъ 3-хъ источниковъ съ свѣдѣніями Департамента Земледѣлія Министерства Государственныхъ Имуществъ и данными, авторомъ

уже собранными, при благоразумной осторожности, дадутъ возможность, по его мнѣнію, сдѣлать вѣрный выводъ о колеблемости урожаевъ каждаго отдѣльнаго хлѣба.

Въ-третьихъ, иные находили, что принятая въ „Запискѣ" территоріальная единица—уѣздъ—невѣрна, ибо у насъ и въ отдѣльныхъ уѣздахъ происходитъ значительное колебаніе урожаевъ.

На это г. Грассъ отвѣчаетъ, что въ концѣ своей „Записки" онъ совершенно категорически высказалъ то же мнѣніе. Уѣзды наши на столько велики, что во многихъ изъ нихъ ежегодно урожай колеблется соотвѣтственно качеству земли полосы уѣзда, почему и ипотечные банки, выдавая ссуды, раздѣляли уѣзды на извѣстныя категоріи. При составленіи окончательныхъ страховыхъ тарифовъ, онъ будетъ принимать во вниманіе однородность почвы, а не границы уѣзда, и тарифы будутъ не *поуѣздные*, а *поволостные*.

Въ-четвертыхъ, многіе предполагали, что въ принципѣ учрежденіе Общества страхованія посѣвовъ отъ неурожаевъ будетъ поощрять небрежныхъ хозяевъ и не привлечетъ къ страхованію посѣвовъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые стремятся къ усовершенствованію своихъ хозяйствъ.

Цѣль учрежденія общества, возражаетъ на это авторъ „Записки", состоитъ не въ томъ, чтобы страховать доходность земли, для хлѣбопашества пригодной, но необработанной, а въ томъ, чтобы въ случаѣ *несчастія*, постигшаго землевладѣльца, путемъ страхованія вознаградить его трудъ, и чтобы онъ не подвергся той участи, которая ожидаетъ его теперь при полномъ неурожаѣ, особенно если имѣніе его, какъ большая часть нашихъ занятыхъ посѣвами земель, обременено ипотечными долгами.

Общество ставитъ себѣ задачей, продолжаетъ онъ, принимать на страхъ посѣвы только до $^2/_3$ средняго урожая или средній урожай; а всякому извѣстно, что при среднемъ урожаѣ, особенно въ виду колеблемости у насъ цѣнъ на зерновой хлѣбъ, результаты земледѣлія въ каждомъ отдѣльномъ году считаются неудовлетворительными, потому что самое понятіе — *средній* противоположно понятію *хорошій*, а тѣмъ болѣе *отличный*. Годъ, въ который землевладѣлецъ получитъ премію отъ Общества, останется для него неудачнымъ сельскохозяйственнымъ годомъ, но не погубитъ его въ экономическомъ отношеніи; между тѣмъ, какъ теперь, землевладѣлецъ,

не получившій средняго урожая съ своихъ полей,—если онъ не имѣетъ другихъ источниковъ доходности, — въ одинъ подобный годъ почти разоряется, будучи поставленъ въ необходимость прибѣгать къ личному кредиту, безъ увѣренности пополнить убытки изъ доходовъ будущаго года. Поэтому-то при учрежденіи Общества, существенно важно, на сколько относительно возможно понизить страховой тарифъ, чтобы онъ былъ выгоденъ какъ для крестьянина, обработывающаго землю трудами своихъ рукъ, такъ и для крупнаго землевладѣльца, ведущаго громадную запашку. Авторъ „Записки" надѣется, что представленный имъ тарифъ для ржи соотвѣтствуетъ этимъ требованіямъ, ибо уплата за десятину посѣва отъ 20 до 80 коп. не можетъ быть признана обременительною ни для крестьянина, засѣвающаго одну десятину, ни для землевладѣльца, имѣющаго подъ посѣвомъ огромное пространство земли.

Затѣмъ г. Грассъ отвѣчаетъ на дѣлаемое ему возраженіе, что назначенныя по тарифу преміи не соотвѣтствуютъ колеблемости урожаевъ; такъ напримѣръ, будто въ губерніи Тверской, гдѣ колеблемость урожаевъ меньше, чѣмъ въ Самарской, страховой тарифъ недостаточно разнится въ нѣкоторыхъ уѣздахъ первой губерніи отъ установленнаго въ послѣдней. Замѣчаніе это, по его мнѣнію, теперь преждевременно уже потому, что составленный имъ тарифъ на уѣздъ, какъ на *единицу*, имѣлъ задачей выработать максимальныя нормы, выше чего къ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ страхованіе ржи не обойдется; конечно, при составленіи тарифовъ не *по-уѣздныхъ*, а *потерриторіальныхъ* въ уѣздѣ, т. е. по однородности почвы, тарифъ этотъ нѣсколько измѣнится, не выходя изъ основныхъ нормъ.

Независимо отъ сего, необходимо, при подобномъ возраженіи, также помнить, продолжаетъ Л. І. Грассъ, что колеблемость урожаевъ можно разсматривать двояко: отъ полнаго неурожая до высшаго урожая—тогда составится извѣстная діаграмма; или отъ полнаго недобора зерна до средняго урожая—тогда опять будетъ другая діаграмма, ибо извѣстно, что земли среднихъ качествъ, напримѣръ, имѣющія подъ почвой суглинокъ, рѣже даютъ цвѣтущіе урожаи, чѣмъ земли черноземныя, но за то на нихъ рѣже бываютъ и полные неурожаи, чѣмъ на земляхъ высокаго качества; между тѣмъ мнѣнія о колеблемости урожаевъ, составленныя не на основаніи статистическихъ дан-

ныхъ и математическихъ выводовъ, имѣютъ въ виду чаще всего именно не средній, а высшій урожай. Указанною разностью почвы объясняется также, почему, при разсматриваніи голыхъ цифръ тарифовъ, безъ изученія текста, на которомъ онѣ построены, можетъ показаться для нѣкоторыхъ уѣздовъ Россіи какъ будто ненормальность, въ дѣйствительности не существующая.

Въ-пятыхъ, наконецъ, нѣкоторые утверждали, будто администрація столь колоссальнаго предпріятія представится настолько сложною, что нерадѣніе агентовъ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на успѣхъ Общества. Замѣчаніе это основывается на томъ, что, во-первыхъ, потребуется чрезвычайно много агентовъ, надзоръ за которыми будетъ крайне труденъ; и во-вторыхъ, что Общество должно будетъ выдавать преміи, основываясь исключительно на заявленіяхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ или агентовъ, не всегда стоящихъ на высотѣ своего призванія.

Безспорно, соглашается Л. І. Грассъ, агентовъ Обществу нужно много, и въ настоящее время невозможно точно опредѣлить ихъ количества, но за то и контингентъ лицъ, изъ которыхъ корпусъ агентовъ можетъ быть составленъ, по мнѣнію его, громаденъ. Общество страхованія посѣвовъ будетъ стоять въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не образуется другое такое же общество, потому что всѣ страховыя общества, на что бы страхованіе ни было направлено, постоянно конкуррируютъ между собою. Агенту одного страховаго отъ огня общества запрещается состоять агентомъ другаго, почему общества эти находятся часто въ затрудненіи при выборѣ агентовъ. Общество же страхованія посѣвовъ можетъ заимствовать своихъ агентовъ изъ числа агентовъ другихъ существующихъ въ Россіи страховыхъ обществъ, изъ которыхъ каждое безпрепятственно разрѣшитъ своему агенту служить одновременно и въ Обществѣ страхованія посѣвовъ въ томъ простомъ соображеніи, что этимъ способомъ добросовѣстный и исправный агентъ можетъ привлечь въ общество новыя страхованія, завязывая сношенія съ землевладѣльцами при страхованіи посѣвовъ.

Независимо отъ сего, Общество имѣетъ возможность пріобрѣтать ихъ и изъ другихъ источниковъ. Учрежденіе податныхъ инспекторовъ въ настоящее время окрѣпло, и какъ установленіе, имѣющее своей задачей наблюденіе за поступленіемъ

окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, достигаетъ все бо́льшаго и бо́льшаго развитія. Въ интересахъ министерства финансовъ, чтобы податные инспектора имѣли точныя свѣдѣнія о всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли. Основываясь на этомъ принципѣ, авторъ надѣется, что наше центральное финансовое управленіе не встрѣтитъ препятствій къ разрѣшенію податнымъ инспекторамъ состоять и агентами общества страхованія посѣвовъ.

Но такъ какъ агенты другихъ обществъ и податные инспектора проживаютъ вообще въ городахъ, а обществу —для удобства страхователей—желательно бы имѣть своихъ агентовъ въ селахъ и деревняхъ,—то Л. І. Грассъ указываетъ еще на сельскихъ учителей, которые съ успѣхомъ для дѣла могли бы состоять субъ-агентами общества. Свойство занятій этихъ лицъ и ничтожность получаемаго ими содержанія дадутъ возможность уѣзднымъ агентамъ найти среди нихъ надежныхъ помощниковъ, близко знакомыхъ, по условіямъ своего мѣста жительства, съ предметомъ, на страхъ Обществомъ принимаемымъ.

Затѣмъ г. Грассъ переходитъ къ рѣшенію вопроса, будутъ ли на лицо средства для провѣрки правильности донесеній агентовъ о понесенныхъ страхователями потеряхъ?

Причины уплаты страховымъ отъ огня обществомъ убытковъ, отъ пожара происшедшихъ, говоритъ авторъ „Записки“, вытекаютъ изъ случайности; по всей территоріи, на которой дѣйствуетъ извѣстное общество, ежедневно могутъ происходить пожары; поэтому по всей же территоріи сила и энергія агентовъ Общества должна быть всегда неослабно одинакова. Произошелъ пожаръ строенія, извѣщается агентъ, полицейское или сельское начальство; агентъ обязанъ всегда быть на мѣстѣ своего жительства и соотвѣтственно довѣрію, которое онъ питаетъ къ страхователю, или отправляется на мѣсто пожара, или довольствуется составленнымъ полицейскими или волостными властями актомъ о причинахъ пожара и о томъ, что сгорѣло. Подобный актъ поступаетъ въ центральное управленіе Общества, которое должно вполнѣ довѣрять агенту, если оно въ самой формѣ акта или по какимъ-либо постороннимъ свѣдѣніямъ не имѣетъ основанія сомнѣваться въ его правдивости. Гг. инспектора общества, разъѣзжающіе по агентствамъ, весьма часто не находятся тамъ, гдѣ случился пожаръ; да еслибъ въ бытность ихъ въ извѣстной мѣстности и произошелъ пожаръ, то развѣ только о весьма значительномъ они

въ состояніи собирать свѣдѣнія. Между тѣмъ, при такой—единственно возможной—системѣ контроля не только ошибки, но и злоупотребленія совершенно естественны.

Управленіе Общества страхованія посѣвовъ, продолжаетъ г. Грассъ, будетъ находиться внѣ этихъ неблагопріятныхъ условій, вслѣдствіе самаго свойства своей дѣятельности. Общество будетъ вознаграждать убытки не отъ происшествія случайнаго (за исключеніемъ поврежденія хлѣбовъ градомъ), но отъ бѣдствія, постигшаго не отдѣльный клочекъ земли, а извѣстную мѣстность, иногда даже значительную полосу Россіи. Бѣдствія эти появляются не вдругъ, порождаются не однимъ моментомъ, а возникаютъ изъ цѣлой серіи причинъ, дѣлающихся достояніемъ общества задолго до того времени, когда подлежащее вознагражденію бѣдствіе выльется въ опредѣленную форму. Осенью газеты оповѣщаютъ о дурныхъ или хорошихъ всходахъ хлѣбовъ въ цѣлыхъ мѣстностяхъ: оффиціальныя свѣдѣнія говорятъ о видахъ на будущій урожай; отсутствіе снѣговъ или выпаденіе ихъ на талую землю, засуха весною, отсутствіе дождей послѣ яровыхъ посѣвовъ, появленіе вредныхъ для растеній насѣкомыхъ, неудачи при жатвѣ и, наконецъ, затрудненія при самой уборкѣ—все это такіе факты, которые извѣстны всякому, даже вовсе неинтересующемуся сельскимъ хозяйствомъ.

Центральное управленіе Общества страхованія посѣвовъ отъ неурожаевъ, стоящее на высотѣ своего призванія, конечно,—надѣется авторъ „Записки“, — озаботится своевременно имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о положеніи хлѣбовъ въ каждый данный моментъ, и до того, какъ получитъ донесенія отъ своихъ агентовъ о происшедшихъ убыткахъ, уже будетъ впередъ ожидать такихъ донесеній,—а вслѣдствіе этого оно или отнесется къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, или, наоборотъ, признаетъ недостовѣрными, возбуждающими сомнѣніе.

Ни въ одномъ страховомъ обществѣ организація инспекторовъ не будетъ столь существенно важной, какъ при страхованіи посѣвовъ. Донесенія агентовъ о дурныхъ всходахъ, о появившемся червякѣ или о разныхъ другихъ бѣдствіяхъ сельскаго хозяйства могутъ вызвать командировку въ эти мѣстности инспекторовъ, которые уже провѣренныя свѣдѣнія доставятъ въ центральное управленіе. Такимъ образомъ, донесенія агентовъ будутъ поступать въ Общество не какъ неожиданная новость, а какъ весьма понятное слѣдствіе бывшихъ у него

въ виду причинъ. Наоборотъ, донесенія агентовъ изъ такихъ мѣстностей, изъ которыхъ центральное управленіе не имѣло никакихъ основаній ихъ ожидать, породятъ немедленно сомнѣніе и вызовутъ повѣрку ихъ правильности.

Эти даже бѣгло намѣченныя условія дѣятельности агентуры Общества страхованія посѣвовъ свидѣтельствуютъ,—дѣлаетъ заключеніе Л. І. Грассъ,—что злоупотребленія и нерадѣніе агентовъ возможны, но только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они могутъ существовать и для всякаго другаго страховаго предпріятія. Слѣдовательно, предположеніе, что агентура можетъ погубить дѣло страхованія посѣвомъ, мыслимо лишь тогда, когда совокупно съ злоупотребленіями агентуры будетъ нерадиво и во вредъ Общества дѣйствовать также центральное его управленіе.

Приведеннымъ замѣчаніемъ г. Грассъ не считаетъ исчерпаннымъ вопросъ объ администраціи Общества, потому что указанія опыта въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, поведутъ несомнѣнно къ усовершенствованію управленія; своими же соображеніями онъ хотѣлъ лишь доказать возможность контроля надъ агентурой, что, впрочемъ, будетъ детально разработано въ особомъ приложеніи къ „Запискѣ", подъ названіемъ „Инструкція инспекторамъ, агентамъ и субъ-агентамъ Общества страхованія сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожаевъ".

Вотъ сущность работы г. Грасса, достаточно, какъ кажется, выяснившаго осуществимость его мысли. Однако, нельзя не опасаться, что на первыхъ порахъ страхованіе можетъ пойти туго отчасти потому, что у насъ въ Россіи—болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нововведенія прививаются медленно, а главное потому, что, и при полномъ сознаніи пользы страхованія посѣвовъ, даже столь незначительная премія—отъ 20 к. до 80 коп. на десятину—будетъ обременительна для землевладѣльцевъ, едва осиливающихъ уже лежащія на нихъ тяготы. Очевидно, что для успѣха дѣла нужно будетъ разсчитывать на косвенные стимулы для первоначальнаго толчка по пути развитія у насъ страхованія посѣвовъ, а въ таковыхъ нельзя предвидѣть недостатка, такъ какъ подобное страхованіе дастъ благотворные результаты не для однихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, но и для многихъ учрежденій.

Во-первыхъ, въ успѣхѣ его заинтересовано Министерство

Финансовъ, потому что страхованіе посѣвовъ обезпечитъ ему исправное поступленіе поземельныхъ налоговъ.

Затѣмъ, земство—по той же причинѣ, и кромѣ того, что̀ гораздо важнѣе, при существованіи страхованія, земство освободилось бы отъ заботъ по обезпеченію народнаго продовольствія и выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе полей, если не въ полномъ, нынѣ существующемъ, объемѣ, то уже навѣрное въ $^{9}/_{10}$ всей ежегодно расходуемой имъ на этотъ предметъ суммы.

Наконецъ, въ учрежденіи у насъ страхованія заинтересованы земельные банки, не исключая и Дворянскаго,—этотъ послѣдній болѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ цѣль его—сохраненіе земель за дворянами, въ чемъ Общество страхованія посѣвовъ должно оказать ему неоспоримую поддержку. Еще бо̀льшую поддержку Общество окажетъ Крестьянскому банку, который обыкновенно находится въ сильнѣйшемъ затрудненіи, при неуплатѣ заемщиками срочныхъ взносовъ, потому что земли, принадлежащія крестьянамъ, съ трудомъ находятъ себѣ покупателей.

Всѣ упомянутыя учрежденія, ради своихъ интересовъ, могутъ изобрѣсти нескончаемый рядъ поощрительныхъ мѣръ, и добровольныхъ, и обязательныхъ, для успѣшнаго хода дѣла на первыхъ порахъ страхованія посѣвовъ. Конечно, теперь преждевременно ломать себѣ голову надъ измышленіемъ того, что̀ въ силахъ сдѣлать то или другое вѣдомство, то или другое учрежденіе, каждое въ своей сферѣ дѣйствій, можетъ болѣе спеціально разработать проектъ мѣропріятій, чѣмъ даже самъ авторъ идеи.

Намъ извѣстно, что одно выдающееся лицо нѣсколько лѣтъ тому назадъ занималось аналогичнымъ съ возбужденнымъ авторомъ „Записки“, вопросомъ; въ то время вопросъ этотъ ставился на почву государственнаго страхованія посѣвовъ. Другія, болѣе неотложныя заботы, вѣроятно, заставили отложить начатое дѣло, которое, однако, безъ мощнаго двигателя навряд̀ъ-ли можетъ имѣть практическое примѣненіе. Какъ ни желательно было бы возникновеніе государственнаго страхованія посѣвовъ, но, пожалуй, иниціатива и установка предпріятія акціонернымъ Обществомъ принесетъ болѣе пользы дѣлу при правительственномъ контролѣ, чѣмъ казенное управленіе, по тому простому соображенію, что, оставаясь въ рукахъ исполнителей — мелкихъ чиновниковъ, оно неизбѣжно должно быть обставлено такими формальностями, которыя, въ

зиду громадности нашихъ разстояній, отобьютъ всякую охоту у земледѣльца страховать свой небольшой посѣвъ. Напротивъ, покровительство и содѣйствіе правительства всякой попыткѣ, направленной на учрежденіе у насъ страхованія посѣвовъ, необходимы и тѣмъ болѣе цѣлесообразны, что вопросъ о страхованіи хотя части средняго урожая для Россіи есть вопросъ первостепенной государственной важности.

Итакъ, одно изъ существенныхъ возраженій, сдѣланныхъ мнѣ литературой относительно затрудненій въ установленіи предѣловъ дробимости земельныхъ владѣній—упраздняется проектомъ г. Грасса. Мало-по-малу прибавляется и количество сторонниковъ недробимыхъ участковъ. Довольно указать на превосходную статью К. П. Побѣдоносцева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (Сентябрь 1889 г.). Много поощрительныхъ писемъ за это время я получилъ отъ лицъ весьма извѣстныхъ. Возраженія, сдѣланныя въ прессѣ и отпоръ двухъ губерній (только двухъ) не поколебали сторонниковъ идеи; число ихъ, видимо, ростетъ, но быстрѣе этого роста надвигаются результаты существующаго порядка вещей, на которые я указалъ въ моей статьѣ „Изъ губерніи“ („Русск. Вѣстн.“), несмотря на нѣкоторыя препятствія, поставленныя имъ Высочайше дарованными льготами, посредствомъ Дворянскаго банка.

Говорятъ, что государству безразлично, кто собственникъ земли; что существуетъ непреложный законъ, по которому владѣніе, непосильное для обладателя его, переходитъ отъ разорившагося къ другому, покупающему его дешево съ торговъ, затѣмъ къ третьему еще дешевле, до той поры, пока оно не достанется кому-нибудь по той цѣнѣ, которая дастъ послѣднему покупщику возможность удержать въ своихъ рукахъ владѣніе.

Не стану это оспаривать; но развѣ такой законъ бытія выгоденъ государству? Какъ? рядъ банкротствъ, разореніе цѣлаго ряда гнѣздъ, для благоденствія одного! Да если это—постоянно повторяемое явленіе, то что же станется съ государствомъ, населеннымъ разоренными людьми? Противъ такихъ явленій государство должно бороться всѣми своими силами. Вотъ почему практическіе американцы и поняли, что государству далеко не безразлично, *кто* владѣетъ землей, что владѣльцы земли отнюдь не должны быть какими-то кочевниками: они должны быть крѣпкими въ своихъ гнѣздахъ изъ рода въ родъ.

Въ вопросѣ о предѣльной дробимости земель для каждаго

теперешняго владѣльца имѣнія предвидится такъ много жертвъ чисто семейнаго характера, такъ труденъ переходъ отъ одной системы наслѣдія къ другой, что нельзя не удивляться еще тому, что этотъ вопросъ имѣетъ за собой, между землевладѣльцами, ту численность сторонниковъ, какая мало-по-малу обнаруживается. Какъ своевременно было бы воспользоваться этимъ настроеніемъ для правильной постановки этого вопроса! Бѣдственныя причины, послужившія поводомъ къ возникновенію мысли объ установленіи предѣла дробимости земель,—на лицо. Никто не сказалъ, что это вымыселъ. Всѣ тѣ, которые говорили въ печати, всѣ ихъ подтвердили. Впрочемъ дознано, что у насъ въ Россіи только то осуществляется, что исходитъ отъ правительства. Будемъ же надѣяться, что своевременно и вопросъ объ установленіи предѣла дробимости земель и вопросъ о неотчуждаемости земель крестьянскихъ обществъ сдѣлаются достояніемъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Вѣдь дождались же вопросы о пошлинахъ крутаго поворота, и выходитъ хорошо: финансы поправляются не по днямъ, а по часамъ. Видно во всемъ и всегда дѣло мастера боится.

Н. БОРАТЫНСКІЙ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неустройство поземельныхъ отношеній русскихъ поселенцевъ въ Туркестанѣ и Батумскомъ округѣ.—Необходимость бо́льшаго простора для культурной предпріимчивости русскихъ людей.—Ташкентская организаціонная коммисія.—Сибирская желѣзная дорога.—Переселенія въ Бразилію.—Попечительницы.—Пересмотръ городоваго положенія.—Тарифная коммисія и вопросъ о пошлинахъ на земледѣльческія орудія.

Объявивъ всенародно, что „всякіе успѣхи на поприщѣ отечественной промышленности и торговли будутъ почитаться заслугами государству“, верховная власть тѣмъ самымъ поставила въ обязанность правительственнымъ органамъ слѣдить за этими успѣхами и внимательно относиться къ нуждамъ народнаго хозяйства. Частная предпріимчивость получаетъ, такимъ образомъ, новое ободреніе въ надеждѣ, что встрѣтитъ властное содѣйствіе къ устраненію неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій для трудовой дѣятельности русскихъ людей на всемъ пространствѣ государства. Она вправѣ разсчитывать, что подлежащія вѣдомства приступятъ, наконецъ, къ разрѣшенію вопросовъ, отложенныхъ въ долгій ящикъ по какимъ-то непостижимымъ соображеніямъ политическаго такта или за недосугомъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, обремененныхъ „текущими“ дѣлами.

Иностранецъ не повѣрилъ бы, что русскіе люди до сихъ поръ крайне стѣснены въ пріобрѣтеніи поземельной собственности и въ Туркестанѣ, и въ Батумской области. При завоеваніи Ташкента, правящими сферами обуяло лишь „опасеніе, какъ бы какой-нибудь клочекъ земли, который можетъ оказаться казеннымъ, не укрѣпить за частнымъ липомъ“. Казалось бы, что въ виду такого опасенія администраціи надле-

жало немедленно привести казенныя земли въ точную извѣстность, но этого не сдѣлано и по сю пору; пока же чиновничество не изучитъ всѣхъ видовъ землевладѣнія въ завоеванномъ краѣ, запрещено совершать купчія крѣпости на землю, т. е., въ сущности, запрещено пріобрѣтать поземельную собственность выходцамъ изъ Россіи, такъ какъ туземцамъ дозволено передавать земли между собою изъ рукъ въ руки „по обычаю". Туземцы свободно пользуются недвижимостію, свободно покупаютъ и продаютъ ее по простымъ запискамъ казіевъ (народныхъ судей), не платя никакихъ пошлинъ [1]), исправно захватываютъ „охраняемыя отъ захватовъ" казенныя земли, благодаря отсутствію точныхъ о нихъ свѣдѣній, и захваты эти, на общемъ основаніи, узаконяются давностію владѣнія. Русскимъ предпринимателямъ удалось всякими правдами и неправдами пріобрѣсти во всемъ краѣ лишь около 10.000 десятинъ, да и этими землями они владѣютъ отчасти подъ чужими именами. Къ счастію еще, что въ ташкентскомъ округѣ были неорошенныя земли, никѣмъ незанятыя. Русскіе люди ихъ оросили и при помощи подставныхъ собственниковъ изъ туземцевъ перевели черезъ нѣсколько рукъ въ свое владѣніе по запискамъ казіевъ. На этихъ-то земляхъ и появились хлопковыя плантаціи, на которыхъ разводится теперь американскій upland. По неволѣ первые русскіе плантаторы сосредоточили всѣ свои усилія въ ташкентскомъ округѣ, и, по общему мнѣнію, пока казенныя земли будутъ лишь „охраняться" (да еще такъ, чтобы не мѣшать захватамъ туземцевъ) и правительство не будетъ допускать долгосрочной аренды на этихъ земляхъ, даже съ обязательствомъ ихъ орошенія, до тѣхъ поръ нигдѣ, кромѣ окрестностей Ташкента, не удастся работать русскимъ земледѣльцамъ. Между тѣмъ высшая земледѣльческая культура въ краѣ поддерживается только выходцами изъ Россіи. Только благодаря ихъ знаніямъ, энергіи и помощи кредитомъ, оказанной русскимъ предпринимателямъ мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка, окончательно водворилась тамъ культура американскаго хлопка (идея принадлежитъ покойному генералу Кауфману, а починъ исполненія Раевскому, Лахтину и Бѣлякову). Въ 1884 г. изъ края было

[1]) Несмотря на высокую цѣну земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Котта-Курганскомъ уѣздѣ десятина стоитъ отъ 500 до 1000 р. Площадь всей культурной земли въ краѣ достигаетъ 2.500.000 дес. Средняя цѣна десятины 100 р.

отправлено въ Москву всего 2.000 пудовъ выращеннаго изъ американскихъ сѣмянъ хлопка, а въ 1888 году эта цифра для одного ташкентскаго района возросла до 250.000. Русскимъ же хлопководамъ (Тарсину, Никифорову, Стефаницкому) край обязанъ усовершенствованіемъ запашекъ и машинному разрыхленію почвы, что значительно удешевляетъ обработку земли и ускоряетъ дозрѣваніе хлопка, стало быть предотвращаетъ гибель коробокъ отъ раннихъ заморозковъ. Хлопковыя плантаціи, конечно, сильно истощаютъ почву, но русскіе люди представили на ташкентской выставкѣ доказательства своего искусства и во многихъ другихъ отрасляхъ культурнаго хозяйства. Винодѣліе, которому еще въ шестидесятыхъ годахъ положили начало въ краѣ бр. Первушины, получило сильный толчекъ благодаря улучшеніямъ, внесеннымъ въ это дѣло Ивановымъ и Филатовымъ. Первушины же и Филатовъ стали разводить высшіе сорты табаку. Лахтинъ первый (и чуть ли не собственными руками) выстроилъ заводъ для очистки хлопка. Ивановъ выростилъ породу упряжной и артиллерійской лошади, безъ всякаго содѣйствія со стороны государственнаго коннозаводства. Тезиковъ завелъ въ краѣ дубленіе и выдѣлку кожъ, производимыхъ нынѣ въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія мѣстнаго спроса. Въ то время какъ петербургскій департаментъ земледѣлія и сельскаго хозяйства сосредоточилъ въ дѣлѣ шелководства все свое вниманіе на усовершенствованіи способовъ разматыванія коконовъ, шелководъ Никифоровъ понялъ, что улучшеніе дѣла всецѣло зависитъ отъ оздоровленія шелковичныхъ червей, и дѣятельно принялся за производство целлюлярной грены, а также сталъ постоянно выписывать корсиканскую грену. Краузе завелъ плантаціи лѣкарственныхъ растеній и выжимаетъ масло изъ миндальныхъ и урюковыхъ косточекъ. Наконецъ, въ прошломъ году, предпринята обработка фруктовъ Глинкою-Янчевскимъ, владѣльцемъ самаго большаго сада въ Ташкентѣ. Нашъ перечень полезныхъ начинаній русскихъ людей въ области хозяйства Туркестанскаго края и обученія туземцевъ[1]) далеко не полонъ, но и приведенныхъ данныхъ достаточно, кажется, для убѣжденія, что казна много выиграла бы отъ приведенія въ точную извѣстность и передачи своихъ земель, хотя бы только въ дол-

[1]) Здѣшняя семинарія, напримѣръ, весьма успѣшно распространяетъ въ краѣ, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, обученіе русскихъ и туземныхъ дѣтей разнымъ ремесламъ.

госрочное пользованіе, искуснымъ русскимъ предпринимателямъ. Доступъ къ этимъ благодатнымъ землямъ долженъ быть всемѣрно облегченъ русскимъ людямъ, иначе у многихъ изъ нихъ отпадетъ охота къ такому труду, для котораго нѣтъ ни обезпеченнаго существованія, ни простора, и промышленное развитіе края будетъ задержано. Не требуютъ ни даровыхъ отводовъ, ни какихъ бы то ни было „воспособленій“ отъ казны. Желаютъ только, чтобы казенное вѣдомство разобралось въ поземельномъ вопросѣ, отмежевало казенныя земли и, не опасаясь утратить что-либо изъ государственнаго достоянія, установило прочный порядокъ въ пользованіи землями.

Жалуются на свои невзгоды и поселенцы Батумскаго округа. И тамъ, повидимому, всему виною неустройство поземельныхъ отношеній. Частные люди пріобрѣтаютъ пустующія земли „по турецкимъ документамъ“, обстраиваются, заводятъ въ своихъ имѣніяхъ или дачахъ „роскошныя плантаціи“,—стало быть и здѣсь, какъ въ Туркестанѣ, они являются піонерами высшей земледѣльческой культуры,—а затѣмъ оказывается, что на эти имѣнія и дачи имѣютъ права сосѣдніе туземцы потому-де, что вся земля въ округѣ объявлена государственною собственностію. Этотъ удивительный аргументъ приводится мѣстными властями въ оправданіе притязаній туземцевъ, пріобрѣтать расположеніе которыхъ считаютъ невозможнымъ иначе, какъ цѣною вынужденныхъ жертвъ со стороны пришлаго русскаго населенія. Затѣмъ предпринимаются экскурсіи для собиранія жатвы „съ чужихъ полей“, въ чемъ туземцы же принимаютъ самое дѣятельное участіе и почему-то остаются безнаказанными. Наконецъ, ходятъ слухи, что затрудненія въ рѣшеніи поземельнаго вопроса въ новопріобрѣтенныхъ отъ Турціи областяхъ создаютъ армяне. „Говорятъ,—читаемъ въ „*Нов. Времени*“,—они сильно мечтаютъ о Великой Арменіи и твердо рѣшились, по возможности, мѣшать, стѣснять или вовсе не допускать русскаго поселенія въ областяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Армяне вообще стараются получить преобладаніе во всемъ Закавказьи, и это уже сильно имъ удалось, благодаря нашей халатности и грузинской безпечности, подобно тому какъ имъ удалось достигнуть такого же преобладанія въ Турціи, въ противность жалобамъ и воплямъ армянскихъ газетъ, издающихся въ Лондонѣ и разсказывающихъ о турецкихъ звѣрствахъ въ такомъ же тонѣ, въ какомъ въ свое время разсказывалось о звѣрствахъ турокъ въ Болгаріи“. Покуда затѣи армянскихъ

патріотовъ не выходятъ изъ области иллюзій и сомнительнаго достоинства воздѣйствія на общественное мнѣніе Европы, мы можемъ оставаться спокойными зрителями интриги, но если эти затѣи оказываютъ давленіе на дѣятельность мѣстныхъ властей въ Батумскомъ округѣ и незаконными путями препятствуютъ дозволенной правительствомъ русской колонизаціи, то „халатность“ съ нашей стороны была бы совершенно неумѣстна именно на такой окраинѣ государства, гдѣ далеко еще не исчезла всякая опасность вооруженныхъ столкновеній. И чтобы парализовать подобныя затѣи, не нужно ни слѣдствій, ни уголовныхъ преслѣдованій: достаточно твердо поставить себѣ за правило, что земля, завоеванная русскимъ оружіемъ, должна быть для русскихъ людей, и неуклонно слѣдовать этому правилу. Тогда вопросъ о русскихъ поселенцахъ сталъ бы на новую почву. Никому не пришло бы въ голову гнать съ насиженныхъ мѣстъ новыхъ подданныхъ царя, но никакая мѣстная власть не вздумала бы препятствовать и русскимъ людямъ селиться на незанятыхъ или покинутыхъ турками земляхъ, — препятствовать ради того только, чтобы жить въ мирѣ и согласіи съ туземцами. И такъ какъ земли въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Турціи, объявлены государственною собственностію, то тѣмъ менѣе представляется поводовъ для вмѣшательства въ поземельныя отношенія мѣстныхъ властей, обязанныхъ охранять силу договоровъ, заключаемыхъ казною съ поселенцами, а не прислушиваться къ тайнымъ вожделѣніямъ усердныхъ не по разуму армянскихъ патріотовъ.

Никѣмъ неруководимые исполнители додумываются иногда до удивительныхъ соображеній. Образцомъ ихъ изобрѣтательности можетъ служить такъ называемая организаціонная коммисія въ Ташкентѣ. Она задалась идеей оброчить *каждаго отдѣльнаго мелкаго хозяина*, упустивъ изъ вида, что, при полной безконтрольности со стороны русской власти перехода имуществъ, при отсутствіи точныхъ межевыхъ плановъ и неограниченной свободѣ дробленія земельныхъ участковъ, подобная работа безцѣльна. Между тѣмъ на нее истрачены сотни тысячъ рублей и только для того, чтобы большинство выводовъ коммисіи, по мѣткому замѣчанію одного изъ мѣстныхъ корреспондентовъ, „пошло на смарку“. Министръ финансовъ закрытіемъ коммисіи покончилъ съ возбужденными ею недоразумѣніями и успокоилъ хлопководовъ, сказавъ, какъ передаютъ въ газетахъ, что организаціонныя работы не скоро еще будутъ окон-

чены (ихъ надо начинать сначала, избравъ базисомъ для обложенія „кишлакъ", т. е. цѣлое общество), а къ тому времени онъ надѣется „серьезно" выяснить условія культуры американскаго хлопка и опредѣлить тотъ налогъ, который дѣйствительно окажется возможнымъ платить. Мы не ошиблись, ожидая отъ путешествія г. министра полезныхъ результатовъ для народнаго хозяйства и существенныхъ поправокъ къ нѣкоторымъ ранѣе задуманнымъ мѣропріятіямъ правительства.

Говорятъ, окончательно рѣшено приступить въ будущемъ году къ постройкѣ правительствомъ сибирской желѣзной дороги по участкамъ. Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній [1]) мы сообщали о проектѣ полковника генеральнаго штаба Волошинова, предлагавшаго, въ видахъ государственной обороны, проложить прежде всего рельсовые пути на двухъ большихъ волокахъ (отъ Томска до Иркутска и отъ Байкала до Срѣтенска) и затѣмъ отъ Графской пристани на Уссури до Владивостока. Управленіе Приморской области, повидимому, не разсчитывало на скорое выполненіе этого плана во всемъ его объемѣ и готово было довольствоваться покуда самымъ меньшимъ участкомъ: отъ Графской пристани до Владивостока, чтобы, въ случаѣ враждебныхъ столкновеній съ китайцами, защитить наиболѣе уязвимую узкую полосу Уссурійскаго края. Такимъ образомъ возникъ вопросъ: съ какого конца начинать сооруженіе дороги? По свѣдѣніямъ газетъ, еще въ августѣ состоялось Высочайшее повелѣніе обсудить въ особомъ совѣщаніи, не слѣдуетъ ли начинать работы съ востока. На этомъ совѣщаніи министерствомъ финансовъ приведены-де слѣдующія соображенія о сравнительномъ значеніи отдѣльныхъ участковъ сибирскаго рельсоваго пути:

Цѣль существованія этого пути заключается не столько въ томъ, чтобы открыть въ Сибири новые рынки для сбыта произведеній Европейской Россіи, сколько въ томъ, чтобы дать самой Сибири возможность выдти изъ экономическаго застоя и поставить эту обширную страну, богато одаренную природою, но лишенную удобныхъ путей сообщенія, въ тѣ же условія, въ коихъ нынѣ находится Европейская Россія. Только въ тѣсномъ экономическомъ общеніи съ послѣднею она можетъ расти и развиваться. Уже по одному этому соображенію первую очередь слѣдовало бы признать за за-

[1]) „Русск. Вѣстн." іюль, 1890.

падно-сибирскимъ участкомъ; но въ его пользу говоритъ еще и то обстоятельство, что губерніи Томская и Енисейская заселены сравнительно гуще, и въ нихъ преобладаетъ великорусскій элементъ, тогда какъ въ остальной части Сибири—чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ сильнѣе элементъ инородческій. Въ виду этого приступъ съ востока къ осуществленію сибирскаго пути едва-ли можно признать отвѣчающимъ какъ общегосударственнымъ интересамъ Россіи, такъ и мѣстнымъ интересамъ Сибири; сооруженіе желѣзной дороги должно быть начато съ запада, съ участка отъ Томска до Иркутска, и идти по направленію къ востоку.

Означенный участокъ соединяетъ два обширные водные бассейна: Оби и Енисея. Въ навигаціонное время онъ связывается Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и желѣзно-дорожною линіей Тюмень-Пермь съ бассейномъ Камы и Волги, стало быть со всею остальною Европейскою Россіею, а пароходствомъ по Енисею, которое предполагается поддержать и развить, и морскимъ путемъ чрезъ Карскіе ворота или Югорскій шаръ—съ Западною Европою. Во всякомъ случаѣ водное сообщеніе Западной Сибири съ Европою можетъ установиться только по Енисею, а никакъ не по Оби. Сверхъ того, участокъ Томскъ-Иркутскъ прорѣзываетъ область наиболѣе дѣятельной золотопромышленности, а лежащій къ югу отъ него Минусинскій край, богатый плодородною почвою и минеральными залежами, нуждается для развитія своей производительности лишь въ болѣе дѣятельной колонизаціи, чему въ значительной мѣрѣ будетъ способствовать рельсовый путь.

Протяженіе участка Томскъ-Иркутскъ инженерными изысканіями исчислено въ 1.568 верстъ, и если только онъ будетъ ширококолейнымъ (узкоколейный едва-ли соотвѣтствуетъ значенію магистральной сибирской линіи), то сооруженіе его, съ подвижнымъ составомъ скромныхъ размѣровъ, едва-ли обойдется дешевле 60.000.000 рублей, по всей же вѣроятности и еще того дороже. Всю эту сумму придется выдать въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ, такъ какъ, съ точки зрѣнія государственной обороны, опасно затягивать на продолжительный срокъ сооруженіе остальныхъ участковъ, а экономическія выгоды требуютъ возможно быстраго окончанія работъ на всемъ протяженіи участка, чтобы поскорѣе передать на желѣзную дорогу всю нынѣшнюю гужевую перевозку и почтовую гоньбу по сибирскому тракту между Томскомъ и Иркутскомъ, иначе

названный участокъ желѣзной дороги будетъ работать себѣ въ убытокъ, пока не достроится окончательно, и до того времени не получитъ существенныхъ выгодъ отъ новаго пути и промышленность Сибири, а казна не перестанетъ тратиться на содержаніе почтъ и телеграфа. Какъ ни блистательно современное состояніе нашихъ финансовъ, но при неотложности многихъ другихъ путевыхъ и портовыхъ сооруженій и чрезвычайныхъ расходовъ вѣдомствъ военнаго и морскаго, невозможно удѣлять изъ бюджетныхъ средствъ ежегодно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ по 20-ти, а быть можетъ и по 30-ти милліоновъ на одну только Сибирскую дорогу; такимъ образомъ, ежегодные выпуски на соотвѣтственную сумму облигацій представляются неизбѣжными. А такъ какъ эти долговыя обязательства въ указанномъ размѣрѣ будутъ прибавлять къ общей суммѣ платежей казны ежегодно лишь по одному милліону или, много-много, по полутора милліона рублей въ годъ, то такое возрастаніе государственныхъ расходовъ, при тысячемилліонномъ бюджетѣ, нельзя не считать совершенно ничтожнымъ. Но и оно можетъ быть значительно ослаблено нѣкоторыми финансовыми операціями, напр., конверсіей нашихъ внутреннихъ (кредитныхъ) $5^1/_2$ и 5-ти-процентныхъ займовъ, о чемъ мы говорили уже раньше [1]).

Съ проведеніемъ магистральной сибирской линіи, за которою послѣдуетъ естественное развитіе цѣлой желѣзно-дорожной сѣти, получаетъ особенное значеніе правильная колонизація Сибири. Эта обширная и богато одаренная природою страна нуждается только въ людяхъ и вмѣстѣ съ прилегающими къ ней областями степнаго генералъ-губернаторства могла бы поглощать, съ великою пользою для народнаго хозяйства, весь громадный естественный приростъ населенія Европейской Россіи [2]). Тѣмъ прискорбнѣе слышать, что наши земледѣльцы массами выселяются изъ западныхъ губерній, воровски переходятъ границу и безвозвратно гибнутъ для отечества, становясь жертвою обмана и корысти. Въ ночь съ 7-го на 8-ое

[1]) „Русск. Вѣстн.“, сентябрь 1890 г.

[2]) Въ одной Акмолинской области, за вычетомъ киргизскихъ пастбищъ, казачьихъ и неудобныхъ земель, имѣется свыше $5^1/_2$ милл. вполнѣ удобной и никѣмъ не занятой земли. На этомъ пространствѣ при широкомъ земельномъ надѣлѣ (30 дес. на семью), можетъ быть поселено до 1.000.000 чел. обоего пола.

октября задержана на прусской границѣ партія выходцевъ въ *Бразилію* въ 270 человѣкъ; она оказала сопротивленіе таможенной стражѣ, вслѣдствіе чего, въ стычкѣ былъ убитъ одинъ человѣкъ и ранена женщина; во время свалки 100 человѣкъ успѣло проскользнуть за границу. Затѣмъ въ Варшавѣ, на станціи Привислинской желѣзной дороги, задержаны также пробиравшіеся въ Бразилію изъ Бѣлостока 52 мужчины, 45 женщинъ и съ ними 43 ребенка. Не успѣли посадить въ вагоны эту партію, для отправки выходцевъ на мѣста ихъ жительства, въ Гродненскую губернію, какъ задержана была на станціи Прага новая партія въ 203 человѣка, изъ коихъ человѣкъ 75 оказалось изъ Гродненской губерніи, а остальные изъ Мазовецкаго уѣзда Ломжинской. И на этотъ разъ удалось задержать не всѣхъ переселенцевъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили скрыться. Многіе изъ задержанныхъ указали на находившагося при нихъ прусскаго подданнаго Булля, какъ на одного изъ своихъ вожаковъ, вообще же переселяющіеся въ Бразилію крестьяне и мастеровые своихъ вожаковъ не выдаютъ и весьма не словоохотливы. 17-го октября полиція задержала въ Лейпцигской гостиницѣ иностранца, одного изъ главныхъ подстрекателей темнаго люда къ переселенію въ Бразилію. Его застали за письмомъ къ такому же, какъ и онъ, агенту. Въ письмѣ этомъ сообщалось, между прочимъ, что „вообще дѣла идутъ очень хорошо“, но что полиція „начала слѣдить“ и потому „необходимо принять мѣры предосторожности“. Польскія газеты сообщаютъ, что въ виду усиливающагося „съ каждымъ днемъ“ переселенческаго движенія среди крестьянъ Привислинскаго края, мѣстнымъ властямъ предписано представить точныя свѣдѣнія о томъ, сколько человѣкъ эмигрировало въ послѣдніе *два года* (?!) изъ Привислинскаго края въ Америку. Къ счастію, мѣстныя власти не довольствуются отпиской на подобные запросы и дѣятельно стараются удержать населеніе на прежнихъ мѣстахъ жительства. По словамъ журнала „Rolnik i Hodowka“ (земледѣлецъ и скотоводъ), въ мѣстности между уѣздными городами Калишской губерніи Конинымъ и Слупцами такъ сильно увлеченіе эмигрантовъ, что на нихъ не вліяютъ ни вразумленія духовенства, ни совѣты помѣщиковъ и лицъ благоразумныхъ изъ ихъ же собственной среды. Главный пунктъ воровскаго перехода черезъ границу въ Слупцахъ. Недалеко отъ него, въ посадѣ Клечевѣ, спдѣлъ и открыто орудовалъ переселеніями въ своей „конторѣ“

агентъ Гарихъ. Каждый желающій эмигрировать въ Бразилію вносилъ въ контору за написаніе просьбы (къ кому?) 50 к. и на марку (?!) —80 коп. Черезъ нѣкоторое время послѣ записи являлись къ Гариху за полученіемъ билетовъ для свободнаго проѣзда на корабляхъ, будто бы высланныхъ изъ Лиссабона. Каждый эмигрантъ получалъ пачки ярко раскрашенныхъ бумажекъ, напечатанныхъ на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Между ними находился розовый билетъ съ рекомендаціей фирмы лиссабонскаго агенства; этотъ билетъ простые люди считали за корабельный билетъ для свободнаго проѣзда въ Бразилію. Вся корреспонденція Гариха недавно арестована, по распоряженію мѣстнаго уѣзднаго начальника, и мошенническая контора въ Клечевѣ закрыта; но въ сосѣднихъ деревняхъ продолжаютъ высылать народъ за море, къ „бранцильской королевѣ“, разные прогнанные со службы экономы и лакеи. Многія имѣнія въ названной мѣстности совсѣмъ уже лишились рабочихъ; помѣщики обратились съ ходатайствами о помощи къ Калишскому губернатору. Но наибольшія заботы представляютъ нашей администраціи, повидимому, эмигранты изъ Плоцкой губерніи. Тамъ не дѣйствуютъ никакія увѣщанія, и переселенческое движеніе все болѣе и болѣе расширяется во внутрь края: оно проникло, напр. въ Ленчицкій уѣздъ, довольно отдаленный отъ прусской границы. Заслуживаетъ вниманія, что въ пограничныхъ прусскихъ мѣстечкахъ Илловѣ и Дзядловѣ (къ сѣверо-западу отъ Млавы) продано нашимъ выходцамъ, по частнымъ свѣдѣніямъ газетъ, до 3.500 билетовъ на проѣздъ въ Лиссабонъ чрезъ Бременъ или Гамбургъ; изъ одного только Млавскаго уѣзда вышло за границу до тысячи рабочихъ, не считая ихъ семействъ, преимущественно крестьянъ, такъ какъ очевидцы этой эмиграціи удостовѣряютъ, что „болѣе выходятъ изъ края дворскіе рабочіе (батраки), чѣмъ малоземельные крестьяне или мѣщане, и поденщики болѣе, чѣмъ ремесленники“.

Выселенія въ Бразилію по подговору многочисленныхъ агентовъ нѣмецкаго, еврейскаго и польскаго происхожденія, взимающихъ въ свою пользу дань и съ простолюдиновъ, и съ пароходныхъ компаній, происходятъ не только у насъ, но также въ Познани, Галиціи и Венгріи. Въ Австріи и Пруссіи они, быть можетъ, не противорѣчатъ политикѣ, „располяченія“ или очищенія окраинъ отъ славянскаго элемента вообще; поэтому намъ, по всей вѣроятности, не удалось бы войдти въ

соглашеніе съ сосѣдями, чтобы совмѣстнымъ дружнымъ дѣйствіемъ властей прекратить своего рода торгъ бѣлыми невольниками, затѣянный заатлантическими предпринимателями. Намъ слѣдуетъ положиться на свои собственныя силы и пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, немедленно изслѣдовавъ его внутреннія причины, а не задаваясь только опредѣленіемъ его внѣшнихъ размѣровъ. Пора вспомнить объ установленной въ нашихъ законахъ для подговорщиковъ къ переселеніямъ уголовной карѣ и примѣнять къ виновнымъ во всей строгости ст. 328 Улож. о нак., которая гласитъ: „Кто будетъ подговаривать какихъ-либо подданныхъ Имперіи къ переселенію за границу, тотъ за сіе подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты (нынѣ отдѣленія) по пятой степени 31 статьи сего уложенія“, т. е. къ принудительнымъ работамъ въ тюрьмѣ на время отъ одного до полутора года. Текстъ этой статьи полезно было бы выставить у входа въ церкви и на стѣнахъ гминныхъ или волостныхъ управленій повсемѣстно въ привислинскихъ и пограничныхъ съ ними губерніяхъ.

Дисциплина народныхъ массъ обусловливается сложными отношеніями нравственнаго и соціальнаго порядка. Одною „бдительностью“ властей невозможно замѣнить этихъ отношеній, и власти всегда оказываются болѣе или менѣе несостоятельными въ „предупрежденіи“ народныхъ движеній. Поэтому опытные правители всегда стараются воздѣйствовать на народныя массы чрезъ посредство ими самими признанныхъ авторитетовъ. Намъ сообщаютъ о важной попыткѣ въ этомъ направленіи, вполнѣ удавшейся въ одной изъ губерній средней черноземной полосы. Тамъ, для борьбы съ пьянствомъ и безнравственностью всякаго рода, додумались до учрежденія попечительницъ изъ среды женщинъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ и добродѣтельною жизнью. Попечительница, поставленная въ селѣ всѣмъ міромъ, должна смотрѣть, чтобы подъ праздникъ хороводовъ не водили, въ игры не играли, а ходили бы къ службѣ въ церковь; чтобы въ церкви стояли смирно, чинно и Богу молились; чтобы не ходили пьяными по улицамъ, не ругались скверными словами и вообще, какъ выражалась одна изъ нихъ, „чтобы всѣ по-Божьи жили“. На вопросъ: „а что, если ея не станутъ слушаться, что она тогда будетъ дѣлать?“

попечительница отвѣчала: „Этого еще николи не бывало. Какъ можно не слушаться! Вѣдь я ихъ не худому учу. Такъ, развѣ когда кому блажь въ голову придетъ; ну, а вдругорядь и не захочетъ“.—Почему не захочетъ? Что ты сдѣлаешь?—„А при всемъ честномъ народѣ посреди церкви на колѣнки поставлю. Вотъ, значитъ, и будетъ стыдно“. Кто учитъ *добру*, тому подчиняются добровольно, безъ всякаго принужденія внѣшнею силою. Источникъ дисциплины—въ самой природѣ человѣка, въ нравственномъ началѣ, составляющемъ основу его духовнаго содержанія. И какъ бы ни была груба народная масса, воздѣйствіе на нее путемъ нравственнаго авторитета всегда возможно. Къ сожалѣнію, не всегда желаютъ не всегда умѣютъ пользоваться его могущественною силою и мало заботятся объ организаціи этой силы, придавая большее значеніе юридическимъ формамъ проявленія власти, т. е. такимъ формамъ, которыя, конечно, должны существовать въ благоустроенномъ государствѣ, но остаются мертвою буквою за отсутствіемъ живой связи между нравственными двигателями народной жизни и самымъ источникомъ власти. Безъ посредствующей среды, безъ упомянутой живой связи, народныя массы оказываются лишенными повседневнаго и попечительнаго о нихъ руководительства, становятся доступными для интригъ шарлатановъ всякаго рода и легко могутъ быть вовлекаемы въ заблужденія и поступки, ставящіе правительство въ затрудненіе и, подобно переселеніямъ въ Бразилію, вносящимъ разстройство въ народное хозяйство и губящимъ производительныя силы страны [1]).

Нынѣ происходитъ пересмотръ городоваго положенія 1870 года. Мы не знаемъ, что̀ именно принято министерскимъ проектомъ за руководящій принципъ къ переустройству нашего городскаго самоуправленія, но неудовлетворительность послѣдняго слишкомъ извѣстна и, по общему отзыву, коренится въ самыхъ основаніяхъ дѣйствующей избирательной системы. Ограниченіе круга избирателей домовладѣльцами и лицами, занимающимися торговлею и промыслами (ст. 17), а затѣмъ дѣленіе ихъ на три разряда по суммѣ городскихъ сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями (ст. 24), превращаютъ сложный общественный организмъ въ частное сообщество,

[1]) Когда эти строки уже были написаны, мы прочли въ газетахъ, что крестьяне, переселяющіеся въ Бразилію, даютъ обязательство въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ работать на своихъ новыхъ хозяевъ только за харчи, не получая никакой задѣльной платы.

управляемое, по образцу акціонерныхъ компаній, только дольщиками въ предпріятіи и на тѣхъ же правахъ, какія обыкновенно представляются владѣльцамъ акцій: кто больше вложилъ капитала, тотъ пользуется и бо́льшимъ вліяніемъ на выборахъ,—голосъ одного крупнаго дѣльца приравнивается къ сотнямъ голосовъ мелкихъ сошекъ. Но въ акціонерныхъ компаніяхъ крупные дольщики прямо заинтересованы въ добросовѣстномъ и толковомъ веденіи дѣла, тогда какъ въ городскомъ самоуправленіи крупные плательщики сборовъ, какъ свидѣтельствуютъ сенаторскія ревизіи 80-го года, гораздо менѣе массы мелкихъ плательщиковъ стоятъ за правильность распоряженія городскимъ имуществомъ и гораздо менѣе страдаютъ отъ отсутствія благоустройства, чѣмъ огромное большинство жителей, вовсе не пользующихся избирательными правами. Весьма рѣдко крупные плательщики уплачиваютъ городскіе сборы изъ собственнаго кармана: торговцы и промышленники перекладываютъ ихъ на потребителей, а домовладѣльцы—на жильцовъ. Наконецъ, ни малые, ни большіе города не могутъ считаться у насъ исключительно торговыми и промышленными центрами. Огромное большинство нашихъ городовъ и по сю пору имѣетъ значеніе лишь административныхъ средоточій, пахатныя земли, луга и лѣса составляютъ главный источникъ ихъ доходовъ, и все приписанное къ нимъ мѣщанство почти поголовно занимается земледѣліемъ. Въ большихъ городахъ оброчныя статьи играютъ далеко не послѣднюю роль въ бюджетѣ доходовъ. Нигдѣ ни первостатейное купечество, ни мелкіе торговцы и промышленники не проявили выдающихся административныхъ способностей; но почти всюду они служатъ главнымъ тормазомъ къ правильной постановкѣ и развитію городскаго благоустройства, о которомъ даже въ столицахъ правительственная власть заботится болѣе, нежели „хозяева“ города, и тамъ, гдѣ эта власть не проявляетъ особой настойчивости, не „садится на шею“ главнымъ выборщикамъ—домовладѣльцамъ, содержателямъ трактировъ и крупныхъ промышленныхъ заведеній,—тамъ улицы, площади и дворы представляютъ изъ себя клоаки и склады нечистотъ, а фабрики и заводы служатъ источниками отравы водоемовъ и гнѣздами заразныхъ болѣзней.

Города Европейской Россіи и Привислинскаго края ежегодно расходуютъ до 50.000.000 рублей. Цѣлую *треть* этой суммы составляютъ доходы съ городскихъ имуществъ и оброч-

ныхъ статей; сборъ съ документовъ и за право производства торговли доставляетъ лишь около 0,17, а оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ частныхъ лицъ и еще того менѣе. Очевидно, что городскіе расходы даже и на половину не покрываются платежами домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ, да и эти платежи, какъ выше сказано, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ строютъ дома для сдачи ихъ въ наймы, перекладываются на лицъ, совершенно устраненныхъ отъ участія въ городскомъ самоуправленіи.

Въ основѣ существующаго порядка лежитъ ложное представленіе о городѣ, уже давно заимствованное нами изъ магдебургскаго права. Въ былое время городъ былъ на Западѣ (не у насъ) республикою купцовъ и мастеровъ. Все населеніе его принадлежало къ какой-нибудь гильдіи или къ какому-нибудь цеху, а эти корпораціи были не только хозяевами ими самими созданнаго городскаго имущества, но и распорядителями труда въ городской чертѣ. Ничего подобнаго не представляетъ современный намъ русскій городъ. Это, прежде всего, не центръ промышленности и торговли, а средоточіе мѣстной правительственной дѣятельности и отчасти общественной жизни. Для весьма многихъ русскихъ городовъ самостоятельное городское управленіе составляетъ весьма тяжелое бремя, на что ясно указываютъ бюджеты доходовъ 554 городовъ за пятилѣтіе 1880—84 гг. Изъ этого числа имѣли ежегоднаго дохода:

5	городовъ	менѣе	. . .	1.000	рубл.
50	„	отъ	1.000 до	5.000	„
92	„	„	5.000 „	10.000	„
208	„	„	10.000 „	25.000	„
91	„	„	25.000 „	50.000	„

Городовъ съ доходомъ свыше 100 и до 400 тысячъ было всего 48, съ доходомъ отъ 400 тыс. до полумилліона—4 и тоже по 4 города съ доходомъ отъ 500 тысячъ до милліона и съ доходомъ свыше одного милліона [1]).

Города бѣдные (а такихъ большинство) существуютъ главнымъ образомъ доходами съ городскихъ земель и оброчныхъ

[1]) Итоги городскихъ доходовъ и расходовъ за пятилѣтіе 1880—1884 гг. и за 1887 годъ въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета.

статей. При нынѣшнихъ порядкахъ онѣ попадаютъ въ руки немногихъ мѣстныхъ воротилъ изъ торговаго сословія, и городская собственность становится предметомъ барышничества. Мѣщане и другіе городскіе обыватели, чтобы получить клочекъ сѣнокоса, лѣса для рубки дровъ или участокъ земли подъ огородъ, а нерѣдко и подъ посѣвы хлѣбовъ, должны обращаться къ привилегированнымъ съемщикамъ, кланяться имъ и платить въ три-дорога. Становится рѣшительно непонятнымъ, въ силу какихъ соображеній торговое сословіе призвано въ такихъ городахъ къ завѣдыванію общественнымъ имуществомъ, тѣмъ болѣе, что самый родъ этого имущества (пахотныя поля, сѣнокосы, лѣса) не имѣетъ ничего общаго съ предметами спеціальности содержателей трактировъ, лавочныхъ торговцевъ и тому подобныхъ дѣльцовъ.

Въ городахъ населенныхъ и богатыхъ средствами, хотя торговля и промыслы занимаютъ видное мѣсто, но они далеко не поглощаютъ собою всей дѣятельности жителей. Такіе города всегда служатъ средоточіями общественной жизни, обученія юношества и умственной работы на весьма различныхъ поприщахъ. Торговое сословіе и здѣсь не стоитъ во главѣ культурной части общества и не болѣе другихъ заинтересовано въ городскомъ благоустройствѣ. Между тѣмъ, оно въ большихъ городахъ еще болѣе, чѣмъ въ городахъ средней величины, преобладаетъ въ составѣ избирателей и гласныхъ, чему способствуютъ, во-первыхъ, численность такихъ заведеній, какъ трактиры, обложенные довольно высокими налогами, во-вторыхъ, довольно развитая партійная организація, обыкновенно отсутствующая между выборщиками низшаго разряда въ городахъ второстепенныхъ.

Если на указанныя особенности нашего городскаго хозяйства и на самый типъ или, лучше сказать, на нѣсколько типовъ современнаго русскаго города будетъ обращено должное вниманіе, то можно надѣяться, что послѣдуетъ коренное преобразованіе дѣйствующей избирательной системы въ смыслѣ привлеченія къ городскому самоуправленію людей наиболѣе способныхъ къ завѣдыванію общественными дѣлами и дѣйствительно представляющими собою все городское общество, какъ этого желало (ст. 54), но, отправляясь отъ ложныхъ началъ, не могло достигнуть городовое положеніе 1870 года.

Съ начала осени въ министерствѣ финансовъ дѣятельно зани-

маются пересмотромъ таможеннаго тарифа. Подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ образована особая комисія въ составѣ 36 членовъ. Кромѣ должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ [1]), въ ней принимаютъ участіе представители: отъ дворянскаго землевладѣнія и отъ сельско-хозяйственной промышленности (бар. П. А. Корфъ), отъ совѣта торговли и мануфактуръ (Ф. К. Санъ-Галли, Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, бар. Г. О. Гинцбургъ, К. А. Варгунинъ, и К. Я. Паль), отъ московскаго отдѣленія этого совѣта (Н. А. Найденовъ и С. М. Третьяковъ), отъ иваново-вознесенскаго комитета торговли и мануфактуръ (М. Н. Гарелинъ) и отъ биржевыхъ комитетовъ: с.-петербургскаго (К. Ѳ. Винбергъ), московскаго (Г. А. Крестовниковъ), нижегородскаго (В. И. Мензелинцевъ), кіевскаго (Н. Ѳ. Барсуковъ), одесскаго (М. М. Кожевниковъ), харьковскаго (А. К. Алчевскій), рижскаго (П. А. Беттихеръ) и варшавскаго (Д. Ю. Розенблюмъ). Слабѣе всѣхъ представлены землевладѣніе и сельско-хозяйственная промышленность—лишь однимъ лицомъ по назначенію министра государственныхъ имуществъ; сельско-хозяйственныя общества—единственные органы важнѣйшей промышленности въ государствѣ—совершенно отсутствуютъ, участіе же въ комисіи представителя департамента земледѣлія едва-ли можетъ пополнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ, по весьма важному для сельскихъ хозяевъ вопросу объ обложеніи пошлинами земледѣльческихъ машинъ и орудій, казенное вѣдомство является заводчикомъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ машиностроенія и производства земледѣльческихъ орудій (Воткинскій заводъ). Весьма понятно поэтому, что вниманіе общества обращено преимущественно на разрѣшеніе этого важнаго вопроса, и печать особенно дѣятельно занималась имъ въ послѣднее время.

Существуетъ мнѣніе, что наше производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій вовсе не нуждается въ покровительствѣ таможеннаго тарифа, такъ какъ оно развивалось и развивается подъ вліяніемъ спроса независимо отъ размѣровъ обложенія пошлинами привозимыхъ къ намъ изъ-за границы машинъ и орудій. Въ пятидесятыхъ годахъ, т. е. при существованіи крѣпостнаго труда, у насъ было не болѣе четырехъ механическихъ заведеній. Вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго

[1]) Отъ министерства финансовъ 16, отъ министерства государственныхъ имуществъ 2 и по одному отъ государственной канцеляріи и министерствъ иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

права, въ 1862 году, такихъ заведеній насчитывается уже 64, въ 1871 году 112, въ 1874—ихъ число быстро возросло до 203 и черезъ пять лѣтъ, въ 1879 году, достигло 340; съ этого времени хотя число механическихъ заведеній и не перестаетъ увеличиваться, но повышается не въ прежней прогрессіи, и ростъ его въ послѣдніе годы значительно замедлился; такъ, въ 1885 г. механическихъ заведеній насчитывалось 435, а въ 1885 году 453, съ производствомъ на сумму 12—15 милл. рублей [1]) Цифры эти и даты совершенно вѣрны, но дѣлаемыя на нихъ указанія съ объясненіемъ, что наиболѣе усиленный ростъ механическихъ заведеній совпадаетъ съ отмѣной, тарифомъ 1868 г., пошлинъ на земледѣльческія орудія и машины, привозимыя изъ-за границы,—можетъ ввести въ заблужденіе. Надо замѣтить прежде всего, что рѣчь идетъ о механическихъ заводахъ вообще, а не только о тѣхъ, которыми изготовляются сельско-хозяйственныя орудія и машины. Такихъ спеціальныхъ заводовъ у насъ весьма мало, и огромное большинство нашихъ механическихъ заведеній вовсе не создано для удовлетворенія потребностямъ сельскаго хозяйства, а вызвано почти исключительно желѣзно-дорожнымъ строительствомъ. Ростъ этихъ заведеній шелъ у насъ рука объ руку съ развитіемъ желѣзно-дорожной сѣти и сильно замедлился во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. именно въ то время, когда желѣзно-дорожныя сооруженія сократились до минимума, и мы отстали въ этомъ отношеніи даже отъ Канады.

Что спросъ нашихъ сельскихъ хозяевъ на необходимыя для нихъ машины и орудія далеко не удовлетворяется внутреннимъ производствомъ, это доказываютъ отчеты таможеннаго вѣдомства. Такъ въ урожайный 1888 годъ было привезено изъ-за границы сельско-хозяйственныхъ машинъ,—не считая локомобилей,—и крупныхъ орудій 507.658 пудовъ на сумму, по таможенной оцѣнкѣ, 2.651.854 р., да взыскано съ нихъ пошлины золотомъ 354.489 руб., кромѣ того привезено къ намъ косъ и серповъ, рѣзаковъ для сѣчки соломы и др. мелкихъ орудій 204.220 пуд. на сумму 1.494.633 р. и взыскано пошлины золотомъ 286.072 рубля; всего, слѣдовательно, наши сельскіе хозяева заплатили въ 1888 г. заграничнымъ заводчикамъ 4.146.487 руб. кредитныхъ и въ казну 640.561 рубль золотомъ. Для нихъ рѣшительно все равно, будутъ ли они дѣлать переплаты въ пользу казны, или въ пользу хозяевъ русскихъ

[1]) Труды комм. общ. сельск. хоз., вып. XXVII, 1890 г.

механическихъ заводовъ, да и самыя эти переплаты въ урожайный годъ (когда, главнымъ образомъ, и обзаводятся машинами, а ручной трудъ сильно поднимается въ цѣнѣ) составляютъ ничтожный въ крупныхъ хозяйствахъ разсчетъ; всего важнѣе для хозяина получить заказанныя машины вполнѣ доброкачественными и во-время, а также имѣть кредитъ, хотя бы подъ обезпеченіе тѣмъ же урожаемъ.

Но при машинахъ необходимо имѣть мастеровъ для ихъ прилаженія, сборки частей и немедленныхъ исправленій въ случаѣ поломокъ во время работы. Именно для того, чтобы получить такихъ мастеровъ, русскіе хозяева должны желать возможно большаго увеличенія числа нашихъ механическихъ заводовъ и ихъ усовершенствованія, какъ практическихъ школъ для образованія сельскихъ механиковъ. Съ той точки зрѣнія и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на покровительство отечественному машиностроенію таможеннымъ тарифомъ. Собственникъ одного изъ крупныхъ нашихъ механическихъ заводовъ всей Россіи, извѣстный строитель мостовъ, А. Е. Струве, такъ отзывался недавно по поводу возбужденнаго вопроса о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя орудія и машины:

„Безпошлинный привозъ въ Россію земледѣльческихъ машинъ до 1885 года не далъ развиться у насъ этому производству до надлежащей степени совершенства. Тѣмъ не менѣе фактъ на лицо, что теперь развивающееся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи производство сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій значительно вліяетъ на заграничныя цѣны ихъ. Такъ, въ 1885 году, при безпошлинномъ ввозѣ, плугъ Рансома продавался за 125 р.; въ 1885 году тотъ же плугъ, встрѣчая уже конкурренцію русскихъ плуговъ, продавался только по 105 р., несмотря на пошлину въ 50 коп., а въ настоящее время, при 70 коп. пошлины, не находитъ себѣ сбыта дороже 100 руб. (каталогъ 1888 года). Совершенно въ такой же пропорціи понизились цѣны на локомобили, молотилки и проч., главнымъ образомъ вслѣдствіе появленія въ послѣдніе годы конкурренціи русскаго производства.

„Наше сельское хозяйство страдаетъ гораздо менѣе отъ высокихъ цѣнъ на земледѣльческія машины, чѣмъ отъ неумѣлаго обращенія съ ними, вслѣдствіе недостатка въ опытныхъ машинистахъ и сборщикахъ для надлежащаго содержанія и ремонта машинъ. Наилучшею школою для подготовки этихъ

людей, нужныхъ сельскому хозяйству, служатъ наши заводы и мастерскія, изготовляющія машины. Уже теперь болѣе заботливые сельскіе хозяева посылаютъ на зиму своихъ учениковъ на наши заводы, для обученія уходу за машинами, и, безъ сомнѣнія, двери всякаго благоустроеннаго завода будутъ для нихъ открыты. Но откуда тогда явятся эти подговленныя силы для сохраненія капитала, затраченнаго земледѣліемъ на пріобрѣтеніе машинъ, если допущеніемъ безпошлиннаго привоза заглушить развивающееся производство въ Россіи?

„Само кустарное производство сельско-хозяйственныхъ орудій, развитіе котораго такъ желательно, находитъ весьма существенную поддержку въ нашихъ заводахъ. Изъ десятка тысячъ рабочихъ, поработавшихъ на нихъ, весьма многіе возвращаются домой, примѣняя тамъ изученные на заводахъ пріемы производства.

„Если отчасти справедливы жалобы на несовершенство изготовленныхъ въ Россіи земледѣльческихъ машинъ и орудій, то безпристрастіе требуетъ указать и на значительный успѣхъ, достигнутый въ теченіе послѣднихъ лѣтъ...

„Не нужно также упускать изъ виду, что производство нашихъ земледѣльческихъ машинъ, можетъ найти сбытъ только у себя въ Россіи. Неурожайный годъ накопляетъ у производителей ихъ изготовленныя для продажи машины. При дороговизнѣ и отсутствіи правильнаго промышленнаго кредита, затрудненія эти обременяютъ стоимость производства. Съ урегулированіемъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, которые до сего времени давали полное преимущество привозному изъ-за границы товару, является новая возможность развитія производства у насъ въ Россіи“.

Никогда не слѣдуетъ требовать отъ внѣшней охраны того, что можетъ дать только внутреннее благоустройство; но послѣднее никогда не явится, если ему постоянно будутъ мѣшать извнѣ, а потому охрана таможенными пошлинами является *первымъ* и *необходимымъ* условіемъ для упроченія и дальнѣйшаго развитія начинающихся производствъ. Кредитъ промышленный (для заводчиковъ) и кредитъ меліораціонный (для сельскихъ хозяевъ) должны довершить то покровительство отечественному машиностроенію, которое начато таможеннымъ тарифомъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Парижъ, 20 октября (1 ноября) 1890 г.

Истекшій мѣсяцъ въ Германіи ознаменованъ былъ въ началѣ конгрессомъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Галле, въ концѣ—торжественнымъ и всенароднымъ чествованіемъ девятидесятой годовщины рожденія фельдмаршала графа Мольтке. Эти два событія на поверхностный взглядъ столь одно отъ другаго отличныя и даже прямо другъ другу противоположныя, въ дѣйствительности находятся въ тѣсномъ соотношеніи, живо или наглядно характеризуя внутреннее состояніе страны.

Едва освободившись отъ стѣсненій упраздненнаго нынѣ особаго закона, признававшаго ихъ виды и стремленія вредными и опасными для государства, соціалъ-демократы поспѣшили сплотить свои разрозненныя силы и громко формулировать общую всѣмъ оттѣнкамъ партіи политическую программу, осуществленіе которой, при всей ея сравнительной умѣренности, было бы равносильно полному ниспроверженію нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя Имперіи. Такая въ высшей степени противузаконная цѣль имѣетъ быть достигнута законными средствами, другими словами, почти всѣ нѣмецкіе соціалисты, за незначительнымъ исключеніемъ, сходятся на томъ, что дѣло ихъ восторжествуетъ, когда большинство въ рейхстагѣ будетъ состоять изъ ихъ единомышленниковъ. Быстрое возрастаніе числа соціалистическихъ депутатовъ даже при прежнемъ охранительномъ законѣ, конечно, не замедлится послѣ его отмѣны, и можно предвидѣть, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ наступательная волна соціализма затопитъ имперскій сеймъ, члены котораго, какъ извѣстно, избираются въ Германіи всеобщею и прямою подачею голо-

совъ, при отсутствіи всякаго избирательнаго ценза. Совершится это тѣмъ скорѣе, чѣмъ согласнѣе и дружнѣе будутъ дѣйствовать рабочіе-пролетаріи при полномъ разладѣ своихъ противниковъ, такъ называемыхъ имущихъ и правящихъ классовъ, разладѣ, проявляющемся къ сожалѣнію на кажномъ шагу въ области умственной дѣятельности, народнаго хозяйства и въ особенности—политики.

Развѣ не признакъ разлада—отсутствіе на юбилейномъ торжествѣ графа Мольтке его могучаго сподвижника въ дѣлѣ возсозданія германскаго отечества—князя Бисмарка? Какъ ни велики почести, возданныя императоромъ Вильгельмомъ II маститому стратегу-молчальнику, коему главнымъ образомъ обязана Германія побѣдами, спаявшими ее „огнемъ и мечемъ“ въ единое цѣлое, какъ ни единодушны привѣтствія, расточаемыя юбиляру нѣмцами всѣхъ званій и состояній, — Бисмаркъ отсутствовалъ на берлинскихъ празднествахъ не одинъ. Отсутствовали съ нимъ и всѣ тѣ, кто мыслитъ и чувствуетъ, какъ онъ; кто видитъ въ его удаленіи отъ дѣлъ не личную размолвку министра съ монархомъ, а мужественное отстаиваніе тѣхъ основныхъ политическихъ началъ, твердое и неуклонное примѣненіе которыхъ въ продолженіи цѣлой четверти вѣка имѣло послѣдствіемъ утвержденіе монархическаго права внутри Германіи, объединеніе ея и безпримѣрное усиленіе и возвеличеніе извнѣ; кто наконецъ въ отступленіи отъ этихъ началъ усматриваетъ роковой ударъ, нанесенный государственному зданію имперіи, возведеніе котораго стоило столькихъ усилій умственныхъ, столько пота народнаго и пролитой крови. Что у бывшаго канцлера есть еще немалое число сторонниковъ и послѣдователей, готовыхъ отстаивать его взгляды и убѣжденія, покажетъ будущая сессія законодательныхъ собраній, частнаго прусскаго и обще-имперскаго, призванныхъ утвердить мѣропріятія, задуманныя молодымъ императоромъ и его явными и тайными совѣтниками, съ цѣлью улучшить положеніе рабочаго сословія и отчасти удовлетворить его притязаніямъ.

Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, центръ тяжести въ Германіи перемѣщается съ внѣшней политики на внутреннюю, — что уже само по себѣ крайне благопріятно для мира и спокойствія Европы. Ошибочно, однако, было бы заключить, что германское правительство отказалось отъ разрѣшенія внѣшнихъ своихъ задачъ: оно даже не отложило ихъ

до болѣе благопріятнаго времени, какъ свидѣтельствуютъ переговоры, дѣятельно производящіеся между Берлиномъ и Вѣной, о хозяйственномъ объединеніи обѣихъ союзныхъ имперій. Если суждено состояться таможенному между ними союзу, то онъ явится только новымъ видомъ закрѣпощенія Австро-Венгріи ея могущественной сосѣдкѣ. Давно уже связанную по рукамъ и по ногамъ, злополучную монархію Габсбурговъ перевяжутъ лишній разъ поперегъ туловища, что̀, очевидно, не измѣнитъ ея положенія въ Европѣ, а потому мы вовсе не коснулись бы этого вопроса, еслибы изъ него не истекалъ случайно другой вопросъ, имѣющій несравненно болѣе важное международное значеніе и неосторожное возбужденіе котораго можетъ повести къ столь же неожиданнымъ, сколько и рѣшительнымъ послѣдствіямъ.

Одна изъ существеннѣйшихъ статей Франкфуртскаго мирнаго трактата 1871 г., положившаго конецъ послѣдней франко-германской войнѣ—одиннадцатая, предоставляющая французской торговлѣ въ Германіи, также впрочемъ, какъ и нѣмецкой торговлѣ во Франціи, право „наиболѣе благопріятствуемой націи“, въ силу коего привозные товары облагаются пошлинами по минимальному тарифу, условленному съ какою-либо другою изъ европейскихъ державъ. Казалось бы, что помянутая статья обезпечиваетъ за обѣими сторонами одинаковыя преимущества. На дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе.

По мѣрѣ истеченія срока торговыхъ договоровъ съ иностранными державами, Французская республика приняла за правило не возобновлять ихъ и таможенный тарифъ намѣрена устанавливать отнынѣ путемъ не международныхъ соглашеній, а внутренняго законодательства. Результатъ такой хозяйственной политики будетъ тотъ, что во Франціи со временемъ не останется ни одной „наиболѣе благопріятствуемой“ націи, пользующейся какими-либо преимуществами по трактаку, на которую Германія могла бы ссылаться для уменьшенія ввозныхъ пошлинъ, налагаемыхъ на товары нѣмецкаго происхожденія, отъ чего она потеряетъ всѣ выгоды, что̀ сулила ей означенная выше 11-я статья.

Напротивъ, если переговоры съ Австро-Венгріей приведутъ къ включенію ея въ таможенную область Германіи, то, основываясь на той же статьѣ, Франція будетъ вправѣ потребовать для себя всѣ преимущества, предоставленныя въ нѣмецкой имперіи австро-мадьярской промышленности и торговлѣ, да

къ тому же еще безъ малѣйшей за то отплаты. Вотъ надъ чѣмъ размышляютъ въ Берлинѣ, силясь придумать такое толкованіе Франкфуртскаго договора, которое позволило бы нѣмцамъ обойдти налагаемое имъ на нихъ положительное обязательство. Для этого существуетъ у нихъ особое учрежденіе: юрисконсульты прусской короны, прославившіе себя двадцать пять лѣтъ назадъ своеобразнымъ разъясненіемъ темнаго вопроса о порядкѣ наслѣдованія въ Шлезвигѣ и Голштиніи. Пока герцогствами этими владѣлъ датскій король, они провозглашали его узурпаторомъ, не имѣвшимъ на нихъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ, но какъ только онъ уступилъ ихъ Пруссіи, они же признали его полноправнымъ, законнымъ собственникомъ, а притязанія прочихъ претендентовъ—лишенными всякаго основанія.

Бѣда однако заключается въ томъ, что если слабой, раздавленной и расчлененной Даніи пришлось по неволѣ покорно склонить голову предъ приговоромъ прусскихъ коронныхъ юристовъ, то этого отнюдь нельзя ожидать отъ современной Франціи, не только успѣвшей вполнѣ оправиться отъ нанесеннаго ей въ 1870—71 годахъ погрома, но развившей свое военное могущество до небывалыхъ въ прошломъ размѣровъ и сверхъ того опирающейся на сочувствіе и дружбу Россіи. Нынѣшнее французское правительство, разумѣется, не потерпитъ самовольнаго нарушенія, въ ущербъ Франціи, *единственной* статьи Франкфуртскаго договора, состоявшейся въ ея пользу, а если таковое послѣдуетъ, то не колеблясь объявитъ себя несвязаннымъ и всѣми прочими его условіями, въ томъ числѣ и вынужденною уступкою двухъ исконныхъ французскихъ областей: Лотарингіи и Эльзаса. Право будетъ при этомъ несомнѣнно на сторонѣ Франціи, такъ какъ международный трактатъ, какъ и всякое взаимное обязательство, въ случаѣ неисполненія одною стороною хотя бы одного изъ постановленій, теряетъ для другой стороны обязательную силу во всей своей совокупности.

Что именно такъ, *а не иначе*, поступитъ въ данномъ случаѣ правительство республики, доказываетъ полная достоинства твердость, проявленная имъ въ защитѣ интересовъ Франціи въ Африкѣ, на которые посягало англо-нѣмецкое соглашеніе, и то удовлетвореніе, котораго оно добилось отъ лорда Салисбюри, что̀ показалъ себя столь же податливымъ предъ энергическими настояніями французской дипломатіи, сколько про-

должаетъ онъ быть непреклоннымъ къ увѣщаніямъ и мольбамъ Португаліи. Новое доказательство старой истины, что только одна сила обезпечиваетъ въ дѣлахъ внѣшней политики торжество праву. Сознаніе же своей силы французскіе министры почерпаютъ независимо отъ двухъ указанныхъ нами источниковъ — превосходнаго состоянія боевыхъ средствъ страны и тѣснаго сближенія ея съ Россіей — еще въ крайне утѣшительномъ явленіи ея внутренняго умиротворенія, сказавшагося на дняхъ въ цѣломъ рядѣ убѣдительныхъ признаковъ, при возобновленіи законодательной дѣятельности обѣихъ палатъ.

Съ перваго же засѣданія на очередь занятій Палаты депутатовъ поставленъ бюджетъ, по установленіи котораго послѣдуетъ обсужденіе представленныхъ правительствомъ законопроектовъ, направленныхъ къ развитію производительныхъ силъ страны, къ удовлетворенію ея хозяйственныхъ нуждъ и потребностей. Такая программа исключаетъ возобновленіе ожесточенныхъ пререканій и союзовъ между партіями по такъ называемымъ „политическимъ“ вопросамъ, въ которые каждая изъ нихъ обыкновенно вноситъ больше страсти, чѣмъ разума. Легкость, съ которою почтенному президенту палаты г. Флокэ удалось подавить попытку нѣсколькихъ буланжистовъ возобновить бурныя сцены минувшихъ лѣтъ, свидѣтельствуетъ о рѣшимости депутатовъ не уклоняться съ чисто дѣловаго пути, указаннаго имъ правительствомъ и, предавъ забвенію прошлые раздоры, въ мирѣ и согласіи потрудиться на пользу отечества.

Такими чувствами не только одушевлены двѣ главныя партіи, на которыя распадается республиканское большинство Нижней палаты: умѣренныхъ и передовыхъ, но они проникли и въ среду тѣхъ оппозиціонныхъ группъ, которыя доселѣ являлись непримиримыми противниками нынѣшняго государственнаго строя Франціи. Позорное фіаско, что потерпѣло въ прошедшемъ году сплоченіе противъ парламентской республики всѣхъ враждебныхъ ей элементовъ подъ знаменемъ генерала Буланже, отрезвило и образумило консерваторовъ-монархистовъ, вступившихъ было въ стачку со злѣйшими врагами всякаго порядка и законности: анархистами самаго крайняго оттѣнка, стремящимися ни къ чему иному, какъ къ общественной ликвидаціи. Разоблаченныя нынѣ обстоятельства, при которыхъ состоялся означенный, въ полномъ смыслѣ слова

чудовищный, союзъ, преисполнили ихъ не однимъ разочарованіемъ, но и негодованіемъ и стыдомъ. Въ рядахъ „правой“ обнаружилось стремленіе выдѣлиться въ особую партію, которая, признавъ безъ заднихъ мыслей законность существующаго образа правленія, стала бы на конституціонной почвѣ отстаивать коренныя начала христіанской гражданственности: вѣру, семью, собственность, въ союзѣ съ тѣми изъ республиканцевъ, что мыслятъ одинаково объ этихъ устояхъ современнаго общества. До какой степени это направленіе успѣло въ короткое время навербовать себѣ сторонниковъ, явствуетъ изъ того, что при голосованіи совокупности бюджета болѣе 100 депутатовъ-монархистовъ, составляющихъ двѣ трети общаго ихъ числа, высказалось въ пользу государственной росписи, представленной министромъ финансовъ и въ бюджетной коммисіи одобренной республиканскимъ большинствомъ.

Это, небывалое въ лѣтописяхъ французскаго парламентаризма, явленіе предвѣщаетъ нынѣшнему министерству устойчивость и крѣпость, отсутствіемъ которыхъ страдала бо́льшая часть кабинетовъ, ему предшествовавшихъ. Обязано оно столь благопріятными условіями для своей дѣятельности не только благоразумію сенаторовъ и депутатовъ, но и личнымъ качествамъ и достоинствамъ главныхъ своихъ членовъ. По крайней мѣрѣ четыре министра—люди выдающихся дарованій, какъ нельзя болѣе пригодные для занимаемыхъ ими постовъ. Мы разумѣемъ министровъ военнаго, финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Намъ тѣмъ пріятнѣе это засвидѣтельствовать, что, по отзыву лицъ, вѣдающихъ дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей, ни одно французское министерство не вносило еще въ это сношеніе столько прямоты, искренности и ревностнаго желанія утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ дружбу и единеніе обѣихъ странъ, какъ нынѣшніе совѣтники президента республики, вполнѣ раздѣляющаго въ этомъ отношеніи ихъ взгляды, и со своей стороны въ качествѣ главы государства, пользующагося каждымъ случаемъ, чтобы гласно исповѣдовать почтеніе и признательность къ русскому Царю, сочувствіе, преданность и уваженіе къ русскому народу.

Предсѣдатель совѣта и военный министръ г. де-Фрейсинэ сталъ впервые извѣстенъ, какъ дѣятельнѣйшій изъ сотрудниковъ Гамбетты въ дѣлѣ организаціи народной обороны во второй періодъ войны 1870—71 годовъ. Со времени перехода власти отъ монархистовъ Учредительнаго Собранія въ руки рес-

публиканцевъ, т. е. за послѣдніе тринадцать лѣтъ, онъ не разъ стоялъ во главѣ кабинетовъ радикальнаго оттѣнка, въ которыхъ обыкновенно занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1888 года онъ, въ кабинетѣ Флокэ, впервые получилъ портфель военнаго министра, который сохранилъ за собою и понынѣ. Съ тѣхъ поръ, неусыпные труды его посвящены преобразованію французской арміи, достигшей подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ высокой степени совершенства. Въ преклонномъ возрастѣ и при слабомъ здоровьи, онъ постоянно переносится изъ одного конца Франціи въ другой, всюду, гдѣ только требуется его присутствіе, входя въ мельчайшія подробности сложнаго военнаго ремесла и служа для своихъ подчиненныхъ образцомъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Благодаря ему, всѣ части арміи снабжены новѣйшими и наилучшими изобрѣтеніями и приспособленіями науки и техническихъ искусствъ, но еще важнѣе тотъ духъ справедливости и безпристрастія, съ которымъ этотъ военный министръ „изъ штатскихъ“ относится къ подвѣдомственнымъ ему генераламъ; при назначеніи ихъ на важныя и вліятельныя мѣста, онъ сообразуется исключительно съ ихъ способностями и достоинствами, ни мало не заботясь о политическомъ ихъ образѣ мыслей. Этимъ онъ снискалъ себѣ не только всеобщее довѣріе и уваженіе въ войскѣ, но и признаніе своихъ заслугъ, какъ искуснаго организатора арміи даже со стороны своихъ ожесточеннѣйшихъ противниковъ.

Министръ финансовъ Рувье—способнѣйшій изъ финансистовъ республики. Финансовая политика его—по преимуществу практическая. Она одинаково далека отъ отвлеченнаго доктринёрства, какъ и отъ опасныхъ опытовъ въ области государственнаго хозяйства въ революціонномъ направленіи. Уравновѣсить французскій бюджетъ, въ общей сложности превышающій четыре милліарда франковъ—задача не легкая, разрѣшить которую никому еще не удавалось лучше г. Рувье. Успѣхъ нажилъ ему множество завистниковъ и враговъ, преслѣдующихъ его ярыми нападками въ парламентѣ и въ печати, но не успѣвшихъ поколебать его положенія, высокаго авторитета, коимъ онъ по праву пользуется въ средѣ республиканскаго большинства. Личныя связи и вліяніе его на тузовъ парижскаго финансоваго міра обезпечиваютъ поддержку ихъ всѣмъ кредитнымъ операціямъ и не мало способствуютъ постепенному

приведенію въ порядокъ еще недавно бывшихъ довольно разстроенными финансовъ Франціи.

Министра внутреннихъ дѣлъ г. Констана можно назвать душою кабинета, связующимъ звеномъ между его членами, принадлежащими къ различнымъ оттѣнкамъ парламентскаго большинства. Онъ не только заявилъ себя дѣльнымъ, опытнымъ и твердымъ администраторомъ, но ему главнымъ образомъ обязана республика торжествомъ своимъ надъ грозною коалиціею всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, шедшихъ въ минувшемъ году на приступъ власти подъ предводительствомъ генерала Буланже. Справедливость требуетъ признать, что почву для него подготовилъ г. Флокэ, проведшій въ Палатахъ двѣ законодательныя мѣры, оказавшія рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы: замѣну выборовъ по списку (scrutin de liste) выборами по округамъ (scrutin d'arrondissement), и законъ, воспрещающій кандидатуру одного и того же лица въ нѣсколькихъ округахъ. Этимъ былъ разстроенъ планъ буланжистовъ, разсчитывавшихъ на одновременные выборы своего вождя едва-ли не во всѣхъ департаментахъ Франціи, что̀ придало бы ему вѣсъ и значеніе всенароднаго избранника. Но заслуга г. Констана состоитъ въ томъ, что онъ не побоялся вступить въ открытую и безпощадную борьбу съ противниками республики и одолѣлъ ихъ, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ напримѣръ къ провозглашенію осаднаго положенія, не стѣсняя свободы печати, нѣкоторые органы которой ежедневно осыпали его градомъ насмѣшекъ, ругательствъ и оскорбленій, взводили на него обвиненія во всевозможныхъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ и требовали его головы. Онъ первый разгадалъ несостоятельность Буланже, неспособность его къ роли, навязанной ему соучастниками, и рядомъ ловкихъ мѣропріятій вынудилъ его оставить Францію и искать убѣжища сначала въ Брюсселѣ, а потомъ въ Лондонѣ, откуда генералъ, несмотря на увѣщанія и просьбы друзей своихъ, уже не рѣшился возвратиться, чтобы предстать предъ своими судьями. Всеобщіе выборы, произведенные въ сентябрѣ и октябрѣ, подтвердили приговоръ Сената, и зловѣщій призракъ, болѣе двухъ лѣтъ тяготѣвшій надъ Франціей, исчезъ безслѣдно и вѣроятно навсегда. Энергичный и проницательный министръ умѣло воспользовался подъемомъ правительственнаго обаянія, чтобы затянуть нѣсколько распущенныя его предшественникомъ административныя бразды. Не сходя съ почвы законности, онъ сталъ

строго примѣнять законъ во всѣхъ направленіяхъ, ревниво оберегая общественный порядокъ и спокойствіе и не давая поблажки его нарушителямъ, кто бы они ни были: парижскій ли городской совѣтъ, посягающій на право градоначальника — префекта Сены; герцогъ ли Орлеанскій, самовольно возвращающійся во Францію подъ предлогомъ отбытія воинской повинности; французскіе ли рабочіе, собирающіеся манифестировать въ день, провозглашенный международнымъ праздникомъ соціалистовъ всѣхъ странъ. Но въ то же время онъ въ рѣчи, произнесенной въ Перигё, взывалъ къ содѣйствію французовъ всѣхъ партій въ дѣлѣ нравственнаго и матеріальнаго обновленія и возрожденія родины, приглашая ихъ соединить свои силы въ духѣ взаимнаго доброжелательства и искренняго братства. Послѣдній отвѣтъ его на запросъ эпигоновъ буланжизма въ Палатѣ: почему правительство не начинаетъ противъ нихъ новаго судебнаго преслѣдованія на основаніи появившихся въ печати разоблаченій о союзѣ ихъ съ монархистами для насильственнаго ниспроверженія республики?—обличаетъ въ немъ трезвый смыслъ и тонкое чутье истинно государственнаго человѣка. „Осудило васъ за прошлое“—сказалъ онъ, обращаясь къ буланжистамъ—„общественное презрѣніе и правительство довольствуется этимъ приговоромъ. Если же и вы вздумаете снова приняться за прежнее ремесло, то мы съумѣемъ и безъ вашихъ національностей исполнить нашъ долгъ и примѣнить къ вамъ всю строгость закона“.

Наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ г. Рибо придалъ внѣшней политикѣ Франціи направленіе, вполнѣ соотвѣтствующее развитію ея могущества и возрастанію международнаго значенія въ Европѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами онъ высоко держитъ знамя республики, не уклоняясь отъ исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ, но въ то же время твердо настаивая на неприкосновенности всѣхъ принадлежащихъ ей правъ. Поддерживая дружественныя отношенія со всѣми великими державами, онъ не скрываетъ отъ нихъ политической солидарности Франціи съ Россіей и, слѣдуя его наставленіямъ, французская дипломатія въ международныхъ вопросахъ идетъ и дѣйствуетъ рука объ руку съ русскою. Со времени водворенія его во дворцѣ Орсейской набережной самое полное согласіе ни единаго разу не было нарушено между С.-Петербургомъ и Парижемъ.

Особое вниманіе г. Рибо привлекаетъ распространеніе вліянія Франціи въ Африкѣ, гдѣ онъ отвоевалъ для нея путемъ соглашенія съ Англіей обширныя пространства на островѣ Мадагаскарѣ и вдоль западнаго побережья. Въ вѣдѣніи его находится и французскій протекторатъ въ Тунисѣ, странѣ, развитію и преуспѣянію которой министръ посвящаетъ всю свою заботливость. Предполагается тѣсно связать Тунисъ съ Алжиромъ желѣзными путями, дабы упрочить за французами преобладающее положеніе въ Сѣверной Африкѣ и предохранить ее отъ покушеній итальянцевъ, болѣе чѣмъ когда-либо задавшихся мыслью водрузить трехцвѣтный флагъ съ Савойскимъ крестомъ на классическомъ берегу Триполитаніи.

Нужды нѣтъ, что область эта принадлежитъ Турецкому султану, за цѣлость и неотъемлемость владѣній котораго на берлинскомъ конгрессѣ поручилась вся Европа. По доходящимъ до насъ изъ достовѣрнаго источника свѣдѣніямъ, Италія настаиваетъ предъ своими союзниками на предоставленіи ей права занять Триполи въ возмѣщеніе жертвъ, принесенныхъ ею четверному союзу. Требованіе это, уже встрѣтившее сильное сопротивленіе въ Лондонѣ со стороны маркиза Салисбюри, вѣроятно будетъ обсуждаться на предстоящемъ въ Миланѣ съѣздѣ нѣмецкаго канцлера генерала Каприви съ г. Криспи, причемъ, если вѣрить итальянскимъ оффиціозамъ, третьимъ участникомъ въ совѣщаніи явится путешествующій нынѣ по южному Тиролю, якобы для отдыха и поправленія здоровья, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки.

Понятно то крайне-затруднительное положеніе, въ которое ставитъ дворы берлинскій, вѣнскій и лондонскій назойливое притязаніе Италіи на область, входящую въ составъ Оттоманской имперіи. Удовлетвореніе его неминуемо повлекло бы за собою отпаденіе отъ четвернаго союза Порты, столь покорно подчиняющейся нынѣ его внушеніямъ. Съ другой стороны, если не дать Криспи потребованной имъ подачки, то явится предлогъ для выхода Италіи изъ союза, срокъ которому истекаетъ въ 1892 году. Это еще не все, такъ какъ, переставъ быть союзницею Германіи и Австро-Венгріи, Италія неизбѣжно передастся на сторону Франціи, усиляя соперницу нѣмцевъ и сама вступая въ борьбу съ австрійцами изъ-за „неискупленныхъ“ итальянскихъ областей. На возможность такого переворота въ международныхъ сочетаніяхъ довольно ясно намекнулъ г. Криспи не только въ бесѣдѣ своей съ сотрудниками газеты *Фи-*

гаро, но и въ рѣчи на данномъ ему банкетѣ во Флоренціи, въ той самой рѣчи, что возбудила клики сочувственнаго восторга въ Вѣнѣ и Пештѣ, но которую гораздо вѣрнѣе оцѣнила, а потому и строго осудила нѣмецкая печать. Въ довершеніе всего самъ г. Криспи не вѣченъ во главѣ итальянскаго правительства, и имѣющіе совершиться въ концѣ будущаго мѣсяца всеобщіе выборы въ Палату представителей могутъ повести къ низверженію его самого, а съ нимъ—и всей его политической системы. Не даромъ Тарпейская скала близка отъ вершины Капитолія!

Общественное неудовольствіе во всѣхъ концахъ Италіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Недовольны итальянцы и внѣшнею политикою правительства, и внутреннимъ состояніемъ страны. Непосильные налоги, вызванные непомѣрными вооруженіями, тяжелымъ бременемъ ложатся на населеніе, истощаютъ и разоряютъ его. „Четверной“ союзъ не принесъ пока ни малѣйшей выгоды Италіи, но за то имѣлъ послѣдствіемъ охлажденіе ея отношеній къ Франціи и закрытіе французскихъ рынковъ для сбыта произведеній народнаго труда, чѣмъ еще болѣе ухудшилось и безъ того незавидное положеніе итальянскихъ рабочихъ. Если, несмотря не всѣ эти невзгоды, г. Криспи все же выйдетъ побѣдителемъ изъ избирательной борьбы, то онъ будетъ обязанъ своимъ успѣхомъ исключительно разрозненности оппозиціонныхъ силъ, отсутствію между ними всякой связи и взаимодѣйствія. Въ Италіи оппозиція нынѣшнему министерству распадается на множество самыхъ противуположныхъ и просто другъ друга исключающихъ оттѣнковъ. Что въ самомъ дѣлѣ общаго между строгими католиками, ревностными приверженцами свѣтской власти папы, и республиканцами-ирредентистами, мечтающими о довершеніи національнаго единства посредствомъ отторженія отъ Австро-Венгріи Трентино и Тріеста? между такъ называемою конституціонною оппозиціею, видящею спасеніе Италіи въ монархіи, наслѣдственной въ Саврйской династіи, и соціалистами-анархистами, замышляющими полное разрушеніе государства и замѣну его своими утопіями? Но какъ бы то ни было, а конечнаго исхода итальянскихъ выборовъ нельзя пока ни предсказать, ни предвидѣть, и легко можетъ случиться, что онъ окажется столь же неожиданнымъ, какъ и результатъ тѣхъ выборовъ, что произведены на дняхъ въ Греціи и вызвали паденіе министерства г. Трикуписа, болѣе четырехъ лѣтъ полновластно распоряжав-

шагося, опираясь на безусловно преданное ему большинство въ Палатѣ, судьбами Эллинскаго королевства.

Грецiя—чуть-ли не единственное конституціонное государство на европейскомъ материкѣ, походящее на Англію въ томъ отношеніи, что тамъ, какъ и въ Соединенномъ королевствѣ,—всего двѣ большія политическія партіи, вожди которыхъ г. г. Трикуписъ и Деліянисъ регулярно смѣняютъ другъ друга у власти, подобно тому, какъ маркизу Салисбюри наслѣдуетъ г. Гладстонъ, а этому послѣднему снова маркизъ Салисбюри. Но тѣмъ и ограничивается сходство, а разница между парламентаризмомъ въ Англіи и Греціи та, что тогда какъ въ первой странѣ торіи и виги исповѣдуютъ противуположныя другъ другу начала консерватизма и либерализма, партіи Трикуписа и Деліяниса — обѣ чисто демократическія и преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, хотя и различными средствами. Общая имъ задача—соединеніе въ одномъ государствѣ всѣхъ областей востока, населенныхъ греками. Къ разрѣшенію ея г. Трикуписъ стремился мирными, дипломатическими средствами, возлагая надежду на искусство, съ которымъ онъ привыкъ лавировать между великими державами, ожидая отъ нихъ, отъ европейскаго концерта, осуществленія завѣтныхъ замысловъ эллинизма. Напротивъ, г. Деліянисъ и друзья его полагаютъ, что греки сами должны взяться за дѣло объединенія отечества и совершить его собственными силами. Долго парламентское большинство въ Греціи питало неограниченное довѣріе къ г. Трикупису и его выжидательной системѣ; если же теперь оно переходитъ на сторону его соперника, то это означаетъ, что грекамъ наскучило ждать и что, въ виду событій, совершившихся за послѣдніе пять лѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ и совершенно видоизмѣнившихъ его политическую поверхность, они пришли къ убѣжденію, что пора и имъ вмѣшаться въ дѣло и потребовать причитающуюся ихъ племени долю въ оттоманскомъ насѣдствѣ.

Что таково именно значеніе греческихъ выборовъ, явствуетъ изъ того, что какъ только сталъ извѣстенъ ихъ исходъ, на очередь выдвинулся снова Критскій вопросъ, который съ начала столѣтія то вспыхиваетъ пожаромъ, то тлѣетъ подъ пепломъ, никогда не угасая, и постоянно является предвѣстникомъ новыхъ бурь и потрясеній на Востокѣ. Въ настоящую минуту возобновленіе его совпадаетъ къ тому же съ несогласіями, возникшими между Портою и константинопольскимъ патріархомъ изъ-

за нарушенія турецкимъ правительствомъ исконныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ султанами вселенскому престолу. Взаимныя отношенія до того обострились, что патріархъ рѣшился на крайнюю протестаціонную мѣру: по его распоряженію всѣ подвѣдомственные Великой Церкви храмы закрыты и въ нихъ пріостановлено богослуженіе.

Столкновеніе Порты съ патріархіей касается исключительно церковныхъ дѣлъ, но кто не знаетъ, что на православномъ Востокѣ вопросы религіозные неразрывно связаны съ національными, а, слѣдовательно, и съ политическими вопросами. Корень несогласій вовсе не въ притязательности оттоманскаго правительства или въ упорной неуступчивости вселенскаго патріарха, а въ самомъ существѣ отношеній мусульманской власти къ ея христіанскимъ подданнымъ. Основаніе ихъ—насиліе завоеваніе, порабощеніе побѣдителями побѣжденныхъ. Порядокъ, зиждущійся на силѣ, можетъ и держаться, лишь доколѣ не истощилась самая сила, его создавшая. Давно уже турецкая мощь обратилась въ хилость и въ безсиліе. Турція—въ состояніи полнаго упадка и разложенія, между тѣмъ какъ христіанское населеніе имперіи султановъ—ростетъ, развивается, крѣпнетъ. Бо̀льшую часть его единовѣрная Россія великодушно освободила изъ-подъ позорнаго вѣковаго ярма. Тѣ изъ христіанъ, что̀ не перестали еще быть раіею, жаждутъ независимости и свободы. Горькій опытъ цѣлаго столѣтія свидѣтельствуетъ, что никакое дѣйствительное улучшеніе ихъ участи не достижимо, просто не мыслимо подъ мусульманскимъ господствомъ: Порта, еслибы и захотѣла, не можетъ управлять ими иначе, чѣмъ управляла доселѣ, а сами они не удовольствуются никакими уступками или компромиссами. Мечта о согласованіи шеріата съ Юстиніановымъ кодексомъ—невинное упражненіе дипломатическихъ метафизиковъ, которые, если только есть у нихъ хоть капля здраваго смысла, не вѣрятъ сами въ спасительность предлагаемаго ими средства. Воли хотятъ христіане Востока и конечно добудутъ ее рано или поздно. Это также вѣрно, какъ дважды два—четыре, какъ и то, что потокъ всемірной исторіи не можетъ обратиться вспять.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 РУБЛЯ.

Развитіе газеты «Нов. Дня» всегда шло рука объ руку съ возрастающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ «Новостяхъ Дня», дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ «Сѣверн. телеграф. агентства» организовала отдѣлъ собственныхъ телеграфныхъ сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (*А. Чехонте*). **Никифоръ Геркулесовъ и вѣрный способъ** (*П. Невѣжина*). **Безприданница и Дама самъ-третей** (*кн. С. В. Голицына*). **Въ лунную ночь** (*И. Н. Ге*). **Первый урокъ** (*Ив. Н. Лодыженскаго*). **На литературныхъ хлѣбахъ** (*Вл. Ив. Немировича-Данченко*). **Отецъ** (*К. В. Назарьевой*). **Въ заколдованномъ кругѣ** (*Е. О. Дубровиной*). **Ирина Калугина** (*А. И. Лемана*) и мног. другихъ. Изъ переводныхъ: **Сафо** *Альфонса Доде*. **Прелести жизни** *Эмиля Зола*. **Фальшивый монетчикъ** *А. Дюма*. **Изъ окна въ окно** *Захеръ Мазоха*. **Дѣло Греллу**, ром. *Поля Бурже* и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою въ Москвѣ	8 —	5 —	1 —
» пересылк. въ города	9 —	5 50	1 —
» » за границу	13 —	7 90	1 60

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по **3** руб. въ три срока при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 іюня.

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдней; сторонніе сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строка.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземпл., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполнѣ достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большаго контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Главная контора газеты «НОВОСТИ ДНЯ»

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

«Сѣверъ» одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ семинарій и институтовъ и въ учительскія библіотеки народныхъ и городскихъ училищъ.

Открыта подписка на 1891 годъ на журналъ

„СѢВЕРЪ“.

Годъ IV-й.

изданіе Всеволода Соловьева.

Съ 1891 года «СѢВЕРЪ» совершенно преобразовывается.

Изъ трехлѣтняго опыта мы убѣдились, что полное и всестороннее развитіе основной программы „СѢВЕРА“, какъ литературнаго органа, дающаго русской семьѣ разнообразное и полезное чтеніе, невозможно при существующей формѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій, въ которыхъ рисунки неизбѣжно подавляютъ текстъ и имѣютъ весьма мало къ нему отношенія.

Въ виду этого, съ наступающаго 1891 года, „СѢВЕРЪ“, оставаясь литературно-художественнымъ журналомъ, совершенно преобразовывается, по типу наиболѣе любимыхъ и успѣшно развивающихся западно-европейскихъ изданій и является въ этомъ видѣ первымъ и единственнымъ русскимъ журналомъ.

Съ января 1891 года „СѢВЕРЪ“ будетъ выходить еженедѣльными выпусками большаго формата, сброшюрованными въ цвѣтную обложку и содержащими отъ 50 до 60 страничныхъ столбцовъ иллюстрированнаго текста (2500—3000 и болѣе столбцовъ въ годъ, что приблизительно равняется содержанію большаго ежемѣсячнаго журнала). Кромѣ этого, въ началѣ каждаго выпуска будетъ приложенъ рисунокъ, отпечатанный отдѣльно отъ текста и отличающійся особенной художественностью и тщательностью исполненія. Эти рисунки, неимѣющіе никакого отношенія къ тексту, числомъ 52 въ годъ, могутъ составить къ концу года большой альбомъ.

Такимъ образомъ, подписчики «СѢВЕРА» будутъ получать еженедѣльно значительно большее, чѣмъ до сихъ поръ, количество избраннаго и разнообразнаго чтенія, какъ-то:

1. Иллюстрированные художественно исполненными рисунками романы, повѣсти, разсказы, драматическія пьесы, стихотворенія. Кромѣ русскихъ произведеній редакція „СѢВЕРА“ будетъ помѣщать выдающіяся произведенія иностранныхъ писателей, отличающіяся оригинальностью, интересомъ и вполнѣ подходящія къ характеру семейнаго журнала.

2. Статьи историческаго содержанія и статьи по этнографіи.

3. Литературно-художественная критика и библіографія. Особое вниманіе редакціи будетъ обращено на этотъ отдѣлъ, который не могъ получить развитія, вслѣдствіе недостатка мѣста при прежнемъ объемѣ „СѢВЕРА“. Кромѣ статей и замѣтокъ о русскихъ журналахъ и выходящихъ новыхъ книгахъ, редакція будетъ давать очерки современнаго состоянія всѣхъ европейскихъ литературъ.

4. Имѣя главнѣйшимъ образомъ въ виду русскую молодежь и русскихъ читающихъ женщинъ, „СѢВЕРЪ“ будетъ стремиться къ тому, чтобы знакомить своихъ читателей съ замѣчательными явленіями научнаго движенія въ Россіи и заграницей, передавая ихъ въ общедоступномъ и для всѣхъ интересномъ изложеніи.

5. Статьи и „Бесѣды“ по общественнымъ вопросамъ, какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ, будутъ появляться постоянно и тоже получатъ большее развитіе.

6. Разнообразная смѣсь.

Всѣ подписчики „СѢВЕРА“ за 1891 годъ получатъ въ концѣ февраля

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

художественный альбомъ

„ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ“,

шесть новыхъ акварелей художника Н. Н. Каразина, воспроизведенныхъ красками fac-simile, наклеенныхъ на свѣтло-сѣромъ картонѣ, съ золотымъ кантомъ вокругъ рисунка, и вложенныхъ въ цвѣтную красивую обложку.

Цѣна на 1891 годъ „Сѣвера“ съ безплатнымъ приложеніемъ Альбома Н. Н. Каразина «Изъ русской жизни», безъ доставки 6 руб., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи 7 руб. Заграницу 9 руб.

Съ требованіями просятъ обращаться исключительно въ главную контору «СѢВЕРА». С.-Петербургъ, Екатерининская, № 4, на имя издателя.

Служащимъ допускается разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Для помѣщенія въ 1891 году въ портфелѣ редакціи «СѢВЕРА» уже находятся слѣдующія литературныя произведенія:

«Дѣти», разсказъ **П. П. Гнѣдича**.—«Разбитая скрипка», разсказъ гр. **Г. Гендриковой**.—«Гнилые корни» и «Грезы», разсказы **Г. Г. Ге**—«Лебединая пѣсня», пов **Д. Карышева**.—«Беатриче», повѣсть **Д. А. Коропчевскаго**.—«Вуранъ», разсказъ **А. Я. Максимова**—«Поѣздка по Дону», **Е. Л. Маркова**.—«Кошмары», романъ **Л. И. Осташева**.—«Чѣмъ жизнь красна», романъ **К. К. Павловя**.—«Подъ говоръ волнъ», повѣсть **З. Пржиборы**—«Око за око», ром. **К. К. Случевскаго**.—«Женихъ царевны», историч. романъ XVII вѣка **Вс. С. Соловьева**.—«Тайныя силы», повѣсть **Вс. С. Соловьева**.—«Колибри», повѣсть **В. А. Тихонова**.—«Влажной баринъ», повѣсть **К. В. Тхоржевскаго** и т. д.

Въ первыхъ выпускахъ будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Возраждающіяся литературы, **Д. А. К—аго**.—Нагасаки, Ураками и Тогицъ, **А. Я. Максимова**.—Шанхай и іезуитская миссіонерская колонія, **А. Я. Максимова**.—Преступная семья (очеркъ по уголовной антропологіи), **Д. А. К—аго**.—Вредные и полезные напитки (по **П. Мантегацца**).—Вредно ли курить? (по **П. Мантегацца**).—Горячительныя приправы (по **П. Мантегацца**).—Новѣйшія воздушныя путешествія.—Очерки русской литературы.—Очерки иностранной литературы.—Бесѣды «Сѣвера» и т. д.

Полное собраніе сочиненій **Вс. С. СОЛОВЬЕВА**,

состоящее изъ **СЕМИ** большихъ томовъ убористой и четкой печати.

Содержаніе: «Княжна Острожская»—историч. ром. XVI в. «Касимовская Нѣвѣста» - романъ-хроника XVII в. «Русскіе Крестоносцы»—повѣсть. «Царь-дѣвица»—ром.-хрон. XVII в. «Юный Императоръ»—ром.-хрон. XVIII в. «Капитанъ Гренадерской Роты»—ром.-хрон. XVIII в. «Сергѣй Горбатовъ»—историч. ром XVIII вѣка. «Вольтерьянецъ»—историч. романъ. «Старый Домъ»—ром. «Изгнанникъ»—романъ. «Послѣдніе Горбатовы»—ром. «Навожденіе»—ром. «Воспоминанія о Достоевскомъ». «Стихотворенія». **Легенды:** «Старый Гудъ». «Страшный Долгъ». «Бессо-Безумный». **Разсказы:** «Во снѣ и на яву». «Двойное привидѣніе». «Приключеніе моего доктора». «Персъ изъ Индіи». «Откуда?». «Кименисъ». «Вѣнская Идиллія». «Воскресенье». «Нежданное Богатство». «Монахъ поневолѣ». «Двѣ жертвы». «Магнитъ». «Старикъ».

Цѣна за всѣ СЕМЬ томовъ 15 руб, съ перес. 17 р; отдѣльно томы не продаются.

Подписчики „Сѣвера“ на 1891 г. платятъ за всѣ СЕМЬ томовъ вмѣсто 15 р.—только десять руб., а съ перес. 12 р.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ

въ Главной Конторѣ журнала „СѢВЕРЪ“ и у всѣхъ книгопродавцевъ

НОВАЯ КНИГА

„ВОЛХВЫ“

романъ XVIII-го вѣка

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Большой томъ (547 стр.), отпечатанный на хорошей, плотной бумагѣ и украшенный многочисленными виньетками.

Цѣна **3** руб., съ перес. **3** руб. **50** коп.

Подписчики „Сѣвера“ на 1891 годъ платятъ 2 рубля, а съ пересылкой 2 р. 50 к.

500

mal vergrössert sieht man jeden Gegenstand mit dem neuerfudenen.

WUNDER-TASCHENMIKROSKOP

daher dasselbe unentbehrlich ist für jeden Geschäftsmann, Lehrer, Studenten ja sogar nothwendig und nützlich für jeden Haushalt zum Untersuchen der Speisen und Getränke und ist demselben ausserdem auch eine Lupe beigegeben, die für Kurzsichtige beim Lesen ausserordentlich nützlich ist.

Versendung nur gegen vorherige Cassa oder auch in Briefmarken von

1 Rubel

franco ganz Russland.

D. KLEKNER, Wien, I., Postgasse 20.

Ungeheueres Aufsehen

STOPF-APPARAT

Ein Kind kann denselben handhaben

In der Pariser Ausstellung 330.000 St. verkauft.

Dieser Apparat ist in allen Weltgegenden, von einer amerikanischen Gesellscnaft patentirt worden. Dieser Stopf-Apparat näht alle Sorten Stoffe. Wirkwaaren, Jägerhemden, Socken etc., rasch und wie neu angewebt herstellt.—In gans Amerika und in England, wie auch schon hier in Wien gibt es keine Familie, kein Haus, wo der ausgezeichnete praktische und unentbehrliche Apparat nicht eingeführt ist. Er wird in kürzester Zeit in der ganzen civilisirten Welt eingeführt werden, daher beeile sich das geehrte P. T. Publikum solange der Vorrath reicht zu bestellen.

Preis per Stück **2** Rb.

Franco ganz Russland nur gegen vorherige Einsendung des Betrages oder auch in Briefmarken, durch das alleinige.

Versandhaus:

D. KLEKNER.

Wien, I., Postgasse Nr. 20.

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER,

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14. Телефонъ № 391.

Adams, F. O. et Cunningham, C. La confédération Suisse. Edition Française avec notes et additions par H. Loumyer. 2 p. 80 к.

Андреевскій, И. С. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Часть I. 1 р. 50 к.

Антоновичъ, А. Я. Курсъ госуд. благоустройства (полицейскаго права). 2 т. 3 р.

Auerbach's Deutscher Kinder-Kalender 1891. 50 к.

Baumgarten, I. Lectures géographiques. L'Afrique pittoresque et merveilleuse. 1 p. 20 к.

Billige Weisheit. Antidoton gegen Rembrandt als Erzieher. Von Nautilus. 15 к.

Boetticher, E. Hissarlik wie es ist. Fünftes Sendschreiben über Schliemanns Troja. Mit 14 Plänen u. 21 Abbildungen. 1 p. 50 к.

Brehms Thierleben. 3 Aufl. v. Dr. Pechuel-Loesche. Bd. I. 7 p. 50 к. (Complet in 10 Bdn.).

Дмитріевъ, А. Пермская старина. Сборникъ истор. статей и матеріаловъ. Вып. 1 и 2. 2 р.

Eckstein, Ernst. Hertha. Roman. Geb. 4 p.

Galerie des portraits des Souverains et Souveraines de l'Europe publiée par C. de Schlichtegroll à Berlin et E. de Zoller à Stuttgart. Edition des princes, liv. 1—14 à 26 p. Edition de luxe, liv. 1—14 à 18 p. 50 к. Edition de salon, liv. 1—14 à 8 p. 50 к.

Giessler, M. Aus den Tiefen des Traumlebens. 1 p. 80 к.

Goppelsroeder, F. Ueber Feuerbestattung. 75 к.

Hellwald, Fr. von. Die Welt der Slawen. Geb. 3 p. 50 к.

Henkel, H. Goethe u. die Bibel. 1 p.

Jensen W. Diana Abnoba. Eine Schwarzwaldgeschichte von der Baar. 2 Bde. 3 p.

Jerusalem, Dr. W. Lehrbuch d. empirischen Psychologie für Gymnasien u. höhere Lehranstalten. 1 p. 20 к.

Kindler, A. Die Organisation u. Ausbildung unserer Festungstruppen. 80 к.

Klette, R. Wohnen heisst leben. Saml. von Erfahrungen u. Entwürfen f. Bau u. Einrichtung billiger u. zweckm. Familienhäuser. 60 к.

Lasson, A. Sint ut sunt. Für das alte Gymnasium wider die Neuerer. 75 к.

Летурно, Ш. Эволюція собственности. (L'évolution de la propriété). 3 р.

Maltzew, A. Die göttlichen Liturgien unserer heiligen Väter Johannes Chrysostomos, Basilios d. Grossen u. Gregorios Dialogos. Deutsch u. slawisch. 3 p.

Марковъ, Евг. Путешествіе на востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ Фараоновъ. 2 р.

Матеріалы по археологіи Россіи № 4: Древности сѣверо-западнаго края. Т. I, ч. 1, 2 р.

Mertens, Ed. Ein Kaiserheim. Darstellungen aus d. Palais weiland Sr. Majestät Wilhelm I Mit Text. 56 p. 80 к.

Новиковъ, А. Я. Протекціонизмъ. 2 р.

Otto-Peters, Louise. Das erste Vierteljahrhundert d. allgem. deutschen Frauenvereins. 25 к.

Рангада, Ж. Подъ волнами океана. Съ 24 рис. 1 р.

Reinicke, R. Spiegelbilder aus dem Leben. 23 p. 20 к.

Rovinski, Dm. L'œuvre gravé de Rembrandt, reproduction des planches originales dans tous leurs états successifs, 1000 Phototypies sans retouches. Atlas vol I—III et texte. 125 p.

Schmitz-Dumont. Lichtäther u. elektrische Welle. 75 к.

Sepp, Prof. Die Religion der alten Deutschen u. ihr Fortbestand in Volkssagen, Aufzügen u. Festbräuchen bis zur Gegenwart. 3 p.

Sepp. Prof. Kritische Beiträge zum Leben Jesu u. zur neutest. Topographie. Palästinas. 1 p. 50 к.

Sonderegger, Dr. L. Vorposten der Gesundheitspflege. 3 Auflage. 3 p 50 к.

Stephan, R. Strafgesetzbuch für d. Königreich Italien. 3 p. 50 к.

Теплозъ, В. Представители европ. державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Истор. очеркъ. 1 р. 50 к.

Thornton, I. Advanced Physiography. With 6 maps, 180 illustr., and col. plate of Spectra. 3 p. 30 к.

Werner, O. Orbis terrarum catholicus sive totius ecclesiae catholicae conspectus geographicus et statisticus. 5 p.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 38. (Телефонъ № 1052). Москва, Кузнецкій мостъ, д. Шориной. Харьковъ, Екатеринославская ул., д. Рауфа. Одесса, Дерибасовская ул., д.№ 11.

„Артистъ“. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 9. М. 1890 г. Цѣна отд. № 2 р.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. III. Лиза („Горе отъ ума“). М. 1890 г. Ц. 1 р.

Гиѣдичъ, П. П. Перекати поле. Современные силуэты—въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Езерскій, Ѳ. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Спб. Ц. 1 р.

„Живая старина“. Періодическое изданіе Отд. Этнографіи Имп. Русскаго Географ. Общ., подъ редакціею В. И. Ламанскаго. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. отд вып. 2 р.

Королевъ, Ѳ. П. Свѣтскія затѣи или Общество попеченія о бѣдныхъ. Оригинальная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ иллюстр. исполнителей. М. 1890 г.

„Круглый годъ“. Календарь и записная книжка на 1891 г. Спб. Ц. 75 к.

Литература земельнаго кредита. Библіографическій указатель сочиненій, отдѣльно изданныхъ и помѣщенныхъ въ повременн. издан. Вып. I. Изданіе Комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Рембрандъ. Полное собраніе гравюръ со всѣми разницами въ отпечаткахъ; 1000 фототипій безъ ретуши. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій съ двумя атласами, изъ которыхъ второй расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ по Миддлетону. Ц. 250 р.

Рѣдкинъ, Н. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. V. Спб. 1890 г. Ц 3 р.

Самуиловъ, Вяч. Исторія аріанства на латинскомъ западѣ (353—430). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Сельскій хозяинъ“. Еженедѣльное иллюстрированное изданіе К. И. Масляникова. № 50. Спб. 1890 г. Ц. отд. №-ра 20 к.

Смирновъ, К. И. Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ Казань. 1890 г. Ц. 20 к.

Смирновъ, И. Н. Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VII археологическій съѣздъ. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Е. Т. Гражданское право. Очерки народнаго юридическаго быта. Вып. I. Казань. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Печатаются слѣдующія изданія А. С. СУВОРИНА:

Палестина. Иллюстрированное изданіе. Текстъ А. А. Суворина.

Собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова въ десяти томахъ. Т. VI.

Древняя исторія К. С. Беккера. Съ рисунками и картами. Часть III.

Художественная энциклопедія. (Иллюстриров. словарь искусствъ и художествъ) Состав. **Ѳ. И. Булгаковъ.** Т. III.

Историческая портретная галлерея. Вып. 36-й

Д. Н. Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Съ 16-ю хромолитографированными таблицами и многочисленными рисунками въ текстѣ. Вып. 4-й.

Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическій этюдъ.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. (Архитектура — Скульптура.—Живопись.—Музыка). Переводъ **Ѳ. И. Булгакова.** 2-е изданіе, исправленное и дополненное, со многими рисунками.

Сидъ, трагедія въ 5-ти актахъ **Корнеля,** въ переводѣ **В. С. Лихачева** (Дешевая Библіотека).

Скупой, комедія въ 5-ти актахъ **Мольера,** въ переводѣ **В. С. Лихачева.** (Дешевая библіотека).

О сельскомъ хозяйствѣ. В. Д. Кренке. 3-е, испрвленное и дополненное изданіе. Вып. 2-й.

Соборъ Парижской Богоматери. Романъ **В. Гюго.** (Деш. Библ.).

Разговоры Гете, собранные **Эккерманомъ.** Перев. **Д. В. Аверкіева.**

„Олимпъ“. Миѳологія древнихъ грековъ. Перев. **Корнъ.**

Лѣтомъ и зимой на Шибкѣ (изъ воспоминаній военнаго корреспондента) **В. И. Немировича-Данченко.** (Дешевая Библіотека).

Старая Москва. М. И. Пыляева. Роскошное изданіе съ 130 ю иллюстр.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей". См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія", 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (таковаго одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова.

Цѣна 20 коп.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору, въ г. Шую, Ѳедору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

БОЛГАРІЯ

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

Историческій очеркъ.

П. А. Матвѣева.

Цѣна 2 руб.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

РЕФОРМА МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Цѣна 50 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ *«Новаго Времени»*, *Карбасникова*, *Цинзерлинга* и другихъ, а также въ книжномъ складѣ *Мартова*, Баскова улица, домъ № 3.

Открыта подписка на 1891 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ

„ПРИРОДА и ОХОТА“,

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты.

Восемнадцатый годъ изданія.

Журналъ «Природа и Охота» выходитъ ежемѣсячно книгами до 220 страницъ большаго формата на веленевой роскошной бумагѣ съ 2—3 отдѣльными художественно-выполненными картинами и съ рисунками въ текстѣ.

Въ журналѣ помѣщаются: охотничьи разсказы и очерки, путешествія охотниковъ и зоологовъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, подробныя описанія способовъ ружейной, псовой и рыболовной охотъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, оригинальныя и переводныя статьи объ оружіи, охотничьихъ и рыболовныхъ принадлежностяхъ, статьи о воспитаніи, дрессировкѣ и лѣченіи собакъ, объ акклиматизаціи и разведеніи животныхъ, отчеты о выставкахъ собакъ, о рыболовныхъ выставкахъ, о садкахъ и пр.; отчеты охотничьихъ обществъ въ Россіи; обзоры охотничьихъ событій, нуждъ и новостей во всѣхъ мѣстностяхъ Европейской и Азіатской Россіи; правительственныя распоряженія, касающіяся охоты и охотничьихъ промысловъ, а также и обзоры иностранной охотничьей, зоологической и ружейной литературы.

Въ приложеніи будутъ печататься портреты сотрудниковъ.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получатъ при Январской книгѣ

ПРЕМІЮ

восемь художественныхъ ПОРТРЕТОВЪ СОБАКЪ,

лучшихъ представителей существующихъ породъ лягавыхъ, превосходно исполненныхъ КРАСКАМИ въ олеографическомъ заведеніи Кауфмана въ Берлинѣ.

Подписная цѣна журнала „Природа и Охота“:

Съ пересылкой и доставкой:—На годъ	14	руб.	На полгода	8	руб.
За границу	17	„	„	10	„
Безъ доставки	13	„	„	7	„

Допускается разсрочка по третямъ года: 1-й взносъ 6 рублей, 2-й и 3-й взносы по 4 рубля.

Въ виду высокой цѣны, премія будетъ печататься въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, почему Редакція покорнѣйше проситъ подписываться заблаговременно.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.

Редакторъ-издатель ЛЕОНИДЪ САВАНѢЕВЪ.

КНИГИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ

Продающіяся въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА.

Въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 45.

1) **Акаѳистъ святому Ангелу,** неусыпаемому хранителю человѣческой жизни. Изданіе восьмое. Съ изображеніемъ святаго Ангела. Гражданской печати. Роскошное изданіе, отпечатано на веленевой бумагѣ двумя красками, крупной печати. Спб. 1890 г. Цѣна 30 к., въ красив. перепл. 75 к.

2) **Акаѳистъ** Пресв. Влад. нашей Богородицѣ **Всѣхъ Скорбящихъ Радости.** Церк. печ. Спб. Ц. 20 к. Тоже, гражд. печ. Ц. 20 к.

3) **Акаѳистъ** Пр. Богородицѣ явленія ради чудотворныя иконы ея **Казанскія.** Церк. печ. Спб. Ц. 20 к. Тоже, гражд. печ. Ц. 20 к.

4) **Акаѳистъ** ко Пр. Госп. Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотворныя иконы ея, именуемыя **Тихвинскія.** Церк. печ. Спб. Ц. 20 к.

5) **Акаѳистъ** Святому Прор. Божію *Иліи,* Спб. Ц. 30 к. Тоже, гражд. печ. Ц. 30 к.

6) **Проповѣди** арх. *Анастасія,* инспект. Минской Семинаріи. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ крас. пер. 2 р.

7) **Психологическія данныя въ пользу** свободы воли и нравственной отвѣтственности. Іеромонаха *Антонія.* Изд. 2-е. Спб. 1888 г. Ц. 1 руб.

8) **Объ истинномъ христіанствѣ.** Съ присовокупленіемъ райскаго вертограда, исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ. Сочиненіе *Іоанна Арндта.* Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. 1240 стр. Спб. 1875 г. Ц. 4 р.

9) **Лѣтопись церковныхъ событій** и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1879 г. Архимандрита *Арсенія.* Спб. 1880 г. Ц. 4 р.

10) **Поученія къ простому народу** *Іоанна Архангельскаго,* священника Саратовской Срѣтенской церкви. Изд. 6-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ красив. перепл. 2 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебн. завед.

11) **Нравоучительныя повѣсти** для дѣтей. Протопресвитира *В. Б. Бажанова.* Спб 1889 г. Ц. 25 к.

12) **Пища для ума и сердца** или собраніе христіанскихъ размышленій. Перев. съ иностр. Пр. *В. Б. Бажанова.* Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

13) **Примѣры благочестія** изъ житій святыхъ. Пр. *В. Б. Бажанова.* Спб. 1889 г. Ц. 25 к.

14) **Притчи,** избранныя изъ Круммахера. Пр. *В. Б. Бажановымъ.* Спб. 1889 г. Ц. 25 к.

15) **Сокровище духовное** отъ міра собираемое. Изъ твореній св. отца нашего Тихона, еп. Воронежскаго. Пр. *В. Б. Бажанова.* Спб. 1889 г. Ц. 20 к.

16) **Вѣчное блаженство святыхъ.** Соч. *Ричарда Бакстра.* Переводъ съ франц. *А. Свѣтлакова.* Спб. 1882 г. Ц. 1 р.

17) **Правила святой жизни.** Изложены Аввою *Бернардомъ.* Спб. 1882 г Ц. 50 к., въ роскошн. коленк. пер. 1 р.

18) **Бесѣды Евг. Берсье.** Томы 1 и 2. Спб. 1886—90 г. Цѣна каждаго тома по 80 к.

19) **Поученія сельскаго Пастыря.** Свящ. *П. Боброва.* Изд. 2. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

20) **Божественное лицо и дѣло** Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб. 1882 г. Цѣна 1 руб.

21) **Жизнь Господа нашего Іисуса Христа.** Опытъ историко-критическ. изложенія Евангельской исторіи. Съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Свящ. *Т. Буткевича.* Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1887 г. Ц. 4 р., въ изящномъ коленк. перепл. 5 р.

22) **Иннокентій Борисовъ,** бывшій архіепископъ херсонскій. Свящ. *Т. Буткевича.* Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

23) **Кругъ Поученій** (110) на всѣ воскресные и праздничные дни въ году и на седмицы: пасхальную, первую поста и страстную. Прот. Алексѣя *Бѣлоцвѣтова.* Изданіе четвертое, дополненное. Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 мая 1881 г., одобрилъ для пріобрѣтенія въ церковныя библіотеки (Церк. Вѣстн., № 31, 1881 г.) Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ коленк. перепл. 2 р. 25 к.

24) **Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній** на всѣ дни года Графа *П. А. Валуева.* Спб. 1885 г. Ц. 4 р.

25) **Новая скрижаль** или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и

*

утваряхъ церковныхъ. *Веніамина*, арх. Нижег. Въ 4-хъ частяхъ, съ рисунками, гравированными на деревѣ Л. Сѣряковымъ. Изданіе 14-е. Отпечатанное на веленевой бум. Спб. 1884 г. Ц. 2 р.

26) **Опытъ изученія Евангелія** св. Іоанна Богослова. *Георгія Властова.* Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к., въ изящномъ коленк. переплетѣ 4 р. 50 к.

27) **Священная лѣтопись** первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. *Георгія Властова.* Въ 3-хъ томахъ. Изд. второе, исправленное. Всѣ три тома «Священная лѣтопись» опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода одобрены для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки духовныхъ семинарій. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. завед. Рекомендованы для всѣхъ церквей. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.

28) **Практическія задачи** дѣятельности сельскаго православнаго священника. *А. Громачевскаго.* Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

29) **Дни богослуженія** православной каѳолической восточной церкви, Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* 2 большихъ тома въ 6 частяхъ. Изданіе 8-е. Спб. 1887 г. Ц. 3 р., въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 4 руб. Ученымъ комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія одобрены для ученическихъ библіотекъ средн. и низшихъ учебн. завед.

30) **Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра**, выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и Богослуженія православной церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Съ рисунками въ текстѣ. Изд. третье. Одобрено Ученымъ Комитет. Министерства Народн. Просв. для ученическихъ библіот. средн. и низш. учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. Ц. 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

31) **Необходимость и важность** христіанскаго поведенія и послушанія православной Церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Изд. 2-е. Спб. 1885 г. Ц. 50 к.

32) **Краткое обозрѣніе** Богослуженія православной Церкви. Прот. *Г. С. Дебольскаго.* Съ рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1886 г. Ц. 50 к.

33) **О говѣніи** по уставу православной Церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Изд. 2-е. Спб., 1882 г. Цѣна 50 к.

34) **Седьмица говѣнія**, исповѣди и причащенія. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Изд. 2-е. Спб., 1882 г. Ц. 20 к.

35) **Житія святыхъ.** Составлены по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ *Софіею Дестунисъ.* Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика О. Г. Солнцева. 12 книгъ. Спб., 1886 г. Ц. 6 р. Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій и училищъ, въ качествѣ назидательнаго чтенія для учащихся. (27 Іюля 1886 г № 428). Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія (20 Мая 1887 г. № 7623). Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендована мѣстнымъ начальствамъ учебныхъ и воспит. завед. вѣдомства Императрицы Маріи для библіот. ввѣренныхъ имъ заведеній 24 (Февраля 1887 г. № 2995).

36) **Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи.** Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи св. отцевъ Церкви. Сост. *Иваномъ Дмитревскимъ.* Вновь пересм и исправл. изд., съ рисунк. акад. О. Г. Солнцева. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к. въ изящ. пер. 3 р. 50 к.

37) **Руководство къ изъяснительному чтенію Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса.** Сост. *А. Ивановъ.* Изданіе 3-е, исправленное. Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, для употр. въ семин. Спб. 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

38) **Сочиненія епископа Игнатія** Брянчанинова. Съ прилож. портрета автора. Изданіе 2-е, исправл. и пополн. 5 том. Спб., 1886 г. Ц. 10 р.

39) **Отечникъ.** Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Съ приложеніемъ портрета преосв *Игнатія.* Спб., 1880 г. Ц. 3 р. Въ красив. коленкор. пер. съ золотымъ тисн. 4 р.

40) **Слово о смерти.** Епископа *Игнатія* (Брянчанинова). Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ крас. переплетѣ 2 р

41) **О терпѣніи скорбей.** Ученіе святыхъ отцовъ. Собранное епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 2-е. Спб. 1882 года. Ц. 75 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библ. средн. и низш. учебн. зав.

42) **Благочестивыя размышленія** православн. христ. о своей душѣ. На каждый день мѣсяца. Сост. *П. Игнатьевъ.* Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

43) **Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія,** какъ доказательства различныхъ истинъ христіанской православной вѣры. Матеріалъ для пастырей при составленіи поученій, и назидательное чтеніе для всѣхъ православныхъ христіанъ. Составилъ прот. *Ѳ. Л.* Изд. 2-е. Спб., 1886 г., Ц. 1 р. въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

44) **Поученія на великіе праздники** православной церкви и на 1-ю недѣлю Великаго поста. Составленныя архимандр. *Іосифомъ*. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. Въ крас. коленк. пер. 1 р. 50 к.

45) **Систематическій указатель статей** по основному, догматическому, нравственному и сравнительному богословію, помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ. Петра *Карпова*. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.

46) **Мессіада.** Божественная поэма, сочиненіе *Клопштока*. Перевелъ стихами *С. И. Писаревъ*. Въ 3-частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора, посвящена Его Величеству Государю Императору Александру II-му. Въ 8 д. л., 900 стр Спб. 1868 года. Ц. 4 руб.

47) **Слова и рѣчи** Синодальн. члена *Леонтія* Архіепископа Холмско-Варшавскаго. Изданіе третье, дополненное, въ двухъ томахъ съ портретомъ автора. Спб., 1888 г. Цѣна за 2 тома 3 р., въ одномъ изящн коленк. перепл. 4 р

48) **Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.** Ветхій Завѣтъ Въ 2-хъ томахъ Сост. *А. П. Лопухинъ*. Изданіе иллюстрированное, содержащее болѣе 600 политипажей, снимковъ съ древнихъ памятниковъ, ландшафтовъ и картинъ восточной жизни, и два рисунка художника Густава Дорѐ. Роскошное изданіе. Спб., 1889 г. Ц. 16 руб., въ изящномъ перепл. 20 р. Пересылка за 20 ф.

49) **Руководство къ библейской исторіи** Ветхаго и Новаго Завѣта. Сочиненіе *А. П. Лопухина*. Въ 2-хъ томахъ Спб., 1888 г Ц. за оба тома 4 р., за кажд. отдѣл. по 2 р.

50) **Слова, бесѣды и поученія** Архимандр. *Макарія* (нынѣ епископа). Спб. 1881 г. Ц. 1 р 50 к. Въ красив перепл. съ золот. тиснен. 2 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщ. одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебн. зав.

51) **Христіанское ученіе о нравственности.** Сочиненіе *Г. Мартенсена*, доктора богословія, епископа Зеландскаго, въ Даніи Переводъ *А. П. Лопухина*. Въ 2-хъ томахъ, Спб. 1890 г. Ц. 5 р., въ изящ. кол. пер. 7 р.

52) **Потеряный рай.** Поэма *Мильтона*. Пер стих. *С. И. Писаревъ* Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

53) **Какъ живутъ наши умершіе** и какъ будемъ жить и мы по смерти. По ученію православной церкви, по предчувствію общечеловѣческаго духа и выводамъ науки. Монаха *Митрофана*. Въ 3-хъ большихъ томахъ. Спб. 1889 г. Ц. кажд. т. 2 руб. въ пер. по 3 р

54) **Христіанскія добродѣтели.** Соч. Прот. *І. Наумовича*. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

55) **Какъ въ простотѣ живутъ люди.** Соч. Прот. *І. Наумовича*. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

56) **Нравственныя бесѣды на воскресныя евангелія.** Перев. съ греческ. архимандрита *Неофита*. Спб. 1884 г. Ц. 75 к.

57) **Сѣятель благочестія,** или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Протоіерея *Василія Нордова* (съ портрет. автора). Въ 2-хъ том. Спб., 1883 г. Ц. 5 р. Въ красивыхъ коленк. переплетахъ 7 р.

58) **Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія** въ древней Россіи до XVI вѣка. Церковно-историческ. изслѣдованіе *Н. Одинцова*. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.

59) **Послѣднія минуты** православнаго христіанина. Изд. второе. Спб. 1886 г. Ц. 30 к., въ изящн. переплетѣ 75 к.

60) **Полное собраніе поученій** протоіерея *Р. Путятина*, съ портрет. его. Изд. 21-е. Спб., 1888 г. Цѣна 2 р. Въ кол. пер. 3 р.

61) **Исторія христіанской церкви** отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Сочиненіе *Робертсона*. Переводъ съ англійск. *А. П Лопухина*. Въ 2-хъ т. Спб. 1890 г. Ц. 10 р.

62) **Полное собраніе поученій** протоіерея *Іоакима Константиновича Романова*, законоучителя Смольнаго Александровскаго училища. Два тома, 8 д. л., болѣе 1300 стр. убористой печати. Спб. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 6 р.

63) **Значеніе христіанства** въ духовно-нравственномъ развитіи. Священника *П. Руновскаго*. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.

64) **О Богѣ и о домостроительствѣ Божіемъ.** Чтеніе для русск. православнаго народа. Составилъ сельскій священникъ *Павелъ Руновскій*. Спб., 1887 г. Ц. 40 к.

65) **Сборникъ поученій,** составленный сельскимъ священникомъ *П. Руновскимъ*. Спб. 1887 г. Ц. 1 руб.

66) **Святый Димитрій Ростовскій** и его избранныя творенія, переведенныя на русскій языкъ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 25 коп.; въ изящн. пер. 2 р.

67) **Слова и рѣчи** протоіерея *П. А. Смирнова*. Часть 1 и 2-я. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

68) **Толкованіе притчей Господа нашего Іисуса Христа.** Архіепископа Дублинскаго, *Тренча*. Переводъ съ англійскаго *Зиновьева*. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное и исправленное по послѣднему XV изданію подлинника, подъ редакц. А. П. Лопухина. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ перепл. 3 р.

69) **Училище благочестія,** или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рисунками академика *Ѳ. Г. Солнцева*. Изд. 14-е (первое иллюстрированное). Спб. 1889 г. Ц. 1 р., въ изящн. коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

70) **Жизнь Іисуса Христа,** соч. *Ф. В. Фар-*

рара. Новый переводъ съ 10-го англійскаго изданія *А. П. Лопухина*, съ приложеніями: ученыхъ изысканій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ жизни І. Христа и примѣчаніями къ тексту. Изд. 2-е, со множествомъ иллюстрацій и приложеніемъ раскрашенной карты Палестины. Роскошное изданіе, отпечатано на веленевой бумагѣ. Спб. 1890 г. Ц. 8 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 10 р. Пересылка за 10 ф.

71) **Жизнь Іисуса Христа**, соч. *Ф. В. Фаррара*. Переводъ *А. П. Лопухина*. Четвертое общедоступное изданіе. Съ приложеніемъ 16-ти политипажей. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

72) **Жизнь и труды Св. Апостола Павла.** Сочин. *Ф. В. Фаррара*. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія *А. П. Лопухина*. Со множествомъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскраш. картъ. Роскошное изд. Спб. 1887 г. Ц. 8 р., въ изящн. перепл. 10 р. Пересылка за 11 ф.

73) **Жизнь и труды** Св. Апостола Павла. *Ф. В. Фаррара*. Пер. съ 19 англ. издан. *А. П. Лопухина*. 2-е общедоступное изд. Въ 2 ч. Спб. 1887 г. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

74) **Первые дни христіанства.** Соч. *Ф. В. Фаррара*. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія *А. П. Лопухина*. Въ 2-хъ част. Спб. 1888 г. Ц. 4 р., въ изящн. пер. 5 р.

75) **Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви.** *Ф. В. Фаррара*. Перев. съ англ. *А. П. Лопухина*. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

76) **Пособіе** къ изученію начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія, составленное для народн. хора. *А. С. Фатѣева*. Спб 1889 г. Ц. 65 к.

77) **Житія святыхъ**, чтимыхъ православною Церковію, съ свѣдѣніями о праздникахъ господскихъ и богородичныхъ и о явленныхъ чудотворныхъ иконахъ. Составленныя преосвященнымъ *Филаретомъ* (Гумилевскимъ), архіепископомъ Черниговскимъ съ дополненіями изъ другихъ. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ, академика Ѳ. Г. Солнцева. Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго Филарета. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, двѣнадцать мѣсяцевъ. Спб. 1885 г. Ц. за всѣ 12 кн. 15 р., въ изящн. перепл. 20 р.

78) **Житія святыхъ** подвижницъ Восточной Церкви. Соч. *Филарета* (Гумилевскаго), архіеп. Черн. Изданіе второе. Съ изображеніями святыхъ подвижницъ, академика Ѳ. Г. Солнцева. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 2 р. 25 к.

79) **Бесѣды** о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа говоренныя *Филаретомъ* (Гумилевскимъ) архіеп. Черниг. Съ портретомъ автора. Въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Спб. 1884 г. Ц. 3 р., въ изящномъ переплетѣ 4 р.

80) **Историческое ученіе объ отцахъ церкви.** *Филарета* (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Въ трехъ томахъ (860 страницъ). Спб. 1882 г. Ц. 5 р., въ крас. переплетѣ 6 р.

81) **Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ** и пѣснопѣнія греческой Церкви. *Филарета*, арх. Изд. 2, съ дополн. Черн., 1866 г. Ц. 1 р. 50 к.

82) **Обзоръ русской духовной литературы.** Книга первая и вторая. 862—1863 г. Соч. *Филарета* (Гумилевскаго), архіеп. Черниговскаго. Издан. третье, съ поправ. и дополн. автора. Спб. 1884 г. Ц. 3 р., въ изящ. пер. 4 р.

83) **Православное догматическое богословіе.** *Филарета*, арх. Черн. 2 тома. Изданіе 3-е. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., въ крас. переплетѣ 4 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ средн. и низш. учебн. завед.

84) **Слова, бесѣды и рѣчи** *Филарета* (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Въ 4-хъ ч. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 4 р. 50 к.

85) **Обозрѣніе** Пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. По утвержденной программѣ составилъ *Алексѣй Хергозерскій*. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

86) **Письма о христіанской жизни.** Въ 4-хъ частяхъ. Епископа *Ѳеофана*. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. Въ коленкор. пер. съ золот. тисн. 4 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать примѣрно 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

☞ Только-что отпечатанъ **Полный каталогъ книжнаго магазина на 1891 г.** ☜ (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія) Цѣна 35 коп. При требованіи на другія книги, каталогъ высылается безплатно.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Спб., въ книжный магазинъ И. Л. ТУЗОВА, Гостинный дворъ, № 45.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ. Часть 4-я.

Ф. Ансти.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ. И. Тасма.

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

ПАРІЯ.

Романъ въ шести частяхъ.

Соч. **Ф. Анстн.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

III.

Когда Горскомбъ узналъ—а м-съ Чадвикъ поторопилась какъ можно скорѣе довести это до всеобщаго свѣдѣнія—что Алленъ отправляется въ Индію, то не особенно взволновался этимъ извѣстіемъ. Аллена мало видали въ обществѣ, а потому, естественно, интересовались имъ менѣе, чѣмъ кѣмъ другимъ изъ семьи Чадвиковъ. Къ тому же онъ былъ некрасивый молодой человѣкъ, и ходили слухи, что нравственность его далеко не безукоризненна.

Но все же Горскомбъ обсуждалъ это обстоятельство, какъ обсуждалъ всякое иное событіе, было ли то самоубійство или скотскій падежъ.

Умнѣйшая изъ трехъ миссъ Эдльстонъ выразила мнѣніе, обошедшее все мѣстечко и показавшееся черезъ чуръ сатирическимъ.

Кто-то замѣтилъ ей, что немножко жестоко посылать юношу совсѣмъ одного на такую отдаленную плантацію.

— Очень жестоко! согласилась она, относительно плантаціи!

Но Алленъ ухмыльнулся, однажды, въ самомъ эффектномъ мѣстѣ, когда она декламировала „Легенду о монахѣ Феликсѣ“—и это естественно внушило ей очень низкое понятіе объ его нравственности и умѣ.

М-съ Чадвикъ распространяла въ посѣщаемыхъ ею гостиныхъ эту новость, уснащая ее фіоритурами, сообразно своему такту и изобрѣтательности.

— Мужъ нашелъ безусловно необходимымъ послать вполнѣ довѣренное лицо на свои факторіи. Онъ подумалъ, что для моего пасынка отлично будетъ съѣздить туда: онъ тамъ возмужаетъ, научится сдержанности и станетъ на свои ноги. Вѣдь вы, конечно, знаете, милая, съ нимъ было намъ довольно хлопотъ. И теперь, когда онъ освоился съ этой мыслью, мнѣ кажется, онъ радъ ѣхать: новость положенія, дѣятельная жизнь—все это привлекательно и полезно для такого юноши, какъ онъ.

Дѣйствительно ли освоился Алленъ съ этой идеей? въ нѣкоторомъ отношеніи—да. Онъ пережилъ минуты бурнаго негодованія и возмущенія противъ судьбы, но затѣмъ покорился. И даже находилъ утѣшительною стороною въ своемъ теперешнемъ положеніи. Въ его характерѣ, какъ мы уже говорили, была сантиментальная жилка, благодаря которой онъ находилъ болѣзненное удовольствіе въ дурномъ обращеніи ради того состраданія, какое—ему казалось—это возбуждаетъ въ Марго.

Но прежде онъ зналъ, какая большая доза презрѣнія примѣшивалась къ этому состраданію, и зналъ также, что онъ болѣе или менѣе его заслуживалъ.

Теперь обстоятельства перемѣнились: единственное лицо, мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ, имѣло наилучшія основанія быть втайнѣ ему благодарнымъ, втайнѣ восхищаться даже имъ, хотя оно этого и не показывало.

Представьте себѣ, какое очарованіе заключалось въ этой мысли для такой натуры, какъ натура Аллена, полной смутныхъ романическихъ мечтаній, для которыхъ онъ не находилъ словъ.

Живя въ одномъ домѣ съ нею, встрѣчаясь съ нею отъ времени до времени, хотя бы только на минуту, и въ присутствіи другихъ, онъ внимательно изучалъ ея лицо и читалъ на немъ состраданіе, котораго жаждалъ, съ примѣсью тайнаго страха, что онъ ей измѣнитъ.

Ему и въ голову не приходило презирать ее за ея малодушіе; ему казалось вполнѣ естественнымъ, что она боялась униженія; онъ не могъ представить себѣ ее изобличенной передъ всѣми и униженной.

Его любовь, преданность и поклоненіе, казалось, усилились

отъ безмолвнаго принятія ею его жертвы. Что она цѣнила ее—въ этомъ онъ былъ увѣренъ; въ ея обращеніяхъ съ нимъ появилось что-то кроткое и смиренное, отъ чего она казалась ему еще красивѣе и милѣе.

И однако, по мѣрѣ того, какъ дни уходили, а она все не подавала никакого знака—хотя бы самаго ничтожнаго—того, что считаетъ себя передъ нимъ обязанной, онъ сталъ, бѣднягa, жаждать какого-нибудь проявленія благодарности съ ея стороны; неужели она допуститъ его уѣхать, не сказавъ ни слова! Положимъ, болѣзнь Иды поглощаетъ все ея время, но безъ сомнѣнія, она могла бы выбрать минутку, еслибы захотѣла. Онъ жаждалъ сказать ей, что она можетъ считать себя безопасной, что онъ скорѣе пойдетъ въ изгнаніе, чѣмъ лишится ея уваженія; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ говоритъ ей краснорѣчивыя и рыцарскія рѣчи, а она милостиво слушаетъ ихъ съ тихимъ угрызеніемъ совѣсти.

Но она не давала ему случая высказаться. Она избѣгала встрѣчаться съ нимъ наединѣ, и одно время онъ даже въ этомъ обстоятельствѣ находилъ поводъ къ безумнымъ надеждамъ: она не разсчитывала воспользоваться его жертвой, она только испытывала его терпѣніе—въ послѣднюю минуту она провозгласитъ его невинность! А тѣмъ временемъ онъ ждалъ минуты свиданія съ нею, хотя она постоянно отъ него ускользала, но это помогало ему коротать время.

Разъ онъ сидѣлъ въ библіотекѣ, стараясь, по желанію отца, осилить книгу о культурѣ индиго. Вдругъ дверь осторожно отворилась. Сердце его замерло на секунду... онъ подумалъ, что Марго побѣдила свою гордость и пришла къ нему.

Тѣмъ сильнѣе было его разочарованіе, когда посѣтительница оказалась никто иная, какъ Сусанна.

Она тихо затворила дверь за собой и остановилась передъ нимъ съ раскраснѣвшимся, хорошенькимъ личикомъ, засунувъ руки въ карманы кокетливаго фартучка, какъ театральная субретка.

— Въ домѣ никого нѣтъ, сказала она, кромѣ миссъ Летиціи, да и та бѣгаетъ въ саду. Поэтому я пришла съ вами поговорить. Неужели вы вправду ѣдете въ Индію? Мастерманъ говоритъ, дѣло улажено?

— Вправду, отвѣчалъ Алленъ, и очень скоро.

— Зачѣмъ же вы допускаете услать себя туда?

— Что же я могу сдѣлать? отецъ устроилъ мой отъѣздъ.

— Не правда. Миссъ Марго замѣшана въ этомъ дѣлѣ, готова биться объ закладъ.

Алленъ вздрогнулъ.

— Почемъ вы знаете! развѣ она вамъ говорила?

— Есть вещи, которыхъ и говорить не надо, загадочно отвѣтила Сусанна, но неужто вы допустите это... допустите, чтобы эта гордая, хитрая лиса выжила васъ изъ дома и изъ вашего отечества? Не можетъ быть, чтобы вы были такой безумецъ!

— Я охотнѣе перенесу все, что угодно, лишь бы не навлечь на нее непріятности.

— Непріятности? повторила Сусанна, и глаза ея засверкали. Ну, что жъ, конечно, объ этомъ надо подумать, дипломатически прибавила она. Она боится, что вы разскажете кое-что про нее, а потому желаетъ отдѣлаться отъ васъ. Но вы не уѣдете, если я могу этому помѣшать.

Алленъ испугался: неужели онъ проговорился?

— Послушайте, Сусанна, сказалъ онъ, если я не хочу ничего говорить, то это мое дѣло. Если она желаетъ, чтобы я уѣхалъ, ну, я и уѣду, и тѣмъ дѣлу и конецъ. Не ваше дѣло въ это мѣшаться.

— Такъ вотъ какъ вы со мной поступаете! закричала дѣвушка, наступая на него, послѣ всего того, что вы мнѣ говорили!

Алленъ глядѣлъ на нее въ неописанномъ удивленіи.

— Я? что я такое говорилъ?

— Что вы говорили? Развѣ вы не говорили мнѣ сто разъ, что еслибы не я, то вы и жить бы здѣсь долѣе не стали? развѣ не вы спрашивали у меня, есть ли для васъ какая-нибудь надежда? Развѣ я не говорила такъ ясно, какъ только можно, что если вы откровенно выскажетесь, то я готова пойти за васъ?

Онъ отступилъ въ удивленіи неописанномъ.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, проговорилъ онъ.

Сусанна подошла къ столу и, опершись на него руками, наклонилась въ сторону Аллена.

— Если такъ, то я выскажусь яснѣе, потому, что прошло время говорить обиняками. Вы не способны уберечь себя сами: вамъ нуженъ человѣкъ, который бы оберегалъ васъ. Я справлюсь съ миссъ Марго, если мнѣ помогутъ. Женитесь на мнѣ секретно... это легко сдѣлать. У меня есть кое-какія сбереженія. Я пожертвую ими, если у васъ нѣтъ теперь денегъ.

Вы могли бы хуже выбрать невѣсту, чѣмъ я, хотя я и горничная. И тогда увидите, если я васъ не выручу изъ этой бѣды.

— Вы не поняли меня, сказалъ Алленъ. Вы были всегда очень добры ко мнѣ, Сусанна, но я не думалъ о васъ въ этомъ направленіи. А что касается того, будто я говорилъ, что еслибъ не одно лицо, то я бы здѣсь не остался—я припоминаю теперь, когда это сказалъ, но только я думалъ не о васъ, а о ней.

— О ней? спросила Сусанна, замѣтно поблѣднѣвъ, о комъ о ней?

— О Марго, конечно. Для меня никакой другой женщины не существовало, съ тѣхъ поръ какъ я ее увидѣлъ.

Сусанна проиграла игру. Она, какъ мы уже говорили, нисколько не любила Аллена и даже презирала его, но думала, что заставитъ его жениться на себѣ, если хорошенько возьмется за это. Въ своемъ невѣжественномъ честолюбіи, она была увѣрена, что отъ нея зависитъ стать невѣсткой своего господина. Теперь она поняла, какъ ошиблась, и во всемъ обвинила свою молодую госпожу. То былъ второй тяжкій ударъ, какой она ей наносила, не считая безчисленныхъ щелчковъ, о которыхъ и не подозрѣвала Марго и которые всѣ ставились ей на счетъ ея прислужницей.

Но въ настоящую минуту вся ея злость и досада за безмѣрное униженіе (потому что Сусанна была горда, и ей стоило нѣкоторыхъ усилій высказаться), излились на Алленѣ.

— Влюблены въ нее... въ миссъ Марго, вскричала она. Ну, я не подозрѣвала, что вы такъ низки! не воображайте, будто я васъ ревную: никогда до этого не унижусь. То, что я сейчасъ сказала, я сказала ради шутки, чтобы видѣть, повѣрите ли вы. Но подумать, что вы влюблены въ миссъ Марго. Да вѣдь она ненавидитъ полъ, по которому вы ходите! Въ застольной только я рѣчи о томъ, какъ она не можетъ даже принудить себя быть съ вами вѣжливой. Вѣдь ей противно глядѣть на васъ! И вы воображаете, что она надъ вами сжалится. Да она припрыгнетъ отъ радости, когда вы отсюда уѣдете... какъ и всѣ остальныя, впрочемъ. Вы составляете позоръ своей фамиліи. Никто изъ насъ добраго слова про васъ не скажетъ, ни изъ господъ, ни изъ прислуги. Что касается меня, то еслибы мнѣ стоило только пальцемъ пошевелить, чтобы помѣшать вамъ уѣхать, то я этого не сдѣлаю. Я васъ слишкомъ презираю!

Онъ выслушалъ эту тираду словно оглушенный, а Сусанна,

опасаясь, можетъ быть, какъ бы не расплакаться, вдругъ оборвала и убѣжала.

Алленъ не принимался вновь за книгу: ему было теперь не до индиго. Презрительная откровенность Сусанны достигла цѣли. Неужели всѣ будутъ рады, когда онъ уѣдетъ? Неужели Марго его ненавидитъ? Нѣтъ, онъ не могъ этому повѣрить; она должна быть ему благодарна за то, что онъ для нея сдѣлалъ, хотя бы и не смѣла этого выказать. Но что однако, если Сусанна сказала правду?

Онъ не могъ оставаться долѣе въ библіотекѣ. На воздухѣ, казалось ему, онъ легче позабудетъ ужасныя слова. Выйдя въ садъ, онъ сѣлъ на каменную скамейку въ концѣ одной аллеи. Все кругомъ было безотрадно: мѣдно-красное солнце заходило за сѣрыя тучи, позади оголенныхъ деревьевъ; дорожки, усыпанныя пожелтѣлыми листьями, поблеклые цвѣты и туманная даль—все усиливало его уныніе; онъ чувствовалъ себя уже теперь какъ бы въ изгнаніи.

Вдругъ послышался мягкій топотъ позади него и прерывистое дыханіе, и большая голова просунулась подъ его руку, а честные золотистые глаза Ярроу взглянули на него съ нѣжной преданностью.

Алленъ не выдержалъ и въ то время какъ догъ положилъ ему одну лапу на колѣни и старался лизнуть его въ лицо, охватилъ руками его шею и прижался къ ней головой.

— Ты не будешь радъ, когда я уѣду, не правда ли, дружище? проговорилъ онъ сквозь слезы.

Когда онъ поднялъ красные глаза, то увидѣлъ Летицію на дорожкѣ передъ собой.

— Ярроу всегда васъ разыщетъ, сказала она; онъ ни за что не останется со мной, когда думаетъ, что вы близко.

— Да, проговорилъ Алленъ, мы всегда были друзьями; *онъ* никогда не бросалъ меня.

Летиція покраснѣла.

— И я бы не бросила, еслибы... еслибы вы были добрѣе. Я была дружна, пока могла.

— Ну вотъ скоро вы избавитесь отъ меня, Летти. Я вамъ не стану мѣшать, когда буду въ Индіи.

— А вамъ не хочется ѣхать въ Индію?

— Мнѣ противно думать объ этомъ, но я долженъ ѣхать.

— Васъ посылаютъ туда въ наказаніе... За то, что вы ходили въ комнату Марго? вы вѣрно что-нибудь разбили тамъ?

Я знаю, раньше не говорили о томъ, что васъ пошлютъ въ Индію. Ахъ! Алленъ... а вѣдь это я сказала мамашѣ... но вѣдь потому только, что она думала, будто это воръ.

— Не бѣда, Летиція, поторопился онъ успокоить ее.

Онъ боялся, какъ бы она не добралась правды, и хотѣлъ предупредить это столько же для себя, какъ и для Марго.

— Это не потому, Летиція. Я ѣду въ Индію не потому, что сдѣлалъ худое, а чтобы... не дѣлать худаго на будущее время.

— А значитъ въ Индіи худаго не дѣлаютъ? должно быть, ужасное это мѣсто, —Индія? сказала Летиція.

— Вамъ не жаль, что я уѣзжаю? спросилъ онъ.

— Сначала было не жаль, призналась Летиція. А теперь стало немножко жаль, когда я увидала, какъ это васъ огорчаетъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вамъ было меня немножко жаль, Летиція, я... я не стою этого, но все-таки пожалѣйте меня. И скажите мнѣ, Летиція, какъ вы думаете... Маргò жаль меня?

— Видите ли, какъ вамъ сказать, отвѣчала Летиція, которая была столь же разсудительна, какъ и добросовѣстна. Марго некогда теперь объ этомъ думать, когда бѣдная Ида такъ больна. Я не думаю, чтобы ей было время жалѣть кого-нибудь другаго.

— Но какъ вамъ кажется, она рада моему отъѣзду, Летиція, настаивалъ онъ, вамъ этого не кажется, Летиція?

— Рада! повторила Летиція; о, нѣтъ, Алленъ, она не такъ недобра. Не думайте такихъ вещей. И если хотите, прибавила она, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, пойдемте вмѣстѣ со мной посмотрѣть, не замерзла ли рѣка. Сегодня утромъ ее затянуло было очень тонкимъ слоемъ льда.

Алленъ принялъ протянутую ему оливковую вѣтвь. Ему отрадно было думать, что онъ не совсѣмъ одинокъ, и онъ провелъ остатокъ дня съ Летиціей, которая болтала обо всемъ, что дѣлалось въ домѣ. Они вернулись вмѣстѣ такими же друзьями, какъ будто бы между ними никогда не было охлажденія.

— Вѣдь вы не сейчасъ уѣзжаете? сказала она, поднимаясь на верхъ, чтобы снять шляпу и пальто, мы можемъ каждый день гулять вмѣстѣ, если хотите.

И вечеромъ послѣ чая она пришла и сѣла на отоманкѣ въ гостиной рядомъ съ нимъ, чтобы показать, что онъ опять у нея въ милости.

— Летти, милая, сказала ея мать, недовольно двинувъ бровями, развѣ мало креселъ, зачѣмъ ты безпокоишь Аллена!

— Я его не безпокою, мамаша, спокойно отвѣчала Летиція, онъ доволенъ, что я сижу около него.

И дѣйствительно довѣрчиво прижатая къ его плечу головка и нѣмая ласка, съ какою она гладила щечку объ его рукавъ, наполнили восторгомъ сердце бѣднаго парія, привыкшаго такъ давно уже къ небрежности и холодному безучастію.

Онъ сидѣлъ у камина, не рѣшаясь говорить, чтобы не навлечь, какъ это обыкновенно бывало, какого-нибудь язвительнаго замѣчанія мачихи, но время отъ времени съ благодарностью взглядывалъ на полузакрытые глаза Летти и ея спутанныя каштановыя кудри.

Летиція сама не знала, повинуясь великодушному инстинкту, заставившему ее проявить такую необыкновенную ласковость, какое великое дѣло милосердія оказала она и какъ память объ ея свѣтлой головкѣ, прижавшейся къ его плечу, скраситъ много тяжкихъ минутъ для бѣднаго Аллена.

По обыкновенію онъ совсѣмъ не видѣлъ Марго до обѣда, а за обѣдомъ она старательно избѣгала говорить съ нимъ и даже глядѣть на него. Нельзя придумать болѣе неуловимаго, но жуткаго ощущенія, какъ это. Благодаря ему встрѣчи съ Марго стали для него пыткой, и однако онъ жаждалъ ихъ.

Въ этотъ вечеръ у него было легче на душѣ. Не можетъ развѣ его будущее измѣниться къ лучшему? Летиція неожиданно умилостивилась сегодня: развѣ не можетъ такъ же и Марго умилостивиться? Да и отецъ ничего больше не говоритъ про Индію. Не оставилъ ли онъ эту мысль? Все казалось ему сегодня возможнымъ.

Однако ему пришлось жестоко разочароваться. Послѣ того какъ м-съ Чадвикъ и Марго вышли изъ столовой, Чадвикъ сидѣлъ и пилъ вино въ угрюмомъ молчаніи и разъ или два, казалось, хотѣлъ заговорить, но вмѣсто того наливалъ въ стаканъ вина.

Наконецъ, устремивъ глаза на огонь, онъ сказалъ:

— Ты знаешь, конечно, что ѣдешь въ понедѣльникъ?

Въ понедѣльникъ... а сегодня середа! всего только четыре дня ему видѣть Марго... четыре дня пользоваться возвращенной ему дружбой Летиціи! Онъ сидѣлъ молча, парализованный ударомъ.

— Я думалъ сначала, продолжалъ Чадвикъ тѣмъ же при-

нужденнымъ тономъ, отложить твой отъѣздъ до Рождества; но нахожу, что не зачѣмъ откладывать дѣла въ дальній ящикъ, и написалъ Макдональду на прошлой недѣлѣ и назначилъ срокъ. Ты отправишься съ кораблемъ, который уходитъ въ понедѣльникъ черезъ десять дней, а тебѣ нужно будетъ пробыть по крайней мѣрѣ недѣлю въ Лондонѣ, чтобы снарядиться въ дорогу. Я самъ поѣду съ тобой и пробуду, пока ты не сядешь на корабль.

Близкая опасность придала храбрость Аллену; онъ вдругъ пересталъ бояться отца; опасность развязала ему языкъ и сообщила неожиданное краснорѣчіе.

— Папенька, сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, я долженъ поговорить съ вами, хотя бы вы и разсердились на меня. Вы не знаете, что такое для меня этотъ отъѣздъ. Я не умѣю высказать вамъ моихъ чувствъ, но дайте мнѣ еще сроку и не отсылайте пока изъ дому.

Чадвикъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Я не хочу тебя слушать, я рѣшилъ, и теперь поздно перемѣнять рѣшеніе:

— Нѣтъ не поздно, если только вы захотите! Подумать, папенька, что я буду дѣлать въ Индіи одинъ, вдали отъ васъ всѣхъ?

— Что дѣлаютъ другіе молодые люди... будешь трудиться и станешь человѣкомъ.

— Я готовъ трудиться, но не тамъ, гдѣ я никогда никого изъ васъ не увижу. Я не похожъ на другихъ молодыхъ людей; я не гожусь для той жизни... изъ меня тамъ ничего не выйдетъ. Когда вы вернулись домой, вы говорили, что хотите вознаградить меня за жизнь, которую я прежде велъ, и что я буду вамъ товарищемъ и жить, какъ джентльменъ...

— Чья вина, если ты не джентльменъ? не моя?

— Не знаю, отвѣчалъ Алленъ; меня не воспитывали, какъ джентльмена. И я безъ вины виноватъ. Но зачѣмъ же вы взяли меня изъ прежней доли и дали пожить въ вашемъ домѣ, узнать, что такое семья... неужели только затѣмъ, чтобы прогнать.

— Великій Боже! съ раздраженіемъ проговорилъ Чадвикъ, послушать тебя, то можно подумать, будто ты не далъ мнѣ никакихъ основаній поступить такъ, какъ я хочу.

— Я знаю, у васъ есть основанія, сказалъ Алленъ смиренно. Я не дѣлаю вамъ чести. Но еслибы только вы потерпѣли еще немножко и повѣрили, что я не такой дурной человѣкъ. Я

умѣю себя теперь вести лучше прежняго и буду иначе поступать, если только вы дадите мнѣ случай доказать вамъ это. Я не прошу васъ простить меня, а только испытать. Мнѣ такъ тяжко, такъ тяжко уѣзжать отъ... всѣхъ васъ. Папенька, вѣдь я вашъ родный сынъ: не выгоняйте меня изъ дому, какъ сдѣлалъ вашъ отецъ. Вы часто говорили, что не могли никогда ему этого простить!

— Ну довольно! рѣзко произнесъ Чадвикъ, ты, какъ видно, за словомъ въ карманъ не лазишь, когда это для тебя нужно. Но все это прекрасно, что ты говоришь, но вѣдь я не единственное лицо, которое тобой не довольно. Вѣдь есть твоя сводная сестра... есть Марго. Какъ могу я думать, что она согласится, чтобы я оставилъ тебя здѣсь послѣ того, что ты сдѣлалъ?

Чадвикъ былъ поколебленъ; его первоначальная безсмысленная гордость сыномъ и надежды, возлагаемыя на него, давнодавно смѣнились разочарованіемъ и отвращеніемъ; онъ забылъ себѣ въ голову, что Алленъ хитрый, испорченный малый, лишенный всякаго чувства благодарности. Но эта просьба его показала всю глубину чувства, какая таилась подъ его мнимой безчувственностью; напоминовеніе объ его отцѣ задѣло въ немъ больное мѣсто: въ первый разъ онъ усумнился, справедливо ли поступаетъ съ сыномъ и такъ ли разумно и необходимо посылать его въ Индію, какъ ему сперва казалось.

Но между тѣмъ дома его сынъ служилъ постояннымъ источникомъ тревоги, раздоровъ и неудовольствія. Кто поручится, быть можетъ, годикъ или два, проведенные въ Индіи, не научатъ его мужеству, самообладанію—всѣмъ тѣмъ качествамъ, какихъ у него теперь не было?

И опять, что скажетъ жена, отношенія съ нею и безъ того у него не особенно гладкія. Онъ съ неудовольствіемъ думалъ о холодномъ, молчаливомъ неодобреніи, какое она проявитъ, и о горькихъ укорахъ, если Алленъ—чего слѣдовало ожидать, — снова провинится.

А потому Чадвику захотѣлось свалить отвѣтственность на другихъ, и это заставило его сослаться на Марго. Между тѣмъ Алленъ съ жаромъ ухватился за эту неожиданную надежду, усматривая въ ней якорь спасенія.

— Скажите мнѣ только одно, молилъ онъ: если Марго простила меня и не хочетъ, чтобы я уѣзжалъ, вы тогда меня не отошлете?

Чадвикъ подумалъ.

— Я глупо сдѣлалъ, позволивъ тебѣ уломать себя, сказалъ онъ наконецъ, потому что самъ я остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Но если Марго придетъ ко мнѣ и попроситъ, чтобы ты остался, то я можетъ быть и передумаю. Но только помни одно: если она противъ тебя, то ты отправишься безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Если она противъ меня, я уѣду, отвѣчалъ Алленъ, но... но я не думаю, чтобы она была противъ меня и... и, папенька, не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность...

— Ну поспѣешь еще поблагодарить, сказалъ Чадвикъ сухо; я вовсе не такъ увѣренъ, что Марго согласится простить тебя. Но завтра увидимъ... а пока мнѣ надо будетъ сказать твоей мачихѣ, какого я дурака разыгралъ, и совѣтую тебѣ лучше не показываться ей на глаза.

Алленъ очень охотно послѣдовалъ этому совѣту, ему хотѣлось побыть одному и наединѣ раздумать о необыкновенномъ счастіи, вдругъ улыбнувшемся ему.

Какая магическая перемѣна произошла въ его жизни въ одинъ день! Онъ помирился съ Летиціей, отношенія его съ отцомъ улучшились, приговоръ объ изгнаніи поступалъ на волю той особы, которая лучше всѣхъ знала, какъ мало онъ его заслуживалъ!

Ахъ! какое счастливое будущее ожидаетъ его! будущее, въ которомъ онъ можетъ исправить всѣ прошлыя ошибки, побѣдить всѣ предубѣжденія.

Марго сидѣла за завтракомъ на другое утро, свѣжая и красивая, и озабоченная, какъ она постоянно была въ послѣднее время. Онъ съ новымъ интересомъ глядѣлъ ей въ лицо, стараясь отыскать слѣды жестокости въ немъ. Но ихъ не было ни на бѣломъ лбу, ни въ мягкихъ карихъ глазахъ, ни около губъ, утратившихъ въ послѣднее время капризное и презрительное выраженіе. Даже хорошенькія, бѣлыя ручки какъ будто касались всего съ необыкновенной мягкостью.

Не могла же она быть жестокой только относительно его.

Она встала, прежде чѣмъ завтракъ былъ оконченъ, чтобы идти къ Идѣ. Чадвикъ позвалъ ее рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ, отъ котораго она вздрогнула и поблѣднѣла:

— Если сестра можетъ обойтись безъ васъ впродолженіи четверти часа, то прошу васъ зайти ко мнѣ въ кабинетъ... около одиннадцати часовъ... мнѣ нужно съ вами поговорить.

— Хорошо, отвѣчала она тихимъ, равнодушнымъ голосомъ, я приду.

М-съ Чадвикъ бросила тревожный взглядъ вслѣдъ дочери, когда та выходила изъ комнаты, и замѣтила:

— Итакъ ты настаиваешь на томъ, чтобы предоставить ей перевернуть вверхъ дномъ всѣ твои планы, Джошуа? Должна сказать, что болѣе неразумнаго, болѣе непрактичнаго...

Чадвикъ сердито взглянулъ на нее:

— Довольно, Селина, сказалъ онъ. Я уже знаю твое мнѣніе. Если ты не довольна, то улаживай это дѣло съ миссъ Марго, не со мной.

М-съ Чадвикъ занялась письмами, чтобы скрыть свою досаду; но письма дрожали въ ея рукахъ: она очевидно сомнѣвалась въ твердости дочери... другой хорошій знакъ для Аллена.

Онъ пошелъ въ деревню въ это утро, чтобы убить время, которое должно было пройти прежде, нежели судьба его будетъ рѣшена. То было ясное морозное ноябрьское утро, небо блѣдно голубое, а деревья, покрытыя инеемъ, блестѣли на солнцѣ.

Проходя по деревенской дорогѣ, онъ увидѣлъ маленькій кабріолетъ, запряженный пони, подъѣзжавшій къ нему, и узналъ въ немъ Милли Ормъ.

Онъ былъ такъ счастливъ, что не могъ не подѣлиться съ нею своей радостью.

Она увидѣла, что онъ хочетъ поговорить съ нею, и остановилась.

— Миссъ Ормъ, застѣнчиво началъ онъ, и однако, съ веселымъ выраженіемъ на своемъ некрасивомъ лицѣ, вы помните, я вамъ говорилъ намедни о моемъ путешествіи въ Индію?

— Да, отвѣчала ласково Милли, такъ какъ этотъ бѣдный, непопулярный, блудный сынъ внушалъ ей большую симпатію. Вы примирились съ этой мыслью. Я такъ этому рада, м-ръ Чадвикъ. Я была совсѣмъ огорчена намедни, видя, какъ вы несчастны.

— Не то, отвѣчалъ онъ; мнѣ такъ же ненавистна мысль ѣхать туда, какъ и раньше, но я думаю... теперь все улажено... и я не поѣду! Отецъ сказалъ вчера вечеромъ, что не пошлетъ меня туда, если Марго ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы я остался, и я ожидаю, что она теперь попроситъ его объ этомъ.

— Странный способъ рѣшать дѣло! подумала про себя Милли. Ну, тогда, конечно, все улажено, весело произнесла она вслухъ, и мнѣ нечего больше жалѣть о васъ, м-ръ Чадвикъ.

— Вы, значитъ, думаете, что я останусь, вы не думаете, чтобы... чтобы...

— Чтобы она стала настаивать на вашемъ отъѣздѣ. Возможно ли это? Конечно, м-ръ Чадвикъ, вы о ней лучшаго мнѣнія. Однако, мнѣ надо теперь съ вами проститься: пони слишкомъ холодно стоять на одномъ мѣстѣ.

Она уѣхала, разсѣявъ послѣднія его сомнѣнія. Онъ пошелъ по деревнѣ, чувствуя новое для себя удовольствіе въ наблюденіи за всѣми подробностями деревенской жизни; но нетерпѣніе скорѣе заставило его повернуть назадъ домой. До сихъ поръ онъ не думалъ объ одномъ: что, если Марго не только попроситъ оставить его дома, но даже сниметъ съ него тяготѣющее обвиненіе? отъ одной мысли объ этомъ онъ ускорилъ шаги. Какъ онъ будетъ счастливъ!.. болѣе чѣмъ счастливъ!

Идя въ домъ, онъ прошелъ мимо окна кабинета и не могъ не заглянуть въ него. Онъ вернулся слишкомъ рано: совѣщаніе еще не кончилось; онъ могъ видѣть высокую фигуру Марго. Она стояла спиной къ нему, и ему виденъ былъ только ея затылокъ съ массой каштановыхъ волосъ. Красивыя руки, державшія его участь, были заложены за спину.

Отецъ сидѣлъ за столомъ и слушалъ, но Алленъ не рѣшился долѣе глядѣть и вошелъ въ домъ.

Онъ, сталъ дожидаться въ концертной залѣ, дверь которой была открыта и въ нее виденъ былъ кабинетъ, приходившійся напротивъ. Ему пришлось не долго ждать: дверь кабинета отворилась.

— Значитъ, рѣшено, услышалъ онъ голосъ отца, звучавшій такъ, какъ будто онъ успокоился, и Чадвикъ вышелъ въ залу.

Алленъ всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— Что, улажено? поспѣшно спросилъ онъ. Она согласна, чтобы я остался?

— Что? поспѣшно спросилъ Чадвикъ: такъ ты тутъ? мнѣ некогда отвѣчать тебѣ. Ступай къ Марго...спроси лучше ее самъ.

Алленъ не заставилъ повторить себѣ это два раза; успокоенный тономъ отца, онъ поспѣшно вбѣжалъ въ кабинетъ и очутился лицомъ къ лицу съ Марго.

IV.

Алленъ вбѣжалъ въ кабинетъ радостный и благодарный и увидѣлъ Марго у окна. При звукѣ его шаговъ, она торопливо обернулась и какъ будто собиралась убѣжать, но увидя, что путь отступленія отрѣзанъ, осталась.

— Все улажено, не правда ли? вскричалъ онъ... Марго, я знаю, что вы уладили дѣло! что вы сказали?

Она гордо закинула голову.

— Я сказала... что должна была сказать, отвѣтила она.

Ея тонъ охладилъ его.

— Но вы не сердитесь за это, Марго, не правда ли?

— Сержусь... нѣтъ. Но не благородно было дѣлать меня судьей въ этомъ дѣлѣ... неблагородно.

— Не понимаю, почему, сказалъ Алленъ съ смущеннымъ удивленіемъ, право же, не понимаю; но, впрочемъ, теперь это все-равно, и я тѣмъ благодарнѣе вамъ за вашу милость и не знаю, какъ и благодарить...

— Стойте, закричала она съ жестомъ досадливой безпомощности, о! какъ это вы ничего не понимаете, Алленъ! Зачѣмъ мнѣ нужно говорить вамъ, что вамъ не за что благодарить меня? Вашъ отецъ спросилъ меня, хочу ли я, чтобы вы остались дома... и я...

Она умолкла: голосъ измѣнилъ ей.

Ужасный страхъ выразился на его лицѣ, нижняя челюсть его упала, и перемѣна въ лицѣ была бы комична, еслибы не трагедія, скрывавшаяся за нею.

— Вы... сказали... что я долженъ... уѣхать? медленно спросилъ онъ. *Это* вы хотите мнѣ сказать? Я не вѣрю этому, Марго. Вы не могли этого сказать!

Вмѣсто отвѣта она молча отвернулась.

— Значитъ, правда. Но, можетъ быть, вы мнѣ скажете, почему вы такъ хотите, чтобы я уѣхалъ? Какой вредъ вамъ отъ того, что я останусь здѣсь?

— Я не обязана объяснять вамъ свои резоны, высокомѣрно отвѣтила она, но такъ какъ вы спрашиваете, то извольте, я скажу. Я не довѣряю вамъ, Алленъ. Я боюсь, что вы рано или поздно скажете...

— Вы не довѣряете мнѣ! вскричалъ онъ, вы думаете, я

проговорюсь... послѣ того, что я вынесъ! и это причина, почему отсылаете меня вдаль! Когда вы знаете, почему меня отсылаютъ... знаете, зачѣмъ я это сдѣлалъ и кто надоумилъ меня? Марго, вѣдь вы знаете, что это вы сами? И теперь, когда вамъ стоитъ сказать одно слово, и безъ всякихъ объясненій, чтобы я остался дома, вы отказываетесь произнести его! Мнѣ все равно, если кто-нибудь и услышитъ то, что я говорю, но я скажу: жестоко и безчестно было поступать такъ со мной... и вы въ этомъ раскаетесь, если только у васъ есть совѣсть.

Она густо покраснѣла, и глаза ея засверкали гнѣвомъ.

— Какъ могла я ожидать, что такъ выйдетъ! закричала она. Развѣ моя вина, если вы и этого не съумѣли сдѣлать? А теперь вы хотите свалить на меня отвѣтственность за вашу неловкость. Если я даже и расположена была пожалѣть васъ, то вы убьете всякую жалость такимъ поведеніемъ.

— Ахъ! сказалъ горько Алленъ, всѣ эти красивыя слова меня не обманутъ. Вы хотите выжить меня изъ дома, и ни передъ чѣмъ для этого не останавливаетесь. Прекрасно. Не бойтесь: я не стану бороться съ вами и словечка не пророню. Но по крайней мѣрѣ вамъ нельзя называть меня унизительными словами. Вы знаете и я знаю, что если кто изъ насъ и заслуживаетъ презрѣнія и долженъ стыдиться, то не я... нѣтъ, клянусь Богомъ, не я.

— Довольно! проговорила она съ неудержимымъ бѣшенствомъ. Я не намѣрена долѣе выслушивать такихъ вещей. Думайте, что хотите, говорите, что хотите, но я не хочу васъ слушать. Пустите меня, Алленъ.

Она была такъ грозна въ своей ярости, что онъ былъ совсѣмъ подавленъ, и ни цинизмъ ея предательства, ни ея гнѣвъ притворный или дѣйствительный не могли поддержать въ немъ презрѣнія, на минуту было проснувшагося въ немъ. Послѣ первой вспышки онъ готовъ былъ упасть къ ея ногамъ и умолять о прощеніи. Его любовь къ ней была собачья, которая усиливается отъ дурнаго обращенія.

— Марго, хрипло произнесъ онъ, не уходите... въ такомъ гнѣвѣ! Будьте хоть каплю справедливы ко мнѣ. Я... я не знаю, какъ это дѣлается, но вы всегда сумѣете заставить меня почувствовать себя виноватымъ. Когда я сейчасъ наговорилъ вамъ все это, я былъ безумецъ... и вы должны меня извинить. Я ждалъ совсѣмъ другаго. Но я скорѣе все вынесу, чѣмъ раз-

дражать васъ противъ себя. Если вы находите, что я долженъ уѣхать, я уѣду... только не уходите, не сказавъ мнѣ добраго слова; скажите, что вы жалѣете меня и не забудете, какъ я уѣхалъ, чтобы спасти васъ отъ непріятности... что вамъ стоитъ сказать это, чтобы меня утѣшить!

Она была тронута, и даже глубоко, смиреніемъ, съ какимъ онъ сказалъ это; губы ея задрожали, глаза смягчились и отуманились слезами.

— Мнѣ становится васъ жалко, когда вы такъ говорите, Алленъ, я была бы добрѣе къ вамъ, еслибы могла, но я съ собой не справлюсь. У меня не хватитъ силы сдѣлать то, что мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, сдѣлать. Простите меня.

Онъ схватилъ ея руку и больно сжалъ.

— Вотъ все, что мнѣ нужно, проговорилъ онъ; я за васъ пойду въ огонь и въ воду. Вы можете все со мной сдѣлать, что хотите, Марго.

Она почувствовала немедленную реакцію и глубокое отвращеніе къ дальнѣйшимъ заявленіямъ такого рода и вынула руку изъ его руки.

— Хорошо, Алленъ, а теперь избавьте меня отъ такихъ сценъ, онѣ слишкомъ мучительны. Будемъ встрѣчаться, какъ еслибы ничего этого между нами не было.

— Но вы не будете избѣгать меня? спросилъ онъ умоляющимъ голосомъ. Вѣдь мнѣ всего только три дня оставаться здѣсь.

— Ида не отпускаетъ меня отъ себя, отвѣтила она не совсѣмъ искренно, но если вамъ это доставитъ удовольствіе, я буду сходить по вечерамъ внизъ, пока вы будете здѣсь.

— Вы знаете, какое мнѣ это доставитъ удовольствіе. Благодарю васъ, Марго.

— А теперь я должна идти, нервно сказала она; постарайтесь не думать обо мнѣ очень дурно, Алленъ.

— Я не могу дурно о васъ думать, отвѣчалъ онъ.

И на этомъ окончилось свиданіе, которое ей такъ было тяжко.

Что касается его, то въ первомъ порывѣ восторга, произведеннаго ея внезапною мягкостью, онъ позабылъ о крушеніи всѣхъ своихъ довѣрчивыхъ надеждъ, позабылъ участь, которой долженъ быть теперь безповоротно покориться.

Она говорила съ нимъ ласково; онъ видѣлъ слезы на ея чудныхъ глазахъ; она просила у него прощенія; онъ держалъ

ея руку въ своихъ—вотъ воспоминанія, которыя послѣдуютъ за нимъ въ изгнаніе и облегчатъ его.

Правда, скоро наступила реакція, а съ нею вмѣстѣ и отчаяніе и страстное желаніе сохранить то, что ему мило и дорого, злое искушеніе разрушить собственное дѣло и остаться въ одномъ домѣ съ Марго.

По временамъ ему казалось, что за такое счастіе недорого будетъ заплатить ея презрѣніемъ и антипатіей.

Но если онъ откажется отъ вѣнца мученика для того только, чтобы убѣдиться, что даромъ сдѣлалъ это?.. если Марго не захочетъ послѣ того оставаться въ домѣ? Страхъ такого исхода заставилъ его быть вѣрнымъ принятому рѣшенію.

Что касается Марго, то она спѣшила пройти въ свою комнату, еще не оправившись отъ волненія, причиненнаго ей разговоромъ съ Алленомъ, когда дверь будуара ея матери тихо отворилась и, хотя ей очень хотѣлось какъ разъ въ эту минуту побыть одной, она не посмѣла не пойти къ матери.

— Ну? спросила м-съ Чадвикъ, нетерпѣливо и замѣтивъ усталый, недовольный видъ дочери, рѣзко прибавила:

— Неужели ты была такъ слаба, такъ безразсудна, что сдалась?

— Не тревожьтесь, милая! отвѣтила Марго съ ѣдкимъ, горькимъ смѣхомъ. Я была сама твердость—онъ уѣдетъ.

М-съ Чадвикъ заключила ее въ объятія и съ восторгомъ поцѣловала.

— Милая и храбрая дѣвочка! вскричала она. Я, право, боялась, что ты по добротѣ сердечной отступишь передъ тѣмъ рѣшеніемъ, какое улаживаетъ все наилучшимъ для всѣхъ образомъ. Ахъ! какъ я рада! не могу выразить.

Марго съ видимымъ нетерпѣніемъ вырвалась изъ объятій матери.

— Пожалуйста, мама, не хвалите меня. Я должна была сама сказать ему объ этомъ... это было ужасно... Я ненавижу себя за то, что не могла...

— Бѣдное дитя! перебила мать, жестоко возлагать на тебя такое неблагодарное дѣло. Никто не могъ ожидать, что ты станешь просить за него: это было бы ошибочной добротой, и ты сама горько пожалѣла бы о ней. Не упрекай себя за то, что исполнила свой долгъ. А теперь вымой себѣ глаза, милая: возьми одеколонъ у меня на туалетѣ. Готамы пріѣдутъ сегодня завтракать, и я не могу обойтись безъ тебя.

*

Часомъ позже Марго глядѣла да и чувствовала себя такъ, какъ еслибы совѣсть ея ничѣмъ и ни мало не была встревожена. Дѣло сдѣлано, и отступаться поздно.

— Могла ли я поступать иначе? спрашивала она себя — вопросъ, на который, конечно, отвѣчала такъ, какъ ей было всего пріятнѣе.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ приговореннымъ къ смерти даютъ нѣкоторыя льготы передъ наступленіемъ роковаго часа, и хотя Аллена приговорили только къ ссылкѣ, съ нимъ обращались съ усиленнымъ вниманіемъ въ послѣдніе дни, которые онъ проводилъ въ Агра-Гаузѣ.

Летиція гуляла съ нимъ, повиснувъ у него на рукѣ, признакъ самой тѣсной дружбы у маленькихъ дѣвочекъ. Она сообщила ему много полезныхъ свѣдѣній объ Индіи, вычитанныхъ ею изъ дѣтскихъ книгъ, и давала совѣты, какъ жить.

— У васъ будетъ навѣрное свой собственный слонъ, чтобы ѣздить на немъ, говорила она; и вамъ навѣрное это понравится, Алленъ. Это не то, что ѣздить верхомъ. Вы сидите, точно въ креслѣ, и стрѣляете въ тигровъ, которые прячутся въ тростникахъ. Папаша много тигровъ застрѣлилъ такимъ образомъ. А еще вотъ что, Алленъ: когда вы встрѣтите тигра, то сохраняйте полное присутствіе духа, и онъ всегда побѣжитъ отъ васъ? Вы способны сохранять присутствіе духа? Вы должны упражняться въ этомъ. О! и знаете, если вы схватите *кобру* за хвостъ, то она васъ не укуситъ... помните это.

Алленъ смиренно слушалъ и иногда даже съ интересомъ думалъ о тропической жизни, благодаря тому, что поѣздка въ Индію придавала ему нѣкоторое значеніе въ глазахъ Летиціи, а ея наивныя дѣтскія понятія и совѣты утѣшали его.

Да и вечера тоже были для него большимъ утѣшеніемъ— вечера, которые онъ проводилъ въ обществѣ Марго. Она сдержала обѣщаніе и приходила въ гостиную. Она разговаривала съ нимъ такъ ласково, какъ никогда прежде; играла и пѣла для него, чего прежде почти никогда не удостоивала дѣлать.

Онъ не зналъ, какихъ усилій ей все это стоило и какъ нетерпѣливо ждала она, чтобы поскорѣе наступилъ день его отъѣзда. Марго принудила себя къ нѣкоторымъ уступкамъ... изъ человѣколюбія, какъ она увѣряла себя, но вѣрнѣе изъ желанія хоть сколько-нибудь загладить вину, хотя она въ томъ себѣ и не признавалась.

Аллена легко было ублажить: вечера казались ему черезчуръ короткими. Онъ пытался забыть обо всемъ, кромѣ блаженства настоящей минуты; но когда вечеръ оканчивался и онъ сидѣлъ въ библіотекѣ и курилъ, чувство ужаса охватывало его при мысли о томъ, какъ быстро пролетало счастливое для него время.

А подъ самый конецъ онъ лишился даже и этихъ краткихъ утѣшеній. Въ субботу Реджи пріѣхалъ изъ школы, и Алленъ тщетно ждалъ прогулки съ Летиціей. Реджи разсказывалъ ей такъ много про свои собственные подвиги и приключенія, а она такъ гордилась ролью его повѣренной, что совсѣмъ позабыла про спутника, разговоръ котораго былъ менѣе новъ и занимателенъ.

Да и Реджи обидѣлся бы, еслибы она вздумала его оставить: онъ съ гордымъ презрѣніемъ относился къ неуклюжему сводному брату. И въ результатѣ Аллену пришлось гулять одному. И невеселая то была прогулка.

Въ воскресенье онъ пошелъ въ церковь—привычка, усвоенная имъ въ послѣднее время. Марго тамъ не было, такъ какъ она ухаживала за Идой, здоровье которой все еще не поправлялось.

Онъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда онъ былъ такъ счастливъ, что принадлежитъ къ одной семьѣ съ миссъ Чевенингъ, передъ тѣмъ казавшейся столь далекой отъ него. Онъ ждалъ такъ много радости отъ семейной жизни, а она принесла ему много горькихъ разочарованій, оскорбленій и обидъ, но присутствіе Марго все для него скрашивало.

А теперь у него отнимали и это утѣшеніе.

Прихожане въ церкви были все тѣ же: сэръ Эверардъ съ дочерью, Эдльстоны, старикъ Ливерседжъ, адмиралъ съ семействомъ, всѣ Горскомбскіе „нотабли“ и всѣ деревенскія, хорошо знакомыя ему, лица.

И всѣ они соберутся и въ слѣдующее воскресенье, и много, много еще воскресныхъ дней подъ рядъ; между тѣмъ, какъ онъ... гдѣ онъ будетъ?

Не хитрыя мысли! но вѣдь Алленъ и не былъ оригинальнымъ мыслителемъ. А каждому изъ насъ всегда нѣсколько удивительно и тяжело, когда разлука, столь многозначительная для насъ самихъ, проходитъ безслѣдно для тѣхъ, которыхъ мы оставляемъ.

Викарій говорилъ проповѣдь обычнымъ спокойнымъ, звучнымъ голосомъ. Онъ выбралъ текстомъ для нея отъѣздъ Апостола Павла изъ Милета:—„и всѣ они горько плакали... печалуясь о томъ, что они его болѣе не увидятъ“. Нужно ли говорить, что этотъ выборъ былъ такой же случайный, какъ и не подходящій въ отношеніи къ Аллену.

Но Алленъ, тѣмъ не менѣе, суевѣрно примѣнилъ его къ себѣ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ ожидалъ, что они по немъ будутъ плакать, но въ томъ, что неужели они никогда его болѣе не увидятъ.

А затѣмъ онъ пересталъ слушать проповѣдь и сталъ утѣшаться мыслью о послѣдней радости, ожидавшей его впереди: Марго собиралась—онъ зналъ—къ вечернѣ въ Лингфордскую церковь. Онъ разсчитывалъ сопровождать ее. Она это позволитъ, думалось ему, и можетъ быть... можетъ быть теперь, когда все рѣшено и у ней нѣтъ больше причины сторониться его, она ясно выскажетъ ему, что не совсѣмъ нечувствительна къ его жертвѣ, что она благодарна ему и не позабудетъ его. Какъ онъ будетъ гордъ, если она выскажетъ ему это! Онъ даже воображалъ, что она намѣрена это сдѣлать, и задумала прогулку съ этой цѣлью.

Онъ ничего не говорилъ о своемъ намѣреніи за завтракомъ, но когда наступило время, одѣлся и ждалъ въ сѣняхъ, надѣясь перехватить Марго. Реджи сошелъ внизъ и увидѣлъ его надѣвающимъ перчатки.

— Это что? сказалъ Реджи,—развѣ вы тоже отправляетесь въ Лингфордъ? съ нами вамъ нельзя... то-есть со мной, Летиціей и Марго.

Алленъ не разсчитывалъ, что двое младшихъ тоже отправятся къ вечернѣ... но что жъ такое, они пойдутъ всѣ вмѣстѣ; это ничему не помѣшаетъ.

— Отчего же? спросилъ Алленъ,—я вамъ не помѣшаю; я пойду съ Марго.

— Но мы ѣдемъ въ каретѣ, сказалъ Реджи, — и намъ вчетверомъ не помѣститься. Я спрошу мамашу, можно ли вамъ ѣхать.

Въ каретѣ! Сердце у Аллена упало. Но все же онъ поѣдетъ; все-таки пріятно быть около нея, хотя, конечно, теперь нечего ждать отъ нея тѣхъ словъ, на какія онъ разсчитывалъ. Онъ пошелъ за Реджи въ гостиную.

— Мамаша, Алленъ хочетъ ѣхать съ нами въ каретѣ? Можно ему ѣхать?

— Алленъ, вчетверомъ въ каретѣ будетъ тѣсно, и вы отлично знаете это.

— Развѣ Реджи не можетъ сѣсть на козлы?

— Разумѣется, нѣтъ; онъ кашлялъ въ церкви, и я вовсе не желаю, чтобы онъ хуже простудился.

— Ну, такъ я могу сѣсть на козлы, сказалъ Алленъ.

И это лучше, чѣмъ ничего.

— Тофамъ не любитъ, когда кто-нибудь сидитъ около него на козлахъ... это неприлично. Право, я не понимаю, Алленъ, почему вы такъ настаиваете. Реджи натурально хочется быть съ Марго, пока онъ дома, и я не замѣчала до сихъ поръ, чтобы вы были такъ богомольны. Право, вамъ лучше оставаться дома и докончить укладку своихъ вещей, вмѣсто того, чтобы путать всѣ наши распоряженія.

— Да, сказалъ Реджи,—мы васъ вовсе не хотимъ въ свою компанію... никто изъ насъ. Я увѣренъ, и Марго не хочетъ. Я не видѣлъ ее уже такъ давно, а вы путаетесь.

— Реджи, ты не долженъ говорить такъ со своимъ своднымъ братомъ; это не хорошо, замѣтила м-съ Чадвикъ. Но право же, Алленъ, это никакъ нельзя устроить, а потому не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Какъ хотите, мрачно отвѣтилъ онъ.

Слова Реджи уже убѣдили его. Нѣтъ, Марго не хотѣла его видѣть... никто не хочетъ.

Но онъ, тѣмъ не менѣе, отправился пѣшкомъ въ Лингфордъ. Когда онъ пришелъ въ церковь, служба уже началась. Онъ сталъ ждать подъ портикомъ, и когда, по окончаніи проповѣди запѣли псаломъ: „Помощникъ и Покровитель, бысть мнѣ во спасеніе!“ Аллену показалось, что онъ слышитъ голосъ Марго, звучный и сильный, выдѣляющійся изъ остальныхъ голосовъ. Онъ представлялъ ее себѣ въ церкви, между хорошенькимъ Реджи и Летиціей съ серьезнымъ личикомъ. Она пѣла, съ спокойнымъ духомъ и глазами, не отуманенными сожалѣніемъ о томъ, кого она погубила!

Но вотъ, наконецъ, псаломъ допѣтъ, за нимъ послѣдовали слова благословенія, и прежде чѣмъ кто-нибудь тронулся изъ церкви, Алленъ съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ домой среди наступающихъ сумерекъ.

Никто не спрашивалъ у него, какъ онъ провелъ время по-

слѣ полудня. Марго воображала, что онъ ходилъ прощаться въ викаріатъ, какъ ему и слѣдовало, такъ какъ онъ не видѣлъ Милли послѣ того утра, когда былъ полонъ такихъ радостныхъ надеждъ.

Но онъ не сдѣлалъ этого прощальнаго визита... онъ чувствовалъ, что не въ силахъ сообщить Милли о своемъ отъѣздѣ.

— Марго, вы будете пѣть? спросилъ онъ въ этотъ вечеръ въ гостиной.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала она;—что вы хотите, чтобы я спѣла?

Онъ колебался... онъ не былъ религіозенъ, и кромѣ того конфузился просить ее.

— Есть псаломъ, сказалъ онъ, наконецъ, „Помощникъ и Покровитель...“ я бы желалъ, чтобы вы его спѣли.

Сама Марго тоже была не изъ набожныхъ, но согласилась, хотя ее и удивилъ такой выборъ.

— Какъ странно, что вы попросили спѣть этотъ псаломъ! вскричала Летиція,—мы какъ разъ его пѣли сегодня въ церкви въ Лингфордѣ!

Алленъ ничего не отвѣчалъ; онъ скрывался въ тѣни, въ одномъ изъ уголковъ около фортепіано, передъ которымъ сидѣла Марго, между тѣмъ какъ Летиція помѣстилась около нея. Оттуда ему видна была вся гостиная, точно картина: обѣ сестры у рояля, освѣщенныя свѣчами; яркій свѣтъ лампъ съ абажурами озарялъ остальную часть комнаты, и огонь въ каминѣ освѣщалъ красивое лицо его мачихи и Реджи, пріютившагося на скамейкѣ у ея ногъ.

Ахъ! какъ скоро эта картина станетъ для него только картиной!

Послѣ псалма пѣніе прекратилось; Алленъ не просилъ Марго спѣть еще что-нибудь, потому что былъ слишкомъ разстроенъ и боялся, чтобы голосъ не измѣнилъ ему, а когда онъ опомнился, Марго уже закрыла фортепіано, и случай былъ пропущенъ...

Дѣти пошли спать; пришелъ Чадвикъ и сталъ скучнымъ дѣловымъ тономъ толковать о своихъ распоряженіяхъ на завтрашній день... и такъ окончился послѣдній вечеръ, проведенный Алленомъ въ семьѣ.

V.

Злополучный Алленъ! судьба преслѣдовала его даже при отъѣздѣ. Когда человѣкъ уѣзжаетъ одинъ, то это придаетъ ему нѣкоторый интересъ, а его отъѣзду нѣкоторую торжественность. Но когда отъѣзжаютъ трое, всякая торжественность исчезаетъ, а интересъ распадается.

Рѣшено было, что Реджи отправится назадъ въ школу съ тѣмъ же поѣздомъ, съ какимъ Алленъ и его отецъ, и этотъ юный джентльменъ, деморализированный кратковременнымъ сибаритствомъ домашней жизни, былъ такъ разстроенъ предстоящей разлукой, что монополизировалъ все вниманіе.

Въ то время какъ всѣ утѣшали и успокоивали мальчика, Алленъ, незамѣченный пошелъ въ конюшню, чтобы проститься съ другомъ своимъ Ярроу.

Ярроу не понималъ причины необычайнаго волненія Аллена, но былъ на столько тактиченъ, что не выражалъ своего удивленія.

Его золотистые глаза сверкали любовью, онъ клалъ на колѣни Аллену свои необычайно грязныя лапы и прыгалъ на заднихъ съ жалобнымъ лаемъ, похожимъ и на вой, и на зѣвокъ, и обозначавшимъ нѣжное прощаніе.

— Прощай, старина, сказалъ Алленъ съ судорогой въ горлѣ.

Тофамъ, закладывавшій лошадей въ карету, подумалъ, что теперь пора нарушить презрительное молчаніе, какое онъ хранилъ относительно Аллена со времени катастрофы съ Госсаромъ.

— Собакѣ скучно будетъ безъ васъ, м-ръ Алленъ, сэръ.

— Привыкнетъ, отвѣтилъ Алленъ угрюмо отъ волненія.

— Что жъ, сэръ, собака извѣстно песъ, она не можетъ чувствовать, какъ христіанская душа, сказалъ Тофамъ, недовольный тѣмъ, какъ было принято его замѣчаніе.

Въ горести своей Алленъ подумалъ, что былъ бы очень радъ, еслибы христіанскіе члены семьи такъ же бы долго и нѣжно хранили его память, какъ бѣдный, неразумный догъ. Но минуты пролетали; онъ долженъ идти назадъ къ Марго.

Въ сѣняхъ его встрѣтила Летиція.

— Зачѣмъ вы убѣжали? упрекнула она его. Я васъ вездѣ

искала. Не правда ли, какое ребячество со стороны Реджи заводить такія исторіи. Что, если бы *онъ*, а не вы отправлялся въ Индію. Я ожидала, что онъ бросится на полъ и начнетъ кричать. Я хотѣла вамъ передать вотъ это, Алленъ; это мой подарокъ, и вы должны обѣщать мнѣ не раскрывать его, пока вы не будете совсѣмъ одни.

Она вложила ему въ руку небольшой пакетъ, перевязанный ленточкой.

— Не показывайте никому, шептала она, положите въ карманъ, скорѣе... и обѣщайте.

Онъ обѣщалъ; ему стыдно стало за свои горькія мысли, въ особенности когда Летти прибавила:

— Съ моей стороны нехорошо было такъ много оставлять васъ одного въ послѣдніе два дня. Пріѣздъ Реджи заставилъ меня все позабыть, но мнѣ жаль, что я такъ поступила... Скажите мнѣ, вы не очень скучали?

— Нѣтъ, Летти, отвѣчалъ онъ неправдиво, но рѣшительно, я не замѣтилъ.

— Я очень рада, закричала она, я вспомнила объ этомъ вчера ночью, въ постели, и такъ была несчастна, потому что я грущу, что вы уѣзжаете... очень грущу!

Нѣкоторые изъ слугъ пришли въ сѣни проводить Аллена, больше изъ этикета, чѣмъ изъ любви къ нему.

Сусанна, понятно, не была въ томъ числѣ.

М-съ Чадвикъ все еще ласкала и успокоивала безутѣшнаго Реджи; Чадвикъ распоряжался на счетъ багажа; Марго исчезла. Алленъ пошелъ въ библіотеку, разыскивая ее, и нашелъ у окна. Она стояла и глядѣла, какъ Тофамъ подавалъ экипажъ.

— Ну вотъ, Марго, я уѣзжаю.

Она оглянулась, вздрогнувъ, и казалась смущенной.

— Они еще не уложили багажа, сказала она, чтобы только не молчать.

— Нѣтъ, угрюмо усмѣхнулся онъ, столько времени у меня еще есть впереди. И вотъ все, что вы имѣете мнѣ сказать, Марго?

— Я... я надѣюсь, вы будете преуспѣвать въ Индіи и будете счастливы, пролепетала она.

— Счастливъ? повторилъ онъ. Не похоже на то. Будете вы мнѣ писать иногда, Марго? и могу ли я написать вамъ?

Она болѣзненно покраснѣла.

— Нѣтъ, Алленъ, простите меня, если я кажусь вамъ недоброй, но... но я не вижу необходимости писать вамъ, или чтобы вы писали мнѣ. Мы будемъ слышать другъ о другѣ черезъ вашего отца.

— Вы боитесь, что я упомяну о... бывшемъ между нами? спросилъ онъ. Напрасно.

Гнѣвный огонь загорѣлся въ ея глазахъ.

— Я не желаю ни писать, ни получать писемъ, неужели этого не довольно, Алленъ?

— О, вполнѣ, горько отвѣтилъ онъ. Вы рѣшили совсѣмъ отдѣлаться отъ меня, Марго, но мнѣ кажется это несправедливо.

— Справедливо или нѣтъ, а я не хочу переписки. Если мое желаніе не имѣетъ для васъ значенія...

— Вы знаете, что имѣетъ... Зачѣмъ же я и уѣзжаю? Жестоко говорить мнѣ это теперь... Марго, вы не разстанетесь со мной въ сердцахъ? этого я не могу перенести.

— Зачѣмъ же вы сердите меня? проговорила она мягче. Зачѣмъ вы просите того, чего я не могу дать? Я очень жалѣю васъ, Алленъ, такъ жалѣю, какъ только могу, но вы должны принять вещи, какъ онѣ есть... такъ будетъ лучше. Когда вы докажете, что на васъ можно положиться...

— Развѣ я не доказалъ это? вскричалъ онъ.

— Какъ можете вы это спрашивать, когда вамъ еще предстоитъ испытаніе? Но вы будете мужественны, Алленъ, не правда ли? вы дадите забыть прошлое, не правда ли?

— Честное слово, да! вскричалъ онъ съ жаромъ.

Какъ и всегда ласковыми словами, она довела его до рабскаго подчиненія.

— Дайте мнѣ пожать вашу руку, Марго.

Она протянула ему руку, но тотчасъ же отняла ее назадъ.

— Торопись, закричалъ Чадвикъ, мы опоздаемъ на поѣздъ.

Марго проводила уѣзжающихъ до подъѣзда.

М-съ Чадвикъ благоразумно воздерживалась отъ проявленій особенной печали при разставаньи съ пасынкомъ. Впрочемъ ей и некогда было особенно заниматься имъ; она давала различныя порученія мужу и наставленія сыну.

Послѣднее прикосновеніе къ рукѣ Марго, послѣднее крѣпкое рукопожатіе отъ Летиціи, почтительно выраженная надежда безукоризненнымъ Мастерманомъ, что ему понравится въ Ин-

діи, и Алленъ усѣлся въ карету вмѣстѣ съ плачущимъ Реджи и раскраснѣвшимся, раздраженнымъ отцомъ.

Затѣмъ пронеслось краткое видѣніе группы у подъѣзда: м-съ Чадвикъ улыбающаяся и посылающая воздушный поцѣлуй Реджи; Марго, прислонившаяся къ колоннѣ съ натянутымъ, тревожнымъ лицомъ; Летиція, ухватившаяся за нее въ тихой грусти; торжественныя лица слугъ на заднемъ планѣ... лошади рванулись съ мѣста, карета покатилась, и видѣніе исчезло.

— Мы едва-едва поспѣемъ къ поѣзду, сказалъ Чадвикъ, вынимая часы. Ради самого неба, Реджи, не хнычь, ты вернешься домой черезъ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли.

Когда Марго вернулась въ столовую, она опустила руки и протяжно и съ облегченіемъ вздохнула.

— Наконецъ-то! сказала она. Ахъ, мама, я думала, Алленъ никогда не уѣдетъ!

Ее услышала Летиція.

— Марго! вскричала она, какъ ты не добра... ему такъ грустно было уѣзжать!

— Я не ожидала, что ты меня услышишь, милочка, отвѣчала Марго, покраснѣвъ; ты не понимаешь... это не значитъ, чтобы я его не жалѣла, бѣднягу... но только нельзя никакъ не радоваться его отъѣзду.

— Я не радуюсь, твердо отвѣтила Летиція, и никогда не буду радоваться.

Дорожныя хлопоты, видъ знакомыхъ туманныхъ лондонскихъ улицъ и обѣдъ съ отцомъ въ большой гостинницѣ совсѣмъ выбили изъ памяти Аллена пакетикъ, данный ему Летиціей, и онъ вспомнилъ про него уже вечеромъ, раздѣваясь, чтобы лечь спать.

Годы, казалось ему, прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ его. Онъ развязалъ ленточку съ почтительной нѣжностью. Въ пакетѣ лежали фотографическія карточки семьи Чевенингъ: всѣ были на лицо, невинная Летиція никого не исключила. Тутъ находилась его мачиха, принявшая у фотографа то самое выраженіе, какое у нея бывало въ церкви; Ида, хорошенькая и жеманная; Реджи; сама Летиція, дѣтская прелесть и естественная грація которой были чужды всякой позы и аффектаціи; даже Ярроу былъ включенъ въ группу, и честная морда его красовалась сбоку съ устремленными на фотографа на-

блюдательными и умными глазами и удивленно приподнятыми ушами. И наконецъ, тутъ былъ портретъ Марго, въ лѣтнемъ платьѣ, снятый въ Трувиллѣ и съ тѣмъ выраженіемъ въ лицѣ, какое ему было всего знакомѣе и наиболѣе желательно удержать въ памяти.

Онъ долго глядѣлъ на красивое личико, загадочное въ своей откровенной insouciance. Онъ не посмѣлъ попросить у ней портретъ. Летиція необыкновенно хорошо придумала.... или, постой: одна ли она это придумала? не участвовала ли въ этомъ и *она* сама? а въ такомъ случаѣ, какое значеніе, какая надежда скрывалась въ этомъ дарѣ! Съ той силой самообольщенія, какая намъ всѣмъ присуща и безъ которой мы были бы гораздо несчастнѣе, онъ вдругъ увѣровалъ, что этотъ прощальный подарокъ врученъ ему по мысли Марго. Она хотѣла имъ выразить то, чего не могла сказать на словахъ.

Еслибы онъ зналъ ея истинное отношеніе къ нему, — тѣ чувства, съ какими въ эту самую минуту она клала голову на подушку, далеко отъ него, въ Пейнширѣ, то можетъ быть излѣчился бы отъ своего безумія...

День или два спустя послѣ отъѣзда Аллена съ отцомъ изъ Агра-Гауза, Марго получила нѣсколько таинственную записочку отъ Милли Ормъ: она просила ее пріѣхать къ ней сегодня, такъ какъ ей очень нужно поговорить съ ней наединѣ.

И вотъ въ назначенный часъ миссъ Чевенингъ вошла въ поблекшую гостиную приходскаго дома, гдѣ Милли ожидала ее.

Комната была убогая, и никакихъ попытокъ къ современному убранству гостиныхъ въ ней не замѣчалось. Нѣсколько итальянскихъ фотографій и старинныхъ фамильныхъ портретовъ висѣло на стѣнахъ, ситцевая обивка на креслахъ и диванахъ почти совсѣмъ выцвѣла, а сама мебель была самаго незатѣйливаго фасона; тѣмъ не менѣе кругомъ царствовалъ неуловимый характеръ порядочности, котораго нельзя пріобрѣсти въ мебельной лавкѣ.

Милли, ожидавшая свиданія съ Марго не безъ волненія, успокоилась при видѣ яснаго и веселаго вида подруги, очевидно довольной собой и всѣмъ свѣтомъ. А потому не могла не воскликнуть, беря гостью за руку и цѣлуя ее:

— Какой вы кажетесь сегодня счастливой, милая Марго!

— Неужели? улыбнулась Марго. Я дѣйствительно начинаю считать, что жизнь не такое уже тяжкое бремя. Идѣ гораздо

лучше сегодня. Д-ръ Ситонъ думаетъ, что вскорѣ ей можно будетъ пуститься въ путь. Мы посылаемъ ее въ Каннъ на весь остатокъ зимы вмѣстѣ съ миссъ Грей — нашей старой гувернанткой. Ида, кажется, охотно ѣдетъ. Мамаша не можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, и можетъ быть тогда будетъ лучше, а теперь скажите, зачѣмъ вы хотѣли видѣть меня, Милли?

— Теперь, когда вы пришли, я и не знаю, какъ васъ просить.

— Ахъ! вы вѣрно хотите, чтобы я опять приняла на себя руководство воскресной школой! Нѣтъ, Милли, послѣ моего перваго фіаско, я больше за это не возьмусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то, застѣнчиво проговорила Милли; я хотѣла только спросить о томъ, что слышала на деревнѣ.

— Ну, говорите.

— Правда ли, будто вашъ братъ Алленъ ѣдетъ въ Индію?

— Онъ не братъ мой, Милли, вы знаете. Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я попрошу у васъ чашку чая. Я умираю съ голода.

— О, Марго! какая я безголовая!

— Прощаю васъ, милочка. И какъ это вы ухитряетесь изготовлять такіе вкусные кэки?

Милли совсѣмъ не была увѣрена, что голодъ подруги дѣйствительно такъ силенъ, но обязанности гостепріимства были слишкомъ священны, чтобы пренебречь ими. Кромѣ того, Марго по обыкновенію очаровала ее, какъ это бывало при всякомъ свиданіи. Милли безмѣрно и искренно восхищалась своей красавицей подругой.

— Нѣтъ.... довольно сказала Марго, далеко не выдержавшая на дѣлѣ такого аппетита, какимъ хвасталась. Еслибы Летти пришла со мной, я бы не посмѣла быть такой жадной. Ну, а теперь, Милли, прибавила она, слегка насупясь, что касается Аллена, то вѣдь вы раньше знали, что онъ ѣдетъ въ Индію. Это вѣдь давно уже рѣшено.

— Я знала это—да; но мнѣ говорили, что онъ не поѣдетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же говорилъ это?

— Самъ Алленъ. По его словамъ, отъ васъ зависѣло, ѣхать ему или нѣтъ, и былъ такъ увѣренъ, что вы позволите ему остаться.

Въ манерахъ Марго замѣтно сказывалось нѣкоторое нетерпѣніе и смущеніе.

— Онъ говорилъ это? Что еще говорилъ онъ вамъ?

— Только это. Значитъ... это неправда? Я такъ рада. Я надѣялась, что это такъ и есть.

— Почему рады? на что вы надѣялись, и какое вамъ вообще до этого дѣло, Милли?

— Я не могу не принимать въ немъ участія, въ бѣднягѣ! Онъ казался такимъ несчастнымъ, ему такъ не хотѣлось ѣхать, и онъ такъ обрадовался, когда подумалъ, что остается. Я никогда не вѣрила тому, что про него говорили. И въ послѣднее время онъ велъ себя такъ хорошо.

— Ахъ! сказала Марго насмѣшливо, у васъ слабость къ козлищамъ, но я ее не раздѣляю.

— Не говорите циническихъ вещей, Марго, я знаю, вы такъ не думаете. И скажите мнѣ, это правда?

— Какая настойчивость! Что правда? что Алленъ ѣдетъ въ Индію? Безусловно. Онъ уже теперь въ Лондонѣ, но корабль отходитъ только въ понедѣльникъ.

— Онъ, значитъ, ѣдетъ. Но правда, будто отъ васъ зависѣло, чтобы онъ остался?

— Милая Милли, вы экзаменуете меня, точно одну изъ ученицъ вашей воскресной школы! Что, если я скажу „да“... вы будете очень скандализованы?

— Я этому не повѣрю. Вы не можете быть такой недоброй.

— Вы слишкомъ возвеличили меня, милая; по вашей винѣ я теперь сойду съ пьедестала. Вамъ лучше узнать меня, какова я на самомъ дѣлѣ. Я сказала „нѣтъ“—довольны вы?

— Это очень жестоко съ вашей стороны.

— Ахъ! вы — добрые люди, всегда бываете односторонни, отвѣтила Марго сердито, покраснѣвъ.—Мнѣ бы и въ голову не пришло, что жестоко желать, чтобы онъ уѣхалъ туда, гдѣ онъ можетъ быть полезенъ, вмѣсто того, чтобы бить баклуши, какъ онъ это дѣлалъ здѣсь.

— Онъ старался... изо всѣхъ силъ старался исправиться, бѣдняжка! И онъ такъ почиталъ васъ, Марго. Вы могли бы помочь ему! Ноджентъ всегда говорилъ: только Марго можетъ наставить его на путь истинный. Не знаю, что онъ скажетъ, когда узнаетъ.

Милли, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, была немножко безтактна, хотя въ настоящемъ случаѣ никакой тактъ не могъ бы выручить ее.

— Со стороны вашего брата очень любезно питать такое

высокое мнѣніе о моемъ вліяніи, высокомѣрно проговорила Марго, но я увѣрена, онъ по крайней мѣрѣ не осудитъ меня, когда узнаетъ всѣ обстоятельства дѣла.

— Какія обстоятельства? развѣ вы мнѣ не скажете, Марго?

— Это слишкомъ! раздражительно вскричала Марго. Вы обратите меня въ бѣгство такими нотаціями и перекрестными допросами. Предупреждаю васъ, Милли, я не очень терпѣливая. Вы спрашиваете то, чего вы не вправѣ знать и чего я, конечно, вамъ не скажу.

— Ахъ, Марго! я оскорбила васъ. Не считайте меня дерзкой; вы знаете, я не изъ одного только любопытства такъ пристаю къ вамъ. Я васъ прошу только объ одномъ: пожалѣть этого бѣднаго молодаго человѣка. Я знаю, онъ плохо воспитанъ, онъ бываетъ всѣмъ вамъ въ тягость; но подумайте, что вы дѣлаете, отсылая его противъ воли, въ далекую страну, гдѣ онъ никого не знаетъ. Онъ и не энергиченъ, и не уменъ; онъ не можетъ пробить себѣ дорогу, когда, вдобавокъ, около него не будетъ человѣка, который былъ бы ему дорогъ. Если-бы вы видѣли его въ ту минуту, какъ онъ сообщалъ мнѣ, что долженъ ѣхать! и какъ онъ перемѣнился, когда надѣялся остаться. Марго... право нельзя не считать бездушнымъ съ вашей стороны, что вы такъ равнодушно, такъ легко относитесь къ тому, что вы сдѣлали!

Марго и встала и всплеснула гибкими руками съ страстнымъ жестомъ.

— Развѣ я ничего не чувствую? развѣ я не старалась, Милли, не старалась изо всѣхъ силъ найти какой-нибудь другой исходъ? Развѣ вы думаете, я не сожалѣю? Вы ошибаетесь, Милли, если такъ думаете. Для меня это было страшно мучительно, пока не кончилось. Если я кажусь легкомысленной, то таковъ уже мой характеръ. Я не могу долго останавливаться на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ. И не могу притворяться, будто чувствую, когда во мнѣ нѣтъ чувства. Теперь дѣло рѣшено, къ худу или къ добру, но взять назадъ свои слова я не могу, еслибы даже и хотѣла.

Милли охватила руками талію подруги.

— Если вы искренно сожалѣете, если вы дѣйствительно боролись съ собой, то вамъ стоитъ сдѣлать еще одно послѣднее усиліе, и вы выйдете побѣдительницей! Дорогая Марго, послушайтесь голоса, который говоритъ вамъ, что вы дурно поступили! Что бы ни приходилось вамъ простить—простите,

пока есть время. Не берите на себя, не берите страшной отвѣтственности загубленной, чужой жизни, которую вы бы могли спасти, еслибы захотѣли. Сдѣлайте это! Сдѣлаете, скажите?

— Что вы хотите, чтобы я сдѣлала? спросила Марго, болѣе нерѣшительно, чѣмъ говорила до сихъ поръ.

— Еще не поздно, убѣждала Милли, онъ еще не сѣлъ на корабль. Напишите, телеграфируйте его отцу, что вы перемѣнили мнѣніе и желаете, чтобы Алленъ остался. Онъ охотно послушается васъ. Глядите, вотъ бумага. Я снесу телеграмму сама, и вы въ то же самое время можете написать.

— Нѣтъ, Милли, нѣтъ. Вы добры... гораздо добрѣе меня... но вы не понимаете. Я не могу вернуть его теперь. Не скажу, почему... но такъ есть.

— Ну, такъ пусть Богъ проститъ васъ, Марго! вы пожалѣете когда-нибудь ото всей души, что не послушались меня теперь.

— Можетъ быть. Но что сдѣлано—то сдѣлано. Если я дурно поступила, то должна нести и послѣдствія. На моемъ мѣстѣ вы бы тоже нашли, что не такъ-то легко быть доброй... не судите меня слишкомъ строго, милая!

— Я не могу не судить васъ строго! вы меня къ этому вынуждаете сами. Я такъ восхищалась вами, такъ любила васъ, а теперь не могу больше по-прежнему относиться къ вамъ!

— Вы не хотите меня больше знать, устало проговорила Марго, ну, какъ хотите. И теперь, полагаю, кромѣ худаго ничего обо мнѣ не скажете.

— Я ничего не стану говорить о васъ! никто не вправѣ узнать то, что вы мнѣ сказали. Но только друзьями мы больше быть не можемъ.

— Если вы такъ думаете, то пускай. А теперь прощайте, Милли.

Милли не пыталась ее удерживать, не захотѣла поцѣловать на прощанье. Она стояла у камина разстроенная, огорченная, негодующая, и ей было не до вѣжливости.

Марго, привыкшая къ вниманію даже со стороны особъ своего пола, поняла, до какой степени она упала во мнѣніи своей подруги, и самолюбіе ея ныло отъ нанесеннаго ему удара въ то время, какъ она проходила по деревнѣ.

— Къ чему я сказала ей? думала она. Вѣроятно, трудно было удержаться... но страшно подумать, я чуть было не сда-

лась. Еслибы я сдалась... еслибы я вернула его назадъ... ахъ! не стоитъ объ этомъ теперь и думать! Еслибы онъ вернулся, я бы постоянно подвергалась опасности, что рано или поздно, тайна моя обнаружится... нѣтъ, это хуже всего, чтобы тамъ ни говорила Милли. Она вѣдь ничего не знаетъ! Но я лишилась ея дружбы.. и вѣдь я ее любила! Теперь она меня будетъ ненавидѣть. Но она не скажетъ ему; она почти вѣдь обѣщала мнѣ это... Я рада этому, что до остальнаго, что жъ дѣлать... я должна ко всему привыкать. Передѣлать все сдѣланное было бы безуміемъ.

Такъ увѣряла она себя потому, что одна мысль о возвращеніи Аллена наполняла ее отвращеніемъ и ужасомъ передъ возможными послѣдствіями... она будетъ молчать, и пусть онъ уѣдетъ!..

Такимъ образомъ, никакой вѣсти не пришло, чтобы удержать Чадвика отъ его намѣренія, и нѣсколько дней спустя, Алленъ стоялъ съ отцомъ на палубѣ корабля, обмѣниваясь послѣдними прощальными словами, которыя въ настоящемъ случаѣ труднѣе выговаривались, чѣмъ большинство прощальныхъ словъ.

— Ты видишь, говорилъ Чадвикъ, я снарядилъ тебя, какъ джентльмена, несмотря на твой проступокъ. Я отпускаю съ тобой больше денегъ, чѣмъ тебѣ можетъ понадобиться въ Бомбеѣ. Я бы могъ передать ихъ Макдональду въ руки. Но во всякомъ случаѣ, онъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и будетъ зорко слѣдить за тобой. Смотри, веди себя хорошо.

Въ послѣдніе дни, когда поневолѣ они были чаще въ обществѣ другъ друга, чѣмъ въ Агра-Гаузѣ, между отцомъ и сыномъ возстановились отчасти болѣе дружественныя отношенія. Чадвикъ смягчился и не намекалъ на прошлое. Къ Аллену вернулась прежняя робкая привязанность и восхищеніе энергическимъ, щедрымъ (Чадвикъ умѣлъ бросать деньги, когда хотѣлъ) отцомъ, несмотря на его жестокое обращеніе.

Но послѣднія слова его возбудили унизительное подозрѣніе Аллена.

— Неужели вы хотите сказать, что сообщили ему, за что вы отсылаете меня въ Индію? спросилъ онъ, глядя въ мутную зеленую воду.

— Макдональдъ служитъ у меня уже много лѣтъ; у меня нѣтъ отъ него секретовъ, натурально.

— Значитъ... вы сказали ему?

И лицо Аллена омрачилось.

— Ну да, сказалъ, не все ли тебѣ равно? Не можешь же ты ожидать, чтобы я относился къ тебѣ, какъ къ человѣку, которому можно довѣрять!

— Я не думалъ, что вы ему скажете... но теперь все равно... и... и когда вы призовете меня назадъ?

— Объ этомъ еще рано говорить, когда ты еще не уѣхалъ. Я не призову тебя до тѣхъ поръ, пока ты не научишься наживать деньги, вмѣсто того, чтобы ихъ проживать... Ну, я не хочу съ тобой ссориться на прощанье... вонъ уже звонокъ. Прощай и веди себя хорошо.

— Прощайте, машинально отвѣчалъ Алленъ, и поклонитесь отъ меня Летиціи... и Марго, когда вернетесь сегодня домой.

— Да, да! Прощай.

Они пожали другъ другу руки, и Чадвикъ сошелъ на берегъ, сомнѣваясь: хорошо ли онъ сдѣлалъ, будучи такъ откровененъ съ Макдональдомъ.

— Но, можетъ быть, Аллену полезно будетъ знать, что за нимъ зорко слѣдятъ. Это подкрѣпитъ въ немъ добрыя намѣренія, утѣшалъ онъ самого себя.

Алленъ стоялъ на палубѣ большаго корабля, спускавшагося внизъ по Темзѣ. Двѣ мысли овладѣли имъ. Онъ не могъ надѣяться вернуться назадъ... пока не разбогатѣетъ. Макдональдъ человѣкъ, подъ руководствомъ котораго онъ долженъ былъ разбогатѣть, увѣдомленъ, что онъ воръ!

И тутъ мы оставимъ его на нѣкоторое время на пути къ мѣсту незаслуженной ссылки, отъ которой онъ могъ однимъ словомъ избавить себя.

Упрямство, гордость и химерическая надежда заставили его молчать, а теперь, когда жертва свершилась, имъ овладѣло великое сомнѣніе, великое отчаяніе. Онъ только теперь началъ соображать, какъ дорого стоитъ ему эта жертва...

VI.

Недѣли, наступившія вслѣдъ за отъѣздомъ Аллена, были для Марго недѣлями глубокаго спокойствія и мира. Съ нимъ устранился, казалось, единственный элементъ для тревоги и опасеній, она не боялась больше вѣчной, фальшивой ноты, звучавшей въ ихъ отношеніяхъ въ послѣднее время; не боялась доноса

съ его стороны. И дома все пошло лучше. Ея вотчимъ сталъ спокойнѣе, менѣе придирчивъ и раздражителенъ.

Онъ не только не сердился на то, что жена и падчерица помогли ему удалить Аллена, но втайнѣ былъ имъ благодаренъ за это: онѣ выручили его изъ затруднительнаго положенія, безъ всякаго шума и скандала.

Ида уѣхала въ Каннъ подъ опекой миссъ Грей и, судя по письмамъ, уже начала медленно поправляться и выходить изъ состоянія апатіи и оцѣпенѣнія, въ какое ее повергъ ударъ, нанесенный ей въ Борнмоутѣ.

До самой послѣдней минуты она ни словомъ не упоминала о прошломъ, и Марго старательно избѣгала напрашиваться въ повѣренныя сестры. Ида вскорѣ сама увидитъ, какое безуміе принимать такъ трагически обманъ и измѣну Камиллы Гендерсонъ; только болѣзнь и преувеличенная чувствительность мѣшали ей разсудительно взглянуть на все это дѣло.

Но когда она вернется назадъ съ возстановленными силами, и Аллена не будетъ, чтобы разстраивать ей нервы мелкими придирками, она скоро, скоро оправится.

Да! когда Марго думала объ этомъ, то считала себя правой.

Ей казалось, что она дѣйствовала не столько изъ личныхъ интересовъ и предубѣжденій, сколько ради блага близкихъ. Всѣ укоры совѣсти умолкли; да! Алленъ заслуживалъ своей участи, и было бы непростительной слабостью поступить иначе, чѣмъ она поступила.

Когда наступило Рождество, она безпрестанно встрѣчалась съ Милли Ормъ; надо было украшать церковь, участвовать въ школьныхъ празднествахъ. Отъ всего этого она никакъ не могла отказаться. Но хотя Милли и перемѣнилась къ ней, эта перемѣна была нечувствительной для всѣхъ, кромѣ Марго; а она скоро привыкла смотрѣть на это, какъ на неизбѣжное и меньшее зло, съ которымъ легко примириться, принимая во вниманіе то, съ какою радостью ее встрѣчали вездѣ въ Горскомбѣ и въ окрестныхъ помѣстьяхъ.

Пріятно было встрѣчать поклоненіе вездѣ, гдѣ бы она ни появлялась съ матерью, на митингахъ, на каткѣ, на танцовальныхъ вечерахъ... пріятно думать, что немногіе люди осудили бы ее, какъ Милли, еслибы даже и знали то, о чемъ она той сказала.

Будетъ ли братъ Милли такъ же строгъ, какъ она? Онъ долженъ былъ пріѣхать на нѣсколько дней во время Рожде-

ства... она навѣрное его встрѣтитъ. Будетъ ли онъ задавать неприличные вопросы, призывать ее къ отвѣту? Она пренебрегла его мнѣніемъ о безполезности посылать Аллена въ коллегію, и результатъ показалъ, что онъ былъ правъ. Что-то скажетъ онъ теперь? Ну что жъ, пусть говоритъ, что хочетъ! пусть раздружится съ нею.., какое ей дѣло! его одобреніе или неодобреніе не могло затронуть ее. Если онъ вздумаетъ читать ей наставленія, то она сразу покажетъ ему, что не намѣрена допускать постороннихъ вмѣшиваться въ ея дѣла.

Тѣмъ не менѣе это равнодушіе въ ея стороны не помѣшало ей чувствовать себя рѣшительно взволнованной при ихъ первой встрѣчѣ. Но его манеры успокоили ее. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ радъ ее видѣть и вовсе не расположенъ критиковать ея дѣйствія или читать ей нотаціи. Они видѣлись одну минуту, пока дошли домой изъ церкви въ первый день Рождества, но этого было довольно, чтобы успокоить ее. Нѣсколько дней спустя ей пришлось долѣе пробыть въ его обществѣ.

Эдльстоны давали святочный вечеръ.

— Пріѣзжайте, говорила Фай Эдльстонъ Марго; у насъ не будетъ дѣтей; мы сами всѣ будемъ дѣтьми и станемъ играть въ разныя игры.

Ноджентъ Ормъ находился въ числѣ приглашенныхъ и пріѣхалъ поздно, и какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ несчастный Фаншо съ завязанными глазами, отчаянно налеталъ на бюстъ, стоявшій на пьедесталѣ, подъ ошибочнымъ впечатлѣніемъ, что онъ задуваетъ свѣчу, которую держитъ миссъ Чевенингъ, между тѣмъ какъ эта послѣдняя, стоя посреди комнаты, наблюдала за его прыжками издали съ спокойнымъ и нѣсколько насмѣшливымъ удовольствіемъ.

Ормъ вновь былъ пораженъ ея оригинальной красотой и изяществомъ. Въ залѣ онъ замѣтилъ много хорошенькихъ дѣвушекъ, но онѣ казались провинціалками рядомъ съ ней и сравнительно съ ея тихой, полупрезрительной, полусострадательной усмѣшкой, ихъ смѣхъ казался пошлымъ и вульгарнымъ.

Она увидѣла, что онъ стоитъ въ дверяхъ, и ласково кивнула головой, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы она непричастна къ происходящей комедіи. И дѣйствительно, викарію развязали глаза по ея просьбѣ, и она оставила игру.

Пока другіе шумно предлагали новыя игры и спорили о

томъ, какую выбрать, она отошла къ сторонкѣ, и Ормъ могъ подойти къ ней.

— Подозрѣвали ли вы, что м-ръ Фаншо можетъ быть такъ забавенъ? спросила она.

— Бѣдный Фаншо! А много еще жертвъ принесено для развлеченія общества?

— Не совсѣмъ добросовѣстно съ вашей стороны пріѣхать такъ поздно и застать насъ въ самомъ разгарѣ суетныхъ удовольствій. Но на сколько взрослые люди способнѣе ребячиться, чѣмъ дѣти, это удивительно!

— Не могу себѣ представить, чтобы вы особенно усердно предавались этому времяпрепровожденію, отвѣчалъ онъ, взглядывая на ея щеки, которыя совсѣмъ не раскраснѣлись.

Бесѣда ихъ была прервана новой игрой, и Ноджент пришлось противъ желанія принять участіе въ оживленномъ, но не особенно интересномъ развлеченіи, извѣстномъ подъ названіемъ „Тибетсъ“ и заключающемся въ томъ, что передаютъ подъ скатертью изъ рукъ въ руки пресс-папье и предоставляютъ угадывать, въ чьей рукѣ онъ находится въ данную минуту.

Наконецъ игра смѣнилась танцами, и Ноджентъ поспѣшно пригласилъ Марго на вальсъ, и она съ теплымъ торжествомъ подумала, что во всякомъ случаѣ онъ не очень худаго о ней, должно быть, мнѣнія.

Она съ удовольствіемъ убѣдилась, что онъ танцуетъ хорошо; но прежде чѣмъ они сдѣлали нѣсколько туровъ, удовольствіе было испорчено его замѣчаніемъ.

— И такъ, я слышу, Алленъ уже на пути въ Индію?

Тонъ его былъ вполнѣ безстрастный, но Марго вдругъ показалось—и совсѣмъ напрасно—что безстрастіе напускное, что онъ кое-что слышалъ и пригласилъ ее танцовать только затѣмъ, чтобы узнать правду отъ нея самой.

Она благодарила судьбу за то, что ей не нужно было глядѣть ему въ глаза, и что онъ не могъ видѣть ея лица.

„Но это рокъ какой-то! подумала она, этотъ несносный Алленъ вѣчно оказывается между нами“.

— Да, отвѣчала она. Кто вамъ сказалъ?

— Сестра.

Марго попросила его остановиться.

Милли, значитъ, таки сказала ему! какъ глупо было съ ея стороны признаваться ей! Марго очень хотѣлось танцовать съ

Ормомъ, но она чувствовала, что въ эту минуту это для нея невозможно.

— Нельзя танцовать и разговаривать, сказала она. Сядемте вонъ тамъ у окна. Мнѣ пріятнѣе будетъ поболтать.

Онъ согласился и отвелъ ее въ амбразуру окна, гдѣ никто не могъ помѣшать ихъ бесѣдѣ.

Она молча просидѣла нѣсколько секундъ, и въ глазахъ ея появился жесткій блескъ.

— Ну такъ о чемъ же мы говорили? да, про Аллена. Милли сказала вамъ, почему онъ уѣхалъ?

— Она сама, кажется, этого не знаетъ. Я думалъ, отъ васъ узнаю что-нибудь. Странно какъ-то думать, что онъ вообразилъ, будто изъ него выйдетъ плантаторъ.

Подозрѣнія Марго разсѣялись: онъ говорилъ съ очевидной искренностью, и она убѣдилась, что Милли ничего ему не сказала. Онъ думаетъ, будто Алленъ по собственной охотѣ уѣхалъ.... всего лучше оставить его въ этомъ убѣжденіи.

— Что же тутъ такого страннаго? спросила она.

— Ну, да какой же онъ дѣловой человѣкъ.

— Научится. Къ тому же онъ будетъ подъ руководствомъ тамошняго управителя. Безъ сомнѣнія, для него лучше вести дѣятельную, занятую жизнь, чѣмъ сидѣть сложа руки дома; какъ вы думаете, м-ръ Ормъ?

— Значитъ, вы способствовали этому?

На секунду подозрѣніе къ ней вернулось.... не скрывается ли иронія въ его словахъ?

— Что вы хотите сказать?

— Да то, что отецъ его вѣроятно не сразу согласился на этотъ планъ, но вы настояли на немъ. Ошибаюсь я?

— Я стояла за его отъѣздъ. Вы находите это дурнымъ, скажите пожалуйста?

— Дурнымъ? Боже мой, нѣтъ! съ какой стати я найду это дурнымъ. Хорошій знакъ, разъ Алленъ захотѣлъ трудиться и если только желаніе у него не пройдетъ, то тѣмъ лучше.

— Я хочу сказать: вы осуждаете меня?

— Осуждать васъ? напротивъ того, я желаю выразить вамъ, что нахожу большой добротой съ вашей стороны то, что вы вошли въ его чувства и убѣдили его отца дать свое согласіе.

Нельзя было сомнѣваться въ искренности его взгляда и голоса, когда онъ говорилъ это, но она внутренно съежилась какъ отъ самаго ѣдкаго сарказма. На сколько возможно он

не будетъ лицемѣркой, онъ не долженъ узнать и не узнаетъ, что она послала Аллена въ изгнаніе противъ его воли, вопреки его страстнымъ мольбамъ, но по крайней мѣрѣ она не станетъ слушать похвалъ за это.

— Не говорите этого, быстро перебила она, вѣдь вы знаете, какъ я о немъ говорила и думала.

— Я знаю, но знаю также, какъ вы старались побѣдить свои чувства и успѣли въ этомъ.

Она почувствовала неудержимое желаніе поколебать это довѣріе, и на сколько возможно быть откровенной.

— Развѣ? ахъ! вы не знаете! М-ръ Ормъ, что бы вы сказали, еслибы я сообщила, вамъ, что я *желала*, чтобы онъ уѣхалъ, столько же для себя, какъ и для него?

Ноджентъ былъ тронутъ; онъ видѣлъ во всемъ этомъ только самоугрызенія строптивой, но честной натуры, и она показалась ему только милѣе отъ этого.

— Хотя бы и такъ; полагаю, вы иначе не могли поступить. Вы совсѣмъ инаго воспитанія, чѣмъ онъ, бѣдняга! Нельзя требовать отъ васъ больше того, чтобы вы помогли ему стать на ноги. А это вы сдѣлали.

— Я такъ желаю ему добра! съ жаромъ заявила она, для собственнаго успокоенія. Я буду несчастна, если онъ и теперь не остепенится.

— Неужели вы думаете, я въ этомъ сомнѣвался, и я увѣренъ, онъ тоже это чувствуетъ, и это больше, чѣмъ другое, что поможетъ ему вести себя хорошо.

— И вы думаете, онъ успѣетъ.... и будетъ счастливъ тамъ?

— Я думаю, есть всѣ данныя на это. Онъ самъ выбралъ себѣ карьеру, дѣла у него будетъ много, соблазновъ мало.... самое чувство отвѣтственности должно поддержать его. Я увѣренъ, нѣтъ основанія вамъ о немъ безпокоиться. Вы во всякомъ случаѣ сдѣлали съ своей стороны для него все возможное.

— Я рада, что вы это..... и ничто не заставитъ васъ дурно думать обо мнѣ, не правда ли? обѣщайте мнѣ это, м-ръ Ормъ.

Ноджентъ стоило большихъ усилій воздержаться отъ жаркихъ увѣреній, которыя бы выдали его страсть. Онъ боялся оскорбить или встревожить ее. До сихъ поръ онъ не имѣлъ права претендовать на болѣе нѣжное отношеніе, тѣмъ какое оказываютъ другу. Онъ не хотѣлъ испортить своего положенія необдуманнымъ шагомъ.

— Нѣтъ надобности обѣщать это, сказалъ онъ; ничто не

заставить меня дурно думать о васъ; но такъ какъ вы желаете этого, то извольте, я обѣщаю.

Они больше не заговаривали объ Алленѣ, и весь вечеръ она чувствовала себя счастливой и безпечной, обворожительной, какъ и всегда, въ его глазахъ, хотя онъ и предпочиталъ ее въ серьезномъ настроеніи.

Онъ пошелъ назадъ въ викаріатъ вмѣстѣ съ Милли, но мало говорилъ о сегодняшнемъ вечерѣ, и ни слова о миссъ Чевенингъ. Его любовь, бывшая до сихъ поръ мечтательной и непрактичной въ его собственныхъ глазахъ, приняла болѣе осязаемую и доступную форму. Почему бы ему и не надѣяться на взаимность? Пока она, правда, не любитъ его, но можетъ полюбить. Во всякомъ случаѣ она обращается съ нимъ не такъ, какъ съ простымъ знакомымъ.

Отнынѣ мысль, что онъ можетъ современемъ привлечь ея сердце, будетъ для него не простой мечтой; онъ поставитъ это себѣ цѣлью, отъ достиженія которой зависитъ его счастіе.

Быть можетъ, даже и въ это время Марго уже не была вполнѣ къ нему равнодушна; при всей ея строптивости, она способна, какъ женщина, находить наслажденіе въ подчиненіи болѣе сильному характеру, чѣмъ ея собственный, а въ Ноджентѣ Ормъ сказывалась сила воли и характера, которая сразу ей понравилась. Она не была также слѣпа и къ тому факту, что онъ восхищался ею; что она могла, если хотѣла, привести его къ своимъ ногамъ. Но теперь она боялась этого увлеченія. Зачѣмъ Ноджентъ такъ упорно считаетъ ее лучше, чѣмъ она есть? Она почти сердилась на него за то, что онъ не видитъ ее въ истинномъ свѣтѣ. Если она полюбитъ его, а онъ вдругъ узнаетъ истину—что тогда? Она хорошо знала, что онъ не будетъ слабъ въ своей любви. Она обманула его, но не обманула Милли; ей нужно будетъ сказать ему правду, унизить себя передъ нимъ, быть можетъ, видѣть, какъ онъ отвернется отъ нея... ахъ, нѣтъ! она не станетъ подвергать себя такимъ униженіямъ. Она убьетъ въ себѣ склонность къ нему, пока не поздно; теперь пока ей легко будетъ выкинуть его изъ головы.

Такимъ образомъ при новой встрѣчѣ онъ замѣтилъ перемѣну въ ея обращеніи, хотя и не могъ бы опредѣлить, въ чемъ она заключается. Онъ принялъ эту перемѣну безъ протеста и не дѣлалъ усилій вернуть прежнее болѣе дружеское отношеніе.

Онъ вернулся въ Лондонъ немного разочарованный, но далеко не отчаявшійся.

— Въ сущности онъ вовсе не такъ влюбленъ въ меня, подумала Марго, когда услышала объ его отъѣздѣ. Еслибы онъ былъ влюбленъ, то пріѣхалъ бы проститься. Ну и тѣмъ лучше. Я рада, что онъ *не* влюбленъ.

V.

Сусанна очень сильно ломала голову, стараясь отыскать настоящую причину отъѣзда Аллена. Изъ того, что онъ неосторожно выболталъ, она заключила, что главная виновница тутъ миссъ Чевенингъ—и это заключеніе не могло ослабить жгучей ненависти, какую она питала къ своей госпожѣ.

Можно было бы подумать, что, въ виду того, что Сусаннѣ не удалось очаровать Аллена, его отсутствіе не могло быть ей лично непріятно, но ненависть нелогична... она считала, что рано или поздно онъ подпалъ бы ея чарамъ, еслибы миссъ Марго не вскружила ему голову. Чтобы Марго онъ могъ хоть сколько-нибудь нравиться—этого Сусанна ни на минуту не допускала; но она считала вполнѣ возможнымъ, что Марго завлекала Аллена изъ кокетства.

Одинъ фактъ, который недавно дошелъ до ея свѣдѣнія, подтвердилъ ее въ этомъ мнѣніи.

Юный Барчардъ, падкій до хорошенькихъ женщинъ, принялся въ послѣднее время ухаживать за нею, и Сусанна, дѣвушка себѣ на умѣ, не отталкивала его, хотя очень хорошо знала, какою репутаціей онъ пользовался, и въ своей оцѣнкѣ отводила ему совсѣмъ иное мѣсто, чѣмъ своимъ другимъ респектабельнымъ сельскимъ поклонникамъ.

Но какъ бывшій пріятель Аллена и молодой человѣкъ болѣе щеголеватый и франтъ, чѣмъ большинство Горскомбскихъ кавалеровъ, онъ заслуживалъ вниманія, и вполнѣ естественно, что въ разговорѣ они очень часто упоминали о юномъ м-рѣ Чадвикѣ и что Барчардъ упомянулъ о курьезномъ случаѣ, когда ему пришлось передать секретное письмо, написанное женскимъ почеркомъ.

— И вы не вскрыли его, чтобы узнать, что въ немъ написано? спросила наивная Сусанна.

— Это меня не касалось, и кромѣ того оно было запечатано.

— Ахъ! сказала Сусанна, ужь я бы съумѣла раскрыть его съ печатью или безъ печати.

— Вѣрно! отвѣчалъ онъ, глядя на нее съ восхищеніемъ.

Но Сусанна очень заинтересовалась этимъ таинственнымъ письмомъ.

Что, если въ немъ разгадка изгнанія Аллена? Не Марго ли написала его? Ужь вѣрно не даромъ оно было доставлено секретнымъ образомъ, а не адресовано прямо въ домъ.

И подумать, что она не могла ничего открыть!

Говорятъ обыкновенно, будто слугамъ извѣстны всѣ дѣла и обстоятельства ихъ господъ. И принимая во вниманіе то, какъ мало ихъ остерегаются, они, конечно, многое знаютъ. Рѣдко кто считаетъ слугъ внимательными или смышленными, а между тѣмъ многія тайны господъ разоблачаются въ кухнѣ, на основаніи намековъ, замѣчаній, пойманныхъ на лету въ столовой.

Но въ настоящемъ случаѣ соблюдалась величайшая осторожность; никто внизу, ни даже непогрѣшимый Мастерманъ не зналъ ничего кромѣ голаго факта, что м-ра Аллена отправляютъ заграницу и что, кажется, ему это не по вкусу.

Сусанна пробовала вытянуть что-нибудь изъ Летиціи; но Летиція, хотя и ребенокъ, инстинктивно понимала, что не слѣдуетъ болтать о семейныхъ дѣлахъ съ прислугой.

— Не думаю, чтобы мамаша позволила мнѣ говорить съ вами объ этомъ, Сусанна, сказала она съ тѣмъ видомъ собственнаго достоинства, какой умѣла иногда принимать,— и кромѣ того, я и сама, знаете, не знаю, отчего уѣхалъ бѣдный Алленъ. Но я увѣрена, что вовсе не по тому, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь худое.

Однажды вечеромъ, когда Сусанна случайно замѣнила горничную при Марго и расчесывала ея длинные волосы, она попыталась пустить въ ходъ нѣсколько ловкихъ замѣчаній.

Она была всегда очень почтительна и внимательна къ Марго, и та не подозрѣвала, какая злобная ненависть къ ней скрывалась подъ бѣлымъ нарядным фартучкомъ съ плоеными оборочками ея горничной.

Всѣмъ намъ случается иногда спокойно—потому что безсознательно—проходить мимо замаскированныхъ пушекъ чьей-нибудь лютой ненависти.

Марго совсѣмъ позабыла о воображаемыхъ трувильскихъ обидахъ горничной, да еслибы и знала, что та ихъ помнитъ, то скорѣе посмѣялась бы, чѣмъ встревожилась... какой вредъ могла причинить ей Сусанна?

— А въ домѣ пусто стало безъ м-ра Аллена, не правда ли, миссъ? начала Сусанна.

Миссъ Чевенингъ приподняла брови.

— Въ самомъ дѣлѣ? но я не вижу, въ какомъ отношеніи его отсутствіе можетъ быть замѣтно для васъ, Сусанна.

Сусанна почувствовала адское желаніе оттаскать свою госпожу за длинныя, темныя косы, которыя расчесывала.

„Ты не видишь, не видишь, гордячка! подумала она, но можетъ быть для меня это замѣтнѣе, чѣмъ для тебя".

— Разумѣется, я говорю не про себя, миссъ, сказала она вслухъ,—вѣдь я только служанка; но я думала, какъ должно быть скучно вамъ!

— Не безпокойтесь объ этомъ, потому что это васъ не касается, отвѣтила миссъ Чевенингъ.

— Даже и у служанки можетъ быть сердце, миссъ, хотя вы, кажется, этому и не вѣрите, отрѣзала Сусанна,—и я вовсе не хотѣла, говоря это, оскорбить васъ.

— Не будьте дурочкой, сказала Марго,—я не оскорбляюсь... а только вовсе не хочу говорить про м-ра Аллена съ вами.

— Слушаю-съ, миссъ, отвѣчала Сусанна, внутренно трясясь отъ злости.

„Постой, постой! увидимъ, все ли ты такъ неприступна!" подумала она.

— Вотъ молодой Барчардъ такъ соскучится по м-рѣ Алленѣ, миссъ, продолжала она.

— Опять м-ръ Алленъ? сказала Марго нетерпѣливо,—неужели соскучится, Сусанна?

— Да, миссъ, судя по тому, какіе они были пріятели. Молодой Барчардъ былъ, такъ-сказать, „фартотомъ" (фактотумъ) м-ра Аллена. Я думала, вы это знаете, миссъ. Если кто посылалъ ему письмо такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ—у молодыхъ людей вѣдь это водится, миссъ,—то молодой Барчардъ...

Сусанна успѣла вывести свою госпожу изъ терпѣнія; гнѣвный румянецъ загорѣлся на щекахъ Марго.

— Довольно, Сусанна, я терпѣть не могу сплетенъ. Можете идти! Я сама дочешусь.

Сусанна ушла не безъ удовольствія. Еслибы только она могла удостовѣриться, что въ письмѣ было нѣчто важное, о чемъ миссъ Марго желала, чтобы никто не узналъ... еслибы она могла допытаться! Но, какъ намъ извѣстно, она была болѣе чѣмъ когда-либо далека отъ истины, и не въ ея власти было раскрыть ее.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, они всѣ сидѣли за завтракомъ, въ одно снѣжное январьское утро, когда Чадвикъ, вскрывавшій свои письма, вдругъ вскрикнулъ отъ досады.

Марго взглянула на него и удивилась, при видѣ ярости, исказившей всѣ его черты.

— Ты получилъ дурныя извѣстія? спросила ея мать съ вялымъ участіемъ.

— Дурныя извѣстія! прорычалъ онъ.—Не знаю, что ты называешь дурными извѣстіями. Вотъ на... прочитай!

Онъ бросилъ ей письмо черезъ столъ, написанное неизящнымъ, полу-торговымъ почеркомъ.

— Да, это отъ Аллена! воскликнула м-съ Чадвикъ, взглянувъ на подпись. И писано изъ Мадраса. Я думала онъ ѣдетъ въ Бомбей.

— Не болтай, а прочитай письмо, заворчалъ мужъ.—Неблагодарный, негодный лицемѣръ и обманщикъ! такъ обмануть меня!

М-съ Чадвикъ прочитала письмо и передала его Марго. То было жалобное, виноватое письмо; онъ умолялъ отца не сердиться на него за то, что онъ рѣшительно не могъ ѣхать на плантацію; онъ бы поѣхалъ, еслибы отецъ не сказалъ всего своему управителю; онъ не могъ перенести мысли, что человѣкъ, считающій его воромъ, будетъ приставленъ сторожить его. Онъ рѣшилъ поискать счастья въ другомъ мѣстѣ, на другомъ поприщѣ, гдѣ никто не возстановленъ противъ него. Онъ надѣется скоро вернуться назадъ... и богатымъ...

— Какъ онъ можетъ искать счастья? онъ должно быть съ ума сошелъ! вскричала миссъ Чадвикъ; вѣдь онъ безъ денегъ!

— Какъ настоящій дуракъ, я далъ ему денегъ, сказалъ Чадвикъ.—Я думалъ, что на столько могу довѣриться ему.

Марго отвела глаза отъ письма.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ разсказали все своему управителю? Онъ правду пишетъ?

— Правду, отвѣчалъ Чадвикъ. Какъ же я могъ отослать его и не предупредить Макдональда?

— Но вамъ незачѣмъ было говорить объ этомъ Аллену! вскричала она.

— Я хотѣлъ предостеречь его, чтобы онъ былъ осторожнѣе, угрюмо проворчалъ Чадвикъ.—Да все это, вѣдь, отговорки. Онъ порѣшилъ съ самаго начала улизнуть, вотъ и все. Я теперь это понимаю.

— Джошуа, сказала его жена,—теперь первымъ дѣломъ онъ вернется сюда.

— Вернется? загремѣлъ Чадвикъ,—вернется! ну пусть попробуетъ... и увидитъ, какъ его примутъ! Клянусь Богомъ, если онъ пожалуетъ сюда, я его выгоню за дверь. Я отрекаюсь отъ него. Онъ больше не сынъ мнѣ. Пусть погибаетъ—мнѣ все-равно. Слышишь, Селина. Никогда не произноси больше при мнѣ его имени. И вы также, обратился онъ къ Марго,—скажите сестрамъ и брату, чтобы они также держали языкъ за зубами. Я не хочу больше слышать про него, скажите имъ, а не то имъ же будетъ хуже.

Онъ всталъ, не докончивъ завтрака, и вышелъ изъ столовой, изо всей мочи хлопнувъ дверью, оставивъ Марго съ матерью, въ страхѣ поглядывавшихъ другъ на друга.

— Это ужасно, милая! сказала, наконецъ, миссъ Чадвикъ.

— Ужасно! повторила Марго,—какъ вы думаете: онъ сдѣлаетъ, какъ говоритъ?

— Твой отчимъ? безъ сомнѣнія. Онъ очень разсерженъ, и не диво. Я его просто боюсь, когда онъ въ такомъ гнѣвѣ. Но... конечно, это очень дурно съ моей стороны, но я рада... ничего не могу съ собой подѣлать. Теперь мы избавились навсегда отъ этого жалкаго мальчика. Еслибы онъ вернулся, то его не примутъ въ домъ.

Марго содрогнулась.

— Мамаша, не говорите такъ... это слишкомъ ужасно! когда я подумаю, что ничего бы этого не было, еслибы...

Она умолкла; она не въ силахъ была договорить.

— Душа моя, я понимаю, какъ ты разстроена. Но нельзя пересказать словами... Я не въ состояніи тебѣ этого выразить... какое отвращеніе внушалъ мнѣ этотъ мальчикъ. Я не могу притворяться, будто не рада тому, что онъ избавилъ насъ отъ себя, хотя, конечно, мнѣ и жаль его—вмѣстѣ съ тѣмъ.

И Марго, хотя она ненавидѣла себя за это, сознавала, что, несмотря на угрызенія совѣсти и жалость къ обманутому, заброшенному Аллену, она чувствуетъ ту же низкую радость и благодарность за то, что не будетъ болѣе жить въ одномъ съ нимъ домѣ и навѣки избавилась отъ него.

Одна только Летиція втайнѣ оплакала горькими и безкорыстными слезами судьбу Аллена. Онъ былъ такъ добръ съ нею въ послѣднее время, ея грубый и вѣчно виноватый братъ! Онъ былъ такъ печаленъ, когда уѣзжалъ! а теперь такъ сильно провинился, и она никогда его больше не увидитъ. Летиція плакала въ этотъ вечеръ до тѣхъ поръ, пока не заснула, думая о бѣдномъ Алленѣ, который далеко, далеко, одинъ на бѣломъ свѣтѣ, всѣми оставленъ, и имя котораго даже запрещено упоминать.

Но больше ни одна слеза не была пролита по Алленѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

И. Тасма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Изъ всѣхъ недовольныхъ замужествомъ Полины, быть можетъ, всѣхъ труднѣе урезонить дядюшку Пузыря. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ того, чтобы она выходила замужъ за Джоржа Драфтона.

Тщетно Полина старается разжалобить его одиночествомъ бѣднаго Джоржа.

— Что стоитъ ему въ такомъ случаѣ жениться на насъ всѣхъ, настаиваетъ неумолимый Пузырь. Пусть женится на мнѣ, на бабушкѣ и на Фифинѣ! Мы всѣ привыкли другъ къ другу, а его я не люблю, онъ совсѣмъ новый.

— Не знаю, что ты хочешь сказать этимъ, Пузырь; вѣроятно то, что ты его еще мало знаешь. Глупенькій! Человѣкъ можетъ жениться только на одной женѣ.

— Неужто? задумчиво вопрошаетъ Пузырь. Въ моей книжкѣ съ арабскими сказками есть человѣкъ: онъ сидитъ на подушкахъ и у него двадцать или тридцать женъ.

— О! но вѣдь это не въ Австраліи. Слушай, что я тебѣ скажу, Пузырь. Будь добръ и послушенъ съ бабушкой, когда я уѣду. Не заставляй ее по два раза выслушивать урокъ изъ Оллендорфа, или искать очковъ или даже говорить: Taistoi, Ernest! когда она читаетъ. А затѣмъ, когда ты будешь умный и хорошій мальчикъ, ты пріѣдешь ко мнѣ. И мы будемъ очень счастливы.

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? отчего?

— Потому что это будетъ не дома.

— Нѣтъ будетъ. Это будетъ у меня дома, не все ли это тебѣ равно.

— Нѣтъ, настаиваетъ Пузырь; твой домъ—здѣсь. О, пожалуйста, Полина, не выходи за м-ра Драфтона на очень долгое время. Я сдѣлаю все, что прикажешь, и буду поливать цвѣты каждый день, но только поскорѣй возвращайся домой, а не то я все брошу.

Какъ убѣдить Пузыря? Полина не рѣшается разбить всѣ его иллюзіи, и Пузырь довѣряетъ пастуху и пастушкѣ изъ севрскаго фарфора, что Полина выходитъ замужъ не на долго за одного человѣка, котораго зовутъ Джоржъ Драфтонъ, потому что ему очень скучно жить одному; но когда онъ съ мамашей соскучится по ней, то напишетъ ей письмо, и она вернется опять къ намъ.

При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ Джоржъ ведетъ свое сватовство. Ребра его зажили и, рыжая лошадка ежедневно привозитъ его въ Beau-Sejour такъ же машинально, какъ машинально ѣстъ отведенную ей порцію овса и сѣна.

Иногда у рыжей лошадки является товарищъ, такъ какъ мы не должны забывать, что высшее воплощеніе прекраснаго для Джоржа это хорошенькая женщина верхомъ на хорошо выѣзженной лошади.

Это самыя счастливыя минуты въ жизни Джоржа. Съ Полиной, въ синей, прекрасно сшитой амазонкѣ, верхомъ на конѣ, выбранномъ для нея самимъ Джоржемъ, онъ готовъ скакать, какъ какой-нибудь краснокожій индіецъ, цѣлую вѣчность.

Онъ говоритъ ей это довольно безсвязно, но Полина заинтересовывается его словами.

— Я думаю, всѣ непремѣнно связываютъ съ мыслью о вѣчномъ блаженствѣ то, что всего милѣе имъ въ жизни, говоритъ она. Человѣкъ также не въ состояніи придумать новой радости, какъ и новаго цвѣта. Я бы желала знать, м-ръ Драфтонъ, какъ вы представляете себѣ загробную жизнь—въ томъ, что касается васъ самихъ, конечно.

— О! я надѣюсь, меня помилуютъ, хотя бы ради моей матушки. *Она* была истинная христіанка, ручаюсь вамъ. Но не бойтесь, Полина, я исправлюсь; даю вамъ слово, прежде

чѣмъ умру. Я буду ходить въ церковь съ молитвенникомъ величиной съ сахарницу. Будьте спокойны.

— Я бы желала, чтобы вы хоть разъ въ жизни поговорили серьезно, м ръ Драфтонъ. Я желаю знать, что вы думаете. Вы серьезно сейчасъ говорили или шутили? Вы дѣйствительно вѣрите въ загробную жизнь, въ которой ждутъ насъ награды или наказанія?

— Каждый вѣритъ въ это, отвѣчаетъ Джоржъ,—ему непріятенъ этотъ допросъ, и онъ поскорѣе спѣшитъ отъ него отдѣлаться. Но сказать вамъ по правдѣ, я никогда объ этомъ не думаю. Я надѣюсь такъ или иначе попасть въ рай и считаю лишнимъ объ этомъ безпокоиться преждевременно.

Полина съ смущеніемъ перебираетъ гриву лошади. Она бы хотѣла, чтобы Джоржъ ее понялъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ она задаетъ ему вопросъ, который, казалось бы, болѣе присталъ кальвинистскому пастору, строго экзаменующему юнаго ревнителя духовнаго званія, чѣмъ молоденькой и неопытной дѣвушкѣ, которая знаетъ только то, что ничего не знаетъ.

— Вы вѣрите въ Библію?

— Честное слово! поспѣшно отвѣтилъ Джоржъ.

Если она этого домогается, то онъ съ радостью можетъ заявить о своей безусловной ортодоксальности.

— Каждому въ ней слову? нетерпѣливо продолжаетъ она допрашивать.

— Каждому! съ тріумфомъ отвѣчаетъ Джоржъ. О! не бойтесь! Я могу имѣть свои недостатки—я вѣдь и не утверждаю, что безгрѣшенъ, но я не такъ думалъ. Я не язычникъ или какъ бишь вы это называете, не невѣрующій. Никто не скажетъ про меня этого, слава Богу, набожно прибавляетъ онъ.

— Значитъ, вы бы не женились на невѣрующей?

— Что вы хотите сказать? говоритъ онъ, съ удивленіемъ на нее взглядывая.

— Мнѣ совѣстно вамъ признаваться въ этомъ; но у меня нѣтъ вѣры; меня одолѣваютъ всякія сомнѣнія, а потому не лучше ли намъ разстаться, пока еще не поздно.

— Разстаться... великій Боже... разстаться, почему?

— Потому, что я невѣрующая! рѣзко произноситъ она, и прежнее строптивое выраженіе появляется въ ея глазахъ и сообщаетъ имъ странный блескъ.

Джоржъ буквально подпрыгиваетъ на сѣдлѣ.

*

— Вы дурачите меня, говоритъ онъ опечаленнымъ голосомъ. Но видя ея серьезное лицо и крѣпко сжатыя губы, вдругъ перемѣняетъ тонъ.

— Мнѣ все-равно, кто вы и что вы. Еслибы вы сказали мнѣ, что убили человѣка, то неужели вы думаете я бы васъ отъ этого разлюбилъ? Вы всегда будете ко мнѣ добры, не правда ли? а больше мнѣ ничего не нужно. Я увѣренъ, вы покаетесь, прежде чѣмъ умрете. Только, слушайте, Полина, не говорите ни съ кѣмъ о религіи. Это, право, не годится, и ради Бога не заводите больше этого разговора. Я по крайней мѣрѣ не желаю больше толковать объ этой матеріи.

Во всю остальную прогулку, Джоржъ былъ, можно сказать, угрюмъ. Еслибы Полина сказала ему, что каждый вечеръ молится по-китайски въ духѣ своего прадѣдушки іезуита, то онъ врядъ-ли былъ бы больше разстроенъ. Ничто не могло убить его любви къ ней. Это чувство срослось съ нимъ. Но ему было непріятно, что она такая „странная“. Онъ извинялъ это тѣмъ, что у нея въ жилахъ течетъ иноземная кровь. Ея бабушка такая же сумасбродка — это несомнѣнно. Онъ долженъ пригласить какое-нибудь почтенное духовное лицо переговорить съ ней.

Полина тоже ѣхала молча, но лицо ея выражало скорѣе безнадежную грусть, чѣмъ угрюмое недовольство.

Отнынѣ ей предстоитъ вести двойную жизнь. Одну для человѣка, которому она обязана тѣмъ, что жизнь все еще имѣетъ цѣну въ ея глазахъ—и тутъ въ сердцѣ ея шевельнулась нѣжность къ нему, когда она вспомнила, какъ онъ спасъ Пузыря—и другую для себя. Объ этой послѣдней—Джоржъ ничего не будетъ знать.

— Да и не хочетъ знать, думаетъ она. Мнѣ было бы пріятнѣе, будь онъ строгимъ пуританиномъ или набожнымъ католикомъ. Потому что тогда все-таки *думалъ* бы и у него былъ бы интересъ въ жизни.

— Madame attend mademoiselle pour le diner, встрѣчаетъ ихъ Фифина, когда они возвращаются съ прогулки.

— Et monsieur aussi, comme de juste, поправляетъ Полина, нахмурясь. Конечно, вы останетесь съ нами обѣдать, м-ръ Драфтонъ, обращается она къ нему.

Джоржъ колеблется. Онъ знаетъ, что присутствіе его непріятно m-me Делонэ, но ему хочется быть съ Полиной, и онъ остается.

Обѣдъ проходитъ не весело. Хозяйка дома не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы оживить его, и Полина чувствуетъ себя такъ, какъ чувствовала въ дѣтствѣ, когда бывало пошалитъ и бабушка молча показываетъ ей, что она недовольна. Но она и не подозрѣваетъ объ истинныхъ чувствахъ старушки. Одному Богу извѣстно, какія терзанія можетъ испытывать гордая и сдержанная натура. Сердце, исходящее кровью, не можетъ раскрыться для любви, которая бы залѣчила рану.

Такимъ образомъ, всѣ обыкновенно веселыя приготовленія къ свадьбѣ доставляютъ вмѣсто радости одни непріятности.

Даже тогда, когда Полина застѣнчиво заговариваетъ о приданомъ, бабушка отвѣчаетъ только:

— Ты хорошо знаешь, что я ничего не смыслю въ туалетѣ. Фифина къ твоимъ услугамъ, развѣ этого недостаточно?

— Да, бабушка, но какъ же на счетъ издержекъ? настаиваетъ Полина,

Ей ненавистно, что приходится говорить объ этомъ.

— Это пустое! устало отвѣчаетъ бабушка. У меня отложено на это двѣсти фунтовъ. На тряпки хватитъ. Деньгами за тобой ничего нѣтъ, м-ру Драфтону это извѣстно. Послѣ моей смерти тебѣ кое-что достанется, но немного..... немного.

Объ отцѣ Полины не заходитъ и рѣчи по той простой причинѣ, что никому неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Въ его послѣднемъ письмѣ изъ Мальты глухо упоминалось о томъ, что онъ оставляетъ службу... съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ пересталъ писать. Такимъ образомъ оказывается, что изъ всѣхъ обитателей Beau-Séjour одно только лицо чувствуетъ себя безусловно довольнымъ—это Фифина. Ей дана carte blanche ѣздить по магазинамъ, выбирать и заказывать все нужное. Даже совѣщанія съ модисткой выпадаютъ главнымъ образомъ на ея долю. И никогда еще Фифина не сознавала себя такимъ важнымъ лицомъ. Она съ утра до ночи разъѣзжаетъ въ извощичьей каретѣ рядомъ съ Полиной и толкуетъ про „chiffons encore des chiffons et toujours des chiffons“.

IX.

Время, несущееся такъ быстро, когда мы счастливы, проходитъ еще быстрѣе, когда насъ ожидаетъ событіе, предотвратить которое не въ нашей власти.

И вотъ наступилъ наконецъ канунъ дня назначеннаго для свадьбы Полины.

Весь день Полина безпокойно бродила по дому, увѣряя и увѣряя себя, что собираетъ различныя дорогія ей вещицы, чтобы уложить ихъ и взять съ собой. Весь день она подкрѣпляла себя мыслью: „онъ такъ любитъ меня! Я всѣмъ ему обязана“!

Если природа въ ней возмущалась и заявляла: „бабушка права! Ты ему не пара“, она заставляла молчать природу, „Пустое! Я сживусь съ нимъ. Бабушка увидитъ, что я счастлива. У мужа съ женой такъ много общихъ интересовъ. Когда я буду матерью, до того ли мнѣ будетъ, чтобы разсуждать съ Джоржемъ по вечерамъ о богословіи или солнечной системѣ“.

Уже поздно, когда весь багажъ уложенъ. Его отсылаютъ на завтра съ пароходомъ въ Мельбурнъ. М-ръ и м-съ Драфтонъ должны выѣхать въ тотъ же день. Они ѣдутъ сухимъ путемъ въ Мельбурнъ, и это замѣнитъ имъ свадебную поѣздку. Джоржъ купилъ новый фаэтонъ. Онъ самъ будетъ править парой выбранныхъ имъ лошадей.

Полина сшила себѣ дорожный костюмъ изъ темной матеріи, какой присталъ бы развѣ шестидесяти-лѣтней матронѣ.

Въ ночь наканунѣ свадьбы Полина тщетно старается уснуть. Преступникъ, ожидающій на завтра казни, не могъ бы быть безпокойнѣе и нервнѣе.

Когда наступаетъ моментъ ѣхать въ церковь, громкій плачъ Пузыря сопровождаетъ Полину до самой кареты, куда она садится вмѣстѣ съ бабушкой.

Полина не рѣшается взглянуть въ убитое лицо бабушки. Она застѣнчиво кладетъ руку ей на колѣни, но бабушка не трогается.

— Слишкомъ поздно, говоритъ она.—Ты нанесла рану и исцѣлить ее не въ силахъ.

— Но вѣдь вышла бы я замужъ рано или поздно, бабушка? оправдывалась Полина.

Кучеръ растворилъ дверь кареты. Двое или трое прохожихъ остановились поглядѣть на невѣсту.

— Хуже ты не могла бы выбрать! отвѣтила бабушка.

И вотъ послѣднія слова, которыя услышала Полина Вейверъ, входя въ церковь на встрѣчу Джоржу Драфтону.

Съ этого момента и во все время, какъ длилась церемонія, она была вполнѣ спокойна. Джоржъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но Полина какъ бы утратила сознаніе своей личности. Ей казалось, что она переселилась въ кого-то другаго и живетъ за него. Была минутка замѣшательства, когда клерджименъ спросилъ:

— Кто отдаетъ эту женщину замужъ за этого мужчину?

Полина такъ явно сама выдавала себя замужъ, что бабушка не нашлась сразу отвѣтить на этотъ вопросъ.

Но ей предстояло выпить чашу горечи до дна. Она выступила впередъ и, въ душѣ протестуя всѣми силами, на видъ добровольно отдала внучку Джоржу.

Въ то время, какъ всѣ находились въ церкви, Фифина завладѣла Пузыремъ.

Когда новобрачные и бабушка вернулись домой, то они нашли этого мальчика, дожидавшагося на лѣстницѣ въ черномъ бархатномъ костюмѣ.

Не случись, что клерджименъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскимъ человѣкомъ, такого унылаго квартета не видывали бы за свадебнымъ завтракомъ. Джоржъ приказалъ, чтобы фаэтонъ стоялъ у дверей дома черезъ часъ послѣ бракосочетанія.

За столомъ m-me Делонэ по обыкновенію сѣла на хозяйскомъ мѣстѣ. Полина усѣлась рядомъ съ мужемъ. Пузырь съ клерджименомъ сѣли напротивъ.

Полина слышитъ, что кто-то назвалъ ее м-съ Драфтонъ. Она вздрагиваетъ, но не отвѣчаетъ. Она видитъ, какъ Фифина вкладываетъ ей въ руку серебряный ножъ и подвигаетъ бѣлоснѣжный свадебный пирогъ, чтобы она его разрѣзала. Она слышитъ, какъ мягкій голосъ клерджимена обращается то къ m-me Делонэ, то къ Джоржу, но ей кажется, что у нея уши заложены ватой. Она слышитъ, какъ Пузырь проситъ, чтобы ему дали еще пирога, и смутно чувствуетъ удовольствіе.

Пирогъ на ея вкусъ кажется точно изъ картона, и его трудно проглотить. И вообще все, что происходитъ кругомъ— не реально. Это какой-то странный сонъ. Когда бабушка встаетъ, она тоже встаетъ и машинально идетъ за ней. Фифина опережаетъ ее, и темный дорожный костюмъ уже приготовленъ въ спальнѣ.

Джоржъ и клерджименъ остаются внизу. Пузырь тоже, утѣ-

шенный пирогомъ на нѣкоторое время. Джоржъ глядитъ въ окно, дожидаясь фаэтона, и чувствуетъ, какъ кто-то возлѣ него лѣзетъ на стулъ и, оглянувшись, видитъ личико Пузыря рядомъ со своимъ.

Дитя улучило удобную минуту.

Клерджименъ поглощенъ созерцаніемъ мѣдно-краснаго ландшафта, приписываемаго Клоду Лоррену. Спина его повернута къ окну, и Пузырь воображаетъ, что его звонкій голосокъ слышенъ только Джоржу.

— Полина, моя племянница, начинаетъ онъ, задыхаясь отъ того, что наѣлся пирога и взлѣзъ на стулъ. — Развѣ у васъ нѣтъ своей собственной племянницы? Зачѣмъ вы хотите увезти мою?

Его голубые глаза устремлены на Джоржа съ неуклонной зоркостью дѣтскаго взгляда.

— Но она теперь моя жена, голубчикъ; м-съ Драфтонъ— вотъ какъ теперь ее зовутъ... вашу племянницу... м-съ Драфтонъ! слышите! Полина Вейнеръ больше не существуетъ, слава Богу!

Невольное торжество звучитъ въ голосѣ Джоржа. Его удивляетъ ненависть, сверкающая въ глазахъ Пузыря, и немного забавляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ.

— Не горюй, крошка; ты добрый мальчикъ, и я какъ-нибудь возьму тебя къ намъ, чтобы ты могъ пожить съ Полиной. И ты будешь также ѣздить верхомъ, развѣ ты не радъ?

— Полина не останется съ вами навсегда, говоритъ ребенокъ съ гнѣвомъ.

Онъ игнорируетъ дружескія попытки м-ра Драфтона.

— Она говоритъ, что поживетъ съ вами немного, а затѣмъ вернется къ намъ.

Онъ скорехонько слѣзаетъ со стула, чтобы Джоржъ не увидѣлъ слезъ, готовыхъ снова брызнуть у него изъ глазъ. Джоржъ хочетъ его удержать, но онъ вырывается и убѣгаетъ въ гостиную, гдѣ пастухъ и пастушка съ каменными лицами взираютъ на его дѣтское отчаяніе.

Фаэтонъ подъѣзжаетъ къ дверямъ, и Джоржъ забываетъ свою минутную досаду. Полина тоже увидѣла его и впервые послѣ того, какъ она вступила въ церковь, сознаніе ея личности возвращается къ ней, и она жалобно обращается къ бабушкѣ:

— Бабушка, сжальтесь! Я поступила такъ, какъ считала

за лучшее! Улыбнитесь хоть разокъ: пусть мнѣ вспоминается ваше лицо улыбающимся, бабушка, милая! Мысль, что я доставила вамъ страданія, будетъ непрерывно угнетать меня. Я не могу оставить васъ такою. Бабушка... пожалѣйте меня!

Она заплакала навзрыдъ, какъ Пузырь.

Садовникъ изъ ссыльно-поселенцевъ сходитъ съ лѣстницы съ дорожнымъ чемоданомъ. Слышно, какъ Джоржъ весело суетится внизу, въ сѣняхъ.

— Ну, проворнѣе! пора! есть еще что-нибудь для укладки подъ сидѣнье?

— Онъ зо...оетъ меня, рыдаетъ Полина, а вы не хотите улыбнуться!

Она чуть не выкрикиваетъ эти слова.

М-me Делонэ воспиталась въ школѣ страданія. У нея больше самообладанія, чѣмъ у ея внучки. Весь гнѣвъ въ ней растаялъ. Остается одна только жалость.

— Allons, ma petite! du courage! ты будешь писать мнѣ и въ письмахъ изливать душу, не правда ли? И запомни вотъ что, Полина: пусть весь свѣтъ будетъ противъ тебя, но если ты не будешь счастлива, возвращайся ко мнѣ. А теперь пойдемъ, дитя мое, кротко зоветъ она. Тебя дожидаются. Успокойся, моя милочка. Я улыбнусь тебѣ, когда вы поѣдете.

М-me Делонэ находитъ Джоржа дожидающимся внизу лѣстницы.

— Она идетъ, m-er Жоржъ, и скороговоркой прибавляетъ: вы будете добры къ ней, не правда ли?

Трудно выразить, какихъ усилій и самоотверженія стоитъ ей это воззваніе къ своему врагу-побѣдителю.

Джоржъ отвѣчаетъ отъ глубины души.

— Не бойтеся, madame Делонэ! Я знаю, что я ея не стою, но я заслужу.

И послѣ того Полина въ темномъ платьѣ сходитъ, рыдая, съ лѣстницы.

Но худшее изъ испытаній еще впереди. Когда она дошла до дверей сѣней, Пузырь бросается къ ней и обхватываетъ ея шею обѣими ручками, а ноги замыкаетъ вокругъ ея таліи и прицѣпляется къ ней со всей силой отчаянія.

— Возьми меня съ собой, Полина, возьми меня и мамашу! М-ръ Драфтонъ, пожалуйста, позвольте и намъ ѣхать... пожалуйста, пожалуйста, не оставляйте насъ здѣсь. Полина, не уѣзжай, не уѣзжай!

Жалобный крикъ его: не уѣзжай! звучитъ съ ушахъ Полины даже послѣ того, какъ она усѣлась въ фаэтонъ, рядомъ съ мужемъ, и онъ застегнулъ фартукъ.

Дѣти большіе эгоисты сравнительно во взрослыми. Когда Полина бросаетъ послѣдній взглядъ на бабушку, въ то время какъ Джоржъ подбираетъ возжи, m-me Делонэ принуждаетъ себя улыбнуться. Жалкая то улыбка, скорѣе тѣнь улыбки, но она обозначаетъ миръ и прощеніе. Послѣ того фаэтонъ трогается съ мѣста, и Полина сознаетъ, что добровольно оставила свой домъ въ горести и слезахъ. Слезы ея смущаютъ Джоржа.

— Полина, радость моя, любовь моя, ради Бога не плачь!

— Я утѣшусь со временемъ, м-ръ Драфтонъ, говоритъ Полина подергивающимися жалобно губами, но теперь исполните мою первую просьбу. Не говорите со мной и не обращайте на меня вниманія впродолженіи получаса. Представьте, что возлѣ васъ неодушевленный предметъ.

— Я не могу представить себѣ невозможнаго, отвѣчаетъ Джоржъ, но если хотите, не буду глядѣть на васъ до тѣхъ поръ, пока вы не перестанете плакать. Довольны вы?

И при наступившемъ затѣмъ молчаніи Джоржу ничего не остается больше, какъ насвистывать „Томми Доддъ“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Роскошная резиденція Джосіи Карпа была первымъ эталомъ молодой четы.

Поведеніе Полины со дня прибытія ея вмѣстѣ съ мужемъ на виллу дядюшки служило неисчерпаемымъ источникомъ для удивленія и всякихъ злостныхъ предположеній для м-ра Карпа.

До сихъ поръ мы видѣли ее подъ вліяніемъ самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ.

Теперь борьба была окончена. Ей оставалось только примѣняться къ новымъ условіямъ жизни.

— Красивая дѣвочка! но съ какой стороны ни посмотри, все-таки ребенокъ! заявила экономка м-ра Карпа на конклавѣ слугъ въ людской.

„Она себѣ на умѣ! но я ее изловлю! говорилъ самому себѣ м-ръ Карпъ въ курительной комнатѣ. Я ее наизнанку выверну!“

Я привожу сперва вердиктъ слугъ, потому что онъ снисходительнѣе.

И вотъ съ цѣлью изловленія молодой жены племянника, Джосія не спускалъ съ нея внимательныхъ глазъ, стоило ей только поднять глаза за обѣдомъ съ сверкающаго серебромъ стола, и она неизмѣнно встрѣчала подозрительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восхищенный взглядъ сѣрыхъ выпуклыхъ глазъ дядюшки, сидѣвшаго какъ разъ напротивъ. Когда бы она ни вышла изъ своей комнаты, она непремѣнно натыкалась на м-ра Карпа, спѣшившаго юркнуть съ какую-нибудь боковую дверь.

Мѣстомъ убѣжища для нея служилъ небольшой балконъ въ ея спальнѣ, съ видомъ на отдаленный заливъ и напоминавшій ей немного балконъ въ Beau-Séjour. Когда Джоржъ отлучался въ городъ, Полина запирала на ключъ свою дверь—чего прежде ей никогда и въ голову не приходило—брала книгу и садилась на балконъ ждать мужа.

Сидя тамъ однажды послѣ полудня, она выпустила книгу изъ рукъ и, положивъ голову на баллюстраду, крѣпко задумалась. Думы ея невеселаго свойства, какъ вдругъ она услышала возгласъ „ку-ку“ изъ-подъ балкона, и въ тотъ же моментъ Джоржъ бросилъ черезъ баллюстраду ей апельсинъ на колѣни. Она вскочила и побѣжала отпереть дверь, стараясь принять болѣе веселое выраженіе, въ то время какъ мужъ всходилъ по лѣстницѣ.

Онъ шумно вошелъ и звонко поцѣловалъ жену, по своему обыкновенію.

— А теперь, старушка, я хочу, чтобы ты людей посмотрѣла и себя показала, сказалъ онъ, подходя къ зеркалу и снимая жилетъ. Мы какъ разъ успѣемъ на четырехъ-часовой поѣздъ въ Соутъ-Ярръ.

— Я охотно поѣду—нельзя ли мнѣ ѣхать такъ, какъ есть, Джоржъ?

Она останавливается передъ нимъ, въ надеждѣ, что онъ одобритъ ея костюмъ изъ мягкой сѣрой матеріи. Голубая лента, завязанная бантомъ у ворота, и два голубыхъ бантика у манжетокъ смягчаютъ квакерскій характеръ платья.

— Я надѣну сверху черную бархатную кофточку, которую

ты такъ любишь, и мою сѣрую поярковую шляпу, и право это будетъ хорошо.

— Ну вотъ ты всегда такъ, отвѣчаетъ раздражительно мужъ. Когда я хочу, чтобы принарядилась, ты всегда говоришь: хорошо и такъ! Нѣтъ, ужь пожалуйста, одѣнься такъ, чтобы всѣ ротъ разинули, а то и ѣхать не стоитъ.

Полина уходитъ и неохотно перебираетъ туалеты, искусно уложенные въ гардеробъ ловкими руками Фифины. Она не равнодушна къ нарядамъ и къ восхищенію, которое они возбуждаютъ, а женщина тогда только охотно наряжается, если ей хочется нравиться.

Полина знаетъ, что въ толпѣ людей, среди которыхъ она явится въ своемъ лиловомъ шелковомъ платьѣ, нѣтъ ни одного человѣка, одобреніемъ котораго она дорожила бы. Она сама порой удивляется внезапной апатіи, овладѣвшей ею, и полному равнодушію къ новымъ лицамъ и обстановкѣ.

— Кстати, Полина, говоритъ Джоржъ, пріостанавливаясь чистить щеткой свой сюртукъ, пришла почта изъ Сиднея. И, кажется, тебѣ есть письмо. Куда только я засунулъ его, желалъ бы я знать!

— О, Джоржъ!

Лиловое платье летитъ на полъ и двѣ бѣлыхъ ручки протягиваются за письмомъ.

— Куда, чортъ, я его дѣлъ! восклицаетъ Джоржъ, шаря въ карманахъ въ то время, какъ Полина тревожно слѣдитъ за нимъ.

— Не томи меня, проситъ она.

— Ну вотъ тебѣ! восклицаетъ наконецъ Джоржъ, вынимая изъ кармана золотообрѣзный конвертъ, измазанный чернилами.

— И знаешь что, Полина! напиши-ка своимъ и скажи, чтобы они подписывали сами конверты за Пузыря! А то, увѣряю тебя, ты станешь посмѣшищемъ для слугъ!

Глаза Полины, омоченные слезами нѣжности, слѣдятъ тѣмъ временемъ за неуклюжими буквами, выведенными ручкой Пузыря.

„Я хочу, чтобы ты вернулась; я не хочу, чтобы ты тамъ оставалась такъ долго. Я хочу, чтобы ты сказала почтальону, въ какой день ты вернешься“.

Таково, съ подобающими орѳографическими ошибками, содержаніе посланія Пузыря. Полина затверживаетъ его на

память, прежде чѣмъ отвѣтить Джоржу. Затѣмъ, облекаясь въ лиловый шелкъ, замѣчаетъ ледянымъ тономъ:

— Очень жаль, что слуги такъ строги насчетъ каллиграфіи. Но я бы совѣтовала, въ такомъ случаѣ, внушить имъ обратить вниманіе на каллиграфію твоего дядюшки.

Джоржъ не въ силахъ отвѣтить сердито. Онъ наблюдаетъ за тѣмъ, какъ застегивается лиловое шелковое платье. Ну развѣ можно сердиться на такою хорошенькую жену!

Онъ хохочетъ надъ ея обидчивостью.

— Ну, ну! ужь и разсердилась! Стоитъ только затронуть Пузыря, и ты сейчасъ вспылишь! Желаю, чтобы ты такъ же жарко вступалась и за своего мужа.

Полина прерываетъ его предостереженіемъ, что нельзя терять больше ни минуты времени, и они проходятъ черезъ садъ до станціи желѣзной дороги.

Быть можетъ, жизнь казалась бы не такъ несносна Полинѣ, еслибы мужъ выказывалъ чуть-чуть болѣе способности примѣняться къ ея вкусамъ. Но Джоржъ слишкомъ спѣшитъ похвастаться своимъ призомъ и вовсе не думаетъ о томъ, пріятно это призу или нѣтъ.

Коллинсъ-Стритъ была полна народу въ то время, какъ они проходили по ней; цѣлая вереница экипажей тянулась по ней и густые ряды пѣшеходовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ. Джоржъ особенно старательно раскланивался со всѣми, когда Полина шла около него. Онъ бомбардировалъ ее замѣчаніями:

— Взгляни черезъ улицу, поскорѣе! Вотъ, кланяется намъ! Постой, Полина, погляди въ это окно! Я хочу, чтобы онъ видѣлъ тебя! Господи!—тономъ досады—отчего ты не поклонилась Кутему?

— Развѣ это м-ръ Кутемъ? да вѣдь я его не знаю.

— Не знаешь его! когда я тебѣ намедни его представилъ? Онъ ужасно обидчивъ! Гляди, гляди, вонъ идетъ Шекемъ. Онъ мнѣ товарищъ по Мельбурнскому клубу. Я его обыгралъ въ послѣдній разъ, какъ былъ въ городѣ.

Эти и подобнаго рода свѣдѣнія сообщаются Полинѣ въ промежутокъ между поклонами. Полина узнаетъ, у кого лошадь готовится взять призъ на скачкахъ, кто готовитъ тысячу фунтовъ, кто гоняется за богатыми невѣстами, причемъ, впустивъ эти свѣдѣнія въ одно ухо, она тутъ же выпускаетъ ихъ въ другое.

Когда они огибали уголъ Квинъ-Стритъ, Джоржъ остано-

вился и, повидимому, совѣщался съ самимъ собой, прежде чѣмъ сказать:

— Послушай, Полина, мнѣ очень хочется затащить тебя на конный дворъ на минутку. Ты не прочь, не правда ли? Сегодня торга нѣтъ, и я тебя не задержу. Но я хочу, чтобы ты видѣла двухгодовалую лошадку, которую я купилъ тамъ сегодня утромъ—зовутъ ее Паника, просто звѣрь-лошадь, увидишь, я нанялъ матроса, чтобы доставить ее въ помѣстье! Ты въ жизни не видѣла такого звѣря.

Полина выражаетъ готовность идти, куда Джоржу угодно, и слѣдуетъ за нимъ въ татерсаль, расположенный на концѣ улицы Боркъ. Ей приходится теперь впервые въ жизни познакомиться съ существованіемъ достойныхъ кентавровъ, какое ведутъ нѣкоторые изъ ея ближнихъ. Люди съ особаго рода бичемъ, обвернутымъ вокругъ таліи, бѣгаютъ взадъ и впередъ, а грумъ, съ засученными рукавами, чиститъ лошадь въ углу двора.

Гордый своимъ пріобрѣтеніемъ, Джоржъ почти забываетъ наблюдать, смотрятъ ли на его жену. Онъ приказываетъ провести коня передъ нимъ.

— Для лошадки ея лѣтъ, объявляетъ онъ Полинѣ, Паника самая замѣчательная лошадь, какую я видѣлъ. Это я говорю между нами, но я увѣренъ, что рано или поздно возьму главный призъ съ нею на скачкахъ въ Мельбурнѣ.

Все это такъ странно для Полины. Она не рѣшается дѣлать никакихъ замѣчаній, боясь, какъ бы Джоржъ не посмѣялся надъ ея невѣжествомъ при всѣхъ присутствующихъ.

Она наивно замѣчаетъ, что у лошади красивая масть и хорошенькое имя, и тутъ ея глаза останавливаются на человѣкѣ, который держитъ лошадь подъ уздцы. Этотъ человѣкъ до того не похожъ на окружающихъ лошадниковъ, что это ее поражаетъ, какъ забавный контрастъ. Тяжелый, неуклюжій малый, въ грязномъ темномъ сьютѣ, со щеками, напоминающими Полинѣ пуддингъ съ зажженнымъ ромомъ, глазами, точно двѣ черныхъ смородины, и растрепанными, взъерошенными волосами.

— Потише, потише, любезная, хрипло говоритъ онъ, когда лошадка ставитъ копыто ему на ногу; ты не знаешь морскаго артикула, голубка, а то бы не наступала на такого стараго волка, какъ я.

Онъ говоритъ съ вкрадчивой хитростью лисицы въ сказкѣ

Гримма, которая должна была проглотить кусокъ мѣла, прежде чѣмъ маленькіе козлятки повѣрили, что она старая коза, ихъ мать.

— Тебѣ придется глядѣть въ оба за лошадкой, дружище, когда ты поведешь ее, говоритъ Джоржъ. Я самъ приду завтра утромъ и условлюсь съ тобой. Если ты доставишь ее въ порядкѣ, то не будешь въ убыткѣ, и когда бы я тебѣ ни понадобился, можешь справиться обо мнѣ въ конторѣ гг. Кевиль и Карпъ, на Флиндерсъ-Ленѣ, м-ръ Джосія Карпъ, знаешь — это мой дядя...

Глаза, похожіе на черныя смородины, засверкали.

— Благослови васъ Богъ, сэръ, мнѣ знакомо имя Карпа не первый разъ—трезвый, твердый человѣкъ, этотъ Карпъ—смородины совсѣмъ было спрятались – щедрый, откровенный человѣкъ, не правда ли?

И смородины совсѣмъ исчезли.

Джоржъ не знаетъ, браниться ли ему или смѣяться; но смородины снова раскрылись и устремились съ такой отеческой нѣжностью на Полину, что Джоржъ умилостивился.

— Порохъ, обращается онъ къ матросу, эта лэди—м-съ Драфтонъ, моя жена.

Порохъ, съ неестественно степеннымъ выраженіемъ отставляетъ одну ногу назадъ, точно собирается сдѣлать реверансъ, и вдругъ нагибаетъ голову такъ, что взъерошенные волосы падаютъ ему на глаза.

Но не фигура неуклюжая, не нелѣпый поклонъ привлекаютъ вниманіе Полины. Ее поражаетъ взглядъ, выражающій собачью преданность, устремленный на нее человѣкомъ съ глазами, какъ черная смородина.

И хотя она не такъ одинока, чтобы думать, что ей когда-нибудь понадобится дружба Пороха, однако она чувствуетъ себя бодрѣе, уходя съ коннаго двора, чѣмъ когда пришла туда.

— Онъ вѣроятно знаетъ корабль папаши, говоритъ она, когда они отошли отъ коннаго двора? Мнѣ бы хотѣлось разспросить его объ этомъ. Увижу ли я его когда-нибудь въ Рубріи, Джоржъ?

— Очень вѣроятно, милая. Но пора намъ подумать и о домѣ. Что скажешь, если мы завтра тронемся въ путь?

— Какъ хочешь, Джоржъ, разсѣянно отвѣчаетъ она.

— Какъ я хочу! повторяетъ Джоржъ, что жъ, Полина!

Ты слишкомъ мало воли давала мнѣ, пока мы не женились, а теперь, кажется, совсѣмъ утратила свою волю. Развѣ тебя не интересуетъ поглядѣть на свой домъ?

— Да; я рада ѣхать, и знаешь, что, Джоржъ, понижая голосъ, прибавляетъ она, твой дядя—чистый для меня кошмаръ.

— О! онъ старая бестія. Я разъ поймалъ, какъ онъ глядѣлъ на тебя. Честное слово, Полина, еслибы я думалъ, что онъ хоть словечкомъ обидѣлъ тебя, я бы его порядкомъ проучилъ!

— Онъ никогда ни слова не сказалъ обиднаго, а только...

— Только что? нетерпѣливо повторяетъ ея мужъ. Говори скорѣй!

— Только... онъ мнѣ не по душѣ.

Полинѣ не хочется сознаться, что взгляды Джосіи пугаютъ ее. Онъ такъ глядитъ на нее, когда приходитъ почта изъ Сиднея, что у нея морозъ подираетъ по кожѣ.

Преслѣдуя свой планъ объ изловленіи жены племянника, онъ дѣлаетъ собственные выводы изъ того, какъ проясняется ея лицо, когда ей подаютъ письма изъ дома. Можетъ ли такой человѣкъ, какъ м-ръ Карпъ, повѣрить, чтобы страницы, исписанныя мелкимъ французскимъ почеркомъ бабушки, или крупныя каракули маленькаго мальчика могли заставить такъ дрожать ея губки, въ то время какъ она распечатываетъ конвертъ?

II.

У м-ра Карпа парадный обѣдъ. Онъ приглашаетъ гостей безъ всякаго подбора. У него въ обычаѣ звать разъ въ мѣсяцъ своихъ знакомыхъ въ алфавитномъ порядкѣ, игнорируя всѣ политическія разногласія между людьми, фамилія которыхъ начинается съ Б, или личныя размолвки между тѣми, которые подходятъ подъ рубрику В.

Онъ признавалъ своими знакомыми только такихъ людей, которые были богаты и именити на столько, чтобы приглашать его въ свою очередь и поддерживать тонъ скучной посредственности, господствующій на обѣдахъ м-ра Карпа.

Подозрительный взглядъ Джосіи съ безпокойствомъ остановился бы на каждомъ гостѣ, который былъ бы на столько краснорѣчивъ или талантливъ, чтобы оживить плоскую бол-

товню или придать ей менѣе пошлое направленіе. Онъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ презрѣнія ко всякимъ проявленіямъ, которыя отзывались мастерствомъ. Артистъ былъ въ его глазахъ нереспектабельнымъ.

Джоржъ, припоминая непроходимую скуку, царствующую на дядиныхъ обѣдахъ, предупредилъ жену, что ее ждетъ вечеръ, на которомъ ей придется подавлять зѣвоту.

Онъ ждалъ ее внизу лѣстницы и показался Полинѣ съ своей стройной, мускулистой фигурой, облеченной въ ортодоксальный черный фракъ, съ свѣтлыми усами, оттѣняющими загорѣлое лицо, красивѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Сама она была въ бѣломъ платьѣ съ приколотыми къ нему цвѣтами красной герани, и Джоржъ сознавалъ, входя подъ руку съ женой въ гостиную дяди, что ея царственная наружность не можетъ не произвести эффектъ.

Ожиданія его не были обмануты. Невольное оживленіе и устремленные со всѣхъ сторонъ глаза на Полину, въ то время какъ она проходила по комнатѣ, опьяняли Джоржа. Онъ видѣлъ, когда она усѣлась на мѣсто, какъ любопытство боролось съ приличіемъ у всѣхъ присутствующихъ, и съ торжествомъ перехватилъ взглядъ жесткихъ глазъ Джосіи, украдкой устремлявшихся на жену.

Полина, которой всѣ здѣсь были не знакомы, успѣла въ въ одну минуту сдѣлать кучу наблюденій.

Преобладающій цвѣтъ въ салонѣ м-ра Карпа былъ желтый; въ немъ безусловно отсутствовало все, что могло бы перенести человѣка въ міръ фантазіи, какъ въ салонѣ Beau-Séjour. Золотыя рамы картинъ были цѣннѣе самыхъ картинъ. Вкусъ обойщика собралъ все, что только мода измыслила по части креселъ, диванова и кушетокъ въ этомъ покоѣ продолговатой формы, и покрылъ полъ ковромъ съ блеклыми листьями, позолотилъ карнизы и снабдилъ каминъ золотой рѣшеткой.

— Но все же салонъ красивъ, думала Полина; онъ представляетъ родъ матеріальнаго воплощенія духа Джосіи, занятаго исключительно добываніемъ денегъ.

Переходя отъ помѣщенія къ гостямъ, Полина видѣла ту же печать богатства рѣшительно на всѣхъ присутствующихъ, на добродушныхъ, раздобрѣвшихъ маменькахъ, на тоненькихъ миссъ, закутанныхъ въ дорогія ткани, на цвѣтущихъ папенькахъ, съ такимъ благодушнымъ видомъ отвѣчающихъ на всѣ

вопросы, что никому и въ голову не придетъ, что они пилили своихъ женъ до слезъ передъ тѣмъ, какъ пріѣхали сюда.

Вслѣдъ за тѣмъ вниманіе ея переносится на самаго м-ра Карпа. Она чувствуетъ, что какой-то скрытый огонь горитъ въ этомъ грузномъ тѣлѣ; онъ непріятно сверкаетъ въ его глазахъ, и Полина невольно сравниваетъ его съ волкомъ въ сказкѣ о Красной Шапочкѣ, когда она глядитъ на него.

Она замѣчаетъ, что онъ очень вѣжливъ съ своими гостями и встрѣчаетъ ихъ поперемѣнно фразами.

— Какъ поживаете? или—какъ ваше здоровье? Но размышленія ея прерваны появленіемъ джентльмена, котораго м-ръ Карпъ представилъ ей подъ именемъ м-ра Пиппина.

— И я оставлю васъ подъ его крылышкомъ, прибавилъ Джосія, разумѣя подъ этимъ, что онъ поведетъ ее къ столу.

Взглянувъ на джентльмена, именуемаго Пиппиномъ, Полина поскорѣе опустила глаза, чтобы не улыбнуться, до того ей показалось забавнымъ, что человѣкъ съ такой наружностью носилъ такую фамилію. М-ръ Пиппинъ [1]) отличался такими круглыми и розовыми щеками, какъ у мальчика, хотя ему было уже за сорокъ лѣтъ. Длинныя рѣсницы Полины почти касались ея щекъ, когда она сидѣла около него. Она ни за что на свѣтѣ не хотѣла выдать внутренній смѣхъ, душившій ее въ эту минуту.

Румяный м-ръ Пиппинъ имѣлъ сострадательную душу. Онъ не разслышалъ фамиліи Полины и принялъ ее за застѣнчивую барышню, впервые, быть можетъ, появляющуюся на парадномъ обѣдѣ. М-ръ Пиппинъ рѣшилъ ободрить ее. Съ точки зрѣнія закоренѣлаго холостяка, онъ привыкъ снисходительно глядѣть на очень молоденькихъ, очень наивныхъ дѣвочекъ.—Жаль только, думалъ м-ръ Пиппинъ, что съ ними нужно разговаривать.

Онъ предпосылалъ всякой фразѣ, съ которой обращался къ женщинамъ всѣхъ возрастовъ, слова:—позвольте вамъ сказать—и уже затѣмъ говорилъ то, что хотѣлъ сказать.

Свои милосердныя намѣренія относительно Полины онъ не могъ выполнить, прежде чѣмъ не подалъ ей руку и не увлекъ въ потокъ, который стремился въ столовую.

За столомъ онъ очутился рядомъ съ нею подъ сѣнью массивной золотой вазы, поднесенной Джосіи, какъ президенту Общества охраненія общественной нравственности.

---

[1]) *Pippin*—ранетовое яблоко.

Джоржъ, сидѣвшій какъ разъ напротивъ, рядомъ съ одной изъ богатыхъ невѣстъ, на которую зарился для него Джосія, злился на эту глупую вазу, потому что она заставляла его нагибаться всторону, всякій разъ какъ ему хотѣлось взглянуть на жену. Когда тарелки изъ-подъ супа были унесены, м-ръ Пиппинъ прочистилъ горло.

— Позвольте мнѣ спросить васъ, мисъ... гм!.. гм!.. это вашъ первый визитъ въ Мельбурнъ? Я понялъ изъ словъ м-ра Карпа, что вы обитаете въ Сиднеѣ.

Полина храбро глядитъ, минуя румяныя щеки, въ добрые, мигающіе глаза.

— Да; до сихъ поръ я всю жизнь жила въ Сиднеѣ.

— Что могло быть очень не продолжительнымъ періодомъ времени, позвольте вамъ замѣтить, галантно возразилъ м-ръ Пиппинъ. Я ошибаюсь, предполагая, что вы пріѣхали сюда просто для одного развлеченія или же высшее достоинство нашихъ учебныхъ заведеній повліяло на ваши мотивы?

Смѣхъ Полины при этихъ словахъ заставляетъ Джоржа выглянуть изъ-за вазы, точно онъ играетъ съ женой въ прятки.

— Извините, что я смѣюсь, пожалуйста, но вы, кажется, принимаете меня за пансіонерку.

Она никакъ не можетъ сдержать улыбки; губы ея невольно раздвигаются и открываютъ два ряда бѣлыхъ зубковъ.

М-ръ Пиппинъ чувствуетъ себя не въ авантажѣ.

— Я предполагалъ нѣчто въ этомъ родѣ, но съ вашего позволенія беру свои слова назадъ. Но извините, если я спрошу, что такого чрезмѣрнаго въ моемъ предположеніи?

— Ничего... но только я замужемъ, отвѣчаетъ Полина вдругъ становясь серьезной.

Румяный джентльменъ вздрагиваетъ.

— Я прошу прощенія... я хотѣлъ... я не могъ предположить... Осмѣлюсь спросить, какъ васъ зовутъ?

— Полина... то-есть м-съ Драфтонъ, поправляется она, подавляя вздохъ.

М-ръ Пиппинъ заглядываетъ за вазу.

— А это м-ръ Драфтонъ напротивъ насъ?

— Это м-ръ Драфтонъ.

Румяный человѣкъ на время примолкаетъ.

Полина оглядываетъ столъ, но поспѣшно отворачивается, встрѣчая взглядъ м-ра Карпа. М-ръ Пиппинъ, оправившись

отъ смущенія, овладѣвшаго имъ, когда онъ узналъ, что эта юная дѣвица, которую онъ жалѣлъ, замужемъ, снова проявляетъ наклонность къ задушевной бесѣдѣ.

— А какъ вамъ нравится, смѣю спросить, Мельбурнъ?

— Я еще не могу этого сказать, отвѣчаетъ Полина, такъ серьезно, какъ будто этотъ вопросъ уже обсуждался ею. Я знаю, что мнѣ въ немъ не нравится, но не могу сказать, чтобы мнѣ что-нибудь нравилось... пока.

М-ръ Пиппинъ чувствуетъ себя вправѣ задать еще одинъ вопросъ.

— Позвольте попросить васъ указать, что вамъ не нравится, а затѣмъ я буду надѣяться, что на все то, о чемъ вы умолчите, вы смотрите благопріятнымъ окомъ... съ отрицательной, разумѣется, точки зрѣнія.

— Ну такъ, если хотите знать, мнѣ не нравится—я забыла, какъ называется—да! Блокъ! и не нравится уголъ улицы Борка, напротивъ почтовой конторы... и не нравится ни одна улица... и вообще мнѣ не нравится Мельбурнъ, кромѣ вида съ веранды ратуши.

— Коротко и ясно, сухо замѣчаетъ румяный господинъ. А смѣю спросить, почему вамъ не нравится Блокъ и несчастная улица Боркъ?

— Я бы ничего не имѣла противъ самаго мѣста, еслибы не народъ, который толпится. Нѣкоторыя изъ лавокъ великолѣпны; но развѣ вы не согласны со мной на счетъ Боркъ-Стритъ. Мнѣ кажется, она биткомъ набита всякимъ праздношатающимся людомъ, равно какъ и Калипсъ-Стритъ, хотя тутъ публика, что называется, „чистая“.

— И та и другая—тунеядцы, коротко замѣтилъ м-ръ Пиппинъ.

— Да... но тунеядство въ лохмотьяхъ совсѣмъ непростительно. Я бы желала на время получить обсолютную власть... я бы всѣхъ прогнала съ улицы.

— А куда бы вы ихъ отправили, смѣю спросить?

— Во всѣ эти скучные пустыри, между Изумрудной горой и Мельбурномъ или на болота около станціи желѣзной дороги. Я бы не позволила такой толпѣ празднаго люда даже дышать воздухомъ Мельбурна, когда кругомъ такъ много дѣла.

— Вижу, сказалъ м-ръ Пиппинъ, вы раздѣляете самыя радикальныя идеи на счетъ потребителя, который вмѣстѣ съ тѣмъ и не производитель! Но, къ несчастію для современнаго

поколѣнія тружениковъ, мы, мужчины, слишкомъ тупы или слишкомъ дальновидны, чтобы позволить женщинамъ издавать для насъ законы, и вамъ слѣдуетъ послать своего мужа въ парламентъ, чтобы онъ проводилъ тамъ ваши идеи.

— М-ръ Карпъ членъ парламента? спросила Полина необдуманно.

— Да, отвѣтилъ м-ръ Пиппинъ, съ любопытствомъ взглядывая на нее.

Ихъ взгляды встрѣтились. Они не проронили больше ни одного слова на счетъ силы краснорѣчія Джосіи, но поняли другъ друга.

Послѣ того, м-ръ Пиппинъ прочиталъ цѣлую лекцію Полинѣ по части политической экономіи и былъ очень смущенъ, когда дамы встали изъ-за стола и перебили его диссертацію о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ.

Полина почувствовала себя совсѣмъ чуждой въ гостиной среди всѣхъ этихъ назнакомыхъ дамъ. Поэтому она очень обрадовалась, когда полная, бѣлокурая, добродушная женщина поплыла къ дивану, на которомъ она сидѣла, и усѣлась рядомъ съ ней.

— Со стороны м-ра Карпа очень дурно, что онъ не далъ знать своимъ знакомымъ о вашемъ пріѣздѣ, м-съ Драфтонъ, говоритъ толстуха. Мы бы всѣ побывали у васъ съ визитомъ. Какъ долго еще вы остаетесь въ городѣ?

— Только до завтра, кажется. Мужъ говоритъ, что и безъ того слишкомъ долго не былъ въ помѣстьѣ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ! а вы знакомы хоть сколько-нибудь съ жизнью въ поселкѣ?

— Нисколько; но я увѣрена, она мнѣ понравится.

— Боюсь, это все равно, что обѣщаться полюбить морское плаваніе, пока не побываешь въ морѣ. Но все, конечно, зависитъ отъ характера. Когда я впервые отправилась на поселокъ, прямо изъ дому—правда, что намъ приходилось жить въ шалашѣ и прислугу нельзя было достать ни за какія блага въ мірѣ: всѣхъ охватила золотая горячка—и мнѣ приходилось самой и стряпать, и бѣлье мыть... и нянчить ребенка вдобавокъ.

— О! въ самомъ дѣлѣ! и вы не чувствовали себя несчастной?

Полина глядитъ на большія, бѣлыя руки въ перстняхъ, съ гладкой, нѣжной кожей, и съ трудомъ представляетъ себѣ

эту внушительную особу на колѣняхъ съ половой щеткой въ рукахъ, или передъ лоханкой стирая рубашки мужа.

— Что жъ, это было не особенно пріятно, конечно, засмѣялась ея новая знакомая, но хорошо, еслибы не было чего-нибудь похуже. Вы знаете, въ тѣ дни мы никогда не могли положиться на чернокожихъ. Ну теперь вы найдете въ Рубріи все по-иному. *Мы* говоримъ, что нынѣшніе скуаттеры понятія не имѣютъ о томъ, что такое суровая жизнь. Развѣ только, прибавила она, съ внезапной нѣжностью глядя на кроткое молодое личико, обращенное къ ней, вотъ что: вамъ покажется иногда скучненько, моя милочка. Ну вотъ, не считайте меня навязчивой, но если вамъ вздумается пріѣхать въ городъ одной, безъ мужа за покупками или такъ, чтобы провѣтриться, то пріѣзжайте прямо ко мнѣ! И если вамъ покажется скучно, или понадобится совѣтъ, то напишите мнѣ. У меня тоже есть дочери. Вы, кажется, однихъ лѣтъ съ моей старшей, но, Боже мой! Я еще держу ее въ дѣтской.

И засмѣялась мягкимъ, пріятнымъ, добрымъ смѣхомъ добродушныхъ толстяковъ.

Такія слова, какъ эти, такіе взгляды, какъ взглядъ Пороха, и такой отрывистый разговоръ, какъ съ м-мъ Пиппиномъ, были манной небесной для бѣдной встревоженной Полины. Ей хотѣлось бы броситься въ материнскія объятія этой доброй женщины и подѣлиться съ ней всѣми мучительными мыслями и сомнѣніями. Но такими тревогами, какъ ея, она не должна дѣлиться ни съ кѣмъ. Она должна таить ихъ даже отъ самой себя.

Тутъ джентльмены появились одинъ за другимъ изъ столовой. Добрая толстуха уплыла на другой конецъ комнаты прежде, чѣмъ Полина успѣла поблагодарить ее, а Джоржъ съ раскраснѣвшимся отъ послѣобѣденныхъ возліяній лицомъ отправляется къ дивану.

— Полина, шепчетъ онъ—языкъ у него не заплетается, замѣтимъ мимоходомъ, Джоржъ не доходитъ до этого—но все же онъ никогда не позволилъ бы себѣ шептаться съ женой при гостяхъ, еслибы не выпилъ лишнее,—Полина, ты политиканка. О чемъ, ради Бога, толковалъ съ тобой весь обѣдъ этотъ субъектъ?

— Я не могу пересказать тебѣ всего теперь, отвѣчаетъ Полина, нервно, безсознательно отодвигаясь отъ него; главнымъ

образомъ о безполезныхъ ртахъ и Джонѣ Стюартѣ Миллѣ, и про народъ, который толпится на углу Боркъ-Стритъ.

— Боркъ-Стритъ! восклицаетъ Джоржъ, и мысли его немедленно обращаются къ лошадкѣ! Я надѣюсь, Полина, ты ничего не говорила про то, что была на конномъ дворѣ! Это совсѣмъ неприлично для лэди бывать въ такихъ мѣстахъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы говорили совсѣмъ о другомъ. Сядь пожалуйста, Джоржъ, ты такъ заботишься о томъ, что подумаютъ люди.

— Что подумаютъ? только то, что мы хорошо пообѣдали. Слушай, Полина, человѣкъ я или мышь?

— О, пожалуйста, Джоржъ, не пугай меня! Я тебя, право, не понимаю. Вотъ идетъ твой дядя.

Стальной взглядъ Джосіи словно холоднымъ вѣтромъ обдуваетъ разгоряченную голову Джоржа. Дядюшка поглядѣлъ сначала на молодую чету, а затѣмъ поворачивается къ Джоржу.

— Джоржъ! о чемъ ты думаешь? развѣ ты не видишь, миссъ Смитъ ждетъ, чтобы ей переворачивали страницы?

Миссъ Смитъ дѣйствительно усаживалась на табуретъ передъ фортепіано, задумчиво снимая звенящіе браслеты съ рукъ и готовясь къ исполненію „Home, sweet home“ съ варіаціями.

По временамъ Джоржъ по-старому подпадалъ подъ власть дяди. Теперь былъ одинъ изъ такихъ моментовъ. Онъ пошелъ къ фортепіано точно намагнетизированный.

Джосія занялъ его мѣсто и быстро оглядѣлъ гостей.

Мужчины, съ чашками кофе въ рукахъ, разговаривали между собой или склонялись надъ креслами дамъ. Двое помолвленныхъ влюбленныхъ притворялись, что разсматриваютъ альбомъ съ знаменитостями.

М-ръ Пиппинъ вертѣлся около дивана, занятаго м-ромъ Карпомъ и Полиной. Полина сидѣла неподвижно, съ печальными, опущенными глазами.

Должно быть, въ сущности она сама во всемъ виновата. Если она допуститъ, чтобы слова Джоржа рѣзали ей ухо, то разладъ между ними непремѣнно воспослѣдуетъ. Ея мозгъ просто болитъ отъ того, что онъ не сообразуется съ ея настроеніемъ! Ну, а она сообразуется съ его настроеніемъ? Любовь слишкомъ цѣнная вещь, чтобы онъ сталъ тратить ее на женщину, которая отталкиваетъ его, какъ она только-что сдѣлала.

Джосія рѣзко прерываетъ ея размышленія.

— Слабая голова — вашъ супругъ, м-съ Драфтонъ!

Онъ зорко глядитъ на нее, слѣдя за дѣйствіемъ своихъ словъ. Но ничто въ ея лицѣ не шевельнется, точно она его и не слыхала.

— И слишкомъ увлекается скаковой игрой! продолжаетъ Джосія, рѣшивъ глубже запустить когти. Увидите, если онъ не доведетъ себя до сумы. Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить! Я желаю вамъ добра, а потому говорю это. Совѣтую вамъ теперь же прибрать его къ рукамъ.

Полинѣ прибрать его къ рукамъ! Несмотря на всю горечь, наполняющую ея сердце, она готова почти разсмѣяться при этомъ совѣтѣ.

Ей ли, неопытной дѣвочкѣ, только-что вылетѣвшей изъ родимаго гнѣзда, мечтать объ исправленіи практическаго, самодовольнаго, самоувѣреннаго Джоржа!

Если онъ дѣйствительно ненадежный руководитель въ свѣтскихъ дѣлахъ, то она въ самомъ дѣлѣ подобна утлой ладьѣ безъ руля и безъ вѣтрилъ, и безъ надежды на спасительную пристань.

Джосія видитъ, какъ грудь ея вздымается подъ тяжестью этой новой тревоги.

— Не передавайте мужу, что я вамъ сказалъ. Но отдаляйте его отъ скаковаго поля—вотъ вамъ мой совѣтъ. Да еще помните, м-съ Драфтонъ, что вы имѣете во мнѣ друга.

На эти слова Полина мысленно взмолилась небу, чтобы оно охранило ее отъ дружбы Джосіи.

У непорочной натуры бываетъ инстинктивный страхъ злаго, хотя бы оно было и скрыто.

Полина не разсуждаетъ о томъ, почему она чувствуетъ отвращеніе къ м-ру Карпу. Это отвращеніе инстинктивно—вотъ и все.

М-ру Пиппину не досталось вторично удовольствіе поговорить о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ. Полину засадили за фортепіано, и даже м-ръ Карпъ не остался равнодушенъ къ ея трогательному пѣнію. Бѣдная Полина! съ первыми звуками знакомой пѣсни „Le soleile de ma Bretagne“ она перенеслась назадъ въ Beau-Séjour. Ей казалось, что она опять въ гостиной бабушки и поетъ ей; бабушка въ тактъ качаетъ головой, а розовое личико Пузыря выглядываетъ изъ-за учебника Оллендорфа.

Бѣдная Полина! всего тяжелѣе для нея сознаніе, что она сама устроила свою теперешнюю судьбу.

(*До слѣд. №*).

5373